ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 5.

МАЙ 1912.

ПЕТЕРБУРГЪ.

При семъ номерѣ прилагается портретъ Петра Николаевича Лебедева.

КНИГА 5-я.—МАЙ. 1912.

стран.

I.—ТРИ ДНЯ.—(Окончаніе).—**М. Горькаго** . . . 3

II.—ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ ЗАИМСТВОВАНІЯ И ПРИСПОСОБЛЕНІЯ.—**Максима Ковалевскаго** . . . 47

III.—ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА.—**Владиміра Беренштама** . . . 73

IV.—ГОЛОДНАЯ ДЕРЕВНЯ.—**Тана** . . . 86

V.—МЕЛОДІЯ—Стихотвореніе.—**Н. Минскаго** . . . 115

VI.—СМЕРТЬ ХЕРУВИМЧИКА—(Разсказъ).—**О. Миртова** . . . 117

VII.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. А. БАЛАКИРЕВА СЪ П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ.—(Съ предисловіемъ и примѣчаніями **С. Ляпунова**) . . . 139

VIII.—НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ БИБЛЕЙСКОЙ КРИТИКИ.—**Д. С. Пасманика** . . . 159

IX.—ЛИЦЕЙСКАЯ СТАРИНА.—(Д. Ѳ. Кобеко. «Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843»).—**Нестора Котляревскаго** . . . 181

X.—ЗНАМЕНИТЫЙ СКУЛЬПТОРЪ.—**Дим. Крачковскаго** . . . 193

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Филарета Чернова** . . . 240

XII.—НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ (Der Wetterwart). — (Окончаніе). — Романъ І. П. Геера.— Переводъ съ нѣмецкаго **З. Журавской**. . . . 241

XIII.—ХРОНИКА.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—(Наша сахарная промышленность и брюссельская конвенція).—**Л. Юровскаго**. . . . 295

XIV.—СЪ БЕРЕГОВЪ БОСФОРА.—(Письмо изъ Константинополя).—**А. Тырковой**. . . . 303

XV.—ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ИВАНЮКОВЪ.—(Опытъ характеристики).—**Максима Ковалевскаго** . . . 320

XVI.—ПО ПОВОДУ ДВУХЪ НОВЫХЪ ТОМОВЪ «ИСТОРІИ ЕВРОПЫ» АЛЬФРЕДА ШТЕРНА—**Н. Карѣева**. . . . 339

XVII.—ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛАВИССА.—**Л. Слонимскаго** . . . 344

XVIII.—ЗАМѢТКИ ЖИТЕЛЯ.—«Спасители отечества» и печать.—Споръ о народѣ.—«Братцы-мужички» и «дѣльные» земскіе начальники.—Поднятіе интенсивности приказчичьяго труда.—Лидеры націоналисты.—Маленькій уютный домикъ.—Синодъ, Парижъ, консисторія, Кулябко, два мужа и одна жена.—Рѣдкій губернаторъ. — Уживчивый квартирантъ.—Студенты-академисты.—**Евгенія Чирикова**. . . . 349

XIX.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—Замѣтки о театрѣ.—**С. Адріанова** . . . 362

XX.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики.—**Ч. В—скій**.—Э. Дюркгеймъ. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Пер. съ франц. А. Ильинскаго, подъ ред. В. Базарова; съ предисловіемъ и библіогр. указателемъ русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. Гордона.—**П. Юшкевичъ**.—D-r H. Iordan. Die Lebenserscheinungen und der naturphilosophische Monismus.—Л. Мамлокъ. Стереохимія. Ученіе о пространственномъ расположеніи атомовъ въ молекулѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Съ 58 рис. въ текстѣ.—**А. Щ.**—Atlas de Finlande 1910. Helsingfors. 1911. Fennia, 30. Bulletin de la Société de Géographie de Finlande. Atlas de Finlande, 1910. Texte. I. Nature. II. Population et Civilisation. Helsingfors. 1911.—Х. М. Лебедь-Юрчикъ. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности.—Ив. Шмелевъ. Разсказы т. II.—Верхоустинскій. Разсказы т. I. Изд. Т-ва писателей.—**Е. Колтоновская**.—Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Съ 10-ю портретами и многими автографами.—**Ч. В-скій**.—Образцовый каталогъ книгъ по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. II. Городскія библіотеки. Изд. редакціи журнала «Городское Дѣло», составилъ В. Б. Веселовскій.—**К. П.**—Новыя книги и брошюры . . . 372

XXI.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Трагедія ленскихъ пріисковъ.—Двѣ стихіи, поглотившія «Титаника» и ленскихъ рабочихъ.—Тяжелыя условія труда и жизни ленскихъ рабочихъ.—Мирное теченіе экономической забастовки.—Жесткая неподатливость Ленскаго товарищества.—Ротмистръ Трещенковъ и призраки «политики».—«Такъ жить нельзя».—**И. Жилкина**. . . . 391

XXII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Бомбардировка Дарданелль и ея послѣдствія.—Новые военные законопроекты въ германскомъ сеймѣ.—Думская рѣчь С. Д. Сазонова объ иностранной политикѣ.—Французскія дѣла.—Гибель «Титаника». . . . 401

XXIII.—ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ.—(Некрологъ).—**К. А. Тимирязева** . . . 414

XXIV.—ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—«Такъ было и такъ будетъ!»—Объясненія А. А. Макарова по запросамъ о ленской трагедіи.—«Охранный» уголъ зрѣнія.—«Охранное» обозначеніе границъ экономической и политической стачки рабочихъ. Н. А. Хомяковъ объ итогахъ дѣятельности третьей Думы.—Эпизоды предвыборной кампаніи.—Мѣры обезпеченія «благопріятныхъ» выборныхъ результатовъ со стороны духовенства, губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ.—И. А. Корсаковъ и П. Т. Садовскій †. . . . 419

XXV.—ИЗВѢЩЕНІЕ. . . . 436

XXVI.—ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . 438

XXVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Петръ Николаевичъ Лебедевъ.

24 февр. 1866 г.—1 марта 1912 г.

По фотографіи.

(Автографъ изъ письма къ К. А. Тимирязеву отъ 21 іюня 1911 г. изъ Гейдельберга).

„Вѣстникъ Европы", 1912 г.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1912.

стран.

I. — [illegible]. — М. Горькаго . . . 3

II. — [illegible] И ОСВОБОЖДЕНІЯ. — Максима Ковалевскаго . . . 47

III. — [illegible]. — Владиміра Жирмунскаго . . . 79

IV. — [illegible]. — Тэна . . . 86

V. — [illegible]. — Н. Шапкаго . . . 115

VI. — [illegible]. — (Роман). — С. Фарсова . . . 117

VII. — ПИСЬМА М. А. БАЛАКИРЕВА И. ... ЧАЙКОВСКОМУ. — (Съ примѣчаніями и предисловіемъ С. Ляпунова) . . . 139

VIII. — [illegible]. — Д. К. Ономенко . . . 159

IX. — НЕДАВНЯЯ СТАРИНА. — [illegible] . . . 161

X. — [illegible]. — Дмитрія Крачковскаго . . . 193

XI. — [illegible]. — Александра Чернова . . . 240

XII. — НА СѢВЕРНОМ ВЕРШИНѢ. — (Окончаніе). — Романъ [illegible]. — Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской . . . 241

XIII. — ХРОНИКА. — ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. — [illegible] промышленность и [illegible]. — В. Юрьевскаго . . . 295

XIV. — [illegible]. — А. Тыркова . . . 302

XV. — [illegible]. — (Опыт характеристики). — Максима Ковалевскаго . . . 320

XVI. — ПО ПОВОДУ ДВУХЪ НОВЫХЪ ТОМОВЪ «ИСТОРІИ ЕВРОПЫ» АЛЬФРЕДА ШТЕРНА. — Н. Карѣева . . . 330

XVII. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛАВИССА. — [illegible] . . . 341

XVIII. — ЗАМѢТКИ ЖИТЕЛЯ. — [illegible]. — Евгенія Чирикова . . . 349

XIX. — КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. — [illegible]. — Е. Адріанова . . . 362

XX. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Шахевскій, Н. Т. Короленко. [illegible]. — Ч. В—скій. — [illegible]. — Atlas de Finlande 1910. Helsingfors 1911. Fennia. 30. Bulletin de la Société de Géographie de Finlande. Atlas de Finlande. 1910. [illegible]. Helsingfors, 1911. — [illegible]. — Б. Б. Веселовскій. — [illegible] . . . 372

XXI. — ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — [illegible] . . . 381

XXII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — [illegible] . . . 393

XXIII. — [illegible]

XXIV. — [illegible]

Как видите — проэкты грандіозные и если Ечь дает мнѣ здоровье — я их осуществлю — тут стоит работать.

Хорошо жить и думать в университетскомъ городѣ!

Душевно Вам преданный

П. Лебедев

Сист. 05

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

МАЙ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

ТРИ ДНЯ.[1])

(Окончаніе).

IV.

Николай тихонько вошелъ въ сѣни, остановился передъ открытой дверью въ горницу, гдѣ лежалъ больной и откуда несло теплымъ, кислымъ запахомъ.

На столѣ горѣла лампа; окна были открыты, желтый языкъ огня вздрагивалъ, вытягиваясь вверхъ и опускаясь; предъ образами чуть теплился въ мѣдной лампадкѣ другой, синеватый огонекъ; въ комнатѣ плавалъ сумракъ. Николаю было непріятно смотрѣть на эти огни и не хотѣлось войти къ отцу, на встрѣчу шепоту старухи Рогачевой, стонамъ больного, чернымъ окнамъ и умирающему огню лампады.

— И вотъ, сударыня ты моя,—пѣвуче шептала знахарка Рогачева,—какъ родилось у нихъ второе дитё...

А больной бормоталъ густымъ, всхрапывающимъ голосомъ:

— Хо-осподи... Да-а... да-да-ай...

— Будто проситъ чего?—замѣтила тетка Татьяна.

— Бредитъ! И какъ увѣдомила она...

— О, Хосподи,—всхлипнулъ больной.

Николай, шагнувъ черезъ порогъ, угрюмо сказалъ теткѣ, сидѣвшей въ ногахъ кровати.

— Поправила-бы лампадку-то...

И спросилъ Рогачеву:

---

1) См. апрѣль, стр. 61.

— Хуже стало?

Маленькая, круглая, гладкая старушка, съ румянымъ личикомъ и мышиными глазками, помахивая полотенцемъ надъ головою больного, приторно-ласково отвѣтила, положивъ руку на красный лобъ старика:

— Не замѣтно лучше-то, вотъ ужъ что буде о полночь...

Перекатывая голову по подушкѣ, старый мельникъ хмурилъ брови и торопливо говорилъ:

— Хосподи, Хосподи...

Лицо у него было багровое, борода свалялась въ комья, увеличивъ и расширивъ лицо, а волосы на головѣ, спутавшись, сдѣлали черепъ неровнымъ, угловатымъ. Отъ большого тѣла несло жаромъ и тяжелыми запахами.

— Ничего не понимаетъ? — освѣдомился Николай, отходя прочь.

Знахарка отрицательно покачала головой и угнетенно вздохнула.

— Будто нѣтъ, родимый...

— Меня не спрашивалъ?

— Спрашивалъ, какъ же...

— Когда?

— Да ужъ—давненько...

Николай сѣлъ на лавку, глядя, какъ тетка возится съ лампадой и, обжигая пальцы, дуетъ на нихъ; посмотрѣлъ на стѣны, гладко выскобленныя и пустыя, днемъ желтыя, какъ масло, а теперь—непріятно свинцовыя, и подумалъ:

«Это невѣрно, что отъ обоевъ клопы заводятся, клопы отъ нечистоты. Здѣсь мнѣ придется прожить года два еще—пока строишься, да пока продашь... Передъ свадьбой оклею обоями и стекла вставлю новыя»...

И снова привсталъ на ноги, заглядывая черезъ спинку кровати на большое, вздувшееся тѣло отца.

Гудѣли мухи, ныли комары, гдѣ-то трещалъ сверчокъ, а съ воли доносилось кваканье лягушекъ. Покачиваясь на стулѣ, Рогачева все махала полотенцемъ, и стулъ подъ нею тихонько скрипѣлъ.

— Кто тутъ?—вдругъ строго спросилъ больной и тотчасъ закашлялся.

— Я, батюшка,—отозвался Николай, обходя знахарку и становясь передъ глазами старика. Онъ кашлялъ, надувая щеки, дико выкативъ глаза.

— За докторомъ послали?—хрипѣлъ, высвобождая изо рта дрожащими пальцами усы и бороду.

— Да,—тихо отвѣтилъ Николай.

— Не слышу!

— Послали.

— Кого?

— Ванюшку Скорнякова.

— А Левонъ?

— Пьяный.

— У-у!— застоналъ старикъ, жадно хватая воздухъ широко открытымъ ртомъ.— Вотъ—пьяный, издохнуть не дали, началось...

— Праздникъ сегодня,—напомнилъ Николай.

— Какой праздникъ — отецъ умираетъ! Хозяинъ умираетъ!—плаксиво и зло хрипѣлъ отецъ, хлопая ладонями по постели и все перекатывая голову со стороны на сторону. Уши у него были примятыя, красныя, точно кожа съ нихъ сошла. Онъ глядѣлъ въ лицо сына мутными, налитыми кровью глазами и все бормоталъ непрерывно, жалобно, а сзади себя Николай слышалъ предостерегающій, испуганный голосъ тетки:

— Ванька-то, гляди, поѣхалъ ли? Недавно еще, незадолго до стада видѣла я его около моста, выпивши онъ, съ дѣвками стоялъ...

— Молчи, тетка!—сказалъ Николай.

— Чего?—спросилъ отецъ, испуганно вытаращивъ глаза.— Чего шепчешь?

— Я ничего, батюшка...

А старикъ, точно не вѣря ему, допрашивалъ, едва двигая сухимъ языкомъ:

— На чьей лошади?

— Ванюшка-то?

— На чьей?

— На своей...

— О-охъ,—застоналъ мельникъ, прикрывъ глаза,—на нашей надо было, на нашей...

— Хромаетъ...

— Торопить надо, что вы-и... Го-осподи-и... не одна лошадь-то...

Онъ снова началъ бредить и стонать, а старуха Рогачева сказала, крестясь:

— Охо-хо! Помоги, Матушка, Матерь Божія, грѣшнику темному...

Николай отошелъ къ окну и сѣлъ тамъ, задумавшись; онъ не помнилъ, чтобы отецъ когда-нибудь хворалъ, и еще въ обѣдъ

сегодня не вѣрилъ, что старикъ заболѣлъ серьезно, но теперь—онъ думалъ, безъ страха и безъ сожалѣнія, только съ непріятнымъ холодкомъ въ груди:

«Пожалуй, не встанетъ. Узнаютъ, что не посылалъ я за докторомъ—осуждать будутъ: нарочно, скажутъ, сдѣлано это»...

За рѣкою надъ лѣсомъ медленно выплывалъ въ синее небо золотой полукругъ луны; звѣзды уступали дорогу ему, уходя въ высоту; стало видно острыя вершины елей и кроны сосенъ. Испуганно, гулко крикнула ночная птица; серебристо звучала вода на плотинѣ и ахали лягушки, неторопливо бесѣдуя другъ съ другомъ. Ночь дышала въ окна пахучей сыростью, наполняла комнату тихимъ пѣніемъ темныхъ своихъ голосовъ.

У постели шептались женщины. Тетка Татьяна сухо, обиженно сказывала:

— Конечно, должна его совѣсть мучить, Дашутка-то ему—дочь крестная...

— Умный мужикъ былъ Хомутовъ-то...

— Чего ужъ!

— Справедливый человѣкъ...

— Оттого и сгинулъ! Живи какъ всѣ—небойсь, никто не тронетъ...

Николай вспомнилъ бородатаго рослаго мужика съ худымъ, красивымъ лицомъ и серьезными добрыми глазами, вспомнилъ свою крестную сестру, бойкую, веселую Дашутку и брата ея Ефима, высокаго парня, пропавшаго безъ вѣсти. Слова тетки напомнили ему разсказы Рогачева, обвинявшаго отца въ томъ, что онъ разорилъ и довелъ до тюрьмы кума своего Хомутова. И теперь, слушая шепотъ Татьяны, Николай испытывалъ двойное чувство: ея слова какъ бы нѣсколько оправдывали его холодное отношеніе къ отцу, но, въ то же время, были непріятны, напоминая о Степанѣ: не хотѣлось, чтобы Степанъ былъ правъ въ чемъ-либо.

— Будетъ, тетка!—сказалъ онъ:—Лучше вотъ—какъ насчетъ доктора-то? Не посылалъ я за нимъ, думалъ, обойдется безъ него. Послать, что ли?

Женщины замолчали; слышнѣе сталъ зовущій на волю звонъ воды. Потомъ старуха Рогачева тихонько и какъ бы съ нѣкоторой обидой сказала:

— Что жъ, иной разъ и доктора помогаютъ...

— Ужъ лучше позвать бы, коли проситъ онъ,—подтвердила Татьяна.

— Тогда придется самому мнѣ ѣхать—кого пошлешь?

— Дашку можно,—предложила тетка.—Я схожу, найду ее; она на селѣ шлендаетъ гдѣ-нибудь съ парнями, чай...

— Нѣтъ,—сказалъ Николай, подумавъ, — я самъ съѣзжу. Верхомъ...

Татьяна удивилась:

— Почто верхомъ? А онъ какъ?

— У него своя лошадь есть. Да, можетъ, еще не застану...

Послѣднія слова вырвались какъ-то сами собой. Николай тотчасъ понялъ, что они лишнія и добавилъ:

— Онъ вѣдь тоже гоняетъ день и ночь...

— Теперь, лѣтомъ-то, не больно,—замѣтила Рогачева.

Николай подозрительно взглянулъ на нее и вышелъ изъ комнаты, а вслѣдъ ему, точно подгоняя, текло густое храпѣніе задыхавшагося старика.

Но онъ не торопился, въ немъ колыхнулось что-то тяжелое, сдерживавшее движенія.

— Грѣшникъ темный—вертѣлись въ памяти слова знахарки.

Вывелъ коня, бросилъ на него вчетверо сложенное рядно и шагомъ съѣхалъ со двора въ открытыя темныя ворота.

— Съ Богомъ,—сказала Татьяна.

— Спаси Богъ, — отвѣтилъ онъ машинально.

Ему не хотѣлось ѣхать черезъ мостъ и селомъ. Онъ направилъ лошадь вдоль рѣки; тамъ, версты на четыре ниже плотины былъ бродъ, а еще дальше — другой, новый мостъ. Ѣхалъ шагомъ по узкой тропѣ, среди кустарника; вѣтви щекотали бока лошади, она пугливо прядала ушами, качала головой и косилась, фыркая. Справа по растрепаннымъ кустамъ, освѣщеннымъ луною, ползла тѣнь, шевеля вѣтви, а слѣва, за черной грядою, блестѣла вода, въ свѣтлыхъ пятнахъ и темной узорчатой ткани. На той сторонѣ, у самаго берега тѣсно стоялъ лѣсъ; иногда мелькала, уходя глубоко въ него, узкая просѣка, уже густо покрытая мелкою порослью, и часто тамъ, въ черныхъ вѣтвяхъ что-то вздыхало, вздрагивало.

Онъ дергалъ поводъ, тихонько чмокалъ и думалъ объ отцѣ, какъ бы доискиваясь чего-то прочнаго и рѣшительнаго.

Вотъ—прожилъ отецъ болѣе полувѣка, увеличилъ значительно наслѣдство свое, и за все время, какъ Николай помнитъ себя, онъ не слыхалъ о немъ ни одного искренно-добраго слова. Люди будутъ рады, когда старый мельникъ помретъ. Послѣ него останется много долговъ, надо будетъ собирать ихъ, и Николай зналъ, что это еще больше возстановитъ противъ него людей, хотя—долги платить надо...

«Отказаться развѣ, пусть пойдетъ въ поминокъ ему?»—спросилъ онъ самъ себя, но вспомнивъ, что долги восходятъ до двухъ тысячъ, тяжело вздохнулъ.

«Со многихъ, все равно, ничего не получишь»,—утѣшилъ онъ себя и вдругъ почувствовалъ, что думаетъ обо всемъ этомъ нарочно, чтобы заглушить другія мысли, болѣе серьезныя и—страшныя.

«Почему мнѣ не жалко его?»—спросилъ онъ себя, оглядываясь. И быстро побѣжали настоящія мысли, тѣ, которыя онъ скрывалъ отъ себя.

«Не только не жалко, а просто—хочется, чтобъ онъ померъ... Христина давеча догадалась объ этомъ; она даже прямо намекала, чтобъ не боялся... ужъ, навѣрно, она объ этомъ! Бѣдная, а бѣдные—всѣ жадные. Винить ихъ въ этомъ и нельзя—пожалуй»...

Изъ кустовъ выпорхнула, перелетѣвъ тропу, какая-то птица, испуганная фырканьемъ лошади. Лошадь, вздрогнувъ, остановилась; Николай качнулся впередъ и, разсердясь, ударилъ ее по бокамъ каблуками сапогъ, но когда она пошла рысью, онъ остановилъ ее, продолжая думать все открытѣе.

«Павелъ Иванычъ и Степанъ ждутъ все, что между людями образуется связь и всѣ другъ другу близки будутъ. Нельзя въ это вѣрить, нѣтъ! Если у сына съ отцомъ, у людей одной крови, связи нѣтъ и живутъ они безъ жалости другъ ко другу—чего ждать между чужими? Дѣти не считаются за людей и сами отцовъ нисколько не уважаютъ: это вездѣ! Значитъ—положено это навсегда, если даже между отцами-дѣтьми нѣтъ связи. Вотъ я хочу жить какъ надумалось мнѣ, и сынъ мой тоже захочетъ по своему—вотъ оно что!»

Впереди рѣка развернулась въ небольшое, почти круглое озерко и въ серединѣ его стояла, колыхаясь, черная длинная точка, похожая на выплывшую рыбу. Николай быстро потянулъ поводъ, остановилъ лошадь.

— Степанъ!

Ему хотѣлось поворотить назадъ и онъ сталъ дергать направо, а лошадь топталась на мѣстѣ и не шла въ кусты.

«Услышитъ,—сердито подумалъ Назаровъ. И въ то же время челнокъ вздрогнулъ, поплылъ къ берегу, скользя по свѣтлой, гладкой водѣ быстро, безшумно и оставляя за собою чешуйчатый слѣдъ.

Николай видѣлъ, что ему не миновать встрѣчи съ Рогачевымъ. Это разсердило его, онъ зло ударилъ лошадь; подбрасывая

его, она поскакала, споткнулась, и онъ перелетѣлъ черезъ голову ея въ кусты, а когда поднялся на ноги, Степанъ, разведя руки, стоялъ на тропѣ, чмокая и ласково оговаривая испуганную, топтавшуюся на мѣстѣ лошадь.

— Не ушибся?—участливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — сердито отвѣтилъ Назаровъ и тотчасъ прибавилъ:—Это ты ее испугалъ!

— Ну, вотъ, — усмѣхнулся Степанъ, звучно похлопывая лошадь по шеѣ.—Я вонъ откуда услыхалъ топотъ и вдругъ—что такое? И побѣжалъ.

Говорилъ онъ ласково и весело, видимо чѣмъ-то довольный.

— За докторомъ, что ли?

— Да.

— Хуже отцу-то?

— Хуже.

— Ну, садись, поѣзжай...

Назаровъ, не торопясь, оправлялъ одежу и молчалъ, не вылѣзая изъ кустовъ.

— Да ты, можетъ, ушибся?—безпокойно спросилъ Степанъ, присматриваясь къ нему.—Ты вотъ что: иди-ка домой, а я—поѣду, слышь?

— Не надо. Я—сейчасъ...

Подошелъ къ лошади, взялся за чолку и, усмѣхнувшись, съ неожиданнымъ для себя приливомъ добродушія сказалъ:

— Вотъ такъ полетѣлъ я!

И Рогачевъ усмѣхнулся.

— Бываетъ! А мнѣ, братъ, повезло, да такъ—прямо на диво! Леща зацапалъ фунта на четыре, едва выволокъ, завтра къ Будилову снесу—цѣлковый! Да пару щукъ—добрыя щуки!—Попу—полтина! Да еще не все—въ вентеряхъ, поди, есть что-нибудь и опять переметъ поставилъ. До утра провожусь тутъ...

Николай вздохнулъ и неохотно взвалился на хребетъ лошади.

— Ночь хороша!—задумчиво сказалъ Рогачевъ, отступая въ сторону.—Просто—не ночь а милая подруга... Валяй, поѣзжай, ну!

Николаю тоже захотѣлось говорить дружелюбно, но не было подходящихъ словъ. Онъ гладилъ рукою между ушей коня и улыбался, говоря:

— Да, ночь хорошая...

И вдругъ пробормоталъ почти съ завистью:

— Простая у тебя жизнь, Степанъ...

— Скачи, братъ!

До брода Назаровъ ѣхалъ тряскою рысью, а когда перебрался черезъ рѣку, и передъ нимъ въ ночи жутко встала высокая стѣна молчаливаго хвойнаго лѣса, лошадь снова пошла лѣнивымъ шагомъ.

Тихо думалось о Степанѣ. Конечно, онъ сталъ какъ будто зазнаваться, слишкомъ явно кичился своей книжностью и прямотой своихъ сужденій, а, все-таки, онъ самый хорошій парень въ селѣ и желаетъ всѣмъ добра. Вѣдь и давеча, на мосту, говоря съ дѣвицами, онъ не сказалъ ничего обиднаго...

«Онъ дѣвокъ добру училъ; женѣ овцой не приходится быть. Да. И кто знаетъ, Христина любитъ меня самого, али то, что со мной хорошо-сытно и не въ каторжной работѣ жить можно? А со Степаномъ мнѣ надо быть дружелюбнѣй. Близко особенно—не слѣдуетъ, мало ли что онъ можетъ затѣять? Я буду жить примѣрно, чтобы самъ же Степанъ могъ указать на меня всѣмъ: вотъ, братцы, надо жить какъ Назаровъ живетъ—чисто, скромно, никого не обижая, съ умомъ... Не баринъ онъ, а нашъ братъ, мужикъ, а, все равно, что баринъ. Даже лучше еще! Много лучше».

Дорога была накрыта чернымъ пологомъ сосновыхъ вѣтвей; неподвижный, онъ казался вырѣзаннымъ изъ ночной тьмы. Сквозь узорныя прорѣзы на темные стволы мачтовыхъ сосенъ мягко падалъ лунный свѣтъ; рыжая кора древнихъ деревьевъ отсвѣчивала тусклой мѣлью, а порою поблескивали янтаремъ и топазомъ бугорки смолы. Шумъ копытъ былъ не слышенъ на пескѣ, смѣшанномъ съ измятой хвоей, увлажненномъ ночною лѣсною сыростью; лишь изрѣдка хрустѣлъ сухой сучекъ, да всхрапывала лошадь, вдыхая густой, прохладный, смолистый воздухъ. Въ нѣмой, чуткой тишинѣ, въ темнотѣ, скудно украшенной полосами луннаго свѣта, дорога, прикрытая тѣнями, текла въ даль, между деревьевъ, точно ручей, спрятанный въ травѣ, невидимый и безмолвный. Иногда она упиралась прямо въ толстые стволы и вдругъ круто поворачивала снова въ неисчерпаемую лѣсную тьму, не имѣвшую, казалось, конца.

Онъ дремотно покачивался, думалъ и смотрѣлъ вверхъ на синіе лоскутья неба, гдѣ иногда блестѣли едва различимыя, блѣдныя и маленькія звѣзды.

Вспоминалось, какъ отецъ говорилъ о Степанѣ. Раньше, когда Рогачевъ хаживалъ на мельницу, онъ говорилъ о немъ часто, но однажды особенно вѣско легли въ памяти Николая слова отца:

— Пчелѣ муха — не компанія, такъ и тебѣ не слѣдуетъ водить компанію съ парнями вродѣ Степки. Ты трудомъ, работой дѣда и отца поставленъ независимо хозяиномъ у дѣла, возведенъ на высоту противъ нихъ; тамъ и стой твердо. Ты— другой человѣкъ, отличный отъ нихъ...

Николай незамѣтно привыкъ думать о себѣ, какъ о другомъ человѣкѣ; ощущеніе своей несхожести съ людьми вызывало въ немъ гордость собой, но — каждый разъ, когда онъ встрѣчался со Степаномъ, имъ овладѣвало безпокойство, онъ злился, хмурился. Если же, къ тому, Степанъ говорилъ съ нимъ дружески и мягко, Назаровъ вспоминалъ все сказанное о Рогачевѣ отцомъ, надуманное самимъ, и разсматривалъ эти мысли, сомнѣваясь въ ихъ правильности. Но, въ то же время, онъ чувствовалъ, что за сомнѣніями лежитъ какой-то темный обрывъ и не хотѣлъ, боялся дойти до него.

И теперь, послѣ доброй встрѣчи съ Рогачевымъ, Николай почувствовалъ, что его обняло тугимъ и холоднымъ кольцомъ жуткое, опустошающеее душу ощущеніе одиночества. Онъ испытывалъ это не впервые, но никогда еще съ такой остротой.

«О, Господи Іисусе, — полудремотно думалъ онъ. — Не люблю никого, не вѣрю. Помоги, Господи, поставь на дорогѣ моей человѣка, которому вѣрилъ бы я во всемъ!»

Короткая лѣтняя ночь быстро таяла, черный сумракъ лѣсной рѣдѣлъ, становясь сизоватымъ и холоднымъ. Впереди что-то звучно щелкнуло, точно сразу надломилась упругая вѣтвь; по лапамъ сосны, чуть покачнувъ ихъ, переметнулась черезъ дорогу бѣлка, взмахнувъ пушистымъ хвостомъ, и тотчасъ же надъ вершинами деревьевъ, тяжело шумя крыльями, пролетѣла большая птица—должно быть, пугачъ или сова.

Назаровъ вздрогнулъ, поднялъ голову и натянулъ поводъ; лошадь покорно остановилась, а онъ перекрестился, оглядываясь сонными глазами. Но въ лѣсу снова было тихо, какъ въ церкви; протянувъ другъ другу вѣтви, молча и тѣсно, словно мужики за обѣдней, стояли сосны, поднявъ вершины высоко въ блѣдное небо. И думалось, что гдѣ-то въ сумракѣ нѣкто живой, но невидимый спрятался, какъ попъ въ алтарѣ, и безмолвно творитъ предразсвѣтныя таинства.

«Богъ дастъ, все будетъ хорошо», — медленно зрѣла усыплявшая мысль.

Становилось холодно; на травѣ у корней тускло свѣтились капли росы, ночная тьма все торопливѣе уходила съ дороги въ лѣсъ, обнажая рыжій песокъ, прошитый черными корнями.

Лошадь, зябко встряхивая кожей, потопталась на мѣстѣ и тихонько пошла; верховой покачнулся, сквозь дрему ему показалось, что онъ поворотилъ назадъ, но не хотѣлось открыть глаза; было жалко нарушить сладкое ощущеніе покоя, ласково обнявшее тѣло, сжатое утренней свѣжестью. Онъ еще плотнѣе прикрылъ глаза. Сквозь дрему, онъ слышалъ насмѣшливый свистъ дрозда, щелканье клестовъ, тревожный крикъ иволги, густое, предупреждающее карканье воронъ, и, все поглощая, звучалъ въ ушахъ масляный голосъ Христины:

— Миленькій, миленькій, думаю я, какъ мы жить будемъ съ тобой—хорошо будемъ жить...

Онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ ея теплое дыханіе, щекотавшее глаза, потянулся обнять дѣвушку и—едва удержался на хребтѣ лошади, быстро откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ.

— Что ты, чортъ,—пробормоталъ онъ, щурясь отъ солнца.

Щупая ногой воду, лошадь, опустивъ голову, стояла надъ рѣкой.

Николай прикрылъ глаза ладонью, оглянулся и, смущенный, разсерженный, сталъ бить ногами по бокамъ животное, дергая поводъ.

— Куда ты, куда, дьяволъ?

Лошадь тяжко вздохнула и пошла въ бродъ, онъ безсильно опустилъ руку, предоставивъ ей волю, а когда она перешла на тотъ берегъ, угрюмо подумалъ:

«Стало быть, такъ надо, не зря это»...

И ласково потрепавъ животное по шеѣ, погналъ его быстрѣй. Вотъ снова на розоватомъ серебрѣ воды виденъ челнокъ Степана, большая голова рыбака торчитъ надъ нимъ, слышенъ негромкій вопросъ:

— Съѣздилъ?

— Богъ на помочь!—виновато сказалъ Назаровъ.

— Спасибо, братъ! Скоро ты оборотился...

Не останавливая коня, Николай спросилъ:

— Какъ дѣла?

— Шибко идутъ...

Назаровъ погналъ лошадь быстрѣе. Въ кустахъ хлопотливо щебетали птицы; по ту сторону рѣки ярко горѣлъ лѣсъ, облитый щедрымъ утреннимъ солнцемъ, звенѣли жаворонки. Голова Николая тяжело покачивалась, и онъ лѣниво думалъ:

«Ну, что жъ? Кабы совсѣмъ безъ помощи—другое дѣло, а вѣдь тамъ лекариха есть... Она старушка знающая»...

Но въ груди непріятно покалывало.

Дома, войдя въ комнату отца, онъ сразу успокоился и даже едва могъ сдержать довольную улыбку: старикъ, растрепанный, въ спутанныхъ сѣдыхъ вихрахъ, жалкій и страшный, сидѣлъ на постели, прислонясь спиною къ стѣнѣ и открывъ ротъ.

«Вотъ оно!—воскликнулъ про себя Николай.—Животное-то почувствовало»...

— Ну, что?—спросилъ старикъ, громко икнувъ.

— Не засталъ,—отвѣтилъ Николай не сразу.

— О, Господи...

— Надо будетъ еще сгонять... послать еще кого-нибудь,—бормоталъ Николай, не глядя на больного.

— Пошли-и, пошли-ка,—жалобно просилъ отецъ, снова икая.

Николай вышелъ въ сѣни; у него слипались глаза, и лицо словно паутиной было покрыто. Онъ крѣпко теръ ладонями щеки и слышалъ, какъ тетка Татьяна на дворѣ будитъ Дарью:

— Вставай, слышь! Дашка, лошадь убери...

— А лошадь-то нисколько не устала,—тихо звучалъ слащавый голосокъ старухи Рогачевой,—гляди-ко ты, а?

— И впрямъ вѣдь...

— Взадъ-впередъ двадцать верстъ... Скоро обернулъ...

— Да-а...

Николай, нахмурясь, слушалъ, думая:

«Надо Дашку послать, сейчасъ пошлю»...

И вдругъ очнулся отъ дремоты, вздрогнувъ испуганно:

«Эдакъ пойдетъ про меня слухъ, что я нарочно—ахъ, вѣдьмы!»

Онъ тотчасъ вышелъ на крыльцо, хозяйственно говоря:

— Тетка Татьяна, пускай Дарья запряжетъ гнѣдого, да сейчасъ же ѣдетъ до доктора—живѣе!

Сѣлъ на ступени крыльца и схватился руками за голову, крѣпко сцѣпивъ зубы.

— Икать началъ—это нехорошо!—шептала старуха Рогачева, подойдя ко крыльцу.—Это ужъ всегда передъ концомъ бываетъ...

— Плохо, значитъ?

— Богъ болѣ насъ знаетъ, а по моему разуму—попа надо бы, не доктора...

— Такъ что же...

— Дарья-то пускай бы заѣхала...

— Скажи ей...

— А ты не убивайся, вѣдь не маленькій остаешься, а, какъ быть, хозяинъ...

Николай всталъ и ушелъ въ комнату.

— Надо мнѣ ласково съ ними, а то они меня прославятъ,— думалъ онъ, угрюмо и вяло.

— Что вы всѣ—гдѣ?—встрѣтилъ его отецъ.

— Я—вотъ, батюшка...

— Вотъ... Погодите, успѣете бросить... успѣете...

Николай прижался спиною къ косяку двери, исподлобья глядя на больного: за ночь болѣзнь такъ обсосала и обгрызла старое тѣло, что сынъ почти не узнавалъ отца. Суровое его лицо, еще три дня тому назадъ полное, налитое густой кровью, исчерченное красными жилками, теперь стало землисто-дряблымъ, темная кожа обвисла какъ тряпка, курчавые волосы бороды развились и стали похожи на паутину, красныя губы, всегда масляныя и жадныя, потемнѣли, пересохли, строгіе зоркіе глаза погасли, выкатились, ихъ взглядъ блуждалъ по комнатѣ растерянно, съ недоумѣніемъ и тупымъ ужасомъ. Больной почти непрерывно икалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ; голова его тряслась, переваливаясь съ плеча на плечо, то стуча затылкомъ о стѣну, то падая на грудь; руки ползали по одѣялу на колѣняхъ, щипали его дрожащими пальцами и поочередно то одна, то другая хватались за разстегнутый воротъ рубахи, бились о волосатую грудь. Изъ открытаго рта со свистомъ и хрипомъ изливался тяжелый, острый запахъ, и все это отравленное болѣзнью, рыхлое тѣло, казалось, готово развалиться по постели, какъ перекисшее тѣсто.

— Умираю! — хрипѣлъ старикъ, отдѣляя каждое слово паузой, едва шевеля пересмякшими губами и часто облизывая ихъ сухимъ языкомъ.—Умираю, Николай. Вотъ, живи теперь своимъ умомъ, одинъ... Татьянѣ—сто рублей дай, корову однорогую ей, материно тамъ осталось—ей же... Для жены твоей не годится это. Меня хорони скромно, береги деньги-то... Людямъ—не вѣрь, гляди, обманутъ; никому не вѣрь, женѣ не вѣрь... Кромѣ Бога—никому! Кромѣ Бога—нѣтъ никого у насъ. Господь Батюшка, да ты. Жену держи въ рукахъ, гляди... кто всего ближе, онъ всѣхъ опаснѣй, гляди же... Хомутову Василью пошли полста рублей. Въ Сибири онъ, Василій Петровичъ, въ Бурнаулѣ городѣ. Вотъ куда закинуло человѣка. Степана Рогачева... Степки — берегись, гляди! Онъ тоже — справедливости ищетъ, а чуть что—за горло тебя... Знаю я это! Вотъ и Василій тоже—добра хотѣлъ людямъ мужикъ, травилъ меня, какъ пса

чужого... Деньги береги. Богъ—все знаетъ, Ему цѣна копѣйки извѣстна, Онъ видѣлъ, сколько въ нее вложено... Жениться будешь—выбирай дѣвку здоровую. Это прежде всего надо—здоровье. Василью деньги пошлешь, напиши, что померъ я; несогласенъ былъ я съ нимъ, обижалъ онъ меня, а я его. Три года рычали другъ на друга, лаяли, а вотъ оно... Не было дружковъ крѣпче меня да его! За теткой гляди—воровка она...

Николай сидѣлъ на скамьѣ, держась за нее руками, слова отца толкали и покачивали его, онъ слушалъ ихъ и, чувствуя за ними великое смятеніе отцовской души, сжатой предсмертной тоскою, самъ ощущалъ тоску и смятеніе.

За окномъ весело разыгралось лѣтнее утро—сквозь окропленные росою листья бузины живой ртутью блестѣла рѣка; трава, примятая ночной сыростью, расправляла стебли, потягиваясь къ солнцу; щелкали желтыя овсянки, торопливо разбираясь въ дорожной пыли, обильной просыпаннымъ зерномъ; самодовольно гоготали гуси, недовѣрчиво мычалъ теленокъ, и вдоль рѣки гулко плылъ отъ села какой-то странный шлепающій звукъ, точно по водѣ кто-то шутя хлопалъ огромной ладонью.

Мимо окна, повизгивая и смѣясь, прошли дѣвки работать на огородѣ: Христина, Наталья, Анютка Сорокина и подростокъ Устинка.

— Тише, дылды!—закричала на нихъ Татьяна.

Николай встряхнулся, подумавъ:

«Все какъ слѣдуетъ, какъ всегда было, а отецъ—помираетъ»...

— Иди, поспи, лягъ, — хрипѣлъ отецъ. — Не спалъ ты, иди...

Николай покорно всталъ и пошелъ къ двери, но вдругъ отецъ странно и страшно завылъ, захрипѣлъ:

— Су-укинъ ты сы-инъ! Али не успѣешь выдрыхнуться, когда помру я? А-а, ахъ ты, песъ... безстыжая рожа...

Николай остановился, мотнувъ головою, и уставился на отца испуганными глазами.

— Ты же самъ велѣлъ,—пробормоталъ онъ.

— Самъ, са-амъ, э-хъ ты... Самъ я... песъ, у-у...

Парню показалось, что этотъ хрипъ и вой ударилъ его въ грудь, встряхнулъ и опустошилъ. Онъ оглянулся, замѣтилъ, что фитиль въ лампадкѣ выплылъ изъ жестянаго крестика-держальца и синій огонекъ чуть виденъ.

— Надо поправить...

Качаясь, пошелъ въ передній уголъ, но остановился—отецъ,

привскакивая на постели, грозилъ ему дрожащей рукою и все хрипѣлъ:

— И мать твоя тоже—тоже вотъ все ждала, когда сдохну—дождалась, а? Нѣтъ еще... нѣтъ — погодите... Татьяна знаетъ все...

Какое-то новое, острое и трезвое чувство вливалось въ грудь Николая. Стоя среди комнаты, онъ смотрѣлъ на отца, а кожа на лицѣ у него дрожала точно отъ холода, и сердце билось торопливо.

— Перестань, батюшка!—глухо сказалъ онъ.

Разбирая невѣрными пальцами бороду и усы, мѣшавшіе ему говорить, точно играя пальцами на губахъ, старикъ вздрагивалъ отъ икоты, сучилъ голыми ногами и бормоталъ, захлебываясь:

— Вѣдьминъ сынъ... не криви рожу! Вѣдь она, мать-то твоя, травила меня... оттого вотъ... ранѣ времени помираю... а ты радъ!

— А я—радъ,—неожиданно для себя повторилъ Николай и сначала испугался, но тутъ же вдругъ весь вскипѣлъ холодной и злою обидой.

— Радъ?—повторилъ онъ вполголоса, подвигаясь къ отцу.—Чему радъ? Что денегъ много оставишь? А сколько ты мнѣ ненависти оставишь? Ты считалъ это? Деньги ты считалъ, а какъ много злобы на меня упадетъ за твои дѣла—это сосчиталъ? Мнѣ въ монастырь идти надо изъ-за тебя, вотъ что! Да! Продать все, да бѣжать надо...

— Не смѣшь продать!—дико захрипѣлъ отецъ, выкативъ красные глаза, безсильно взмахивая руками и хлопая ими по колѣнямъ, какъ недорѣзанный пѣтухъ крыльями. Икота, участившись, мѣшала ему говорить, языкъ выскальзывалъ изо рта, лицо перекосилось, сѣдыя пряди волосъ прыгали по щекамъ, путаясь съ бородою. Николай снова двинулся въ передній уголъ, говоря жестко и угрюмо:

— Посмѣю! Кто мнѣ запретитъ? Это не шутка—безъ вины виноватому жить! Продамъ я мельницу, обязательно продамъ! Не хочу...

— Прокляну-у,—сказалъ Фаддѣй Назаровъ ясно и громко, но тутъ же вздрогнулъ и покатился на подушки, дергая ногами.

Сынъ остановился, заглядывая черезъ спинку кровати на тѣло отца, судорожно извивавшееся и хрипѣвшее.

— Неужто отходитъ?—мелькомъ подумалъ онъ, видя какъ шевелятся сѣрые волосы вокругъ рта и дрожитъ, всползая

вверхъ, правая бровь. Осторожно, на цыпочкахъ, вышелъ въ сѣни и крикнулъ громкимъ шепотомъ во дворъ:

— Тетка Татьяна!

Съ огорода доносились дѣвичьи голоса и тихій смѣхъ. Солнце слѣпило глаза, кружилась голова.

— Идемъ-ка,—сказалъ онъ теткѣ,—нехорошо съ нимъ!

Потомъ точно сквозь сонъ онъ видѣлъ, какъ тетка со знахаркой усадили отца въ постели, прислонивъ его къ стѣнѣ. Онъ сидѣлъ, свѣсивъ голову на бокъ и на грудь, какъ бы разглядывая что-то въ ногахъ у себя однимъ вытаращеннымъ глазомъ, догадливо прищуривъ другой и тихонько мыча.

Это сѣрое тряпичное лицо, искаженное хитрой, насмѣшливой улыбкой, словно дразнившее кого-то, показалось Николаю чужимъ и испугало его.

«Пожалуй зря говорилъ я»,—думалъ онъ, покачиваясь на ногахъ.

— Ты бы пошелъ, поспалъ немного,—сказала Рогачиха, дотрагиваясь до его локтя.—Лица нѣтъ на тебѣ...

— А онъ какъ?

— Что жъ онъ? Его дѣло—не въ нашихъ рукахъ... Въ случаѣ—разбудимъ...

Николай вышелъ во дворъ, прошелъ подъ повѣть, легъ тамъ въ телѣгу, полную сѣномъ, и тотчасъ заснулъ.

V.

Разбудила его Дарья. Стоя на ступицѣ колеса, она трясла его за плечо и громко шептала:

— Николай-жа, отходитъ! Встань, говорятъ тебѣ—экой!

— Дай умыться!—сказалъ онъ, вскакивая.

— А, батюшки!—воскликнула Дарья, всплеснувъ руками, и убѣжала.

Подождавъ ее съ минуту, потный, разморенный сномъ, онъ вышелъ изъ-подъ навѣса, щурясь, протирая глаза, приглаживая волосы. Передъ крыльцомъ собрались дѣвки, блеснули карiе глаза Христины. На ступеняхъ стояла, что-то тихонько и торопливо разсказывая, старуха Рогачева. Оправивъ рубаху, онъ быстро прошелъ сквозь толпу дѣвокъ и, все-таки, слышалъ, какъ Анна Сорокина сиповатымъ голосомъ сказала:

— Отецъ—помираетъ, а сынокъ—почиваетъ...

Николай мысленно обругалъ ее, вошелъ въ сѣни и загля-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

нулъ въ комнату: у постели, закрывъ отца, держа его руку въ своей, стоялъ докторъ въ бѣломъ пиджакѣ. Штаны на колѣняхъ у него вздулись, это дѣлало его кривоногимъ; онъ выгнулъ спину колесомъ и смотрѣлъ на часы, держа ихъ лѣвой рукою; за столомъ сидѣлъ широкорожій, краснощекій попъ Афанасій, неуклюжій и большой, точно копна, постукивалъ пальцами по тарелкѣ съ водой и слѣдилъ, какъ тонутъ въ ней мухи.

— Николушка-а!—заныла тетка Татьяна.

Николай отступилъ въ сѣни, а отецъ Афанасій тяжело поднялся на ноги, топая вышелъ къ нему, положилъ на плечо его тяжелую руку и, поталкивая въ темный уголъ сѣней, сказалъ негромко, внушительно:

— Какъ же это ты, а? Экой ты, братецъ мой, а? Надо было раньше позвать меня и доктора,—что же это ты, а?

— Не вѣрилъ онъ докторамъ,—глухо сказалъ Назаровъ.

— Не вѣрилъ?

— Я говорилъ ему, а онъ—не надо...

— Какъ же вотъ тетка говоритъ...

— Вретъ она...

— Въ чемъ вретъ?

— Такъ она все... всегда...

— Татьяна!—позвалъ священникъ:—Подь-ка сюда...

И когда она вышла, отирая передникомъ мокрое лицо, ласково, тихо спросилъ ее:

— Звалъ доктора Фаддѣй-то, велѣлъ звать, а?

Всхлипывая и косясь однимъ глазомъ на дверь, другимъ на Николая, она отвѣтила:

— Бредилъ онъ все, всю ноченьку...

— А доктора-то звалъ?

— Развѣ поймешь? Бредилъ...

— Да погоди! Ты же сказала, что съ утра онъ вчера звалъ еще...

— Не помню я, батюшка, ничегошеньки не помню! Вѣдь горе-то намъ какое...

Священникъ покачалъ головою и сожалительно проговорилъ:

— Эхъ, вы, людіе! Экій вы дикій народъ! Не хорошо, братъ Николай; въ школѣ ты учился, съ учителемъ и по теперь въ компаніи, а не тово... невнимателенъ къ родителю! Вотъ, по винѣ твоей и помираетъ онъ безъ покаянія, видишь, а?

— Оправдался матушкинъ зарокъ!— подумалъ Николай.

— Глухая исповѣдь-то была, а ты—дрыхъ... Да, братъ! Вольнодумецъ ты! Нехорошо!

Въ сѣни вышелъ докторъ. Священникъ спросилъ его:

— Финикъ, что ли?

Докторъ утвердительно кивнулъ головой, вынулъ папиросу, вставилъ ее въ ротъ и пошелъ на дворъ, а попъ за нимъ, кратко бросивъ Николаю:

— Вотъ видишь, а? То-то!

Назаровъ смотрѣлъ черезъ дверь, какъ сопитъ и дергается на сбитой постели разслабленное, непріятно пахучее тѣло отца, шевелятся сѣрые усы на неузнаваемомъ лицѣ. Тучей вились мухи, ползали по клейкому лбу, путались въ бородѣ, лѣзли въ черный ротъ—онъ сурово сказалъ теткѣ:

— Иди, отгоняй мухъ-то!

Со двора въ сѣни наползалъ тихій говоръ дѣвичьихъ голосовъ. Дарья торопливо, какъ сорока, разсказывала что-то, а ее перебивали жадныя восклицанія.

— Неужто?

— Не былъ?

«Это она про меня, пожалуй, плёха»,—сообразилъ Николай и, отворивъ дверь въ клѣть, крикнулъ:

— Дашка!

Она вбѣжала въ сѣни на цыпочкахъ, остановилась, заглядывая въ избу, откуда истекалъ густой храпъ и безпокойное гудѣніе встревоженныхъ мухъ, вытерла рукавомъ рубахи потное лицо, и оно стало испуганнымъ.

— Ты чего тамъ врешь дѣвкамъ?

— Я? Ничего не вру,—шепотомъ отвѣтила она.

— Слышалъ я! Про меня!

— Вотъ те крестъ...

— Погоди!

Николай задумался на минуту—какъ лучше говорить съ ней? Потомъ спросилъ тихонько:

— Знаешь, что не былъ я у доктора?

— Работникъ его сказывалъ...

— А ты разболтала всѣмъ?—зло прошепталъ онъ.—На что?

— Почемъ я знала, что не надо говорить? Да и не я первая-то, а тетка Татьяна! Чай—смѣшно всѣмъ, поѣхалъ, а не доѣхалъ...

Она говорила простодушно и ей, видимо, хотѣлось улыбнуться: толстыя губы дрожали на красномъ, широкомъ лицѣ съ овечьими глазами.

— Дьяволы!—тоскливо сказалъ Николай.—Никого вамъ не жалко...—И вдругъ неожиданно для себя заговорилъ укоризненно:—Тебѣ же хуже, что языкъ распустила зря совсѣмъ! Кто знаетъ, что я сдѣлаю? Можетъ, я бы на тебѣ женился?

— Что я говорю?—спросилъ онъ самъ себя.—Зачѣмъ это?

А Дарья, удивленно открывъ ротъ и смигнувъ глазами, шепнула, точно задыхаясь:

— Какъ же Христина-то?

— Ты работница хорошая,—смущенно молвилъ Николай.—Мнѣ что? Моя воля! Кого хочу, того и выберу! А теперь вотъ...

Онъ замолчалъ, продолжая про себя:

«Начнутъ смѣяться»...

Дарья, закрывъ ротъ ладонью, улыбалась, рѣсницы у нея дрожали, высокая грудь надулась.

— Чему смѣешься?—бормоталъ Николай.—Дуреха! Поди, пошли ко мнѣ Христину, да тихонько, не ори тамъ! А Устюшку пошли на село, пусть найдетъ Степана Рогачева, шелъ бы сюда. Онъ дома, спитъ навѣрно.

И сдѣлавъ голосъ ласковѣе, добавилъ:

— Ты послужи мнѣ честно, за совѣсть, я тебѣ замужъ выйти помогу, поблагодарю хорошо, слышишь? Скажи дѣвкамъ, что совралъ докторовъ работникъ...

Дарья вздохнула, съ сожалѣніемъ прошептавъ:

— Да, ужъ разошлось вѣдь...

— Ну, иди! Ступай!—сердито крикнулъ Назаровъ, присѣвъ на мѣшки съ мукой.

Въ клѣти вкусно пахло сушеными грибами, хлѣбомъ и копченой свининой. Николай вспомнилъ, что онъ не ужиналъ вчера и сегодня тоже не ѣлъ. Сразу мучительно захотѣлось ѣсть, ротъ налился слюною, онъ съ усиліемъ проглотилъ ее, стыдясь своего желанія. Чуть слышно доносились хриплые вздохи умирающаго, тихонько сморкалась Татьяна, а Рогачиха шептала молитвы.

Въ дверь осторожно заглянула Христина, онъ схватилъ ее за руку, торопливо спрашивая:

— Что они говорятъ?

— Кто?

— Дѣвки, ну?

Тихонько выдергивая свои пальцы изъ его руки, она прошептала:

— Пусти-ка, нехорошо тебѣ теперь со мной...

— Что говорятъ?

— Да—ничего! Пусти!—повторила она. И вдругъ, странно дернувъ головою, сказала чуть слышно:

— Не ладно, что не съѣздилъ ты по доктора-то! Вѣдь все одно—умеръ бы онъ, али докторъ поможетъ?

— Значитъ, говорятъ про это?

У него опустились руки; непріятная слабость обняла тѣло, Христина, невнятно прошептавъ что-то, ушла, и тотчасъ въ дверь сунулось оплаканное, фальшивое лицо тетки съ покраснѣвшимъ, точно у пьяницы, длиннымъ носомъ.

— Затворилъ бы двери-то, мухи набьются!

«Слѣдитъ, дьяволъ!»—подумалъ Николай, а вслухъ грубо сказалъ:

— Время тебѣ про мухъ думать! Эхъ, ты..

— Ну, какъ хошь!—вздохнула тетка, исчезая.—Ты теперь хозяинъ...

Время ползло медленно, точно тяжелый возъ въ гору; иногда оно какъ будто совсѣмъ останавливалось, и Николай чувствовалъ тяжесть въ груди; она давила всѣ мысли, внушая желаніе уйти куда-нибудь, спрятаться.

«Придетъ Степанъ—скажу ему все,—соображалъ онъ и пожалѣлъ, что не куритъ. — Вотъ теперь хорошо бы покурить, курильщики говорятъ, что табачный дымъ приводитъ мысли въ порядокъ».—Все сильнѣе хотѣлось ѣсть. Онъ поставилъ локти на колѣни, спряталъ голову въ ладони, чтобы не видѣть съѣстного, и замеръ, безсвязно думая о происходившемъ.

Было слышно, какъ за воротами спорятъ попъ и докторъ, а съ крыльца въ сѣни втекалъ пѣвучій шепотъ Рогачихи:

— И вотъ, сударыни мои, говоритъ онъ ему, начальнику-то: эдакъ вы меня, ваше благородіе, ничему доброму не научите, а у самого кровь-то изъ носа въ два ручья такъ и хлещетъ, такъ и льетъ. Съ того времени и курносъ онъ, а вовсе не отъ французской болѣзни...

— Дашка! Грѣй чугуны!—крикнула тетка Татьяна.

«Это—чтобы покойника обмывать, — сообразилъ Назаровъ.—Вотъ, желалъ я смерти отцовой,—думалъ онъ,—вотъ она, а мнѣ не легко! Будутъ говорить, что я нарочно не ѣздилъ по доктора, ужъ это скажутъ...

— Ну?—раздался на дворѣ строгій возгласъ Рогачева.— Назаровъ вскочилъ, выглянулъ за дверь: Степанъ, поставивъ ногу на ступень и держась рукою за перила, слушалъ быстрый шепотъ матери и перебивалъ ее возгласами:

— Ну, такъ что? Тебѣ какое дѣло? А ты брось ерунду пороть, матушка...

Шагнулъ впередъ и, встрѣтя взглядъ Николая, спросилъ:

— Что, братъ?

— Про что она говорила?

— Да такъ, свое старушечье,—нехотя отвѣтилъ Степанъ, подходя.

Назаровъ ввелъ его въ клѣть, затворилъ дверь и сразу разсказалъ, какъ заснулъ по дорогѣ къ доктору, а лошадь поворотила назадъ. Сначала Рогачевъ слушалъ серьезно, потомъ губы его дрогнули, и по скуластому лицу добродушно расползлась улыбка.

— Во-онъ что! То-то больно скоро ты оборотился! Ну, ѣздокъ!

— Боюсь я—выдумаютъ про меня чего не надо?

— А ты не бойся—ужъ выдумали.

— Ну-у?

— На это, чтобы деготькомъ подмазать человѣка, времени много не надо: въ минуту и готово!

— Какъ же быть?

— Да никакъ! Что тебѣ?

— Что? Хочется жить примѣрно, чтобъ дурного не говорили...

— Не дѣлай—не скажутъ...

— А что я сдѣлалъ?

Степанъ подумалъ и отвѣтилъ просто, безъ упрека:

— Надо было, все-таки, позвать доктора тотчасъ, какъ онъ легъ.

— Да вѣдь никогда не хворалъ.

— И умираетъ—впервой...

Николай замолчалъ, оглянулся и сконфуженно сказалъ:

— А тутъ—ѣсть хочется до смерти!

— Такъ что жъ? Вонъ ѣды сколько...

— «Да стыдно!»—хотѣлъ сказать, а сказалъ:

— Отрѣзать нечѣмъ...

— Чудишь ты что-то — медленно выговорилъ Рогачевъ, сунувъ руку въ карманъ вытертыхъ и заплатанныхъ шароваръ.— Будто ножа въ дому нѣтъ! На, вотъ...

Онъ протянулъ складной ножъ, присматриваясь къ Николаю и говоря:

— Осунулся за ночь то...

Назарову было пріятно услышать это. Кромсая хлѣбъ, онъ переспросилъ:

— Осунулся?

— Да.

— Тяжело мнѣ...

Потомъ, сидя на мѣшкахъ, они смачно жевали хлѣбъ съ

ветчиной. Черезъ минуту дверь открылась, Дарья сунула къ нимъ свое румяное лицо и, пораженно открывъ ротъ, съ ужасомъ прошептала:

— Глядите-тко—ѣстъ!

— Чего тебѣ?—спросилъ Николай. Но она уже исчезла, а Рогачевъ тихо засмѣялся, говоря:

— Побѣжитъ теперь и всѣмъ скажетъ о жестокомъ твоемъ сердцѣ; отецъ у тебя помираетъ, а ты—ѣшь!

Назаровъ отложилъ въ сторону кусокъ хлѣба, всталъ, угрюмо оглянулся и вздохнулъ.

— Надо было дверь запереть...

— Вотъ! — кивнулъ головою Степанъ. — А то не ѣсть, вплоть до поминокъ—еще лучше!

Снова отворилась дверь—тетка Татьяна пропѣла жалобнымъ голосомъ нищей:

— Пошелъ бы ты, Николаюшко, къ родителю-то, въ остатный разъ, поглядѣлъ бы, какъ разстается душенька его добрая съ тѣломъ-плотью-то!

— Иду,—сказалъ Николай, отирая ротъ рукавомъ рубахи, и прежде, чѣмъ тетка скрылась, проворчалъ:

— Слышишь—добрая душенька! Я-те скажу—терпѣть она его не можетъ, отца-то, да и онъ ею помыкалъ хуже, чѣмъ Дашкой, воровкой звалъ и все...

— Ужъ такъ, братъ, повелось,—усмѣхнулся Рогачевъ—всегда передъ покойниками врутъ — мертваго боятся больше, чѣмъ живого...

Николай вздрогнулъ.

— Что ты? Онъ еще не померъ!

— Иди, иди,—сказалъ Рогачевъ.

Около постели, вздыхая, перешептываясь, отирая дешевыя слезы, стояли дѣвки; уже много набилось чужихъ людей изъ села; въ углу торчалъ, потирая лысину, Левонъ, пьяный и скучный съ похмѣлья, а на скамьѣ сидѣлъ древній старикъ Лукачевъ, трясъ желтой бородою и шепеляво бормоталъ, точно молясь:

— Съ малыхъ лѣтъ зналъ его, Господи Исусе, вовсе махонькимъ зналъ...

Крѣпкій запахъ пота дѣвокъ и сырой земли, смѣшанный съ тяжелымъ запахомъ больного, наполнялъ горницу; въ окна, вмѣстѣ съ солнцемъ, смотрѣли чумазыя рожи дѣтей; къ спинкѣ кровати были прикрѣплены двѣ восковыя свѣчи; тихо колебались на ихъ концахъ блѣдные огоньки съ темными зрачками внутри и были они похожи на чьи-то робкіе, полуслѣпые глаза. Отецъ

лежалъ спокойно, сложивъ руки на груди, коротко и отрывисто вздыхая. Въ черные пальцы ему тоже сунули зажженую свѣчу, она торчала криво, поднималась, опускалась, точно вырываясь изъ рукъ, воскъ съ нея капалъ на открытую грудь, а трепетъ огня отражался въ блестящемъ концѣ носа старика и въ широко открытыхъ, уснувшихъ глазахъ.

Глаза смотрѣли сосредоточенно и важно, отраженіе огня свѣчи оживляло ихъ; казалось, что свѣтъ истекаетъ изъ ихъ глубины, что онъ и есть—жизнь. Черезъ нѣкоторое время онъ выльется до конца—тогда старикъ перестанетъ дышать и прекратится это опасное качаніе свѣчи, готовой упасть и поджечь сѣрые волосы на груди умирающаго.

— Царица небесная, Матушка, — всхлипывая шептала Татьяна. Дѣвки сморкались, шелестѣлъ голосъ Лукачева, а Христина, стоя въ сторонѣ ото всѣхъ, наклонивъ голову и глядя на руки свои, беззвучно шевелила губами и пальцами.

«Словно деньги считаетъ»,—мелькомъ подумалъ Николай и спросилъ тетку.

— Гдѣ же попъ?

— Чай пить пошелъ съ докторомъ, послали за нимъ ужъ...

— Христе милостивый,—бормоталъ Лукачевъ,—со святыми упокой идѣ же нѣтъ печали и воздыханія...

Здѣсь печали было такъ много, что Назаровъ чувствовалъ, какъ она, точно осенній туманъ, обнимаетъ все его тѣло, всасывается въ грудь, тѣснитъ сердце, холодно сжимая его, таетъ въ груди, поднимается къ горлу потокомъ слезъ и душитъ.

— Ко-ончился!—неестественно взвизгнула тетка Татьяна.

Николай ткнулся головой въ стѣну и завылъ угрюмымъ, волчьимъ воемъ, топая ногами, вскрикивая:

— Батюшка, какъ же я теперь... Батюшка... родной...

И всѣ выли, точно уставъ покорно молчать, наблюдая тихую работу смерти; хотѣли какъ можно скорѣе оповѣстить другъ другу, что всѣ они остались живы; точно провожали отошедшую смерть этимъ воемъ, истерическимъ визгомъ и саднящими горло криками.

Ослѣпшаго отъ слезъ, испуганнаго почти до обморока Николая Степанъ и Христина вывели на дворъ, на солнце и посадили его подъ окномъ на завалинкѣ. Рогачевъ молчалъ, ковыряя землю пальцами ноги, Христина, наклонясь къ Назарову, плачущимъ голосомъ говорила:

— Николай Фаддѣичъ, миленькій, какъ же быть-то? Всѣ вѣдь помремъ! Не убивайся, не надрывай сердечко твое милое!

День былъ жаркій, сухой, солнце смотрѣло прямо въ мокрое лицо Назарова, щекотало вѣки, заставляя щуриться и сушило слезы, покрывая кожу точно коростой. Онъ двигалъ мускалами, чувствуя все лицо склееннымъ; плакать было неудобно, а перестать—неловко, но уже не хотѣлось плакать.

— Дайте умыться!—попросилъ онъ разслабленно.

Христина убѣжала, а Степанъ сѣлъ рядомъ и негромко посовѣтовалъ:

— Теперь—гляди въ оба! Начнутъ воровать—растащатъ все...

— Кто? Тетка?—спросилъ Николай, настораживаясь.

— Кому удобно, всякій! Ты вотъ что—позови Христинину мать, она баба честная, да и тещей тебѣ будетъ, ей есть интересъ добро твое беречь...

— Это вѣрно,—сказалъ Назаровъ, тяжко вздохнувъ.

Подбѣжала Христина съ ведромъ воды и желѣзнымъ ковшомъ.

— Наклони голову-то! Господи спаси!

Она вылила на голову ему три ковша студеной, какъ ледъ, воды, а онъ судорожно споласкивая одервенѣвшія щеки, думалъ:

— Нѣтъ, это я погожу, не буду звать Христинину матку—такъ сразу весь въ чужія руки попадешь! Кто знаетъ, что я рѣшу? Нѣтъ, это нельзя еще...

А Христина, наклонясь, шептала въ ухо ему:

— Ты бы пошелъ въ избу-то—сейчасъ обмывать станутъ покойника батюшку твоего—ключъ отъ укладки съ деньгами взять бы тебѣ...

— Это надо,—пробормоталъ Николай, отжавъ мокрые волосы, и пошелъ въ избу. Тамъ, раздѣвая трупъ, возились тетка и Рогачиха.

— Да ты согни ему руку-то, экая!—уговаривала старуха Татьяну, а та, покряхтывая, отвѣчала обиженно:

— Легко сказать—согни, не подниму я его...

Покосившись на большое желтое тѣло, Назаровъ спросилъ:

— Гдѣ ключъ?

— Тутъ гдѣ-нибудь... погляди подъ подушкой,—отвѣтила Татьяна, поддерживая тяжкое тѣло въ то время, какъ знахарка стаскивала съ него рубаху.

Ему не хотѣлось совать руку подъ подушку; она казалась влажной и липкой, и онъ зналъ, что подъ нею не найдетъ ключа: отецъ носилъ ключъ на поясѣ. Видя, какъ опасливо шмыгаетъ тетка большимъ своимъ носомъ, стараясь не глядѣть въ лицо Николая, онъ понялъ, что она уже спрятала ключъ, и снова спросилъ:

— Поясъ гдѣ?

— Да погоди, батюшко, постыдись, чать, видишь—дѣло дѣлаю,—укоризненно и громко сказала Татьяна.

Николай смутился, а старуха Рогачева скомандовала:

— Теперь—снизу подними!

Татьяна выпустила тѣло брата изъ рукъ, оно шмякнулось о постель, голова упала на подушку бокомъ; на глазъ усопшаго наползла со щеки кожа. Николаю показалось, что отецъ подмигиваетъ ему, словно говоря:

— Вотъ, братъ, какъ со мною обращаются, а?

— Господи, спаси, помилуй,—бормотала знахарка, стягивая штаны съ толстыхъ ногъ покойника.

— Давай ключъ,—глухо сказалъ Назаровъ, подвигаясь къ теткѣ. Она окинула его суровымъ взглядомъ и, сунувъ руку за пазуху, швырнула къ ногамъ племянника грязный шнурокъ.

— На, бери... Задябелъ...

«Выгоню ее»,—рѣшилъ Назаровъ, нагибаясь, чтобы поднять ключъ.

На дворъ онъ вышелъ сцѣпивши зубы, угрюмый и подавленный. Сѣлъ рядомъ со Степаномъ на завалинкѣ и сказалъ, жалуясь:

— Тетка ужъ подобрала ключъ-то...

— Какой?

— Отъ денегъ!

— Такъ, — равнодушно отозвался Рогачевъ. Онъ рѣзалъ ножемъ поплавокъ изъ куска сосновой коры, а у ногъ его безстрашно прыгали воробьи, поклевывая стружки и разочарованно отскакивая.

Назарову хотѣлось говорить о похоронахъ отца — какъ лучше сдѣлать ихъ, о необходимости прогнать тетку, о Христинѣ и своихъ планахъ, но онъ не находилъ словъ и, отягченный желаніями, вздыхалъ, почесывая мокрую голову. По двору бѣгали дѣвки, нося воду, точно на пожаръ; ими хозяйственно командовала Дарья. Безцѣльно расхаживалъ скучный, измятый Левонъ, пиная ногами все, что попадалось по дорогѣ ему. Вотъ Дарья облилась водою и стала встряхивать юбку, высоко обнажая крѣпкія ноги.

«Здоровая дѣвка!—задумался Николай, глядя на нее.— Смирная. Что хочешь, то и сдѣлаетъ... Сирота, къ тому же»...

И думая это, вслухъ медленно говорилъ:

— Просто какъ все...

— Что?—освѣдомился Степанъ, не взглянувъ на него.

— Да вотъ... былъ человѣкъ, распоряжался, боялись его, и вдругъ нѣтъ человѣка!

— Другой будетъ.

— Это ты про меня?

— Хоть про тебя.

— Да-а, я ужъ другой...

Степанъ, взвѣсивъ на ладони вырѣзанный поплавокъ, обдулъ съ него пыль.

— Не вѣришь?

— Чему?

— Что другой я буду?

— Конечно такъ, другой!—не сразу отвѣтилъ Степанъ, глядя въ открытыя ворота на рѣку.

— Не вѣришь! — сказалъ Николай, вздыхая, и опустилъ голову.

— Отчего? — неохотно говорилъ Рогачевъ. — Это хоть и говорится, что яблоко отъ яблони не далеко падаетъ, однако— не всегда такъ на дѣлѣ-то! Ты, конечно, еще меньше мужикъ, чѣмъ твой отецъ былъ, что тебѣ деревня? Ты вѣдь и самъ говоришь, что лучше жить въ сторонѣ отъ людей...

Вздохнувъ, онъ замолчалъ, какъ бы вслушиваясь въ сказанное имъ; потомъ добавилъ, нехотя и вяло:

— Не весьма, братъ, дѣла идутъ у насъ: расходится народъ кто куда, одинъ—въ купцы, другой—въ жулики, третій— въ нищіе! Родитъ насъ, родитъ мать-деревня, а мы ей будто чужіе! Это, все равно, какъ съ хлѣбомъ—отпустили хлѣбъ на сторону, продали, а самимъ жрать нечего. Такъ и толчемся на одномъ мѣстѣ, безъ хлѣба, безъ ума...

Эти слова не будили у Назарова ничего, кромѣ стѣснительнаго чувства недовѣрія къ Степану и напоминали ему сложенную веселымъ Минькой Кудиновымъ пѣсенку о мужикахъ:

— Говорилъ баранъ баранамъ:
Поумнѣть, ребя, пора намъ...

«Не подходятъ мужику не мужицкія мысли, книжное все. Когда Будиловъ такъ говоритъ—одно дѣло, а для мужика— не годится»,—думалъ Николай; потомъ неожиданно для себя сталъ говорить вслухъ:

— Не въ ладу съ тѣмъ, что есть, думаешь ты. Ты гляди: никто никому не вѣритъ, всякій хочетъ съѣсть свой кусокъ въ одиночку, въ сторонкѣ отъ людей! Я не спорю съ тобой, я себѣ говорю; мнѣ это дѣло рѣшить надо...

— Ты рѣшилъ ужъ...

— Одно скажу: всѣ, кто поумнѣй, сейчасъ отходятъ прочь отъ людей-то. Ты знаешь. Вонъ Минай Кудиновъ — въ учителя. Алеша—въ лѣсники... да! Ты самъ уйдешь... Навѣрно уйдешь!

Рогачевъ приподнялъ свое татарское лицо, поглядѣлъ въ небо, сощуривъ глаза, и сказалъ:

— Полдень.

И обернулся къ товарищу бокомъ, глядя на деревню изъподъ широкой ладони. Назаровъ почувствовалъ себя обиженнымъ.

Солнце стояло въ зенитѣ; посреди села, точно огромный костеръ, ярко горѣла красная церковь; отъ пяти ея главъ во всѣ стороны, какъ иглы ежа, раскинулись, ослѣпляя, бѣлые лучи, а золоченый крестъ колокольни таялъ въ синемъ небѣ, потерявъ свои очертанія. Надъ песчаными буграми струился горячій воздухъ, синеватая пелена покрывала лѣсъ, по берегу рѣки бродили полуголые ребятишки, до смѣшного маленькія издали. Раскрашенныя солнцемъ поля, густо одѣтыя въ золото ржи, казались пустынными; горячая тишина стояла надъ ними. Доносился сытный запахъ гречихи, и всюду, съ нагрѣтой земли, напрягаясь, поднималось къ небу живое.

Неподвижно стояли деревья, лѣниво опустивъ долу насыщенные солнцемъ листья, замерла свѣтлая рѣка, все какъ будто перестало дышать; только воробьи купались въ пыли, да изъ окна избы, вмѣстѣ съ тяжелымъ запахомъ, изливались скучныя слова тетки:

— Живешь — живешь, работаешь — ломишь спину, да и охнешь. Господи!

— Положено намъ мучиться...

— Обѣдать!—крикнула Дарья.

Молчаніе Степана все болѣе обижало Николая; въ головѣ у него мелькали задорныя, злыя слова и мысли, но онъ понималъ, что съ этимъ человѣкомъ безполезно говорить, да и лѣнь было двигать языкомъ—тишина и жара вызывали сонное настроеніе; хотѣлось идти въ огородъ, лечь тамъ въ тѣнь, около бани, и лежать, глядя въ чистое небо, гдѣ тонутъ и таютъ всѣ мысли и откуда вливается въ душу эта сладкая спокойная пустота.

Ему такъ захотѣлось этого, что онъ долженъ былъ напомнить себѣ:

«Отецъ померъ»...

Подошла Дарья.

Рогачевъ поднялся и пошелъ въ огородъ.

— Надо еще поплавокъ сдѣлать...

— Я не стану обѣдать,—сказалъ Николай.

Дарья двинулась прочь, но вдругъ замялась, оборотилась къ нему и попросила:

— Николай Фаддѣичъ, ты тамъ въ клѣти ѣлъ, такъ ты скажи теткѣ Татьянѣ, что это ты, чтобы мнѣ не отвѣчать...

— Она тутъ—не хозяйка,—сурово сказалъ Николай.

— Ты, все-таки, скажи...

— Ладно.

Дарья ушла, а онъ, глядя вслѣдъ ей, подумалъ:

«Не больно статна... да—сирота, вотъ что! А у Христины—мать, дядья: люди бѣдные, наянливы будутъ... Это надо обдумать... И вѣдь намекала она мнѣ, чтобы я съ батюшкой самъ покончилъ—это вѣрно, намекала! А коли у ней къ одному человѣку жалости нѣтъ, и ко другому тоже не хватитъ... Все это надобно обдумать, подробно»...

Онъ сгребъ ногами кучу земли, поглядѣлъ на нее—она показалась ему похожей на могильный холмъ, и онъ тотчасъ разровнялъ ее.

«Если дать Степану денегъ взаймы на обзаведенье, на женитьбу—тогда онъ, пожалуй, иначе поведетъ себя со мной... Не станетъ говорить объ этомъ»...

Подъ повѣтью собрались за длиннымъ столомъ дѣвки, туда прошла тетка со знахаркой, Назаровъ проводилъ ихъ озабоченнымъ взглядомъ и самъ себѣ отвѣтилъ:

«Нѣтъ, не надо этого... Этимъ его едва ли остановишь... Должникъ другомъ не бываетъ»...

Съ нагрѣтой земли двора поднимались одуряющіе запахи и среди нихъ ясно различался вытекавшій изъ окна запахъ мертвеца.

— Трудно будетъ мнѣ! Станутъ говорить, что я хотѣлъ смерти отцу, нарочно доктора не звалъ, и къ его грѣхамъ, на меня оставленнымъ, этотъ прибавятъ еще!

Ему стало горько думать о будущемъ, на глаза выкатились слезы и снова захотѣлось уйти куда-нибудь.

«Въ лѣсъ хорошо бы... А Будилова надо извѣстить, что померъ отецъ-то! Вотъ-те и долговѣчны мельники! Ошибся, баринъ... Какъ бы и мнѣ не ошибиться въ чемъ»...

Жара, сгущаясь, вызывала жажду. Онъ облизалъ губы и крикнулъ къ повѣти:

— Дарья, дай квасу!

Тамъ зашумѣли, нѣсколько разъ повторивъ торопливо и озабоченно:

— Квасу! Квасу проситъ...

Назаровъ внутренно усмѣхнулся; этотъ шумъ былъ пріятенъ:

— Признали хозяиномъ...!

Вышла Дарья съ ковшомъ въ рукѣ, шла не торопясь, вытянувъ руку и глядя въ ковшъ, подошла и сказала ласково:

— Выпей на здоровье!

Онъ выпилъ, отдалъ ковшъ, внимательно оглянулъ ее съ ногъ до головы, какъ лошадь, и, кивнувъ головою, кратко бросилъ:

— Спасибо!

Освѣженный, отодвинулся изъ-подъ окна, прислонился спиною къ бревнамъ избы и, закрывъ утомленные блескомъ солнца глаза, успокоенно подумалъ:

— Песъ съ вами со всѣми, проживу и одинъ! На кой лядъ вы мнѣ?...

Къ воротамъ шелъ рыжій пѣтухъ, важно поднимая ноги и покачивая тяжелымъ гребнемъ, за нимъ спѣшили три курицы, а сзади шагалъ Степанъ, очищая ножемъ кусокъ коры и наклонивъ голову. Солнце уже передвинулось за полдень, и слѣва отъ Степана по шероховатому двору ползла тѣнь, короткая, не похожая на тѣни другихъ людей.

— Ты что куръ гонишь?—неласково сказалъ Назаровъ и крикнулъ, ударивъ ногой о землю:—Дашка, гляди: куры уходятъ за ворота, розиня!

Степанъ, не останавливаясь, исподлобья взглянулъ на него и громко сказалъ:

— Мнѣ надобно на рѣку сходить, я скоро вернусь...

Назаровъ напрягся, покраснѣлъ; ему хотѣлось сказать товарищу какое-то важное рѣшительное слово, но слова не нашлось и, глядя въ широкую спину Рогачева, онъ невнятно пробормоталъ:

— Ну, что жъ... иди... прощай...

VI.

Дарья, размахивая лопатой, загоняла во дворъ куриць; пѣтухъ шелъ не торопясь и величественно, а куры истерически кудахтали, метались, растопыривъ крылья и пыля. Съ кускомъ хлѣба во рту и огурцомъ въ рукѣ, Дарья топала тяжелыми сапогами и мычала:

— У-у, дуй васъ горой!...

Ея большія груди тряслись подъ рубахой, какъ вымя стельной коровы, и животъ у нея былъ великъ, какъ у беременной, а ступни ногъ, казалось, не имѣютъ костей.

«Неряха,—сердито думалъ Назаровъ, глядя на нее исподлобья,—нескладная! Какъ ее ни одѣнь—все ступа будетъ. Такою женой не похвастаешься... Все это я зря... тороплюсь все»...

Онъ угрюмо оглянулся: по двору лѣниво расходились дѣвки, отяжелѣвшія отъ ѣды. Христина шла въ обнимку съ Натальей и черезъ плечо оглядывалась на него, хмуро и задумчиво прикусивъ губы, а Наталья, тихонько посмѣиваясь, что-то говорила ей въ ухо—былъ виденъ ея темный, бойкій глазъ.

«Покойникъ въ домѣ, а она смѣется»,—подумалъ Назаровъ. Потомъ, когда онѣ ушли въ огородъ, всталъ, поглядѣлъ на рѣку, гдѣ въ кустахъ мелькали, играя, ребятишки, прислушался къ отдаленному скрипу плохо смазанной телѣги; потомъ, ища прохлады, прошелъ въ сарай. Тамъ, услыхавъ дѣвичьи голоса на огородѣ, онъ пробрался осторожно къ задней стѣнѣ, нашелъ въ ней щель и сталъ смотрѣть: дѣвки собрались въ тѣни, подъ сосной; тонкая худощавая Наталья уже лежала на землѣ, вверхъ лицомъ, заложивъ руки подъ голову, Христина чистила зубы былинкой, присѣвъ на столъ и болтая голою ногой, а Сорокина, сидя на землѣ, опираясь затылкомъ о край стола, вынула лѣвую грудь и, сморщивъ лицо, разглядывала темныя пятна на ней.

— Ай-яй, какъ тебя отдѣлали,—качая головою, сказала Христина, тоже кривя губы.

— Отъ милаго и боль сладка,—сиповато отозвалась Анна, поглаживая грудь.—А вы думати—какъ? Погодите, будете замужни—узнаити скусъ, да-а... Иной щипокъ—какъ огнемъ ожжетъ, будто уголь приложенъ къ тѣлу, ажно сердце зайдется, остановится... Это надо зна-ать...

Наталья медленно и будто сонно спросила:

— Да кто у тебя милый-то?..

— Ужъ есть такой!..

— Гдѣ же? Со всякимъ ты путаешься, кто хочетъ,—строго и пренебрежительно сказала Христина, отбросивъ былинку и нагнувшись сломить другую.

— Съ кѣмъ хочу, да-а,—съ усиліемъ говорила Анна, спрятавъ грудь за пазуху и сладостно вытягиваясь по землѣ.—Я женщина вдовая, бездѣтная, мое дѣло свободное, чистое, съ кѣмъ хочу, съ тѣмъ въ рай и лечу... Закрою глаза—вотъ онъ и онъ, самый желанный, самый разлюбезный...

Повернувшись на бокъ, спиною къ Аннѣ, Наталья позѣвывая выговорила:

— И вѣрно, что живешь ты закрывъ глаза...

— А вижу-то болѣ вашего, дѣвоньки... куда болѣ! Чего желается, то и вижу! Вамъ и во снѣ того не видать, чего я на яву знаю, во-отъ—во снѣ даже...

Она говорила негромко, почти шепотомъ, растягивая слова и чмокая, точно цѣлуя ихъ. Жадно вслушиваясь въ рѣчь ея, Николай понималъ, что Анна поддразниваетъ дѣвицъ, но ея безстыдныя слова пріятно щекотали его. Онъ неотрывно слѣдилъ за игрой ея круглаго, почти дѣвичьяго лица; опухшее, немного уже помятое, оно освѣщалось глазами, голубыми, какъ васильки, и свѣтлыми, точно у ребенка. И ротъ у нея былъ маленькій, ребячій. Когда она улыбалась, на щекахъ и подбородкѣ ея являлись ямки, лицо становилось добрымъ, ласковымъ и какъ-то славно, тихо веселымъ.

«Слова говоритъ безстыжія,—напомнилъ онъ себѣ.—А тѣ, дуры, разспрашиваютъ! Развѣ можно имъ съ такой водиться? Надо сказать Христинѣ»...

Христина тоже сѣла на землю, рядомъ съ Натальей, тихо спросивъ ее:

— У тебя какъ со Степаномъ?

— Да такъ все,—не сразу отвѣтила дѣвушка, вздыхая.—Не въ тѣхъ онъ мысляхъ,—добавила она, подумавъ, а Сорокина вдругъ, приподнявъ голову, сказала съ улыбкой:

— Правда ли, врутъ ли, а есть, будто, дѣвоньки, словечко такое, все позволяетъ по христіански, какъ надобно, и ограждаетъ отъ дѣтей,—ей-бо!

— Ну, врешь,—сказала Христина, хмурясь и строго поджимая губы. Назаровъ это одобрительно отмѣтилъ.

— Я и говорю—не знай, правда ли, это мнѣ Саяновская попадейка говорила...

Надъ выполотыми грядами жуликовато перепархивали воробьи; на вѣтвяхъ сидѣли двѣ вороны и жирно каркали, словно сообщая другъ другу что-то очень важное.

— Не въ тѣхъ онъ мысляхъ, чтобы жениться,—потягиваясь, задумчиво повторила Наталья.—Да и я сама тоже какъ-то...

— Разонравился?

— Нѣе-тъ, зачѣмъ! Онъ парень хорошій... нѣтъ! А такъ, какъ-то—не знаю, что сказать... Дружба у насъ съ имъ...

— Чай то и хорошо!

— Еще бы! Вотъ и боязно будто—женимся, да какъ

начнется бѣдность, да дѣти и все это, какъ положено,—не потерялась бы дружба-то, думаешь...

— Ой, дѣвоньки, дѣвоньки! Не сладка доля рабья, а того горше—бабья... Пожить бы годокъ хоть безъ работы...

Анна засыпала—это ужъ сквозь дрему было сказано ею. Христина заглянула въ остроносое, смуглое лицо подруги и сказала неодобрительно:

— Мудришь ты чего-то!

Не отвѣтивъ, Наталья вздохнула, потомъ спросила тихонько:

— А вы скоро женитесь?

— Торопить буду. Измаялась я отъ этой сухой-то любви..

— Обнимаетесь?

— Ну, а какъ? Чай и вы...

— Не охочъ Степанъ...

— А мой—ухъ какъ!—хвастливо сказала Христина.—Того и гляди обабитъ...

Назаровъ самодовольно улыбнулся, но тотчасъ же подумалъ, невесело и нерѣшительно:

«Анка, пожалуй, проще ихъ... Это все Степаново внушенье! А Хриська рано ротъ разѣваетъ, еще кусокъ не въ рукѣ»...

Онъ разсматривалъ ее, какъ незнакомую, и хотя слова ея были непріятны ему, все-таки, она была красивѣе подругъ—такая сильная, рослая, съ аккуратными грудями.

«Эту хоть въ лохмотья одѣнь, не выдастъ! Барыня! И крѣпости неизсякаемой»...—соображалъ онъ, вглядываясь въ ея властное лицо, съ прямымъ носомъ и темными, строго сросшимися бровями.

— Я даже думаю такъ, чтобы сегодня вечеромъ рѣшительно съ нимъ поговорить...

— Чай погодила бы?

— А чего? Любилъ, что ли, онъ отца-то? Я, дѣвка, душу его знаю—душа у него очень жидкая.

«Такъ!»—мысленно воскликнулъ Назаровъ, крѣпко стискивая зубы.

— Ему это праздникъ—отцова-то смерть.

— Какъ онъ съ докторомъ-то, ай-яй! Ну, безстыжъ!

— Въ отца и пошелъ. Жидоморъ старикъ былъ.

— Чего ужъ...

— Колю надо сразу брать...

— Не боишься?

— Я? Его?

Наталья тихонько засмѣялась, глядя въ лицо Христины, а та, скорчивъ пренебрежительную гримасу, кивнула головою, говоря:

— Я на него слово знаю завѣтное...

— Ну-ка, буду я спать—поясницу ломитъ... Вотъ, далъ Богъ день! Какъ въ печи живешь...

— Обдѣлаю я свои дѣла и тебѣ, Наташъ, не плохо будетъ!—говорила Христина, сдвинувъ брови.—Пустяки надо бросить. Нравится парень, отъ родителей помѣхи нѣтъ, значитъ...

Анна вздохнула и замычала во снѣ, а Назаровъ, откачнувшись отъ стѣны, вышелъ изъ сарая на дворъ и остановился по срединѣ, подъ солнцемъ, одинъ въ тишинѣ...

«Жидкая душа!—съ обидой думалъ онъ, оглядываясь.—Ладно—погоди!..»

На дворѣ было странно пусто и тихо. Изъ телѣги торчала до колѣна голая, красная нога Дарьи, подъ повѣтью храпѣлъ Левонъ, въ сѣняхъ точно шмель гудѣлъ—ворчала Рогачева.

«Умеръ отецъ,—еще разъ напомнилъ онъ себѣ,—а все какъ всегда, какъ слѣдуетъ»...

Это удивляло его и немножко пугало; и удивленіе, и испугъ были мимолетны,—все думалось о Христинѣ, и вдругъ онъ представилъ себѣ ее испуганной до слезъ: стоитъ она передъ нимъ въ одной рубахѣ, лицо блѣдное, глаза часто мигаютъ, а изъ-подъ рѣсницъ катятся слезы, обѣ щеки мокры отъ нихъ и—дрожитъ.

Онъ тряхнулъ головою, усмѣхаясь, и снова предостерегъ себя:

«Не надо торопиться, погодить надобно рѣшать»...

Но въ сердцѣ все болѣе тревожно колебалось безпокойное чувство, вызывая неожиданныя мысли, раскачивая его изъ стороны въ сторону, точно маятникъ. Онъ все яснѣе ощущалъ, что земля стала нетверда подъ ногами у него и въ душѣ какъ будто осенній вѣтеръ ходилъ, покрывая ее время отъ времени скучной, мелкой рябью.

Изъ окна избы на дворъ, въ жаркую тишину, изливался однообразный звукъ: это старуха Паромникова читала псалтирь, Николай разобралъ слова:

— «Что есть человѣкъ, яко помниши его или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ, славою и честью вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею, вся покорилъ еси подъ нозѣ его»...

«Первую кафизму читаетъ,—сообразилъ Назаровъ.—

Очень подходитъ къ отцу: все покорилъ онъ себѣ подъ ноги, крѣпко стоялъ. Дай бы Богъ мнѣ такъ-то!»

Вспомнились разговоры со Степаномъ о томъ, что нельзя понять, существуетъ ли Богъ, но онъ оттолкнулъ эти мысли—сейчасъ онѣ казались лишними, хотѣлось вѣрить, что Богъ есть и поможетъ устроить жизнь прочно и спокойно.

«Вотъ Яковъ Ильичъ понимаетъ, что Богъ поставилъ человѣка надъ дѣлами рукъ Его, а другіе—мало кто понимаетъ это, мужики—совсѣмъ ужъ рѣдко... Вовсе даже непонятно это имъ, оттого и шаткій народъ всѣ они! Нѣтъ, въ Бога надо вѣрить... Глупости все, что нѣтъ Его... Отецъ вѣрно говорилъ: только и есть, что Богъ да человѣкъ... Богъ да я, а на людей нельзя полагаться»...

И въ первый разъ за день, онъ сокрушенно подумалъ:

«Рано померъ отецъ-то; все-таки, недовольно окрѣпъ я, молодъ»...

Вспомнились обидныя слова Христины:

«Жидкая душа»...

Но теперь они не показались обидными, а только всколыхнули сердце завистливымъ вздохомъ:

— Умная чертовка...

Жара обнимала его, ослабляя мысли. Хотѣлось лечь гдѣ-нибудь и подремать, онъ уже пошелъ, но въ воротахъ явилась высокая сутулая старуха, съ падогомъ въ рукѣ, оглянула дворъ, остановила глаза на лицѣ Николая и, бросивъ падогъ на землю, стала затворять ворота, говоря глухо и поучительно:

— Покойникъ въ дому, а ворота отперты! Али еще смерть ждете?

Назаровъ подошелъ и помогъ ей, потомъ она сказала, указывая на землю:

— Сдѣлай уваженіе—подай падожекъ, наклониться мочи нѣту, спинушка болитъ... Рогачиха тутъ, у тебя?

Ему понравилось, что она сказала—у тебя; подавая ей падогъ, онъ ласково отвѣтилъ:

— Здѣсь, а что?

— Надо ее! Шла бы къ Яшинымъ, у нихъ дѣвчоночка на зубъ бороны наступила, кровь заговорить...

— И Христина здѣсь.

— Знаю. Какъ же!..—пробормотала старуха, заглядывая въ окно и крестясь...

У окна явилась Рогачева, онѣ тихо заговорили, а Назаровъ

прислонился къ вереѣ и смотрѣлъ на старуху, быстро вспоминая все, что зналъ о ней.

Одни считали ее полоумной, шалой бабой и ругали; другіе находили, что Прасковья—человѣкъ большого ума, справедливый и добрый. Нѣкоторые мужики приходили къ ней жаловаться на женъ своихъ, другіе кричали, что она портитъ бабъ, а бабы почти всѣ боялись и уважали ее.

Она была сухая, плоская, какъ доска, очень сутула, точно хребетъ у нея переломленъ. Ходила всегда посреди дороги, хотя бы и въ грязь, походка у нея была мелкая, спорая, голова наклонена и лица на ходу не видно, но останавливаясь она поднимала голову и смотрѣла на все усталыми, угрюмыми глазами, неласково и неодобрительно. Лицо у нея было тоже плоское, темное, какъ на иконѣ, во множествѣ морщинъ, носъ крючковатый, какъ у вѣдьмы, губы тонкія, сухія, а подбородокъ—острый. Не вѣрилось Назарову, что она мать Христины, и какъ-то никогда не хотѣлось думать о ней.

Съ крыльца торопливо сбѣжала Рогачева. Прасковья молча повернулась къ воротамъ, но Николай остановилъ ее:

— Останься на минуту, тетка Прасковья!

Она взглянула на него равнодушно и темно и сказала Рогачевой:

— Ну, иди... Догоню...

— Пойдемъ-ка,—дѣловито говорилъ Назаровъ,—надо мнѣ сказать два слова, идемъ на огородъ.

Когда проходили мимо дѣвокъ, раскинувшихся подъ сосною на землѣ, Прасковья взглянула на нихъ, на солнце и проворчала, остановясь:

— Развалились! Пора вставать, работать...

— Погоди, не тронь,—торопливо сказалъ Николай.

— Мнѣ что? Дѣло не мое—твое...

Онъ довелъ ее до бани, присѣлъ на завалинкѣ, похлопалъ ладонью рядомъ съ собою и вдругъ смутился, не зная о чемъ и какъ говорить съ нею.

Потомъ помолчалъ; принявъ солидный, хозяйскій тонъ, заговорилъ, съ трудомъ подбирая слова и запинаясь:

— Вотъ, тетка Прасковья, ты числишься человѣкъ справедливый, хочу я съ тобой потолковать... теткѣ я не вѣрю и батюшка не вѣрилъ ей... а никого больше нѣтъ, такъ вотъ, значитъ, ты...

Онъ плелъ слово за словомъ, глядя подъ ноги себѣ и точно подбирая разсыпанныя мысли, а она долго слушала его, не перебивая, потомъ спросила коротко:

— Про Христину, что ли, говоришь?

— И про нее, конечно...

— Ну, что жъ!.. Дѣло—на всю жизнь... Только—мать я ей, не повѣришь ты мнѣ...

Онъ сказалъ, подумавъ:

— Повѣрю.

Шевыряя въ травѣ концомъ палки, она вполголоса продолжала, не глядя на него:

— Ну, ладно, коли повѣришь! Для крѣпости я тебѣ скажу—уйду я скоро. Меня въ расчетахъ не имѣй.

— Куда-жъ ты?

— На богомолье, ко святымъ. Нажилась, наглядѣлась—будетъ съ меня. Мнѣ, конечно, спокойно это—коли дочь пристроена хорошо. Я те скажу правду про нее, прямо какъ мать скажу: дѣвка она тебѣ очень подходящая. Суровая дѣвка, сердца сухаго, не жалобна, не мотовка, рта не разинетъ, хозяйство поведетъ скупо, ладно. Она тебѣ будетъ въ помощь. Есть дѣвки добрѣй ея, это—такъ, а она тебѣ—лучше. Чего тебѣ не хватитъ, у ней окажется...

Назаровъ слушалъ, вѣрилъ, но чувствовалъ, что сердце у него невесело сжимается. Эта чудная баба говорила какимъ-то неживымъ голосомъ, однозвучно, устало и словно не надѣясь, что слова ея будутъ приняты.

На ветлѣ противъ нихъ сидѣла поджарая ворона, чистила крылья и смотрѣла, избочась, поблескивая вороватымъ глазомъ. Николай свистнулъ; она встряхнулась, расправила крылья, подождала и снова стала чистить перья, покачиваясь.

— А ты уходишь?—спросилъ Назаровъ, глядя на птицу,

— Ухожу. Какъ Богъ дастъ, устроится она, съ тобой ли, съ кѣмъ ли, я и пошла. Шесть годовъ думаю объ этомъ. Ты женись на ней, женись, это лучше всего тебѣ. Мельницу продай, да въ городъ, лавочку открой тамъ—вотъ тебѣ и хорошо будетъ. Она тоже не крестьянка, Хриська-то. Ей за прилавкомъ стоять—самое мѣсто...

— А вѣрно, что справедливая она,—думалъ Назаровъ. Вотъ какъ про дочь говоритъ, словно про чужую. Въ свахи не очень годится. И насчетъ лавочки...

— А за ней надобно будетъ глядѣть хорошимъ глазомъ,—слышалъ онъ, сквозь свои думы, спокойный, ворчливый голосъ.—Дѣвка красивая, тщеславная, ей надо родить почаще, а то она, гляди, не надежна бабенкой будетъ... Ты, положимъ, парень здоровый, ну все-таки...

— Отчего-жъ ты уходишь?

— Какъ это—отчего?

— Ну, жить, что ли, плохо? Отчего?

Искоса взглянувъ на него, она отвѣтила:

— Ото всего я ухожу, отъ людей, отъ села. Человѣкъ я нездоровый, никому не надобный—вотъ и ухожу. А жить—такъ это всѣмъ плохо, не мнѣ одной...

Замолчала, постукивая палкой по тупому носку тяжелаго, мужицкаго сапога, изъѣденнаго грязью. Николай тоже молчалъ съ минуту, думая:

«А, можетъ, она просто—дурашная, потому такъ просто и говоритъ про дочь... глупая и больше нечего»...

— Будилъ бы дѣвокъ-то, — сказала Прасковья, разгибая спину и вставъ на ноги.—Пора, чего спять?

— Можетъ, ты мнѣ, тетка Прасковья, еще что скажешь?

— Про Христину-то?

— Нѣтъ, такъ, вообще... совѣтъ, можетъ, дашь какой?

Передвинувъ губы въ бокъ и скосивъ глаза, она сказала другимъ голосомъ, какъ будто ласковѣе:

— Али у бабъ совѣтовъ просятъ? Вовсе и нѣту такого порядка—смѣшной! Какіе совѣты? Я ничего не знаю!

Ему почудилось, что Прасковьѣ что-то извѣстно, она можетъ что-то сказать ему. И Николай настойчиво заговорилъ, глядя въ ея перекошенное, теперь казавшееся хитрымъ, темное лицо.

— Ну, вотъ,—я молодой, надобно мнѣ жить съ людями—какъ лучше жить? Понимаешь, вдругъ застигло меня, ну-ка, живи одинъ? Да...

— Ничего я не знаю,—повторила она, покачавъ головой.—Это стариковъ спроси! А то — никого не спрашивай: живи и живи! Будь для себя хорошъ, найди какъ тебѣ лучше—вотъ-те и все... Прощай-ка.

Она пошла, покачиваясь, тыкая палкой въ землю и ворча:

— Не догнать мнѣ Рогачиху-то...

А пройдя мимо дочери, постучала концомъ палки по ногѣ ея, Христина приподняла голову, вскочила:

— Что ты, маменька?

— Буде спать-то, — сказала баба, уходя, — гляди, гдѣ солнце-то...

Христина, заложивъ руки за голову, закрывъ глаза, потянулась, выгибая грудь. Николай видѣлъ, какъ развязалась тесемка ворота рубахи и подъ темной полосою загара сверкнуло бѣлое тѣло, пышное, какъ пшеничный хлѣбъ.

— Дѣвки,—сонно бормотала она,—пора вставать—эй...

И вдругъ, увидавъ Николая, вскочила на ноги, пошла къ нему, улыбаясь и тихонько говоря:

— Эко заспались какъ, ну-у! А ты, хозяинъ молодой, чего глядишь, не будишь?

Онъ взялъ ее за руку и, оглянувшись на спящихъ, повелъ къ банѣ, торопливо говоря:

— Мать твоя была...

— Ну? А я думала—приснилась она мнѣ...

— Говорили мы...

— Про что?

— Про тебя...

— А чего про меня?

Онъ ввелъ ее въ предбанникъ, затворилъ ногою дверь и, обнявъ ее, прижалъ къ себѣ, крѣпко прижимаясь въ то же время щекою къ ея груди.

— Нехорошо мнѣ, Христя, — не знаю что дѣлать! Будь родной—приласкай! Поговоримъ, давай, по дружбѣ... Страшно мнѣ что ли?... Подумаемъ, какъ быть-то?

Она охнула, отталкивая его въ плечи и шепча въ ухо, быстро, горячо:

— Пусти, что ты? Пусти-ка! развѣ можно сегодня тебѣ? Больно мнѣ эдакъ-то...

А онъ, вдругъ опьянѣвъ, чувствуя, что сердце у него замерло и горячимъ ручьемъ кровь течетъ по жиламъ, бормоталъ:

— Кристя, приласкайся! Ей Богу, тяжко на сердцѣ, прямо — смерть! Вдругъ одинъ очутился, а ничего не понимаю—какъ надо. Ты приласкай! Вѣдь все равно женимся, ужъ это кончено... Никто не узнаетъ, ну, Христина, родимая...

Она все что-то шептала и билась въ его рукахъ, а онъ чувствовалъ, какъ будто ея горячее тѣло уже крѣпко приросло къ нему и теперь, отрываясь, мучаетъ его жестокою болью.

— Все равно, — просилъ онъ, — пожалѣй, что ли, ну?.. Я-жъ тебя весь вѣкъ любить буду...

Она поставила локоть подъ подбородокъ ему, а другой рукой прижала голову его къ себѣ—Николай задохнулся, выпустилъ ее и, шатаясь, потирая руками сдавленное горло, слышалъ ея трезвый, строгій шепотъ:

— Экой бѣшеный! Что ты это? Въ такой день — тамъ покойникъ, а ты...

— Сама ты—покойникъ,—пробормоталъ онъ въ отчаяніи и въ стыдѣ, что она одолѣла его.—Всѣ вы тутъ покойники...

Оправляя раздерганную рубаху и слѣдя за нимъ однимъ глазомъ, она говорила, глубоко вздыхая:

— Миленькій, вѣдь я не желѣзная, вѣдь я мучаюсь тоже, а ты меня горячишь въ такое время... Надобно потерпѣть до свадьбы...

— А можетъ, и не будетъ свадьбы-то? — неожиданно сорвалось у него и, тотчасъ же испугавшись, онъ мысленно обругалъ себя:

«Эхъ, дуралей»...

Съ минуту Христина молчала, потомъ, поднявъ голову, спросила, негромко, но какъ-то особенно внятно:

— Не будетъ?

— Слышалъ я, какъ ты давеча говорила про меня,—бормоталъ онъ,—я вѣдь въ сараѣ былъ...

— Ну, такъ что?

— Не любишь ты меня!

Она отворила дверь, встала въ ней, какъ въ рамѣ, и сказала:

— Понимаю я тебя! А коли свадьбы не будетъ, такъ ты ко мнѣ и не лѣзь! Вонъ Анютка живетъ для эдакихъ...

— Не хуже тебя,—тихо сказалъ онъ. Христина тихо отвѣтила:

— Вотъ и ладно, коли не хуже.

Пошла прочь, но сдѣлавъ шага три, обернулась и сказала вѣско, сердито угрожающе:

— Только ты знай — безъ меня тебѣ пропасть; понялъ? Какъ хочешь... Затравятъ тебя, заторкаютъ, такъ и знай... Ты вспомни, чего надѣлалъ?

Онъ сѣлъ на лавку, тупо думая:

«Это вѣрно, безъ нея пропадешь съ моимъ характеромъ... Вродѣ пьянаго я — отчего это? Христина знаетъ силу свою и меня знаетъ, вѣрно! Сволочь она и нисколько меня не любитъ — вретъ! А я — ее? И я ее тоже, видно, не люблю, что ли? Ничего нельзя понять... При отцѣ я былъ совсѣмъ другой, а теперь—сразу какъ-то... Матка ея—просто дура, полоумная...»

Тѣло у него налилось ноющей болью, и устало отъ нея голова кружилась, а въ глазахъ вызывающе волновались голыя груди дѣвушки.

«Это она нарочно показывается, — вяло и безсильно думалъ онъ, — она хитрая, знаетъ... И вѣрно, что ей всего лучше за прилавкомъ стоять, это вотъ—вѣрно! Торговка...»

Мысль наткнулась на новую тропу: что, если и въ самомъ дѣлѣ продать тутъ все и уѣхать съ деньгами въ городъ, а тамъ исподволь приглядѣть тихую дѣвицу, жениться и открыть торговлю? Здѣсь — жить не дадутъ, будутъ дразнить отцовыми дѣлами, будутъ напоминать, какъ онъ ѣздилъ за докторомъ, а Христина въ этомъ поможетъ людямъ, въ случаѣ, если дѣло съ нею не сойдется; она не зря говоритъ, что безъ нея — затравятъ! Онъ долго путался въ этихъ противорѣчивыхъ мысляхъ, ставя себя такъ и этакъ, и нигдѣ не видя твердой почвы.

Сквозь неприкрытую дверь былъ виденъ кусокъ синяго неба и скучный узоръ вѣтвей ветлы на немъ. Въ огородѣ работали дѣвки, Анна съ Натальей звонко перекликались, а Христининъ сочный низкій голосъ былъ слышенъ рѣдко, звучалъ сердито и неохотно.

— Николая не видали?—спросила издали тетка.

Христина отвѣтила:

— Въ предбанникѣ сидитъ.

— Чего онъ тамъ?

— Поди да спроси...

— Ой, дѣвка, какая ты неуважительная!

Николай слышалъ, какъ Христина проворчала:

— Работай на васъ, да еще уважай...

Анютка сипло и ласково сказала:

— Отъ жары хоронится...

Пахло паренными вѣниками, гнилью и мыломъ; за окномъ, въ кустѣ бузины чирикали воробьи. Николай сталъ думать объ Анюткѣ: гулящая, а—пріятная. Попроси ее приласкать, не просто, какъ она привыкла, а по хорошему, душевно—она бы навѣрно съумѣла и это. Онъ пользовался ею не одинъ разъ, а она виду не подаетъ, что было у нея съ нимъ. Распутница, а —скромная. Вотъ позвать ее на зло Христинѣ и посидѣть съ нею, поговорить. Если бы не такой день, онъ бы сдѣлалъ это...

«Господи! Какъ трудно одному... Господи!»

Прошла мимо Христина съ граблями въ рукѣ, покосилась на дверь, исчезла, снова явилась, загородивъ щель, сунула въ предбанникъ голову и сказала, спокойно, дѣловито:

— Тамъ мужики пришли, гробъ надо дѣлать и все...

— Ну?

— Шелъ бы туда.

— Сейчасъ... Разсердилась ты?

Она отступила, бросивъ небрежно:

— Чего сердиться? Я тебѣ ни жена, ни что...

«Врешь»,—устало подумалъ Назаровъ, всталъ и пошелъ въ домъ, а впереди его шла съ корзиной огурцовъ на плечѣ Анна, круглая и мягкая. Онъ смотрѣлъ, какъ изгибается ея станъ, вздрагиваютъ, напрягаясь, бедра, и думалъ:

«Встану я на ноги—давить васъ всѣхъ буду, какъ вшей»,—и закончилъ это обѣщаніе крѣпкой, ѣдкой матерщиной.

Въ проходѣ изъ огорода въ сарай, Анна задѣла его корзиной, онъ грубо крикнулъ:

— Тише!

— Ой, не видала я, Николай Фаддѣичъ, прости...

Назаровъ тотчасъ смягчился.

— Не больно.

— А кричишь?..

Онъ заглянулъ въ лицо ей—Анна ласково улыбалась.

— Такъ ужъ это,—смущенно сказалъ онъ,—душа кричитъ...

— Еще бы те молчала!—согласилась Анна.

«Вѣдь вотъ,—думалъ онъ, идя по двору, — много-ль надобно человѣку? Отвѣчай ему согласно, вотъ и все, вотъ онъ и доволенъ бы...»

На дворѣ толклись мужики въ синихъ вытертыхъ портках, въ розовыхъ и красныхъ рубахахъ, босоногіе, растрепанные, и хотя одежа на нихъ была цвѣтная, всѣ они казались сѣрыми, точно долго лежали въ землѣ, только что вылѣзли изъ нея и еще не отряхнулись. Молча дергали его за руку, щупали хитрыми глазами; нѣкоторые мычали что-то, а дурашливый Никита Проѣзжевъ, столяръ, спросилъ тенорком:

— Чать ты, Никола Фадѣвъ, поласкове будешь къ намъ, чѣмъ отецъ былъ—ай нѣтъ?

— Не время, Никита, этимъ разговорамъ!—степенно сказалъ кто-то.

Николай, удрученный своими думами, смотрѣлъ на нихъ какъ сквозь сонъ и не понималъ, чего имъ надо, зачѣмъ пришли? Проѣзжевъ хвастался, что сдѣлаетъ отцу хорошій гробъ:

— Навѣкъ домовину сгоношу, вплоть до второго пришествія!

Кто-то сказалъ угрюмо:

— До страшнаго суда...

— Панафида будетъ? — приставалъ къ Назарову высокій незнакомый старикъ, съ большимъ распухшимъ носомъ и царапиной на щекѣ.

— Тетку спроси, — сказалъ Николай, входя въ сѣни, и слышалъ сзади себя пониженные голоса:

— Убило, все таки-жъ...

— Отецъ, какъ ни какъ...

— Прижало...

— Ничего, оклемается...

А въ избѣ однозвучный голосъ лѣниво и устало выпѣвалъ:

— «Да постыдятся вси кланяющіеся истуканамъ, хвалящіеся о идолѣхъ свои-ихъ...»

Тетка Татьяна, согнувшись, разстилала по полу полотно; надъ головой ея торчали ноги отца, большія, тяжелыя, съ кривыми пальцами. Дрожалъ синій огонь лампады, и желтые огоньки трехъ свѣчъ напоминали о лютикахъ въ полѣ, подъ вѣтромъ.

Дверь въ клѣть была открыта и тамъ въ сумракѣ возилась Анна, огребая въ уголъ огурцы—онъ вошелъ къ ней и сказалъ:

— Тяжело у меня на душѣ, Анна...

— Еще бы,—отозвалась она, ласково, какъ и раньше.

— Ты,—шепнулъ онъ, оглядываясь назадъ,—останься послѣ работы, не уходи...

Она встала на ноги, испуганно прошептавъ:

— Чего-о?

— Надо мнѣ тебя...

Женщина отодвинулась въ уголъ, махнувъ рукою.

— Что ты, что ты?—слышалъ онъ ея тихій, укоряющій шепотъ.—Въ эдакой-то день? Да я за три цѣлковыхъ не согласшусь—что ты!

— Дура!—мрачно сказалъ онъ.—Мнѣ поговорить только, чортъ...

— Знаю я эти разговоры... Ну—охальникъ ты, ну—бесстыжъ! Вотъ я Христинѣ скажу—ай-яй!

«Скажетъ!» — воскликнулъ Николай про себя и даже усмѣхнулся, а потомъ, вслухъ, равнодушно проговорилъ:

— Говори! Это все равно. Мнѣ тебя не за тѣмъ надо, какъ ты думаешь...

— Ну, ужъ,—ворчала она,—знаю я! Пусти-ка!

И прошла мимо него бокомъ.

Онъ долго сидѣлъ одинъ, въ сумракѣ, въ сладкомъ запахѣ свѣжихъ огурцовъ, думая сразу обо всемъ, что дали эти три дня. Смерть отца не удручала его, кромѣ этого какъ будто ничего особеннаго не случилось, а все — было страшно; жизнь стала сразу жуткой и запутанной...

«Встану я на свои ноги»,—хотѣлъ онъ повторить угрозу, но не кончилъ ее, вспомнивъ Анну.

«Пріучилась, шкура, объ одномъ думать и больше ничего не понимаетъ! Христинѣ скажетъ»...

Ему хотѣлось плакать, но злоба сушила слезы; онъ сидѣлъ и качалъ головою.

Снова вошла Анна съ корзиной на плечѣ, ссыпала огурцы въ уголъ и, наклонясь подравнять ихъ, точно переломилась пополамъ.

— Сказала Христинѣ-то?

— И скажу.

— А ты не говори.

— Что дашь?

— Полтинникъ,

— Давай рупь! Ну?

Онъ лѣниво далъ, Анна взяла, расправивъ юбку, сунула монету въ карманъ и сказала, подмигнувъ:

— Ладно. Молчокъ.

Ушла. Назаровъ думалъ, покачиваясь:

«Дешева правда! Положимъ — правды нѣтъ здѣсь. Въ псалтири сказано «ложь конь во спасеніе» — стало быть, на лжи, какъ на конѣ, спасаться можно... А отъ чего? Значитъ—отъ правды, коли на лжи! Священное писаніе, а научаетъ спастись отъ правды»...

Снова въ сѣняхъ зашлепали босыя ступни, теперь вошла Христина и такъ же, какъ Анна, наклонилась, подбирая раскатившіеся огурцы.

«Вотъ изнасиловать, опозорить и бросить,—думалъ Назаровъ,—вотъ форсить и перестанетъ»...

— Сидишь?—спросила Христина, разгибаясь и насмѣшливо глядя на него, а на глазахъ ея блестѣли слезы. Онъ промолчалъ, крѣпко стиснувъ зубы.

— Съ Анкой заигрываешь?—снова проговорила она, подходя къ нему, съ корзиной въ рукѣ.

Николай вскочилъ, взмахнулъ рукою, но дѣвица, бросивъ на руку ему корзину, ускользнула.

— Убью!—пробормоталъ онъ. Изъ двери избы выглянула тетка и тихонько, торжественно сказала:

— Самое время тебѣ дѣвокъ щупать, вотъ, во-отъ...

Назаровъ пошелъ на нее, сопя и размахивая рукою; она торопливо прикрыла дверь.

«Что такое?—думалъ онъ, выходя на дворъ, гдѣ безцѣльно шатались старики и старухи, бѣгали ребятишки.—Это—хоть дались! Господи, помилуй! Ну, ладно, погодите... Все это я запомню въ сердцѣ»...

Вышелъ за ворота и пошелъ къ рѣкѣ, опустивъ голову, сопровождаемый старческимъ бормотаніемъ, вздохами и плачущимъ голосомъ читалки.

Уже заходило солнце, синяя полоса колыхалась надъ лѣсомъ и рѣкою. Изъ-подъ ногъ во всѣ стороны скакали сѣрые сверчки; воздухъ гудѣлъ отъ множества мухъ, слѣпней и осъ. Сочно хрустѣла трава подъ ногою; въ рѣкѣ отражались красноватыя облака. Онъ сѣлъ на песокъ, подъ кустъ, глядя какъ, морщась, колеблется вода, убѣгая вправо отъ него темно-синей полосой, и какъ точно на шелкѣ блестятъ на ней струи.

Думалъ онъ о томъ, какъ жестокъ и безжалостенъ будетъ онъ съ людьми, какъ выгонитъ тетку и не дастъ ей ничего, что велѣлъ дать отецъ. Женится на Христинѣ, будетъ держать ее скупо, одѣвать плохо и—бить станетъ, по щекамъ, по груди и крѣпкому животу. Аннѣ тоже устроитъ какую-нибудь штуку. Онъ примется за дѣла эти тотчасъ, какъ похоронитъ отца, сразу поставитъ себя противъ людей грозно и непримиримо.

Гдѣ-то близко ворковала горлинка, а по рѣкѣ, разрывая ея шелковую ткань, металась рыба, шли круги и стирались теченіемъ. Краснѣло небо, лѣсъ темнѣлъ, точно наливаясь чѣмъ-то мягкимъ, теплымъ и пахучимъ.

— Никола Фаддѣи-ичъ,—крикнула Анна.

Онъ помолчалъ, потомъ сердито отозвался, и она подошла, голоногая, высоко подобравъ юбку и рубаху, улыбаясь пухлымъ, дѣтскимъ ртомъ.

— Тетка Татьяна велѣла сказать—попъ говоритъ, что панафиду на завтра, на полдни отложилъ онъ...

— Его дѣло...

— Скучаешь?—спросила она, наклонясь къ нему.

Онъ не отвѣтилъ и не посмотрѣлъ на нее.

— Слушай, Колюшка,—оглянувшись прошептала она,—я согласна, въ остатній разъ, такъ и быть, приду ночью, ну—хошь?..

— Иди.

— Только ты мнѣ дай пятишну—ты богатый теперь...

— Ладно.

— Вѣдь — грѣхъ тебѣ это и мнѣ, конечно, грѣхъ. Эхъ, Колюшка, Коля, какое все...

— Что?—тихо спросилъ онъ, а Сорокина задумчиво отвѣтила:

— Такъ, какъ-то, не то—жалко всѣхъ, не то—бѣжать бы безъ оглядки, куда!

Онъ вдругъ всхлипнулъ, не удержавшись, поддаваясь чувству тяжкой и злой грусти и забормоталъ:

— Погодите, я вамъ покажу всѣмъ... я это не забуду...

Изъ глазъ его обильно потекли послѣднія человѣчьи слезы; онъ отиралъ ихъ ладонью, и утвердительно кивая головою, ворчалъ, какъ избитая собака:

— Ежели никому никого не жалко, и мнѣ никого не жаль...

— Коль,—шептала Анна, поглаживая его волосы,—мнѣ тебя жалко, ей Богу же, очень жалко...

— Иди, а то увидятъ...

— Не видать. Эхъ, ты погодить бы тебѣ жениться-то, поживи лучше со мной—право! Христюшка дѣвка властная, свертитъ она тебя, скрутитъ...

— Я самъ всѣхъ скручу, — твердо сказалъ Назаровъ и сурово прибавилъ:—Иди, Анка, иди, знай...

Уходя, она шепнула:

— Смотри, не обмани, пятишну—ладно? Я въ баню приду, гляди!..

Онъ молча кивнулъ головой, глядя какъ въ селѣ надъ церковью на красномъ небѣ, точно головни въ заревѣ пожара, мелькаютъ галки. У него въ душѣ тоже вились стаи черныхъ, нелюдимыхъ думъ.

Жаркій день догоралъ; изъ лѣса плылъ синеватымъ дымомъ ласковый и теплый вечеръ.

М. Горькій.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ ЗАИМСТВОВАНІЯ И ПРИСПОСОБЛЕНІЯ.

Со времени выхода книги Тарда, казалось бы, нѣтъ основанія сомнѣваться въ той роли, какую заимствованіе играетъ въ поступательномъ движеніи человѣчества. Безъ него едва ли были бы достигнуты тѣ быстрые успѣхи въ распространеніи знаній, техники и общегражданской культуры, какіе совпадаютъ съ развитіемъ въ древности—эллинизма, въ новое время—ренессанса, просвѣтительной философіи XVIII-го вѣка и т. д. и т. д. Что касается до роста учрежденій, то кому неизвѣстна рецепція римскаго права нѣмцами, сдѣлавшая возможнымъ созданіе общегражданскаго кодекса для нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ жителей, долгое время политически разрозненныхъ, входившихъ или входящихъ еще въ составъ вполнѣ или наполовину самостоятельныхъ государствъ? Кто также станетъ отрицать, что ростъ представительныхъ учрежденій или мѣстнаго самоуправленія на континентѣ Европы вызванъ былъ тѣми потоками подражанія, которые имѣютъ общимъ источникомъ Англію и разлились по Европѣ съ конца XVIII-го вѣка, послѣ того какъ во Франціи сдѣлана была попытка, не сразу удачная и потому нерѣдко возобновляемая, приспособить иноземные порядки къ запросамъ континентальнаго общества на равенство въ свободѣ?

Въ числѣ народовъ, которые много заимствовали у сосѣдей, нельзя не назвать и нашего. Великій Преобразователь несомнѣнно совершилъ рѣзкій переломъ въ самобытномъ укладѣ московской жизни, устраивая у насъ по иноземному образцу не одно только войско и финансы, но и административные порядки, заимствованные имъ изъ Швеціи и Германіи. Онъ надѣлилъ свое

царство коллегіями, согласно совѣту, данному ему Лейбницемъ, и построилъ наши губернскіе порядки на началахъ также занесенной съ Запада централизаціи. Петромъ открывается цѣлое столѣтіе заимствованій. Даже такія учрежденія, какъ наши волостные суды, и тѣ имѣютъ корни въ нѣмецкомъ прошломъ. Ихъ завела у насъ Екатерина II-я подъ именемъ «расправъ» въ самый разгаръ крѣпостнаго права и по примѣру нѣмецкой вотчинной или патримоніальной юстиціи. Съ Александромъ Первымъ, разумѣется, не прекращаются заимствованія. Если верховники временъ Анны Іоанновны имѣли передъ глазами шведскіе порядки, то Сперанскій, несомнѣнно, слѣдовалъ прежде всего французскимъ, а затѣмъ и англійскимъ. Государственный Совѣтъ въ его планѣ скопированъ съ Наполеоновскаго Conseil d'Etat, который въ свою очередь былъ возсозданіемъ Conseil du Roi стараго порядка, со многими, однако, и существенными измѣненіями. Если Совѣтъ, въ концѣ концовъ, получилъ неподобающія ему законодательныя функціи, то только потому, что проектированная Сперанскимъ Дума не осуществилась и пришлось кому-нибудь, хотя и въ уменьшенномъ видѣ, препоручить возлагавшееся на нее дѣло. Въ первоначальномъ проектѣ Государственный Совѣтъ носитъ еще характеръ административнаго учрежденія. По опредѣленію Сперанскаго, «Совѣтъ составляетъ сословіе (?), въ коемъ всѣ части управленія въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству соображаются и черезъ него восходятъ къ Верховной Императорской власти» [1]). Изъ послѣдующихъ словъ Сперанскаго видно, что Совѣту предполагалось предоставить выработку проектовъ законовъ, но отнюдь не самое законодательствованіе, сохраняемое для Думы. Въ лекціяхъ, читанныхъ мною въ Америкѣ, я, говоря о реформахъ Александра I-го и объ участіи въ нихъ Сперанскаго, цитировалъ слѣдующее мѣсто изъ его проекта основныхъ законовъ. По мысли Сперанскаго, Государственный Совѣтъ долженъ былъ служить тому, чтобы поддержать строгое равновѣсіе между тремя властями— законодательной, исполнительной и судебной; въ немъ должны были вырабатываться правила для комбинированнаго дѣйствія этихъ трехъ властей при всякихъ обстоятельствахъ [2]). Государственный Совѣтъ, по мысли Сперанскаго, долженъ былъ заниматься не изданіемъ законовъ, а составленіемъ, подобно фран-

[1]) Статья Сперанскаго «О государственныхъ установленіяхъ» отпечатана въ «Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній» Калачова (1859, кн. 3-я) и перепечатана въ «Планѣ госуд. преобразованій» Сперанскаго (Москва, 1905 г. стр. 256).

[2]) См. русскій переводъ моей книги въ изданіи Глаголева: «Очерки по исторіи политич. учрежденій Россіи», стр. 133 и 134.

цузскому, указовъ, согласныхъ съ существующими законами и поступавшихъ къ исполненію послѣ утвержденія ихъ императоромъ. Только въ виду того, что Дума, затѣянная Сперанскимъ, осталась на бумагѣ, выполненіе функцій, ей предоставленныхъ, перешло къ Государственному Совѣту. Съ 1812-го и до 1905-го года обсужденіе и подготовка законовъ, какъ и составленіе государственной росписи, возложено было на учрежденіе по природѣ своей административное. Но Совѣтъ продолжалъ, по примѣру французскаго, при изданіи новыхъ административныхъ правилъ придерживаться той же фразеологіи, что и его прототипъ. Французское «le conseil d'Etat entendu» перешло въ русское «по разсмотрѣніи предположеній Государственнаго Совѣта», что, очевидно, означало только то, что Государственный Совѣтъ высказалъ предварительно свое мнѣніе по данному вопросу.

Казалось бы, что въ учрежденіи, которое обязано самымъ своимъ существованіемъ заимствованію, соображенія, опирающіяся на примѣрахъ Запада, должны имѣть нѣкоторую силу и значеніе. Но пять лѣтъ, проведенныя мною въ составѣ Государственнаго Совѣта, убѣдили меня въ обратномъ. Я бы рѣшился сказать, что аргументація, приводимая съ трибуны, теряетъ всякій вѣсъ, какъ только ораторъ позволитъ себѣ сказать, что вѣковой опытъ Англіи, Франціи или Германіи клонится къ доказательству того или другого. А какъ воздержаться отъ такихъ аргументовъ, когда заходитъ рѣчь о мировыхъ судьяхъ, о судѣ присяжныхъ, о законодательныхъ палатахъ, о совѣтѣ министровъ и т. д. и т. д., т. е. объ учрежденіяхъ, несомнѣнно заимствованныхъ и еще слабо пустившихъ корни въ русскую почву?

Поэтому, не смущаясь нерасположеніемъ нашихъ правящихъ круговъ ко всякимъ параллелямъ съ Европой, я позволю себѣ занять читателя сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что мы пересадили на русскую почву многія стороны прусской конституціи, которыя въ свою очередь, были частью позаимствованы ею изъ бельгійской; послѣдняя же, въ свою очередь, руководствовалась не однимъ опытомъ Англіи, но и французской конституціей 30-го года. Все это вмѣстѣ взятое должно было бы доказать только то, что въ области государственнаго строительства, рядомъ съ творчествомъ, есть мѣсто и для заимствованій и что самое творчество нерѣдко принимаетъ форму приспособленія заимствованнаго къ мѣстнымъ условіямъ. Разумѣется, такое приспособленіе достигается не сразу и не благодаря изобрѣтательности того или другого бюрократа или дѣйствующей при немъ канцеляріи. Оно является послѣдствіемъ постепенно

проникающаго сознанія, что чужой кафтанъ сшитъ не по мѣркѣ, что надо его удлинить или укоротить, расшить въ извѣстныхъ частяхъ, укрѣпить въ другихъ. Всѣ недостатки «неладно скроеннаго» сказываются «по мѣрѣ носки», и я не отчаиваюсь, поэтому, что тѣ заимствованія, которыя не привились въ жизни или стѣсняютъ правильный ходъ ея, со временемъ не то что отпадутъ, а подвергнутся перестройкѣ по указаніямъ самой жизни. Меня убѣждаетъ въ этомъ ходъ англійскихъ учрежденій. Многое изъ того, что было писано въ законѣ, не находитъ въ Англіи примѣненія на практикѣ, которая сама создавала новые порядки, часто шедшіе въ разрѣзъ съ буквой закона. Приведу слѣдующій, въ моихъ глазахъ разительный примѣръ: въ 1701-мъ году, когда рѣшенъ былъ вопросъ о призывѣ на англійскій престолъ иноземной Ганноверской династіи, парламентъ счелъ нужнымъ выработать нѣкоторыя нормы конституціоннаго характера, чтобы ввести въ границы власть новыхъ правителей. Въ основной законъ объ устройствѣ королевства введено было слѣдующее правило: король долженъ вручать отправленіе высшихъ административныхъ функцій членамъ своего Тайнаго Совѣта, имена которыхъ объявляются во всеобщее свѣдѣніе. Если бы эта норма нашла себѣ осуществленіе, въ Англіи никогда не возникло бы кабинета, т. е. объединеннаго правительства, члены котораго принадлежатъ къ большинству въ Палатѣ Общинъ и въ Палатѣ Лордовъ. По временамъ и въ Тайномъ Совѣтѣ, и въ Палатѣ Лордовъ, и въ средѣ Общинъ раздавались голоса протеста противъ захваченныхъ кабинетомъ функцій. Совѣтники настаивали на смѣнѣ главы правительства; пэры королевства оспаривали право одного человѣка сосредоточить въ своемъ лицѣ всю власть по раздачѣ мѣстъ, наградъ и пенсій. Общины заявляли, что самое имя премьеръ-министра неизвѣстно англійской конституціи. Ничто не помогло: кабинетъ съ его политической отвѣтственностью передъ Палатами сдѣлался важнѣйшей пружиной въ ходѣ парламентской машины.

Не вноситъ ли этотъ примѣръ значительнаго успокоенія въ умы? Не доказываетъ ли онъ, что жизнь и ея требованія сильнѣе личныхъ домысловъ и капризовъ законодателя, и не позволяетъ ли онъ надѣяться, что наши, частью заимствованные, частью исковерканные на новый ладъ учредительные законы со временемъ будутъ исправлены подъ вліяніемъ запросовъ, предъявляемыхъ практикой? А насколько они въ настоящее время нуждаются въ такой чинкѣ, это мы въ состояніи будемъ выяснить попутно, при разсмотрѣніи непосредственно насъ интересующаго вопроса

о томъ, какъ и въ какой мѣрѣ частью англійскіе, частью французскіе порядки, при посредствѣ бельгійской конституціи 1831 г., завоевали прусскій государственный строй, откуда были переброшены и къ намъ.

Чтобы устранить съ самаго начала возможность какихъ бы то ни было сомнѣній на тотъ счетъ, не существуетъ ли въ одномъ воображеніи автора весь намѣченный здѣсь ходъ заимствованія, я подкрѣплю свое положеніе нѣкоторыми фактами. Въ 1847 г. королевскимъ патентомъ 3-го февраля провинціальные штаты отдѣльныхъ частей Пруссіи созываются королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV-мъ на соединенный ландтагъ въ Берлинѣ. Этимъ актомъ кладется начало дальнѣйшему конституціонному развитію страны. Революціонное движеніе 48-го года ведетъ къ созыву Національнаго Собранія, съ учредительною властью. Оно вырабатываетъ проектъ конституціи, въ основу которой кладется заимствованіе бельгійскихъ порядковъ. Слѣдуетъ распущеніе собранія; король октроируетъ собственную конституцію и въ ней, по выраженію Борнгака, для европейской великой державы, военной по преимуществу, не предлагаетъ ничего другого, какъ слѣдовать конституціи Бельгіи—этого вѣчно нейтральнаго мелкаго государства, съ всемогущимъ парламентомъ и одной только тѣнью королевской власти [1]). Не все, разумѣется, заимствовано Пруссіей изъ Бельгіи: знаменитая 63-я статья, напримѣръ, о чрезвычайно-указномъ правѣ короля—этотъ прообразъ нашей 87-й статьи,—взята, разумѣется, на прокатъ не изъ этой страны. Въ бельгійской конституціи нѣтъ ничего подобнаго, такъ какъ въ Бельгіи, какъ и во Франціи со времени іюльской революціи 1830 г., вызванной, злоупотребленіемъ чрезвычайно-указнымъ правомъ, допущеннымъ 14-й статьей конституціонной хартіи Людовика XVIII-го, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы указы не были строго подчинены законамъ, издаваемымъ королемъ не иначе, какъ въ полномъ согласіи съ палатами. Бельгійская конституція опредѣленно высказывается въ этомъ именно смыслѣ; статья 28-я гласитъ: «авторитетное истолкованіе законовъ принадлежитъ одной законодательной власти»; ст. 29-я: «королю принадлежитъ исполнительная власть въ томъ видѣ, въ какомъ она нормирована конституціей», а ст. 67-я объявляетъ: «король издаетъ регламенты и постановленія (arrêtés), необходимыя для исполненія закона, безъ права ни пріостанавливать (suspendre) этого исполненія, ни освобождать (dispenser)

[1]) «Preussisches Staatsrecht», Борнгака. Бреславль, 1911 г., стр. 51.

кого-либо отъ дѣйствія закона». Вотъ почему въ моемъ комментаріи на бельгійскую конституцію и значится, что административное распоряженіе, которому болѣе или менѣе отвѣчаетъ наше понятіе указа, современному бельгійскому праву неизвѣстно, какъ средство распространительнаго толкованія законовъ. Издаваемыя королемъ распоряженія ставятъ себѣ задачей одно приведеніе закона въ исполненіе. По статьѣ 107-й судьи свободны отъ обязанности примѣнять въ своихъ приговорахъ королевскіе регламенты и распоряженія, разъ они не согласны съ законами.

Откуда же, спрашивается, проникла въ прусскую конституцію ст. 63-я, нашедшая себѣ подражателей и у составителей декабрьскаго закона 67-го года, опредѣляющаго государственное устройство Цислейтаніи въ Австрійской Имперіи, и наше чрезвычайно-указное право по ст. 87-й? Истолкователи прусской конституціи указываютъ на конституцію Саксоніи 1831 г., какъ на источникъ, изъ котораго взята ст. 63-я. Отто Гинце, профессоръ исторіи при Берлинскомъ университетѣ, въ недавней статьѣ, напечатанной имъ въ журналѣ Ганца Дельбрюка Preussische Jahrbücher [1]), слѣдующимъ образомъ изображаетъ исторію возникновенія чрезвычайно-указного права въ Пруссіи: впервые о немъ заходитъ рѣчь въ конституціонномъ актѣ 5-го декабря 1848 г. (ст. 105); туда оно проникло изъ саксонской конституціи 1831-го года (ст. 88-я, по которой король лишенъ права измѣнять съ помощью чрезвычайныхъ указовъ основные и избирательные законы). Въ текстѣ прусской конституціи 31-го января 50-го года объ избирательныхъ законахъ болѣе нѣтъ рѣчи, и статья 63-я, въ томъ видѣ въ какомъ она удержалась по настоящій день, гласитъ буквально слѣдующее: «только въ томъ случаѣ, когда охраненіе общественной безопасности или устраненіе необычнаго состоянія съ неотложной необходимостью этого настойчиво требуютъ, могутъ быть издаваемы указы, имѣющіе силу законовъ, разъ они не противорѣчатъ конституціи; указы эти обнародываются подъ коллективной отвѣтственностью всего министерства и только въ томъ случаѣ, когда палаты не засѣдаютъ (nicht versammelt sind); эти указы должны быть на ближайшемъ же собраніи палатъ предложены на ихъ одобреніе» [2]).

Самый текстъ только что приведенной статьи настолько близокъ къ ст. 87-й нашихъ основныхъ законовъ, что намъ нужно только отмѣтить тѣ значительныя ограниченія, какими русскій

---

[1]) Статья Гинце озаглавлена: «Монархическій принципъ и конституціонный образъ правленія».

[2]) См. Позенеръ, «Die Staatsverfassungen des Erdballs».

законодатель обставилъ пользованіе чрезвычайно-указнымъ правомъ. Обращеніе къ нему по ст. 87-й возможно только въ одномъ случаѣ: «если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ». О томъ, чтобы подобная мѣра могла быть издана по соображеніямъ государственной безопасности, въ 87-й ст. не сказано ни слова. Точно также русскій законодатель, расходясь съ текстомъ прусской конституціи, не допускаетъ мысли объ измѣненіи чрезвычайно-указнымъ правомъ не только основныхъ государственныхъ законовъ, но и учрежденій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, а также постановленій о выборахъ въ Совѣтъ и Думу. Въ общемъ наша 87-я ст. ближе стоитъ къ прообразу, данному саксонской конституціей 1831 г.; она также оговариваетъ избирательные законы, какъ не подлежащіе измѣненію чрезвычайнымъ указомъ.

Если мы зададимся вопросомъ, насколько случайны были нормы, принятыя саксонской конституціей по отношенію къ ограниченію чрезвычайно-указнаго права, то намъ необходимо придетъ въ голову слѣдующее. Конституція, изданная въ 1831 г., на разстояніи немногихъ мѣсяцевъ со времени французскаго переворота 1830 г., вызваннаго отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что министры задумали измѣнить законы о выборахъ съ помощью чрезвычайнаго указа, очевидно, должна была руководствоваться въ своихъ нормахъ соображеніями о послѣдствіяхъ, какія имѣло такое расширительное пользованіе принадлежащей королю прерогативой. Прусскій король, незадолго передъ тѣмъ распустившій національное собраніе, нарушившій ранѣе изданную конституцію, введшій въ формѣ указа законъ о выборахъ 31-го мая 1849-го года, очевидно, не видѣлъ причины исключить изъ сферы вопросовъ, не терпящихъ рѣшенія въ формѣ чрезвычайнаго указа, порядокъ избранія депутатовъ или опредѣленіе состава верхней камеры. Этимъ и объясняется болѣе широкое нормированіе статьею 63-й дѣйствія чрезвычайно-указнаго права сравнительно съ саксонской конституціей. Наконецъ, что касается до насъ, то мы начали съ установленія въ основныхъ законахъ такого ограниченія, которое затѣмъ не было соблюдено нами на практикѣ. Нынѣ дѣйствующій избирательный законъ 3-го іюня, изданный въ порядкѣ, какъ у насъ говорятъ, верховнаго управленія, былъ бы немыслимъ при соблюденіи 87-й статьи.

Мы выяснили пока на одномъ примѣрѣ тотъ подражательный процессъ, благодаря которому чрезвычайно-указное право,

нашедшее выраженіе себѣ въ французской конституціонной хартіи 1814 г., обошло Бельгію, докатилось до Саксоніи, изъ Саксоніи проникло въ Пруссію и затѣмъ на разстояніи болѣе полустолѣтія перешло и къ намъ; у насъ оно сыграло роль моста между старымъ порядкомъ неограниченной законодательной власти монарха и новымъ — соучастія съ нимъ обѣихъ палатъ въ осуществленіи законостроительства.

Остановимся теперь, съ цѣлью показать тотъ же процессъ одновременно заимствованія и приспособленія, а иногда и искаженія заимствуемаго, на тѣхъ конституціонныхъ гарантіяхъ, какія даютъ субъективному праву гражданъ основные законы Бельгіи, Пруссіи и Россіи.

Бельгійская конституція въ этомъ отношеніи не уступаетъ нимало французской. Она включила въ свой составъ, безъ всякаго спеціальнаго ея обозначенія, весьма полную декларацію правъ. Она начинается съ 6-й статьи, объявляющей о равенствѣ всѣхъ гражданъ передъ закономъ и объ отсутствіи всякихъ сословныхъ ограниченій, и заканчивается статьей 24-й, дающей возможность преслѣдованія всякаго рода должностныхъ лицъ безъ предварительнаго разрѣшенія ихъ начальства.

Всѣ эти статьи входятъ въ составъ титула второго и обезпечиваютъ бельгійцамъ личную свободу въ томъ же смыслѣ, какъ въ Англіи, т. е. невозможность подвергнуться преслѣдованію и задержанію иначе, какъ въ случаяхъ предвидѣнныхъ закономъ. Статья 8-я говоритъ о подсудности однимъ обыкновеннымъ судамъ, закономъ установленнымъ, разъ само заинтересованное лицо не даетъ согласія на противное. Ст. 9-я признаетъ, что наказаніе можетъ быть наложено только въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ. Жилище признано, ст. 10-ою, неприкосновеннымъ. Слѣдующая статья, провозглашая то же начало неприкосновенности по отношенію къ собственности, говоритъ о возможности экспропріаціи ея въ общественномъ интересѣ въ случаяхъ, обозначенныхъ закономъ, и подъ условіемъ справедливаго и напередъ уплачиваемаго вознагражденія. Конфискація всего имущества (и притомъ недвижимаго) въ качествѣ наказанія не допустима. Гражданская смерть отмѣняется и не можетъ быть возстановлена. Свобода культовъ, гласитъ статья 14-ая, ихъ публичнаго отправленія, а равно и свобода выражать свои мнѣнія по всѣмъ вопросамъ обезпечены, что не исключаетъ возможности преслѣдованія проступковъ, совершенныхъ при пользованіи этими свободами. Никто не обязанъ ни принимать какое-либо участіе въ актахъ или церемоніяхъ того или другого культа,

ни соблюдать установляемые имъ дни отдыха. Государство не имѣетъ права вмѣшательства въ назначеніе служителей любого культа. Оно не можетъ также препятствовать ихъ перепискѣ съ стоящими во главѣ ихъ лицами. Наконецъ, оно не въ правѣ помѣшать имъ обнародовать свои дѣйствія, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ они несутъ обыкновенную отвѣтственность за нарушеніе законовъ о печати и объ обнародованіи. Гражданскій бракъ всегда долженъ предшествовать церковному его освященію, за тѣми исключеніями, которыя будутъ установлены закономъ, если къ тому явится основаніе. Статья 17-ая устанавливаетъ свободу преподаванія. Всякія предупредительныя мѣры запрещены; преслѣдованіе же проступковъ, поводъ къ которымъ можетъ дать преподаваніе, регулируется однимъ закономъ. Ст. 18-ая провозглашаетъ свободу печати; цензура—гласитъ она,—никогда не можетъ быть возстановлена. Нельзя требовать залога отъ писателей, издателей и типографщиковъ. Когда авторъ извѣстенъ въ Бельгіи и имѣетъ въ ней свое мѣстожительство, издатель, типографъ и распространитель не могутъ быть преслѣдуемы. Практикой установлено, что преслѣдованіе не можетъ быть направлено одновременно противъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ и что въ этомъ отношеніи слѣдуетъ держаться опредѣленнаго порядка. Если нѣтъ на лицо автора, въ отвѣтѣ долженъ быть издатель, при невозможности наложить на него руку—типографъ; послѣднимъ въ порядкѣ преслѣдованія является распространитель. Ст. 19, 20 и 21 заняты вопросомъ о свободѣ сходокъ, собраній и петицій. Бельгійцы въ правѣ сходиться мирно и безъ оружія, соображая свое поведеніе съ законами, регулирующими это право, но они не обязаны подчинять его требованію предварительнаго разрѣшенія. Свобода сходокъ не распространяется на собранія, происходящія на открытомъ воздухѣ; они вполнѣ подчинены полицейскимъ законамъ. Бельгійцы въ правѣ устраивать ассоціаціи. Никакія предупредительныя мѣры не могутъ быть приняты противъ нихъ. Каждый въ правѣ направлять къ властямъ петиціи съ одной или нѣсколькими подписями. Установленныя власти однѣ могутъ составлять петиціи отъ общаго имени. Ст. 22 обезпечиваетъ неприкосновенность корреспонденціи. Ст. 23 признаетъ свободу пользованія всѣми употребительными въ Бельгіи языками. Пользованіе это можетъ быть регулируемо закономъ только въ примѣненіи къ актамъ публичной власти и къ судоговоренію. Перечень субъективныхъ правъ бельгійскихъ гражданъ заканчивается статьею, объявляющей: нѣтъ необходимости испрашивать предварительное разрѣшеніе для преслѣдо-

ванія чиновниковъ за ихъ должностные проступки. Комментируя эту норму бельгійской конституціи, я счелъ возможнымъ сказать въ моей статьѣ, отпечатанной во 2-мъ томѣ «Политическаго строя современныхъ государствъ» (изданіе князя Долгорукова и Петрункевича), что бельгійской конституціи пришлось только восполнить новыми нормами исконныя вольности. То, что на первый взглядъ можетъ показаться простымъ заимствованіемъ, копіей съ французскихъ и, черезъ ихъ посредство, съ американскихъ образцовъ, на самомъ дѣлѣ было записью старинаго историческаго права. Многое изъ сказаннаго въ конституціи содержится уже въ средневѣковыхъ грамотахъ Люттиха и городскихъ коммунъ Фландріи, Брабанта и Гено.

Въ бельгійской декларації содержатся нормы, не встрѣчающіяся во французскихъ, но извѣстныя американскимъ биллямъ о правахъ. Свобода преподаванія поставлена въ ней шире, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и это дѣлаетъ возможнымъ существованіе, рядомъ съ государственными университетами въ Люттихѣ и Гентѣ, такихъ свободныхъ школъ, какъ оба университета въ Брюсселѣ и католическій университетъ въ Лувенѣ. При первоначальномъ редактированіи 17-ой статьи, провозглашающей свободу преподаванія, думали включить въ нее заявленіе, что за правительствомъ сохраняется контроль за свободными школами и способъ отправленія этого контроля будетъ регулированъ закономъ; но, по предложенію одного изъ членовъ учредительнаго собранія, эта оговорка была выпущена на томъ основаніи, что слово «надзоръ» вызываетъ мысль о возможности предупредительныхъ мѣръ, а послѣднія ни въ коемъ случаѣ не желательны. За отцомъ семейства сохранена свобода выбора между государственными и частными школами. «Ни въ чемъ не чувствуется столь сильно необходимость избѣгать монополій, какъ въ дѣлѣ образованія,—читаемъ мы въ рѣчи одного изъ депутатовъ брюссельскаго учредительнаго собранія, Дамбы. Отъ отца семейства зависитъ дать дѣтямъ то или другое воспитаніе. Изъ всѣхъ европейскихъ конституцій Бельгія первая включила въ число субъективныхъ правъ тайну корреспонденціи. Чтобы обезпечить ее на дѣлѣ, уголовный кодексъ Бельгіи въ особой статьѣ (149) объявляетъ, что почтовый и телеграфный чиновникъ, вскрывшій частное письмо, подлежитъ штрафу въ размѣрѣ отъ 26 до 500 фр. и сверхъ того лишается свободы срокомъ отъ 2 недѣль до 2 мѣсяцевъ. Частное лицо за тѣ же проступки несетъ половинное наказаніе. Всякое обнародованіе телеграфистомъ содержанія переданной имъ депеши подводится подъ понятіе вскрытія письма и влечетъ за собою соотвѣтствующее наказаніе.

На ряду съ тайной корреспонденціи свобода петицій признана въ широкихъ размѣрахъ въ конституціи 1831 года, да она существовала и ранѣе ея, еще въ эпоху свободныхъ коммунъ Фландріи и Брабанта, такъ что конституція только узаконила давно державшуюся практику.

Прямымъ отступленіемъ отъ французскаго образца—конституціи 1830 г.,—надо считать разрѣшеніе преслѣдовать чиновниковъ за преступленія, совершенныя ими по должности, —безъ предварительнаго разрѣшенія государственнаго совѣта. Оно продолжало требоваться во Франціи со временъ консульской конституціи до сентябрьскихъ дней 1870 г. и установленія временнаго правительства смѣнившей имперію республики.

И въ вопросѣ о выборѣ каждымъ одного изъ двухъ употребительныхъ въ Бельгіи языковъ мы видимъ отголосокъ старины. Еще въ 1477-мъ году признано было въ Брабантѣ, что акты, исходящіе отъ верховной власти, должны быть изложены на языкѣ большинства населенія той мѣстности, которой они касаются. На мѣстномъ языкѣ происходило разбирательство дѣлъ въ городскихъ и сельскихъ судахъ; согласно этому принципу, въ «совѣтѣ Фландріи» французскій языкъ былъ въ употребленіи каждый разъ, когда судились тяжбы валонцевъ, или жителей города Турнэ и его округа. Въ совѣтѣ Брабанта, какъ общее правило, дѣло разбиралось на языкѣ отвѣтчика. Тѣ же правила регулировали употребленіе французскаго или взамѣнъ его нѣмецкаго языка въ княжествѣ Люттихъ. Тамъ, гдѣ населеніе говорило по-фламандски, административнымъ и судебнымъ языкомъ признанъ былъ языкъ фламандскій.

Съ Вѣнскаго конгресса, когда Бельгія вошла въ составъ Нидерландской монархіи, одной изъ причинъ недовольства сдѣлалось навязываніе ея жителямъ голландскаго языка. Вотъ почему учредительное собраніе озаботилось изданіемъ закона, регулирующаго употребленіе того или другого языка въ мѣстномъ судѣ и въ административной корреспонденціи. На учредительномъ собраніи было принято предложеніе депутата Райкела. Оно гласило: «юридическіе акты, какъ напримѣръ договоры, должны быть изложены на языкѣ, понятномъ для сторонъ, а слѣдовательно на томъ, на употребленіи котораго они сошлись. Что же касается до актовъ, исходящихъ отъ публичныхъ властей, то они должны быть редактируемы на одномъ какомъ-либо языкѣ, на «языкѣ государственномъ», но подъ условіемъ, чтобы къ актамъ прилагаемъ былъ переводъ, разъ въ этомъ чувствуется нужда. Языкомъ государственнымъ былъ признанъ въ Бельгіи французскій. На немъ

издаются законы и королевскіе указы въ оффиціальномъ журналѣ — «Монитерѣ». Тѣ же законы переиздаются вновь въ особомъ сборникѣ, въ которомъ къ французскому оффиціальному тексту прилагается переводъ на фламандскій языкъ, дѣлаемый для тѣхъ частей страны, въ которыхъ языкъ этотъ употребителенъ. Соглашеніемъ сторонъ въ гражданскихъ процессахъ опредѣляется выборъ того или другого языка на судѣ. Сторона, не понимающая того языка, на которомъ изложены пренія сторонъ или судебные документы, можетъ потребовать перевода, производимаго каждый разъ присяжнымъ переводчикомъ. Издержки перевода падаютъ на сторону, проигравшую процессъ. Что касается до дѣлъ уголовныхъ, то въ кассаціонномъ судѣ обязательно употребленіе языка французскаго, въ судахъ же первой и второй инстанціи западной и восточной Фландріи употребителенъ языкъ фламандскій, каждый разъ, когда обвиняемый не настаиваетъ на томъ, чтобы все производство было на французскомъ. То же право признается и за свидѣтелями по отношенію къ записи ихъ показаній. Указанныя нормы должны соблюдаться подъ страхомъ недѣйствительности самаго приговора. Въ томъ случаѣ, когда разбирательство происходитъ на фламандскомъ языкѣ, къ протоколу прилагается французскій переводъ. Издержки по его производству падаютъ на казну.

Вопросъ о свободѣ выбора языка поставленъ былъ также въ 80-хъ годахъ по отношенію къ преподаванію не только въ низшей школѣ, но и въ средней и высшей. Законъ 15 іюня 1883-го года рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что не только въ народныхъ училищахъ, но и въ лицеяхъ, расположенныхъ въ той части страны, которая заселена фламандцами, преподаваніе должно вестись на фламандскомъ языкѣ. Въ связи съ этимъ въ университетѣ въ Гентѣ возникли курсы фламандскаго языка.

Перейдемъ теперь отъ бельгійской конституціи къ прусской. И она заключаетъ въ себѣ длинный перечень субъективныхъ правъ гражданъ. Титулъ 2-й (о правахъ пруссаковъ) открывается статьей, гласящей, что всѣ пруссаки равны передъ закономъ; сословныя преимущества неизвѣстны. Публичныя должности, подъ условіемъ сохраненія установленныхъ закономъ условій, доступны для всѣхъ. Личная свобода обезпечена. Условія и формы, при которыхъ она подвергается ограниченію и при которыхъ, въ частности, допустимо задержаніе, будутъ опредѣлены закономъ. Жилище неприкосновенно; вторженіе въ него, обыски и выемки

писемъ и бумагъ, могутъ быть произведены только въ извѣстныхъ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и съ соблюденіемъ имъ же установленныхъ формъ. Если сопоставить эти статьи съ тѣми нашихъ основныхъ законовъ, которыя говорятъ о томъ же предметѣ (глава 8-я, о правахъ и обязанностяхъ русскихъ гражданъ), то не трудно будетъ замѣтить между ними большое сходство. Правда, о равенствѣ передъ закономъ и отмѣнѣ сословныхъ преимуществъ нѣтъ у насъ и помина; но о неприкосновенности личности и жилища русскій законодатель выражается такъ же условно, какъ и прусскій. Никто не можетъ быть задержанъ подъ стражей иначе, какъ въ случаяхъ закономъ опредѣленныхъ (ст. 73). Жилище каждаго неприкосновенно, производство въ жилищѣ безъ согласія его хозяина обыска или выемки допускается не иначе какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ (ст. 75). Правила относительно назначенія наказаній только въ полномъ соотвѣтствіи съ закономъ о неприкосновенности собственности, при сохраненіи права государства на экспропріацію въ случаѣ общественнаго интереса и подъ условіемъ вознагражденія, встрѣчаются одинаково и въ прусскомъ основномъ законѣ, и въ русскомъ; но о томъ, чтобы никто не могъ быть лишенъ своего «законнаго судьи»—терминъ, которымъ прусская конституція замѣняетъ менѣе опредѣленное выраженіе бельгійской о судьѣ «естественномъ»,—въ русскихъ основныхъ законахъ нѣтъ и помина. Не говорится въ нихъ также о томъ, что исключительные суды и чрезвычайныя комиссіи не могутъ быть устанавливаемы—норма, прямо заимствованная прусской конституціей изъ бельгійской. Гораздо осторожнѣе, съ ссылкой на дальнѣйшее регулированіе закономъ, устанавляетъ русскій законодатель право подданныхъ устраивать собранія мирно и безъ оружія, излагать изустно и письменно свои мысли и распространять ихъ путемъ печати и иными способами, образовывать общественные союзы, пользоваться свободою вѣры. Прусская конституція высказывается по этимъ вопросамъ несравненно опредѣленнѣе, приближаясь въ этомъ къ нормамъ бельгійской. Такъ, религіозная свобода регулируется слѣдующимъ образомъ: ст. 12 гласитъ «даруется свобода религіознаго исповѣданія и присоединенія къ религіознымъ сообществамъ», подъ чѣмъ, очевидно, разумѣется свобода перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое — свобода, нормированіемъ которой были заняты въ теченіе послѣднихъ двухъ сессій Государственная Дума и Совѣтъ. Ст. 12 прусской конституціи говоритъ также о свободѣ домашняго и публичнаго культа. Пользованіе гражданскими и публичными правами,—объявляетъ она,—не зависитъ отъ

того или другого исповѣданія вѣры. Гражданскія и публичныя обязанности, въ свою очередь, не терпятъ сокращенія въ полномъ соотвѣтствіи съ религіозной свободой. Другими словами, прусскій законодатель рѣшительно не хочетъ идти по пути, недавно предложенному нашей верхней камерѣ однимъ изъ правыхъ ея членовъ—по пути сокращенія служебныхъ правъ лицъ, переходящихъ изъ православія въ другія христіанскія вѣроисповѣданія. Такое предложеніе идетъ наперекоръ тому равенству всѣхъ гражданъ передъ закономъ, которое составляетъ основу современнаго государства. Тщетно мы стали бы искать въ нашихъ основныхъ законахъ и статьи, гласящей: свобода науки и преподаванія обезпечены (прусск. конст. ст. 20). О ней, правда, говорилось не разъ при смѣнѣ университетскихъ уставовъ; съ цѣлью ея проведенія, введенъ былъ въ 1884 г. институтъ приватъ-доцентовъ; но разъ этимъ послѣднимъ министерскимъ циркуляромъ запрещается читать параллельные курсы съ тѣми, которые объявлены профессорами, и излагать въ нихъ даже отдѣльныя главы предмета, читаемаго штатнымъ преподавателемъ, то ни о какой живительной конкурренціи оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ представителей науки не можетъ больше быть и рѣчи. Прусская конституція входитъ въ подробности по вопросу о свободѣ преподаванія, объявляя, что родители и опекуны не вправѣ оставлять дѣтей безъ того образованія, какое признано обязательнымъ для народныхъ школъ. Преподавать, основывать школы и вести ихъ предоставлено свободѣ каждаго, кто въ состояніи будетъ соотвѣтствующимъ государственнымъ установленіямъ доказать свою нравственную, научную и техническую годность. Всѣ, какъ оффиціальныя, такъ и частныя школы и пансіоны, состоятъ подъ надзоромъ назначенныхъ правительствомъ присутствій. Обученіе Закону Божьему въ народной школѣ происходитъ подъ руководствомъ религіозныхъ сообществъ. Въ государственной народной школѣ преподаваніе производится безвозмездно.

Я выбралъ наиболѣе характерныя нормы. Изъ нихъ слѣдуетъ, что Пруссія еще въ 1851 г. рѣшила въ утвердительномъ смыслѣ тотъ вопросъ, на которомъ Государственная Дума останавливалась въ теченіе всего прошлаго пятилѣтія и который, можетъ быть, былъ бы рѣшенъ въ текущемъ году, если бы въ Государственномъ Совѣтѣ не оказалось большинства, готоваго навязать народнымъ представителямъ чуждую имъ мысль о включеніи церковныхъ школъ въ число тѣхъ, которыхъ касалась фиксація издержекъ по народному образованію на ближайшія десять лѣтъ. Согласительная комиссія разошлась, не переубѣ-

дивъ никого, и мы снова вправѣ спрашивать себя: да будемъ ли мы имѣть возможность исполнить пожеланіе, выраженное уже много лѣтъ назадъ о даровомъ и всеобщемъ начальномъ образованіи.

Прусская конституція рѣшаетъ также въ опредѣленномъ смыслѣ вопросъ о томъ, на кого падаетъ обязанность религіознаго воспитанія дѣтей; она рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что въ школахъ, въ которыхъ учащіеся принадлежатъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, эти вѣроисповѣданія или церкви и должны озаботиться обученіемъ дѣтей Закону Божьему по правиламъ своей вѣры. Что касается до другихъ субъективныхъ правъ гражданъ, то они выражены прусской конституціей такъ же, какъ и бельгійской. Это можно сказать и о свободѣ печати, и о свободѣ сходокъ, и о свободѣ ассоціацій. Каждый пруссакъ, значится въ ст. 27-й, вправѣ словесно, письменно или печатно, или съ помощью художественнаго произведенія свободно выражать свою мысль. Предварительная цензура не можетъ быть установлена; всякое другое ограниченіе свободы печати можетъ быть наложено только закономъ. Всѣ пруссаки вправѣ, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія, сходиться мирно и безъ оружія на сходки въ закрытыхъ помѣщеніяхъ; что касается до сходокъ подъ открытымъ небомъ, то онѣ нуждаются въ такомъ разрѣшеніи. Всѣ пруссаки могутъ, преслѣдуя цѣли, не противорѣчащія уголовнымъ законамъ, собираться въ сообщества. Къ этой общей нормѣ, заимствованной изъ бельгійской конституціи, прусскій законодатель дѣлаетъ одну прибавку: политическіе союзы закономъ могутъ быть подвергнуты ограниченнымъ и преходящимъ запретамъ. Право петицій по прусской конституціи, какъ и по бельгійской, предоставлено всѣмъ гражданамъ; но петиціи отъ общаго имени могутъ быть представляемы только отъ оффиціальныхъ учрежденій и корпорацій. Списана съ бельгійской конституціи и та статья, которая обѣщаетъ тайну корреспонденціи; уголовнымъ разслѣдованіямъ, прибавляетъ она, и въ случаѣ войны, необходимымъ ограниченіямъ, эта тайна можетъ подвергнуться только въ законодательномъ порядкѣ. Рядъ статей, открывающихся заявленіемъ насчетъ всеобщей воинской повинности, регулируетъ положеніе войска. Слѣдуетъ затѣмъ статья, объявляющая, что никакіе лены не могутъ быть создаваемы впредь. Всѣ идущія за нею касаются ликвидаціи уцѣлѣвшихъ слѣдовъ феодальнаго права. Мы видимъ, такимъ образомъ, что прусскій законодатель, слѣдуя бельгійскому образцу, только восполняетъ его нормы нѣкоторыми дополнительными, вызываемыми особенными усло-

віями государства: равной обязанностью всѣхъ гражданъ нести военную службу и уцѣлѣвшими слѣдами средневѣковаго строя.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію прерогативъ короля и положенію министровъ, сходство обѣихъ конституцій, бельгійской и прусской, выступаетъ особенно наглядно. И это понятно, такъ какъ обѣ стремятся создать не парламентарный, а конституціонный строй, при которомъ вся полнота исполнительной власти остается за монархомъ и назначаемыми имъ министрами; они отвѣтственны политически передъ королемъ, а не палатами, судебно же—передъ верховнымъ трибуналомъ въ Пруссіи, кассаціоннымъ судомъ въ Бельгіи. Но если обѣ конституціи придерживаются еще строго начала раздѣленія властей, то въ нихъ отсутствуютъ нормы, подобныя тѣмъ, какія, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки дѣлаютъ немыслимымъ образованіе кабинета изъ членовъ палатъ и политическую отвѣтственность министровъ передъ палатами за общее направленіе политики. Бельгійская—въ частности,—объявивъ въ 63-й ст. неприкосновенность монарха и отвѣтственность его министровъ, обязанныхъ скрѣплять своею подписью акты короля, въ 65-й ст. постановляетъ: король назначаетъ и отставляетъ своихъ министровъ. Хотя исполнительная власть такимъ образомъ и обособлена отъ законодательной, но 88-я ст. выговариваетъ право министровъ посѣщать палаты и настаивать на томъ, чтобы быть выслушанными ими, а также право палатъ требовать присутствія министровъ на своихъ засѣданіяхъ. Что касается до права голоса, то министры имѣютъ его только въ томъ случаѣ, когда состоятъ членами той или иной палаты.

Такимъ образомъ, бельгійская конституція не препятствуетъ назначенію королемъ министровъ изъ состава палатъ и озабочена мыслью о томъ, чтобы между органами исполненія и законодательства существовало болѣе или менѣе правильное и постоянное общеніе.

Бельгійская конституція возлагаетъ обязанность обвиненія министровъ за дѣйствія незаконномѣрныя на палату представителей; кассаціонный судъ, какъ высшій, призванъ къ постановкѣ приговора. На основаніи буквы закона, въ Бельгіи не существуетъ англійской системы кабинета, т. е. объединеннаго правительства, составленнаго изъ членовъ палатъ и являющагося въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ исполнительной комиссіей. Но на практикѣ министры обыкновенно принадлежатъ къ большинству въ палатахъ; всего чаще одинъ только военный министръ, какъ и во Франціи, берется изъ спеціалистовъ по профессіи и не обязанъ

быть ни депутатомъ, ни сенаторомъ. Парламентская система правленія въ настоящее время можетъ считаться установившейся въ Бельгіи. Долгое время обстоятельства складывались неблагопріятно для партіи консервативной или клерикальной, такъ какъ самымъ своимъ политическимъ существованіемъ Бельгія обязана была успѣшной агитаціи однихъ либераловъ. Но въ 90-хъ годахъ, когда клерикалы пошли на соглашеніе съ рабочей партіей и рѣшились поддерживать всеобщее право голосованія подъ условіемъ восполненія его началомъ множественности голосовъ (не болѣе, однако, 3-хъ), въ случаѣ владѣнія домомъ цѣнностью въ двѣ тысячи франковъ или полученія диплома высшаго образованія, выборы дали клерикально-соціалистическую палату, при полномъ отсутствіи въ ней либераловъ. Правительство по прежнему осталось въ рукахъ консерваторовъ, и они стали пользоваться составившимся въ ихъ пользу большинствомъ для проведенія клерикальной политики. Съ цѣлью положить ей конецъ соціалисты задумали одно время организовать всеобщую стачку или, по крайней мѣрѣ, угрозою прибѣгнуть къ ней побудить правительство къ уступкамъ. Но стачка не удалась, и тогда соціалисты возложили надежду на новый союзъ съ либералами, какъ на средство положить конецъ клерикальной политикѣ; тѣмъ не менѣе власть все еще остается въ рукахъ правыхъ.

Отъ Бельгіи перейдемъ къ Пруссіи. Въ ея конституціи мы болѣе или менѣе встрѣчаемъ тѣ же постановленія относительно неприкосновенности короля, назначенія имъ министровъ, скрѣпы ими актовъ короля, ихъ доступа въ палаты и права послѣднихъ требовать ихъ присутствія на засѣданіи, наконецъ, права нижней камеры обвинять министровъ въ нарушеніи конституціи и государственной измѣнѣ передъ верховнымъ судомъ (ст. 43-я, 44-я и 45-я, 60-я и 61-я). Но наличность всѣхъ этихъ нормъ, общихъ съ тѣми, какія мы находимъ въ бельгійской конституціи, не повела, однако, къ переходу Пруссіи отъ конституціонной монархіи къ монархіи парламентарной.

Если отъ обѣихъ западныхъ странъ мы перейдемъ къ Россіи, то въ рядѣ статей, регулирующихъ составъ и дѣятельность совѣта министровъ и его членовъ, мы найдемъ одну, которая, пожалуй, въ большей степени, чѣмъ только что нами разсмотрѣнныя, открываетъ возможность существованія объединеннаго программой правительства. Ст. 120-я гласитъ: «направленіе и объединеніе дѣйствій министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями по предметамъ, какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленія, возлагается на совѣтъ министровъ». Объ объеди-

ненномъ дѣйствіи министровъ изъ писанныхъ конституцій говоритъ, кажется, одна только французская: «Министры коллективно отвѣтственны за общее направленіе ихъ политики». Но тогда какъ во Франціи дѣло идетъ объ отвѣтственности министровъ передъ палатами, въ Россіи ст. 123 говоритъ объ отвѣтственности ихъ за общій ходъ управленія передъ Государемъ Императоромъ, а каждаго въ отдѣльности—также предъ Государемъ за свои дѣйствія и распоряженія. Такимъ образомъ, русское законодательство какъ бы сдѣлало шагъ въ направленіи къ парламентаризму и одновременно такой же шагъ въ сторону абсолютной монархіи. Министры, какъ и въ Бельгіи и въ Пруссіи, имѣютъ право участія въ голосованіи Государственнаго Совѣта и Государственной Думы только въ томъ случаѣ, если они состоятъ ихъ членами (ст. 121-я). Такимъ образомъ, ничто не явилось бы препятствіемъ къ составленію совѣта министровъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ палатамъ, т. е. къ выполненію одного изъ требованій парламентаризма. Но, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока министры не будутъ объявлены коллективно-отвѣтственными и передъ палатами, у насъ не можетъ установиться тѣсной зависимости общей государственной политики отъ перемѣнъ, вызываемыхъ измѣненіемъ общественнаго мнѣнія и сказывающихся на составѣ самихъ палатъ. Изъ этого не слѣдуетъ, что если не политика, то законодательство косвеннымъ путемъ не подпадало у насъ подъ вліяніе общественнаго мнѣнія не страны или народа, а большинства Думы или Совѣта. Сплошь и рядомъ мы были свидѣтелями того, какъ члены правительства, поддерживавшіе внесенный въ Думу законопроектъ, въ Государственномъ Совѣтѣ или хранили по отношенію къ нему благожелательный нейтралитетъ, или даже предлагали тѣ или иныя измѣненія въ немъ, отвѣчающія настроенію большинства верхней палаты. Законъ выходилъ, поэтому, изъ Государственнаго Совѣта далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступалъ туда. Согласительныя комиссіи, при установившейся практикѣ Думы—посылать въ нихъ представителей всѣхъ по возможности группъ, а Совѣта—однихъ только выразителей большинства, могутъ имѣть своимъ исходомъ или торжество верхней палаты надъ нижней, или полное расхожденіе мнѣній обѣихъ камеръ. Такъ какъ комиссіи не принимаютъ окончательныхъ рѣшеній, то каждая палата простымъ большинствомъ рѣшаетъ вопросъ обыкновенно въ полномъ соотвѣтствіи съ ранѣе принятымъ рѣшеніемъ. И получается въ итогѣ полная смарка законодательной работы. Исторія третьей Думы едва ли не болѣе богата неосуществившимися надеждами, чѣмъ проведенными реформами. И та же судьба грозитъ нашему народному представительству и въ бли-

жайшіе годы, пока у насъ при сильной власти не будетъ и твердой политики. А это возможно только тогда, когда власть идетъ заодно съ общественнымъ мнѣніемъ страны, а не со случайно восторжествовавшими мнѣніями сперва нижней, а затѣмъ верхней палаты. Говорятъ: вина лежитъ на Гос. Совѣтѣ. Разсмотримъ это обвиненіе. Оно отправляется отъ того предположенія, что Совѣтъ сознательно стремится тормозить законодательную работу Думы. Мое пятилѣтнее пребываніе въ его средѣ не позволяетъ мнѣ поддерживать этотъ слухъ. Правительственная партія несомнѣнно подчинилась бы руководству совѣта министровъ, если бы послѣдній не признавалъ нужнымъ считаться съ вліяніями, стоящими внѣ палатъ, и съ слухами о томъ, какой пріемъ будетъ оказанъ закону, когда онъ выйдетъ изъ Государственнаго Совѣта. Точно съ цѣлью подтвердить разумность тѣхъ правилъ, какія созданы были вѣковымъ опытомъ англійскихъ палатъ, подтвердить ихъ á contrario, члены нашей верхней камеры прислушиваются за одно съ министрами къ мнѣнію тѣхъ, кто считаетъ себя лучше освѣдомленнымъ, чѣмъ само правительство. Какъ во времена Георга III-го, въ нашей средѣ имѣются люди, увѣряющіе, что имъ лучше извѣстны, чѣмъ министрамъ, взгляды верховнаго руководителя имперіи, что они слышали или имъ говорили, что такое-то рѣшеніе не встрѣтитъ его сочувствія, а такое-то будетъ ему пріятно и что его поэтому слѣдуетъ принять. Министры, опредѣленно высказавшіеся въ извѣстномъ смыслѣ, пока проектъ еще оставался въ комиссіи, явно противорѣчатъ себѣ въ общемъ собраніи при его окончательномъ разсмотрѣніи. А палата, видя въ этомъ не случайность, а результатъ измѣненія въ мнѣніяхъ высшихъ сферъ, спѣшитъ разойтись съ Думой и провесть намѣченное кѣмъ-то, часто даже неизвѣстно кѣмъ, рѣшеніе. Такіе порядки едва ли содѣйствуютъ укрѣпленію нравственнаго вліянія какъ измѣнчиваго въ своемъ поведеніи правительства, такъ и недостаточно стойкаго въ собственныхъ убѣжденіяхъ Государственнаго Совѣта. Такъ какъ новыя назначенія въ Госуд. Совѣтъ зависятъ не какъ на западѣ, отъ представленій, сдѣланныхъ монарху предсѣдателемъ совѣта министровъ или кабинета, а отъ предсѣдателя Гос. Совѣта, то составъ поддерживающаго правительство большинства настолько измѣнчивъ, что въ моментъ поступленія законопроекта въ Совѣтъ, когда еще нѣтъ новыхъ назначеній, трудно сказать, найдетъ ли правительство поддержку въ большинствѣ верхней палаты. Если бы правительство и пошло напроломъ и встрѣтило въ Государѣ поддержку, то какъ провести ему законопроектъ въ верхней палатѣ,

когда оно безсильно измѣнить ея составъ новыми назначеніями? А это безсиліе зависитъ отъ того, что по буквальному смыслу статьи 9-й учрежденія Государственнаго Совѣта число членовъ, призываемыхъ Высочайшей волей къ присутствованію въ Совѣтѣ, не должно превышать общаго числа членовъ по выборамъ. Законодатель, такимъ образомъ, самъ связалъ руки правительству и сдѣлалъ невозможнымъ разрѣшеніе коллизіи палатъ иначе, какъ путемъ ихъ роспуска или перерывомъ занятій, въ теченіе котораго съ помощью 87-й ст. чрезвычайнымъ указомъ вводится въ жизнь то, противъ чего открыто высказалась одна изъ палатъ. Тѣ же самые коллизіи въ Англіи рѣшаются не столько назначеніемъ, сколько угрозою назначить новыхъ членовъ въ верхнюю палату и тѣмъ самымъ искусственно измѣнить численное отношеніе въ ней правительственной и оппозиціонной партій, къ выгодѣ первой. Исторія прохожденія избирательной реформы 1832 г., какъ и пережитый прошлымъ лѣтомъ конфликтъ между обѣими палатами доказываютъ воочію дѣйствительность только что указаннаго пріема при проведеніи законовъ, въ пользу которыхъ высказывается общественное мнѣніе страны, палата общинъ согласная воля монарха и его кабинета. Въ Россіи самимъ законодателемъ устроена добровольно запруда, изъ которой нѣтъ другого выхода, кромѣ нарушенія нормальнаго порядка прохожденія законодательныхъ актовъ.

Сходство бельгійской и прусской конституцій — съ одной стороны, русскихъ основныхъ законовъ, учрежденія Госуд. Думы и Госуд. Совѣта — съ другой, всего рѣзче выступаетъ въ вопросѣ о правахъ обѣихъ палатъ, а всего менѣе, разумѣется, въ вопросѣ о ихъ составѣ. Бельгійская конституція объявляетъ засѣданія палатъ публичными; закрытіе дверей для публики можетъ быть послѣдствіемъ рѣшенія, принятаго самой палатой. Провѣрка полномочій и рѣшеніе вопроса о томъ, могутъ ли считаться выборы правильно состоявшимися, въ случаѣ спора, принадлежитъ въ равной мѣрѣ обѣимъ палатамъ. То же надо сказать о выборѣ президента, вице-президента и членовъ бюро. Каждая палата опредѣляетъ особымъ наказомъ порядокъ своихъ работъ. Всѣ эти постановленія встрѣчаются и въ прусской конституціи (статьи 78, 79, 81). Что касается до правъ, признаваемыхъ за членами палаты, то они регулируются одинаковыми нормами. Статья 44-я бельгійской конституціи гласитъ: ни одинъ членъ той или другой палаты не можетъ подвергнуться преслѣдованію за мнѣнія и голосованія при осуществленіи возложенныхъ на него функцій. Ни одинъ членъ той или другой палаты, значится въ слѣдующей статьѣ, не можетъ ни подвергнуться преслѣдо-

ванію, ни быть задержаннымъ во все время сессіи безъ разрѣшенія той палаты, къ которой онъ принадлежитъ. Исключеніе представляетъ одинъ только случай — задержаніе въ моментъ совершенія самаго преступленія. Задержаніе и преслѣдованіе уже поднятое противъ члена одной изъ палатъ по ея постановленію можетъ быть отстрочено на все время продолженія сессіи. Эти нормы воспроизводятся въ прусской конституціи статьей 84-й.

Что касается до Россіи, то учрежденіе Государственной Думы и Гос. Совѣта говорятъ приблизительно тоже. Другое дѣло, какъ они примѣняются.

Члены Гос. Совѣта, гласитъ ст. 27-я, въ отношеніи лишенія и охраненія личной ихъ свободы подчиняются соотвѣтствующимъ правиламъ, постановленнымъ для Госуд. Думы. Въ учрежденіи же Гос. Думы, значится (ст. 15): членъ Думы можетъ быть подвергнутъ лишенію или ограниченію свободы не иначе, какъ по распоряженію судебной власти, а равно не подлежитъ личному задержанію за долги. Слѣдующая ст. 16-я прибавляетъ: для лишенія свободы члена Госуд. Думы во время ея сессіи должно быть испрошено предварительное разрѣшеніе Думы. Изъ этого ст. 22-я дѣлаетъ одно только исключеніе: они подлежатъ задержанію при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія или на слѣдующій день (что, очевидно, уже является прибавкой къ соотвѣтствующей нормѣ какъ бельгійской, такъ и прусской конституціи). Ст. 22-я заключаетъ въ себѣ также отличное отъ обоихъ образцовъ правило: члены Государственной Думы за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на нихъ по сему званію, привлекаются къ отвѣтственности въ порядкѣ и на основаніяхъ, установленныхъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ чиновъ Государственнаго Управленія.

Та же норма болѣе подробно излагается въ рядѣ статей, отъ 86-й до 91-й учрежденія Государственнаго Совѣта, изъ которыхъ видно, что обвиненію дается ходъ лишь послѣ того, какъ донесенія или жалобы на членовъ Совѣта или Думы представлены будутъ на Высочайшее усмотрѣніе. Судомъ является въ данномъ случаѣ первый департаментъ Государственнаго Совѣта. Что къ числу дѣйствій, способныхъ породить такія заявленія и жалобы, не могутъ быть относимы сужденія и мнѣнія по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, это слѣдуетъ, на мой взглядъ, изъ текста гл. 14-й, объявляющей, что члены Г. Думы въ этомъ отношеніи пользуются полной свободой.

Во всѣхъ трехъ странахъ члены обѣихъ палатъ признаются представителями націи, а не одного избравшаго ихъ округа (ст. 32-я бельгійской и ст. 83-я прусской конституціи). Послѣдняя прибавляетъ: члены обѣихъ палатъ голосуютъ согласно своимъ убѣжденіямъ и не связаны никакими порученіями или инструкціями. Это же выражаетъ и вторая часть 14-й ст. учрежденія Государственной Думы, говоря, что члены ея не обязаны отчетомъ передъ своими избирателями.

Наконецъ, всѣ три законодательства признаютъ за представителями право на вознагражденіе. Въ Бельгіи оно, согласно ст. 52-й, представляетъ собою постоянное жалованье въ размѣрѣ 4-хъ тысячъ франковъ; въ Пруссіи депутатамъ даются только посуточныя деньги; въ Россіи сперва существовала та же система, а теперь депутаты получаютъ постоянное жалованье.

Сравнивая между собою права палатъ по тремъ названнымъ конституціямъ, мы приходимъ къ заключенію, что они подверглись значительному сокращенію сперва въ прусской, а затѣмъ въ нашей. Ст. 40 бельгійской конституціи говоритъ: каждая палата имѣетъ право производить разслѣдованіе (le droit d'enquête). Та же норма воспроизведена въ ст. 82 прусской конституціи, предоставляющей каждой изъ палатъ назначать комиссіи для разслѣдованія тѣхъ или другихъ фактовъ. Въ нашихъ учрежденіяхъ Г. Д. и Г. С. это право разслѣдованія пріурочено уже къ запросамъ, направляемымъ къ министрамъ и главноуправляющимъ относительно незакономѣрныхъ дѣйствій ихъ самихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и учрежденій. Ст. 33 учрежденія Г. Д. говоритъ: Г. Д. можетъ обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, съ запросами по поводу такихъ послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій дѣйствій, какія представляются незакономѣрными. Сближая эту статью съ ст. 5, мы приходимъ къ заключенію, что Г. Д. можетъ для предварительной разработки подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ образовывать изъ своей среды комиссіи; палата можетъ поручить собраніе необходимыхъ ей для запроса фактовъ особой комиссіи; но ни въ одной статьѣ нѣтъ прямого указанія на тотъ счетъ, чтобы этимъ комиссіямъ всѣ чиновники обязаны были по первому требованію давать необходимыя справки, хотя такой порядокъ одинъ только дѣлаетъ возможнымъ обстоятельное разслѣдованіе фактической стороны дѣла. Право настаивать на нихъ необходимо предполагаетъ ст. 40, гласящая, что Г. Д. можетъ обращаться къ министрамъ

и главноуправляющимъ за разъясненіями непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Эти разъясненія, какъ говоритъ ст. 41, сообщаются министрами и главноуправляющими, какъ лично, такъ и чрезъ ихъ товарищей или начальниками частей центральнаго управленія. Свѣдѣнія же по спеціальнымъ предметамъ могутъ быть предъявляемы посредствомъ лицъ, завѣдующихъ дѣлами по означеннымъ предметамъ. Къ сожалѣнію министры всегда могутъ уклониться отъ сообщенія этихъ свѣдѣній лично или черезъ подчиненныхъ; ссылаясь на вторую часть ст. 40, они имѣютъ право отказаться отъ сообщенія Думѣ такихъ свѣдѣній, какія по соображеніямъ государственнаго порядка не подлежатъ оглашенію. На счетъ другихъ правъ палаты, какъ-то составленія своего бюро и своего наказа, повѣрки полномочій, законодательнаго почина, надо сказать, что всѣ они, опредѣленно выражены въ бельгійской конституціи (ст. 36, 37, 27 и 46) и воспроизводятся также прусской (ст. 64, 78). Что же касается до Россіи, то въ ней законодательный починъ ограниченъ требованіемъ выжидать въ теченіе мѣсяца рѣшимости министровъ самимъ внести законопроектъ по интересующему Думу вопросу. Помимо этого ограниченія существуетъ и другое: законодательная иниціатива можетъ исходить не иначе, какъ отъ 30 по меньшей мѣрѣ членовъ палаты, все равно, будетъ ли ею Дума или Государственный Совѣтъ. Наконецъ, не по всѣмъ законамъ Дума и Совѣтъ имѣютъ право почина. Ст. 107 нашихъ основныхъ законовъ гласитъ: Г. С. и Г. Д. предоставляется возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ основныхъ государственныхъ, починъ пересмотра которыхъ принадлежитъ исключительно Государю Императору. Измѣненіе въ основныхъ законахъ во многихъ конституціяхъ, въ томъ числѣ и бельгійской, подлежитъ особому порядку. Его опредѣляетъ 131 статья, гласящая: «законодательная власть въ правѣ заявить, что есть основаніе подвергнуть пересмотру ту или другую конституціонную норму. Послѣ такого заявленія обѣ палаты распускаются и взамѣнъ ихъ созываются новыя. Эти послѣднія должны вынести рѣшеніе совмѣстно съ королемъ. Рѣшеніе не можетъ быть принято, если въ засѣданіи каждой изъ палатъ не окажется $^2/_3$ членовъ и постановленіе не будетъ принято $^2/_3$ голосовъ». Хотя прусская конституція и принадлежитъ къ числу октроированныхъ, тѣмъ не менѣе ст. 107 признаетъ измѣненіе конституціи въ обычномъ порядкѣ законодательства, при чемъ въ каждой палатѣ требуется обыкновенное большинство. Ст. 107 выставляетъ одно дополнительное требованіе: чтобы голосованіе

произведено было дважды на разстояніи по меньшей мѣрѣ 21 дня. Изъ сопоставленія обѣихъ конституцій съ нашими законами легко придти къ заключенію, что нашъ законодатель не послѣдовалъ западно-европейскому образцу.

Существенную особенность нашихъ законодательныхъ палатъ отъ бельгійскихъ и прусскихъ составляетъ равенство предоставленныхъ имъ функцій. Слѣдуя примѣру Англіи, бельгійская конституція изъ правила о починѣ законовъ, принадлежащемъ въ одинаковой мѣрѣ каждой изъ палатъ, дѣлаетъ одно исключеніе: законы, касающіеся государственныхъ доходовъ и расходовъ, а равно и контингента арміи, должны исходить изъ палаты представителей (ст. 27, часть 2-ая). Такая же статья имѣется и въ прусской конституціи, но съ существеннымъ дополненіемъ, еще болѣе приближающимъ ее къ англійскому образцу. Это прибавленіе гласитъ: верхняя палата можетъ только принять или отвергнуть цѣликомъ финансовые законопроекты и государственную роспись, прошедшую предварительно черезъ нижнюю палату. Русскій законодатель и на этотъ разъ отошелъ отъ западно-европейскихъ образцовъ, не считаясь съ тѣмъ, что Дума въ гораздо большей степени призвана представлять собою массу плательщиковъ, чѣмъ Государственный Совѣтъ, съ его на половину бюрократическимъ составомъ.

Въ чемъ законодательства всѣхъ трехъ названныхъ странъ рѣшительно разошлись между собою—это въ вопросѣ о составѣ палатъ. Бельгійская конституція рѣшила его въ болѣе демократическомъ смыслѣ, чѣмъ прусская, а наши учредительные законы, разумѣется, искали вдохновенія не въ бельгійскомъ, а въ прусскомъ образцѣ, отступая отъ него въ то же время по двумъ причинамъ: изъ желанія обезпечить на выборахъ въ Думу рѣшительный перевѣсъ землевладѣльцамъ и дать представительство въ Государственномъ Совѣтѣ, отлично отъ дворянства, и бюрократіи. Ей одной обезпечена половина всѣхъ голосовъ; другая половина распредѣляется между избранниками дворянскихъ и земскихъ собраній, чернаго и бѣлаго духовенства, университетовъ и академіи наукъ, совѣта торговли и мануфактуръ съ его отдѣленіями и комитетами, биржевыхъ комитетовъ и купеческихъ управъ. Какимъ образцамъ слѣдовало наше правительство, предлагая такой составъ нашей верхней палаты? Полагаю, что столько же бельгійскому, сколько и прусскому, бельгійскому въ большей степени, чѣмъ французскому, прусскому скорѣе чѣмъ австрійскому.

Часто говорятъ, что губернскія земскія собранія посылаютъ у насъ своихъ выборныхъ въ Государственный Совѣтъ подобно тому, какъ дѣлаютъ это во Франціи генеральные совѣты департа-

ментовъ, также избираемые и также вѣдающіе хозяйственныя нужды края. Но порядокъ выбора французскихъ сенаторовъ нѣсколько иной. Въ составъ избирательной куріи входятъ депутаты отъ департамента, его генеральные совѣтники, совѣтники отъ округовъ и уполномоченные каждаго изъ муниципалитетовъ департамента (см. Esmein, Droit constitutionnel, 3-ье изд., стр. 718 и слѣд.). Только въ виду такого состава избирательной куріи Гамбетта могъ говорить о сенатѣ, какъ о великомъ совѣтѣ общинъ Франціи. По бельгійской же конституціи половина всѣхъ сенаторовъ выбирается провинціальными совѣтами, соотвѣтствующими нашимъ земскимъ собраніямъ, т. е. тѣмъ же порядкомъ, какимъ попадаютъ въ русскій Государственный Совѣтъ ставленники земства.

Что касается до Пруссіи, то ея примѣромъ руководствовался нашъ законодатель, включивъ въ составъ верхней палаты представителей отъ университетовъ. Въ Англіи мы находимъ ихъ въ составѣ нижней палаты. Въ Пруссіи, согласно указу 12 октября 1854 г., право представлять въ числѣ пожизненныхъ членовъ палаты господъ принадлежитъ каждому изъ университетовъ (Bornhak, Preussisches Staatsrecht, изд. 1911 г., стр. 401). Разница разумѣется есть. У насъ пожизненность неизвѣстна и выборы двухстепенные. И въ другомъ отношеніи прусская практика, если не конституція, была принята нами въ разсчетъ. По указу 1854 г. принцы крови по достиженіи совершеннолѣтія могутъ быть призваны монархомъ въ составъ палаты господъ; но прусскіе короли не находили возможнымъ воспользоваться этимъ правомъ, считая его непримиримымъ съ независимостью, какою необходимо должны отличаться члены законодательныхъ палатъ. Отсутствіе въ составѣ обновленнаго Государственнаго Совѣта членовъ царствующей династіи, по всей вѣроятности, вызвано подобными же соображеніями.

Что касается до состава нижней палаты, то въ Бельгіи и Пруссіи на этотъ счетъ существуютъ два разныхъ порядка. Въ Бельгіи требуется двадцатипятилѣтній возрастъ и годичное пребываніе въ избирательномъ округѣ, чтобы имѣть голосъ на выборахъ. Въ Пруссіи, въ отличіе отъ Бельгіи, выборы двухстепенные и производятся по куріямъ, при чемъ все число избирателей дѣлится на три части: 1) наиболѣе обложенныхъ, покрывающихъ своими взносами треть всей выручаемой отъ прямыхъ податей суммы, 2) слѣдующихъ за ними по размѣру платежей, также образующихъ треть всѣхъ поступленій, и наконецъ, 3) остальныхъ, болѣе мелкихъ плательщиковъ. Каждая курія ставитъ равное число

выборщиковъ, которые, сойдясь, избираютъ изъ своей среды приходящееся на округъ число депутатовъ (Bornhak, стр. 415). Когда писался текстъ нашего избирательнаго закона, дѣйствовавшаго до 3 іюня, подобная же куріальная или классовая система имѣлась и въ Австріи; но съ того времени она, по крайней мѣрѣ въ Цислейтаніи, уступила мѣсто всеобщему голосованію. Законъ, по которому произведены были выборы въ первую и вторую Думу, несомнѣнно руководствовался столько же австрійскимъ, сколько и прусскимъ образцомъ. Дѣйствующія нынѣ правила являются, по слухамъ, продуктомъ законодательнаго творчества одного лица, удачно выполнившаго задачу подчиненія землевладѣльческимъ куріямъ выбора уполномоченныхъ отъ волостного крестьянства и сокращенія на половину числа депутатовъ отъ окраинъ.

Мы далеко не исчерпали всего вопроса о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ творцами нашего обновленнаго государственнаго строя. Но и сказаннаго достаточно для того, чтобы подорвать мысль о полной самобытности нашихъ порядковъ. При ихъ толкованіи необходимо восходить къ ихъ прообразу, а такимъ является прусская конституція, во многомъ послѣдовавшая бельгійскому образцу.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА.

I.

Разсудила.

Помощникъ военнаго прокурора былъ положительно смущенъ.

— Жена, какъ снѣгъ на голову свалилась,—застѣнчиво бормоталъ онъ намъ, защитникамъ.—Что я съ нею сдѣлаю?! Не возвращать же обратно!.. Плачетъ...—«Я»—говоритъ—«не могла больше терпѣть, осталась одна, затосковала, вздорныя мысли лѣзутъ; кажется, будто ты мнѣ тамъ измѣняешь... Вотъ и пріѣхала»!.. Женская логика. Измѣняю—въ залѣ суда!.. Подумаешь, гдѣ! И не угодно ли вамъ: тамъ все-таки знакомые, а здѣсь—дрянной городишка, нѣтъ даже кинематографа. Куда дѣнешься?! Я—цѣлый день въ засѣданіи... А она—въ номерѣ... И плачетъ... Говорю ей:—«дѣло при закрытыхъ дверяхъ, никого не пускаютъ»!—«А ты все-таки похлопочи!» «Да мнѣ,—отвѣчаю,—неловко:—по моему же ходатайству удалили всѣхъ родныхъ подсудимыхъ... А она въ отвѣтъ:—«Ничего, Жоржъ, ты извинись передъ подсудимыми и похлопочи. Некуда мнѣ больше приткнуться, кромѣ зала суда»... Сейчасъ просилъ генерала. Онъ согласенъ:—«Хорошо, пущу, сговоритесь только съ защитниками, а то какъ бы не запротоколили»... Языкъ, господа, не ворочается, а надо просить... Пустите!..

Мы охотно дали обѣщаніе, что «протокола не будетъ», и послѣ перерыва въ совершенно пустой залъ судебнаго засѣданія,—откуда удаляли и допрошенныхъ свидѣтелей,—вошла пре-

лестная, молодая дама. Она была счастлива, весело и мило улыбалась, очень привѣтливо, изящно поздоровалась съ нами. Всѣ военные, начиная съ генерала-предсѣдателя, подошли къ ея ручкѣ, добросовѣстно и съ видимымъ удовольствіемъ поцѣловали черную лайку перчатки, галантно поговорили о погодѣ, скукѣ города...

И молодая, свѣтская барыня заняла мѣсто среди пустыхъ стульевъ.

Дѣло длилось нѣсколько дней. Во время перерывовъ Ольга Антоновна являлась центромъ общаго вниманія. Даже старикъ генералъ пріосанился и, позвякивая шпорами, браво крутилъ свой сѣдой, но лихой усъ, бесѣдуя съ нею. Временный судья—суровый, угрюмый полковникъ—любезно улыбался и также любезно шутилъ. А наша молодая дама весело болтала...

Сначала о дѣлѣ не было разговоровъ. Всѣ точно условились не касаться его...

Ольга Антоновна много разсказывала о своемъ заграничномъ, повидимому—свадебномъ путешествіи, «своемъ» институтѣ... И у каждаго нашлись въ памяти школьные анекдоты, и каждый мялъ ихъ на всѣ лады.

Съ мужемъ она держалась «очаровательно-привѣтливо» и видимо «обожала» его, а онъ былъ доволенъ, что всѣ такъ ухаживаютъ за нею.

Но уже на третій день одинъ изъ защитниковъ началъ разсказывать ей о подсудимыхъ.

Шло дѣло о разгромѣ и сожженіи крестьянами помѣщичьей усадьбы. Конечно—«революціонерами, на политической почвѣ»! Фактически было проще. Помѣщикъ—кулакъ, вражда,—изъ-за экономическихъ отношеній. Самое происшествіе—дѣйствительно въ разгаръ политическихъ осложненій. Крестьяне безумствовали. Они свалили въ костеръ богатѣйшую библіотеку. Вынося изъ горящаго дома мебель, съ дикимъ хохотомъ ломали ее на мелкіе куски и бросали ракетами въ крыши головешки настоящаго краснаго дерева... И когда передъ разъяренной толпой показался подъѣхавшій неожиданно хозяинъ, она чуть не растерзала его. Подсудимый Бочіевъ спасъ помѣщика. До разгрома онъ больше другихъ агитировалъ противъ землевладѣльцевъ. И толпа всегда слушала его. Но когда Бочіевъ велъ теперь помѣщика среди бѣшеной толпы, она готова была растерзать и Бочіева, какъ измѣнника. И этотъ властный, сильный человѣкъ говорилъ намъ, что идти съ помѣщикомъ въ гнѣвной толпѣ было страшнѣе, чѣмъ теперь черезъ судъ къ висилицѣ...

Но онъ все-таки спасъ помѣщика. А тотъ назвалъ Бочіева, какъ главнаго зачинщика и бунтовщика. И ему теперь грозила смертная казнь. Нѣсколько человѣкъ «сознательныхъ» крестьянъ, тоже ранѣе агитировавшихъ противъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, подошли на пожаръ съ искреннимъ намѣреніемъ спасать имущество помѣщика и дѣйствительно выносили мебель для этого. Но толпа подхватывала вещи и дѣлала свое жестокое дѣло. И теперь эти крестьяне точно также считались главными виновниками, и имъ, въ виду показаній служащихъ помѣщика, тоже грозила смертная казнь. И такихъ было пятнадцать человѣкъ... На судѣ всѣ они держались тихо, скромно, забито, каждый вспоминалъ о своей семьѣ, дѣтяхъ... Помѣщика всѣ какъ-то стѣснялись...

Дѣло приблизилось къ концу.

— За вами слово, господинъ прокуроръ,—обратился генералъ къ помощнику военнаго прокурора.

Послѣдній поднялся и произнесъ длинную, эффектную рѣчь объ ужасѣ крестьянскихъ безпорядковъ, о безпомощности помѣщиковъ въ медвѣжьихъ углахъ, остановился на виновности всѣхъ подсудимыхъ и, наконецъ, отмѣтивъ особенно вредную роль пятнадцати обвиняемыхъ, какъ-то мимоходомъ, вскользъ упомянулъ, что съ полнымъ убѣжденіемъ проситъ примѣнить къ нимъ 279 статью XXII книги Свода военныхъ постановленій, отнюдь при этомъ не примѣняя циркуляра военнаго министра отъ одиннадцатаго августа 1887-го года.

Ни одного слова о смертной казни не было произнесено. Рѣчь переплеталась красочными сравненіями...

Предсѣдатель, любившій покурить, объявилъ перерывъ...

Ольга Антоновна стремительно подошла къ мужу, вся сіяющая, довольная.

— Милый Жоржъ! Я никогда не думала, что ты такой замѣчательный ораторъ! Какой ты скромный! Ты никогда не говорилъ о своемъ талантѣ! Я въ восторгѣ!

И она свѣтилась счастіемъ. Ея Жоржъ тоже былъ доволенъ.

Къ Ольгѣ Антоновнѣ подошелъ генералъ, подошли временные судьи.

Генералъ не безъ удовольствія снисходительно-мило разспрашивалъ ее о впечатлѣніи отъ рѣчи мужа. Ольга Антоновна разсыпалась въ горячихъ похвалахъ.

Мы, защитники, сидѣли въ сторонѣ...

Секретарь снялъ двуглавый орелъ съ зерцала. Генералъ, извинившись передъ Ольгой Антоновной, тутъ же въ залѣ закурилъ... Потомъ судьи ушли въ совѣщательную комнату...

Засѣданіе продолжалось.

Поднялся защитникъ. Волнуясь, нервничая, не кончая фразъ, онъ началъ разсказывать о безъисходно-сѣрой жизни этихъ крестьянъ. Онъ соглашался съ тѣмъ, что здѣсь, въ этомъ краю, велась пропаганда, что тѣ пятнадцать человѣкъ, которые выдѣлены помощникомъ военнаго прокурора, занимались ею—но, отчаянно крича, онъ доказывалъ, что агитаторы не такъ были поняты крестьянами, что для нихъ самихъ все это было неожиданно. А потомъ, потомъ! Развѣ именно они не первые же опомнились! Развѣ не они спасали затѣмъ помѣщика и его имущество!

— И вотъ теперь помощникъ военнаго прокурора, такъ красиво прикрывая весь ужасъ своего ходатайства холодной, ничего не говорящей цифрой 279-ой статьи, настойчиво и убѣжденно проситъ васъ приговорить пятнадцать человѣкъ къ смертной казни! Ихъ всѣхъ, этихъ несчастныхъ, забитыхъ людей—повѣсить! Господинъ помощникъ военнаго прокурора умоляетъ васъ не примѣнять даже циркуляра министра о правѣ ходатайства за нихъ, чтобы веревка была замѣнена хотя бы безсрочной каторгой. Смерти, смерти пятнадцати человѣкъ требуетъ онъ!..

Въ это время въ залѣ засѣданія раздался ужасный вопль. Не своимъ голосомъ закричала Ольга Антоновна...

Генералъ объявилъ перерывъ.

Кто-то принесъ ей воды.

Тихо всхлипывая, она отчаянно произносила все одни и тѣже слова.

— Боже мой, Боже мой! Я не думала, что мой Жоржъ такой злой... Я не думала...

Генералъ успокаивалъ ее.

Мужъ стоялъ у окна и нервно теребя усы, бормоталъ:

— Я всегда говорилъ, что бабъ нельзя вмѣшивать въ такія дѣла!.. Какъ снѣгъ на голову свалилась!..

— Да успокойтесь, успокойтесь,—просилъ между тѣмъ генералъ.—Ну право же мы не послушаемъ его... Обо всѣхъ будемъ ходатайствовать... Ну, успокойтесь, да улыбнитесь же... Улыбнитесь, будьте спокойны! Это онъ такъ увлекся... Ничего, ничего. Можетъ быть вы теперь поѣдете домой отдохнуть?!.

Засѣданіе снова было открыто.

Рѣчь продолжалась.

Ольга Антоновна со строгимъ, задумчиво застывшимъ лицомъ сидѣла одна на своемъ стулѣ посреди пустого зала...

Мы боялись за жизнь подсудимыхъ...

II.

Добился.

Въ мѣстечкѣ разростался погромъ. Собравшаяся по набату толпа грабила еврейскія лавки. Полиція равнодушно стояла въ сторонѣ... Приставъ, мурлыкая вальсъ, прогуливался по мосткамъ.

Женщина набрала два мѣшка разнаго товара. Они были тяжелы. Нести оба не хватало силъ. Одинъ она оставила на мѣстѣ, другой понесла домой. Когда баба вернулась, оставленный мѣшокъ уже исчезъ. Она подняла отчаянный крикъ.

— Ой, ратуйте, ратуйте (спасите!) — голосила она. — Да вѣдь это грабижка! Да куда-жъ дывится (смотритъ) полиція!..

И, потрясая въ воздухѣ кулаками, она присѣдала передъ смущенными полицейскими и возмущенно вопила благимъ матомъ.

— Да куда-жъ вы глядѣли!..

Приставъ пріостановился, весело посвистѣлъ бабѣ въ лицо и только крикнулъ:

— Эй, бабко! Что съ возу упало, то пропало!..

И приставъ снова сталъ прогуливаться...

Подъ вечеръ прибыла сотня казаковъ.

Населеніе насторожилось, прислушивалось, но продолжало грабить. Съ оглядкой.

Уже разбивали богатую водяную мельницу. Изъ второго этажа ея, черезъ всѣ окна сыпали зерно на землю и въ рѣку... Въ это время на дамбѣ показался приставъ во главѣ отряда казаковъ. Грабители перестали сыпать зерно и въ страхѣ начали сами выпрыгивать въ окна. Какъ мыши.

И увидя это, приставъ закричалъ.

— Куда-жъ вы, куда?! Зачѣмъ убѣгать! Стой, бѣлая сотня!

И спокойно проѣхалъ съ казаками мимо.

Грабители вернулись и продолжали свое дѣло...

И такъ было до поздней ночи...

Разгулявшійся, вошедшій въ азартъ кузнецъ Рѣпчунъ взялъ топоръ, вышелъ на улицу и порубилъ головы первымъ встрѣчнымъ.

— «Дымократамъ!..»

Приставъ рѣшилъ, что довольно. Приказалъ казакамъ вынуть шашки и проѣхать рысью по улицѣ.

— Разойдись!..

Погромъ сразу же стихъ.

Мѣстечко было разорено.

По дѣлу объ этомъ погромѣ я и долженъ былъ выступить въ качествѣ повѣреннаго гражданскихъ истцовъ.

Заранѣе побывалъ на мѣстѣ, все осмотрѣлъ. Въ портфелѣ уже хранилось нѣсколько десятковъ довѣренностей пострадавшихъ.

Когда я пріѣхалъ въ городъ, гдѣ происходила сессія, ко мнѣ неожиданно явилась большая толпа новыхъ жалобщиковъ. Отъ каждаго двора. Совершать довѣренности было поздно, и мы рѣшили, что всѣ они заявятъ на словахъ суду объ избраніи меня своимъ повѣреннымъ. Я заполнилъ печатныя бланки прошеній, которыя они и подали передъ самымъ открытіемъ судебнаго засѣданія.

Всѣ помѣщенія уѣзднаго съѣзда были биткомъ набиты гражданскими истцами. Они горѣли желаніемъ выяснить на судѣ роль пристава. Объ этомъ возбужденно просили меня...

Дѣло пошло.

Гражданскіе истцы были «допущены» и удалены въ свидѣтельскую комнату.

Когда вышелъ первый изъ нихъ и, подробно разсказавъ о ходѣ событій, коснулся и пристава, предсѣдатель разразился крикомъ, что все это къ дѣлу не относится, что судятъ здѣсь погромщиковъ-крестьянъ, а не полицію.

Но все-таки старикъ-еврей упрямо говорилъ свое.

— Погромъ произошелъ по винѣ нашего пристава... Онъ организовалъ...

Я попросилъ занести въ протоколъ судебнаго засѣданія эти слова.

— Да они не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу!—возразилъ предсѣдатель.—Я отказываю въ занесеніи.

— Но вѣдь протоколъ долженъ заключать въ себѣ все, что такъ или иначе прошло передъ судьями... Свидѣтель Даевъ назвалъ пристава...

— Отказываюсь это, именно это занести въ протоколъ... Мы обязаны отмѣчать лишь дѣйствія суда...

— Въ такомъ случаѣ прошу занести, что отмѣтить именно приведенный фактъ мнѣ было отказано... Это уже дѣйствіе суда...

— Никогда не занесу! Я сказалъ, что полиціи не судимъ...

Гражданскій истецъ занялъ мѣсто.

Вышелъ слѣдующій свидѣтель-потерпѣвшій. Снова длинно разсказалъ о погромѣ. Упомянулъ о приставѣ. Я просилъ запротоколить. Снова послѣдовалъ такой же отказъ...

Предсѣдатель громко закричалъ, что «не дастъ» больше касаться дѣйствій полиціи!..

Изумителенъ безпроволочный телеграфъ. На громадныя разстоянія, черезъ запертыя окна и двери, желѣзную крышу, земляную настилку потолка, каменныя стѣны передаетъ онъ въ комнату небольшой шкатулкѣ гдѣ-то пущенныя волны электричества. И запертая комната сносится съ внѣшнимъ міромъ, какъ будто въ нее проведены самые лучшіе провода. Но еще изумительнѣе свидѣтельская комната! Двери и окна ея не только заперты: къ нимъ приставлены городовые, служителя. Никто ничего оттуда не долженъ слышать. Такъ «внушаетъ» самъ предсѣдатель. И тѣмъ не менѣе достаточно предсѣдателю закричать, что онъ не дастъ говорить о чемъ-либо, какъ уже тамъ все это извѣстно!..

Послѣ крика предсѣдателя, каждый выходившій потерпѣвшій на стереотипный вопросъ—«что вы знаете по дѣлу?» Съ быстротой пулемета выпаливалъ:

— Приставъ все устроилъ!

— Приставъ мельницу приказалъ разобрать...

— Приставъ пѣлъ вальсъ, когда грабили...

И какъ предсѣдатель ни кричалъ, пострадавшіе, едва открывъ ротъ, успѣвали каждый сообщить что-либо новое о приставѣ!..

А я все просилъ занесть въ протоколъ и все также неизмѣнно получалъ отказъ...

Во время перерыва двое изъ моихъ довѣрителей сообщили мнѣ отъ имени остальныхъ, что привлеченіе пристава къ отвѣту для нихъ важнѣе присужденія убытковъ. Съ погромщиковъ все равно ничего не взять...

И я рѣшилъ добиться своего.

Дѣло слушалось на югѣ Малороссіи въ іюлѣ мѣсяцѣ. Жара стояла «сумасшедшая». Раскрытыя окна не помогали. Залъ былъ набитъ народомъ. Воздуху не хватало. И предсѣдатель, и члены суда, и сословные представители—всѣ были въ легкихъ лѣтнихъ кителяхъ. И всѣ изнывали отъ жары. Но что испытывалъ я въ черномъ суконномъ фракѣ?! Потъ лилъ ручьями, и я купался въ немъ, какъ въ кипяткѣ.

И тѣмъ не менѣе по окончаніи допроса каждаго свидѣтеля-потерпѣвшаго, я по-прежнему просилъ оставить его въ залѣ засѣданія.

— Зачѣмъ собственно онъ?..—«наивно» спрашивалъ предсѣдатель.

— Нуженъ,—«равнодушно» отвѣчалъ я...

Когда въ залѣ засѣданія не осталось уже ни одного свободнаго мѣста, предсѣдатель обратился къ прокурору.

— Не находите ли вы возможнымъ удалить допрошенныхъ свидѣтелей? Нѣтъ мѣста!.. Мы задыхаемся!—добавилъ онъ шопотомъ...

— Конечно, я не встрѣчаю препятствій... Наоборотъ я съ своей стороны просилъ бы удалить...

— Господинъ повѣренный гражданскихъ истцовъ?

— Всякій гражданскій истецъ, какъ сторона въ дѣлѣ, на основаніи 630 и 631 статей уголовнаго судопроизводства пользуется въ процессѣ тѣми же правами, что и прокуроръ, по всѣмъ предметамъ, касающимся его иска. И какъ нельзя удалить господина прокурора, такъ нельзя удалить изъ зала и гражданскихъ истцовъ. Они могутъ уйти лишь по собственному желанію... Какъ свидѣтели, они мнѣ больше не нужны, но какъ гражданскіе истцы они всѣ, всѣ до одного желаютъ остаться въ залѣ судебнаго засѣданія!..

Предсѣдатель позеленѣлъ.—Позвольте! Вѣдь однихъ гражданскихъ истцовъ остается еще пятьдесятъ человѣкъ... Что же дальше дѣлать?!..

— Продолжать судебное засѣданіе,—отвѣчалъ я задыхаясь...

На мои бумаги со лба лился потъ...

— Это невозможно... Нѣтъ мѣста, нѣтъ воздуха...

— Гарантіи правосудія должны быть соблюдены...

Засѣданіе продолжалось.

Допросили еще десять свидѣтелей-гражданскихъ истцовъ. Они стояли уже вокругъ судейскаго стола.

Предсѣдатель объявилъ перерывъ.

Ко мнѣ подошелъ судебный приставъ и сообщилъ, что предсѣдатель проситъ зайти къ нему.

Пошелъ. Онъ былъ одинъ. Судьи «дышали» въ палисадникѣ.

— Голубчикъ! — гостепріимно воскликнулъ предсѣдатель, едва увидя меня. Онъ ласково разставилъ руки, точно желалъ обнять.—Добро пожаловать... Знаете, я рѣшилъ съ вами поговорить... По дружески, по домашнему...

— Очень радъ познакомиться...

— Да, но вотъ вы—нехорошо!.. Вѣдь знаете, такъ нельзя! Вы измучили насъ! Веселый вы человѣкъ! Вѣдь это шутка! Конечно, мы не можемъ удалить гражданскихъ истцовъ... Но вѣдь и такое громадное дѣло срывать нельзя... Сколько однѣхъ повѣстокъ! Не отпишешься! Перенесть некуда, въ этомъ городкѣ

только циркъ побольше, да за это все равно кассируютъ... Положеніе безвыходное... Отпустите съ миромъ своихъ вѣрителей домой...

— Ни за что!

— Но для чего они вамъ?!

— А хотя бы для того, чтобы они всѣ доподлинно знали, что я употребляю рѣшительно всѣ усилія занести въ протоколъ о безобразіяхъ пристава — и не могу добиться...

— Да зачѣмъ вамъ приставъ?

— Онъ главный виновный, пусть онъ отвѣтитъ... Вы пожелали говорить со мной по домашнему... Я долженъ предупредить, что пока вы не занесете хотя наиболѣе существенное въ протоколъ, я не отпущу ни одного человѣка!.. Или откладывайте дѣло...

— Ну Богъ съ вами, заносите. Только заявите ходатайство въ новой формѣ...

Когда открылось засѣданіе и первый же потерпѣвшій назвалъ пристава, я поднялся.

— Прошу занести въ протоколъ, что этотъ свидѣтель, какъ и другіе, сообщившіе о приставѣ слѣдующія вопіющія данныя (я перечислилъ факты), показалъ въ согласіи съ ними... а именно...

— Занесите въ протоколъ,—нетерпѣливо крикнулъ предсѣдатель.

Я продиктовалъ.

— Теперь прошу освободить всѣхъ допрошенныхъ гражданскихъ истцовъ!...

— Всѣхъ?—воскликнулъ предсѣдатель.

— Да.

Дѣло продолжалось слушаніемъ.

И погромщиковъ осудили, и пристава потомъ привлекли.

Не знаю, чѣмъ кончилось...

Но, Боже мой, отчего съ такой тоской я вспоминаю и сейчасъ объ этомъ «веселомъ» дѣлѣ?

III.

Блестящая рѣчь.

— Ни за что не повѣрю!..

Подсудимый—докторъ—широко развелъ руками и добродушно улыбнулся.

— Не вѣрите, докторъ, посмотрите законъ... Сотая статья...

Я показалъ.

— Вотъ она:—«виновный въ насильственномъ посягательствѣ на измѣненіе въ Россіи или какой-либо ея части установленныхъ законами основными образа правленія»... И, сами читайте,—смертная казнь...

— Ну?

— Видите?

— Вижу...

— Вѣрите?

— Нѣтъ...

— Что-о! Да вѣдь я вамъ показалъ! Законъ!...

— Какой законъ?! Былъ 1905-ый годъ... Тутъ никакіе законы не примѣнимы!...

— Но вѣдь въ обвинительномъ актѣ прокуроръ примѣняетъ къ вамъ сотую статью.

— Покажите еще.

— Сами видите... Вотъ... Смертная казнь...

— Не вѣрю...

— Тѣмъ не менѣе она вамъ грозитъ... Я обязанъ васъ предупредить, чтобы вы знали объ этомъ, давая свои объясненія суду.

— Пустяки! не можетъ быть! Какое тамъ отторженіе!... Начался митингъ, потомъ шествіе съ красными флагами... Все это какъ-то въ туманѣ... Навстрѣчу шла воинская команда, и она примкнула. Мы братались... Музыканты играли... Удивительная музыка! Она поднимаетъ настроеніе, создаетъ его. Подъ звуки марсельезы ходили и республиканскія, и монархическія войска... И тутъ была какая-то музыка, а какая?... Не помню! Только музыка была такая... И толпа росла... Подошли къ городской управѣ... Я какъ гласный. Толпа ворвалась... Молодежь стала требовать милицію... Помню, я что-то говорилъ по телефону губернатору... Онъ уѣхалъ. Полиціймейстера не было видно... Меня изъ докторовъ толпа тутъ же назначила не то приставомъ, не то полиціймейстеромъ, слѣдить за порядкомъ... Я согласился. А можетъ быть не соглашался. Не знаю. Кажется не спрашивали... Дѣлалъ все какъ-то по инерціи. Въ туманѣ... Вотъ и все... Ничего самъ не понимаю, главное—память отшибло...

— А воззваніе?!. Вѣдь вы его подписали?..

— Да, подъ какимъ-то подписался, но даже не читалъ... Кажется—все!..

— Хорошо все!..

— Говорю вамъ—не читалъ. Я былъ такъ заваленъ эти

годы больными, думой, что буквально ничего не читалъ. Только въ «Русскій Врачъ» и заглядывалъ — и то, чтобъ не отстать. По правдѣ говорю, разучился читать. Гдѣ же мнѣ въ этой сутолокѣ было разсматривать каждую строку... Не читалъ!..

— Не повѣрятъ... Докторъ медицины... Какъ такую бумагу подписывать...

— Ужъ простите, а я не вѣрю, что не повѣрятъ! Скажу, и должны будутъ повѣрить...

— Конечно, разскажите суду... Искренность тона... Только все-таки помните, что это—военный судъ. Тутъ не до сентиментальностей...

— Но неужели меня могутъ приговорить къ смертной казни?!.

— Я уже сказалъ...

— Къ смертной казни?!. Вздоръ! Если бы это было такъ, слѣдователь не отпустилъ бы меня подъ залогъ въ сто рублей!..

— То было такое время... Тогда иногда такъ отпускали, а затѣмъ забывали. О васъ тоже забыли и потому не измѣнили мѣры пресѣченія. Теперь даже по 102-ой статьѣ,—гдѣ только каторга, — очень часто увеличиваютъ залогъ или даже арестуютъ, какъ только дѣло переходитъ отъ слѣдователя въ судъ... Въ первомъ же распорядительномъ засѣданіи...

— Знаете, когда жена прокурора рожала, онъ позвалъ меня. Не къ кому было иначе обратиться... Навязалъ большой гонораръ и такъ горячо благодарилъ...

— Онъ уже будетъ ни при чемъ. Слѣдствіе закончено и дѣло передано въ военный судъ. Будетъ военный прокуроръ...

— Я не къ тому...

Докторъ ушелъ отъ меня такой же спокойный, съ той же добродушной улыбкой, съ которой вошелъ въ кабинетъ.

И на судѣ онъ былъ все такой же.

Многіе подсудимые, даже пришедшіе съ воли, были желты и зелены, точно больные. Такъ истомило ихъ ожиданіе суда... А онъ? Хоть бы что! Мнѣ все время казалось, что онъ вотъ-вотъ начнетъ добродушно и беззаботно напѣвать Торреадора... И таковъ онъ былъ въ теченіе всего процесса. Точно онъ пришелъ на судъ поглядѣть, что тамъ творится.

Мы — нѣсколько адвокатовъ — « всѣ защищали всѣхъ». И потому подсудимые были распредѣлены въ группы однороднаго по уликамъ состава. Докторъ отпалъ отъ меня къ товарищу.

Дѣло подходило къ концу. Устали всѣ, начиная съ судей. Докторъ оставался неизмѣннымъ. Онъ подходилъ къ подсуди-

мымъ, дружески похлопывалъ ихъ по плечу и нисколько не тужилъ... Онъ даже какъ-то полушутя и очень ужъ коротко разсказалъ суду «свою печальную исторію»...

Помощникъ военнаго прокурора произнесъ обвинительную рѣчь. Въ числѣ главныхъ виновниковъ онъ назвалъ и доктора.

— Нельзя же прощать его только потому, что онъ—интеллигентный человѣкъ, что онъ—много старше, опытнѣе и сознательнѣе этой зеленой молодежи и, болѣе чѣмъ она, зналъ, что дѣлаетъ! Онъ болѣе другихъ заслужилъ смертную казнь, и я прошу примѣнить ее къ нему!

Докторъ даже не дрогнулъ. Только губы его слегка потянулись, точно онъ хотѣлъ шутливо посвистѣть.

Дошла очередь и до защитника доктора.

Онъ заговорилъ объ ужасѣ смертной казни, о ея непоправимости. И говорилъ горячо, убѣдительно. Въ тускломъ залѣ солдатской казармы, гдѣ засѣдалъ временный судъ, стало уныло, точно на кладбищѣ въ сѣрые осенніе сумерки. И холодно, и скользко. И такъ сыро... И защитникъ тоже почувствовалъ это.

— Судъ не кладбище!—говорилъ онъ. — Сюда идутъ не для того, чтобы сложить свои кости. Сюда идутъ съ довѣріемъ, да, съ глубокой вѣрой въ правосудіе! Взгляните на этого подсудимаго,—закончилъ товарищъ свои соображенія о докторѣ.— Его—«страшнаго бунтовщика»—отпустили подъ залогъ всего въ сто рублей. И зная, что ему грозитъ смертная казнь, онъ пришелъ сюда съ открытой душой, твердо вѣря, что вы не вынесете ему казни, что подписавъ ему смертный приговоръ, вы первые же явитесь ходатаями за него! А что можетъ быть страшнѣе смертнаго приговора?!. На шею осужденнаго уже наброшена веревка... Остается только затянуть ее!.. И въ ожиданіи конфирмаціи осужденный проводитъ безконечно долгіе часы мучительно томительныхъ, безсонныхъ ночей... Каждый шорохъ, каждый звукъ... И онъ вскакиваетъ въ смертельной тоскѣ! «Идутъ, уже идутъ за нимъ!.. За его жизнью... Нѣтъ, стихло... Веревка не затянута!..» И снова это страшное томленіе... Это «ожиданіе», которое страшнѣе всѣхъ наказаній... Нѣтъ, такъ нельзя...

Послѣ этой рѣчи предсѣдатель объявилъ перерывъ на пять минутъ.

Подсудимые, бывшіе на свободѣ, и публика вышли въ корридоръ...

Когда раздался звонокъ, дежурный офицеръ попросилъ всѣхъ занять свои мѣста...

Доктора не было. Онъ точно сквозь землю провалился!

Долго суетился и бѣгалъ по суду дежурный офицеръ. Позвалъ секретаря. Искалъ по всѣмъ закоулкамъ и секретарь. Все было тщетно...

Рѣчь защитника была блестяща... Она произвела впечатлѣніе даже на доктора.

Онъ скрылся!..

Владиміръ Беренштамъ.

ГОЛОДНАЯ ДЕРЕВНЯ.

Вмѣсто предисловія.

Русская деревня, голодная русская деревня, съ ранней юности мысли наши стремились къ тебѣ. Но тебя окружали желѣзныя, стѣны, и мы бродили кругомъ, какъ грѣшники вкругъ рая, и старались заглянуть внутрь и ничего не видѣли. Теперь на востокѣ свѣтлѣетъ, и воздухъ наполнился тусклымъ сіяніемъ. И стало желѣзо стекломъ. Наши взоры проникаютъ за запретную черту. И то, что мы видимъ, далеко отъ рая. Тамъ, за оградой, такія же грѣшныя души, какъ мы, строптивыя и плѣнныя. Но стекло заграждаетъ дорогу не хуже желѣза, и мы бьемся объ него, какъ жуки объ окно маяка, и скребемся ногтями, какъ псы, и не можемъ пройти.

Будемъ ли мы когда-нибудь вмѣстѣ съ тобою?.. Все, что осталось у насъ отъ великихъ крушеній — по прежнему твое.

Ибо, хотя твой маякъ поблѣднѣлъ, и померкла звѣзда, и расплылся, дрожа, твой строгій мистическій образъ, и низкое небо ушло въ недоступную высь, но осталась земля, широкія скудныя нивы, скрежетъ тяжелыхъ плуговъ, и борозды, политыя потомъ, зеленые всходы озимыхъ хлѣбовъ, и на деревѣ жизни густая чешуя растущихъ поколѣній.

Дай намъ зарыть зяблые корни нашихъ сердецъ въ твою истощенную почву. Можетъ быть, выростетъ новая жатва обильнѣе этой нищенской ржи и засохшей травы.

Безъ тебя намъ некуда больше идти. Ты наша цѣль и наша опора. Открой свои двери, великая, голодная, загадочная Русь...

I.

Въ дорогѣ.

Недѣлю за недѣлей мы скитались въ глуши, вдали отъ желѣзной дороги, на ямскихъ лошадяхъ, полумертвыхъ отъ безкормицы. Ѣздили все больше по ночамъ, чтобъ выиграть нѣсколько часовъ, часто блуждали и сидѣли въ снѣгу. Дѣлали въ сутки иной разъ верстъ 50, а иной—только 10.

Заѣзжали къ башкирамъ и къ татарамъ, къ черемисамъ и къ хохламъ, и къ природнымъ поволжскимъ русакамъ, открывали—благо перемиріе настало,—столовыя, недавно закрытыя по манію урядника, и все время старались накормить нашими пятью хлѣбами и двумя рыбами многія тысячи голодныхъ..

Точнѣе говоря, старались мои спутники. Я же состоялъ при нихъ въ качествѣ походнаго исторіографа. Но безъ евангельскаго чуда дѣло спорилось плохо.

Мы ночевали по кухнямъ вмѣстѣ съ телятами. Кухнями здѣсь называются тѣсныя хаты - мазанки безъ сѣней и даже безъ крышъ, съ однимъ потолкомъ, обложеннымъ дерномъ и замазаннымъ глиною. Спасались отъ бурана въ волостныхъ каталажкахъ, вмѣстѣ съ арестованными мужиками, бывали въ больницахъ и въ школахъ, на сельскихъ сходахъ, въ церквяхъ и въ камерахъ земскихъ начальниковъ. Предъ нами прошли вереницей толпы людей, тысячи лицъ, какъ будто въ кинематографѣ, унылымъ, и зимнемъ, и траурномъ. Фигуры живыя, но двуцвѣтныя, черныя съ бѣлымъ, безъ радужныхъ красокъ, безъ яркости солнца.

* * *

Мужики, мужики, мужики. Голодные, злые, пришибленные неурожаемъ, словно обухомъ, готовые рѣшительно на все, что ни подсунетъ судьба, утратившіе вѣру и въ старое, и въ новое, въ начальство и въ землю, и въ Бога, и въ пышныя рѣчи, и даже въ завѣтный передѣлъ. Съ душою, похожей на какую-то стертую доску,—что хочешь, то и напиши на ней: мірской могарычъ или искусственное орошеніе, всеобщую грамотность или всеобщій поджогъ.

Старая формула въ дребезги разбита: «отцы наши не глупѣе насъ были». Но что изъ того, когда не находится новой взамѣну? Они озираются кругомъ и не видятъ ничего, кромѣ вѣчнаго голода и вѣчныхъ недоимокъ. Добраго слова не слышатъ,

кромѣ той же привычной, опостылѣвшей брани. И мнѣ довелось услыхать изъ устъ батрака на Самарѣ новѣйшій варіантъ того же стариннаго присловья:

«Отцы дуботолки, а дѣти такіе же черти».

Mens sana in corpore sano. А по-русски выходитъ навыворотъ. *Голодные брюхомъ и духомъ.*

Чѣмъ же онѣ существуютъ, эти голодныя, жалкія, нищія души? Онѣ заразились тоскливою хворью нашихъ большихъ ожиданій и разбитыхъ надеждъ.

Старыя легенды и новыя газетныя утки, политическія сплетни, словно въ кулуарахъ Государственной Думы.

Три сосѣднихъ царя дали на голодъ по сту милліоновъ рублей. Да деньги пропали въ таможнѣ...

Такіе же вопросы, легкомысленно внезапные: не будетъ ли войны, не прилетъ ли азіатъ?

Или на Кириопасху 25 марта выпадетъ снѣгъ на 7 саженъ и треснетъ земля отъ мороза. Встанутъ изъ гробовъ утопленники и удавленники и велятъ землю нарѣзать по новому, по три аршина на голову.

Закромы пусты. Нетопленныя печи. Откуда эта скудость?

Быть можетъ, отъ неурожая?

Но вѣдь три года подрядъ были на Самарѣ урожаи по 120 пудовъ на десятину. И хоть бы осталось зерно на новую весну. 22 милліона—пропили, 20 милліоновъ отдали въ уплату недоимки. Живутъ безъ запаса, «на всѣ», «изъ короба въ ротъ», какъ гвинейскіе негры. По пословицѣ:

Есть, такъ подъ дугу,
А нѣтъ, такъ погуду (посвищу).

Быть можетъ, отъ малоземелья?

Но на востокѣ самарскихъ степей, по Общему Сырту, надѣлы такіе, какихъ не бываетъ въ Сибири. Въ Большой Черниговкѣ 28 десятинъ на душу, въ Украйнѣ и Гусихѣ 31 десятина на душу. Все черноземъ, толщиною въ аршинъ. По этимъ широкимъ и тучнымъ загонамъ ходятъ голодныя дѣти съ сумой за плечами и жалобно плачутъ: «Подайте ради Христа!»

Ходятъ босыми ногами по мерзлому снѣгу мальчишки безъ штановъ. Дайте имъ городскіе обноски, «что вамъ не нужно», какъ пишутъ въ воззваніяхъ... Такъ и свѣтится голое тѣло... Но только не знаю, мы ли у нихъ отобрали рубаху, или какъ они голые родились, такъ и остались—безшерстные щенята.

Общія столовыя, артельные котлы—русскій варіантъ го-

сударственнаго соціализма. Въ котлахъ кипятокъ, съ запахомъ масла, съ тѣнью крупы, дается только ребятишкамъ, разъ въ сутки, чашками, какъ будто шоколадъ. Въ одномъ селѣ каждый вечеръ подсчитываютъ точный расходъ, словно въ аптекѣ: $4^3/_7$ копѣйки на голову,—съ хлѣбомъ и даже со всѣми побочными затратами. Въ другомъ приходятъ старики съ палками и сердито кричатъ учительницѣ: «Не смѣй выбирать. Всѣхъ корми подъ одно. Морду побьемъ!.. Нѣтъ, ты отдай намъ, подлянка, триста рублей, которые отпущены на насъ. Знаемъ, гдѣ раки зимуютъ»...

Есть ли преемственность въ русской культурѣ и въ русскихъ идеяхъ? Не знаю. За то утвердился преемственный голодъ, какъ форма россійскаго быта.

Я видѣлъ разсчетныя книги 1906-го года. Только бѣлая страничка оставлена. И начата съ новой графы голодная компанія 1911-го года.

У священника А. Рудакова въ Малой Глушицѣ осталось отъ стараго фонда 167 рублей. Онъ тщательно сберегъ ихъ до нынѣшней зимы и открылъ на нихъ столовую. Въ Черниговкѣ цѣлы сушеныя овощи—подарокъ англійскихъ баптистовъ, въ Шуклевой—зеленая бумажка, цѣною въ 1 долларъ, отъ пенсильванскихъ квакеровъ. Память того, какъ мы побирались по цѣлому свѣту. Ибо тогда намъ давали охотно, какъ ласковымъ нищимъ. А теперь насъ признали за нищихъ злыхъ. И никто не даетъ.

* * *

Продажа крестьянскихъ надѣловъ. Вотъ привезли въ Самару живой деревенскій товаръ, крестьянскія души, четыре подводы—двадцать человѣкъ мужиковъ, на запись къ нотаріусу.

Его, мужика, не поймешь. «Полторы души продалъ. Своя душа осталась, да эту никто не беретъ».

Мертвыя души не хуже Чичиковскихъ, «тянутыя» души, нарубленныя землеустроителями, Богъ знаетъ на кого, «на рябого кобеля», и прибранныя ловко къ рукамъ сибирскія души, скупленныя у переселенцевъ. Башкирскіе «вѣчники» продали землю «на вѣчно», плату получили мукою и даже калачами. Везутъ ихъ домой, а лошадь безъ корма не идетъ. Давай ее кормить тоже калачами изъ саней.

Скупщики, толстые, грузные, или, напротивъ, вертлявые, юркіе. Иванъ Шихаревъ, волостной старшина, восьми пудовъ вѣсу, скупилъ 46 надѣловъ и даже подъ судъ угодилъ. Ивахинъ, тоже старшина и хлѣбный поставщикъ, маленькій, острый, другъ земскаго начальника. Лукавый Емгуловъ, башкиръ, три раза

сидѣлъ въ тюрьмѣ, но все-таки построилъ себѣ домъ съ фигурною кровлей и съ башней наверху. Каждый изъ нихъ захватилъ больше 1000 десятинъ крестьянской надѣльной земли.

Нельзя описать простыми словами, какая взаимная злоба растетъ изъ этихъ покупокъ. Въѣдается какъ ракъ въ самое сердце деревни. Въ селѣ Августовкѣ даже «куски» подавать подъ окномъ перестали,—хоть грѣхъ. Если нищій придетъ подъ окно, сперва поглядятъ, не отрубщикъ ли. И если изъ тѣхъ, что продали надѣлъ, такъ—къ чортовой матери. «Къ Ванькѣ ступай. На васъ вѣдь помѣстье отрѣзано. Пусть онъ подастъ».

Куска не даютъ... А прежде на этомъ кускѣ въ голодное время держалась крестьянская совѣсть. «Хоть вору подай»!

Прочны ли эти новыя помѣстья?

Я ѣхалъ по дорогѣ съ агентомъ земельнаго банка. Онъ меланхолически смотрѣлъ на новыя границы отрубовъ и скупленныхъ участковъ и наконецъ сказалъ: «Работаютъ на насъ». Ибо дѣйствительно земли частныхъ владѣльцевъ стекаются въ банки, какъ рѣки стекаются въ море. Лѣтъ десять побудутъ въ закладѣ, потомъ поступаютъ въ продажу и снова переходятъ въ руки крестьянъ, пріѣзжихъ хохловъ, латышей, но уже по удвоеннымъ цѣнамъ. Разница идетъ на уплату дивидендовъ господамъ акціонерамъ. Но даже въ крестьянскихъ рукахъ не держится крѣпко земля и года черезъ два переходитъ къ другимъ, съ приплатой «верховъ», а старые владѣльцы уѣзжаютъ на востокъ. Земля словно превратилась изъ недвижимости въ движимость, а люди перешли отъ осѣдлаго быта къ кочевому. И вся отрубная система свелась къ гигантской спекуляціи и вздутію цѣнъ и росту закладныхъ.

Общія цѣны на землю выросли до 150 рублей за десятину, а крестьянская земля все-таки уходитъ по 200 рублей за цѣлый надѣлъ въ 6—8 десятинъ, и часто дешевле. Ибо ее продаютъ на задворкахъ, въ тѣсной средѣ, подъ бременемъ различныхъ запрещеній. Я полюбопытствовалъ зайти въ Самарѣ въ отдѣленіе того же банка. На лѣстницѣ толклись мужики: «Нельзя ли заложить надѣльную землю? Быть можетъ, обернемся».—«Нельзя, запрещено». Такіе разговоры велись съ ранняго утра до поздняго вечера. «Нельзя»... Допускается только одно: дешевая продажа крестьянской земли въ кулацкія руки. Ужъ если продавать, такъ лучше бъ ее разрѣшили на рынокъ выносить, какъ всякую другую. Одинъ конецъ.

Тогда бы, пожалуй, полдуши хватило семьѣ на зиму прокормиться. Теперь же двѣ души продадутъ, а на зиму не хватитъ.

За шесть мѣсяцевъ до новаго года въ пяти уѣздахъ самарской губерніи продано 6000 надѣловъ, размѣромъ приблизительно въ 60.000 десятинъ, да еще 60.000 десятинъ за отсутствіемъ сѣмянъ попало въ дешевую аренду отъ бѣдныхъ къ богатымъ...

* *
*

Волостныя и сельскія власти. Николай Гиляковъ [1]), волостной старшина, зовется «министръ» и также «Столыпинъ»,—«чиноопиватель», «чистосердечный пьяница», отца родного продастъ за бутылку.

Нифонтъ Гундосый—благочестивый снохачъ.

— Съ Господомъ, Васенька, съ Господомъ.—А самъ на руки смотритъ:—Экой ты, парень, да ты бы его бутылкой съѣздилъ по зубамъ. Тогда и запишутъ на ссуду...

Далъ. Записали.

Арсентій Цыгановъ. Кричитъ середь улицы прямо:

— Эй ты, записали. Бутылку готовь!..

Бутылка, пропой, могарычъ. Словъ не услышишь другихъ. Это реальныя нормы русскаго обычнаго права.

Андрей Перевѣсовъ, по прозвищу Палачъ. Зловѣщая фигура. Два раза его жгли. Открыто заявляетъ:

— Не дамъ кормить. Пущай поголодаютъ. Больно носы задираютъ, паршивцы.

Даже мужичій ходокъ Волосковъ, кондовый, кряжистый, по старому завѣту, дѣло проигралъ по всѣмъ инстанціямъ, вплоть до сената, но изъ общественныхъ расходовъ припряталъ сотню рублей, лошадь купилъ, да хорошаго борова.

Все это фигуры изъ жизни, изъ самой гущины.

* *
*

Волостные архивы. Въ чуланѣ на полкахъ, подъ трауромъ пыли, навалены жирныя папки. Бумажныя горы. Еще хорошо, что крысы время отъ времени производятъ ревизію. Не то бы всю Россію завалили казенной бумагой.

Напримѣръ, по порядку седьмому:

1) О должностныхъ лицахъ.
2) О произрастаніи хлѣбовъ и травъ.
3) О своевременномъ поступленіи.
4) О генеральной повѣркѣ.
5) Къ свѣдѣнію и руководству.

И еще пунктовъ двадцать.

---

1) Я измѣнилъ имена по понятной причинѣ. Важны людскія дѣла, не людскія имена. *Т.*

И въ видѣ послѣдняго аккорда «неграмотные списки», печатные списки неграмотныхъ крестьянъ, сходчиковъ такого-то селенія, предусмотрительно заготовленные въ казенной типографіи для быстрой подшивки къ различнымъ приговорамъ.

«Напишутъ, на сходѣ молчкомъ, подвяжутъ неграмотный списокъ, подмахнутъ да такъ и посылаютъ».

Станешь смотрѣть приговоры: по списку неграмотныхъ 390, а за ихъ безграмотствомъ и за себя самого росписался какой-нибудь Тихохонъ СъМагинъ. «Изъ коихъ были на сходѣ вмѣстѣ со старостой 387 душъ». Выходитъ какъ будто въ этомъ замѣчательномъ селѣ грамотныхъ—минусъ четыре человѣка, со СъМагинымъ вмѣстѣ.

Печатные списки неграмотныхъ крестьянъ, для упрощенной подшивки къ сельскому самоуправленію,—это какъ символъ новѣйшей системы управленія деревней. И какъ предѣльная точка той же системы—осенняя роспись общественныхъ работъ, гдѣ противъ каждой фамиліи рукою земскаго начальника обозначена цифра:

Гаврилову—32 р., Корнѣеву—40 р., Галкину—96 р.

Размѣры заработковъ предуставлены въ центрѣ участка на 70 селъ, на 40.000 именъ. И въ каждомъ селѣ техникъ долженъ стоять надъ душой Корнѣева и Галкина и строго слѣдить, чтобы они, Боже сохрани, не переработали на лишній полтинникъ. Не то придется заплатить изъ собственнаго кармана. А между тѣмъ работы сдаются сдѣльно съ куба земли, безъ всякихъ дробей.

Деньги за работу всегда присылаются крупными бумажками, сотенными и даже пятисотенными, новыми, прямо изъ банка. Если въ казенкѣ ихъ не размѣняешь, то никакъ не подѣлишь.

Поди-ка, услѣди!..

Дальше этого, конечно, не можетъ идти бюрократическая утопія.

* * *

Повыше мужиковъ служилые люди въ мундирахъ.

Земскіе начальники. Цѣлая кунсткамера типовъ. Откуда только они берутся? Вотъ Коротневъ, сынъ бывшаго кабатчика, по взглядамъ феодалъ. На всѣхъ полотенцахъ дворянскіе гербы. Живетъ за предѣлами участка, на собственномъ хуторѣ, который у крестьянъ такъ и называется «крѣпость». Кругомъ крѣпости высокая кирпичная стѣна, а на воротахъ надпись: «берегитесь собакъ». Жена у него тоже дама серьезная и склонная къ рукоприкладству. И прислуга у нихъ не держится дольше двухъ недѣль, ни женская, ни муж-

ская. Но madame Коротнева ничуть не унываетъ. Она подоткнетъ свой подолъ и сама вымоетъ полы, подоитъ коровъ, даже корму задастъ лошадямъ, не нуждаясь въ помощи. А крестьяне за каждой нуждой должны тащиться на хуторъ, по скверным дорогамъ. Пріѣхалъ—жди на дворѣ до вечера. Справилъ дѣло, т. е. по большей части отказъ получилъ—тотчасъ же домой поѣзжай. На хуторѣ даже воды не дадутъ, ни чаю, ни хлѣба, ни сѣна, хотя бы за плату. А ближайшая деревня за 10 верстъ.

Даже попу и учителю, если заѣдутъ по дѣлу, не лучшая почесть. Этотъ приволжскій казенный вотчинникъ даже съ губернаторомъ споритъ. Изъ Петербурга ужъ ссуду прислали, а онъ все на своемъ стоялъ, что голода нѣтъ.

— Какой это голодъ. Вотъ я понимаю голодъ, если собственныхъ дѣтей ѣдятъ.

Первую хлѣбную выдачу онъ оттянулъ, вопреки циркулярамъ, до февраля. И то всѣ списки на половину убавилъ.

А рядомъ другой, Легранди, безъ семьи, безъ всякой осѣдлости, котораго все переводятъ изъ губерніи въ другую. Онъ возитъ съ собою складную кровать, покрывается буркой. Въ качествѣ француза любитъ цитировать стихи Беранже:

Два стула, столъ трехногій,
Диванъ, кровать въ углу.

Бухманъ, остзейскій нѣмецъ, а вѣрнѣе эстонецъ, бывшій пѣхотный офицеръ, а нынѣ законникъ и педантъ. Онъ знаетъ всѣ циркуляры и законы наизусть, и пишетъ исходящія бумаги на пишущей машинѣ собственной рукой, а копіи подшиваетъ весьма аккуратно въ синюю обертку.

— Я трачу чернилъ ежедневно на десять копѣекъ,—хвастался онъ,—словно пью я чернила... Бумаги стопу въ недѣлю извожу.

Впрочемъ, онъ по своему недурной человѣкъ. По праздникамъ любитъ играть въ преферансъ по маленькой.

И когда наберетъ козырей, приговариваетъ: «Слава тебѣ, Царю Козырю».

Другой остзеецъ Вальтеръ фонъ-Аа, подлинный нѣмецъ и даже баронъ. Изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ. Этотъ, напротивъ, въ законахъ не твердъ и даже по-русски говоритъ скверно. Бумаги за него сочиняетъ дешевый писецъ, мальчишка молодой, но изъ раннихъ.

— Я разбираю дѣла на собственный умъ,—надменно говоритъ фонъ-Аа,—когда разбиралъ, тогда пріискаю законный параграфъ, который подходилъ бы.

Фонъ-Аа. спортсменъ по природѣ. Онъ становится на лыжи, припрягаетъ къ поясу скакового коня и ѣдетъ по мягкому снѣгу, за 100 верстъ, до самого губернскаго города. Татары сперва качали головой: «Шайтанъ помогаетъ». Но теперь говорятъ: «Бульна образованный человѣкъ. Самъ пѣшкомъ и лошадка пѣшкомъ, а кучеръ не надо».

Впрочемъ, разъ или два случилось, что лошадь его волочила по снѣгу на ремняхъ, какъ будто Брунегильду...

Одинъ несостоятельный должникъ, другой несостоятельный должникъ, цѣлый эскадронъ бывшихъ офицеровъ и штатскихъ юнкеровъ, недорослей, промотавшихся насквозь. У каждаго пукъ векселей, давно протестованныхъ, жалованье подъ секвестромъ, $^{3}/_{5}$ на долги, а $^{2}/_{5}$ на руки. И у каждаго дѣти, жена, и семья, порой двѣ жены и двѣ семьи. Живутъ, занимая по малости, у кого четвертную, у кого даже трэшницу.

Эти по возможности отлынываютъ отъ дѣлъ и отъ бумагъ. Не то передъ самымъ пріѣздомъ начальства возьметъ и запьетъ Все-таки ихъ держатъ, не изъ кого выбрать.

Становые пристава, судебные слѣдователи и прочіе люди 20-го числа. И кого ни спроси, каждый скажетъ одно: «На жизнь не хватаетъ». Все вздорожало. Надо платить за квартиру даже въ деревнѣ, няню нанять для грудного ребенка, а старшихъ отправить въ гимназію, въ городъ.

Зайдетъ разговоръ о реформахъ въ полиціи, въ судѣ, въ управленіи: главная реформа—это прибавка къ окладу.

«Удвойте наши оклады, и мы станемъ работать за двоихъ. Такъ обойдется дешевле».

А попробуй удвоить, пожалуй, бюджета не хватитъ.

Ибо русскія цифры имѣютъ странное свойство. Въ разбивку гроши. А вмѣстѣ сложить, выходятъ десятки милліоновъ.

* * *

Штатскіе люди на службѣ у земства.

Участковые врачи, живущіе въ избахъ, за неимѣніемъ особыхъ квартиръ,—а больница по закону за селомъ, версты за полторы,—съ участкомъ въ тысячу квадратныхъ верстъ, не считая сосѣдняго пустого; завалены пріемомъ, какъ вьючныя лошади, не имѣютъ минуты свободной, чтобы сунуть носъ въ газету. Ибо больная Россія повѣрила доктору и валомъ валитъ на пріемъ, только бы денегъ не брали.

Другіе врачи, гастролеры на усиленныхъ окладахъ, по поводу болѣзни или голода, временно обязанные, живущіе какъ

гости и какъ странники, съ походной семьей и полураспакованной аптекой.

Сельскіе учителя и особенно учительницы.

Мнѣ представляется тотчасъ длинная школа-сарай съ голыми стѣнами, безъ всякихъ пособій и картъ; заставлена скамьями сплошь,—просунуться негдѣ. Изъ-подъ полу дуетъ, изъ оконъ несетъ. Учительница, въ валенкахъ и въ шубѣ, диктуетъ издали, на разстояніи почти телескопическомъ. 180 учениковъ въ одной и той же комнатѣ. Три отдѣленія, налѣво, направо и въ центрѣ. И надо заниматься сразу со всѣми тремя, какъ шахматный игрокъ-чемпіонъ три партіи ведетъ на трехъ шашечницахъ. Налѣво черная кухня съ огромною русскою печкой, тоже набитая партами. Это четвертое отдѣленіе, съ особой учительницей. Ибо по списку школа значится четырехлѣтней, улучшеннаго типа. Какъ вѣнецъ и завершеніе всего, каморка за перегородкой, похожей на ширмы. И въ этой каморкѣ ночуютъ обѣ учительницы. Онѣ спятъ на общей кровати обнявшись, во-первыхъ, отъ холода, во вторыхъ отъ того, что другую кровать и негдѣ поставить.

Правда, бываютъ прекрасныя души, которыя свѣтятъ даже за кухонной печкой, хлопочутъ, голодаютъ, пылаютъ въ безвѣстности, пока легкихъ не надсадятъ учительской чахоткой, или не наткнутся на рожонъ. Но жизнь вѣдь разсчитана не столько на героевъ, сколько па среднихъ людей. Средній учитель въ деревнѣ, теперь, какъ и прежде, побольше церковнаго сторожа, поменьше псаломщика. Безбрачный и бездомный, на краешкѣ стула сидитъ, мечтая о побѣгѣ. Куда ни попало: въ писцы, въ дьякона, въ почтальоны, но лишь бы изъ школы.

Сельскіе попы, молодые и старые, елейные и уксусные, самъ другъ съ женою и самъ восемнадцать съ дѣтьми и внуками. Иные читаютъ «Русское Слово», другіе — «Колоколъ», третьи—и то, и другое.

Ибо, какъ объяснялъ мнѣ старый священникъ Кузьминскій—«Колоколъ»—мирная штука. Онъ умиряетъ мое утомленное сердце. Начитаешься вашихъ газетъ. Такія ужасныя вещи,—и спать невозможно. А эта успокоитъ, какъ маслицемъ смажетъ. Значитъ, не все еще прахомъ пошло».

— Хорошо, кабы правда...

И старый священникъ только головой покачалъ и отвѣтилъ по писанію:

— «Что есть правда?»

Просторные поповскіе дома, жарко натопленныя печи, тол-

стенные блины (дѣло-то было на Масляной); полные амбары, даже въ эту голодную зиму.

Правда, иной попадется священникъ строптивый и лѣвый. Дѣтишекъ,—какъ будто лапшу накрошили, а сбирать по приходу въ голодную пору—совѣсть зазритъ.

И какъ сказано въ стихотворной автобіографіи одного изъ такихъ неудачниковъ:

Тамъ далеко на Самарѣ,
Въ Миловидовѣ селѣ,
Жилъ, какъ мышь въ пустомъ амбарѣ,
Павелъ попъ въ своей семьѣ.

Онъ считалъ себя эс-декомъ,
По приходу не ходилъ.
Добрымъ былъ онъ человѣкомъ,
Каждый годъ дѣтей родилъ.

Въ годъ голодный, рабъ лѣнивый,
Съ мужикомъ онъ голодалъ.
Отъ природы горделивый
Онъ милостынь не принималъ.

Придетъ домой, въ перину брякнетъ,
Махорки трубку закуритъ,
То сплюнетъ, то сердито крякнетъ,
И самъ съ собой заговоритъ:

— Вотъ чѣмъ меня кольнуть хотѣли,—
Такъ разсуждалъ нашъ Павелъ попъ,
Наблюдая на постели,
Какъ къ нему крадется клопъ.

— Ну ладно, я болтливый, дерзкій,
И сумасшедшій, и нахалъ,
Строптивый, гадкій, богомерзкій—
Все старо, все давно слыхалъ.

Такъ почему-жъ, вы люди братья,
Съ такою умной головой,
Мнѣ шлете лишь одни проклятья,
И все смѣетесь надо мной?

Вы таракановъ хуже сами,
Вреднѣе сусликовъ во ржи,
И предъ святыми небесами
Вся ваша жизнь гнуснѣе лжи.

Но другіе, даже прогрессивные, ходятъ по приходу и собираютъ «пироги», круглые пшеничные хлѣбы. У одного возьмутъ, а другому, пожалуй, дадутъ. Кормятъ этими пирогами и собственныхъ дѣтишекъ, и также скотину, а подчасъ и голодныхъ приживальщиковъ на кухнѣ.

Въ Самарской губерніи 90% всѣхъ частныхъ столовыхъ были устроены сельскими священниками, въ вѣчной борьбѣ съ запретами начальства. Ибо добрый священникъ опытнѣй всѣхъ; онъ знаетъ деревенскія дѣла, можно сказать, на зубокъ, лучше старосты и точнѣе сельскаго писаря. Око его наметалось въ наслѣдственной практикѣ за тысячу лѣтъ и привыкло взвѣшивать точно и безошибочно и горе, и радость, и души, и дани пасомыхъ.

Русская жизнь развернулась отъ центра къ окружности по дедуктивному методу и по путямъ центробѣжнымъ, словно праща съ привязаннымъ камнемъ, который хочетъ летѣть въ небеса, а долженъ ходить колесомъ, по той же постылой стезѣ.

Я начну свои очерки отъ самаго центра и двинусь къ окружности по спицамъ колеса.

II.

По лепестковой системѣ.

Россія—страна по преимуществу болтливая. Она питается сплетнями и въ жалобахъ своихъ не щадитъ ни другихъ, ни самое себя. Особенно въ послѣдніе годы лѣвые и правые произносятъ рѣчи, одинаково свирѣпыя и часто направленныя по тѣмъ же адресамъ. И если не видѣть мундировъ и не помнить соціальныхъ положеній, то можно, пожалуй, принять земскаго начальника за лѣваго кадета и члена-ликвидатора крестьянскаго банка за ликвидатора-эс-дека.

Въ этомъ отношеніи до самаго 12-го года ничто не измѣнилось.

Сколько ни пиши циркуляровъ, Россія не хочетъ умолкнуть. Не дѣйствуютъ штрафы и статья 129-ая. Вмѣсто газетныхъ столбцовъ является устная хроника, и самые злые фельетоны перелетаютъ по вѣтру изъ Петербурга въ Малмыжъ, Белебей и Челябинскъ.

И если молчатъ обыватели, то самое начальство принимается браниться и фрондировать.

Единственная трудность—кого-нибудь найти, кто умѣетъ безропотно слушать. Зато помолчите съ внимательнымъ видомъ 15 минутъ,—и вы станете наперсникомъ мыслей сокровенныхъ и стремленій задушевныхъ, узнаете много-премного, больше, пожалуй, того, что есть въ дѣйствительности. Для этой цѣли хороши спеціальные корреспонденты. Корреспондентовъ ругаютъ и даже вышибаютъ. Но если бы не было этого привычнаго русла,

многіе тайные совѣтники, пожалуй, задохнулись бы отъ жажды изліяній и вмѣсто опроверженій стали бы писать анонимныя статьи, съ подписью: «отъ стараго друга». Мнѣ приходилось видѣть такія статьи изъ «первоисточника» въ редакціи провинціальной газеты.

Я съ своей стороны всегда стараюсь идти навстрѣчу изліяніямъ сановниковъ, ибо, признаюсь открыто, до страсти люблю бесѣдовать запросто... съ лицомъ такимъ, съ лицомъ такимъ, съ его сіятельствомъ самимъ...

Можетъ быть, это законная страсть, а можетъ, преступное чувство. Все равно, я не могу удержаться. Вѣдь мы знаемъ такъ мало объ этомъ замкнутомъ мірѣ. Другъ друга насквозь изучили, всѣхъ равныхъ и низшихъ, душу воротитъ отъ мелкихъ деталей... Но тѣ, что пишутъ для насъ циркуляры, всѣ они для насъ таинственные незнакомцы, бронированные громовержцы съ забраломъ на челѣ и съ молніей въ десницѣ. А между тѣмъ это просто Иваны Петровичи, такіе же, какъ мы, съ подагрой, и женой, и человѣческой душой.

То, что мы объ нихъ знаемъ, сводится къ Щедринскимъ помпадурамъ и къ Горбуновскимъ генераламъ, но эти генералы, и графы, и тайные совѣтники, Букиазба и Твердоонто и Дыба и Удавъ,—покрашены въ черную краску и заводятся пружиной, какъ будто механическія куклы кустарнаго дѣла. Что изъ того, что онѣ продаются на каждой витринѣ; въ наше сложное время есть другія фигуры, болѣе сложныя и болѣе цвѣтныя. Ибо природа не любитъ однообразія даже и въ тайныхъ совѣтникахъ, и краситъ ихъ щедрой рукою въ различныя новыя краски, отъ темнокоричневой до желтой и даже до розовой; создаетъ категоріи, оттѣнки и разновидности. Вотъ легкомысленные, а вотъ непреклонные, а вотъ незамѣтные герои, чернильные подвижники, которые пишутъ бумаги съ ранняго утра до поздняго вечера и вѣрятъ въ эти бумаги, проводятъ безсонныя ночи, спасая Россію отъ голода и бунта все тѣмъ же завѣтнымъ листкомъ за номеромъ и синей печатью.

Не знаю, которые лучше и которые хуже.

Но этимъ бумажнымъ потокомъ движется огромная казенная машина, скрипя, торопясь и подпрыгивая на ухабахъ.

Еще одно слово: очерки мои не относятся къ лицамъ. Ибо лица по необходимости случайны. Но если взять различныя черты людей одинаковой профессіи, напримѣръ подбородокъ Ивана Петровича приставить къ пухлому носу Андрея Васильича, а голое темя занять отъ Антона Антоновича, то выйдетъ если не типъ,

то все же лицо коллективное, можно сказать, безличное лицо. Въ виду этого Иванамъ Петровичамъ и Антонамъ Антоновичамъ нѣтъ повода огорчаться моими описаніями.

Было это въ Расхлѣбскѣ, довольно захолустномъ приволжскомъ городѣ, въ такъ называемомъ дворцѣ, близъ самой пристани. Мы сидѣли въ большомъ кабинетѣ на кожаномъ диванѣ и вели разговоръ. Точнѣе, онъ говорилъ, а я записывалъ въ книжку. Онъ горячился и размахивалъ руками, а мнѣ горячиться было нельзя,—я едва поспѣвалъ ловить изгибы его прихотливыхъ рѣчей и прыгающихъ мыслей.

— Вѣрите, я слѣпну отъ работы. Я тоже готовъ бастовать за 8-ми часовой рабочій день. 10—12 часовъ ежедневной работы, и даже по праздникамъ. Семейство свое я вижу очень рѣдко. Видите этотъ ворохъ бумагъ. Его можно измѣрить только кубической мѣрой. Я долженъ ихъ прочитать и подписать до вечера.

— Мы тоже изводимъ бумагу,—сказалъ я легкомысленно.

— Конечно,—подхватилъ онъ тотчасъ же. — Культурная работа ведется—*на бумагѣ*. Культурность народа надо измѣрять не потребленіемъ мыла, а потребленіемъ *бумаги*. Канцелярія—по существу это органъ прогресса. Чиновникъ — это крупная культурная сила, которую не цѣнятъ, которую отвыкли цѣнить. Взять либеральныя профессіи. Врачъ, журналистъ. Вы все-таки хозяинъ своего времени. Вы не отвѣтственны, надъ вами не каплетъ... Надъ нами постоянно и каплетъ, и кровля горитъ. Мы отвѣчаемъ за все. Мы должны совершать непрерывныя чудеса. Насъ гонятъ, какъ будто лошадей.

— Кто же васъ гонитъ,—отозвался я и чуть не прибавилъ изъ пѣсни:—зависть ли тайная, злоба ль открытая?

Но Антону Антоновичу было не до шутокъ.

— Сверху насъ гонятъ и снизу насъ гонятъ, — сказалъ онъ сурово.—Во-первыхъ, центральная власть. Каждый пятакъ на немедленномъ отчетѣ. Напримѣръ, мнѣ нужно было купить сѣмянной овесъ. Разрѣшенная сверху цѣна—не дороже 1 р. 05 к. А овесъ поднялся до 1 р. 10 к. Телеграфирую въ Питеръ. Отвѣчаютъ бумагой черезъ двѣ недѣли: «нельзя!» А овесъ поднялся уже до 1 р. 25 к. Еще разъ телеграфирую. Отвѣтили: «Можно по 1 р. 10 к.». Кончилось тѣмъ, что никакого овса не купили. За каждымъ дѣломъ пріѣзжаетъ особый ревизоръ. Но для чего же существуютъ письма, телеграммы, бумага и конверты, чтобъ ѣздить еще самолично? Я понимаю, когда пріѣзжаетъ сенаторъ съ ревизіей по поводу мздоимства. Ищи, твое счастье.

Но что можетъ понять случайный гастролеръ хотя бы по продовольственному дѣлу? Развѣ оправдать полученіе прогонныхъ и подъемныхъ на такую-то почтенную сумму. Но вѣдь, пожалуй, не долго и спутать цифры, напримѣръ по Казанской и Самарской губерніи, и составить нѣкое opus compositum на манеръ винегрета. Ну, наконецъ я понимаю, если дѣло идетъ объ избирательной кампаніи или объ извѣстномъ тактѣ въ сношеніяхъ съ дворянствомъ и нужно, чтобъ стѣны не слыхали и муха бы не пролетѣла. Тогда вызови меня самого въ Петербургъ.—Онъ покачалъ головой:—Петербургскіе шалуны. Они насъ съ ума сводятъ.

Я выжидательно молчалъ.

— По моему намъ надо дать полную власть,—началъ онъ снова,—пусть подъ жестокой отвѣтственностью, хотя бы до каторжныхъ работъ. Голодное время—все равно что военное время. Итакъ, губернаторъ—отвѣтственный диктаторъ. Хлѣба не хватаетъ? Отлично. Я сдѣлаю реквизицію и велю растворить всѣ частные амбары.

У меня даже мурашки по спинѣ пробѣжали. Обычный бумажный потокъ, прерываемый реквизиціей по праву военнаго времени. Завидная перспектива для обывательской жизни. Но мой собесѣдникъ какъ будто уже предвкушалъ отвѣтственную диктатуру. Даже лицо у него разгорѣлось и ноздри раздулись.

— Зачѣмъ же работать,—воскликнулъ онъ запальчиво,—если насъ вѣчно на помочахъ водятъ? Вѣдь это не должность, а камень Сизифовъ...

И онъ снова вернулся къ своимъ вычисленіямъ:

— Я подписываю ежедневно до 150 бумагъ, не считая того, что идетъ по присутствіямъ. Въ мѣсяцъ—4.500, въ годъ 54.000. Объ отдыхѣ мечтаю, какъ каторжникъ. Съѣдаю холодный обѣдъ, наскоро, одинъ, на углышкѣ стола... Вы посмотрите на Фалька, моего главнаго совѣтника. Онъ выше меня головой и шире въ плечахъ. Фигура Петра Великаго. Встаетъ въ 5 часовъ утра, пишетъ до 3-хъ пополудни. Идетъ завтракать и пишетъ потомъ до 8-ми. И это каждый день. Впрочемъ, изъ него можно выкроить трехъ такихъ, какъ я.

Я видѣлъ циркуляры, составленные «фигурою Петра Великаго». Они поражали безсмысліемъ, особенно одинъ: «о приготовленіи экономическаго хлѣба изъ тертыхъ отрубей!» Въ текстѣ говорилось, что хлѣбъ этотъ годенъ одинаково для людей, лошадей и всякаго другого скота.

— Насъ обвиняютъ въ сухости,—продолжалъ Антонъ Анто-

новичъ.—Пусть такъ. Но вѣдь товарищъ прокурора обвиняетъ преступника, не жалѣя его. Хирургъ рѣжетъ ножомъ почти разложившійся трупъ и не чувствуетъ вони. Такъ и чиновникъ не имѣетъ души въ государственномъ дѣлѣ. Это секретъ и привычка ремесла... Кто пойметъ и усвоитъ идеологію чиновника,—декламировалъ онъ.—Вонъ въ «Спутникѣ Чиновника» справедливо сказано: Чиновникъ—это пріемникъ государственной энергіи, носитель законной иниціативы, реальный проводникъ исторической реформы...

— Вы говорили, что снизу къ вамъ тоже относятся строго,—напомнилъ я.

— Насъ обвиняютъ снизу въ мздоимствѣ,—сказалъ Антонъ Антоновичъ рѣзко и съ вызовомъ въ голосѣ.

Я сдѣлалъ рукой протестующій жестъ. Я слышалъ много разсказовъ о немъ отъ разныхъ людей, но въ этомъ направленіи не было даже намека. Напротивъ, всѣ говорили, что онъ отличается особой щепетильностью въ денежныхъ дѣлахъ. Въ лавкахъ торгуется, но платитъ тотчасъ же наличными. Живетъ замкнуто, скромно, ѣздитъ на извозчикахъ и платитъ по таксѣ: пятиалтынный за конецъ. Тотчасъ послѣ его пріѣзда господинъ полицеймейстеръ распорядился было подставить къ подъѣзду извозчика получше на резиновыхъ шинахъ. Но дня черезъ три извозчикъ явился съ жалобой: «Пятиалтыннаго мэло».—«А ты, говоритъ, напиши на дощечкѣ, что на резиновыхъ—плата двойная».—Антонъ Антоновичъ сѣлъ, поѣхалъ, прочиталъ, и заплатилъ два пятиалтынныхъ, какъ было сказано.—«А завтра,—говоритъ,—пріѣзжай-ка лучше—на простыхъ».

Кстати надо замѣтить относительно «мздоимства». Оно отнюдь не играетъ значительной роли въ новѣйшей системѣ. Ревизіи, что ли, холоду нагнали. Голодная кампанія прошла, напримѣръ, безъ особыхъ упрековъ по этому поводу, но нисколько не сдѣлалось лучше. Ибо можно разбрасывать деньги налѣво и направо безъ всякаго толку и также безъ мздоимства.

— Мой предшественникъ любилъ литературу,—замѣтилъ Антонъ Антоновичъ и лукаво усмѣхнулся. Эта усмѣшка имѣла двойное значеніе. Во-первыхъ онъ считалъ себя самого знатокомъ и любителемъ русской литературы, даже и самой новѣйшей, и въ разговорѣ со мной процитировалъ Сологуба. А во-вторыхъ... въ Расхлѣбскѣ на главной площади красуется домъ съ недостроенной кровлей, народный театръ имени извѣстнаго поэта. На этотъ театръ собирали повсюду, и съ башкиръ, и съ татаръ, и съ кре-

стьянъ, и даже съ поповъ. Башкиры по этому поводу стали интересоваться русской литературой:

— Скажи, пожалуйста, какой большой писарь умеръ? Столько рублей собираютъ...

Все-таки на кровлю собрать не успѣли. Ибо сановный меценатъ былъ переведенъ изъ Расхлѣбска въ Завишенскъ и вмѣсто Народнаго Дома строитъ теперь монументъ другому поэту, не менѣе извѣстному, благо ихъ въ Россіи довольно...

— Земство мнѣ досаждаетъ,—сказалъ откровенно Антонъ Антоновичъ,—какъ бѣльмо на глазу. Они, напримѣръ, живутъ по своему либеральному трафарету, по традиціи 60-хъ годовъ, подсиживаютъ администрацію. Но вѣдь въ 1861-мъ году мнѣ было 5 лѣтъ, и я ходилъ въ дѣтскихъ рубашечкахъ. Теперь же мы выросли изъ этихъ одеждъ и стали зрѣлыми людьми. Предположимъ даже, что правительство стѣснило дѣятельность земства, какъ будто ростовщикъ, который въ трудную минуту приставляетъ вамъ вексель къ горлу, какъ ножъ. Но земство должно было проявить благородство, подчиниться и не сводить счетовъ на спинѣ голодныхъ. Тогда бы всѣ порядочные люди приняли его сторону.

Это звучало какъ-то удивительно стильно, въ стилѣ обновленнаго строя. Мнѣ показалось на минуту, будто я слушаю Кассо въ третьей Государственной Думѣ. Но Антонъ Антоновичъ продолжалъ съ возбужденнымъ лицомъ:

— Я, знаете, человѣкъ нервный. Я такъ переживаю всѣ эти распри, какъ будто я самъ голодающій.

Онъ былъ совершенно искренен. Голосъ его дрожалъ, и губы кривились нервной усмѣшкой, и даже глаза на минуту увлажнились сочувственной росой.

А въ карманѣ у меня лежалъ циркуляръ, свѣженькій, прямо изъ печки, предлагавшій отъ имени Антона Антоновича всѣмъ земскимъ начальникамъ *вычесть изъ продовольственной ссуды за мартъ всѣ гроши и рубли, заработанные крестьянами осенью на общественныхъ работахъ*. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но это правда. Какая-то жестокая и странная утопія, какъ многое другое въ голодной кампаніи. Но даже съѣзды земскихъ начальниковъ отказались принять къ руководству этотъ коварный приказъ обратнаго дѣйствія.

Антонъ Антоновичъ продолжалъ заливаться соловьемъ.

— Я допускаю широкую гласность и земскіе выборы или, пожалуй, выборы въ Государственную Думу, ибо это тоже начало публичное и гласное. Но принципъ большинства—вѣдь это живая

нелѣпость. Въ каждой толпѣ есть одинъ геніальный человѣкъ, двое очень умныхъ, трое или четверо умныхъ, а остальные—стадо. И кто остается при особомъ мнѣніи, чаще всего бываетъ правъ. Я, напримѣръ, говорилъ покойному Столыпину: «Я врагъ междувѣдомственныхъ совѣщаній» — «Почему?» — «Потому,—говорю,—что въ такомъ совѣщаніи по строительному дѣлу при особомъ мнѣніи остается архитекторъ, по юридическому—прокуроръ, по медицинскому—врачъ, а рѣшаетъ большинство». Онъ расхохотался. «Я,—говоритъ,—не подходилъ къ этому предмету съ такой точки зрѣнія».

Антонъ Антоновичъ поглядѣлъ на меня съ такимъ побѣдоноснымъ видомъ, словно въ лицѣ его совмѣщались воедино врачъ, прокуроръ и архитекторъ.

— Мнѣ Богъ далъ способность не только быстро говорить,—похвастался онъ,—но также быстро читать дѣла и вникать въ ихъ суть. Изъ опыта моего я не забываю ни іоты.

Это было не только наивно, но даже трогательно.

Онъ посвятилъ меня въ подробности своей біографіи:

— Я человѣкъ безъ протекціи, можно сказать—homo novus. Мнѣ бабушка ни въ чемъ не ворожила. Выдвинулся собственнымъ хребтомъ, непрерывной работой. Сталъ предсѣдателемъ палаты. И завелъ, знаете, привычку. Когда проѣзжаетъ какой-нибудь сановникъ, я, конечно, являюсь съ служебнымъ визитомъ. «Позвольте представиться: такой-то предсѣдатель палаты, а при надобности замѣщаю начальника губерніи». И что же вы думаете. Раза четыре доложилъ, запомнили имя. Такъ поставилась моя кандидатура на отвѣтственный постъ...

Онъ разсмѣялся откровенно и немножко цинично.

Послѣ того онъ сталъ открывать мнѣ техническія подробности своего административнаго искусства.

— Представьте себѣ: у меня 220 волостей, единственная линія желѣзной дороги, а земскія дороги такія, что даже на верблюдахъ не проѣдешь.

Помните Алексѣя Толстого:

Земство, ты налоги
Съ насъ дерешь безбожно.
Почини дороги,
Ѣздить невозможно.

Какъ все это объѣздить? Жизни не хватитъ. Я ѣзжу каждое лѣто *по лепестковой системѣ*. Вотъ я вамъ на картѣ покажу.

Онъ показалъ мнѣ подробную карту Расхлѣбской губерніи.

Изъ центра ея выходили, дѣйствительно, три замкнутыхъ линіи въ видѣ очертаній лепестка, нанесенныя разными красками, оранжевой, синей, зеленой. Антонъ Антоновичъ съ любовью погладилъ кончикомъ пальцевъ эти яркія линіи:

— Въ три лѣта выросли три лепестка. 62 волости уже обревизовалъ. А послѣ пойдутъ межлепесточныя пространства. Мой идеалъ—непрерывная ревизія. И дастъ Богъ, ни одной волости не останется не обслѣдованной...

По поводу этихъ поѣздокъ разсказывали много анекдотовъ, довольно ядовитыхъ. Было это во время уборки хлѣбовъ, когда съ десятины уже собирали вмѣсто сотни пудовъ 20 или 30 фунтовъ. Но Антонъ Антоновичъ злился на всѣ указанія.

— Какъ смѣли посохнуть хлѣба,—таковъ былъ главный мотивъ его рѣчей, обращенныхъ къ обывателямъ. Ибо онъ вездѣ говоритъ охотно и краснорѣчиво.

— Ничего, проживете и такъ,—отвѣчалъ онъ на лѣтнія просьбы о ссудѣ хлѣбовъ.—А я вамъ не пекарь и хлѣбомъ не торгую.

Эта острота стоила 3 милліона рублей расхлѣбскимъ крестьянамъ. Ибо хлѣбъ, хотя и не печеный, но купленный зимою, стоитъ казнѣ и крестьянамъ вдвое дороже, чѣмъ лѣтомъ. Такъ его и запишутъ и въ свое время взыщутъ. Тотъ же Антонъ Антоновичъ разошлетъ циркуляръ. Но мнѣ хочется думать, что нынѣ въ росѣ его глазъ были также и покаянныя капли.

Онъ продолжалъ говорить, какъ будто граммофонъ. Я съ удивленіемъ узналъ отъ него, что въ Расхлѣбской губерніи существуютъ особыя книги, куда волостные писаря заносятъ въ алфавитномъ порядкѣ изъ году въ годъ всѣхъ жителей, и семьи, и скотъ, и хлѣбные записи, прибыль и убыль. То ли это статистическіе списки, то ли реестры военныхъ поселеній.

На основаніи этихъ реестровъ выдаются продовольственныя ссуды, собираются подати и взыскиваются недоимки. Эта казенная статистика ведется подъ надзоромъ земскихъ начальниковъ, а провѣряется черезъ становыхъ приставовъ. Цифры, разумѣется, всегда совпадаютъ, ибо ихъ списываютъ съ того же листочка. Записи эти весьма легкомысленнаго свойства, списаны просто «съ потолка», какъ объяснялъ мнѣ писарь одной изъ волостей, кстати сказать—уже обревизованной Антономъ Антоновичемъ.

Но почтенный творецъ лепестковой системы былъ очень далекъ отъ всякихъ сомнѣній.

— Мой идеалъ—во всемъ полнота,—сказалъ онъ въ видѣ

окончательнаго вывода.—Полнота власти, полнота изученія, полнота мѣропріятій.

Я хотѣлъ было прибавить примѣнительно къ голоду еще одну полноту—крестьянскаго брюха, но вспомнилъ потокъ циркуляровъ, бывшихъ, и сущихъ, и будущихъ, и мысленно махнулъ рукой.

Если бы люди питались бумагой, въ Россіи бы не было ни одного голоднаго...

По лепестковой системѣ!.. Какія цвѣточныя души..

III.

На хуторѣ.

Это было въ пространномъ помѣщичьемъ домѣ, на хуторѣ Лапка, въ нѣдрахъ Барагульскаго уѣзда. Насъ было человѣкъ десять. Анна Петровна Скворцова, хозяйка хутора, дама лѣтъ сорока, веселая и злая; земскій начальникъ фонъ-Аа, тотъ самый, что ѣздитъ на лыжахъ съ конемъ, еще очень молодой и совершенно лысый; докторъ Могильниковъ, застѣнчивый и нѣсколько глухой; татарскій мулла Сеидъ-Ханъ, изъ ближняго селенія Шурумъ, красавецъ собою, въ бѣлой чалмѣ, съ горящими глазами; толстый арендаторъ изъ сосѣдняго помѣстья и пятеро другихъ.

Кругомъ были дикіе лѣса и наполовину распаханныя степи. Волки зимой приходили подъ самое крыльцо. Толстый арендаторъ поѣхалъ на охоту верхомъ съ собаками, загналъ волка въ оврагъ и самъ тоже свалился черезъ голову въ оврагъ, прямо на волка. Башкиры подоспѣли на помощь и взяли волка живьемъ. Съ тѣхъ поръ арендатора прозвали «волкодавомъ». Земскій начальникъ лѣтомъ надъ быстрою Земой тоже поймалъ живого лосенка просто руками. Вали-Ахметъ, братъ Сеидъ-Хана, изловилъ живого лебедя. Словно это была не русская степь, а огромный звѣринецъ.

Анна Петровна — замѣчательная женщина. Отъ перваго мужа она овдовѣла 17 лѣтъ, чуть не въ дѣвичествѣ, а второго своего мужа выжила изъ дому съ огромными долгами, и съ тѣхъ поръ сама ведетъ полевое хозяйство. И это хозяйство приноситъ доходъ не въ примѣръ всѣмъ сосѣдямъ. Даже въ минувшее лѣто, на зло неурожаю, она умудрилась собрать съ десятины по 50 пудовъ ржи.

Хуторъ Лапка—это настоящее женское царство. Вмѣстѣ съ Анной Петровной живетъ ея старая мама, ключница Марѳа, тоже пожилая, четыре служанки, двѣ собачки комнатныхъ, Бетси и Момси, и двѣ бѣлыхъ раскормленныхъ кошки. Даже прекрасныя черныя овцы каракулевой породы, выписанныя изъ самаго Ташкента съ немалыми расходами, тоже какъ будто сговорились со всѣми и вотъ уже другую весну приносятъ исключительно ярокъ.

Мужики допускаются на Лапку только для внѣшнихъ работъ и большею частью живутъ за оградой. Мамѣ 70 лѣтъ, но у ней есть и другое, такое же бабье гнѣздо, верстъ за сто отсюда. Она тоже осталась соломенной вдовой съ тремя дочерьми и съумѣла поднять дочерей и нажить состояніе. У Анны Петровны тоже двѣ дочери. «Въ нашемъ роду сыновей не бываетъ»,—увѣряетъ она.

Дочери подростки, учатся въ столичномъ институтѣ.

Анна Петровна не мало гордится собой и старою мамой и даже всѣми своими бабками и прабабками. Она хочетъ писать исторію своего рода по женской линіи. Прабабушка Марѳа жила во время Пугачева, проходившаго мимо. Всѣ крестьяне встали на колѣни и отстояли свою матушку. Другая прабабка, Ѳекла Ильинишна, ѣздила по жестокимъ сосѣдкамъ и скупала истязуемыхъ порченыхъ дѣвокъ, соблазняя цѣною. Я пробовалъ указывать ей, что всѣ эти дамы были, должно быть, изъ чужихъ семействъ, но мои аргументы были встрѣчены весьма неблагосклонно.

Мы съѣхались на хуторѣ въ два часа ночи, въ жестокій буранъ. Въ дебряхъ барагульскихъ зимою свинцовая скука. Хозяйка прислала особаго гонца звать насъ въ гости «хотя бы на полсутокъ». На столѣ былъ приготовленъ парадный ужинъ. Женская бригада встрѣтила насъ въ сѣнцахъ съ горящими свѣчами. Но лично меня хозяйка тотчасъ же предупредила открыто:

— Я правая, врагъ вашъ, читаю «Новое Время».—Потомъ немного помолчала и прибавила рѣшительно.—Но только не по женскому вопросу.

«Новое Время»—такъ «Новое Время». Какое мнѣ въ сущности дѣло?.. Но докторъ Могильниковъ тоже поздоровался и задалъ вопросъ другого направленія:

— Что новаго у васъ въ Петербургѣ? Какое настроеніе?..

Я бросилъ нѣсколько словъ достаточно кислыхъ. Проклятый вопросъ. Изъ-за этого вопроса нельзя петербуржцу пріѣхать

въ провинцію. Словно щупаютъ у тебя пульсъ и желаютъ горячку найти, когда у тебя и руки и ноги замерзли.

Докторъ, однако, огорчился:—Я хотѣлъ бы узнать.

— Что вы хотѣли бы узнать, милѣйшій Эскулапъ, —«тяжкую истину» или, можетъ быть, «насъ возвышающій обманъ»?..

— Я предпочелъ бы насъ возвышающую истину,—жалобно признается докторъ.

Любезная хозяйка успѣла показать мнѣ свою библіотеку. Тутъ были французскіе журналы, Родіоновъ и также Арцыбашевъ, І. Ясинскій и Анатолій Каменскій, Вергунъ и Владиміръ Соловьевъ.

Послѣ того мы немного поспали и встали со свѣтомъ, благо зимой разсвѣтаетъ не рано. Тотчасъ послѣ чаю, какъ подобаетъ россіянамъ, мы завели словесный турниръ. Всѣ кричатъ, никто не слушаетъ. Не разберешь, которые союзники и которые враги.

Дѣло идетъ объ устройствѣ столовыхъ.

— Кормить!..

— Не кормить!..

Докторъ—предсѣдатель попечительства въ Ш. околоткѣ. Они надоѣли своими просьбами и земству, и начальству, и редакціямъ газетъ, но столовыя все-таки держатся у нихъ до сихъ поръ, безъ всякихъ доходовъ, какъ непрерывное чудо.

А Анна Петровна—ярая противница столовыхъ.

— Нужно вамъ кормить дармоѣдовъ? Пусть они дохнутъ.

Докторъ разслышалъ не сразу, но потомъ разсердился.

— Барыня, неправда! Вѣдь если десятокъ издохнетъ, такъ вы же поднимете гамъ...

— Что жъ, подниму. А вы не доводите!..

— Вы же сосѣдей кормите,—возразилъ докторъ, успокоиваясь.

— Какъ же, кормлю,—усмѣхнулась барыня.—Вѣдь это башкиры. Мои очаровательные воры...

— Они отработаютъ, — сказалъ успокоительно красавецъ мулла.

— А не покормишь, сожгутъ,—вставилъ отрывисто толстый «волкодавъ».

— Милые воры мои,—еще разъ сказала хозяйка.

— Почему они воры?—насупился докторъ.—У насъ ничего не украли.

Анна Петровна покачала головой:

— Есть у меня «дружокъ» Хусеинъ, такъ онъ говоритъ:

«Не вѣрю, барыня, чтобъ ты не воровала. Всякій человѣкъ хоть разъ на свѣтѣ воровалъ. Ежели плохо лежитъ, у насъ даже законъ такой есть, шаріатъ—что надо украсть».

Сеидъ-Ханъ сердито сверкнулъ глазами.

— Зачѣмъ шаріатъ? Самъ крадетъ.

Онъ былъ самый популярный мулла во всемъ околоткѣ. Его дѣдъ и отецъ считались ишанами (пророками) и собирали кругомъ себя мюридовъ (вѣрующихъ). Но въ прошломъ году онъ ѣздилъ въ Мекку, поклониться гробу Магомета и вывезъ оттуда болѣе свободныя мысли. Теперь онъ выписалъ татарскую газету и перестраиваетъ отцовскую школу по звуковому методу.

Міръ мусульманскій вѣрно запутался не меньше нашего, если даже изъ Мекки, вмѣсто фанатизма, можно вывезти приверженность къ звуковому методу, учебникамъ исторіи и географическимъ глобусамъ.

— Не сердитесь, Сеидъ-Ханъ,—сказала примирительно хозяйка,—я вамъ на школу пожертвую.

— Я даже мечети имъ строю,—обратилась она ко мнѣ,—у насъ вѣдь въ каждомъ селѣ по три мечети. Я на одну мечеть отдала граммофонъ. Онъ стоитъ 200 рублей, а они его въ лотерею разыграли. На вторую мечеть купила въ Самарѣ изъ жести луну, 27 рублей заплатила. На третью отдала десятину урожая. Они на эти деньги цѣлый минаретъ построили...

Докторъ разсмѣялся.—Вы бы имъ лучше лѣкарство давали.

— Сами давайте,—огрызнулась хозяйка.—Я вамъ не докторъ. Вонъ кухарка моя лѣчитъ отъ пьянства растертой резедой. Отлично помогаетъ. Несутъ полотенца и яйца.

— Мнѣ не доѣхать сюда,—отозвался Могильниковъ.—Это участокъ не мой.

— Докторъ, прошу,—сказалъ фонъ-Аа. — Пожалуйте на насъ. Моя жена на недѣлю лежала.

Это былъ вольный переводъ нѣмецкаго: *Wochen*.

— Зачѣмъ на недѣлю?—спросилъ докторъ, не понимая.

— Разразилась отъ бремени,—объяснилъ фонъ-Аа очень спокойно.

— Господи, какъ, безъ всякой акушерки!..

— Откуда я взялъ акушерку?.. Я самъ себѣ былъ акушерка.

Я посмотрѣлъ на него болѣе внимательно. Несмотря на свою лысину, онъ былъ строенъ и крѣпокъ, какъ ясень. Поношенная форменная куртка сидѣла на немъ какъ-то особенно щеголевато.

Изъ людnаго гвардейскаго полка попасть въ барагульскія

дебри—дистанція огромнаго размѣра. Но фонъ-Аа успѣлъ проиграть въ карты два состоянія, свое и женино, и вышелъ изъ полка. Родные купили ему въ Барагулѣ 300 десятинъ земли и отправили его изъ Эстляндской губерніи въ ссылку на коронную службу. Онъ сразу опомнился. У него было уже двое дѣтей и предвидѣлся третій. Онъ построилъ себѣ домъ изъ стараго сарая, меблировалъ его попонами и сѣдлами и жалкими остатками старинной наслѣдственной мебели, по большей части тоже проигранной въ карты. Но ростовщики отыскали его и въ башкирской глуши. Два раза у него продавали всю обстановку за старые долги. Но онъ терпѣливо опять выкупалъ разсѣянныя вещи и вновь принимался обстраивать походное гнѣздо.

— Кормить!

— Не кормить!

— Вонъ онъ не по нашему кормитъ,—воскликнулъ Могильниковъ, не безъ зависти, указывая на фонъ-Аа—Ему тысячи даютъ.

Фонъ-Аа засмѣялся отрывисто, будто заржалъ.

— Я экзаменъ не знаю,—сказалъ онъ, словно возражая на чье-то обвиненіе,—но ѣздить я знаю. Трехъ троекъ загналъ. Первый разъ въ жизни я покупаю хлѣбовъ. 30.000 рублей получилъ на участокъ, то я испугался. Теперь, на три участка 300.000 пудовъ я купилъ, развезъ, засыпалъ, устроилъ,—готовый лежитъ.

— А ваши сосѣди по участкамъ? — спросилъ Могильниковъ.

Фонъ-Аа презрительно фыркнулъ.

— Сосѣди мои тряпки, пишутъ бумаги, все равно тряпки. Нѣтъ, вы возьмите себя въ руки. Имѣйте немного энергій. Моя мускулистая воля. Если я началъ, заставлю, чтобъ кончить. Я имѣю такую религію: сильному Богъ помогаетъ; если захочешь, то Богъ помогаетъ.

Фонъ-Аа имѣлъ всѣ основанія говорить такимъ образомъ. На экзаменѣ онъ срѣзался и еле прошелъ. Но воля у него, дѣйствительно, была мускулистая. Онъ проявлялъ огромную энергію, ѣздилъ, покупалъ и возилъ, что попадало подъ руку, сыромолотную рожь съ куколемъ и пустыми остями, шастанный сорный овесъ. Онъ былъ исполнитель, безалаберный и рьяный, подъ стать безалаберной системѣ внезапной январьской заготовки.

Анна Петровна поглядѣла на него ласково и вмѣстѣ задорно.

— Спросите его объ апелляціи и кассаціи, какая межъ ними разница,—предложила она.

Этотъ самый вопросъ былъ заданъ фонъ-Аа на экзаменѣ въ комиссіи и чуть не погубилъ его служебную карьеру.

— Зачѣмъ это узнать,—небрежно отшутился фонъ-Аа,—письмоводитель узнаетъ.—Я получилъ воспитаніе, такое, лошадиное...—сказалъ онъ въ видѣ объясненія.

— Кавалерійское? — спросила Анна Петровна, стискивая зубы, чтобъ не прыснуть.

— Ну да,—сказалъ фонъ-Аа серьезно.—За то насъ дрессуютъ физическихъ и нравственныхъ. Есть дисциплина, цуканіе. Ach, Himmel!.. Старшіе цукаютъ младшихъ, а младшіе еще младшихъ.

— Цукаютъ, что это такое?

— Дергаютъ возжи. Тамъ дѣлаютъ сильныхъ людей. Съ возжами въ рукахъ. Вотъ я безъ лошади жить не могу, какъ все равно безъ воздухъ... Я—Ritter, всадникъ...

— Всадникъ безъ головы,—дерзко сказала хозяйка.

— Голова тоже есть,—отозвался фонъ-Аа.—Я человѣкъ молодой. Кто это знаетъ, можетъ быть, я буду еще губернаторъ.

Я на минуту прикинулъ въ умѣ: «Чѣмъ чортъ не шутитъ. Будетъ, пожалуй. Если до этого не сломитъ головы».

— Баронъ, разскажите, какъ вы ругались въ Барагулѣ,—сказала хозяйка.

— Я хорошо не умѣю по-русски,—отвѣтилъ фонъ-Аа.—Былъ въ Барагулѣ на съѣздѣ. Меня пригласили въ управу. Идетъ разговоръ о «голодныхъ» работахъ. Я думаю слушать. Весь вопросительный знакъ. Первому, второму, третьему участку отдѣлили, а до нашего ничего не дошло.—«Какъ,—говорю,—у меня тоже голодъ. Развѣ девятый участокъ не въ Барагульскомъ уѣздѣ? Скажите, какъ многую сумму я вправѣ имѣть на виду?»—«Никсъ»,—говоритъ предсѣдатель. «Какъ это никсъ?»—«А вотъ напримѣръ, у насъ фонари въ Барагулѣ. Столько-то денегъ. На три улицы хватило. А дальше темно. Такъ и съ вашимъ участкомъ».—«Спасибо,—говорю,—имѣю честь поклониться вашему Барагульскому земству». Отвернулъ себя и ушелъ, и руки не подалъ. Разбойники такіе... 25000 ассигновка. На администрацію тратятъ 10000, на десятниковъ 5000, а на работы 10000. Мой участокъ платитъ 50000 рублей уѣздныхъ налоговъ. Доктора у меня нѣтъ, больницы у меня нѣтъ, дорогъ у меня нѣтъ. Я вѣхи поставилъ на зимнихъ дорогахъ своими средствами. А то въ эти бураны было бы 70 — 80 мерзлыхъ. Какъ бы мнѣ избавиться отъ земства? Вотъ будетъ новая волость. Дайте мнѣ 50000 рублей, я буду строить телефоны, больницы и школы, какъ есть за границей. 50000 рублей!...

Да вы бы не узнали, что это есть Россія. Сказали бы: это Саксонія, а вовсе не Россія.

Какъ бы мнѣ избавиться отъ земства!.. Я вспомнилъ тяжкіе вздохи Антона Антоновича: «Какъ бы мнѣ избавиться отъ центра».

Уѣздная управа мечтаетъ отложиться отъ губернской. А земскій начальникъ мечтаетъ отложиться отъ уѣзда.

Каждый «носитель жезла», вплоть до урядника, желалъ бы вырѣзать себѣ административный отрубъ и сдѣлаться уединеннымъ пошехонцемъ, «первымъ въ деревнѣ», какъ Цезарь. Это тоже ставка на сильныхъ, въ мундирной оболочкѣ.

Разговоръ перешелъ на случаи изъ жизни. Посыпались уѣздные разсказы, губернскія притчи и даже анекдоты изъ столицъ, вплоть до Иліодора и Григорія Распутина. Я даже подивился:—Откуда они только знаютъ?. Всѣхъ неистощимѣе, конечно, оказалась любезная хозяйка. Это былъ сплошной обвинительный актъ по мѣстнымъ дѣламъ. Растраты, мордобои и доносы, глупости и пакости, мелкія и крупныя, такъ и бѣжали съ ея языка, тянулись рядами, цѣпляясь другъ за друга, какъ петли и крючки.

Инспекторъ мужской прогимназіи женатъ на начальницѣ женской. Послалъ анонимный доносъ попечителю на собственную супругу. Это не мѣшаетъ имъ жить по прежнему въ общей квартирѣ, въ семейномъ единеніи.

Земскій начальникъ Косицкій въ прошломъ году взыскалъ 7000 р. продовольственной ссуды съ Л. волости, но деньги въ казначейство еще не поступили. И самъ же крестьянамъ сказалъ: «Впередъ, дурачье, денегъ не давайте безъ росписокъ, хотя бы родному отцу».

Членъ окружного суда Лобода встревожился неурожаемъ. У него птичникъ домашній: 12 попугаевъ и 22 канарейки. Послалъ судебныхъ приставовъ по округу закупать канареечное сѣмя и рапсъ, непремѣнно по дешевой цѣнѣ. Кто купитъ удачнѣе всѣхъ, тому повышеніе.

Анна Петровна сначала шутила, а потомъ разозлилась, и даже руки у нея затряслись. Еще, еще...

Я слушалъ, слушалъ и даже не вытерпѣлъ:

— Языкъ у васъ злой.

— Это у васъ ухо злое,—быстро возразила она.

— Мнѣ такъ и полагается...

— А намъ тоже полагается,—воскликнула она. — Надо браниться, кричать. Только вольная критика спасетъ государство.

— Вольная критика, гм... Скажите тогда, въ чемъ же вы правая?

— Я монархистка,—воскликнула Анна Петровна, и неожиданно ударила себя въ грудь кулакомъ. — Я поклонница сильной власти. Напримѣръ, Петръ Великій: я влюблена въ него... Пусть явится опять съ дубинкой своей!..

— Аминь,—говорю.—Кто же въ Петра не влюбленъ?

— Или хоть бы Иванъ Грозный. Его бы чуть передѣлать,— вышло бы отлично...

Мнѣ стало смѣшно.

— Вѣдь онъ, говорю, давно умеръ, а мы еще живые. Вы объ живыхъ говорите такъ же, какъ мы.

Анна Петровна даже головой замотала.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это вамъ кажется только. Мы съ вами разные люди. По вашему напримѣръ: умъ хорошо, два лучше. По моему: умъ хорошо, два хуже, три еще хуже. По вашему: земство хорошій хозяинъ. По моему: много хозяевъ, мало порядка. По вашему: люди—заблудшіе ангелы, и надо исправить ихъ школой. По моему: люди — мерзавцы, и надо исправить ихъ палкой.

Это было по истинѣ блестящее опредѣленіе. Разница между лѣвымъ и правымъ міросозерцаніемъ въ томъ и состоитъ, что правому взору все человѣчество кажется стаей глупыхъ и злыхъ обезьянъ, и лучшимъ аргументомъ—палка. А лѣвому взору люди кажутся вродѣ, какъ тусклые ангелы, положимъ, скорѣе въ теоріи и на большомъ разстояніи.

— Вы думаете, я давеча шутила?.. Нѣтъ, вправду пусть тысячи дохнутъ. Надо покончить съ этой постыдной системой. Имперія не богадѣльня. Спросите, кого они кормятъ. Плодятъ дармоѣдовъ, а сильныхъ разоряютъ. Дворяне живутъ подачками, крестьяне—подачками. Нищихъ плодятъ. А если у крестьянина хоть двѣ лошади есть и корова, такого они гонятъ.

Это была совершенная правда. Съ осени всѣ многолошадные были исключены изъ продовольственныхъ списковъ. Они проѣли зимой послѣднюю скотину и сравнялись съ другими. Тогда ихъ тоже занесли въ дополнительные списки, хотя и безъ треній.

— Но я не согласенъ,—медленно сказалъ фонъ-Аа.—Голоду ссуда поможетъ, хозяйству не поможетъ.

— А что же поможетъ?

— Не знаю,—отозвался онъ.—Нихтсъ не поможетъ.

Анна Петровна ужасно разсердилась. Она даже схватила съ этажерки ручную метелку и стукнула объ столъ.

— Стыдно такъ говорить, это духовная бѣдность.

Фонъ-Аа криво усмѣхнулся.

— Постойте, вотъ я вамъ толкую. Я нѣмецъ, остзеецъ, чужой. Мы не имѣемъ чернаго зему, глину имѣемъ. Но голода у насъ не бываетъ. Вездѣ удобреніе, скотъ. Дороги какъ паркетъ. Это нѣмецкая культуръ.

Анна Петровна презрительно прищурилась:

— А я все-таки люблю мою безпутную Россію. Жить безъ нея не могу. И въ нѣмцахъ я быть не желаю, хоть рѣжьте меня.

— Я знаю русскую пословицъ,—сказалъ ядовито Фонъ-Аа: *—Далеко Ивану до дивану.*

— Что,—вспыхнула Анна Петровна,—да вы наши подданные! Мы васъ оружіемъ завоевали.

Фонъ-Аа тоже разсвирѣпѣлъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ,—началъ онъ, заикаясь отъ злости,—культуру чужого народа напрасно топтать?..

— Ваша культура на шеяхъ латышскихъ сидитъ...

Начался общій Бедламъ.

— Вы—скиѳы, татары,—ревѣлъ фонъ-Аа.—Поцарапайте русскаго, найдете татаринъ.

И мулла откликался сердито:

— Зачѣмъ говорить: «татаринъ»? Развѣ худо татаринъ?..

Докторъ Могильниковъ ахалъ:

— Ахъ, перестаньте! Слушать нельзя. Россія до ямы дошла. Нѣмцами станемъ. Юаншикай въ плѣнъ возьметъ.

— Это мужчины устроили, — крикнула Анна Петровна.— Когда женщины будутъ править, все будетъ лучше. Мужчины—идіоты.

— Какъ,—оскорбился фонъ-Аа пуще прежняго. — Женщины—править.—Сѣчь васъ надо, не править...

— Да, да, идіоты, мерзавцы. Кто проигрываетъ въ карты семейныя деньги, а? Васъ надо сѣчь.

— Баба, молчать!

Анна Петровна снова схватила метелку и изо всей силы треснула ею объ столъ.

— Мальчишка, щенокъ!..

Фонъ-Аа ступилъ шагъ впередъ. Еще минута и, пожалуй, дошло бы до драки, ибо у соломенной вдовы тоже была мускулистая воля и мускулистыя руки.

— Бросьте,—раздался густой примирительный басъ «волкодава».—Что за пѣтухи!..

Но Анна Петровна опомнилась уже и бросила метелку.

— На собственномъ гнѣздѣ и курица пѣтухъ,—съимпровизировала она.

И фонъ-Аа склонилъ голову и подошелъ къ ручкѣ, какъ подобаетъ порядочнымъ людямъ.

Въ вечернемъ сумракѣ мы уѣзжали съ хутора на свѣжихъ лошадяхъ. Фонъ-Аа ѣхалъ за нами на своихъ конныхъ лыжахъ. Онъ торопился домой къ своему новорожденному сыну. И не смотря на трескучій морозъ, онъ былъ безъ шубы, въ бѣлой спортсменской фуфайкѣ, въ кожаныхъ гетрахъ и замшевыхъ сѣрыхъ перчаткахъ.

Онъ скользилъ по мягкому снѣгу, какъ тѣнь, туда и сюда, легко обогналъ нашу тройку, потомъ подождалъ насъ, простился еще разъ и двинулся впередъ. Его бѣлая фигура и высокая черная лошадь быстро уходили отъ насъ по узкой дорогѣ, какъ будто на крыльяхъ. И я смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ не безъ горечи. Изъ этого нѣмецкаго металла исторія куетъ для насъ генераловъ и начальниковъ. Фонъ-Аа научили, какъ возжи держать и ѣхать на лыжахъ по трудной дорогѣ безпрепятственно и быстро. А мы ѣдемъ на тройкѣ, на Гоголевской тройкѣ, и вязнемъ въ снѣгу, и ломаемъ себѣ ноги...

У него мускулистая воля. У насъ какая-то рыхлая, мозжащая отъ боли, цынготная душа. И такъ же, какъ прежде, нѣмцы приходятъ по нашему зову и наводятъ порядокъ...

Вальтеръ фонъ-Аа мастеръ ѣздить на конской спинѣ. Чего добраго, поѣдетъ и на нашей...

Танъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕЛОДІЯ.

Что зовешь ты нѣжнымъ въ жизни?
Что есть тихаго на свѣтѣ?
Тихъ и нѣженъ ропотъ жизни
Въ мигъ расцвѣта, на разсвѣтѣ.
Тихъ и нѣженъ зовъ свирѣльный
Вешнимъ утромъ, въ отдаленьи,
Голосъ пѣсни колыбельной,
Шумъ потока при рожденьи,
Шелестъ листьевъ обновленныхъ,
Трепетъ травъ едва рожденныхъ,
Все, что всходитъ, что приходитъ,
Обѣщаетъ, предвѣщаетъ.

* *
*

Есть ли что нѣжнѣй и тише?
Да, еще нѣжнѣй и тише
Вздохъ осеннихъ увяданій,
Стоны прерванныхъ свиданій,
Отблескъ зорь въ ночныхъ просторахъ,
Эхо гаснущихъ призывовъ,
Листьевъ падающихъ шорохъ,
Звонъ вечеренъ, плескъ отливовъ,
Запоздалыхъ чувствъ признанья,
Раннихъ чувствъ воспоминанья,—
Все, что таетъ, отлетаетъ
Безразсвѣтно, безотвѣтно.

* *
*

Что-жъ всего нѣжнѣй и тише?
Ахъ, всего нѣжнѣй и тише
Нагота лѣсовъ увялыхъ,
Нѣмота сердецъ усталыхъ,
Блескъ снѣговъ, полетъ снѣжинокъ,
Кипарисовъ миръ надгробный,
Кельи сонъ, гдѣ дремлетъ инокъ
Безлюбовный и беззлобный...
Сѣрыхъ пепловъ охладѣлость,
Губъ закрытыхъ онѣмѣлость,—
Все, что было, что остыло,
Что зарыто, что забыто.

Н. Минскій.

СМЕРТЬ ХЕРУВИМЧИКА.

(Разсказъ).

Когда его не принимали у Замятиныхъ, и горничная даже не снимала дверной цѣпи (изъ темной щели чуть только виднѣлся ея чепчикъ); когда его не принимали у Федюшиныхъ, и голосъ, безтрепетный, неизмѣнно сообщалъ, что нѣтъ никого дома, что всѣ спятъ, всѣ заняты, всѣ ушли; и когда у Ивановыхъ, у Семеновыхъ говорили то же самое (что никогда никого и не бываетъ дома)—онъ, стоя на лѣстницѣ и глядя въ темную щель, просилъ передать, что «приходила Мандрыка».

И забывалъ сорвать наглымъ, паясническимъ жестомъ обрывокъ своей шляпы, и ни малѣйшей иронiи не звучало теперь въ его тонѣ...

Прежде онъ самъ, шутя, говорилъ о себѣ «Мандрыка—это вашъ крестъ»; «Мандрыка пришла. Принимаете?» Но въ тѣ времена нерѣдко случалось встрѣчать его въ пріемной какой-нибудь редакціи; тогда еще онъ упорно держалъ знамя «нуждающагося литератора»... Теперь, думая, можетъ быть, что здѣсь, по эту сторону двери, его такъ же не видно, какъ онъ не видѣлъ того, кто говорилъ изъ темноты, Мандрыка стоялъ нѣкоторое время, тоскливо блуждая глазами по ступенямъ лѣстницы, вздыхалъ сдержанно въ отекшую, коротенькую руку и вдругъ говорилъ съ твердостью въ голосѣ:

— Такъ до свиданья, значитъ... Передайте, что приходила Мандрыка.—И запахивалъ плотнѣе свой пиджачишко. И выраженiе его тусклыхъ голубоватыхъ глазъ было при этомъ такое, какъ бываетъ у человѣка, когда онъ смотритъ въ темноту... Всѣ спятъ, всѣ заняты, всѣ ушли...

Сегодня Мандрыка валялся на диванѣ и, въ ожиданіи Аглаи Семеновны, можно сказать, благодушествовалъ. Пріятнѣе же, все-таки, лежать на собственномъ диванѣ, нежели плестись въ промозглой слякоти отъ одной темной щели къ другой... Холодно только было въ этомъ ящикѣ, который назывался «помѣщеніемъ». Какой-то мокроватый, скользкій холодъ проникалъ подъ платье. Мучило также, до потери чувствительности или, наоборотъ, до яркихъ вкусовыхъ галлюцинацій, одно неизмѣнное, единое желаніе... И непріятно еще раздражала возня тамъ, за спиной, въ другомъ концѣ комнаты. Василиса, передъ уходомъ на фабрику, привязывала своего «херувимчика» къ ножкѣ кровати, чтобы онъ не надѣлалъ бѣды, и онъ мурлыкалъ тамъ и мычалъ на холодномъ полу—полузвѣрь, полуангелъ—съ личикомъ неподвижнымъ, точно мраморнымъ, и прекрасными, сіяющими глазами—какъ два лоскутка, оторванные у голубого неба.

Онъ взвизгивалъ радостно и шлепалъ ладонью по лужѣ на полу...

По нѣкоторымъ признакамъ, Мандрыка понялъ, что херувимчикъ предается излюбленному занятію—размазываніе іероглифовъ на собственной физіономіи... И старался не слышать, не обонять.

Подобное врываніе реальности въ мечту производило такое же дѣйствіе на распухшее тѣло Мандрыки, какое производитъ остріе иглы на полумертвую муху. Тронешь ее слегка—она зазвенитъ мутными крыльями и тотчасъ замретъ, до новаго укола.

Диванъ его былъ удобный. Онъ какъ-то удивительно приспособился къ Мандрыкиному тѣлу. Подъ локтемъ—ямка, подъ бокомъ—бугоръ... Такъ что, если вѣрно попасть, то, пожалуй, лучше этого одра ничего себѣ и представить нельзя было... По крайней мѣрѣ, однажды Мандрыка попробовалъ лечь, въ отсутствіи Аглаи Семеновны, на ея постель—и прямо таки удивился. Несмотря на шикарный, сравнительно, видъ Аглаинаго ложа, его диванъ оказался несравненно удобнѣе!

Особенно теперь, послѣ того, какъ выставили рамы у верхнихъ жильцовъ, и Аглая Семеновна сдѣлала ему подушку изъ той ваты... Теперь онъ и спитъ удивительно!.. въ нѣсколько пріемовъ днемъ и напролетъ всю ночь...

Странный только сонъ: весь — непрерывная нить сновидѣній, какъ петли вязанья—одна изъ другой, одна изъ другой... Распустишь одну — и расползаются всѣ... Да и снится всегда какой-нибудь вздоръ!.. то будто бы онъ прищемилъ себѣ

ногу дверьми, такъ что не можетъ вырваться; то снится ему городовой, пьяный какъ стелька, а самъ онъ, Мандрыка, стоитъ надъ нимъ въ костюмѣ англійскаго полисмена, въ ослѣпительно бѣлыхъ перчаткахъ, и вѣжливо такъ предлагаетъ слѣдовать за собой, куда — неизвѣстно! Къ рѣченкѣ какой-то. И вдругъ оказывается, что пьяный городовой—это и есть онъ самый, Мандрыка, но и англійскій полисменъ—тоже Мандрыка, и выходитъ такъ, что онъ самъ себя тащитъ куда-то, и вотъ, онъ сидитъ въ камышахъ, по горло въ водѣ, и холодно ему, до того холодно, что пальцы рукъ окоченѣли и отпадаютъ одинъ за другимъ, а самъ онъ не кричитъ, а мучительно квакаетъ... Или приснится вдругъ, ни съ того, ни съ сего, что онъ опять школьный учитель въ селѣ, и что будто солнце лежитъ на доскахъ некрашеннаго пола...

Всегда какой-нибудь вздоръ! Ни одного пророческаго сна—такого, чтобы, проснувшись, онъ могъ сказать: чувствую, молъ, что смерть стоитъ надо мной... Ни одного настоящаго сна.

Это полное отсутствіе чувства смерти было даже поразительно у Мандрыки — если, конечно, принять во вниманіе, что смерть, дѣйствительно, уже стояла надъ нимъ. Такой же слѣпотой поражали, впрочемъ, и другіе обитатели помѣщенія. Для всякаго новаго человѣка сразу же могло быть ясно присутствіе здѣсь смерти; она даже не подкрадывалась. Но они такъ-же мало думали о ней, какъ о появленіи бѣлыхъ лилій у себя на столѣ...

Но... лишь тотъ, кто идетъ не спѣша, кто позналъ радость тишины, кто, припадая къ сосцамъ жизни, хотя на мигъ, но полновластно владѣлъ ею—только тому суждено слышать голосъ смерти и тому снятся пророческіе сны... А этому живью, запакованному въ тѣсный ящикъ и спѣшно отправленному куда-то—имъ приходилось цѣпляться, карабкаться, выть безъ единой минуты передышки, безъ единой минуты тишины... Этимъ безчисленнымъ изъ малыхъ сихъ всегда снится только мучительный вздоръ...

Обрывая не надолго вереницу сновъ, Мандрыка, въ ожиданіи Аглаи Семеновны, занимался опредѣленіемъ—кому принадлежатъ ноги проходящихъ мимо окна. Окно находилось значительно ниже тротуара, и потому такое занятіе изощряло фантазію и какъ бы даже развивало способность къ философскимъ обобщеніямъ. Вотъ, напримѣръ, идетъ облѣзлая палка, и за ней двѣ ноги, неразгибныя, въ рыженькихъ, теплыхъ штанинахъ. Этотъ, навѣрное, не «выпиваетъ». И будетъ жить до самой смерти, прилѣпившись къ тепленькой пенсіи...

Не успѣлъ пройти примѣрный гражданинъ, какъ пара шальныхъ ногъ грязью забрызгала стекла. И чуть не опрокинула встрѣчный стогъ юбокъ...

... «Такъ ей и надо!—злобно хихикнулъ Мандрыка, и, закрывъ глаза, сталъ прислушиваться къ своему сердцу. Это было тоже занятіе. Когда подходили къ дверямъ съ другой стороны, не мимо окна, сердце Мандрыки настораживалось и взлетало, вдругъ точно на качеляхъ, а Мандрыка издавалъ странные возгласы, будто и самъ взлеталъ на качеляхъ.

«Вынуть бы его да прополоскать въ холодной водѣ»...—думалъ онъ о своемъ сердцѣ.

Всегда непріятно дѣйствовало на Мандрыку слишкомъ продолжительное отсутствіе Аглаи Семеновны. Нѣчто единое связывало ихъ,—тѣснѣе брака, вѣрнѣе всякой вѣрной любви.

И когда, наконецъ, въ окнѣ появился подолъ жиденькой юбки, самой жиденькой, какая только есть на свѣтѣ, какой-то обгрызанной, сквозящей юбки, Мандрыка высоко взлетѣлъ на качеляхъ... Стоптанные башмаки постояли передъ окномъ, носками къ улицѣ, потомъ сдѣлали еще два-три шага...

... «Такъ она, значитъ, и всю дорогу шла»...

И когда, наконецъ, ввалилось въ комнату это иззябшее, отвратительное существо, распухшее, синее, слезящееся, и заперло молча за собой дверь и молча стало дуть въ свои красныя руки, Мандрыка отвернулся къ стѣнѣ и ничего не спросилъ...

... «Не стояла бы она такъ среди комнаты!..»

И, не умѣя плакать, Мандрыка закрылъ глаза, стараясь не видѣть, не слышать и, вообще,—не быть... Но это «не быть» не означало желанія умереть,—вовсе нѣтъ! Хотя проходной билетъ его былъ давно просроченъ, и только случайно онъ застрялъ на перепутьи между смертью и жизнью, но о томъ, чтобы сойти, прилично, какъ подобаетъ всякому путешественнику, окончившему путь, Мандрыка и не думалъ — слишкомъ опредѣленно у него было одно стремленіе, слишкомъ фиксирована цѣль...

— Вы говорили, что у меня отнялись ноги? — спросилъ онъ, глядя въ спинку дивана.

— Какъ же, какъ же, господинъ Мандрыка, я все говорила.

— И что языкъ отнялся?

— Тоже говорила.

— Сволочи!—произнесъ Мандрыка.

А херувимчикъ, въ чье сознаніе звуки доходили значительно позже, будто онъ находился дальше, чѣмъ былъ въ дѣйстви-

тельности, повернулъ, когда они замолчали, лицо свое къ Мандрыкѣ и тотчасъ рѣзко къ Аглаѣ Семеновнѣ — и пронзительно радостно взвизгнулъ. Онъ особенно былъ счастливъ, когда слышалъ какіе нибудь звуки.

— Этотъ блондинчикъ, какъ его?... — произнесла было Аглая Семеновна, складывая свою косынку.

— Ну?—вяло напомнилъ Мандрыка.

— Этотъ, знаете, какъ его... на Садовой который? Федюшинъ?

— Ну да, да, Федюшинъ...

— Такъ онъ говоритъ супругѣ... Я это ничего, стою себѣ, значитъ, подъ вѣшалкой, а онъ ей, чтобы я слышала: «Не могу же я на Мандрыку вѣчно работать. Они пьянствуютъ тамъ— это вы, значитъ,—а я отрывай у своихъ дѣтей»...

И Аглая Семеновна показала, какъ говорилъ Федюшинъ: выпятила грудь и лицо сдѣлала идіотское, какого, по всей вѣроятности, у Федюшина не было.

— А вы что сказали?—спросилъ Мандрыка.

Приподнявъ голову, онъ съ ненавистью смотрѣлъ на ея стриженую голову—давно уже она пропила свои волосы—на мѣшки подъ бѣгающими глазками и отвислую фіолетовую губу, мокрую. И казалось ему, что если бы нужно было для чего-нибудь убить эту пьяницу, онъ убилъ бы ее съ наслажденіемъ. И тоскливо становилось особенно оттого, что незачѣмъ ее убивать, что онъ даже побить ее не имѣетъ права—потому не родственникъ онъ и не любовникъ.

— Ну, а вы что сказали Федюшину?

— Я что же, я ничего не знаю, господинъ Мандрыка! Меня посылаютъ съ запиской, я и иду. При чемъ же я тутъ?..

— У, сволочь...—промычалъ Мандрыка съ усиліемъ.

Но, хотя Аглая Семеновна не знала, къ кому, собственно, это относится—къ ней или къ его знакомымъ, тѣмъ не менѣе, осталась вполнѣ равнодушной. Она складывала косынку углышекъ къ углышку, сопѣла, и глаза ея сосредоточенно сдвигались къ носу.

— И у Замятиныхъ были?—полежавъ немного, спросилъ Мандрыка.

— Была. Только тамъ—въ щелочку... Звоню это я...

— Ну, ну, не разглагольствуйте, пожалуйста, и не представляйте въ лицахъ!

Онъ рѣзко поднялся, намѣреваясь уйти совсѣмъ, но, постоявъ съ полминуты, произнесъ прежнимъ тономъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Пойдите еще разъ... слышите?.. оглохла!.. Скажите, что въ послѣдній разъ... Скажите, что боленъ... смертельно... умираю...

— Говорила.

— Что умираю?

— Ахъ, господинъ Мандрыка! Вы представить себѣ не можете, чего только я имъ не говорила! Ни о комъ я не хлопотала столько, какъ о васъ... Какія только слова...

— Ну, хорошо! хорошо!—вдругъ остервенѣлъ Мандрыка, а херувимчикъ, объятый радостью, испустилъ крикъ, сверлящій до глубины мозга.

— А-а... — безпомощно протянулъ Мандрыка, хватаясь за голову.

Тоненькій, длительный звукъ наполнилъ все помѣщеніе, вытѣснивъ, казалось, воздухъ, и застрялъ въ ушахъ, и звенѣлъ, звенѣлъ. Потомъ стало тихо. Аглая Семеновна сложила, наконецъ, свою драгоцѣнность, а Мандрыка улегся поудобнѣе въ ямки и, стараясь ни о чемъ не думать, не чувствовать, не видѣть, то взлеталъ высоко на качеляхъ, то съ тихимъ возгласомъ погружался въ собственное тѣло... Но вотъ зацѣпилась какая-то петелька, одна за другую—и Мандрыка поплылъ въ сновидѣніяхъ.

Взглянувъ на него, Аглая Семеновна неодобрительно покачала головой.—«Спимъ себѣ! А ты ходи по ихнимъ дѣламъ!»

Поза г-на Мандрыки была, дѣйствительно, до наглости спокойная. И, присѣдая, точно дѣлая книксенъ, растопыривъ пальцы, она сморчила ему въ спину нелѣпую гримасу, ненужную— Мандрыка и не видѣлъ ея вовсе! Такъ себѣ, просто гримасничала, мимоходомъ... Да и всѣ движенія этого пьяненькаго тѣла были тоже ненужныя—развинченныя или слишкомъ опредѣленныя, какъ у маріонетки. Но взглядъ, избѣгающій чужого взгляда, таилъ подъ рабской суетливостью какой-то странный блескъ. Какъ будто она шла къ опредѣленной цѣли. Сознательно шла, упорно, но и безотчетно... т. е., живя одновременно въ двухъ естествахъ, сознавала себя только въ одномъ—попеременно... И радость летящей стрѣлы уже чувствовалась въ разрушеніи ея тѣла.

Пламя, таинственно созидающее, скрывалось въ этомъ разрушеніи... Потому что не было уже у пьяненькой потаскушки ни страха, ни вопросовъ, а былъ только стремительный летъ, тяготѣніе къ низинамъ... къ праху, къ самоизмѣненію формы, которою природа не удовлетворялась больше...

Разрушить поскорѣе и смѣшать этотъ маленькій кусочекъ

«матеріала» съ общей міровой глыбой, чтобы вылѣпить новое... Смерть черезъ опьянѣніе—это все, къ чему стремится человѣкъ...

Только одинъ опьяняется малыми глотками, другой выпиваетъ залпомъ... И разнымъ, конечно, виномъ наполнены бываютъ чаши.

По мнѣнію Замятиныхъ, Федюшиныхъ и всѣхъ, кто видѣлъ Аглаю Семеновну въ своей передней, она до странности походила на самого Мандрыку—такимъ же запахомъ несло отъ ея прозябшаго тѣла... И цвѣта была такого же—сине-желтаго.

И настолько, очевидно, оба они проникнуты были единой жаждой, что, когда Аглая Семеновна стояла въ полумракѣ, у вѣшалки, то каждому въ первую минуту казалось, что стоитъ Мандрыка.

Странно: Аглая Семеновна всегда была въ этой своей кружевной косынкѣ — парадной, зеленовато-черной, а Мандрыка, обыкновенно, стоялъ съ непокрытой головой... Да и болѣе существенная разница была между ними. Никто, напримѣръ, не видѣлъ Мандрыку плачущимъ, а у этой госпожи вѣчно текла слеза изъ одного глаза. Но, самое главное, вѣдь, она приходила просить не за себя, а за «г-на Мандрыку»—это много значитъ! И видъ имѣла соотвѣтственно независимый — чего же ей было стѣсняться!—Не была она ни выгнаннымъ учителемъ, ни пьяницей-литераторомъ, котораго нигдѣ уже не принимаютъ. Костюмъ свой она считала достаточно приличнымъ благодаря этой косынкѣ, послѣдней реликвіи прошлаго. Минутами она даже чувствовала себя совсѣмъ, какъ прежде—помѣщицей, будто пріѣхала хлопотать «о бѣдныхъ»... И когда говорила шепоткомъ (очень напоминающимъ хриплый шепотъ Мандрыки), тонъ у нея былъ сострадающій:

— Бѣдный господинъ Мандрыка! Вы представить себѣ не можете, въ какомъ онъ находится плачевномъ положеніи. Онъ теперь совершенно ничего не пишетъ. Вы себѣ представить не можете. Онъ просилъ передать вамъ записку...

И слова: «въ плачевномъ положеніи» — произносила съ замѣтнымъ ломаніемъ...

Но... въ запискѣ, которую она подавала невѣрными, какъ у Мандрыки, пьяными руками, всегда было одно и то же:

«Помогите въ послѣдній разъ. Близокъ къ отчаянью. Пришлите полтинникъ.

Мандрыка».

И хотя значилось въ запискѣ, что близокъ къ отчаянью Мандрыка, и хотя у Аглаи Семеновны былъ независимый видъ,

тѣмъ не менѣе, для всѣхъ было ясно, что близка къ отчаянью и сама Аглая Семеновна.

Достаточно было отказать ей въ полтинникѣ, какъ безслѣдно исчезала независимость. Моментально!

... Онъ ей не родственникъ вовсе, этотъ г. Мандрыка!.. Такъ, просто—знакомый. Если бы не г-нъ Мандрыка, развѣ она пошла бы пѣшкомъ въ такую даль, черезъ весь городъ. Съ какой стати! Стала бы она мокнуть подъ дождемъ! Она, просто, изъ уваженія къ больному литератору. Жалко, конечно... Хотя бы двадцать копѣекъ пусть дадутъ ей. Хотя бы пятачекъ на обратный путь...

И слеза текла изъ одного глаза... Отъ холода, можетъ быть, или просто слезная железка разъ навсегда открылась.

И ясно было, что это она сама написала записку объ отчаяньи, и что здѣсь какой-то подлогъ, какая-то подмѣна, что на ея мѣстѣ, можетъ быть, дѣйствительно стоитъ самъ Мандрыка, и не Мандрыка прячется за ея спину, а это она, маленькая, старенькая, съ промозглымъ запахомъ, прячется за его спину. И когда ей давали двадцать копѣекъ, она благодарила униженно, хамски (какъ никогда не благодарилъ Мандрыка), кланялась, и отъ этихъ поклоновъ развѣвался легкій вѣтерокъ съ запахомъ проспиртованнаго тѣла...

Сложивъ косынку, Аглая Семеновна занялась херувимчикомъ, который запутался въ своей веревкѣ. Пришлось обтереть его мокрой тряпкой. Это разозлило Аглаю Семеновну.

... «Почему Василиса воображаетъ, что всѣ тутъ должны присматривать за ея ребенкомъ! Черти проклятые!..»

А херувимчикъ радостно визжалъ, какъ благодарная собака, на которую обратили, наконецъ, вниманіе. Тихонько хваталъ зубами ея палецъ, играя, думая, можетъ быть, что съ нимъ играютъ.

Онъ былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что было важно людямъ... Мѣшалъ имъ, портилъ ихъ вещи, но блаженная радость, вѣчно сіявшая въ его глазахъ, сдерживала злобу. Никто не билъ его. Будто казалось этимъ, плывущимъ въ мутномъ потокѣ, что здѣсь, среди нихъ, только такъ — въ формѣ идіота — и могла проявить себя жизненная радость, что съ утратой херувимчика у нихъ не останется больше ничего.

И если, въ раздраженіи, замахивался кто-нибудь на сіяющее личико, рука опускалась внезапно, испуганная.

— Глухенькій мой... нѣменькій мой... — причитала надъ

нимъ его мать, и ласкала его по воскреснымъ днямъ.—Ничего-то ты не понимаешь, ничего...—и роняла слезы на грязные волосики, и если случайно или, можетъ быть, не случайно, идіотъ притихалъ у ея теплой груди и вздыхалъ глубоко въ отвѣтъ на ея вздохъ, сердце ея сжималось счастьемъ. Тогда въ помѣщеніи, годномъ, по мнѣнію Мандрыки, только для свалки гнилого мяса, звучала неслышная музыка; тогда материнское чувство осуществлялось въ мірѣ въ полнотѣ своей, такъ какъ были два главныхъ его момента — великая жалость и великія, гордыя надежды...

Въ клиникѣ докторъ сказалъ Василисѣ, что если херувимчикъ доживетъ до семи лѣтъ, изъ него можетъ выйти—геній...

— Геній...—нечаянно уронилъ докторъ.

Василиса не успѣла подхватить это слово... и все вспоминала, вспоминала, чѣмъ, сказалъ докторъ, будетъ ея сынъ, если доживетъ до семи лѣтъ? какое слово онъ сказалъ? и не могла вспомнить.

Но инстинктомъ чувствовала... И, при всемъ своемъ неизбывномъ горѣ, пребывала въ состояніи почти равномъ блаженству, въ какомъ находился и несчастный идіотъ...

Когда Аглая Семеновна поправила подстилку, которая ссунулась подъ кровать, херувимчикъ моментально уснулъ. Не успѣлъ даже ногу одну подтянуть съ голаго полу, какъ былъ захваченъ сномъ.

И тотчасъ надъ его личикомъ стали собираться голубыя тѣни, у рта и тоненькихъ ноздрей... Мутной полоской виднѣлись бѣлки подъ рѣсницами; и, когда лежалъ онъ такъ, спящій, съ неплотно сомкнутыми вѣками, то личикомъ своимъ мраморнымъ напомнилъ вдругъ Аглаѣ Семеновнѣ что-то забытое, неуловимое... Казалось ей, когда она сидѣла такъ передъ нимъ на корточкахъ, подперевъ голову рукой, казалось ей, что она думаетъ о томъ, куда пойти сегодня, на перекресткѣ какихъ улицъ ждать... Но мысль ея, освобожденная на нѣсколько мгновеній, унеслась далеко отъ самой Аглаи Семеновны, покинувъ жалкое тѣло. Промелькнули залы какого-то музея, гдѣ давно когда-то, можетъ быть, была сама Аглая Семеновна, или кто-нибудь разсказывалъ ей о какомъ-то удивительномъ мраморномъ изваяніи... Мелькнули голубыя окна, окрашенныя небомъ, и пронеслись деревья, лѣсъ, поля... Вдругъ, точно вырвался отъ всѣхъ—кусочекъ луга, въ солнцѣ, и знакомая, молодая липа... та самая, что видѣли померкшіе теперь глаза и не замѣчали въ дѣтствѣ...

Аглая Семеновна сдѣлала движеніе, внутренно какъ бы оттягивая мысль свою и, не въ силахъ еще оторвать взора, преодолѣвая что-то, рѣшила, что пойдетъ сегодня позже... Нѣсколько копѣекъ всегда еще дадутъ за ея тѣло.

Поднимаясь, она стянула съ кровати одѣяло—драгоцѣнность Василисы, скопленную за много лѣтъ по лоскутикамъ, по обрывочкамъ—и покрыла имъ ребенка всего, съ головой. Обозначился бугорокъ подъ пестрымъ одѣяломъ, такъ странно вдругъ напомнившимъ цвѣты на кладбищѣ гдѣ-нибудь или въ полѣ. Ему хорошо было—херувимчику—подъ этимъ цвѣтистымъ покровомъ: тепло и уютно...

— Чего тамъ,—бормотала Аглая Семеновна, ругая Василису,—ребенокъ дороже одѣяла, черти проклятые!

Она постояла среди комнаты въ нерѣшительности, глядя въ спину Мандрыки. У него приподнялся пиджакъ, около брюкъ, и видно было желтое тѣло.

Благодаря удобнымъ ямамъ въ диванѣ, поза получилась совершенно спокойная, какъ если бы онъ, Мандрыка, былъ увѣренъ, что все само собой обойдется...

Подъ утро Аглая Семеновна вернулась.

Дверь отворилъ ей Мандрыка и поскорѣе легъ... По одному тому, какъ она вошла, онъ увидѣлъ, что никто ничего ей не далъ.

Молча, безъ болтовни... улеглась на свой сундукъ...

Въ помѣщеніи стоялъ особенный запахъ холода, который дѣлалъ жизнь совершенно невозможной... Но Аглая Семеновна была счастлива, что дотащилась, наконецъ, до своей норы. Какія-то тамъ непріятности у нея были сегодня на улицѣ...

Храпѣлъ подмастерье на все помѣщеніе—онъ спалъ посреди комнаты на мѣшкѣ съ сѣномъ. Всхлипывала во снѣ Василиса подъ драгоцѣннымъ одѣяломъ, и невидящими глазами видѣлъ что-то херувимчикъ, отогрѣтый на ея груди.

Мандрыкѣ было холодно...

Онъ лежалъ и слушалъ, какъ шумитъ его сердце. По временамъ сердце останавливалось, какъ бы раздумывая, и опять, черезъ силу, стучало, торопливо, будто ему заказано было сдѣлать опредѣленное число ударовъ прежде чѣмъ, наконецъ, совсѣмъ остановиться.

Мандрыка размышлялъ о томъ, что, теперь ему, пожалуй, «ничего ужъ больше не остается»...

Можно было бы, конечно, выйти на улицу и стать на

перекресткѣ съ протянутой рукой; но попросить онъ могъ только у знакомаго. Необходимо, чтобы было какое-нибудь знакомство. Хотя бы двухчасовое, но непремѣнно—знакомство. И тотъ, у котораго онъ будетъ просить, непремѣнно долженъ знать, что проситъ Мандрыка, а не кто-нибудь съ улицы, не просто такъ, какой-нибудь оборванный, затерянный среди толпы пьяница...

Предварительно необходимо отрекомендоваться—я, молъ, Мандрыка: позвольте... Пусть даже знаютъ, что литераторъ. Пусть будетъ стыдно, злобно, унизительно, но—возможно.

А такъ, прямо на улицѣ, протянуть руку, какъ Аглая Семеновна,—на это онъ не способенъ.

И даже не знаетъ почему, а просто—неспособенъ... Скорѣй онъ могъ бы украсть. Хотя бы вотъ лоскутное одѣяло. Даже убить кого-нибудь... Но просить на улицѣ, какъ эта паскудница...—нѣтъ...

И никакого не было у него выхода... никакого! Потому что смерть—не выходъ. Смерть не утолитъ жажды... не обожжетъ огнемъ... Не сдѣлаетъ легкимъ тѣло... Не вознесетъ превыше всѣхъ...

«Умру, и похоронятъ,—подумалъ Мандрыка съ полнымъ равнодушіемъ и, отъ нечего дѣлать, сталъ гадать, кто и какъ будетъ его хоронить—Замятины или Федюшины? или всѣ вмѣстѣ? и напишутъ ли хотя малюсенькій некрологъ, упоминаніе хотя бы, что жила, молъ, и умерла Мандрыка...

«Умру, и похоронятъ...»

И никто не заплачетъ. Напротивъ, обрадуются... Умерла Мандрыка и больше не будетъ шляться за деньгами... Не пришлетъ записки. Обрадуются и даже денегъ на похороны дадутъ ..

На похороны...

Въ тускломъ свѣтѣ, который падалъ съ улицы въ окно, комната имѣла видъ ящика. Подсвистывалъ кто-то во снѣ, подвывалъ. Запакованные, спѣшно отправленные, неслись они съ гуломъ...

Мандрыка спустилъ ноги съ дивана и, хотя задыхался, какъ всегда, и прижималъ руку къ груди въ томъ мѣстѣ, гдѣ шлепалось его сердце, но было что-то неуловимое въ движеніи, въ очеркѣ его спины, что говорило о необычайномъ чувствѣ. Шея была вытянута, и весь онъ насторожился.

Аглая Семеновна приподняла было голову сквозь дремоту.

«Чего онъ?..»—какъ бы спросила себя Аглая Семеновна, и не успѣла удивиться—ее тянуло обратно, ко сну.

Мандрыка постоялъ немного, потомъ началъ подкрадываться къ ней на своихъ распухшихъ ногахъ, какъ на мягкихъ подушкахъ. Ноги поднималъ высоко, точно переступая черезъ груды камней, боялся скрипнуть половицей.

Проходя мимо подмастерья, который вдругъ пересталъ было храпѣть, Мандрыка затаился и долго черной тѣнью стоялъ надъ нимъ. Затѣмъ подошелъ къ Аглаѣ Семеновнѣ и ткнулъ ее въ плечо.

Она моментально подняла голову—какъ будто и не спала—и повернулась къ нему испуганная.—Что?! Что?...—и узнала его въ полумракѣ только потому, что вдругъ совершенно ясно вспомнила, какъ онъ сидѣлъ тогда на постели, съ вытянутой шеей.

— Чего вамъ?—переспросила она съ отвращеніемъ и даже съ нѣкоторой горделивостью. Всякій встрѣчный на улицѣ былъ бы выносимѣе, чѣмъ господинъ Мандрыка...

И, пожалуй, не только потому, что у Мандрыки нѣтъ двугривеннаго, а скорѣе потому, что всякій, даже болѣе отвратительный, былъ менѣе извѣстенъ.

Но вдругъ въ темнотѣ ей показалось, что Мандрыка смѣется, что онъ тихонько смѣется, и она повторила подавленнымъ шепотомъ:

— Ну, чего вамъ?

Онъ, дѣйствительно, смѣялся и закашлялся отъ смѣха.

— Вы, вотъ, спите, а у меня великолѣпная идея... ей Богу! Отправляйтесь-ка утречкомъ, скажите имъ, что я... умеръ. А?..

— А?!—растерянно-жалобно повторила женщина.

— Что, ловко?

— А-а? Господинъ Мандрыка!..—Она прижалась къ стѣнѣ, поднявъ передъ собой руку, точно для защиты.

— Да чего вы! вотъ дура!..—удивился Мандрыка, и задушенный смѣхъ трусцой раскачалъ его тѣло.—Скажите просто, что я умеръ, и больше ничего. И просите на похороны... Понимаете??—Онъ зажалъ кашель въ горсточку руки, боясь разбудить тѣхъ.—Скажите: умерла Мандрыка, нужно, молъ, хоронить... Ничего не подѣлаешь... а? И ко всѣмъ идите, непремѣнно, и къ Федюшинымъ, и къ Замятинымъ... смѣло идите... И если не примутъ, въ щелочку скажите... Небось, не пойдутъ провѣрять!

Аглая Семеновна вздохнула облегченно. Господи!

— А я-то думала, что вы съ ума сошли. Сядьте, господинъ Мандрыка,—и тоже хихикая, она отодвинулась, давая ему мѣсто на сундукѣ.—И чего выдумали... Богъ мой... Не повѣрятъ же!

Но возражала Аглая Семеновна исключительно для проформы, для того внѣшняго протеста, который только подогрѣваетъ желаніе.

Мандрыка такъ и понималъ ея протестъ.

— Съумѣть только надо все это оборудовать... А?... Но, смотрите...—вдругъ рѣзко измѣнилъ онъ тонъ.

Это было несправедливо! совсѣмъ несправедливо!

— Что вы, господинъ Мандрыка! Если вы думаете, что я таскаюсь и все такое, прочее... Такъ я же не воровка... Никогда воровкой не была и не буду...

— Ну, хорошо, хорошо!—завели уже канитель!

Сидя на сундукѣ, такъ что ноги его висѣли, не доставая пола, и совсѣмъ притиснувъ Аглаю Семеновну къ стѣнѣ, онъ прибавилъ, подсчитавъ кое-что мысленно: —Красненькая, навѣрное, наберется, если... — и вдругъ умолкъ въ безотчетномъ раздумьѣ.

Аглая Семеновна боялась пошевельнуться. Боялась произнести лишнее слово, чтобы не обезпокоить г-на Мандрыку, и молчала съ подобострастіемъ. Какъ ни какъ, но теперь г-нъ Мандрыка былъ уже въ ея глазахъ богатымъ человѣкомъ!... и значительнымъ... Сразу просвѣтлѣлъ ореолъ надъ головой заслуженнаго литератора... И связи... Связи, конечно! Вѣдь, сколько бы она ни умирала—никто не пришлетъ ей денегъ на похороны. И она слушала, какъ дышитъ г-нъ Мандрыка. Клокотало у него тамъ что-то въ груди и подсвистывало—ей даже хотѣлось откашляться немного за господина Мандрыку.

— Да.. Такъ вы пойдете, значитъ...—проговорилъ онъ, съ трудомъ отрываясь отъ чего-то, невѣдомаго Аглаѣ Семеновнѣ.

— Какъ хотите, мнѣ все равно..—и, несмотря на то, что Мандрыка уже всталъ и, тяжело ступая, не заботясь теперь о томъ, разбудитъ ли онъ кого-нибудь, направился къ себѣ, она проговорила ему вслѣдъ приторнымъ шепотомъ:— Подите, прилягте, господинъ Мандрыка. Вамъ нужно отдохнуть...

А когда онъ отошелъ, она приподнялась и внимательно смотрѣла на расплывчатое пятно его фигуры, словно тревожилась, благополучно ли дойдетъ онъ до своего дивана.

О! господинъ Мандрыка! Кто бы могъ думать...

И блескъ въ глазахъ пьяницы разгорался жаднымъ пламенемъ, и сливались уже двѣ плоскости —два естества, два сознанія —въ единое чувство, передъ силой котораго теряется граница между «теперь» и «послѣ», между реальностью и фантазіей.

Она стояла уже у «тѣхъ» дверей... Она подошла къ завѣтной рѣшеткѣ и ощущала на своей ладони холодную вы-

пуклую стѣночку, которую такъ легко раздавить... даже пальцами, хотя бы даже обрѣзаться въ кровь... И задолго еще до того момента, какъ благословенная влага дѣйствительно обожгла ей губы, судорога наслажденія сдавливала уже горло. Видѣніе воплотилось. О! похоронныя деньги были вѣрныя.

У Мандрыки тоже не было больше раздумья. Оба пили, не отрываясь, внутренно слитые другъ съ другомъ, какъ двѣ тѣни, единой страстью, зависимые другъ отъ друга—хихикали, и радостно стонали, и всхлипывали на разныхъ ложахъ...

Но утоливъ первую жажду всѣмъ напряженіемъ своей фантазіи, Мандрыка вдругъ провалился куда-то, канулъ въ воду, и, поймавъ какую-то петельку, затѣмъ другую, поплылъ въ безконечной вереницѣ сновидѣній...

Когда онъ проснулся, былъ уже день, и солнечный. То, что на улицѣ солнце—не вызвало радости у Мандрыки. Наоборотъ. Всегда было такъ, что если вдругъ, наконецъ, послѣ многихъ дождливыхъ, сырыхъ дней, появляется солнце, Мандрыка первое время чувствовалъ себя хуже и смотрѣлъ угрюмѣй... Вѣдь, солнце для тѣхъ, кто принимаетъ участіе въ жизни, чьи ноги мелькаютъ тамъ, въ окнѣ; солнце—это праздникъ жизни, изъ которой онъ выброшенъ. И никогда онъ не чувствовалъ себя такъ далеко отброшеннымъ, какъ въ первые весенніе солнечные дни. Потомъ, когда всѣ привыкали, когда солнце переставало служить стѣной радости между выброшеннымъ и живущими—тогда и ему въ теплые дни бывало лучше.

Херувимчикъ мурлыкалъ тамъ, привязанный веревкой.

Нѣкоторое время Мандрыка лежалъ съ полуоткрытыми глазами. Въ груди была тупая боль—точно придавили ломомъ по срединѣ грудной клѣтки. Сознаніе перебрасывало какія-то смутныя мысли, вспоминался какой-то сонъ и не вспомнился, и взглядъ, расплывчатый, безвольно отражалъ мельканіе въ окнѣ...

Дѣтскія ноги... вотъ собачка въ ошейникѣ, съ цѣпочкой... за нею бѣгутъ туфельки на высокихъ каблукахъ... Бронзовыя...

Взглядъ скользилъ мимо съ угрюмой отчужденностью и терялся въ бликахъ зеленаго купола ближайшей церкви. Солнечный день...

И вдругъ Мандрыка вскочилъ...

Всѣмъ тѣломъ повернулся въ ту сторону и долго въ жуткомъ недоумѣніи смотрѣлъ на прибранную постель Аглаи Семеновны.

Красная подушка съ бѣлыми разводами—«мебельный ситецъ», соображалъ Мандрыка... Прибрала и ушла поскорѣй... спѣшила... чтобы не раздумалъ, значитъ...

Херувимчикъ мычалъ тамъ, привязанный къ кровати. Въ бѣлыхъ розахъ—или плошкахъ?—на красномъ ситцевомъ фонѣ; въ невинной наглости этой подушки, на которую онъ прежде никогда не обращалъ вниманія, Мандрыка увидѣлъ вдругъ всю непреклонную нелѣпость своей жизни.

...«аккуратненько оправила... и поскорѣй ушла»...

И въ осмотрительной торопливости, съ какой «эта пьяница» отправилась собирать на похороны... на «мои похороны»—Мандрыка увидѣлъ чью-то еще торопливость. Его личное желаніе, его «блестящая» идея, его иниціатива — была только проформой! Кому-то нужно было, да, нужно было скорѣй развязать узелъ его жизни... и тамъ уже развязали...

Съ возгласомъ страннымъ — точно онъ взлетѣлъ на качеляхъ — и мычаніемъ тоже идіотскимъ, какъ у херувимчика, онъ опустился въ свои пролежанныя ямы и долго лежалъ на спинѣ, не шевелясь, какъ бы готовый къ погребенію...

Но мертвые не плачутъ...

Изъ уголка Мандрыкинаго глаза выступила слеза и скатилась внизъ по виску. Вскорѣ мелькнула тѣнь улыбки—блаженнаго предвкушенія...

Теперь онъ зналъ навѣрное... Онъ провелъ рукой по груди своей, по животу, коротенькой, опухшей отъ пьянства рукой... Мертвые не предвкушаютъ.

Лежалъ съ полузакрытыми глазами, и прислушивался: «не идетъ ли уже, не идетъ ли?.. Поспѣшила сволочь!.. Ну, что-жъ...—Видно, судьба»...

И старался угадать, гдѣ можетъ быть теперь, въ данную минуту, его посланная?.. У Федюшиныхъ сначала не пустили, конечно. Пріотворили чуть-чуть и цѣпи не сняли... Спятъ? Разбудите. Да! разбудите, если спятъ... Невозможно? (Га!) Сію же минуту разбудите, ради этого можно. У меня очень важное дѣло,—не терпящее отлагательствъ. (Ловко? а?.. ловко?) Передайте барину, что я умеръ... что господинъ Мандрыка умеръ.

Моментально сняли цѣпь. Моментально... (не придетъ, значитъ, больше) и впустили посланную отъ Мандрыки...

...И просятъ подождать... Ахъ, сволочи... Подождите, говоритъ та, въ гофрированномъ бѣленькомъ чепчикѣ... Я доложу барынѣ... Идетъ въ спальню. А эта, эта поскорѣй оправляетъ косыночку свою парадную... подтягивается... (Подтянись! Подтянись!..) И сморкается, чтобы слышали въ спальнѣ!.. и всхлипываетъ (Всхлипываетъ, подлая!)

...Вышли! ага! Не заставили ждать!

Барыня еще безъ прически... Жиденькіе, жиденькіе волосики. Ихъ-ты!—та самая Федюшина, у которой такая шевелюра!

Спрашиваетъ такимъ испуганнымъ голосомъ:—Неужели умеръ бѣдный Мандрыка?—и подходитъ ближе къ этой потаскушкѣ. А сама радуется, а сама радуется!—У меня нервная дрожь. (Нервная!..) Что же теперь дѣлать? Ахъ Боже мой!

— Неужели!? Ахъ бѣдный Мандрыка! Ахъ, бѣдная, бѣдная Мандрыка!»—а сама боится, что та ей сунетъ записочку отъ Мандрыки (ну, нѣтъ же, умеръ, говорятъ вамъ, умеръ, успокойтесь!!)...

— Отчего же?..

«Боже мой,—пугается вдругъ Мандрыка,—какъ же это я не научилъ Аглаю!

...Отчего я умеръ?.. Сволочи! не все ли равно, отчего я умеръ!?... Но эта пройдоха найдется... Небо-о-о-сь, въ ея интересахъ»!

И, лежа на своемъ диванѣ, Мандрыка слышитъ, какъ горестно отвѣчаетъ его посланная тамъ, въ передней у Федюшиныхъ:

— Отъ воспаленія легкихъ,—говоритъ она шепотомъ и вытираетъ слезу. (Великолѣпно! великолѣпно!)

— Слышишь, дѣйствительно, умеръ!—(А тотъ уже выходитъ изъ спальни).

— Съ чего же онъ, бѣдняга? —спрашиваетъ и этотъ идіотъ... (А самъ радуется! Господи, какъ они оба рады! Не все ли равно, отчего умеръ человѣкъ... Теперь надо его хоронить, ясное дѣло)...

— Отъ воспаленія легкихъ...

— Да, отъ воспаленія легкихъ, бѣдняга... (благородная болѣзнь! вѣдь, подумайте только—умереть отъ воспаленія легкихъ!! Ловкая шельма... ей Богу!)

— Вы что же, родственница?

— Да, родственница... (теперь родственница!) Нѣтъ у него больше никого... тетка...

«Такъ, такъ, такъ!—хихикаетъ Мандрыка и подслушиваетъ.

— Хоронить, значитъ, надо...—(Нѣтъ, не такъ: надо, значитъ, на похороны вамъ?)

— Не знаю ужъ..—говоритъ тетка и плачетъ. (Въ передней-то не очень видно!)

— На-те, вотъ... что могу, больше не съ состояніи. (И

радуется! ухъ, какъ радуется... Вѣдь, въ послѣдній разъ. Въ послѣдній разъ!)

...Съ удовольствіемъ далъ... Никогда еще съ такимъ удовольствіемъ не давалъ... Никогда столько... Трешницу, можетъ быть... А добрая жена проситъ: дай еще, этого мало. И прямо говоритъ: вѣдь, въ послѣдній разъ... (Не стѣсняется!)

— Но я не въ состояніи больше!—(разсердился... ей Богу, кажется, разсердился!..) Я не милліонеръ какой-нибудь. Почему я долженъ одинъ? Пусть къ кому-нибудь пойдутъ... Мало ли здѣсь литераторовъ... Когда-то, въ свое время, Мандрыка тоже кое-что...

...Правильно, голубчикъ! правильно,—хихикаетъ Мандрыка.—Съ какой стати ты одинъ? Пусть хоронятъ всѣ...

По временамъ ругательство вырывается сквозь зубы. Временами онъ засыпаетъ отъ слабости, отъ волненія, не больше, какъ на двѣ минуты, но и сквозь дремоту видитъ все происходящее въ полутемныхъ переднихъ, слышитъ разговоры о собственныхъ похоронахъ, и когда утомленное сердце его перестаетъ биться, кажется Мандрыкѣ, что онъ, дѣйствительно, умеръ, и холодный потъ выступаетъ на груди.

Наконецъ, она пришла.

Моментально выскочила пробка изъ бутылки и полетѣла въ херувимчика, и обрызгала херувимчика живительная влага—къ великой его радости. А Мандрыка, покачиваясь на ногахъ, держа коротенькими, дрожащими руками холодную отпотѣвшую бутылку, пилъ, запрокинувъ голову, закрывъ глаза, и чудеса творила водка...

— Царство небесное...—хихикнулъ Мандрыка, когда оторвалъ бутылку.—А?..

И вдругъ, вспомнивъ обо всемъ предпріятіи, спросилъ съ любопытствомъ:

— Дали, значитъ?

— Много дали,—торжественно отвѣтила Аглая Семеновна и, разстегнувъ кофту, сунула руку за пазуху.

— Ну-у,—произнесъ съ неудовольствіемъ Мандрыка,—чего тамъ много!..

И какъ будто надежда была у него...

Но когда она стала выкладывать деньги и посыпались бумажки, и звякнуло серебро, и появилась красненькая десятирублевка, и еще... и все это Аглая Семеновна сложила на диванъ въ кучу, вынула всѣ, до послѣдней копѣечки, выворо-

тила карманы и развязала всѣ узлы своего грязнаго платка,— Мандрыка молчалъ.

Никогда въ жизни не было у него столько... Никогда...

Онъ сидѣлъ, глубоко согнувшись, весь грузно осѣвшій, точно потолокъ спустился на его спину, и, зажавъ горлышко бутылки, упершись ею въ колѣно, молча смотрѣлъ на эту груду денегъ.

И съ каждой минутой она казалась ему больше, гораздо больше, чѣмъ была въ дѣйствительности, и цѣнность денегъ все возрастала.

Въ нихъ онъ видѣлъ уже *неоплатныя* деньги... Не только съ явными слѣдами человѣческихъ рукъ, но какъ бы хранящія въ себѣ отзвуки ихъ словъ — холодныхъ, мелькающихъ, какъ сама жизнь. Лица — Федюшиныхъ, Замятиныхъ, Семеновыхъ, всѣхъ, кого онъ зналъ и кого не зналъ — всѣ эти холодныя, неумолимыя, тусклыя лица смотрѣли изъ кучи денегъ, вдругъ очутившихся на его постели—по волшебству, по одному мановенію. Стоило ему только произнести: я умеръ. Смерть поторопилась заключить сдѣлку. Смерть смотрѣла изъ этихъ денегъ, и только жизнью можно было оплатить ихъ... Великій долгъ— великая расплата.

Я умеръ...

Или сейчасъ же отдать—поскорѣе отдать?.. Самому придти и каждому вернуть... И сказать, что я... живъ... воскресъ?.. что... что эта сволочь поспѣшила, проклятая!..

Лицо Мандрыки принимало все болѣе сѣрый отсвѣтъ, мускулы становились неподвижными. Онъ пьянѣлъ, и тусклые зрачки голубоватыхъ мутныхъ глазъ навѣки увидѣли жизнь сквозь пелену тумана.

— Послѣднія, значитъ, — произнесъ Мандрыка и посмотрѣлъ въ лицо женщинѣ, въ безотчетной надеждѣ...

Но увидѣлъ лицо ея, напряженное, цьяное, дрожащіе пальцы и забытую оголенную грудь, только что хранившую его деньги, желтую, какъ прокисшее тѣсто, старую грудь, которая скоро тоже будетъ гнить въ землѣ.

И подумалъ Мандрыка, что она, эта потаскушка, не получитъ никогда даже такихъ денегъ, и... можетъ быть, въ этомъ ея единственное счастье. И еще подумалъ, что, навѣрно, она *забѣгала* по дорогѣ, такъ какъ не въ силахъ была удержаться... Купила маленькую, «самую малюсенькую»—вѣдь, это не могло быть ощутимо при его теперешнихъ капиталахъ! — и выпила, тамъ, у рѣшетки.

А женщина, не понявъ его словъ о «послѣднихъ деньгахъ», проговорила съ важностью:

— Послѣднія, послѣднія, господинъ Мандрыка, сами видите... Развѣ же я утаю отъ васъ... Всѣ до копѣечки... — И боялась, какъ бы онъ не замѣтилъ, что она уже пьяна.—Каждый, можно сказать, съ радостью давалъ... А... Если вы думаете, что я себѣ что-нибудь утаила...

— Не думаю,—сказалъ Мандрыка и отвернулся.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, въ то время какъ Аглая Семеновна, безотчетно поддавшись его настроенію, едва касаясь кончиками пальцевъ, перебирала деньги.

Потомъ вспомнилъ и сталъ пить прямо изъ бутылки — не думая уже ни о деньгахъ похоронныхъ, ни о людяхъ, не видя уже никакихъ лицъ, ни идіотскихъ, ни умныхъ, холодно издали сострадающихъ, не слыша уже никакихъ звуковъ и чувствуя только свое тѣло, охваченное блаженнымъ огнемъ. И вбиралъ въ себя живительный ядъ, осуществляющій мечту «не быть»... И пилъ, не отрываясь, пока не допилъ.

— А ты?—спросилъ онъ неожиданно, грубо, такимъ тономъ, какъ говорятъ только съ соучастникомъ преступленія.

И вдругъ крикнулъ въ ярости:

— Не смѣй трогать, тварь! Собрала, такъ не прикасайся теперь, пока умру...

Къ ночи тамъ была настоящая оргія. Но странно безмолвная, безгласная, оглашаемая почти исключительно только визгомъ херувимчика.

Василиса и длинный подмастерье (у котораго ноги имѣли видъ согнутыхъ оглобель) были до остолбенѣнія поражены зрѣлищемъ закусокъ и выпивки, буквально навороченныхъ на столѣ.

Мандрыка не поскупился. Заявилъ, что самъ желаетъ праздновать по себѣ тризну и самъ себя похоронитъ... И денегъ не пряталъ. Все, что осталось отъ покупокъ, сдѣланныхъ на скорую руку бывшей помѣщицей, было брошено на столѣ безъ счета, такъ что никогда никто не смогъ бы установить— стащилъ ли подмастерье одну трехрублевку, или она была истрачена, или потеряна самой Аглаей Семеновной.

Подмастерье и Василиса были голодны и набросились на первое, что подъ руку попалось, съ неразборчивостью паршивыхъ дворняжекъ. И сразу же опьянѣли; у подмастерья выразилось это во все возрастающей жадности къ колбасѣ, у Василисы,

наоборотъ, въ полнѣйшей потерѣ аппетита и необыкновенномъ приливѣ нѣжности къ херувимчику.

Онъ сидѣлъ у нея на колѣняхъ и, полузакрывъ глаза, припавъ губами къ большой Василисиной чашкѣ, пилъ пиво...

Когда разомлѣвшая отъ любви пьяная мать отрывала чашку отъ его губъ, онъ широко раскрывалъ глаза свои, ослѣпительно-синіе, и, судорожно сжимая на груди руки, испускалъ пронзительный крикъ. Это былъ восторгъ—пещерная радость, и страхъ, дикій страхъ потерять наслажденіе... И все тѣльце его, точно надѣтое на твердый стержень, привскакивало, наэлектризованное, на колѣняхъ у Василисы.

— Пьяненькій же будешь,—ласково уговаривала мать, точно онъ понималъ,—пьяненькій будешь, глухенькій мой, нѣменькій мой...—и съ наслажденіемъ ловила звукъ ударявшихся зубовъ херувимчика о край чашки, когда онъ припадалъ къ ней, и любовалась на его мокрыя, красненькія губки.

А Мандрыка все чаще засыпалъ, положивъ голову на край стола.

Онъ свободно могъ бы обойтись безъ этого пиршества. Изъ полученныхъ денегъ на свои похороны онъ могъ бы истратить только двадцать копѣекъ, и былъ бы въ такой же мѣрѣ утоленъ... И какъ часто онъ пребывалъ бы тогда въ царствѣ небесномъ, о которомъ безпрестанно твердилъ, обводя мутными глазами компанію... если бы разсчетливо тратилъ свой похоронный капиталъ!

Но между духами, провожавшими Мандрыку на землю въ моментъ его рожденья, не было ни одной разсчетливой души...

Аглая Семеновна, пьяненькая-пьяненькая, стриженая, безъ косынки, распухшая и желтая, какъ Мандрыка, сидѣла рядомъ, склонивъ голову на другой уголъ стола, и по временамъ, отвязываясь отъ дремоты, льстиво ухаживала за Мандрыкой.

Она чувствовала вину свою передъ нимъ—въ томъ, что утаила тогда изъ его денегъ и выпила. Утаенное принимало въ ея представленіи все болѣе огромные размѣры. Никогда она не была воровкой! Шлялась—да... Но—не воровкой!

И томилась виной своей... Подливала ему водку и, по временамъ, ощупывала его своими дрожащими пальцами, плечо его, спину, колѣни, шарила по немъ руками и, нечаянно взглянувъ на обжирающагося подмастерья, укоризненно покачивала головой... Но тутъ же засыпала, не успѣвъ сообразить, что, собственно, ее тревожитъ.

Никому изъ нихъ не нужно было это пиршество—никому. Съѣвъ на двадцать копѣекъ колбасы и на десять копѣекъ селедокъ и выпивъ двѣ бутылки пива, подмастерье ничего уже не

могъ ни ѣсть, ни пить—настолько, что, замѣтивъ вдругъ по ту сторону жестяной лампочки сардины и еще какую-то коробку съ краснымъ соусомъ, впалъ въ мрачное состояніе, которое разрѣшилось слезами.

Никому не нуженъ былъ этотъ пиръ... Вскорѣ всѣмъ стало еще нуднѣй. Тяжело надавилъ ихъ головы пьяный сонъ... И лишь въ сіяющихъ глазахъ идіота разгорался восторгъ ослѣпительнымъ пламенемъ. Крики его, громкіе и звенящіе, привѣтствовали этотъ пришедшій, наконецъ, пиръ, смутно ожидаемый пять долгихъ, томительныхъ лѣтъ, и только онъ одинъ пьянъ былъ по настоящему хорошо—весь былъ въ трепетномъ движеніи, весь сгоралъ на колѣняхъ у матери, и такимъ легкимъ казался отъ внутренняго напряженія, такимъ ускользающимъ, словно отпали уже его мертвыя ножки, и вотъ-вотъ онъ поднимется на воздухъ...

Онъ выпилъ свою чашу залпомъ... «Пьяненькій мой»,—шептала Василиса и лила радостныя слезы.

Позднѣе, когда онъ затихъ совсѣмъ и лежалъ безтрепетный, едва вздыхая; когда догорѣла лампа, и всѣ только мычали въ пьяномъ бреду, уснувъ на объѣдкахъ пищи; когда смѣшались храпъ и безотчетные стоны души,—вошла Она, предтеча утра...

Мелькнуло что-то надъ столомъ—будто лиліи въ тонкомъ бокалѣ — и мгновенно исчезли, растаяли, подобно снѣжнымъ хлопьямъ... Надъ холодѣющимъ личикомъ ребенка стали собираться голубыя тѣни—у тоненькихъ ноздрей, у рта и, проникая вглубь, завладѣвали назѣки его тѣломъ, спѣшно гася краски одну за другой—быстро, одну за другой, какъ звѣзды гаситъ утро... Рѣяли, темнѣя, превращая тѣло въ мраморъ...

Кромѣ херувимчика, никто не увидѣлъ бѣлыхъ лилій...

Однажды на Невскомъ, среди гуляющихъ, вынырнулъ какой-то оборванный субъектъ.

Очевидно, онъ валялся въ лужахъ неизвѣстно гдѣ—здѣсь, по крайней мѣрѣ, на Невскомъ, было сухо, какъ въ гостиной, и все блестѣло, все имѣло праздничный видъ. Не было никакого праздника, но Невскій имѣетъ странность—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ликовать, и сквозь прямолинейную свою чопорность, вдругъ, исподтишка такъ неожиданно расцвѣсти, такъ по своему вдругъ загорѣться, что самому угрюмому ненавистнику города покажется, что «сегодня праздникъ»...

Солнце, можно сказать, не пропускало ни одной мѣдной пуговицы, ни одного кивера или погона, или дамской булавки,

чтобы не сверкнуть ослѣпительно. Все мутное отодвинулось на второй планъ, и выступило впередъ все ликующее, пламенное, яркое, кричащее. Трамваи сверкали, звенѣли, летѣли. Букетики искусственныхъ фіалокъ на дамскихъ муфтахъ приняли вдругъ такой видъ, будто сорваны только что у лѣсной опушки...

Не мудрено, что оборванецъ явился гнуснымъ пятномъ на этомъ ликующемъ фонѣ... Его нужно было убрать. Многіе, оскорбленные въ своихъ эстетическихъ чувствахъ, выражали неудовольствіе.

«Полисменъ» въ бѣлыхъ перчаткахъ вѣжливо пригласилъ его за собой. Но и тотъ, въ свою очередь, сталъ приглашать его за собой... Они какъ-будто играли немножко другъ съ другомъ—такъ, по крайней мѣрѣ, издали казалось. Тотъ не давался, отступалъ или вдругъ напиралъ на полисмена. Потомъ они стали тащить другъ друга. Но вдругъ онъ разсѣлся въ кругу любителей зрѣлищъ—на тепломъ отъ солнца тротуарѣ—и заявилъ, что теперь онъ никуда ужъ больше не пойдетъ.

— Умерла Мандрыка,—говорилъ онъ и дѣлалъ какіе-то глубокомысленные знаки отекшей, коротенькой рукой передъ своей физіономіей—умерла. Не приду... во вѣки вѣковъ.

Смѣялись, конечно. Ясно было, что этотъ чудакъ допился до чертиковъ. Несмотря на любезность полицейскаго, онъ не желалъ уходить и несъ всевозможную чепуху о херувимчикѣ, который будто бы умеръ внезапно, и просилъ у вѣжливаго полисмена денегъ на похороны.

— Не на свои, не на свои!—объяснялъ онъ,—а на херувима...

Потомъ кто-то изъ нихъ кого-то велъ, мирно, конечно,—не станетъ же приличный блюститель порядка бить этого оборванца на Невскомъ! Они даже разговаривали—все о томъ же херувимѣ, и тотъ обѣщалъ непремѣнно заняться его дѣломъ и даже сказалъ:

— Ей Богу...

— Вы мнѣ какъ будто знакомы, — довѣрчиво бормоталъ субъектъ и шелъ, самъ не зная куда, точно во снѣ...

А когда полисменъ передавалъ его полицейскому (безъ перчатокъ), онъ опять заартачился. Но теперь они уже достаточно далеко отошли... Улицы были въ тѣни... Солнце осталось на Невскомъ, и подъ каменными сводами воротъ было такъ гулко, что обыкновенный ударъ по спинѣ отдавался тройнымъ эхо.

О. Миртовъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. А. БАЛАКИРЕВА СЪ П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ [1]).

(Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Ляпунова).

Начало личнаго знакомства Милія Алексѣевича Балакирева съ Петромъ Ильичемъ Чайковскимъ относится къ первой половинѣ 1868 года, по всей вѣроятности—къ тому времени, когда П. И., будучи профессоромъ Московской Консерваторіи, пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ на пасхальныя каникулы. Переписка между нимъ и главою такъ называемой «могучей кучки» началась съ января этого года, очевидно—нѣсколько раньше личнаго знакомства. Поводомъ къ ней послужилъ вопросъ объ исполненіи въ концертахъ С.-Петербургскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго общества, во главѣ которыхъ стоялъ тогда М. А. Балакиревъ, «Танцевъ сѣнныхъ дѣвушекъ» изъ оп. «Воевода» П. И. Чайковскаго.

Окончивъ въ декабрѣ 1865-го года курсъ С.-Петербургской Консерваторіи, П. И. Чайковскій тотчасъ же получилъ приглашеніе Николая Григорьевича Рубинштейна, устроившаго въ Москвѣ отдѣленіе Р. М. О. и при немъ музыкальные классы, занять тамъ мѣсто преподавателя теоріи музыки. Съ расширеніемъ этихъ классовъ и переименованіемъ ихъ въ Консерваторію П. И. сдѣлался тамъ профессоромъ композиціи, которымъ и оставался до 1878 года. Уѣхавъ изъ С.-Петербурга немедленно по окончаніи курса консерваторіи, Чайковскій не могъ завязать тамъ прочныхъ музыкальныхъ связей; внѣ консерваторскаго круга, за исключеніемъ Сѣрова, у него совершенно не

[1]) Полная переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ печатается отдѣльнымъ изданіемъ музыкальной фирмой Ю. Г. Циммермана.

было музыкальныхъ знакомствъ. Къ М. А. Балакиреву и членамъ его кружка (Кюи, Мусоргскій, Бородинъ и Римскій-Корсаковъ), П. И-чъ относился недружелюбно, предполагая въ нихъ презрительное къ нему нерасположеніе и отрицаніе въ немъ музыкальныхъ дарованій. Причиной такого отношенія надо считать прежде всего ту мнительность, съ которою онъ, по словамъ М. И. Чайковскаго, вообще относился къ людямъ, усматривая во всякомъ человѣкѣ, индифферентно къ нему относящемся, непремѣнно своего недоброжелателя.

Но нерасположеніе П. И. Чайковскаго къ названнымъ лицамъ имѣло и другія, болѣе опредѣленныя причины. Какъ воспитанникъ Консерваторіи и ученикъ А. Рубинштейна, передъ талантомъ котораго онъ преклонялся, П. И. воспринялъ понятія и вкусы, царившіе въ окружавшей его атмосферѣ, и не могъ безразлично относиться къ тѣмъ, кто объявилъ войну традиціямъ и А. Рубинштейну въ особенности. Это принципіальное нерасположеніе было еще усилено отзывомъ Ц. Кюи объ экзаменаціонной кантатѣ П. И., исполнявшейся на актѣ 31 декабря 1865 г. «Консерваторскій композиторъ г. Чайковскій —писалъ Ц. Кюи, въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 24 марта 1866 г., — совсѣмъ слабъ. Правда, что его сочиненіе (кантата) написано въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: по заказу, къ данному сроку, на данную тему и при соблюденіи извѣстныхъ формъ. Но все-таки, если бы у него было дарованіе, то оно хоть гдѣ-нибудь прорвало консерваторскія оковы».

Понятно, поэтому, что когда послѣ, отъѣзда А. Рубинштейна изъ С.-Петербурга, руководительство концертами И. Р. М. О. перешло къ Балакиреву, нерасположеніе Чайковскаго было перенесено на все С.-Петербургское отдѣленіе И. Р. М. О. Этимъ объясняется его довольно странное требованіе, чтобы Отдѣленіе прислало ему оффиціальное отношеніе за подписью всѣхъ директоровъ, когда въ концѣ 1867 г. онъ получилъ словесную просьбу дать свои «Танцы» для исполненія въ С.-Петербургѣ. Тогдашній директоръ Консерваторіи, Н. И. Заремба, чрезъ Н. Рубинштейна послалъ ему сказать, что его желаніе будетъ исполнено. Съ этого времени началась переписка П. И-ча съ М. А. Балакиревымъ. Препровождая къ нему партитуру своихъ «Танцевъ», Чайковскій въ полуоффиціальномъ своемъ письмѣ отъ 21 января 1868 г. проситъ его кстати прислать «словечко поощренія», которое ему было бы въ высшей степени пріятно получить отъ Балакирева. Отвѣтъ М. А-ча сразу мѣняетъ этотъ оффиціальный тонъ на дружескую бесѣду, въ которой незамѣтно и

тѣни какого-либо предубѣжденія или нерасположенія. Дѣйствительно, если П. И-чъ до знакомства съ членами «могучей кучки» предполагалъ въ нихъ своихъ враговъ, то Балакиревъ, наоборотъ, какъ только замѣтилъ талантъ Чайковскаго, сталъ относиться къ нему съ величайшимъ интересомъ и симпатіей. Въ отвѣтъ на просьбу о поощреніи онъ со свойственною ему прямотою говоритъ, что такой образъ дѣйствій по отношенію къ П. И-чу онъ считаетъ не только неумѣстнымъ, но и недобросовѣстнымъ, такъ какъ поощреніе примѣнимо лишь къ малымъ дѣтямъ искусства, въ авторѣ же «Танцевъ» онъ видитъ совсѣмъ готоваго художника, къ которому приложима только *строгая критика*. Прямой и дружелюбный тонъ письма и личное знакомство съ Балакиревымъ очень быстро расположили къ нему и членамъ его кружка П. И. Чайковскаго, который хотя и продолжалъ въ своихъ воззрѣніяхъ на искусство существенно расходиться съ ними, но въ письмахъ своихъ къ Балакиреву выражалъ имъ большую симпатію и уваженіе. Въ первомъ періодѣ переписки не только рисуется отношеніе ихъ другъ къ другу, но отражаются всѣ наиболѣе крупныя событія музыкальной жизни С.-Петербурга и Москвы въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ. Балакиревъ вынужденный въ 1869 г. оставить руководительство концертами И. Р. М. О., всю свою энергію обратилъ на Безплатную Музыкальную Школу, основанную имъ вмѣстѣ съ Г. Я. Ломакинымъ въ 1862-мъ году. Вступивъ въ борьбу съ И. Р. М. О—вомъ, онъ объявилъ серію концертовъ подъ фирмой Безплатной Школы, къ участію въ которыхъ не разъ приглашалъ Н. Г. Рубинштейна изъ Москвы. Въ письмахъ своихъ къ П. И. Чайковскому онъ неоднократно просилъ его посредничества въ переговорахъ съ Н. Рубинштейномъ по поводу его участія въ концертахъ Безплатной Школы, или съ П. Юргенсономъ—по поводу изданія сочиненій своихъ и Римскаго-Корсакова. Интересуясь творчествомъ П. И. Чайковскаго, онъ предлагалъ ему темы для сочиненій, входилъ въ подробности плана и работы, безпощадно критиковалъ то, что его не удовлетворяло, пересыпая свои письма свойственными ему шутками, остротами и сравненіями. По внушенію и плану Балакирева была написана Чайковскимъ въ 1869—70 годахъ увертюра «Ромео и Джульета» на сюжетъ драмы Шекспира. Переписка ихъ прервалась въ 1871-мъ году на продолжительное время, когда Балакиревъ, подъ вліяніемъ постигшихъ его неудачъ, внезапно оставилъ музыкальную дѣятельность и почти прекратилъ всякія сношенія съ музыкальнымъ міромъ и съ своими друзьями и знакомыми. Де-

сять лѣтъ прошло до возобновленія его письменныхъ сношеній съ П. И. Чайковскимъ въ 1881-мъ году. Рѣшивъ сдѣлать новое изданіе своей увертюры «Ромео и Джульета», Чайковскій писалъ М. А. Балакиреву, что его всегда немножко терзало отсутствіе въ первомъ изданіи на заглавномъ листѣ по недосмотру посвященія этого сочиненія Балакиреву. Исправивъ этотъ недосмотръ и сдѣлавъ маленькое сокращеніе въ новомъ изданіи, онъ распорядился, чтобы оно было доставлено М. А—чу и спрашивалъ его о полученіи. Отвѣтомъ М. А. Балакирева начинается печатаемая здѣсь часть переписки его съ П. И. Чайковскимъ, обнимающая собою періодъ созданія послѣднимъ симфоніи «Манфредъ». Въ этихъ письмахъ нѣтъ того юмора, тѣхъ шутокъ и сравненій, которыми были пересыпаны въ особенности письма Балакирева въ первый періодъ его переписки съ Чайковскимъ. Характеръ настоящихъ писемъ—болѣе серьезный и дѣловой. Лѣта и условія жизни обоихъ корреспондентовъ наложили свою печать на ихъ переписку. Балакиревъ вскорѣ затѣмъ сдѣлался управляющимъ придворною пѣвческою капеллою и былъ поглощенъ служебными обязанностями и интересами, которые не могли представлять ничего занимательнаго для Чайковскаго. Послѣдній въ ту пору былъ всецѣло погруженный въ свое творчество композиторъ, не связанный ни служебными, ни педагогическими обязанностями. Онъ жилъ обыкновенно въ г. Клину или въ деревнѣ, вдали отъ шумныхъ столицъ, куда пріѣзжалъ только по случаю исполненія его сочиненій. При такихъ условіяхъ переписка могла поддерживаться только какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ, интересовавшимъ обоихъ, и въ настоящемъ случаѣ такимъ вопросомъ явилось сочиненіе Чайковскимъ симфоніи «Манфредъ».

С.-Петербургъ, Коломенская улица, д. № 7.

28 сентября 1882 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Ваше любезное письмо и посвященіе, сдѣланное мнѣ, доказываютъ, что Вы не совсѣмъ меня вычеркнули изъ памяти Вашего сердца; и если это такъ, то отчего бы Вамъ не доставить мнѣ удовольствія—побывать у меня?—Я былъ бы радъ повидаться съ Вами и имѣю сообщить Вамъ программу симфоніи, которая бы у Васъ вышла превосходно.

Надобно Вамъ сказать, что я за послѣднее время посматривалъ Ваши партитуры и, разумѣется, радовался, видя Вашъ талантъ развернувшимся и окрѣпшимъ.—Апогей Вашъ—это двѣ симфоническія поэмы, Буря и Francesca da Rimini, въ особенности послѣдняя. Зачѣмъ только вы ихъ ни къ селу, ни къ городу назвали фантазіями? Развѣ только потому, что у всякаго барона своя фантазія.

Мнѣ кажется, что въ сюжетѣ, приготовленномъ для Васъ, Вы окажетесь никакъ не ниже поименованныхъ Вашихъ пьесъ, такъ какъ надѣюсь, что хорошо разумѣю сильныя стороны Вашего таланта.

Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы намъ не видаться? У меня никого не найдете лишнихъ, кромѣ извѣстной Вамъ компаніи съ добавленіемъ новаго ея члена, талантливаго Глазунова. Даже если бы Вы никого не захотѣли видѣть, то и это возможно, только предупредите о таковомъ желаніи и о пріѣздѣ по вышеписанному адресу.

Итакъ буду надѣяться получить отъ Васъ извѣстіе,—и что по пріѣздѣ въ Питеръ Вы вспомните и стараго знакомаго, душевно Васъ любящаго

М. Балакирева.

P. S. Кстати обращаю Ваше вниманіе на вопіющую ошибку въ партитурѣ Francesca. На страницѣ 92 пропущены р о г а и выходитъ ужасно! [1]).

Каменка. 8 октября 1882 г.

Дорогой и добрѣйшій Милій Алексѣевичъ!

Было бы странно, если бы я *вычеркнулъ Васъ изъ памяти сердца* [2]). Не говоря уже объ искреннемъ уваженіи къ Вамъ, какъ музыканту и человѣку, которое я питалъ бы, даже еслибъ судьба не сталкивала меня съ Вами,—могу ли я не цѣнить множество проявленій дружескаго сочувствія, которое Вы мнѣ оказывали? Я могу безъ всякихъ фразъ сказать, что если

---

[1]) Эта грубая опечатка, съ согласія П. И—ча, была по настоянію Балакирева исправлена издателемъ П. Юргенсономъ. *Прим. С. Л.*

[2]) Эти слова подчеркнуты самимъ П. И. Чайковскимъ. *Прим. С. Л.*

бы и еще 10, 20 лѣтъ прожилъ, не видя Васъ—все-таки никогда бы не забылъ Васъ и не пересталъ бы съ любовію думать о Васъ, какъ объ одной изъ самыхъ свѣтлыхъ, безусловно правдивыхъ и даровитѣйшихъ художническихъ личностей, съ какими встрѣчался. Отъ души благодарю за намѣреніе предложить мнѣ сюжетъ для симфонической поэмы и радуюсь Вашему сочувствію.

Если буду въ Петербургѣ, конечно побываю у Васъ. Моя склонность къ уединенію и жизни внѣ общества, конечно, не можетъ распространяться до того, чтобы я отказывалъ себѣ въ удовольствіи видѣть Васъ и бесѣдовать съ Вами, и достаточно того, что Вы меня къ себѣ зовете, чтобы я почелъ для себя пріятнымъ долгомъ явиться къ Вамъ, какъ только попаду въ Петербургъ. Но когда я тамъ буду—неизвѣстно, хотя весьма вѣроятно, что въ теченіе зимы, или по крайней мѣрѣ ранней весны, буду въ Вашихъ странахъ. Въ виду этого, не хотите ли письменно изложить мнѣ сущность предлагаемаго сюжета? Меня это весьма интересуетъ. Могу положительно обѣщать Вамъ, что если только останусь здоровъ духомъ и тѣломъ,—исполню задаваемую Вами задачу съ величайшей готовностью.

А покамѣстъ примите, дорогой Милій Алексѣевичъ, увѣреніе въ теплыхъ, дружескихъ чувствахъ моихъ къ Вамъ.

Вашъ П. Чайковскій.

Меня очень интересуетъ Глазуновъ. Не найдетъ ли этотъ молодой человѣкъ возможнымъ прислать мнѣ для просмотра свою симфонію? При этомъ я желалъ бы знать: одинъ, или съ помощью Вашей, или Р. Корсакова онъ работалъ надъ внутренней и внѣшней отдѣлкой. Если бы посылка симфоніи оказалась возможной, то адресъ мой на сей случай такой: Фастовская линія, ст. Бобринская, Смѣла, оттуда въ Каменку. Для простыхъ же писемъ адресъ: Фастовская линія. Каменка.

С.-Петербургъ. 28 октября 1882 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Простите, что такъ замедлилъ отвѣтомъ на Ваше послѣднее письмо. Отвѣчать Вамъ хотѣлось на просторѣ, въ состояніи благодушія, а тутъ, какъ на зло, разныя разности пошли, кото-

рыя мнѣ мѣшали. Въ этомъ отношеніи Вы много насъ счастливѣе, такъ какъ не обязаны давать уроки и всецѣло свое время можете посвящать искусству.

Сюжетъ, о которомъ я Вамъ писалъ, предложенъ былъ сначала мною Берліозу [1]), который по старости и болѣзненности отказался, не располагая что-либо еще сочинять. Ваша Франческа навела меня на мысль, что Вы бы блестящимъ образомъ могли исполнить этотъ сюжетъ, конечно, если *постараетесь* [2]) и приложите къ своему труду побольше критики, дадите созрѣть фантазіи въ Вашей головѣ и не будете торопиться кончить во во что бы то ни стало.

Для меня этотъ великолѣпный сюжетъ не годенъ, такъ какъ не гармонируетъ съ моимъ внутреннимъ настроеніемъ; для Васъ же онъ какъ разъ впору. Сюжетъ этотъ: Манфредъ Байрона. И такъ вотъ Вамъ программа:

Manfred
Symphonie d'après le poême dramatique
de Lord Byron et...

Часть I-я. Прежде чѣмъ изложу программу, скажу Вамъ, что на подобіе двухъ Берліозовскихъ симфоній (Symphonie fantastiqué и Harold) Ваша будущая симфонія должна имѣть свою idée fixe—изображеніе самого Манфреда, которое бы проходило по всѣмъ частямъ. Итакъ, приступаю къ изложенію программы первой части.

Манфредъ блуждаетъ въ Альпійскихъ горахъ. Жизнь его разбита, неотвязчивые вопросы остаются безъ отвѣта; въ жизни его ничего не осталось, кромѣ воспоминаній. Образъ идеальной Астарты проносится въ его мысляхъ и тщетно онъ взываетъ къ ней. Только эхо скалъ повторяетъ ея имя. Воспоминанія и мысли жгутъ и гложутъ его. Онъ ищетъ и проситъ забвенія, котораго ему никто дать не можетъ. (Fis moll. 2-я тема D dur и Fis dur).

II часть. Настроеніе совершенно противоположное первому.—Программа: Бытъ Альпійскихъ охотниковъ, полный про-

---

1) Послѣ отъѣзда Берліоза изъ Россіи въ 1868-мъ году Балакиревъ писалъ ему 10 сентября 1868 г. изъ Кисловодска, гдѣ находился для леченія, и въ письмѣ предложилъ ему программу симфоніи на сюжетъ Байроновскаго «Манфреда». *Прим. С. Л.*

2) Однимъ изъ недостатковъ въ сочиненіяхъ П. И. Чайковскаго Балакиревъ всегда считалъ спѣшность работы и отсутствіе достаточной критики къ тому, что выходитъ изъ-подъ его пера. Поэтому онъ самъ подчеркиваетъ это слово и, какъ увидимъ, не разъ дѣлаетъ подобныя предостереженія. *Прим. С. Л.*

стоты, добродушія и патріархальности. *Adagio pastorale* (A dur). Съ этимъ бытомъ сталкивается Манфредъ, представляя изъ себя рѣзкій контрастъ. Конечно, слѣдуетъ пустить сначала охотничій наигрышъ, только при этомъ нужно быть *особенно осторожнымъ, чтобы не впасть въ тривіальность* [1]). Да сохранитъ Васъ Богъ отъ пошлостей въ родѣ нѣмецкихъ фанфаръ и Jägermusik.

III часть. Scherzo fantastique (D dur). Альпійская фея является Манфреду въ радугѣ изъ брызговъ водопада.

IV часть. (Finale). Дикое, необузданное Allegro, изображающее чертоги Аримана (адъ), куда пробрался Манфредъ, желая свиданія съ Астартой.—Контрастъ этой адской аріи будетъ представлять *вызовъ и появленіе тѣни Астарты* [2]). (Des dur, то же, что было въ 1-й части D dur, только тогда эта мысль была коротенькая, какъ воспоминанье, и тотчасъ же утопающая въ страдальческомъ настроеніи Манфреда. Здѣсь та же идея является уже въ полной и законченной формѣ. Музыка должна быть легкая, прозрачная, какъ воздухъ, идеальная и дѣвственная). Далѣе опять повтореніе Pandemonium'a, затѣмъ закатъ солнца и смерть Манфреда.

Не правда ли, что программа прелестна? и если Вы приложите стараніе, то я увѣренъ, что это будетъ Вашъ chef d'oeuvre. При этомъ попрошу Васъ объ нѣкоторыхъ мелочахъ.

Не пишите флейты на разныхъ строкахъ, это пренеудобно для чтенія и нѣтъ резона не писать 2 флейты на одной строкѣ, какъ 2 гобоя или 2 кларнета. Съ наружной стороны сдѣлайте изданіе этой прекрасной симфоніи повзыскательнѣе. Такъ для ударныхъ инструментовъ прикажите употреблять не по 5, а по одной строкѣ, что при томъ и экономнѣе будетъ для издателя. Распредѣляйте акколадой *группы*, а не одинъ инструментъ, какъ напр. Вы пишете: Trombe Cornets à pist.

Хорошо, кабы совсѣмъ безъ корнетовъ Вы обошлись. За образецъ могли бы взять въ графическомъ отношеніи любую изъ новыхъ партитуръ, хоть одну изъ симфоническихъ поэмъ Листа или Сенъ-Санса. Какъ видите—въ Вашемъ будущемъ chef d'oeuvr'ѣ мнѣ хочется, чтобы все было, какъ слѣдуетъ до мелочей, а ничего не было *кое-какъ* [3]).

---

1) Эти слова подчеркнуты Балакиревымъ. *Прим. С. Л.*

2) Слова эти подчеркнуты Балакиревымъ. *Прим. С. Л.*

3) П. И. Чайковскій вообще мало заботился о внѣшней сторонѣ изданія своихъ сочиненій. Перечисленные Балакиревымъ недостатки его партитуры въ графическомъ отношеніи, объ устраненіи которыхъ онъ такъ хлопочетъ, тѣмъ не менѣе сохранены были Чайковскимъ (или, вѣрнѣе, его издателемъ—Юргенсономъ) и въ партитурѣ «Манфреда». *Прим. С. Л.*

Сюжетъ этотъ, кромѣ того, что онъ глубокъ, еще и современенъ, такъ какъ болѣзнь настоящаго человѣчества въ томъ и заключается, что идеалы свои оно не могло уберечь. Они разбиваются, ничего не оставляя на удовлетвореніе души, кромѣ горечи. Отсюда и все бѣдствіе нашего времени.

Какъ я буду радъ, если Вамъ угожу этимъ сюжетомъ [1]).

Вы спрашиваете о Глазуновѣ: это *очень* талантливый юноша, учившійся у Римскаго Корсакова всего одинъ годъ. Въ сочиненіи Симфоніи ему *не приходилось* помогать, а только въ инструментовкѣ, и то *весьма мало*.

Сожалѣю, что не могу прислать Вамъ партитуру, такъ какъ *единственный* [2]) экземпляръ страшно довѣрять почтѣ. Если зимой располагаете быть въ Питерѣ, то могу Васъ познакомить не только съ симфоніей, но и съ самимъ авторомъ, который послѣ симфоніи сдѣлалъ уже нѣсколько новыхъ, замѣчательно талантливыхъ произведеній.

Теперь буду съ нетерпѣньемъ ожидать Вашего отзыва о сюжетѣ.

Вашъ всегда—М. Балакиревъ.

Не худо бы Вамъ выписать поэму Байрона въ русскомъ переводѣ. Переводы есть весьма хорошіе—и не одинъ.

Каменка. 12 Ноября 1882 г.

Дорогой Милій Алексѣевичъ!

У меня нѣтъ подъ рукой переводнаго Манфреда, и мнѣ не хочется давать Вамъ окончательнаго отвѣта насчетъ Вашей программы до тѣхъ поръ, пока не перечту текста Байрона. Быть можетъ ближайшее съ нимъ знакомство измѣнитъ мое отношеніе къ предлагаемой Вами задачѣ, хотя я очень сомнѣваюсь въ этомъ. Во всякомъ случаѣ мнѣ хочется передать Вамъ тѣ ощущенія, которыя я испыталъ по прочтеніи Вашего письма теперь, до прочтенія Байрона.

---

1) Все письмо до этихъ словъ было напечатано М. Чайковскимъ въ его книгѣ «Жизнь П. И. Чайковскаго». См. т. III, стр. 51. *Прим. С. Л.*

2) Всѣ подчеркиванія словъ въ этомъ письмѣ сдѣланы самимъ М. А. Балакиревымъ. *Прим. С. Л.*

Не смотря на то, что Вы назвали «Бурю» и «Франческу» моимъ *апогеемъ* [1]) (съ чѣмъ я совершенно не согласенъ), я почему-то вообразилъ, что программа Ваша возбудитъ во мнѣ горячую охоту воспроизвести ее въ музыкѣ, и съ большимъ нетерпѣньемъ ожидалъ письма Вашего. Но по полученіи его испыталъ разочарованіе. Программа Ваша по всей вѣроятности можетъ дѣйствительно послужить канвой для симфониста, расположеннаго подражать Берліозу; согласенъ, что руководясь ею, можно соорудить эффектную симфонію въ стилѣ упомянутаго композитора. Но меня она оставляетъ покамѣстъ совершенно холоднымъ, а разъ, что воображеніе и сердце не согрѣто,— едва ли стоитъ приниматься за сочиненіе.

Въ угоду Вамъ я пожалуй могъ бы по Вашему выраженію— *постараться* [2]) и вымучить изъ себя цѣлый рядъ болѣе или менѣе интересныхъ эпизодовъ, въ коихъ встрѣтилась бы и условно мрачная музыка для воспроизведенія безнадежной разочарованности Манфреда, и множество эффектныхъ блестокъ инструментовки въ скерцо «Альпійская фея», и восходъ солнца въ высокомъ регистрѣ скрипокъ, и смерть Манфреда съ тромбонами pianissimo; могъ бы эти эпизоды снабдить гармоническими курьезами и пикантностями; могъ бы потомъ все это выпустить въ свѣтъ подъ громкимъ заглавіемъ: Manfred, symphonie d'après и т. д.; могъ бы даже за плоды моихъ стараній получить хвалу,— но подобное писаніе ни мало не привлекаетъ меня. Мнѣ очень трудно объяснить, почему именно программа Ваша не зажигаетъ во мнѣ искры вдохновенія. Не смотря на почтенный возрастъ и значительную опытность въ писаніи, я долженъ признаться, что до сихъ поръ *блуждаю* по безграничному полю композиторства, тщетно стараясь найти свою настоящую тропинку. Чувствую, что такая тропинка есть, и знаю, что разъ я найду ее, напишу что-нибудь въ самомъ дѣлѣ хорошее,—но какая-то роковая слѣпота сбиваетъ меня постоянно съ пути, и Богъ вѣсть, попаду ли когда-нибудь, куда мнѣ слѣдуетъ? Вѣрнѣе, что нѣтъ. Я думаю, что первостепенные таланты и геніи тѣмъ-то и отличаются отъ подобныхъ мнѣ неудачниковъ, что

---

1) Подчеркнуто Чайковскимъ. *Прим. С. Л.*

2) Подчеркивая это слово, Чайковскій очевидно придаетъ ему не тотъ смыслъ, какой давалъ въ своемъ письмѣ Балакиревъ. Не принудительное прилежаніе, съ помощью котораго авторъ могъ бы себя заставить работать, подобно тому какъ пишутся сочиненія на заданныя темы и къ опредѣленному сроку, рекомендовалъ Балакиревъ, а именно зрѣлую обдуманность и критическое отношеніе къ новому произведенію самого автора, а также отсутствіе спѣшности. *Прим. С. Л.*

сразу попадаютъ на свою широкую дорогу и смѣлыми шагами, безъ оглядки идутъ по ней до конца своей дѣятельности. Изрѣдка мнѣ случалось близко подходить къ «тропинкѣ», и тогда выходили вещи, которыхъ до конца жизни не буду стыдиться, которыя радуютъ и поддерживаютъ во мнѣ энергію къ работѣ. Но это случалось рѣдко, и къ числу этихъ немногихъ исключеній я никоимъ образомъ не причислю «Франческу» и «Бурю». Обѣ эти вещи написаны съ напускной горячностью, съ ложнымъ паѳосомъ, съ погоней за чисто внѣшними эффектами,—и въ сущности до крайности холодны, фальшивы и слабы. Недостатки эти происходятъ оттого, что упомянутыя произведенія мои вовсе не *воспроизводятъ* [1]) даннаго сюжета, а лишь написаны по поводу его, т. е. родство музыки съ программой не внутреннее, а случайное, внѣшнее. Безтолковая суетня оркестра въ первой части «Франчески» ни мало не соотвѣтствуетъ потрясающей грандіозности картины адскаго вихря, а приторно изысканныя гармоніи ея средней части не имѣютъ ничего общаго съ геніальной простотой и силой текста Данте. Еще менѣе удовлетворительно и недостойно своей программы пестрое попурри, носящее названіе «Бури». Я ужъ не говорю объ увертюрѣ «Ромео», которую, Богъ знаетъ отчего, такъ же преувеличенно хвалили, какъ преувеличенно порицали другія мои сочиненія. Помню, что когда я писалъ ее, то, бывъ очень тронутъ Вашимъ участіемъ и интересомъ, весьма старался угодить Вамъ,—но и тогда я болѣзненно чутко сознавалъ полнѣйшее отсутствіе связи между Шекспировскимъ изображеньемъ юношеской страсти итальянца Ромео и моими кисло-сладкими стенаніями. Я вовсе не думаю, что программная музыка á la Berlioz есть вообще ложный родъ искусства, но лишь отмѣчаю фактъ, что мной на этомъ поприщѣ не сдѣлано ничего замѣчательнаго.

Весьма можетъ статься, что въ безнадежной холодности, съ которой я отнесся къ программѣ Вашей, виноватъ *Шуманъ*. Я люблю его Манфреда до чрезвычайности и такъ привыкъ соединять въ одномъ неразрывномъ представленіи Манфреда Байрона съ Манфредомъ Шумана, что не понимаю, какъ подойти къ этому сюжету такъ, чтобы вызвать изъ него другую музыку, кромѣ той, которой снабдилъ его Шуманъ.

Надѣюсь, что Вы не посѣтуете, дорогой другъ, что высказываюсь откровенно. Мнѣ непріятно было бы въ отношеніи Васъ не быть вполнѣ искреннимъ.

---

[1]) Подчеркнуто Чайковскимъ. *Прим. С. Л.*

Если бы вздумалось Вамъ написать мнѣ, то потрудитесь адресовать въ Москву къ Юргенсону. Я уѣзжаю отсюда черезъ 3 дня и, гдѣ буду скитаться, еще не знаю,—Юргенсонъ же, будучи со мной въ постоянной корреспонденціи, всегда знаетъ мой адресъ.

Спасибо, стократъ спасибо за дружбу и вниманіе, и простите, что оказываюсь ниже Вашей задачи.

А впрочемъ все-таки прочту Манфреда [1]).

Искренно преданный Вамъ
П. Чайковскій.

С.-Петербургъ, 30 ноября. 1884 г.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Посылаю Вамъ программный листочекъ, переписанный для меня В. В. Стасовымъ и снабженный моими замѣтками. Душевно желаю и надѣюсь, чтобы Манфредъ былъ однимъ изъ Вашихъ перловъ.

Мнѣ такъ пріятно было съ Вами сегодня бесѣдовать, что если Вамъ только завтра будетъ удобно, не откажите пожаловать въ капеллу въ то же время (11 час.). Я къ этому времени явлюсь туда же и, взявши Васъ на прогулку, поразскажу Вамъ многое и очень важное, что сегодня совсѣмъ упустилъ.—Буду жалѣть, если что-нибудь Вамъ помѣшаетъ подарить мнѣ часа два утромъ, и въ такомъ случаѣ мысленно Васъ крѣпко обнимаю и желаю Вамъ добраго пути [1]).

Да сохранитъ Васъ Христосъ!
Вашъ всегда М. Балакиревъ.

---

1) Послѣ этого отвѣта П. И. Чайковскаго вопросъ о сочиненіи симфоніи на сюжетъ Байроновскаго «Манфреда» въ перепискѣ его съ Балакиревымъ не возбуждался довольно долго, да и самая переписка была не регулярною, нося чисто случайный характеръ. Осенью 1884 г., по случаю постановки оперы «Евгеній Онѣгинъ» на сценѣ С.-Петербургскаго Большого Театра, Чайковскій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и пробылъ тамъ довольно долго, такъ что имѣлъ возможность видѣться съ Балакиревымъ. Въ личныхъ бесѣдахъ вопросъ о симфоніи «Манфредъ» былъ вновь возбужденъ, и на этотъ разъ не безуспѣшно. *Прим. С. Л.*

2) Послѣ нѣсколькихъ представленій «Евгенія Онѣгина» на Петербургской сценѣ, Чайковскій предполагалъ ѣхать въ Москву, но за нѣсколько дней до отъѣзда получилъ извѣстіе, что пріятель его, скрипачъ Котекъ, находившійся для излеченія отъ чахотки въ Давосѣ, очень плохъ и жаждетъ его видѣть. Поэтому П. И-чъ перемѣнилъ свое намѣреніе ѣхать въ Москву и отправился изъ С.-Петербурга прямо въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ онъ между прочимъ сообщалъ М. А. Балакиреву: «Мнѣ какъ разъ придется быть на Альпійской вершинѣ, и обстоятельства для удачнаго музыкальнаго воспроизведенія Манфреда были бы очень благопріятны, если бы не то, что я ѣду къ умирающему. Во всякомъ случаѣ обязуюсь Вамъ *во что бы то ни стало* (подчеркнуто Чайковскимъ) употребить всѣ усилія, чтобы исполнить Ваше желаніе». *Прим. С. Л.*

Примѣчанія М. А. Балакирева.

Писано рукою Влад. Вас. Стасова.

Симфонія.
B *moll* безъ B dur'a.

Манфредъ.

I часть.

Манфредъ, блуждающій въ Альпійскихъ горахъ. Жизнь его разбита; неотвязные роковые вопросы остаются безъ отвѣта; въ жизни у него ничего не осталось, кромѣ воспоминаній. Изрѣдка проскальзываютъ у него *воспоминанія объ идеальной Астартѣ*. Воспоминанія, мысли—жгутъ, гложутъ его. Онъ ищетъ и проситъ забвенья, и никто ему не можетъ этого дать.

Вторая тема D dur и Des dur во второй разъ.

II часть.

Larghetto.
Ges dur.

Быть альпійскихъ охотниковъ, полный простоты, добродушія, наивной патріархальности, съ которыми сталкивается Манфредъ и представляетъ изъ себя рѣзкій контрастъ. Это — тихое, идиллическое Adagio, съ проведеніемъ внутри темы Манфреда, которая, какъ idée fixe, должна просачивать всю симфонію.

Для оркестра не будетъ трудно, такъ какъ темпъ медленный, а вспомогательные тоны можно взять B dur и A dur.

III часть.

Scherzo.
D dur.

Альпійская фея, являющаяся Манфреду въ радугѣ изъ брызговъ водопада.

IV часть.

Finale.
B moll.

Дикое, необузданное Allegro, полное дикой отваги. Сцена въ подземныхъ чертогахъ адскаго Аримана. Далѣе слѣдуетъ

пришествіе Манфреда, возбуждающее въ подземныхъ духахъ общій взрывъ, и, наконецъ, прелестный контрастъ этой необузданной оргіи будетъ представлять *вызовъ и появленіе Астарты: это должна быть музыка легкая, прозрачная,* какъ воздухъ, и идеальная. Далѣе идетъ чертовщина, оканчивающаяся Largo — смертью Манфреда.

Des dur-con sordini.

Въ концѣ Requiem и послѣдній аккордъ B dur.

Во всѣхъ частяхъ должна быть введена тема самого Манфреда. Въ Schérzo эта тема можетъ войти въ формѣ Тріо.

Вспомогательные матеріалы.

Для I и послѣдней частей:

Francesca da Rimini.	Чайковскаго.
Гамлетъ.	Листа.
Финалъ изъ Гарольда.	Берліоза.
Прелюдія E moll	Шопена.
Es moll.	
Cis moll № 25 (отдѣльный отъ другихъ).	

Для Larghetto.

Adagis изъ Symphonie fantastique	Берліоза.

Для Scherzo.

La Reine Mab.	Берліоза.
Scherzo (H moll) изъ 3-й Симфоніи	Чайковскаго.

Для Requiem'a послѣдней части хорошо бы ввести органъ [1]).

---

[1]) Получивъ эту программу и взявъ съ собой Байроновскаго Манфреда, Чайковскій уѣхалъ въ Швейцарію. Въ письмахъ оттуда онъ только вскользь касался сочиненія Манфреда. Такъ въ письмѣ отъ 17 ноября 1884 г. онъ между прочимъ пишетъ: «Прочелъ Манфреда и думалъ о немъ очень много, но еще не начиналъ проэктированія темъ и формы. Да я и не буду торопиться, но даю Вамъ положительное обѣщаніе, что если останусь живъ, то не позже лѣта симфонія будетъ написана». Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1 декабря 1884 г. онъ опять сообщаетъ: «За Манфреда еще серьезно не принимался, но много думаю о немъ». М. А. Балакиревъ въ письмѣ къ нему отъ 18 декабря 1884 г. между прочимъ пишетъ: «Очень радъ, что Вамъ сюжетъ «Манфреда» пришелся по вкусу, и увѣренъ, что Вы напишете прелесть, если только *не будете торопиться* (подчеркнуто Балакиревымъ) и дадите въ головѣ цѣльнѣе созрѣть сочиненію». *Прим. С. Л.*

Г. Клинъ, с. Майданово. 13 сентября 1885 г.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ!

Желанье Ваше я исполнилъ. «Манфредъ» конченъ и на дняхъ начнутъ гравировать партитуру. Я думаю, что Вы будете нѣсколько недовольны быстротой, съ коей я написалъ его. Знаю, что Вы бы предпочли, чтобы я понемножку, въ перемежку съ другими работами писалъ «Манфреда». Весьма вѣроятно, что Вы вполнѣ правы, и я охотно послѣдовалъ бы Вашему совѣту *не торопиться* [1]), если бы могъ. Но въ томъ-то и дѣло, что *не могу*. Разъ я увлекся какой-нибудь задачей—не могу успокоиться, пока не исполню ее совсѣмъ. Такова моя музыкальная организація; вѣроятно отъ этой маніи кончать начатое во что бы то ни стало въ одинъ, такъ сказать, присѣстъ—происходятъ всѣ мои недостатки; но, можетъ быть, отсюда же идутъ и нѣкоторыя мои достоинства. Но во всякомъ случаѣ *иначе* я не могу. Надъ Манфредомъ я просидѣлъ, можно сказать,—не вставая съ мѣста—почти 4 мѣсяца (съ конца мая по сегодняшій день). Было очень трудно, но и очень пріятно работать, особенно послѣ того какъ, начавши съ нѣкоторымъ усиліемъ,—я увлекся. Конечно, я не могу предвидѣть, угожу ли я Вамъ этой симфоніей или нѣтъ, но *вѣрьте мнѣ*, что никогда въ жизни я такъ не старался и такъ не утомлялся отъ работы. Симфонія написана согласно Вашей программѣ въ 4 частяхъ. Но, прошу васъ извинить,—я не могъ держаться указанныхъ Вами тоновъ и модуляцій, хотя и желалъ даже это сдѣлать. Симфонія написана въ тонѣ H moll. Только скерцо вышло въ указанномъ Вами тонѣ [2]). Вещь эта очень трудна и требуетъ громаднаго оркестра, т. е. большого количества струнныхъ. По мѣрѣ выхода симфоніи изъ-подъ корректуры, я буду присылать ее къ Вамъ. Переложеніе я сдѣлалъ самъ, но прежде, чѣмъ отдать въ гравировку, буду много играть и исправлять его. Посвященъ «*Манфредъ*», разумѣется, Вамъ.

Искренно преданный и любящій Васъ
П. Чайковскій.

---

1) Это и другія подчеркиванія въ этомъ письмѣ сдѣланы П. И. Чайковскимъ. *Прим. С. Л.*

2) Это очевидное недоразумѣніе. Вѣроятно П. И. забылъ уже указанныя въ программѣ Балакирева тональности, потому что скерцо написано въ H moll, тогда какъ М. А. предлагалъ ему сдѣлать его въ D dur. *Прим. С. Л.*

Г. Клинъ, с. Майдановo. 22 сент. 1885 г.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ! [1]).

Переложеніе для 4 рукъ сдѣлано мною по возможности полно, но навѣрно—мало удобно. Дабы привести его въ надлежащій видъ, я отдалъ его моей пріятельницѣ г-жѣ Губертъ, всегда въ этихъ случаяхъ мнѣ помогающей, для переписки и исправленія всѣхъ моихъ описокъ. Когда это будетъ сдѣлано, мы съ ней множество разъ съиграемъ переложеніе и исправимъ все, что не ладно и неудобно, при чемъ я безжалостно буду вычеркивать всякія подробности, которыя имѣютъ значеніе въ партитурѣ, но мѣшаютъ легкости (конечно относительной) исполненія на ф. пьяно. Послѣ того, какъ такимъ образомъ переложеніе будетъ исправлено, *я немедленно перешлю его Вамъ и очень, очень* [2]) буду благодаренъ за всякія Ваши поправки и совѣты, которые, конечно, послужатъ на пользу сочиненія. Только прошу Васъ, голубчикъ, не касаться при этомъ сущности, ибо *теперь* я не въ силахъ ничего перемѣнить и исправить: только хуже сдѣлаю. Что же касается способа переложенія, то, конечно, Вамъ можно оказать мнѣ неоцѣненную услугу вашими замѣчаніями.

Сплетничанье Сергѣя Ивановича Танѣева (на котораго прошу Васъ не сердиться, ибо это чудеснѣйшій человѣкъ)—есть какое-то ребячество, какая-то школьническая манія говорить все наперекоръ. Въ сущности же дѣло было такъ: что я вообще не охотникъ до *своей* программной музыки,—то объ этомъ я Вамъ и говорилъ и, помнится, подробно писалъ. Я чувствую себя безконечно свободнѣе въ сферѣ чистой симфоніи и, какую-нибудь *сюиту* мнѣ во сто разъ легче написать, чѣмъ программную вещь. За *Манфреда* я принимался неохотно, и откровенно говоря, рѣшился писать *именно* потому, что *обѣщалъ* Вамъ, а я *навѣрно* обѣщалъ, помню это отлично. Письмо, писанное мною къ Танѣеву, когда онъ уѣхалъ въ началѣ лѣта на Кавказъ, относится къ тому времени, когда я *начиналъ*—неохотно, не довѣряя себѣ. Въ письмѣ этомъ я говорилъ ему, что пишу съ трудомъ и что предпочитаю писать сюиты. Засимъ очень скоро я страшно

---

1) Отвѣтъ М. А. Балакирева на предыдущее письмо П. И. Чайковскаго не сохранился, но въ немъ онъ вѣроятно просилъ П. И-ча прислать 4-хъ ручное переложеніе «Манфреда». *Прим. С. Л.*

2) Всѣ подчеркиванія въ этомъ письмѣ сдѣланы П. И. Чайковскимъ. *Прим. С. Л.*

увлекся Манфредомъ и не помню, чтобы когда-нибудь испытывалъ такое наслажденіе въ работѣ, и такъ продолжалось до конца. Сергѣю Ивановичу не слѣдовало бы въ концѣ сентября сообщать Вамъ (какъ нѣчто, происходившее со мной теперь) то, что я писалъ ему въ концѣ мая [1]).

Я еще не знаю, за что примусь теперь. Хочется нѣсколько времени отдохнуть. У меня есть превосходно написанные либретто оперы, и, кажется, вѣрнѣе всего, какъ только явится охота,—я примусь прежде всего за оперу. Совѣтъ Вашъ—написать концертъ для ф. пьяно—приму къ свѣдѣнію и, надѣюсь, къ исполненію. У меня есть фантазія для ф. пьяно съ оркестромъ, которую въ прошломъ году отлично игралъ въ Москвѣ Танѣевъ; не знаю, извѣстна ли она Вамъ? Я очень охотно пишу для ф. пьяно съ оркестромъ, но, къ сожалѣнію не будучи самъ пьянистомъ, я врядъ ли способенъ написать благодарную, удобную для исполненія вещь.

Въ теченіе осени и зимы мнѣ, вѣроятно, случится бывать въ Петербургѣ, и я непремѣнно навѣщу Васъ. О многомъ хочется поговорить съ Вами.

До свиданья, дорогой Милій Алексѣевичъ.

Вашъ П. Чайковскій.

Очень, очень кланяюсь Николаю Андреевичу (Римскому-Корсакову).

Клинъ, с. Майданово. 21 ноября 1885 г.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ!

Если еще не выслано, то на дняхъ на Ваше имя вышлется четырехручное переложеніе «Манфреда».

Прошу Васъ просмотрѣть его, и, если кое-что мнѣ поправите или укажете, какъ поправить, то премного буду Вамъ

---

1) Письмо, о которомъ говоритъ Чайковскій, было писано имъ не въ концѣ мая, а 13 іюня 1885 г. (см. Жизнь П. И. Чайковскаго т. III стр. 49). Въ этомъ письмѣ онъ между прочимъ писалъ С. И. Танѣеву: «Послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшился написать «Манфреда», ибо чувствую, что пока не исполню обѣщанія, неосторожно даннаго Балакиреву зимой, не буду покоенъ. Не знаю, что выйдетъ, но покамѣстъ я недоволенъ собой. Нѣтъ! въ тысячу разъ пріятнѣе писать безпрограммно. Сочиняя программную симфонію, у меня такое ощущеніе, какъ будто я шарлатаню и надуваю публику,—плачу ей не звонкой монетой, а дрянными кредитными бумажками». *Прим. С. Л.*

благодаренъ. Къ сожалѣнію гравировка партитуры далеко еще не кончена, и я не могу ее выслать Вамъ, а между тѣмъ она бы существенно помогла Вамъ судить, хорошо или дурно переложено то или другое.

Впрочемъ въ скоромъ времени я Вамъ вышлю первую часть партитуры, а по мѣрѣ выхода изъ-подъ первой корректуры другихъ частей и ихъ Вамъ вышлю.

Простите, Милій Алексѣевичъ, что утруждаю Васъ просмотромъ переложенія, но Вы были столь добры, что сами предложили это, а отказаться я не могу [1]).

Будьте здоровы, и дай Вамъ Богъ всякаго благополучія.

Вашъ П. Чайковскій.

---

3 марта 1886 года.

Дорогой Петръ Ильичъ!

Простите, что такъ долго продержалъ Манфреда Вашего.— Посылаю Вамъ все, что успѣлъ сдѣлать для исправленія Вашей арранжировки, а именно: посылаю 4 листика, изъ коихъ

№ 1—къ стр. 34 и 42.
на оборотѣ къ стр. 37 и 38.
№ 2,—къ стр. 39, 40 и 43.
№ 3— къ стр. 64.
№ 4— къ стр. 59 и 60, а внутри найдете отрывокъ для Scherzo.

Корректурные же листки и манускрипты партитуры отправлены къ Юргенсону.

Еще разъ прошу прощенья за промедленье.

Вашъ всегда
М. Балакиревъ.

---

[1]) Корректуры партитуры и переложенія «Манфреда» продолжались очень долго. Въ письмѣ своемъ отъ 10 января 1886 г. М. А. Балакиревъ сообщалъ между прочимъ П. И—чу нѣкоторыя поправки для переложенія, окончательно же возвратилъ корректуры и манускриптъ, какъ увидимъ изъ слѣдующаго письма въ началѣ марта. *Прим. С. Л.*

С. Майданово. 3 марта 1886 г.

Дорогой другъ, Милій Алексѣевичъ!

Во-первыхъ ото всей души благодарю Васъ за четырехручное переложеніе и за превосходныя поправки Ваши. Спасибо Вамъ за нихъ ото всего сердца.

Во вторыхъ сообщаю Вамъ впечатлѣнія, испытанныя при слушаніи Манфреда на репетиціяхъ (на концертѣ я не слышалъ, т. е. слышалъ издали). Въ общемъ—исполненіе было превосходное [1]). Было всего пять репетицій, при чемъ первая продолжалась съ перерывомъ шесть часовъ, т. е. струнные читали отдѣльно, а послѣ нихъ духовые. Темпы были взяты правильно, и я долженъ отдать полнѣйшую справедливость и дирижеру, и оркестру въ томъ, что старанія и усердія было оказано много. Первая часть въ исполненіи оказалась безусловно лучшей. Скерцо игралось въ очень быстромъ темпѣ, и, слушая его, я не испытывалъ разочарованія (что нерѣдко со мной бываетъ), но, если не ошибаюсь, оно до того не практично и трудно написано, что, за исключеніемъ Москвы, гдѣ музыканты ко мнѣ вообще очень благосклонны, его пожалуй никакой оркестръ играть или не захочетъ, или не сможетъ. Andante звучитъ недурно. Финалъ очень выигрываетъ въ исполненіи и съ точки зрѣнія публики оказался самой эффектной частью. Вообще мнѣ показалось, что даже московской публикѣ, особенно хорошо ко мнѣ относящейся, Манфредъ не понравился.

За то музыканты съ каждой репетиціей все больше проникались сочувствіемъ и на генеральной пробѣ, послѣ каждой части, сильно и долго стучали смычками и инструментами.

Между моими ближайшими друзьями одни стоятъ за Манфреда горой, другіе остались недовольны и говорятъ, что я тутъ не *самъ собой*, а прикрытый личиной какой-то.

Самъ же я думаю, что это мое лучшее симфоническое сочиненіе,—но по трудности, непрактичности и сложности обреченное на *неуспѣхъ* и на *игнорированье* [2]).

---

[1]) Симфонія «Манфредъ» П. И. Чайковскаго была исполнена въ 1-й разъ въ симф. концертѣ И. Р. М. О. 11 марта 1886 г. въ Москвѣ.
Прим. С. Л.

[2]) Всѣ подчеркиванія въ этомъ письмѣ сдѣланы П. И. Чайковскимъ.
Прим. С. Л.

Братъ мой, ѣдущій завтра въ Петербургъ, доставитъ Вамъ четыре экземпляра Манфреда. Одинъ—для Васъ, другіе же попрошу Васъ передать Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, Лядову и Глазунову. Кромѣ того посылаю третью сюиту.

До свиданья, добрѣйшій другъ, еще разъ отъ души благодарю Васъ.

П. Чайковскій.

НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ БИБЛЕЙСКОЙ КРИТИКИ.

I.

Библія—или Ветхій Завѣтъ—уже давно подвергалась критикѣ. Уже въ Талмудѣ встрѣчаются многочисленныя критическія замѣчанія. Богата ими и раввинская литература среднихъ вѣковъ. Спиноза посвящаетъ библейской критикѣ почти $^3/_4$ своего знаменитаго сочиненія: «Теолого-политическій трактатъ». Систематически, однако, библейская критика была впервые предпринята представителями протестантской теологіи. Въ настоящее время въ библейской критикѣ господствуютъ два направленія. Эволюціонная школа, съ Велльгаузеномъ во главѣ, разсматриваетъ древнееврейскій народъ внѣ зависимости отъ окружающихъ народовъ, и старается нарисовать естественную эволюцію, р а ц і о н а л ь н о возможную для народа, изолированнаго отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Предполагается народъ самостоятельно творческій, который долженъ былъ пережить всѣ стадіи постепеннаго развитія. Понятно, что такой народъ не могъ съ самаго начала обладать идеей единобожія, а долженъ былъ пройти стадіи анимизма, фетишизма, политеизма, раньше чѣмъ перейти къ монотеизму. Сопоставляя различные тексты библіи, изучая въ особенности такъ называемыя историческія книги Библіи (кн. Судей, Самуила и Царей), можно найти доказательства этой эволюціи. То, что въ Библіи представляется какъ одновременная противорѣчивость, превращается при свѣтѣ этого взгляда въ естествен-

ную послѣдовательность, согласуемую съ требованіями разума. Библія является суммой безконечно малыхъ величинъ народнаго творчества въ продолженіе долгихъ вѣковъ. Самая важная ошибка этой школы заключается въ томъ, что она совершенно не считается съ исторической дѣйствительностью. Въ самой Библіи есть указанія на культурныя вліянія, которымъ подвергалось древнее еврейство: оно вышло изъ Вавилоніи, странствовало въ пустынѣ, гдѣ сталкивалось съ мидіанитской культурой, и жило въ Египтѣ. И рѣчи быть не можетъ объ изолированномъ положеніи древняго еврейства. И когда были найдены, благодаря раскопкамъ, документы древней Вавилоніи (кодексъ Гамураби) и слѣды вавилонскаго вліянія во всей Палестинѣ и въ Египтѣ (документы Тель-Эль-Амарна), тогда появилась вторая школа библейской критики, которая можетъ быть названа панвавилонской. По ея ученію древніе евреи составляютъ часть общесемитической семьи племенъ, населявшихъ всю переднюю (западную) Азію. Первичнымъ культурнымъ центромъ служила древняя Вавилонія, вторымъ былъ Египетъ. Палестина, вдвинутая клиномъ, между этими двумя государствами, часто служила яблокомъ раздора между ними и находилась съ незапамятныхъ временъ подъ культурнымъ ихъ вліяніемъ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Вавилоніи. Изъ этихъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ дѣлаются, однако, различные выводы: одни съ Фридрихомъ Деличемъ во главѣ утверждаютъ, что всѣ духовныя цѣнности древняго еврейства были почерпнуты изъ Вавилоніи [1]); законодательство Моисея списано изъ кодекса Гамураби, составленнаго приблизительно за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. Другіе, слѣдуя за Іереміасомъ [2]), доказываютъ историчность всѣхъ библейскихъ разсказовъ и утверждаютъ самостоятельное творчество еврейскаго народа въ кругѣ панвавилонской культуры, выдвигая еврейскій монотеизмъ, какъ совершенно оригинальное созданіе древняго еврейства уже въ самомъ началѣ его появленія на исторической сценѣ. Евреи могли очень рано овладѣть идеей о единобожіи, ибо въ общихъ чертахъ она была извѣстна вавилонянамъ и даже египтянамъ уже въ древнѣйшія времена.

Несмотря на всѣ различія между школами эволюціонной и панвавилонской, одна черта характерна для обѣихъ: обѣ онѣ въ основѣ своей идеологичны. Еврейство разсматривается какъ на-

---

1) Fr Delitzsch, «Babel und Bibel».
2) Al. Ieremias, Das alte Testament im Lichte des alten Orients».

родъ, жившій исключительно духовно-религіозными интересами, имѣвшій лишь одну задачу: создавать религію и подготовлять христіанство. Все вертится вокругъ идеи монотеизма, вся исторія Израиля превращается въ «священную исторію».

Понятно, что съ соціологической точки зрѣнія такой взглядъ недопустимъ. Еврейскій народъ, какъ и всякій другой, жилъ экономическими, политическими и духовными интересами. Библейская критика слишкомъ часто упускаетъ изъ виду реальныя основы еврейской исторіи, исключительно интересуясь религіознымъ творчествомъ древняго Израиля и лишая себя, тѣмъ самымъ, очень важныхъ вспомогательныхъ средствъ для изслѣдованія Библіи. Литературно-раціоналистическое ея изученіе могло дать лишь крайне спорные и противорѣчивые результаты; раскопки могли создать почву для аналогій, но не больше. Находя сходство между вавилонскими и еврейскими взглядами, забываютъ, что элементарныя духовныя цѣнности общи всѣмъ народамъ. Вопросъ сводится къ тому, в о ч т о каждый народъ превратилъ это общее достояніе человѣчества.

Дѣйствительно, сама Библія все облекаетъ въ религіозную форму. Но кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ литературой семитическихъ народовъ тотъ знаетъ, что они всегда разсматриваютъ всю жизнь подъ религіознымъ угломъ зрѣнія. Самыя обыденныя проявленія индивидуальной и соціальной жизни, семья и родъ, война и миръ, урожай и голодъ — все является результатомъ божественной воли. Ведутъ не просто войны, а «войны Бога»; издаютъ не просто законы, вызванные житейскими потребностями, а «предписанія и повелѣнія Божьи». Изъ этого не слѣдуетъ, что и мы должны становиться на ту же точку зрѣнія. Мы знаемъ, что жизнь народа опредѣляется *всей* его природой, *всѣми* его потребностями.

Долголѣтнее изученіе исторіи древняго Израиля и Библіи привело насъ къ убѣжденію въ необходимости реально-соціологическаго анализа исторіи еврейства, разсматриваемаго съ обыденно-человѣческой точки зрѣнія. Только путемъ изученія экономической эволюціи библейскаго еврейства, въ связи съ внѣшней политической и внутренней соціальной борьбой, можно понять духовное отраженіе жизни этого народа въ Библіи. Кто подходитъ къ Библіи просто, безъ предвзятой мысли, тотъ легко придетъ къ заключенію, что она рисуетъ реальную жизнь во всей ея полнотѣ, во всемъ ея многообразіи. Надо только различать форму и содержаніе. Форма—религіозная, но содержаніе—очень реальное. Библія раскрываетъ реальную жизнь древняго Израиля.

II.

Два момента въ древне-еврейской исторіи крайне важны для пониманія эволюціи древне-еврейскаго творчества: завоеваніе Палестины евреями и бурная эпоха смѣны династій и внутреннихъ переворотовъ при Саулѣ, Давидѣ и Соломонѣ.

Евреямъ пришлось завоевать страну съ сравнительно высокой цивилизаціей. До ихъ прихода Палестина обладала укрѣпленными городами, войскомъ, вооруженнымъ желѣзными колесницами. Земледѣліе во всѣхъ его видахъ составляло главное занятіе коренныхъ жителей. Въ какомъ состояніи находилась страна въ моментъ завоеванія, видно изъ Второзаконія (гл. 6, 10—11): Богъ ведетъ Израиля въ страну «съ большими и хорошими городами, которыхъ ты не строилъ, и съ домами, наполненными всякимъ добромъ, которыхъ ты не наполнялъ, и съ колодцами, высѣченными (изъ камня), которыхъ ты не высѣкалъ, съ виноградниками и маслинами, которыхъ ты не садилъ» (см. еще Втораз. гл. 8, 7—9 и 9). Что это—не фантазія позднѣйшаго редактора, лучше всего доказывается документами Тель-Эль-Амарна, въ которыхъ мы находимъ полную картину Палестины въ эпоху, непосредственно предшествующую нашествію евреевъ [1]), представлявшихъ въ то время орду нецивилизованныхъ племенъ. Невольно возникаетъ вопросъ, какъ это случилось? Какъ могли полуварварскіе бедуины завоевать страну, обладавшую уже цивилизаціей? Здѣсь надо принять во вниманіе оба фактора: завоевателей и завоеванныхъ. Когда Римъ началъ вырождаться, онъ сдѣлался добычей варваровъ, но послѣдніе ничего не устроили положительнаго, а пронеслись лишь ураганомъ по странѣ, или, по скольку въ ней осѣли, сами сдѣлались римлянами. Еврейскіе бедуины организовали въ Палестинѣ государство, съ оригинальной культурой, съ продолжительной исторіей. И если даже вѣрно, что въ XV—XIV ст. до Р. Х. Палестина была конгломераторомъ маленькихъ общинъ, вѣчно воевавшихъ между собой, и потому неспособныхъ отразить чужое нашествіе, то не надо забывать, что евреи не владѣли всѣми орудіями тогдашней цивилизаціи. Израиль, состоявшій въ эту эпоху изъ отдѣльныхъ родовъ, долженъ былъ пережить какое-то великое потрясеніе до

[1]) См. Hugo Winkler, «Keilinschriftliches Textbuch zum alten Testament (3-е изд.); Carl Niebuhr, «Die Amarna-Zeit», «Der alte Orient», (годъ 1-й, тетр. 2).

вступленія въ Палестину—и это потрясеніе дало ему перевѣсъ надъ цивилизованными обитателями покоренной имъ страны. Оно могло быть исключительно духовнаго, точнѣе—говоря, религіознаго характера, ибо въ ту эпоху все духовное принимало религіозныя формы, особенно у семитическихъ племенъ. Подобное явленіе повторилось много вѣковъ спустя, когда, подъ вліяніемъ религіознаго движенія, созданнаго Магометомъ, кочевые арабы завоевали почти весь Востокъ и ворвались въ Европу, не въ качествѣ грабящихъ и разрушающихъ полчищъ, на подобіе вандаловъ и гунновъ, а какъ основатели новой государственности и оригинальной культуры. Подъ вліяніемъ великой религіозной идеи, созданной кочевымъ еврействомъ, оно пріобрѣтаетъ особую силу, хотя лишь временную. По словамъ Іереміаса, «всѣ новѣйшіе историки согласны въ томъ, что при Чермномъ морѣ совершилось нѣчто великое; у Синая была дана Magna Charta, являющаяся центральнымъ пунктомъ государства Іуда-Израиль». Ничего не утверждая съ такою положительностью, мы не сомнѣваемся въ томъ, что кочующее еврейство пережило тогда одинъ изъ творческихъ моментовъ въ своей жизни. «И сказалъ Богъ Моисею: Я есмь Сущій; и сказалъ: такъ скажешь сынамъ Израилевымъ: Сущій послалъ меня къ вамъ» (Исходъ 3, 14). Чтобы понять все значеніе этихъ словъ, надо сопоставить съ ними другое мѣсто Библіи: «И являлся Я Аврааму, Исааку и Іакову, какъ Элъ-Шадай, но моего имени *Ягве* я имъ не далъ знать» (Исходъ 6, 3). Элъ—общее всѣмъ семитамъ смутное понятіе о Богѣ, по отношенію къ Элу евреи сливаются со всѣми сородичами своими по расѣ и языку. Какъ рѣзко отграниченная и ясно опредѣленная индивидуальность, Израиль созданъ *Ягве*, во время странствованій евреевъ въ пустынѣ. Десять заповѣдей, *по скольку въ нихъ имѣются соціальныя предписанія*, какъ и вообще все соціальное законодательство евреевъ, не могли быть созданы кочующимъ еврействомъ. Это—продуктъ творчества осѣдло-земледѣльческаго народа. Опредѣленія о пришельцахъ, о городахъ, о рабочемъ скотѣ, принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ. Но идея Ягве представляетъ собою нѣчто примитивное, основное. Конечно этотъ первоначальный Ягве не обладаетъ всѣми аттрибутами Ягве пророковъ. Это былъ племенной Богъ, грозный Богъ войны (что доказывается между прочимъ, очень древнимъ текстомъ пѣсни Деборы); но съ самаго начала онъ является воплощеніемъ великаго этическаго принципа *справедливости*. Это представленіе о Ягве нисколько не измѣняется отъ того, что онъ долго еще носитъ характеръ фетиша, въ видѣ змѣи, предшествующей кочую-

щему Израилю. Этотъ фетишъ былъ воплощеніемъ монотеистической идеи, а не одного бога изъ числа многихъ. Онъ управлялъ *всей* жизнью народа; онъ былъ первымъ звеномъ закономѣрной эволюціи, приведшей къ всеобъемлещему и вездѣсущему Ягве.

Идея монотеизма—идея духовной аристократіи, а не массы. Это доказываютъ ежедневныя наблюденія надъ современной жизнью всѣхъ народовъ, оффиціально исповѣдующихъ монотеизмъ. Удѣлъ массы — фетишизмъ во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ. Роль пророковъ состояла въ томъ, что они съ одной стороны расширили и углубили представленіе о Ягве, съ другой стороны—*популяризировали* ягвеизмъ въ массѣ. Но пророки всегда обосновываютъ свои идеи на традиціи, на творчествѣ «Моисея», на актѣ давняго прошлаго. Это явленіе характерно для всей древней цивилизаціи: между религіей жрецовъ, т. е. духовной аристократіи, и религіей массы всегда существовало огромное разстояніе. Прогрессъ идетъ сверху внизъ, или отъ центра къ периферіи, отъ маленькой группы аристократіи къ широкимъ массамъ. Идея Ягве была центральнымъ пунктомъ; образуемые ею концентрическіе круги расширялись очень медленно, въ продолженіе долгихъ вѣковъ. Всѣ сообщенія историческихъ книгъ Библіи о фетишизмѣ и идолопоклонничествѣ осѣдлаго Израиля ничего не говорятъ противъ первобытнаго пониманія Ягве, какъ идеи о монотеизмѣ. И Библія отразила эту двойственность: съ одной стороны единственный Ягве аристократіи, съ другой стороны—многочисленные Элогимъ (множеств. число отъ Элъ) массы. Но идея Ягве непрерывно проходитъ черезъ всю исторію Израиля, начиная съ кочевой эпохи, предшествовавшей нашествію въ Палестину.

Теперь мы можемъ понять необъяснимый на первый взглядъ фактъ завоеванія культурной Палестины кочевымъ Израилемъ. Всякая великая идея, особенно въ моментъ перваго своего появленія, является импульсомъ движенія и источникомъ силы. Это можно наблюдать вездѣ во всѣ историческія эпохи. Реальныя причины заставили кочующій Израиль оставить пустыню и перейти въ Палестину, замѣнить привольную жизнь бедуина осѣдлою жизнью земледѣльца. Каковы были эти причины, мы не знаемъ въ точности. Вѣроятно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ обычнымъ явленіемъ переполненія Аравійской пустыни, что уже давно приводило къ повторнымъ нашествіямъ бедуиновъ на окружающія культурныя страны—прежде всего въ Вавилонію, затѣмъ въ Египетъ и наконецъ въ Палестину и Сирію. Но ни одно изъ этихъ кочующихъ племенъ не наложило столь рѣзкую печать

на завоеванную страну, какъ евреи. Велльгаузенъ замѣчаетъ: «Какъ бы много ни переняли побѣдители (евреи) отъ побѣжденныхъ (ханаанитяне-обитатели Палестины), однако они не сдѣлались ханаанитянами, а наоборотъ, побѣдители превратили побѣжденныхъ въ израильтянъ». Это оказалось возможнымъ лишь благодаря тому, что евреи были носителями высшаго культурнаго типа. Внѣшняя, матеріальная культура была на сторонѣ ханаанитянъ; высшій культурный типъ израильтянъ могъ быть созданъ, слѣдовательно, только духовнымъ факторомъ. Духовнымъ факторомъ той эпохи была только религія. Изучая религіозныя идеи вавилонянъ и всѣхъ народовъ, находившихся подъ ихъ культурнымъ вліяніемъ,—а къ нимъ принадлежали и обитатели Палестины,—мы должны придти къ заключенію, что *уже для той эпохи* высшей ступенью религіознаго творчества могла быть лишь идея единобожія.

Почему именно эта идея вышла изъ нѣдръ Израильтянскаго племени—этотъ вопросъ относится къ области расовой психологіи, слишкомъ мало еще изслѣдованной. Какую роль играла здѣсь та или другая личность, какое историческое значеніе имѣетъ Моисей, центральная фигура Пятикнижія, это—вопросъ второстепенный.

III.

Созерцательная и соціально-примитивная жизнь кочевника и пастуха могла создать идею, превратившуюся въ двигательную силу. Но самое движеніе, — процессъ роста и развитія,—могло явиться результатомъ лишь осѣдлой жизни, осложненія которой приводятъ къ дифференціаціи соціальной жизни и къ интеграціи духовнаго творчества. Ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны признать, что Библія, спеціально Пятикнижіе, не есть продуктъ личнаго творчества одного момента, а книга народной жизни въ продолженіе вѣковъ. Изучая соціальные законы Пятикнижія, мы убѣждаемся, что имѣемъ дѣло съ результатами долгой эволюціи. Необходимо помнить, что *писанные* законы не предшествуютъ жизни, а лишь формулируютъ уже существующее въ дѣйствительности. Особенно это примѣнимо къ древности и къ народамъ, имѣвшимъ родовую организацію, къ числу которыхъ принадлежалъ и древній Израиль. У этихъ народовъ неписанное обычное право, блюстителемъ котораго является начальникъ рода, патріархъ, долго служитъ един-

ственной основой права вообще. Писанный законъ—результатъ внутренней борьбы, побѣдоносной государственности, торжествующей надъ притязаніями родовой аристократіи. Писанный законъ всегда знаменуетъ собою ограниченіе чьихъ-либо эгоистическихъ притязаній.

Съ самаго начала заселенія Палестины до эпохи Соломона евреи занимались исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ (послѣднимъ—въ Заіорданьи и въ горной части Іудеи). Господствовало самое характерное натуральное хозяйство. Это видно изъ всѣхъ историческихъ частей Библіи, особенно изъ книгъ Судей и Самуила. Вездѣ рисуется картина быта земледѣльцевъ и отчасти скотоводовъ, производящихъ исключительно для собственнаго потребленія. Всѣ войны этой эпохи вызваны потребностями земледѣльческаго населенія, нуждающагося въ спокойствіи (см. напр., Кн. Судей, гл. 6, 3—6; Кн. Самуила I, гл. 11, 5; гл. 22, 7; 9, 7—8; 16, 20; 25, 18; II, гл. 17, 28—29). Даже ремесло было очень слабо развито среди израильтянъ; и лишь во времена Давида и Соломона, начинаютъ появляться ремесленники, благодаря иммиграціи финикіянъ. Торговля впервые появляется въ эпоху Соломона, когда Израиль владѣетъ уже важными караванными путями. О соціальномъ бытѣ евреевъ въ эту эпоху говорятъ намъ очень ясно и ихъ праздники, установленные именно для этой эпохи. Въ праздникахъ народа отражаются прежде всего его соціальный бытъ и его политическая исторія, и лишь впослѣдствіи—его миѳологія и абстрактныя религіозныя вѣрованія.

Первые праздники Израиля имѣли связь съ его пастушеской жизнью, въ которой луна играла большую роль, и со скотоводствомъ. На почвѣ пастушеско-кочевой жизни выросли праздники Новолунія (Самуилъ I, гл. 20, 5—6), удержавшіеся очень долго, какъ это видно изъ литературы пророковъ (Амосъ, 8, 5; Осія, 2, 13). Съ скотоводствомъ связанъ праздникъ стрижки овецъ (Самуилъ I, гл. 25, 7; II, гл. 13, 23) и наконецъ часть праздника Пасхи, состоявшая въ жертвоприношеніи перворожденныхъ. Но основными праздниками, созданными осѣдлымъ еврействомъ, были тѣ, которые выросли изъ земледѣлія (Исходъ, гл. 23 и 34). Оба кодекса, относящіеся къ этимъ праздникамъ сходны и все-таки не одновременны. Для нашей цѣли необходимо выяснить, какой изъ нихъ болѣе древній. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза, что кодексъ гл. 23-ей помѣщенъ рядомъ съ законами общаго характера, главнымъ образомъ—съ соціальными законами, а въ гл. 34-ой мы никакихъ другихъ

законовъ не находимъ. Въ первомъ кодексѣ часто говорится о пришельцѣ, что указываетъ на эпоху, когда евреи были сильны, а это могло быть не раньше эпохи Давида. Наконецъ, всѣ опредѣленія въ 34-ой главѣ еще лишены разсужденій и обоснованій; это особенно рѣзко выступаетъ въ опредѣленіи единобожія и субботы. Отсюда ясно, что кодексъ гл. 34, (17—26) представляетъ собою древнѣйшее законодательство изъ до-царской эпохи, когда общеобязательными законами были лишь освященные обычаемъ и тождественными соціальными условіями жизни. Такова, напримѣръ, была связь съ Іеговой, какъ съ національнымъ богомъ (см. особенно Кн. Судей, гл. 11, 24, гдѣ Іегова, Богъ Израиля, противопоставляется Камошу, Богу Аммонитовъ: это было бы немыслимо въ эпоху пророковъ, для которыхъ нѣтъ Бога, кромѣ Іеговы). Въ обоихъ кодексахъ говорится о трехъ праздникахъ, соотвѣтственно тремъ эпохамъ земледѣльческой жизни: началу косьбы (Пасха), уборкѣ пшеничной жатвы (Шабуатъ—семь недѣль послѣ Пасхи) и моменту уборки всѣхъ плодовъ, не только съ полей, но и изъ садовъ (Кущи или «праздникъ собиранія»). Самымъ важнымъ изъ этихъ праздниковъ былъ послѣдній. Это былъ «праздникъ Бога» (Кн. Царей I, гл. 8, 2; 12, 32; Захарія, 14, 16), ибо все земледѣліе было даромъ Божіимъ Эти праздники не были фиксированы опредѣленными датами, а были лишь пріурочены къ эпохамъ земледѣльческой жизни.

Что цитированные нами кодексы праздниковъ относятся къ земледѣльческому народу въ состояніи натуральнаго хозяйства—это доказывается другими мѣстами Библіи. И въ приведенныхъ нами кодексахъ и во Второзаконіи идетъ рѣчь о жертвоприношеніяхъ; но лишь въ послѣднемъ (Второзак., 14, 25—26) говорится о томъ, что можно продать на мѣстѣ жительства жертвы за серебро и покупать затѣмъ все необходимое для жертвоприношеній въ Іерусалимѣ («мѣсто, которое изберетъ Господь Богъ твой»). Тамъ—абсолютное натуральное хозяйство, здѣсь—уже денежное обращеніе. Эта одна подробность доказываетъ, что Второзаконіе написано гораздо позже, въ эпоху, когда, благодаря развитію денежнаго хозяйства, вовсе не надо было привозить съ собой плоды и животныхъ для жертвоприношеній, а все это можно было купить за деньги на мѣстѣ, гдѣ находился храмъ. Такой законъ не могъ появиться въ до-соломоновскій періодъ: денежное обращеніе, какъ и вообще торговля, начинается впервые при Соломонѣ.

Другая мелочь: Второзаконіе, повторяя почти тѣ же опредѣленія о праздникахъ, что и Исходъ, прибавляетъ предписаніе,

чтобы каждый праздновалъ вмѣстѣ «съ левитомъ, пришельцемъ, рабомъ и рабыней, сиротой и вдовой», чего мы не находимъ въ первомъ кодексѣ. Въ Исходѣ отразилось состояніе, когда каждый израильтянинъ могъ праздновать, а Второзаконіе имѣетъ уже дѣло съ народомъ, въ средѣ котораго имѣется классъ неимущихъ, о которомъ надо заботиться, что и вызываетъ гуманныя предписанія. Исходъ относится къ той эпохѣ, когда всѣ сыты и никто не долженъ жить на счетъ общественной благотворительности.

Вопреки распространенному мнѣнію, древніе евреи не знали ни коммунизма, ни общественной собственности. На это впервые указалъ Эдуардъ Мейеръ. «Во всей израильтянской традиціи, пишетъ онъ [1]), я также мало нахожу слѣды коммунальнаго владѣнія семействъ или родовъ, какъ въ Греціи и въ Римѣ». То же мнѣніе защищаетъ и Георгъ Аллеръ [2]), по словамъ котораго «для соціальнаго движенія въ Израилѣ, какъ и для греческаго и римскаго движенія, характерно отсутствіе коммунистическихъ тенденцій. И теоретическій коммунизмъ, какъ идеальная общественная форма, такъ же мало появлялся въ лучшія времена Израиля, какъ и практическо-коммунистическое движеніе; коммунизмъ появился лишь въ тѣ позднія времена, когда съ Востока проникъ въ израильтянское царство принципъ аскетизма». Авторъ имѣетъ въ виду монастырскій коммунизмъ ессеевъ, предшествовавшій появленію христіанства.

При изслѣдованіи первыхъ стадій осѣдлости, мы замѣчаемъ что нѣкоторые народы осѣли въ странахъ, никѣмъ еще не занятыхъ и лишенныхъ всякой культуры, при чемъ осѣдавшіе должны были впервые сдѣлать занятую ими страну пригодной къ земледѣлію. Въ борьбѣ съ природой они образовывали компактныя группы, общими силами превращавшія дремучіе лѣса въ культурную землю. Мудрено было при этихъ условіяхъ опредѣлять индивидуальные участки. Вотъ почему мы находимъ общинную собственность у славянъ, германцевъ, аборигеновъ Америки, которые впервые культивировали земли, занятыя ими безъ всякой войны. Иначе обстоитъ дѣло у народовъ-завоевателей. Они садятся на культивированныя земли, приготовленныя уже для индивидуальной обработки. Но эти земли пріобрѣтались цѣлымъ родомъ сообща: вотъ почему завоеванный участокъ составлялъ неотъемлемую собственность даннаго рода (gens). Такъ было у грековъ, у римлянъ, у арабовъ и у евреевъ. Эти апріорныя

[1]) Ed. Meyer, «Die Israeliten und ihre Nachbarstämme», стр. 499.
[2]) Georg Adler, «Geschichte des Socializmus und Kommunismus», стр. 60—61.

данныя вполнѣ подтверждаются по отношенію къ евреямъ Библіей. Гдѣ былъ земельный коммунизмъ, тамъ были и передѣлы. Во всей Библіи нѣтъ даже упоминанія о передѣлахъ; вся она говоритъ намъ о родовой организаціи и о родовой собственности, слѣды которыхъ сохранились очень поздно (см. книги Эзры и Неэміи). Общинная собственность очень прочна и разлагается исключительно подъ вліяніемъ сильно развитаго капитализма. Родовая собственность, основанная на частновладѣльческомъ принципѣ, очень рано начинаетъ подвергаться крупнымъ измѣненіямъ, подъ вліяніемъ естественныхъ и политическихъ причинъ. Во-первыхъ, могло быть первоначальное неравенство: въ одномъ родѣ каждое семейство могло обладать большимъ участкомъ земли, чѣмъ въ другомъ родѣ, что зависѣло отъ случайностей во время завоеванія. Нѣтъ сомнѣнія, напримѣръ, что родъ Эфраима былъ богаче землей, чѣмъ родъ Дана. Если число семействъ въ одномъ родѣ уменьшалось, каждое семейство получало на свою долю бо́льшій участокъ, ибо земля не могла переходить отъ одного рода къ другому. А многосемейнымъ родамъ, страдавшимъ отъ недостатка земли приходилось искать новыя мѣста или же создавать себѣ новые заработки. То же самое происходило внутри каждаго рода между составлявшими его семействами: болѣе многочисленное семейство увеличивало свою земельную собственность на счетъ вымиравшихъ семей. Появленіе крупной земельной собственности въ древнемъ Израилѣ—прямое слѣдствіе его родовой организаціи; оно представляетъ собою не результатъ, а исходный пунктъ экономической и политической борьбы. Что крупная собственность появилась въ Израилѣ очень рано, раньше даже царскаго періода—это доказывается хотя бы выборомъ въ цари Саула, который былъ въ состояніи безъ всякихъ налоговъ поддерживать на собственныя средства царскій дворъ. Въ древнемъ мірѣ существованіе крупной собственности доказывается наличностью особаго класса людей рабовъ—а уже въ самомъ древнемъ соціальномъ кодексѣ (Исходъ, гл. 21) говорится о рабѣ-евреѣ. Идеалъ, выросшій на почвѣ родовой организаціи и родовой собственности, былъ не коммунистическій, а идеалъ независимыхъ частныхъ владѣльцевъ, трудоваго крестьянства. Отсюда законодательство о субботнемъ годѣ, объ отпущеніи раба на свободу на седьмой годъ, о наслѣдственномъ правѣ сыновей и дочерей, о левиратномъ бракѣ. Но изъ этого же идеала вытекаетъ вся дальнѣйшая эволюція древняго еврейства вплоть до разрушенія перваго храма. На почвѣ этого

идеала выросла царская власть, создалось творчество пророковъ и крѣпло сознаніе соціальной справедливости.

Для выясненія соціальной эволюціи въ Израилѣ мы остановимся на одномъ примѣрѣ: на появленіи царской власти въ Израилѣ. Оно можетъ быть понято лишь въ свѣтѣ соціальнаго анализа.

IV.

Историки древняго Израиля и библейскіе критики не обращали до сихъ поръ достаточнаго вниманія на эпоху появленія царской власти. А между тѣмъ, она представляетъ большой интересъ. Многочисленныя катастрофы сгруппированы на небольшомъ разстояніи одного столѣтія: избраніе Саула въ цари, сверженіе его династіи, замѣна ея домомъ Давида, возстаніе Авессалома противъ своего отца Давида, впервые освободившаго свой народъ отъ внѣшнихъ враговъ, сверженіе Давидовой династіи въ Самаріи и раздѣлъ общееврейскаго государства на два царства. Передъ этой калейдоскопической смѣной событій, останавливается въ недоумѣніи даже Велльгаузенъ, ограничиваясь жалобой на то, что въ историческихъ книгахъ Библіи имѣется очень мало данныхъ по этому предмету.

По аналогіи мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что введеніе царской власти въ Израилѣ обозначало цѣлый переворотъ въ жизни народа, вызванный не только внѣшними причинами (борьба съ филистимлянами), но и внутренними. За политическими перемѣнами должны лежать глубокія экономическія измѣненія, ибо нѣтъ политическихъ событій, которыя не были бы такъ или иначе связаны съ экономикой страны или народа. Обыкновенно все сводятъ къ филистимлянской опасности. Если бы даже это было вѣрно, то и тогда остается непонятнымъ, почему послѣ устраненія ея при Давидѣ все-таки происходятъ катастрофы. Въ сущности филистимлянская опасность ничего не объясняетъ: и раньше существовала опасность со стороны внѣшнихъ враговъ: израильтянскіе роды временно объединялись (напр. въ эпоху Деборы или Гидеона) и по окончаніи борьбы снова расходились. Почему же теперь, въ эпоху Саула, дошло до появленія царской власти?

Теологическая обработка книги Самуила видитъ въ избраніи царя (I гл. 8) признакъ отпаденія отъ Ягве. Старые устои, установленные издавна, разрушились; господствовавшее раньше

равенство исчезло, справедливость Ягве уступила мѣсто человѣческой неправдѣ, и тогда понадобился царь — судья. Этого не поняли ни Велльгаузенъ, ни Ренанъ. Только Штаде [1]) робко подходитъ къ проблемѣ, указывая на связь между появленіемъ царской власти и земледѣльческимъ строемъ израильской жизни. «Чѣмъ больше—говоритъ онъ—народъ вообще переходилъ къ земледѣлію, тѣмъ болѣе слабая организація, унаслѣдованная отъ кочующихъ предковъ, должна была оказаться недостаточной для потребностей какъ индивидуума, такъ и цѣлаго». Но почему же Израиль выбралъ себѣ царя много столѣтій послѣ того, какъ онъ перешелъ къ земледѣлію? Только динамика земледѣльческой жизни привела къ внутренней неустойчивости и къ появленію такихъ элементовъ, которые готовы были отказаться отъ независимости родовой организаціи и подчиниться централизованной власти. Эта же динамика внутреннихъ экономическихъ отношеній и привела къ сотрясеніямъ, выразившимся въ быстрой смѣнѣ династій. И филистимлянская опасность была не причиной, а слѣдствіемъ внутренняго ослабленія, внутренней соціальной неустойчивости. Первую попытку выяснить внутренне общественные факторы эпохи Саула — Давида — Соломона сдѣлалъ недавно Каспари [2]), въ его чрезвычайно интересной книгѣ. Но и онъ обращаетъ вниманіе почти исключительно на *политическую* подкладку—на борьбу между родовой олигархіей и народной массой. Олигархія была заинтересована въ сохраненіи родового партикуляризма, въ то время какъ народная масса нуждалась въ сильной защитѣ противъ господства олигархіи. Въ нѣкоторыхъ кругахъ могла, поэтому, зародиться мысль о необходимости центральной царской власти; а послѣ ея появленія начинается борьба между нею и олигархіей, при чемъ оба фактора стараются завербовать широкую народную массу. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ мало останавливается на анализѣ экономической стороны вопроса, хотя и пишетъ: «центральная власть, организованное единство, дѣло націи, защита массы—все лежало на одной чашкѣ вѣсовъ». Но притѣсненіе массы олигархіей вездѣ и всегда прежде всего ощущается на экономической почвѣ. Самое раздѣленіе народа на олигархію и массу, въ своей соціологической формѣ—продуктъ экономической дифференціаціи, созданной динамикой осѣдло-земледѣльческой жизни. Въ чемъ же состояла эта динамика?

---

[1]) *Stade*, «Geschichte des Volkes Israel», т. I. стр. 197.

[2]) *Caspari*, «Aufkommen und Krise des israelitischen Königtums unter David», Берлинъ, 1909.

Первоначальное устройство евреевъ въ Палестинѣ гарантировало каждому члену рода участокъ земли въ родовомъ надѣлѣ. Какъ мы уже раньше указали, естественныя причины должны были привести къ имущественному неравенству и даже къ появленію безземельнаго пролетаріата. Уже въ эпоху судей мы встрѣчаемъ очень поучительные факты. Ифтахъ, сынъ крупнаго землевладѣльца, какъ незаконнорожденный, былъ лишенъ наслѣдства. Онъ убѣжалъ въ землю Тобъ «и собрались къ Ифтаху пустые люди и выходили съ нимъ» (кн. Судей 11, 3) Кто были эти «пустые люди», о которыхъ упоминается и въ разсказѣ объ Абимелехѣ (кн. Судей 9, 4), съ которыми «выходятъ» на грабежъ, на партизанскую войну? Среди земледѣльческаго народа, не затронутаго еще денежнымъ хозяйствомъ, такими «пустыми людьми» бываютъ только очутившіеся въ такомъ же положеніи, какъ и самъ Ифтахъ: безъ родового надѣла, безъ земли. Появленіе этихъ «пустыхъ людей» сопровождается на противоположномъ полюсѣ появленіемъ Gibber chail—крупныхъ помѣщиковъ и Ssarim—князей (кн. Судей 5, 15; 8, 14), въ отличіе отъ существовавшихъ раньше Skenim—старѣйшинъ рода. Начинается, однимъ словомъ, внутренняя дифференціація на почвѣ имущественныхъ отношеній. Вотъ гдѣ лежитъ причина внутренняго ослабленія еврейства въ эпоху филистимлянскаго нашествія. Возникло внутреннее недовольство, вызванное экономическимъ неравенствомъ—и это недовольство привело къ появленію царской власти. «Отъ царской власти ожидалось экономическое оздоровленіе»—пишетъ Каспари. Для полнаго пониманія надо помнить, что дѣленіе Израиля въ то время шло горизонтально по родамъ и вертикально по классамъ. Главную роль играло послѣднее дѣленіе. Книга Самуила сообщаетъ намъ, что въ борьбѣ Саула съ Давидомъ аристократія Іудина колѣна стоитъ на сторонѣ Саула, несмотря на то, что Давидъ былъ самъ изъ рода Іуды.

Когда, по причинѣ внутренняго ослабленія, филистимлянская опасность сдѣлалась очень грозной, тогда произошло временное примиреніе, или, точнѣе говоря, родовая олигархія, подъ давленіемъ массы и ея духовныхъ руководителей, должна была временно уступить и согласиться на признаніе царской власти. «И собрались всѣ старѣйшины Израилевы и пришли къ Самуилу въ Раму. И сказали ему:.. и такъ поставь надъ нами царя, чтобы *судилъ насъ*, какъ есть у всѣхъ народовъ» (Кн. Самуила I, Гл. 8, 4—5). Прежде всего имъ нуженъ царь, чтобы урегулировать ихъ внутреннія отношенія и распри, чтобы уничтожить

внутреннее недовольство, а затѣмъ лишь чтобы онъ былъ ихъ военачальникомъ. «Пусть будетъ царь надъ нами... и судить у насъ будетъ царь нашъ и станетъ ходить впереди насъ и будетъ вести войны наши» (Кн. Сам. I, Гл. 8, 19—20).

Но олигархія была сильнѣе неорганизованной массы, не выдвинувшей еще руководителей съ политическимъ вѣсомъ. Выборъ перваго царя палъ на представителя олигархіи, на крупнаго землевладѣльца изъ маленькаго рода Веніамина, котораго олигархія другихъ болѣе сильныхъ родовъ надѣялась держать въ рукахъ. Саулъ—избранникъ олигархіи. Библія сохранила смутное воспоминаніе объ этомъ: она сообщаетъ намъ въ не совсѣмъ ясной формѣ данныя о неодинаковомъ отношеніи различныхъ элементовъ къ новоизбранному царю *съ самаго начала*. «И Саулъ пошелъ также въ свой домъ, въ Гибеу; и пошли съ нимъ тѣ доблестные люди, коихъ сердца коснулся Богъ. А люди негодные говорили: какъ можетъ спасти насъ такой? И презрѣли его и не принесли ему даровъ» (Кн. Сам. I, гл. 10, 26—27). Въ текстѣ «негодные» люди обозначаются словомъ, скорѣе подходящимъ къ понятію: «невысокіе» люди, т. е. плебеи. Саулъ не былъ признанъ не тѣмъ или инымъ родомъ, а именно «негодными» людьми, безъименной частью народа. Что наше толкованіе вѣрно—доказывается исторіей Давида. Когда онъ убѣгаетъ отъ преслѣдующаго его Саула, то вокругъ него собираются люди. Но кто они? Кромѣ членовъ семьи его, «собрались къ нему всѣ угнетенные, всѣ притѣсняемые заимодавцемъ и всѣ душевно огорченные, и онъ сталъ начальникомъ надъ ними» (Кн. Сам. I гл. 22, 2). Вотъ какіе элементы были тогда «негодными». Ихъ-то Саулъ, который самъ былъ ставленникомъ олигархіи, удовлетворить не могъ.

Теперь все становится яснымъ: и отношеніе Самуила, какъ и всего духовенства, къ Саулу, и сравнительный неуспѣхъ Саула въ борьбѣ противъ внѣшнихъ враговъ, и окончательная побѣда Давида, представителя массы, нуждавшейся въ соціальныхъ реформахъ. Библейская критика, стоя на чисто идеалистической точкѣ зрѣнія, не поняла всей этой эпохи и придралась къ тому, что рѣчи Самуила скорѣе подобаютъ VI-му, а не XI-му столѣтію. Что позднѣйшій редакторъ Библіи могъ измѣнить *форму* рѣчей Самуила, это вполнѣ вѣрно—но это ничего не говоритъ противъ сущности дѣла.

Давидъ сдѣлался царемъ, лишь отчасти поддержанный своимъ родомъ; главнымъ образомъ онъ обязанъ своимъ тономъ тому, что за него были «всѣ угнетенные» въ Израилѣ. Ему удалось

поднять общее состояніе духа народа и вести его отъ одной побѣды къ другой. Давидъ былъ царемъ соціальнаго и духовнаго творчества, реформаторомъ въ Израилѣ, его законодателемъ и полководцемъ. Вотъ почему его память такъ врѣзалась въ народную память, вотъ почему онъ сталъ легендарнымъ героемъ. Онъ былъ демократъ по происхожденію и по всѣмъ его дѣйствіямъ, чему Библія даетъ многочисленныя доказательства, (Кн. Сам. I гл. 25; гл. 30, 24—25; II, гл. 6, 14—20). За возстаніемъ Авессалома, скрывается не дворцовая интрига, а недовольство олигархіи, типичнымъ представителемъ которой былъ Ахитофель, душа Авессаломовскаго возстанія. Достаточно вдуматься въ библейскій разсказъ объ обстановкѣ этого возстанія (Кн. Сам. II. гл. 15, 2—6), чтобы понять, что здѣсь рѣчь идетъ о важномъ политическомъ движеніи, характеръ котораго впервые вскрылъ Каспари. Стараясь привлечь симпатіи всѣхъ недовольныхъ Авессаломъ не требуетъ царской власти: онъ желаетъ сдѣлаться только шофетомъ, что невѣрно переводится словомъ «судья». Шофетъ, какъ и суффетъ въ Карѳагенѣ—приблизительно то, что у римлянъ консулъ. Званіе шофетъ предполагаетъ родовую организацію, республиканскій режимъ и олигархію. Ненавистная народу родовая олигархія еще не смѣетъ раскрыть свои карты: она выдвигаетъ впередъ принца крови и прикрывается демагогіей. Передъ нами проходитъ страница изъ многовѣковой борьбы феодальной аристократіи съ царской властью, происходившему всѣхъ народовъ въ различные вѣка, начиная древнимъ Египтомъ и кончая Франціей эпохи Людовика XI, объединившагося временно съ аристократіей противъ своего отца. Это—борьба за политическое первенство, и еще болѣе—за экономическое господство надъ землей. Здѣсь все реально, все живо, какъ будто это произошло вчера, на нашихъ глазахъ.

Возстаніемъ Авессалома доказывается наличность недовольныхъ элементовъ и вверху, и внизу: аристократія была недовольна всѣми реформами Давида, отнятіемъ у нея судейской власти, перешедшей въ руки царя и его чиновниковъ (Кн. Сам. II, гл. 12, 5; 14, 10—18), появленіемъ бюрократіи (ibid., гл. 8, 16—18); народная масса тоже была недовольна, какъ это видно изъ народнаго повѣрья, что вслѣдствіе переписи народонаселенія, предпринятой по приказанію Давида, Іегова разгнѣвался и послалъ чуму (ibid., гл. 24). Характерно, что эта перепись совершается подъ руководствомъ «Іоаба и военачальниковъ», т. е. при помощи войска, какъ будто опасались вооружен-

наго сопротивленія. Перепись, несомнѣнно была предпринята въ государственно-фискальныхъ цѣляхъ.

Какъ бы то ни было, одно для насъ ясно: эпоха первыхъ царей наполнена борьбой между родовой олигархіей—съ одной стороны, и царской властью, опирающейся на демократію—съ другой. Соломонъ рѣшается желѣзной рукой разрушить всю родовую организацію, раздѣливъ всю страну на административные округи, нисколько не считаясь съ родовыми границами, организуя централизованный культъ съ храмомъ въ столицѣ. Эта централистическая тенденція встрѣтила послѣ смерти Соломона рѣшительный отпоръ. Появились два царства: Іудея, гдѣ сохранился централизмъ, и царство «десяти колѣнъ», гдѣ родовой принципъ взялъ верхъ, что привело къ быстрой смѣнѣ династій и къ раннему исчезновенію царства.

V.

Въ чемъ собственно состоитъ библейская критика? Прежде всего—въ опредѣленіи эпохи и причинъ появленія различныхъ частей Библіи, а затѣмъ въ оцѣнкѣ оригинальнаго творчества древняго Израиля. Необходимо, при этомъ, помнить, что моментъ окончательной редакціи ничего общаго не имѣетъ съ моментомъ творчества. Редакція наступаетъ, когда творчество закончилось. Нѣтъ сомнѣнія (см. книги Эзры и Неэміи), что первое редактированіе началось лишь послѣ возвращенія евреевъ изъ Вавилоніи и продолжалось вплоть до конца третьяго или начала второго столѣтія до Р. Х. Но не въ этомъ дѣло: вопросъ въ томъ, когда впервые былъ созданъ тотъ или иной отдѣлъ Пятикнижія. Возьмемъ для примѣра десять заповѣдей, или такъ называемую «Книгу Завѣта» (Исходъ, гл. 20—24). Лингвистическій анализъ ясно доказываетъ, что окончательная редакція этой части Пятикнижія была предпринята очень поздно—въ пятомъ или четвертомъ столѣтіи. Но когда она впервые появилась? Соціологическій анализъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ. Это одна—изъ самыхъ древнихъ частей Библіи: она была создана, когда Израиль занимался исключительно земледѣліемъ, не зналъ не только торговли, но даже и ремесла, и пребывалъ вообще въ состояніи натуральнаго хозяйства. Въ десятой заповѣди высчитаны всѣ объекты тогдашняго богатства израильтянина: между ними нѣтъ ни золота, ни серебра. Такая редакція заповѣди была бы прямо невозможна въ эпоху денежнаго хозяйства, т. е. въ какую-либо эпоху послѣ

Соломона. И если мы спросимъ себя, когда же эта часть Библіи появилась, то послѣ сказаннаго въ предшествующей главѣ отвѣтъ ясенъ: въ эпоху Давида. Не пророки, а цари даютъ законы. До появленія царской власти вообще нельзя предположить существованіе общеобязательнаго писаннаго кодекса законовъ. Признавая вполнѣ, что и во время своей кочевой жизни, и въ первые вѣка своей осѣдлости евреи находились въ сферѣ вліянія вавилонской культуры, мы должны помнить, что во время кочевой жизни евреи не нуждались въ аграрныхъ законахъ, а въ эпоху «Судей», когда, по библейскому выраженію, «въ Израилѣ всякій дѣлалъ, что ему угодно было», не было власти которая могла бы давать и санкціонировать общеобязательные законы. Съ другой стороны, въ «Книгѣ завѣта» рисуется соціальное состояніе, которое существовало лишь до Соломона, впервые создавшаго условія для торговли, а слѣдовательно и для денежнаго хозяйства. Наконецъ, припомнивъ исторію и причины возникновенія царской власти и борьбу между Сауломъ и Давидомъ, мы должны признать, что эпоха Давида была эпохой соціальнаго законодательства и реформаторства. Всякое новое законодательство является—особенно въ древности—результатомъ внутренняго кризиса, и наоборотъ: всякій кризисъ находитъ свое разрѣшеніе въ новомъ законодательствѣ. Организаторъ еврейской націи и государственности долженъ былъ издавать законы, содержавшіе въ себѣ основоположенія общественной морали и соціальнаго сожительства. Пророки всегда ссылаются на уже имѣющуюся Тору, какъ на нѣчто общеизвѣстное. Самое содержаніе Книги завѣта, чуждое риторики и сентиментализма, столь свойственныхъ Второзаконію, появившемуся гораздо позже и именно подъ вліяніемъ пророковъ, доказываетъ, что она создана легистами, а не священниками,—государственными дѣятелями, считающимися съ практической жизнью, а не проповѣдниками абсолютнаго идеала, какими были пророки. Намъ могутъ возразить, что въ Библіи не упоминается объ изданіи Давидомъ «Книги завѣта», или какого-либо другого закона, включеннаго въ Пятикнижіе. Все приписывается Моисею. Мы думаемъ, что именно это обстоятельство говоритъ противъ традиціоннаго взгляда. Разъ Моисею приписываются законы Второзаконія, носящіе явные слѣды позднѣйшаго происхожденія, вводящіе деньги даже въ область культа (замѣна жертвы въ натурѣ деньгами), то тѣмъ болѣе это могло случиться съ законами, изданными въ болѣе раннюю эпоху Давида. Это вполнѣ естественно не только для восточнаго, но для всего древняго міра. Римскіе легисты выводили всѣ свои

законы изъ 12 таблицъ. Одно изъ двухъ: или свѣтская власть съ самаго начала ставила всѣ законы подъ покровительство «Божьяго человѣка» Моисея, или это сдѣлала позднѣйшая редакція, въ эпоху теократіи, когда была объединена свѣтская и священническая власть. Редакція старалась сохранять древнія данныя, даже когда онѣ противорѣчили новой теоріи. Такъ мы читаемъ (Кн. Самуила II, гл. 8, 18), что «сыновья Давида были священниками», что совершенно противорѣчитъ позднѣйшей теоріи о происхожденіи всѣхъ еврейскихъ священниковъ отъ колѣна Леви. Чтобы освободиться отъ взгляда на Израиль, какъ на теократію, достаточно припомнить, какъ Саулъ и Соломонъ обошлись съ несогласными съ ними священниками. До разрушенія перваго храма свѣтская власть господствовала въ государствѣ. Она давала законы, она стояла во главѣ всего культурнаго развитія. Эпоха Давида и Соломона была эпохой расцвѣта національнаго творчества. Недаромъ легенда приписываетъ Давиду псалмы, а Соломону—притчи. Нѣтъ сомнѣнія, что и исторіографія тоже началась при Давидѣ. Въ библейской критикѣ имѣется теченіе, которое склонно даже переоцѣнивать творческую цѣнность Давидовой эпохи. Винклеръ [1]), напримѣръ, убѣжденъ, что весь ягвеизмъ созданъ Давидомъ въ политическихъ цѣляхъ — чтобы объединить весь Израиль подъ эгидой Ягве. Это, конечно не вѣрно. Ягвеизмъ, какъ идея, какъ міровоззрѣніе, созданъ духовной аристократіей, а не царями. Но Библія, въ громадной своей части посвящена чисто земнымъ предметамъ, содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ кодексовъ—по меньшей мѣрѣ четыре,—созданныхъ свѣтской властью.

Въ виду сказаннаго выше становится болѣе понятной и роль пророковъ. Обыкновенно ихъ считаютъ творцами монотеизма —и только. При этомъ забываютъ, что древній міръ искалъ правды и справедливости, а не святости и спасенія. Вся Библія, и особенно Пятикнижіе, занимается не загробной жизнью, а именно правдой на землѣ. Существенная роль пророковъ состояла въ выработкѣ именно соціальнаго идеала для народной жизни. Уже первый изъ нихъ, Амосъ, сильно напираетъ на соціальныя неправды въ современномъ ему Израилѣ. Конечно, мысли пророковъ были облечены въ религіозную форму: единая правда исходила отъ единаго Бога. Все древневосточное творчество облечено въ религіозную форму, но изъ этого не слѣдуетъ, что народы тогда жили исключительно религіей и исканіемъ

[1]) Winkler; «Geschichte Israels", т. I, стр. 28—40.

Бога. Вся жизнь была обожествлена, и вся земная правда олицетворялась въ Богѣ. Но люди искали счастья на землѣ. Пророки всегда говорятъ о народѣ, а не объ индивидуумѣ. Ихъ идеалъ національненъ; мало-по-малу расширяясь, онъ становится общечеловѣческимъ. Когда началось полное разложеніе древняго міра, когда человѣчество разочаровалось въ земной правдѣ, тогда стали искать спасенія и святости индивидуальной: тогда загробная жизнь затмила собою земную. Въ этой области евреи меньше всего творили: они воспринимали здѣсь чужіе элементы. Библія, вся проникнутая стремленіемъ къ земному счастью, могла быть создана лишь народомъ въ расцвѣтѣ силъ. А такимъ народомъ евреи были до разрушенія перваго храма. Стоитъ только внимательно вдуматься въ псалмы и притчи—не говоря уже объ Экклезіастѣ—чтобы понять характеръ поздняго творчества Израиля. Въ псалмахъ народъ часто отступаетъ на задній планъ, и небо занимаетъ мѣсто земли.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что Пятикнижіе создано въ первые вѣка Израильскаго царства, начиная съ эпохи Давида, при чемъ основная идея монотеизма была уже давно извѣстна Израилю. Это творчество продолжалось вѣками, пока Израиль былъ независимъ, т. е. вплоть до разрушенія перваго храма. Послѣ этого наступила эпоха редактированія, начавшаяся во время вавилонскаго плѣненія и сейчасъ послѣ возвращенія изъ плѣна (конецъ шестого и начало пятаго столѣтія). Для болѣе точнаго опредѣленія времени появленія различныхъ частей Библіи, мы должны пользоваться методомъ соціологическаго анализа, т. е. изучать экономическую и политическую эволюцію древняго Израиля. Тѣ или иныя соціально-политическія условія должны были вызвать соотвѣтственные законы, идеи и формы творчества.

Ставъ на соціологическую точку зрѣнія, мы можемъ отвѣтить и на другой кардинальный вопросъ: насколько Библія оригинальна, т. е. насколько еврейство само творило свои духовныя цѣнности. Библія прекрасно знакома съ чужими культурными теченіями. Желая восхвалить мудрость Соломона, Библія заявляетъ: «И была мудрость Соломона больше,чѣмъ мудрость всѣхъ сыновъ Востока и вся мудрость Египетская» (Кн. Царей I, гл. 5, 10). Библія разсматриваетъ еврейство въ тѣсной связи съ Вавилоніей («сыны Востока») и съ Египтомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти двѣ древнѣйшія цивилизаціи вліяли на еврейскую культуру. Но отсюда до заключенія, что евреи только *воспринимали*, а не творили, еще очень далеко. Воспринимать можно лишь абст-

рактныя идеи, въ ихъ общей формулировкѣ, и матеріальныя формы культуры: *конкретное* духовное творчество и соціальныя формы жизни всегда оригинальны.

Что касается абстрактныхъ идей, то идея монотеизма, даже въ ея самой ограниченной формѣ, является оригинальнѣйшимъ творчествомъ древняго Израиля. Ни вавилоняне, ни египтяне не дошли до догматической формулировки монотеизма. Для монотеизма еврейскихъ пророковъ нельзя найти аналогіи въ религіозномъ творчествѣ другихъ народовъ. Но въ области соціальнаго творчества очень многіе ученые склонны все приписать вавилонскому вліянію. Обыкновенно говорятъ: законодательство Моисея—копія законодательства Гамураби. Это мнѣніе можетъ быть защищаемо лишь идеологами, упускающими изъ виду соціальныя условія жизни. Профессоръ Гримме совершенно правъ, когда пишетъ: «Законы, какъ существенныя формулы народной жизни, могутъ быть перенесены лишь туда, гдѣ встрѣчаются родственныя формы жизни, одинаковыя общественныя наслоенія и одинаковыя экономическія тенденціи... Достаточно взять изъ Моисеева законодательства самое существенное въ общественныхъ и экономическихъ формахъ и сравнить его съ формулами Гамураби, чтобы сразу замѣтить цѣлый рядъ противорѣчій... И если принять во вниманіе духъ, которымъ проникнуты вавилонское и Моисеево законодательства, то даже кажущееся родственнымъ явится раздѣленнымъ глубокой пропастью» [1]). Соціальныя различія между Вавиліоніей и Палестиной были громадны. «Израиль былъ и остался страной, предопредѣленной для земледѣлія и скотоводства, а кодексъ Гамураби предполагаетъ цвѣтущую торговлю и агрикультуру, находящуюся подъ сильнымъ вліяніемъ денежнаго хозяйства» [2]). Разгадку сходства, существующаго между обоими кодексами, блестяще разрѣшилъ проф. Мюллеръ, доказавъ наличность очень древняго старосемитическаго права, изъ котораго черпали и Моисей и Гамураби [3]), слѣды котораго находятся и въ XII таблицахъ. Съ этимъ согласенъ и Іереміасъ, по мнѣнію котораго «Староарабское право представляетъ собою связующее звено между Моисеемъ и Гамураби». Во всемъ кодексѣ Гамураби нѣтъ ничего, напоминающаго библейскій декалогъ съ его общими и вѣчными опредѣленіями. Внесеніе этическихъ и религіозныхъ началъ въ право и въ соціальную жизнь—дѣло оригинальнаго творчества древняго Израиля. Несомнѣнно, Израиль

[1]) Prof. Grimme, «Das Gesetz Chammurabis und Moses», 1903, стр. 72.
[2]) Pfarrer I. Ieremias, «Moses und Hammurabi», 1903, стр. 51.
[3]) Prof. D. H. Müller, «Die Gesetze Hammurabis», Вѣна, 1903.

зналъ старосемитическое право. Но онъ его переработалъ сообразно со своими соціальными условіями и со своими духовными идеалами. Мелкокрестьянское хозяйство Израиля должно было создать совершенно иное право, чѣмъ крупно-землевладѣльческая и торговая Вавилонія.

Въ журнальной статьѣ нельзя дать окончательныхъ результатовъ библейской критики. Мы хотѣли только указать на новый *методъ* изслѣдованія Библіи. Чтобы понять духовное творчество народа — новаго или древняго — необходимо изучить прежде всего его соціальную жизнь и его общественное развитіе. Израиль не составляетъ исключенія: и онъ творилъ въ опредѣленной соціальной средѣ, при опредѣленной экономической и политической обстановкѣ. Онъ творилъ религію не для міра, а для себя, для удовлетворенія своихъ конкретныхъ нуждъ, для осуществленія соціальной справедливости въ своей средѣ. А если такъ, то его духовное творчество должно было начаться очень рано, ибо соціальная борьба въ Израилѣ началась еще въ до-царскій періодъ. Въ существенныхъ своихъ частяхъ Библія создана не въ послѣдніе, а въ первые вѣка израильскаго царства. Пророки явились не какъ deus ex machina, а были продолжателями великой исторической традиціи, чего они сами никогда не отрицали.

Исторія Израиля должна быть подвергнута соціологическому анализу, какъ и всякая другая.

Д. С. Пасманикъ.

ЛИЦЕЙСКАЯ СТАРИНА.

(Д. Ѳ. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843»).

Императорскій Александровскій Лицей, въ былое время Царскосельскій, праздновалъ недавно юбилей своего столѣтняго существованія. Празднество было очень торжественное, много дней оно длилось и врядъ ли юбилей какого-нибудь иного учебнаго заведенія могъ равняться съ нимъ по внѣшнему блеску.

Лицей былъ основанъ, какъ извѣстно, съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей къ государственной службѣ, и эта цѣль была несомнѣнно достигнута — доказательствомъ чему служитъ очень длинный рядъ именъ его воспитанниковъ, прославившихся на томъ или иномъ служебномъ поприщѣ и до сего дня на этомъ же поприщѣ дѣйствующихъ. Юбилей очень ярко подчеркнулъ эти служебныя заслуги лицея. Но за лицеемъ установилась издавна еще и иная слава — созданная ему особымъ тяготѣніемъ его питомцевъ къ служенію музамъ и наукамъ. Къ сожалѣнію, на юбилеѣ эта сторона лицейской жизни какъ-то осталась въ тѣни и, за исключеніемъ прочитанныхъ адресовъ, о ней совсѣмъ говорено не было. Лицей не ознаменовалъ своего праздника никакимъ литературно-ученымъ торжествомъ, если не считать краткихъ рѣчей у памятника Пушкина въ Царскомъ Селѣ и пріобрѣтенія для лицея картины Рѣпина «Пушкинъ, читающій свои стихи передъ Державинымъ»—картины, въ которой все вниманіе художника поглотили предметы неодушевленные, такъ что на долю самого Пушкина, его товарищей и учителей почти ничего отъ таланта Рѣпина не осталось.

А между тѣмъ юбилейное торжество должно было непремѣнно включить въ свою программу литературные поминки ли-

цейской старины, столь знаменательной для русскаго просвѣщенія—увы! дѣйствительно старины, потому что уже много десятилѣтій смѣнилось, а русская литература поддержки со стороны лицея не имѣла. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, почему у лицеистовъ могъ понизиться интересъ къ литературнымъ занятіямъ—но, конечно, нельзя не пожалѣть объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ воспитанниковъ, окончившихъ лицей приблизительно съ начала семидесятыхъ годовъ только двое обнаружили настоящую большую любовь къ литературѣ—хотя и для нихъ литература была не профессіональнымъ призваніемъ, а отдыхомъ отъ служебныхъ занятій. Это были князь Д. П. Голицынъ-Муравлинъ и покойный директоръ лицея А. П. Саломонъ. Очень невелико и число тѣхъ лицеистовъ, которые выступали на иныхъ поприщахъ словесной работы. Государственная служба во всѣхъ ея видахъ давно уже всецѣло поглотила работоспособность лицеистовъ.

И все-таки о литературной старинѣ слѣдовало вспомнить на столѣтнемъ празднествѣ.

Вспомнилъ о ней лишь одинъ изъ старыхъ лицеистовъ, многолѣтняя литературная и ученая дѣятельность котораго давно уже напоминала о былыхъ лицейскихъ литературно-ученыхъ традиціяхъ. Въ юбилейные дни Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, извѣстный біографъ Павла Петровича, издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843».

Будемъ кратки въ общей оцѣнкѣ достоинствъ этой книги, такъ какъ въ похвалахъ нашъ историкъ не нуждается. Книга объемистая и матерьялъ ея довольно сухой и спеціальный,—и тѣмъ не менѣе книга читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, потому что она прежде всего написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, какимъ писались въ былые годы историческія монографіи ученаго типа. Книга посвящена интимной домашней жизни загороднаго закрытаго учебнаго заведенія—и тѣмъ не менѣе она способствуетъ пониманію цѣлой исторической эпохи. Историкъ съумѣлъ придать частному явленію характеръ общій; большой знатокъ александровскаго времени, онъ жилъ съ тѣми людьми, о которыхъ писалъ. Книга стала такимъ образомъ документальнымъ изслѣдованіемъ, безъ излишествъ лирическаго тона, который могъ быть такъ естественъ и понятенъ подъ перомъ стараго лѣтописца родной старины. Книга въ полномъ смыслѣ слова ученая съ привлеченіемъ обильныхъ историческихъ матеріаловъ, при большомъ искусствѣ не загромождать ими разсказа, а умѣть во время расцвѣтить его.

Итакъ, книга во всѣхъ отношеніяхъ достойная всякой похвалы, и если придирчивый спеціалистъ найдетъ въ ней какіе-нибудь промахи, то такія мелочи ничего у книги не отнимутъ. Среди изслѣдованій по исторіи Александровскаго царствованія она останется на очень почетномъ мѣстѣ.

Авторъ скроменъ, и въ предисловіи къ своему труду говоритъ: «Такъ какъ я не предполагаю, чтобы книга моя получила распространеніе среди широкой публики и завоевала себѣ значительный кругъ читателей, то я не считалъ необходимымъ выходить въ своемъ изложеніи за предѣлы исключительно лицейской жизни». Книга разсчитана, дѣйствительно, на тѣсный кругъ читателей изъ тѣсной лицейской семьи; для всѣхъ лицеистовъ она должна стать настольной книгой, и не потому только, что въ ней разсказана исторія ихъ «второго» отечества. Въ книгѣ затронуто нѣсколько общихъ педагогическихъ вопросовъ, которыми должны заинтересоваться люди, готовящіеся къ служенію родинѣ на разныхъ служебныхъ постахъ, гдѣ неизбѣжно приходится считаться съ вопросами воспитанія и образованія.

И эти-то вопросы, затронутые въ трудѣ Д. Ѳ. Кобеко, и расширяютъ кругъ его читателей и книгу, написанную на спеціальную тему, дѣлаютъ общеинтересной.

Въ наши дни вопросъ о воспитаніи подростающихъ поколѣній сталъ однимъ изъ самыхъ насущныхъ, такъ какъ послѣ долгихъ лѣтъ нежеланья видѣть мы, наконецъ, увидѣли, какія роковыя послѣдствія могутъ имѣть ошибки въ принципахъ, положенныхъ въ основаніе школьнаго дѣла. Стремясь воспитать молодежь въ духѣ строгой дисциплины ума и дисциплины внѣшняго порядка, мы достигли результатовъ обратныхъ. Никогда еще уровень образованія молодежи не стоялъ такъ низко примѣнительно къ требованіямъ вѣка, какъ теперь, и никогда еще молодежь не была такъ внѣшне недисциплинирована, какъ въ наши дни. Сваливать все на ближайшія къ намъ событія революціонныхъ годовъ нельзя, такъ какъ пониженіе умственнаго уровня началось значительно раньше, а отсутствіе дисциплины духовной и внѣшней было во многихъ случаяхъ именно той почвой, на которой произрастали многія печальныя проявленія свободолюбивой мысли и темперамента. Не будемъ входить въ разборъ этого въ высшей степени сложнаго вопроса тѣмъ болѣе, что книга Д. Ѳ. Кобеко его совсѣмъ не касается; но—странно—прочитавъ эту книгу, невольно надъ больнымъ вопросомъ начинаешь думать, Кажется, что общаго между лицеемъ и современными учебными заведеніями казеннаго типа, за самыми ничтожными исключеніями? Ли-

цей былъ поставленъ сразу въ привилегированныя условія: помѣщался онъ во дворцѣ, средствъ на него не жалѣли, подборъ воспитанниковъ былъ исключительный, съ особыми культурными семейными традиціями, воспитанниковъ было немного, штатъ воспитателей и преподавателей большой. Все было сдѣлано, чтобы создать нѣчто образцовое, и неудивительно, что результатъ получился хорошій. Ставить старый лицей въ примѣръ другимъ учебнымъ заведеніямъ—значило бы обнаруживать большую наивность. Но это не совсѣмъ такъ. Во всемъ, что касается внѣшней стороны дѣла, лицей могъ идти и шелъ во главѣ всѣхъ другихъ учебныхъ заведеній. Но кромѣ внѣшней стороны была еще внутренняя—тотъ «духъ», который держался въ стѣнахъ лицея довольно долгое время, до той поры, когда въ тридцатыхъ годахъ вдругъ показалось необходимымъ «подтянуть», когда, по словамъ Я. К. Грота, «управленіе лицея продолжало быть довольно мягкимъ, но все-таки руководящимъ началомъ этого управленія сталъ страхъ, а не любовь», и воспитанники, «не видя въ представителяхъ администраціи высшаго образованія, начинали смотрѣть на нихъ съ недовѣріемъ и думали, что въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ многое могло бы быть гораздо лучше». Именно въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ старый лицей можетъ служить примѣромъ и для нашего времени, не смотря на то, что педагогика, какъ всѣ науки и искусства, должна, казалось бы, развиваться.

То, что поражаетъ въ порядкахъ стараго лицея и что такъ ярко проступаетъ наружу въ изложеніи нашего историка, это—общеніе руководителей и воспитанниковъ на почвѣ культурныхъ интересовъ и литературныхъ занятій. Въ первоначальной программѣ лицея отводилось большое мѣсто предметамъ общеобразовательнымъ. Науки «приказнаго званія», профессіональныя свѣдѣнія, необходимыя для чиновника вовсе не выдвигались на первый планъ» (стр. 3). Этимъ достигалась сразу одна цѣль, которую въ школѣ достигнуть трудно, если во-время о ней не подумать. Общеобразовательные предметы имѣютъ колоссальное значеніе не только въ развитіи умственныхъ способностей человѣка и въ расширеніи круга его знаній, но именно они-то главнымъ образомъ и вліяютъ на выработку его чувствъ и характера. Дать въ юномъ возрастѣ рядъ цѣнныхъ свѣдѣній о человѣкѣ, какъ существѣ мыслящемъ, чувствующемъ и дѣйствующемъ, позволить заглянуть ближнему въ душу—важнѣе, чѣмъ заставить ребенка усвоить цѣлый рядъ знаній общихъ, по предметамъ, въ которыхъ человѣкъ своей душой не участвуетъ, или за-

ставить взять памятью цѣлый рядъ наукъ чисто фармальныхъ. Складъ души человѣка слагается подъ непосредственнымъ общеніемъ съ ближними, и придти на помощь этому общенію, дополнить его могутъ только науки гуманитарныя, въ которыхъ воскресаетъ человѣкъ въ его прошломъ и является живымъ и дѣйствующимъ въ настоящемъ.

Въ современной намъ школѣ чистая теорія, какъ напр., математика и родственныя ей науки—логика, психологія, грамматики всѣхъ видовъ, теорія даже словеснаго творчества—занимаютъ гораздо большее количество часовъ, чѣмъ то, которое отведено наукамъ историческимъ и въ особенности литературѣ. А между тѣмъ, изъ всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ исторія и исторія литературы чуть ли не единственные, которые способны сближать людей на почвѣ самыхъ живыхъ интересовъ и направлять нашъ умъ на общечеловѣческіе, вѣчные запросы духа, мимо которыхъ никто не проходитъ. Литература, въ лицѣ ея міровыхъ представителей—лучшая школа для ума и сердца подрастающихъ поколѣній, такъ какъ она заблаговременно готовитъ людей къ встрѣчѣ съ ближними и учитъ ихъ разбираться въ труднѣйшихъ этическихъ и психологическихъ задачахъ жизни.

Въ старомъ лицеѣ уровень литературнаго образованія воспитанниковъ былъ очень высокъ—и любовь къ литературѣ отечественной и иноземной была любовью свободной и живой, обусловленной не только оффиціальной программой преподаванія, но, главнымъ образомъ, личной склонностью учащихся и начальства. Воспитанники усердно читали авторовъ — классиковъ античныхъ и современныхъ, — сами пробовали свои силы въ разныхъ родахъ словеснаго творчества (сначала такое раннее сочинительство начальство не одобряло, но очень скоро стало поддерживать), образовали литературные кружки, гдѣ были связаны между собой не какими-либо внѣшними формальными узами, а единствомъ вкусовъ и любовью къ родной словесности (стр. 85). Позднѣе, когда воспитанники покидали лицей, они становились членами тѣхъ многочисленныхъ литературныхъ собраній, которыя тогда существовали въ Петербургѣ (стр. 146). Начальство шло на встрѣчу этимъ симпатіямъ и заботы объ образованности воспитанниковъ принимало столь же близко къ сердцу, какъ и заботы объ ихъ благонравіи.

Литературныя симпатіи стараго лицея издавна связаны въ нашей памяти съ именами Пушкина и Салтыкова. Лицей имѣетъ полное право гордиться этими звѣздами нашей словес-

ности, которыя съ дѣтскихъ лѣтъ попали въ обстановку, благопріятную для развитія ихъ таланта. Когда ставишь, однако, старый лицей въ примѣръ, то думаешь не о твореніяхъ этихъ мастеровъ и, конечно, не о тѣхъ опытахъ въ стихахъ и въ прозѣ, подъ которыми стоятъ имена другихъ лицеистовъ, а вообще о культурности питомцевъ лицея. Хорошая литературная школа, пройденная въ юности, сказалась на общемъ ихъ развитіи. Читая тѣ страницы въ книгѣ Д. Ѳ. Кобеко, гдѣ онъ говоритъ о жизни лицеистовъ, оставившихъ по себѣ даже скромную память, убѣждаешься—насколько всѣ эти люди были образованы и какъ сильны въ нихъ были духовныя потребности. Приписать эти стороны ихъ ума и характера семьѣ врядъ ли возможно, такъ какъ, если семья дала имъ хорошіе задатки, то именно въ школѣ эти задатки имѣли возможность развиться—въ школѣ, куда мальчики попадали въ самомъ юномъ возрастѣ и изъ стѣнъ которой не выходили въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Нашъ историкъ, спокойный и далекій отъ всякой публицистики, далъ намъ въ своемъ трудѣ хорошій, какъ видимъ, педагогическій совѣтъ. И онъ—не единственный.

Въ развитіи своего разсказа историку пришлось встрѣтиться съ однимъ школьнымъ вопросомъ, который въ наши дни сталъ прямо-таки кошмарнымъ. Это вопросъ о ростѣ такъ называемаго «неблагонадежнаго» образа мыслей въ подрастающемъ поколѣніи. Лицей, какъ извѣстно, въ первые же годы своего существованія попалъ на замѣчаніе. Либеральные стихи и выходки Пушкина обратили на себя вниманіе не только общества, но и власти, и въ особенности власть насторожилась послѣ декабрьскаго возстанія, въ которомъ было замѣшано, правда—не особенно серьезно, нѣсколько лицеистовъ. Послѣ 1825-го года лицейскій вольный духъ долго не проявлялся, но въ 1848-мъ онъ о себѣ напомнилъ при разборѣ дѣла бывшаго воспитанника лицея Буташевича-Петрашевскаго и при цензурной исторіи съ первымъ литературнымъ произведеніемъ Салтыкова-Щедрина. Наконецъ въ 60-ыхъ годахъ среди видныхъ дѣятелей радикальной партіи находились также лицеисты—братья Серно-Соловьевичъ.

Едва ли можно дѣлать какіе-нибудь общіе выводы изъ того факта, что на протяженіи полувѣка нѣсколько лицеистовъ было замѣшано въ политическія дѣла.

Но въ старомъ лицеѣ Александровскихъ временъ либеральный образъ мыслей воспитанниковъ находился, повидимому, въ связи съ самой программой образованія. Д. Ѳ. Кобеко опубликовалъ одинъ крайне любопытный документъ, устанавливающій

такую связь. Это — «Отчетъ конференціи Императорскаго царскосельскаго лицея въ учебныхъ занятіяхъ воспитанниковъ старшаго возраста въ теченіе шестилѣтняго курса ученія (1817 года)».

Въ этомъ характернѣйшемъ документѣ русской педагогики сказано, что «въ истолкованіи положительнаго законодательства Россіи принимаемо было за основаніе не буквальное выраженіе воли верховной, но поводъ и причины, служившіе побужденіемъ къ учрежденію какого-либо закона. При соображеніи отдѣльныхъ узаконеній, въ разныя времена изданныхъ, открываемы были воспитанникамъ несогласія нѣкоторыхъ постановленій, и вниманіе ихъ преимущественно обращаемо было на эти пункты, обыкновенно запутанность и безпорядокъ въ теченіи судныхъ дѣлъ производящіе. Не скрыты были отъ воспитанниковъ злоупотребленія, въ судѣ и расправѣ встрѣчаемыя, равно какъ источники оныхъ и послѣдствія: ибо въ храмѣ просвѣщенія и образованія одна только истина должна управлять устами наставника; она только можетъ обнаружить всю гнусность неправоты, мздоимства и лицепріятія... Каждому изъ своихъ членовъ (конференція) поставляла въ обязанность изображать вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, несмотря не на какія уваженія... Отечественная исторія проходима была съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ каковымъ предлагаема была древняя и новѣйшая иностранная. Вопреки вкравшемуся по злоупотребленію обычаю хвалить все домашнее безъ разбору, дѣянія историческія и характеры лицъ, имѣвшихъ вліяніе на дѣла Россіи, представляемы были въ точномъ ихъ видѣ. Самые пороки изображены были во всей ихъ гнусности: ибо ни мало не уменьшаетъ нынѣшнюю славу Россіи то, что она нѣкогда была государство слабое, раздираемое то внутренними несогласіями, то внѣшними неблагоразумными войнами, что въ ней царствовали нѣкогда суровые обычаи, безчеловѣчные законы, что въ государственномъ управленіи не было постепенности, что судъ и расправу могли находить только вельможи и люди, близкіе ко двору царскому, а простой народъ страдалъ отъ угнетенія сильныхъ». (стр. 101—103).

Едва ли критика преподавателей простиралась въ данномъ случаѣ лишь на прошлое родины; попутно говорилось, конечно, многое, что имѣло отношеніе и къ настоящему, и нашъ историкъ былъ правъ, когда непосредственно послѣ текста этого документа привелъ строки изъ записокъ Пущина, въ которыхъ Пущинъ свидѣтельствуетъ, что «по мнѣніямъ и убѣжденіямъ его, вынесеннымъ изъ лицея, онъ готовъ былъ для дѣла». (стр. 105, а также 135). И не одинъ Пущинъ думалъ такъ (стр. 135).

Власть, само собою разумѣется, не могла не обратить вниманія на проявленіе въ лицеѣ такого духа. Уже въ 1820-мъ году высылка Пушкина имѣла вліяніе на положеніе лицея; со стороны высшаго начальства былъ установленъ надзоръ за направленіемъ, какое давалось воспитанникамъ лицея, и директоръ Энгельгардтъ долженъ былъ оставить свой постъ (стр. 154). Что этотъ надзоръ былъ усиленъ въ царствованіе императора Николая Павловича послѣ событій 1825-го года,—это вполнѣ вѣроятно. Въ книгѣ Д. Ѳ. Кобеко есть указанія на то, что верховная власть на лицей косилась—но, вопреки ожиданію, никакого разгрома учебнаго заведенія не произошло. А между тѣмъ намъ изъ исторіи извѣстны примѣры такихъ расправъ съ Казанскимъ и Петербургскимъ университетами при Александрѣ I, извѣстно также наложеніе строжайшей опеки на учебныя заведенія при Николаѣ Павловичѣ. Авторъ нашей книги не отмѣчаетъ никакихъ особыхъ притѣсненій, гоненій или особыхъ мѣръ предупрежденія въ лицеѣ въ тѣ времена, когда эти мѣры становились общимъ правиломъ. Быть можетъ, въ данномъ случаѣ лицей былъ огражденъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ, и самому начальству не совсѣмъ ловко было подчеркивать опасность; можетъ быть тотъ фактъ, что въ самомъ лицеѣ никакихъ безпорядковъ не было и воспитанники обнаруживали свой вольный духъ лишь по выходѣ изъ учебнаго заведенія, повліялъ на болѣе мягкое къ нему отношеніе. Вѣрнѣе всего предположить, что само лицейское начальство съумѣло представить властямъ дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ и дать имъ понять всю опасность излишнихъ репрессій для тѣхъ самыхъ принциповъ, въ защиту которыхъ такія репрессіи установлялись. У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, какъ и почему лицей вышелъ относительно невредимымъ изъ опасности, которая ему угрожала, но нашъ историкъ несомнѣнно правъ, говоря: «Если допустить, что царскосельскій лицей, оставаясь подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія (а въ этомъ вѣдѣніи лицей находился очень короткій срокъ), и сохранилъ бы свой внѣшній строй, то преподаваніе въ немъ и надзоръ за воспитаніемъ были бы подчинены тому шаблонному единообразію и сухому формализму, которые утвердились въ министерствѣ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Реакціонное движеніе, начавшееся при князѣ Голицынѣ, достигло крайнихъ предѣловъ при адмиралѣ Шишковѣ. Затѣмъ вступилъ въ управленіе министерствомъ С. С. Уваровъ... Основы русскаго просвѣщенія, провозглашенныя графомъ Уваровымъ, не распространились на лицей, какъ на школу, стоявшую внѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Это

дало лицею возможность продолжать свое развитіе на началахъ, указанныхъ Державнымъ его основателямъ, тѣмъ болѣе, что не представлялось никакой потребности производить въ лицеѣ реформы въ томъ направленіи, которое было намѣчено графомъ Уваровымъ» (стр. 464, 466).

Страницы, на которыхъ историкъ говоритъ объ этихъ вопросахъ, столь важныхъ для школы, какъ для государственнаго учрежденія, должны опять навести читателя на раздумье. Оставляя въ сторонѣ лицей, который, дѣйствительно, не нуждался въ укорененіи принциповъ, въ немъ искони сильныхъ, поздравивъ лицей съ тѣмъ, что онъ не попалъ въ вѣдѣніе того министерства, которому въ сущности надлежало имъ завѣдывать, позавидовавъ этому лицею, которому дана была возможность мирно продолжать свою культурную работу и пополнять ряды общественныхъ дѣятелей людьми просвѣщенными и гуманными,—читатель вспомнитъ о судьбѣ другихъ школъ земли русской, судьбѣ, которая сложилась такъ сурово и для самого просвѣщенія, и для тѣхъ, кто его насаждалъ, и наконецъ для тѣхъ, ради которыхъ оно насаждалось.

Такой поворотъ мысли читателя отъ старины къ нашему времени можетъ показаться неумѣстнымъ и необдуманнымъ. Съ тѣхъ далекихъ дней, о которыхъ шла рѣчь въ книгѣ Д. Ѳ. Кобеко многое измѣнилось. «Неблагонадежный» духъ охватилъ широкіе круги общества, онъ проникъ въ высшую школу и даже въ среднюю, онъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ производилъ большіе безпорядки въ самихъ учебныхъ заведеніяхъ, тормозилъ преподаваніе, дѣлалъ его иногда невозможнымъ и, наконецъ, вносилъ въ школу несомнѣнную политическую агитацію.

Позволительно, однако, спросить—а не были ли тѣ способы, къ которымъ власть прибѣгала въ своей борьбѣ съ «неблагонадежностью», одною изъ главныхъ причинъ лихорадочнаго и иногда болѣзненнаго ея проявленія?

Съ идеями, которыя неизбѣжно должны развиваться, которыя рвутся къ жизни—только одно обхожденіе возможно. Эти идеи надо разъяснять, психологически мотивировать, облегчать къ нимъ доступъ людямъ, которые ими интересуются, свободно критиковать ихъ—однимъ словомъ, надо ихъ ассимилировать съ общимъ складомъ умовъ и сердецъ, съ какими они приходятъ въ соприкосновеніе. Если держаться этого правила—котораго очевидно придерживалось сначала начальство лицея, судя по вышеприведенному отчету конференціи,—то есть всѣ основанія думать, что внѣшнее проявленіе этихъ идей не будетъ рѣзкимъ и не

поведетъ къ большимъ безпорядкамъ. Идея равномѣрно, спокойно и ровно войдетъ въ плоть и кровь человѣка, и пусть тогда созрѣвшій и сложившійся человѣкъ считается съ нею, какъ онъ хочетъ. По крайней мѣрѣ въ юномъ возрастѣ — наиболѣе воспламеняемомъ—новая идея не будетъ грозить такими душевными катастрофами, какими она угрожаетъ, когда является запретной и гонимой.

А 1825-ый годъ?—скажутъ иные. Съ нимъ связаны имена столькихъ молодыхъ людей, душевный складъ которыхъ, очевидно, имѣлъ достаточно времени, чтобы «ассимилироваться» съ новыми идеями. Вѣдь эти люди не уберегліись, и вышли на площадь?

Случайности бываютъ. Подъемъ освободительной мысли и боевого темперамента въ концѣ царствованія Александра Павловича случайностью, конечно, не былъ: это былъ вполнѣ естественный и неизбѣжный подъемъ, идейный и нравственный. Случайностью было само возстаніе. И тотъ, кто знакомъ въ подробностяхъ съ тѣмъ, какъ оно подготовлялось, совершилось и чѣмъ разрѣшилось, знаетъ, сколь оно было неожиданно для самихъ «заговорщиковъ», сколь оно было необдуманно и поспѣшно съорганизовано и, главное, какъ въ немъ раскаивались поголовно всѣ его участники. Не отъ образа своихъ мыслей и чувствъ отрекались эти люди на другой день проигранной битвы, а отъ способа, какимъ они хотѣли утвердить эти мысли въ жизни. И великимъ несчастіемъ для Россіи было то, что императоръ Николай Павловичъ не пожелалъ счесть декабрьскую смуту за случайность и призналъ въ ней виновнымъ—русское просвѣщеніе.

Въ книгѣ Д. Ѳ. Кобеко есть строки, на которыхъ остались слѣды нѣкотораго раздраженія если не противъ «вольнаго» духа вообще, то противъ одного изъ старыхъ лицеистовъ, который питалъ къ этому духу особенную любовь. Обычный ровный тонъ измѣнилъ автору, когда онъ заговорилъ о Буташевичѣ-Петрашевскомъ. Д. Ѳ. Кобеко привелъ полностью очень нелестный отзывъ лицеиста Яхонтова о Петрашевскомъ, (стр. 362); онъ отмѣтилъ, что Петрашевскій былъ выпущенъ изъ лицея XIV классомъ и добавилъ при этомъ, что это «случай не бывавшій дотолѣ въ лѣтописяхъ лицея» (стр. 423). Приводя эти выписки и дѣлая эти замѣчанія, историкъ исполнялъ свой долгъ лѣтописца; но врядъ ли онъ сохранилъ лѣтописное безпристрастіе, когда, желая дать «образецъ литературнаго таланта» Петрашевскаго, онъ вдругъ зачѣмъ-то выписалъ изъ стараго

номера «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1840-го года нѣсколько строкъ. Въ этихъ строкахъ Петрашевскій, только что окончившій лицей, воспѣлъ отпразднованный тогда юбилей директора лицея, генерала Гольтгоера—въ выраженіяхъ, какими вѣроятно, воспитанники были пріучены разговаривать съ этимъ генераломъ (стр. 423), «перенесшимъ въ лицей обычаи Дворянскаго полка» и питавшимъ нѣкоторое пристрастіе къ тѣлеснымъ наказаніямъ (стр. 341—2). Что историкъ, говоря о Петрашевскомъ, долженъ былъ вспомнить объ его «литературномъ талантѣ», это—понятно, но по какой-то странной случайности онъ, вмѣсто того, чтобы взять съ полки словарь Кирилова 1848-го года, взялъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1840 г.

Впрочемъ Д. Ѳ. Кобеко самъ сейчасъ же замѣтилъ этотъ единственный и мелкій недосмотръ въ своей книгѣ. Онъ закончилъ ее такими словами:

«Царскосельскій лицей далъ всѣмъ своимъ питомцамъ глубокое убѣжденіе, что они воспитаны были «для общей пользы». Даже тѣ изъ нихъ, которые какъ Кюхельбекеръ, Пущинъ и Петрашевскій, долгими годами заточенья и ссылки заплатили за свои увлеченія, могутъ быть обвиняемы лишь въ идеальномъ стремленіи къ неосуществимой цѣли. Они только болѣе горячо, чѣмъ ихъ товарищи, преслѣдовали тѣ либеральныя идеи, въ которыхъ обвиняли всѣхъ вообще царскосельскихъ лицеистовъ. Созданный во время прекраснаго начала Александровыхъ дней, лицей всегда остался вѣренъ гуманнымъ идеямъ, характеризовавшимъ первое десятилѣтіе царствованія его великаго основателя. Царскосельскіе лицеисты вѣрили, что осуществятся слова Пушкина:

> И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
> Взойдетъ же, наконецъ, прекрасная заря» (стр. 478).

Какъ не начать опять думать и задавать излишніе вопросы, прочитавъ эти строки, въ которыхъ столько справедливости, желанія добра и ума? Что, если бы наши педагоги (не подневольные и безсильные, которые положены между молотомъ начальства и наковальней учащихся—а иные) вспомнили о томъ, что люди въ извѣстномъ возрастѣ и при извѣстныхъ условіяхъ могутъ быть «обвиняемы лишь въ идеальномъ стремленіи къ неосуществимой цѣли», что вина самыхъ горячихъ головъ въ томъ и заключается, что они «болѣе горячо, чѣмъ ихъ товарищи, преслѣдуютъ либеральныя идеи», въ которыхъ можно обвинить всѣхъ вообще обы-

вателей. Сколько молодыхъ людей было бы сохранено «для общей пользы»?

Книга Дмитрія Ѳомича Кобеко—достойный памятникъ лицейской старинѣ, крупное историческое изслѣдованіе, книга большого педагогическаго смысла и, въ довершеніе всего, одинъ изъ блестящихъ примѣровъ того возвышенно гуманнаго духа, въ какомъ старый лицей умѣлъ воспитывать своихъ питомцевъ.

Несторъ Котляревскій.

ЗНАМЕНИТЫЙ СКУЛЬПТОРЪ.

Онъ знаменитъ.

У него нѣжное, красивое лицо, плотно прилегающія уши, глаза съ длинными рѣсницами, свѣтлая борода, тонкія руки, и на указательномъ пальцѣ правой руки кольцо съ брилліантомъ.

Каждый, у кого были дѣла съ портными, мебельными магазинами, магазинами шляпъ, магазинами письменныхъ принадлежностей, чернильницъ, пепельницъ, знаетъ, какъ дорого стоитъ его костюмъ, его диваны, его письменные столы, часы и подсвѣчники.

Каждый, кто въ теченіе своей жизни изваялъ маленькаго херувима, или бюстъ общественнаго дѣятеля, или бюстъ дѣвицы съ открытой шеей и медальономъ,—знаетъ, сколько стоитъ его мастерская, его мраморъ, его полки, лѣстницы, сѣрое полотно, ножи, скамеечки, ведерца, глина, цѣпочки, сантиметры, фонари—синіе и красные. И эти фонари онъ зажигаетъ вечеромъ въ мастерской.

И каждый, кто бываетъ на выставкахъ, въ салонахъ, въ «Обществѣ Эстетики» и на Кузнецкомъ мосту въ 4 часа дня—знаетъ, что его фамилія Хворостининъ, что его имя и отчество Левъ Андреевичъ, что онъ потомокъ князя И. А. Хворостинина, состоявшаго при дворѣ перваго самозванца, потомъ, при Василіи Шуйскомъ, сосланнаго въ Іосифовъ монастырь и погибшаго за вольнодумство,—что въ 1901-мъ воду онъ выставилъ «Самсона», Самсонъ понравился всей Москвѣ, Фишеръ сдѣлалъ много снимковъ, и въ «Русскомъ Курьерѣ» былъ напечатанъ портретъ Хворостинина и сказано, гдѣ онъ родился и когда началъ свое художественное образованіе.

Копія Самсона стоитъ въ углу его мастерской, и часто,

вернувшись домой,—послѣ ужина, обѣда, чествованія выдающагося дѣятеля, — Хворостининъ садится въ кресло, смотритъ на Самсона, и кажется ему, что выставка закрылась только вчера, вчера была напечатана его біографія въ «Русскомъ Курьерѣ» и вчера Фишеръ сдѣлалъ много снимковъ.

Но потомъ Хворостининъ вспоминаетъ, что это случилось давно — въ 1901-мъ году, и вспоминаетъ, что теперь онъ знаменитый скульпторъ, и у него есть неотложные заказы: бюстъ милліонера Четверикова, надгробный памятникъ дочери фабриканта Мюллера, скончавшейся 18-ти лѣтъ отъ роду, и проектъ памятника Гаазу, надъ которымъ Хворостининъ работаетъ уже давно.

И часто, въ восемь часовъ вечера, когда его голова болитъ послѣ выпитой за обѣдомъ водки, которую пилъ онъ, слушая музыку румынскаго оркестра,—Хворостининъ зажигаетъ бѣлый электрическій фонарь и чеканитъ лепестокъ на рѣшеткѣ памятника или серьгу въ ушкѣ дѣвицы Мюллеръ.

Онъ теперь всегда много работаетъ,—и потому ли, что онъ такъ занятъ, или потому, что память его притупилась, но онъ забылъ все то, что совершалось на землѣ до 1901-го года, и кажется ему, что Хворостининъ родился въ 1901-мъ году, и родился онъ съ золотистой бородкой, въ свѣтлой мастерской, на полкахъ мастерской гипсовыя головки, а въ ящикѣ стола сохраняется чековая книжка, по которой онъ можетъ всегда получить изъ Ліонскаго кредита столько, сколько ему нужно получить.

Въ прошломъ, словно опираясь на рѣшетку, которая отдѣляетъ девяностые годы отъ девятисотыхъ, стоитъ его двойникъ — прежній Хворостининъ, смотритъ на теперешняго и не видитъ его. Прежній Хворостининъ не умѣлъ дѣлать надгробныхъ памятниковъ, бюстовъ милліонеровъ и вѣточекъ на рѣшеткахъ. У него были маленькіе усики, палка, черная шляпа; онъ гулялъ взадъ и впередъ по скверу храма Христа Спасителя и думалъ о Самсонѣ.

Надъ куполомъ храма клубились облака, въ скверѣ распускались цвѣты, а по обрыву бѣжали одна за другою ступеньки и добѣгали къ Москвѣ-рѣкѣ.

На паперти звенѣлъ ключами церковный сторожъ, на аллеяхъ играли въ серео дѣти, опираясь на перила, стоялъ учитель гимназіи и улыбался своей женѣ,—и никто не зналъ,

что Хворостининъ думаетъ о Самсонѣ и, заложивъ ногу на ногу, смотритъ на облака и мечтаетъ. И никто во всемъ мірѣ не зналъ, что у него дома подъ кроватью лежитъ рыжій чемоданъ, а въ чемоданѣ «Исторія Искусствъ»; никто не зналъ, что всѣ его сорочки разорваны у локтя, кальсоны держатся на одной пуговицѣ, а носки—когда-то фіолетовые, въ полоски—теперь желтые, безъ полосокъ.

Впрочемъ, эти тайны зналъ Румянцевъ; онъ писалъ стихи и печаталъ ихъ въ «Сельско-хозяйственномъ журналѣ». Румянцевъ зналъ, что Хворостининъ думаетъ о Самсонѣ и сидитъ на скамейкѣ, подлѣ клумбъ храма Спасителя.

И, когда дѣти вмѣстѣ со своимъ серсо убѣгали, появлялись студенты, и медленно шла дама вся въ бѣломъ и садилась рядомъ на скамейкѣ,—къ Хворостинину подходилъ Румянцевъ и спрашивалъ:

— Какъ поживаетъ вашъ Самсонъ?

— Прекрасно,—отвѣчалъ Хворостининъ.—Садитесь.

Румянцевъ садился, закуривалъ папироску и, казалось, слѣдилъ, какъ мало по малу темнѣли цвѣты, и надъ цвѣтами появлялись звѣзды.

Они молчали пять минутъ, десять, полчаса, часъ и слушали какъ растетъ трава, какъ разговариваютъ звѣзды, а души людей приближаются одна къ другой и пристально вглядываются другъ въ друга.

Тихо шелестѣли листья деревьевъ, зажигались первые огни, съ рѣки прилеталъ вѣтеръ, и они уходили изъ сквера.

Они останавливались подлѣ оконъ книжнаго магазина, читали афиши театра Акваріумъ, входили въ бакалейныя лавки, покупали папиросы, а потомъ шли въ оперетку и слушали «Корневильскіе колокола». Корневильскіе колокола все звонили и звонили; Румянцевъ сидѣлъ, опустивъ голову на руки, и казалось, что за его спиной стоитъ смерть и съ улыбкой читаетъ стихи, напечатанные въ «Сельско-хозяйственномъ Журналѣ». А Хворостининъ думалъ:—«мой Самсонъ уже открылъ глаза, его волосы разбѣгаются по головѣ, какъ змѣи, и скоро вся Москва начнетъ звонить въ колокола».

И Москва зазвонила въ колокола, а Румянцевъ умеръ въ третій день Троицы.

Онъ купилъ непромокаемый плащъ, двѣ дести писчей бумаги, томъ статей Рескина объ искусствѣ, все утро игралъ съ хозяйкой въ дурачки, а, когда по зеленымъ стебелькамъ побѣжала курица, а за нею цыплята—онъ умеръ, и выстрѣлъ его испугалъ хозяйку,

а также мужа хозяйки, который лежалъ на постели и читалъ «Московскій Листокъ».

И Хворостининъ забылъ теперь, какіе были глаза у Румянцева — голубые или черные. И только иногда, когда идетъ дождь, а въ мастерской холодно и шипитъ электрическій синій фонарь,—Хворостининъ вспоминаетъ похороны Румянцева: въ сосѣднемъ домѣ дѣвица играла на роялѣ, дворникъ ругалъ татарина, дѣвочка въ воротахъ разбила бутылку молока, а по лѣстницѣ несли гробъ Румянцева, шла хозяйка и держала въ одной рукѣ томъ Рёскина, а въ другой грязный платокъ и часто прикладывала платокъ къ глазамъ.

И потому, что Хворостининъ теперь такъ знаменитъ, потому, что у него много денегъ, и эти деньги словно капли дождя просачиваются въ его мастерскую сквозь двери, окна, трубы, потому, что онъ много работаетъ и чеканитъ ордена и лепестки на изгороди, ему часто бываетъ очень скучно, ночью онъ не можетъ заснуть, а утромъ съ отвращеніемъ читаетъ «Русскій Курьеръ».

И поэтому онъ недавно купилъ піанино, а вечеромъ, чаще всего въ субботу или въ воскресеніе къ нему приходитъ Зиночка; онъ зажигаетъ красный фонарь, и Зиночка играетъ на піанино полчаса передъ чаемъ и полчаса послѣ чая. Для Зиночки онъ купилъ вальсы Грига, ноктюрны Шопена, шесть пьесъ Чайковскаго, а также ликеръ Какао-шва, мандарины, красныя яблочки, шоколадныя конфеты и ванильные сухарики.

Зиночка также, какъ и всѣ другія женщины, съ которыми онъ былъ знакомъ послѣ 1901-го года—дѣлала его кресла удобными, его комнату уютной, свѣтъ электрическихъ фонарей нѣжно разливался по мастерской, и Хворостининъ тогда зналъ, зачѣмъ онъ лѣпитъ эти памятники, зачѣмъ чеканитъ бронзовые подсвѣчники и зачѣмъ отдаетъ въ Ліонскій кредитъ на текущій счетъ сотни и тысячи рублей.

Зиночка все понимала. Она понимала, что милліонеру Четверикову нужно поставить надгробный памятникъ, что страховое общество обязано было заказать бюстъ предсѣдателя своего управленія, что украшенія пьедестала—греческія лица и львиныя морды—сначала нужно вылѣпить, а потомъ отлить. И она такъ любила сидѣть на мягкомъ диванѣ, любила разсматривать иллюстрированные журналы, «Ежемѣсячникъ Архитектурнаго Общества» и, когда разсматривала, ей казалось, что она—архитекторъ и скоро выстроитъ въ Москвѣ древній греческій театръ.

Хворостининъ, снисходительно улыбаясь, смотрѣлъ на Зиночку также снисходительно, какъ онъ смотрѣлъ на всѣхъ женщинъ послѣ 1901 г., и казалось ему, что Зиночка маленькая бѣлка, для которой нужно сдѣлать золотое колесо, дать золотые орѣшки, и она, какъ бѣлка, рождена только для того, чтобы забавлять знаменитаго скульптора, которому часто бываетъ такъ скучно и котораго раздражаетъ «Русскій Курьеръ».

Ему такъ пріятно было купить піанино и вальсы Грига, такъ пріятно ждать вечеромъ, что Зиночка спроситъ по телефону: «можно придти, вы—одинъ?»—пріятно было открывать дверь, встрѣчать ее въ голубомъ капорѣ и, хотя она позволяла цѣловать только руку, волосы и шею, возлѣ воротника, это его смѣшило, какъ смѣшила всегда одна маленькая дѣвочка тринадцати лѣтъ: она всегда сердилась, когда Хворостининъ подавалъ ей шляпу и кофточку.

Онъ зналъ, что скоро Зиночка останется въ его мастерской до шести часовъ утра, они вмѣстѣ будутъ любоваться восходомъ солнца — его первыми лучами, проникающими въ мастерскую сквозь граненныя стекла,—и Зиночка скажетъ:—«вѣдь вы честный человѣкъ, вы понимаете, что я подарила вамъ лучшія сокровища женщины»,—а онъ отвѣтитъ:—«конечно, понимаю, моя дорогая»,—отвѣтитъ такъ, какъ отвѣчалъ уже много, много разъ, и закроетъ дверь на замокъ.

Потомъ будутъ слезы, и Зиночка пріѣдетъ въ черномъ кружевномъ платьѣ, ежедневно будетъ звонить телефонъ, а онъ не поднимется съ дивана.

Но это случится потомъ, потомъ, не скоро, когда зашумитъ августовскій дождь, когда блеснетъ молнія, а шторы мастерской вздрогнутъ и затрепещутъ, какъ парусъ.

А теперь: и сегодня, и завтра, и черезъ недѣлю — онъ знаменитый скульпторъ, его любили и любятъ многія женщины, онъ поставилъ памятникъ извѣстному поэту, къ нему каждый четвергъ изъ Торжка пріѣзжаетъ знакомый князь, и онъ выписалъ недавно изъ Лондона спортивный журналъ, а изъ Мюнхена юмористическій журналъ.

Онъ стоитъ высоко-высоко надъ моремъ людскихъ головъ, какъ Казбекъ стоитъ высоко надъ горами, и поэтому онъ долженъ незамѣчать: человѣческихъ слезъ, маленькихъ радостей людей, ихъ страстей, ихъ просьбъ и разговоровъ о долгѣ.

Онъ купилъ піанино; полированная крышка піанино блеститъ, освѣщенная голубымъ фанаремъ. Хворостининъ любитъ слушать, какъ Зиночка играетъ Arietta Грига, и смѣшно ему, что Зиночка

думаетъ, что всѣ скульпторы живутъ какъ боги и питаются амброзіей.

А завтра или послѣ-завтра онъ уѣдетъ въ Тверь, въ имѣніе депутата Палицина. Палицинъ обѣщалъ показать Хворостинину интересный рисунокъ, а также хотѣлъ поговорить объ одномъ маленькомъ заказѣ.

И Палицинъ дѣйствительно показалъ Хворостинину интересный рисунокъ: это былъ набросокъ Гольбейна изъ его серіи «Смерть», находящейся въ Базельскомъ музеѣ, случайно доставшійся Палицину. Рисунокъ былъ помѣченъ № 78 и такихъ рисунковъ въ Базелѣ сохранялось около ста. Смерть, поднявъ косу, стояла подлѣ монаха, а монахъ улыбался и пилъ вино.

Хворостинину очень понравился рисунокъ и, заложивъ ногу на ногу, онъ говорилъ, какъ говорятъ знаменитые люди, что Россія боится творить только для того, чтобы творить, и всегда ставитъ опредѣленныя вѣхи. Палицинъ соглашался съ Хворостининымъ,—вѣдь съ знаменитыми людями всегда соглашаются,—и, когда въ столовой громко пробили часы шесть ударовъ и они выпили по три рюмки шартреза и двѣ чашечки кофе, а въ окно кабинета смотрѣлъ деревенскій пейзажъ, и блестѣла поверхность пруда,—Палицинъ осторожно попросилъ Хворостинина сдѣлать мраморный медальонъ его жены, умершей прошлой осенью отъ родовъ, и сказалъ, что ему тяжело обращаться къ нему съ этой просьбой, но онъ—Палицинъ—вѣритъ, что Хворостининъ проститъ его назойливость.

Хворостининъ сказалъ:

— Какіе пустяки,—зажегъ сигару и началъ говорить о концертѣ въ пользу престарѣлыхъ артистовъ Большого театра.

Потомъ, когда зажгли лампы, и Палицинъ вышелъ изъ кабинета поговорить съ прикащикомъ,—Хворостининъ взялъ первое попавшееся открытое письмо съ дамой въ оранжевомъ платьѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, (дама эта держитъ на ладони крошечнаго мужчину во фракѣ съ моноклемъ),—и написалъ Зиночкѣ:

«Милое мое, прекрасное, чистое созданіе! Что вы дѣлаете? Вспоминаете ли вашего скульптора, который отдыхаетъ на лонѣ природы и любуется Гольбейномъ? Слышу вашъ голосокъ, вижу ваши губки и думаю о васъ. Крошечное мое созданіе! Если будете гулять завтра, зайдите въ мою мастерскую и узнайте, нѣтъ ли писемъ изъ Флоренціи. Если есть—телеграфируйте мнѣ. Пріѣду послѣ-завтра утромъ».

Это письмо онъ передаетъ Палицину, проситъ отослать се-

годня же, улыбается и говоритъ, какъ говорятъ знаменитые люди:—въ Москвѣ есть славная дѣвочка,—очень строгая и любопытная. Она собираетъ открытыя письма и ей, конечно, понравится эта дама въ оранжевомъ платьѣ.

Палицинъ думаетъ: «ахъ, эти знаменитые люди, счастливцы!» и вмѣстѣ съ гостемъ отправляется въ столовую.

А Зиночка на слѣдующій день получаетъ открытое письмо Хворостинина. На открыткѣ штемпель «Тверь»,—и она думаетъ:

«Счастливецъ! Онъ знаменитъ—и летаетъ какъ птица».

Идетъ дождь, но быстро изсякаетъ. Небо ярко-синее, изъ разорвавшихся облаковъ смотритъ солнце, дрожатъ послѣднія капли на молодыхъ листочкахъ, и громко стучатъ экипажи.

У Зиночки отецъ, завѣдывающій вещевой частью военнаго училища; мать говоритъ по-французски и каждый день молится въ Успенскомъ соборѣ, сестры по вторникамъ ѣздятъ въ Литературное Общество и всѣ знакомые называютъ ихъ—«сестры Зиночки Небольсиной», всѣ знаютъ, что другъ Зиночки—знаменитый скульпторъ Хворостининъ, и знакомые уважаютъ маленькую Зиночку.

И Зиночка показываетъ теперь сестрамъ, матери, отцу открытое письмо Хворостинина, а родные думаютъ: «у всѣхъ знаменитыхъ людей неразборчивый почеркъ»,—и, молча, умоляютъ Зиночку сохранить эту открытку.

Потомъ, въ два часа Зиночка надѣваетъ галоши, раскрываетъ зонтикъ, отправляется въ Скатертный переулокъ и вызываетъ Алексѣя Алексѣевича. Алексѣй Алексѣевичъ всегда помогаетъ въ работѣ Хворостинину.

Алексѣй Алексѣевичъ застегиваетъ воротъ рубашки и спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно, барышня?—Смотритъ на Зиночку и думаетъ: «шляется сюда утромъ и вечеромъ».

— Левъ Андреевичъ спрашиваетъ,—говоритъ Зиночка,—нѣтъ ли письма изъ Флоренціи?

Алексѣй Алексѣевичъ поворачивается спиной, идетъ въ мастерскую и сейчасъ же возвращается съ письмами и газетами въ рукѣ.

— Посмотрите,—говоритъ онъ,—а мнѣ нужно розыскать молотокъ.—И онъ уходитъ.

Зиночка садится на доски, сложенныя на дворѣ, и разсматриваетъ эти письма и газеты.

Здѣсь объявленіе страхового общества, извѣщенія о засѣданіи «Общества Словесности» и «Комитета воспомоществова-

ній студентамъ». Скаковая газета, письма изъ Харькова и Варшавы, письмо банкирскаго дома Мишиныхъ, два открытыхъ письма и письмо изъ Флоренціи, гдѣ напечатано: «Firenze, Cavur, Pension Palley a la Bovettaz».

Зиночка радостно улыбается и думаетъ:

— Какъ я счастлива! Есть письмо изъ Флоренціи.

Потомъ снимаетъ перчатки и читаетъ открытыя письма.

На одномъ написано:

«По вашему заказу имѣю честь извѣстить васъ, что доски 15×17 будутъ доставлены вамъ въ среду. Съ почтеніемъ Иванъ Забѣлинъ».

А на другомъ:

«Левъ Андреевичъ,—у васъ плохая память, и вы все забыли. Но я не забыла. Я ежедневно, вечеромъ, гуляю подлѣ вашего дома и думаю, что тотъ, у кого такая плохая память, не можетъ называться знаменитымъ скульпторомъ.

Марія П.»

Зиночка читаетъ эту открытку одинъ разъ, два, три,—и не понимаетъ.

Но потомъ у нея мелькаетъ мысль, что это открытое письмо написала обиженная заказчица, и Зиночка шепчетъ:—ахъ, какая капризная!—и возвращаетъ всѣ письма и газеты Алексѣю Алексѣевичу.

— Прощайте—говоритъ Зиночка, и поднимается съ досокъ.

— Прощайте, барышня,—отвѣчаетъ Алексѣй Алексѣевичъ и думаетъ:—«погоди, скоро перестанешь улыбаться».

Зиночка раскрываетъ зонтикъ и отправляется на почту.

Она беретъ синій бланкъ и пишетъ:

«Письмо есть. Пріѣзжайте. Жду».

Потомъ передаетъ бланкъ телеграфисту и думаетъ:

— Бѣдный телеграфистъ, онъ не знаетъ, что эту телеграмму черезъ часъ прочтетъ знаменитый скульпторъ Хворостининъ, портретъ котораго напечатанъ въ «Русскомъ Курьерѣ».

И ей хочется купить телеграфному чиновнику букетъ фіалокъ и подарить «Исторію Искусствъ» Муттера, который она купила въ субботу вечеромъ и заплатила 4 рубля 50 коп.

Въ двѣнадцать часовъ со скорымъ поѣздомъ пріѣзжаетъ изъ Твери Хворостининъ. Его маленькій саквояжъ изъ купэ выноситъ

носильщикъ, Хворостининъ садится на лихача, носильщикъ покрываетъ его ноги зеленымъ пледомъ,—и Хворостининъ ѣдетъ домой.

По пути онъ заѣзжаетъ въ «Общество Художествъ»—узнать, не вернулся ли въ Москву меценатъ Титовъ, потомъ останавливается подлѣ магазина Алексѣева и покупаетъ вишни въ соку и абрикосы для Зиночки, пять бутылокъ бѣлаго вина, коньякъ—три звѣздочки, бѣлевскую пастилу, конфеты съ ликеромъ и крупный виноградъ прошлаго сезона въ соломенной корзинкѣ.

Дома онъ застаетъ все въ порядкѣ. Приходила баба и вымыла всѣ полы, на полкахъ ни соринки, Алексѣй Алексѣевичъ трезвъ и вызолотилъ всѣ лепестки, а на столикѣ подлѣ дивана лежатъ газеты, письма—и, среди писемъ, одно изъ Флоренціи.

Но, такъ какъ вкладывая ключъ въ скважину замка, Хворостининъ почувствовалъ внезапное глухое раздраженіе въ груди и показалось ему, что онъ не свободный творецъ, а знаменитый фабрикантъ памятниковъ,—онъ небрежно бросаетъ на столъ покупки и говоритъ Алексѣю Алексѣевичу, чтобы онъ позвалъ ту бабу, которая мыла полы: баба въ дворницкой съ дворникомъ пила чай.

Пришла баба, вытерла ноги въ передней о коверчикъ и сказала:

— Здравствуй, ваше сіятельство! Съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Но глаза Хворостинина загорѣлись гнѣвомъ, и онъ сказалъ:

— Я не ваше сіятельство, а ты баба-дура, зачѣмъ переставила съ мѣста на мѣсто бѣлыя головы?

Баба поправила платокъ, низко поклонилась и отвѣтила:

— Мыла полы и ничего не знала. А пыль вытирала и головы переставила.

Хворостининъ вынулъ изъ кармана жилета три серебряныхъ рубля и сказалъ:

— Получай деньги и отправляйся съ Богомъ къ своему мужу.

Баба вздохнула и направилась къ двери, а Хворостининъ открылъ бутылку вина, налилъ полный стаканъ, легъ на диванъ и раскрылъ письмо изъ Флоренціи.

Онъ думалъ:

«Будетъ ли биться мое сердце?»

Но сердце не билось и его смѣшила надпись: «Firenze, Cavur, Pension Palley a la Bovettaz».

И онъ прочелъ:

«Дорогой мой, свѣтлый Лева. Сегодня я написала все мужу и сказала ему, что люблю тебя, только тебя одного и люблю уже давно, цѣлыхъ два года. Я написала ему, что ты геніальный, свѣтлый, умный, образованный, что ты истинный художникъ и не умѣешь лгать и притворяться. Я сказала мужу, что мы, женщины, всегда стремимся къ такимъ людямъ, какъ ты, словно бабочки къ солнцу, потому что любовь художника такъ же прекрасна, какъ и его творчество. Я такъ горячо люблю тебя, мой золотистый Лева, что согласна даже забыть дѣтей, я оставляю ихъ у мужа,—пусть только поскорѣе онъ дастъ мнѣ разводъ. Я скучаю безъ дѣтей, я хочу ихъ видѣть, но тебя люблю больше дѣтей, больше мамы и хочу поскорѣе прижаться къ тебѣ, мой родной. Флоренція мнѣ надоѣла. Надоѣлъ Cavur, памятникъ Виктору-Эмануилу, надоѣлъ Дуомо, надоѣли Лоджи, даже надоѣлъ чудный садъ Микель-Анжело. Я хочу быть съ тобою—всегда, всегда! Пріѣду въ Москву черезъ нѣсколько дней. А ты—чѣмъ занятъ? Можетъ быть, лѣпишь второго Самсона. Цѣлую твои голубые глаза, мой великій. Твоя Джіоконда».

Хворостининъ бросилъ письмо на столикъ, и раздраженіе сжало его грудь.

«Какъ осмѣлилась она,—подумалъ Хворостининъ:—говорить о второмъ Самсонѣ?!»

— Джіоконда,—тихо сказалъ онъ:—жалкая Джіоконда московская.

Потомъ онъ замѣтилъ открытое письмо. Хворостининъ прочелъ письмо Маріи П. нѣсколько разъ, и такъ какъ Джіоконда нанесла ему оскорбленіе, письмо Маріи П. было уже близко и дорого ему. Онъ вспомнилъ, какъ Марія часто говорила, какъ говорятъ простыя женщины: «ахъ, ты мой красавецъ, сердце мое ненаглядное», и ему захотѣлось ея простыхъ ласкъ и долгихъ, долгихъ поцѣлуевъ.

Хворостининъ улыбнулся, всталъ съ дивана, подошелъ къ письменному столу и на плотной красной бумагѣ написалъ:

«Маруся, вы не должны сердиться. Я васъ не забылъ. Завтра, слышите ли, непремѣнно завтра въ пять часовъ вечера приходите ко мнѣ. Я уѣзжалъ изъ Москвы, поэтому вы не могли застать меня дома. Я купилъ красный пеньюаръ и прошу васъ завтра позировать мнѣ. Итакъ—не сердитесь».

Онъ пишетъ адресъ: Цвѣтной бульваръ, домъ Краснушкина, мастерская Васильевой, мастерицѣ Маріи Прониной, потомъ пьетъ два стакана вина, и ему весело.

Онъ чувствуетъ себя независимымъ, свободнымъ, богатымъ; ему кажется, что онъ живетъ на островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ голубымъ моремъ, и по морю плывутъ только золотыя, серебряныя ладьи; никто, никто не смѣетъ отравить его сердце ядовитой стрѣлой, и всѣ должны низко склонять предъ нимъ свои головы. Онъ знаменитъ, онъ, только онъ одинъ зажалъ крѣпко въ своихъ рукахъ сверкающее будущее, а всѣ остальные обречены влачить свою жизнь въ пыли и, какъ подданные вассалы, обязаны приносить ему въ даръ свои поцѣлуи, клятвы, надежды и мысли. Они должны страдать, надѣяться, стремиться къ несуществующей цѣли, а онъ уже пришелъ, онъ побѣдитель, въ его рукѣ развѣвается яркій флагъ и, какъ дерзкій побѣдитель, онъ можетъ сѣсть, заложить ногу на ногу и закурить папиросу. Онъ оставилъ всѣ смѣшныя мечты юности, той юности, которая хочетъ воевать съ міромъ, которая мечтаетъ сжать въ одной рукѣ мудрость Аристотеля, Сенеки, Вольтера, Гейне, Шекспира, Ибсена, а въ другой—отвагу Навуходоносора, Александра Македонскаго, Цезаря, Наполеона, и однимъ взлетомъ крыльевъ подняться выше созерцанія Саккія-Муни.

Онъ знаетъ, что золотую лѣстницу его славы выковали мануфактурные купцы, архіереи, почтенные люди города,—а на верхней ступенькѣ сидитъ образованный богачъ, и покрывало надъ нимъ держитъ красивая женщина. Онъ знаетъ, что міръ только тогда увидалъ его Самсона, когда онъ поднялъ Самсона на верхнюю ступеньку золотой лѣстницы, а женщина вплела въ волосы Самсона пунцовую розу.

Ему весело, обѣдъ черезъ полчаса и, написавъ письмо Маріи, онъ подходитъ къ телефону и проситъ соединить телефонъ съ военнымъ училищемъ.

— Зиночка дома?—спрашиваетъ Хворостининъ.

— Дома,—отвѣчаютъ ему, и черезъ секунду къ телефону подбѣгаетъ Зиночка.

— Это вы, Левъ Андреевичъ?—спрашиваетъ она.—Уже вернулись? Я очень рада.

— Да, я, Зиночка,—отвѣчаетъ Хворостининъ.—Скучали?

— Очень скучала,—говоритъ Зиночка, и слышно, какъ она дышитъ.

— А сейчасъ, что дѣлаете?—спрашиваетъ Хворостининъ.

— Читаю Макса Нордау.

— Интересно?

— Нѣтъ, скучно.

— Тогда закройте книгу.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я прочту еще двадцать страницъ. Вы получили письмо изъ Флоренціи?

— Получилъ.

— Интересное письмо?

— Нѣтъ, неинтересное.

Они оба молчатъ, и слышно, какъ жужжитъ проволока телефона.

— Вы не заняты сегодня вечеромъ?—спрашиваетъ Хворостининъ.

Зиночка не отвѣчаетъ, а потомъ говоритъ:

— Свободна.

— Пріѣзжайте ко мнѣ,—и Хворостининъ улыбается.

— А не помѣшаю?

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно.

— Тогда пріѣду,—говоритъ Зиночка, и опять слышно, какъ она дышитъ.

Хворостининъ вѣшаетъ трубку на крючокъ и идетъ обѣдать. Послѣ обѣда онъ надѣваетъ бѣлый фартукъ, отправляется въ мастерскую и вмѣстѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ поднимаетъ на высокій пьедесталъ тяжелый кусокъ мрамора.

Теперь онъ весь покрытъ каменной пылью, и можно подумать, что Хворостининъ трудится надъ памятникомъ Рембранту или безсмертному Ботичелли.

А Зиночка уже въ семь часовъ вечера начала волноваться. Она перебѣгала изъ комнаты въ комнату, выглядывала въ окно на дворъ, гдѣ воспитанники военнаго училища занимались гимнастикой, и ей хотѣлось, чтобы поскорѣе потемнѣло небо и показались звѣзды. Ей хотѣлось всѣмъ разсказать, что она знакома съ знаменитымъ скульпторомъ, и этотъ скульпторъ для Зиночки покупаетъ яблоки, мандарины, шоколадныя конфеты, и покупаетъ потому, что она умная и талантливая. И отецъ, и мать, и сестры казались ей теперь глупыми, необразованными, грязно одѣтыми; ей было непріятно, что они живутъ въ казенной квартирѣ военнаго училища, а отецъ—завѣдывающій вещевымъ складомъ. И поэтому она хотѣла надѣть самую красивую кофточку, самый красивый, легкій платочекъ, и надѣть такъ, чтобы Хворостининъ думалъ, что она и дома всегда носитъ на плечахъ этотъ шелковый платочекъ. Ей казалось теперь, что домъ Хворостинина—самый красивый домъ въ Москвѣ, что его костюмы исполнены образованными портными,

и Хворостининъ никогда не хочетъ ни пить, ни ѣсть, ни спать, а всегда работаетъ. Она безсознательно понимала, что Хворостининъ собирается причинить ей маленькое горе, если она позволитъ ему поцѣловать свою руку выше локтя, и она понимала, что Хворостининъ будетъ тогда иной, а не такой, какъ теперь. Но какой онъ будетъ—Зиночка не знала и не хотѣла знать. Ей было такъ пріятно сознавать, что ежедневно она двигается все впередъ и впередъ, ежедневно ее ожидаютъ все новыя и новыя событія, ея кругозоръ расширяется, и она понимаетъ теперь то, чего не понимала раньше. Она знала, что Хворостининъ открываетъ передъ нею только одну маленькую часть своей души, но все-же она была безконечно ему благодарна, и казалось ей, что Хворостининъ работаетъ только для того, чтобы угощать ее.

Но все-таки она всегда волновалась, когда переступала порогъ его дома, и Зиночкѣ казалось, что она вернется домой иной, какой-то черной, со сгорбленной спиной и больными глазами.

Но все же въ девять часовъ вечера она радостно поѣхала къ Хворостинину и, такъ какъ вечера были холодные, она надѣла фуфайку и закутала шею голубымъ шерстянымъ платкомъ. Но, подъѣзжая къ дому Хворостинина, она сняла платокъ, и спрятала платокъ въ карманъ.

Хворостининъ встрѣтилъ Зиночку на порогѣ; онъ былъ въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, зажегъ всѣ лампы въ комнатахъ и мастерской. На столѣ шипѣлъ самоваръ, а на зеленыхъ тарелкахъ лежали вишни и абрикосы.

— Зиночка, моя Зиночка! — сказалъ Хворостининъ и потянулъ къ ней руки.

Зиночка сняла перчатки и сказала:

— Здравствуйте, Левъ Андреевичъ,—очень рада, что вы вернулись.

Хворостининъ поцѣловалъ ея руку, и они отправились въ столовую.

— Садитесь къ самовару и хозяйничайте,—сказалъ онъ и широко улыбнулся.

У Зиночки радостно билось сердце, ей такъ пріятно было сидѣть вмѣстѣ съ Хворостининымъ въ большой столовой и сознавать, что Хворостининъ ждалъ ее и приготовилъ это угощеніе. Теперь она уже хозяйка этого дома, и такъ какъ домъ—мастерская художника, она могла свободно думать, свободно размахивать руками и даже пѣть цыганскія пѣсни.

Какъ хорошо! Хворостининъ смотрѣлъ теперь прямо въ ея лицо—на ея зубы, носъ, алыя губы и, казалось, мысленно цѣ-

ловалъ ея волосы. Но она не опускала своихъ глазъ; вѣдь Хворостининъ—художникъ, знаменитый скульпторъ.

— Зиночка опять у меня,—сказалъ Хворостининъ,—пьетъ чай, кушаетъ абрикосы, а потомъ сыграетъ Arietta Грига. Вѣдь сыграетъ?

— Да, сыграю,—отвѣтила Зиночка, и опустила глаза.

— Чудесно, — сказалъ Хворостининъ и захлопалъ въ ладоши.

Сразу все сдѣлалось такимъ, какимъ было пять, десять, двадцать дней тому назадъ; ушли всѣ сомнѣнія, Хворостининъ—нѣжный, чудесный человѣкъ, и Зиночка теперь попросила позволить ей разстегнуть маленькую пуговичку воротника, такъ какъ воротникъ тѣсный.

— Конечно, можно,—отвѣтилъ Хворостининъ,—вѣдь Зиночка другъ мой.

И Зиночка весело разстегнула, встряхнула головкой, начала много пить, много ѣсть и болтать безъ умолку.

Въ сосѣдней комнатѣ жужжалъ электрическій вентиляторъ, а Зиночка говорила, что очень скучала, когда Хворостининъ уѣхалъ: она гуляла по улицамъ, купила черепаховые гребешки, гравюру Штука и посѣтила выставку акварелистовъ. Всѣ дни стояла прекрасная погода, и въ воскресенье первый концертъ въ Сокольникахъ. Но она не поѣдетъ въ Сокольники, въ Сокольникахъ всегда сыро и хохочутъ пьяные приказчики. Зиночка любитъ искусство, очень любитъ музыку, но папа и мама съ головой погружены въ свои дѣла и не вѣрятъ, что она такъ любитъ искусство. Но въ тотъ же день, когда Зиночка получила открытое письмо изъ Твери, она купила масляную краску, холстъ и вчера начала писать букетикъ фіалокъ. Букетикъ легко писать, а стаканъ—трудно.

И вотъ она проситъ Хворостинина разсказать ей, какъ надо писать стаканъ.

Хворостининъ думалъ:

«Милое, чистое созданіе; это созданіе воображаетъ, что умѣетъ писать».

И онъ говорилъ:

— Написать стаканъ трудно. Я разскажу вамъ потомъ, какъ надо писать. А теперь выпьемъ вина.

Онъ наливаетъ въ стаканъ бѣлое вино и говоритъ:

— Будьте здоровы, Зиночка!

Зиночка пьетъ вино, и на ея глазахъ дрожатъ слезы.

Она теперь разсказываетъ, что всѣ люди очень злые, скучные;

она не любитъ военныхъ,—военные всегда смѣются и говорятъ глупости; ей надоѣла Москва, дома, улицы, магазины, извозчики,—она такъ любитъ поле и сосновый лѣсъ, но въ этомъ году они не переѣдутъ на дачу: папа освободится только въ іюнѣ, а мама хочетъ поѣхать къ своей сестрѣ. Она прежде совсѣмъ мало читала и была необразована, но теперь она понимаетъ, что художники, скульпторы, артисты и писатели—самые замѣчательные люди, и они такъ же могущественны, какъ короли. Недавно она прочитала замѣчательное сочиненіе Рёскина, и, конечно, согласна съ Рёскинымъ, что люди должны устраивать общедоступныя художественныя школы, какъ устраиваютъ теперь гимназіи и народныя училища.

«Прелестное созданіе,—думаетъ Хворостининъ,—она читала Рёскина».

И онъ говоритъ:

— Зиночка, выпьемъ еще стаканчикъ вина.

Зиночка пьетъ, у нея кружится голова, ей кажется, что за спиной растутъ крылышки, и, когда въ сердце Зиночки вливается чистѣйшая радость, она говоритъ:

— Идемъ въ кабинетъ, и я сыграю вамъ Arietta Грига.

Они отправляются въ кабинетъ. Хворостининъ поддерживаетъ Зиночку подъ руку, она шепчетъ:—«у меня кружится голова»,—а въ кабинетѣ горятъ электрическія свѣчи, на письменномъ столѣ—тяжелая «Исторія Искусствъ», а на полу, подлѣ дивана, шкурка дикой козы.

Зиночка опускается на табуретъ, говоритъ:—«Боже мой, какъ хорошо»—и прикасается къ клавишамъ піанино.

Зиночкѣ теперь кажется, что она заморская царица, что она Пиѳія, и передъ очами Зиночки открыта ея прекрасная судьба, что она самая счастливая женщина въ Москвѣ и такъ богата, какъ дочь милліонера.

Зиночка играетъ Arietta, потомъ Papillon, потомъ вальсъ и чувствуетъ, что рядомъ, за ея спиною стоитъ Хворостининъ, слышитъ, какъ онъ переступаетъ съ ноги на ногу; но она, Зиночка, не боится Хворостинина. Она знаетъ, что Хворостининъ ея другъ, онъ—прекрасный, честный человѣкъ. Arietta все повторяетъ и повторяетъ одинъ и тотъ же мотивъ, и Arietta разсказываетъ, какъ жила на свѣтѣ маленькая Зиночка, а теперь стала большой. Зиночка знала, что лишь только она начнетъ играть Элегію, — рука Хворостинина опустится на ея плечо, а губы поцѣлуютъ ея волосы, но она не волнуется, она играетъ и не думаетъ о томъ, что будетъ потомъ. И, когда въ Элегіи

она взяла послѣдній аккордъ, Хворостининъ сжалъ ея плечи и сказалъ:

— Зиночка, вы чудная, хорошая, посмотрите направо!

Зиночка посмотрѣла направо и встрѣтила лицо Хворостинина — его губы, а послѣдняя нота прозвучала и долго, долго дрожала.

И сегодня, какъ и пять, какъ и десять дней тому назадъ, ей показалось, что въ комнатѣ клубится голубой, душистый паръ и сейчасъ наступитъ предѣлъ радости. Одна ея рука неподвижно лежала на клавіатурѣ, а изъ столовой доносилось шипѣніе потухающаго самовара.

Хворостининъ гладилъ волосы Зиночки, гладилъ ея руки. Въ голубомъ туманѣ комнаты растворялись свѣчи, піанино, картины, нога Зиночка прижала педаль, а прекрасный другъ былъ великъ, какъ Богъ.

Потомъ Хворостининъ сѣлъ на диванъ, посадилъ Зиночку рядомъ, подлѣ себя, поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Зиночка, я люблю васъ, только одну васъ, и, если вы повѣрите мнѣ, мы будемъ очень счастливы.

Зиночкѣ казалось, что она сидитъ на бѣлыхъ, пышныхъ облакахъ и пьетъ шампанское.

Она склонилась щекой къ щекѣ Хворостинина и шептала:

— Милый мой, Левъ Андреевичъ, дорогой,—и теперь она сама цѣловала его щеки и глаза.

И уже не знала она, гдѣ сидитъ, который теперь часъ, не знала, должна ли сопротивляться или соглашаться, но знала она, что ее согрѣваетъ небесное тепло, и она счастлива.

И, когда Зиночка открыла глаза и увидала, что у Хворостинина блѣдное лицо—очень строгое, словно онъ профессоръ Академіи,—она отклонила его протянутыя къ ней руки и просто сказала:

— Завтра я буду смѣлая, я всегда смѣлая. Вы очень добрый. Всѣ люди грубые, такъ страшно жить. А вы такой нѣжный. Я все сдѣлаю, чтобы вамъ было хорошо, я приду завтра.

Хворостининъ всталъ, направился въ столовую, вернулся назадъ и принесъ стаканъ воды. Зиночка робко прикоснулась губами къ стакану и выпила нѣсколько глотковъ.

Хворостининъ гладилъ ея волосы, цѣловалъ ея руки, а, когда часы пробили двѣнадцать, онъ подалъ Зиночкѣ кофточку и надѣлъ на ея руки маленькія перчатки.

Зиночка застегивала пуговицы кофточки, улыбалась и, сквозь слезы, говорила:

— Сегодня мнѣ было очень, очень хорошо у васъ,—потомъ кивнула головой, сказала:—завтра я приду опять въ девять,—и ушла.

Хворостининъ заперъ дверь на ключъ и вернулся въ свой кабинетъ. Онъ потушилъ свѣчи, разостлалъ на клавіатурѣ піанино лиловую фланель и подумалъ:

«Эта маленькая дѣвочка всегда плачетъ. Но завтра, если она снова начнетъ плакать, я надѣну смокингъ и отправлюсь въ клубъ».

Хворостининъ прошелъ въ мастерскую, склонился надъ бронзовыми лепестками рѣшетки, взглянулъ на глыбу бѣлаго мрамора, а потомъ вернулся въ столовую и выпилъ стаканъ холоднаго чаю.

Утромъ, на слѣдующій, день, лишь только показывается солнце и щебечутъ птицы, а дворники метутъ улицу и на Никитской звонятъ колокола въ церкви, во дворъ Хворостинина въѣзжаетъ повозка, а на повозкѣ бѣлыя доски.

Хворостининъ пьетъ чай въ маленькомъ садикѣ, возлѣ дома; на столѣ молочникъ, булки, масло, медъ, свѣжія газеты. Хворостининъ въ мягкой сорочкѣ съ отложнымъ воротникомъ, перевязаннымъ розовымъ галстукомъ.

Доски принимаетъ Алексѣй Алексѣевичъ,—онъ въ черномъ пиджакѣ, у него болитъ лѣвый глазъ, и Алексѣй Алексѣевичъ не можетъ смотрѣть на солнце.

Доски складываютъ одну на другую, скрипитъ повозка, лошадь мотаетъ головой, а на крыльцѣ сосѣдняго дома появляется хозяинъ и кричитъ:

— Добраго утра, Левъ Андреевичъ, хорошо ли спали?

— Прекрасно,—отвѣчаетъ Хворостининъ, киваетъ головой и снова принимается читать газету.

Сегодня среда—и въ отдѣлѣ «Художественныя вѣсти» «Русскаго Курьера» сказано, что жюри Академіи наградило преміями бездарныхъ художниковъ Синюшина и Иванова, а также пріобрѣло картину Фомичева. Рецензентъ высказываетъ удивленіе и говоритъ, что бездарные художники всегда могутъ разсчитывать быть отмѣченными Академіей. Потомъ рецензентъ говоритъ, что открылась выставка молодыхъ художниковъ. Всѣ эти молодые художники, говоритъ рецензентъ, пока еще только ищутъ новые пути, пишутъ подъ вліяніемъ французскихъ и нѣмецкихъ художниковъ, но рецензентъ указываетъ на трехъ: Сургучева, Стрепетова и г-жу Нарышкину, которые выставили безусловно ори-

гинальныя вещи. «Мы были свидѣтелями,—говоритъ далѣе рецензентъ,—какъ многіе талантливые люди, напримѣръ Макшѣевъ и Хворостининъ, промѣняли рѣзецъ на кирку и открыли фабрику памятниковъ и всевозможныхъ нелѣпыхъ монументовъ. Отъ всего сердца желаемъ молодымъ художникамъ не идти по стопамъ Макшѣева и Хворостинина».

Хворостининъ бросилъ газету на столъ и улыбнулся.

Теперь очень часто его называли фабрикантомъ памятниковъ. Однѣ газеты говорили, что онъ фабрикантъ, а другія—что геніальный художникъ. Геніальнымъ называли тѣ газеты, которыя получали правительственную субсидію, и, хотя Хворостининъ зналъ, что эти газеты получаютъ субсидію, но старался убѣдить себя, что рецензенты газетъ—образованные и талантливые люди. А когда его ругали въ «Русскомъ Курьерѣ», «Зарѣ», «Надеждѣ Россіи», въ «Молодомъ сознаніи»,—онъ старался думать, что теперь въ Россіи свои не узнаютъ своихъ, братъ поднялся на брата, и онъ, Хворостининъ, долженъ идти намѣченнымъ путемъ, не обращая вниманія на клеветы и злословія.

Но эти рѣзкія статьи все же, какъ острыя булавки, ранили сердце Хворостинина; онъ всегда старался забыть содержаніе статьи и съ утра принимался за работу.

Онъ любилъ также обѣдать въ эти дни въ ресторанѣ, заказывалъ новый костюмъ, катался въ Всѣхсвятское и любилъ, когда къ нему приходили женщины, называли его геніальнымъ, знаменитымъ, великимъ, дарили ему свои безчисленные поцѣлуи, и Хворостининъ, склонивъ свою голову на ихъ грудь, забывалъ слова напечатанныя крупными буквами: «бездарный», «монументъ», «памятникъ», «Самсонъ», «выставка 1901-го года».

И когда онъ вспомнилъ, что сегодня въ пять часовъ къ нему придетъ Марія П., онъ почувствовалъ приливъ бодрой радости; ему, какъ и вчера, захотѣлось услыхать ея простыя слова, почувствовать ея ласки, увидать ея довѣрчивые крестьянскіе глаза. И казалось теперь ему, что, хотя она простая женщина и на ея ногахъ грубые башмаки, но она прекраснѣе Джіоконды и Зиночки. Марія полюбила его въ первый же день встрѣчи, просто отдалась ему, была покорна, какъ собака, молча приходила, молча уходила—и Хворостининъ теперь даже сожалѣлъ, что въ теченіе мѣсяца отклонялъ свиданія съ Маріей П.

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда часы пробьютъ пять ударовъ; ему казалось что простая Марія своимъ молчаніемъ скажетъ ему, что онъ создастъ еще трехъ Самсоновъ,—и онъ забудетъ статью въ «Русскомъ Курьерѣ».

И чтобы сократить время отъ утра до пяти часовъ, Хворостининъ принимается за работу, поднимаетъ всѣ шторы, открываетъ всѣ окна, надѣваетъ фартукъ и въ десять часовъ уже лѣпитъ голову лѣвицы, скончавшейся восемнадцати лѣтъ отъ роду.

Доски сложили на дворѣ, Алексѣй Алексѣевичъ заплатилъ за доставку и теперь пьетъ чай въ маленькой комнатѣ; на дворѣ играетъ шарманка, а въ окнѣ сосѣдняго дома сидитъ дочь хозяина.

Небо безоблачное, свистятъ далекіе паровозы, въ переулкахъ стучатъ колеса пролетокъ и ѣдутъ господа съ портфелями.

Потомъ небо хмурится, окно мастерской темнѣетъ, а въ палисадникѣ кошка прячется подъ кустомъ.

Потомъ накрапываетъ дождь, все усиливается, усиливается, вдругъ обрушивается на городъ, и изо всѣхъ водосточныхъ трубъ съ грохотомъ несутся бѣшеныя струи.

Когда дождь стихаетъ, и на дворѣ играютъ щенки и дѣти, а дворникъ надѣваетъ бѣлый передникъ,—Хворостининъ уже обѣдаетъ и очищаетъ редиску. Въ открытыя окна столовой вливается весенній благоухающій ароматъ, красный редисъ сверкаетъ каплями воды, у Хворостинина на шеѣ бѣлый галстухъ, и онъ уже забылъ содержаніе рецензіи.

Хворостининъ теперь думаетъ объ автомобиляхъ и не знаетъ, какой купить: маленькій—открытый, или большой—закрытый. И, кажется ему, что уже вмѣстѣ съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ онъ уѣзжаетъ со двора.

А въ пять часовъ, когда на дворѣ кричитъ разносчикъ, приходитъ Марія П., и звонокъ ея робко дребезжитъ.

Лицо Маріи поблѣднѣло, подъ глазами черныя пятна, а въ рукѣ она держитъ платочекъ.

Марія осторожно ставитъ въ уголъ зонтикъ, снимаетъ бурнусикъ, бѣлая кофточка плотно прилегаетъ къ ея высокой груди, и полную талію стягиваетъ коричневый поясъ. Изъ-подъ юбки выглядываютъ тяжелыя ботинки съ пуговицами, руки Маріи красныя, и на рукахъ серебряныя кольца.

Она улыбается и робко говоритъ:

— Здравствуйте, Левъ Андреевичъ.

Хворостининъ обнимаетъ ее, привлекаетъ къ себѣ и говоритъ:

— Здравствуй, Маруся, я очень скучалъ по тебѣ, здравствуй, милая.

Она тоже цѣлуетъ его и говоритъ:

— Боже мой, Боже мой, какъ я скучала безъ васъ, Левъ Андреевичъ,—такая тоска, право. Все хожу, все хожу подлѣ вашего дома—и думаю, когда-то увижу.

Она робко направляется въ кабинетъ, смотритъ на диванъ, гдѣ такъ часто обнимала Хворостинина; по ея лицу пробѣгаютъ тѣни, и она опускается на стулъ.

Хворостининъ закрываетъ всѣ окна, опускаетъ всѣ шторы, въ комнатѣ теперь блѣдно-желтый полумракъ, Марія молчитъ, комкаетъ въ рукѣ платочекъ, а Хворостининъ идетъ въ кабинетъ, сейчасъ же возвращается назадъ и приноситъ красный пеньюаръ съ золотымъ кружевомъ. Онъ встряхиваетъ этотъ пеньюаръ, какъ встряхиваютъ портнихи, и говоритъ:

— Вотъ, Маруся, красное платье, о которомъ я писалъ. Я хочу, чтобы въ этомъ пеньюарѣ ты позировала мнѣ.

Марія краснѣетъ, глубоко вздыхаетъ и говоритъ:

— Боже мой, Левъ Андреевичъ,—мнѣ почему-то стыдно. Отвыкла уже,—и она опускаетъ глаза.

Марія опускается на диванъ; Хворостининъ разстегиваетъ пуговички ея ботинокъ. Онъ радъ, что эти ботинки такія тяжелыя, а чулокъ Маріи вязаный, черный.

Ему нравится, что Марія сидитъ покорная, тихо вздрагиваетъ, и въ глазахъ ея таится такая огромная любовь.

Кажется, она согласна сидѣть такъ неподвижно два часа. Она благодарна ему, такъ благодарна: онъ раскрылъ передъ нею двери своего дома, позволилъ войти въ этотъ кабинетъ и позволилъ смотрѣть на себя.

Разносчики все кричатъ, свистятъ паровозы, гудятъ колокола, капаетъ вода въ умывальникѣ, а вѣтеръ врывается въ комнату изъ-подъ шторъ и наполняетъ своимъ благоуханіемъ весь кабинетъ.

Кажется—стѣны, картины, чернильницы и подсвѣчники удивляются, какъ сильно любитъ эта женщина съ глазами собаки, и хотятъ они, чтобы на головѣ этой женщины была коронка, а въ рукахъ скипетръ.

Въ тишинѣ комнаты минуты бѣгутъ за минутами, четверть часа за четвертью; уже темнѣютъ шторы, въ углахъ прячутся тѣни, а Марія шепчетъ:

— Какъ люблю я тебя, мой Левъ Андреевичъ, голубчикъ мой, солнышко. Нѣтъ мнѣ жизни безъ тебя, все потемнѣло—и тоска такая, право. Хожу, хожу, работаю, и все думаю, не спитъ ли Левъ Андреевичъ, не ѣстъ ли, а можетъ быть уѣхалъ куда. Ахъ, Боже мой!

А Хворостининъ теперь скучаетъ. Его раздражаетъ сознаніе, что онъ, знаменитый скульпторъ, прикасался къ простой женщинѣ. Теперь онъ ненавидѣлъ Марію, онъ смотрѣлъ на нее такъ же враждебно, какъ смотрѣлъ на ту бабу, которая мыла полы. У Маріи грубые башмаки, грубая сорочка, у нея красныя руки и потная ладонь.

— Надѣнь красный пеньюаръ,—говоритъ онъ, и думаетъ: «Милая Зиночка, ты чистая и непорочная, какъ ангелъ».

И Марія надѣваетъ пеньюаръ. Ея лицо поблѣднѣло, въ чудныхъ глазахъ таятся молніи. Въ Маріи глубоко оскорблена крестьянская гордость, та гордость, которая такъ любитъ тишину полей, шепотъ лѣса и церковную службу въ субботу.

Въ пеньюарѣ она похожа на купчиху, или на восковую куклу въ музеѣ, или на кормилицу въ кокошникѣ. Хворостининъ замѣчаетъ это сходство, но старается убѣдить себя, что Марія не похожа на крестьянку, и вмѣстѣ съ Маріей отправляется въ мастерскую.

Здѣсь Марія поднимается на возвышеніе, она простираетъ руку, упирается рукой о деревянныя перила, а Хворостининъ комкаетъ глину и свиститъ пѣсенку изъ «Веселой Вдовы».

Марія не шевелится, она—восковая статуя, ея глаза устремлены на Хворостинина. И кажется теперь, что она мать всѣхъ русскихъ людей, такая гордая, непорочная и любящая.

Всю свою нѣжность она отдала этому скульптору, она забыла родную деревню, собираетъ послѣдніе гроши, чтобы купить новый поясъ и серебряное колечко, ночью всегда молится и проситъ всевозможныхъ удачъ рабу Божьему Льву, а въ церкви ставитъ свѣчу во здравіе раба Божьяго Льва и его семейства. А когда шьетъ, поетъ пѣсенку про лихого рыцаря и дѣвушку, про лошадку сѣрую и темный лѣсъ. Игла вонзается въ палецъ, она высосетъ кровь, потомъ опять шьетъ и все поетъ, поетъ.

А Хворостининъ комкаетъ глину, лѣпитъ, опять комкаетъ, опять лѣпитъ; онъ ненавидитъ эту «крестьянку» съ красными руками, «глупое чучело». И когда солнце опускается за горизонтъ, а у Маріи ноетъ рука,—онъ говоритъ:

— Не могу работать сегодня. Приходи снова черезъ недѣлю.

«Черезъ недѣлю...»—думаетъ Марія и по ступенькамъ спускается внизъ съ возвышенія.

У Маріи сжимается сердце, а Хворостининъ поворачивается къ ней спиной, подходитъ къ умывальнику и моетъ руки.

Въ столовую Алексѣй Алексѣевичъ приноситъ самоваръ и опять жужжитъ электрическій вентиляторъ.

Марія видитъ мастерскую, видитъ подругъ, видитъ эту недѣлю, которая тянется безконечно, какъ тысяча лѣтъ,—и медленно изъ глазъ ея выкатываются слезы и стекаютъ по носу.

Но, такъ какъ въ мастерской полумракъ, эти слезы видитъ только одинъ Богъ, образокъ котораго на груди Маріи, подъ рубахою.

Она, молча, надѣваетъ кофточку, перчатки, платочекъ, крѣпко сжимаетъ въ рукѣ зонтикъ и говоритъ:

— Не утомились ли вы, Левъ Андреевичъ? Работали долго.

Хворостининъ отвѣчаетъ:

— Пустяки. Приходи черезъ недѣлю.

— Приду,—говоритъ Марія, и опускаетъ глаза.—Прощайте, Левъ Андреевичъ.

— Прощай.

Марія уходитъ и на дворѣ встрѣчаетъ Зиночку.

У Зиночки Небольсиной голубой капоръ и желтые башмачки. Она спѣшитъ и задыхается. Въ палисадникѣ пьетъ чай хозяинъ дома, играютъ щенки, а баба снимаетъ съ веревки бѣлье.

Выйдя за ворота, Марія вынимаетъ изъ кармана платокъ, прикладываетъ платокъ къ глазамъ и рыдаетъ. Слезы просачиваются сквозь пальцы, а подлѣ скамейки сидитъ кошка и неподвижными зелеными глазами смотритъ на рубиновую звѣзду.

Хворостининъ усталъ; его раздражаютъ женскія шляпы, кофточки, перчатки, шелковыя платки, ему теперь кажется, что всѣ лица женщинъ похожи одно на другое, а губы женщинъ созданы только для поцѣлуевъ, и женщины не умѣютъ ни читать, ни писать. Но, когда пришла Зиночка,—Хворостининъ радостно улыбнулся. Зиночка чистая, непорочная, она не похожа на эту швею Марію, ея движенія, слова и взгляды напоминаютъ движенія и взгляды 16-ти-лѣтней дѣвочки, она не умѣетъ цѣловать, обнимать. Если улыбнуться — она тоже улыбнется, если нахмуриться—на ея глазахъ выступятъ слезинки.

И, такъ какъ часъ тому назадъ къ губамъ Хворостинина прикасались губы зрѣлой женщины, и эта женщина отдала ему всю свою любовь, Хворостининъ смотрѣлъ теперь на Зиночку, какъ сытый человѣкъ смотритъ на холодную осетрину, или пьяный—на полный стаканъ краснаго вина. Ему хотѣлось быть торжественно-важнымъ, хотѣлось опуститься на колѣни передъ Зиночкой и сказать: «маленькая принцесса, я не осмѣлюсь при-

тронуться къ вамъ даже мизинцемъ»,—а потомъ неожиданно поднять ее высоко, высоко на воздухъ и зацѣловать до смерти.

Онъ зналъ, что Зиночка любитъ его перваго; поцѣлуи пугаютъ Зиночку и кружатъ ея голову, она дрожитъ и закрываетъ глаза. Но теперь Хворостинину хотѣлось причинить острую боль Зиночкѣ, Маріи, Джіокондѣ, рецензенту «Русскаго Курьера», Алексѣю Алексѣевичу, хозяину своего дома, каждому извощику и городовому. Онъ мучительно хотѣлъ забыть, что на свѣтѣ живетъ скульпторъ Хворостининъ, этотъ скульпторъ въ 1901 году выставилъ Самсона, а теперь продаетъ памятники. Онъ хотѣлъ громко смѣяться, хотѣлъ крикнуть дерзкую брань и сказать: «я никого не люблю,—не люблю женщинъ, мужчинъ, художниковъ, писателей, музыкантовъ, рецензентовъ, моя фантазія истощилась и умоляю—дайте мнѣ стаканъ вина. Но, если вы требуете, я сдѣлаю серьезное выраженіе лица и буду благоразуменъ, какъ римскій папа».

Хворостининъ торжественно встрѣтилъ Зиночку и сказалъ:

— Я очень радъ, Зиночка, что вы пришли. Позвольте поцѣловать вашу руку.

А Зиночка рѣшилась.

Она не спала всю ночь, смотрѣла на синій квадратъ окна, упрекала себя, называла трусихой, глупой дѣвченкой, у нея дрожали губы, и въ шесть часовъ утра выступилъ на лбу холодный потъ.

Она убѣждала себя, что Хворостининъ самый лучшій человѣкъ въ Москвѣ, онъ художникъ, и его сердце бѣлоснѣжное. Она вспоминала многихъ своихъ подругъ, всѣ эти подруги вышли замужъ, мужья ихъ—глупые, грубые, какіе-то чиновники, какіе-то секретари и помощники. Подруги обвѣнчались, у подругъ уже есть маленькія дѣти, но подруги часто плачутъ и съ радостью вспоминаютъ дни своей гимназической жизни. Но тотъ, кто любитъ, тотъ, конечно, всегда видитъ передъ собой только одно лицо любимаго и забываетъ, что на улицахъ стоятъ дома, а въ домахъ живутъ люди. Въ дѣтствѣ Зиночка робѣла передъ отцомъ, передъ матерью, потомъ робѣла передъ учителями и директоромъ, а теперь ее пугаетъ Хворостининъ. Но она должна быть смѣлой, вѣдь Хворостининъ ея другъ—онъ знаменитый скульпторъ и такъ нѣжно цѣлуетъ ея волосы.

Она слыхала, какъ въ столовую принесли самоваръ—и не могла заснуть. А потомъ встала, одѣлась, умылась и, когда умывалась, всѣ ея сомнѣнія разсѣялись. Она сразу выросла и поумнѣла; она прислушивалась къ ударамъ своего сердца и ду-

мала:—мнѣ двадцать лѣтъ, я—совершеннолѣтняя. И теперь Зиночка уже не боялась ни отца, ни матери, ни сестеръ, ни Хворостинина и думала: если суждена мнѣ такая судьба,—пусть будетъ, что будетъ. И день этотъ тянулся безконечно, день былъ торжественный, какъ день Пасхи, и казалось ей, что она готовится къ причастію, сердце ея замерло, а руки были холодныя. Она говорила, смѣялась, ея глаза горѣли, а другая—вторая Зиночка — наблюдала за первой и думала, что случится въ девять часовъ? Какъ боевой конь, она напрягла всѣ свои силы, насторожилась, вздрагиваетъ, сейчасъ бросится впередъ и не хочетъ знать, что случится потомъ. Зиночка надѣла темное платье, она теперь строгая, молчитъ, а если говоритъ, говоритъ о пустякахъ, и никто конечно не знаетъ, какъ дрожитъ ея маленькое сердечко.

И новая—гордая, беззаботная, она входитъ въ домъ Хворостинина и, какъ всегда, направляется въ столовую и принимается хозяйничать.

— Моя милая столовая,—говоритъ Зиночка и наливаетъ чай.

Зиночка и Хворостининъ смотрятъ другъ на друга, какъ старые, добрые знакомые. И кажется теперь, что Хворостининъ никогда не прикасался къ волосамъ Зиночки, и она не шептала: «милый мой, славный, хорошій».

Они говорятъ о послѣднемъ засѣданіи «Литературнаго Общества», о докладѣ—«Новая Литература»; Зиночка вспоминаетъ учителя гимназіи,—этотъ учитель писалъ хорошіе стихи, а Хворостинъ говоритъ, что въ ранней юности написалъ единственное стихотвореніе, которое называлось «Океанъ».

— Вы—поэтъ!—восклицаетъ Зиночка и показываетъ свои бѣлые зубки.

— Да—поэтъ,—отвѣчаетъ Хворостининъ,—и скоро у меня выростутъ большіе волосы.

Потомъ въ столовую приходитъ Алексѣй Алексѣевичъ.

Онъ кланяется Зиночкѣ и спрашиваетъ, въ которомъ часу завтра уѣзжаетъ Хворостининъ.

— Въ девять двадцать,—говоритъ Хворостининъ.

— Вы завтра уѣзжаете?—спрашиваетъ Зиночка, и сердце ея трепещетъ, какъ бабочка.

— Да, уѣзжаю,—отвѣчаетъ Хворостининъ, и пьетъ чай.—Но вернусь черезъ два дня. Меня вызываетъ къ себѣ одинъ заказчикъ.

Зиночка чувствуетъ, что начинаютъ дрожать ея руки, губы

и вѣки глазъ; она ненавидитъ свои ноги—онѣ холодныя, холодныя. И хочется ей быть такой беззаботной, какъ дамы на открытыхъ письмахъ: онѣ курятъ папиросы, забрасываютъ ногу на ногу, хохочутъ, и у этихъ дамъ шляпы съ огромными, острыми перьями.

Зиночка улыбается и говоритъ:

— Завтра вы уѣзжаете, и поэтому я буду играть сегодня весь вечеръ. Я сыграю Чайковскаго, Шопена, Грига, даже сонату Бетховена. Я сказала—сонату,—думаетъ Зиночка, и щеки ея краснѣютъ.

— О, я бываю всегда очень счастливъ, когда вы играете, Зиночка,—отвѣчаетъ Хворостининъ.—Когда вы играете, мнѣ кажется, что я слушаю мою сестру. Она большая музыкантша.

Хворостининъ говоритъ теперь торжественно, словно разговариваетъ съ вице-президентомъ Академіи.

— У васъ есть сестра?—спрашиваетъ Зиночка, и ей почему-то страшно, что сегодня Хворостининъ разсказываетъ о сестрѣ.

— Да, есть сестра—и очень красивая.

Хворостининъ говоритъ, что у сестры черные глаза и русые волосы. У сестры было три жениха, но она всѣмъ отказала. Потомъ уѣхала въ Парижъ, вернулась обратно и открыла въ Харьковѣ музыкальное училище. Сестра всегда въ черномъ платьѣ, на ея груди ожерелье изъ черныхъ камней, она похожа на королеву. И когда въ Харьковъ пріѣхалъ піанистъ Пиньо,—онъ на эстрадѣ большой залы поцѣловалъ ея руку.

— У васъ есть мать и братья?—спрашиваетъ Зиночка, и ей снова страшно. Кажется, она—маленькая Зиночка—прикасается къ огромному сердцу человѣка и сейчасъ умретъ.

— Да, есть.

Мать Хворостинина—старая женщина. Она читаетъ французскія книжки и не спитъ всю ночь. Она часто пишетъ письма и кончаетъ свои письма всегда такъ: «ты, Лева, помни, что у тебя есть одна мать, а, когда мать умретъ, у тебя уже не будетъ матери». Братья Хворостинина—несчастные люди. Старшій братъ, гвардейскій офицеръ, упалъ съ лошади и разбился на смерть. Второй уже давно собирается поступить въ монастырь и переплетаетъ книги. Третій купилъ имѣніе, и у него безконечныя тяжбы съ крестьянами.

Зиночкѣ очень страшно. Ей кажется, что въ сосѣдней комнатѣ статуи размахиваютъ руками.

Но Хворостининъ весело говоритъ:

— А четвертый братъ—знаменитый скульпторъ и очень любитъ васъ. Идемъ въ кабинетъ. Тамъ голубой фонарь, піанино и ваши конфеты.

Они идутъ, Зиночка вытираетъ кончикъ носа маленькимъ платкомъ, въ ея глазахъ двоятся предметы, но она улыбается и напѣваетъ какую-то пѣсенку.

Въ кабинетѣ Хворостининъ беретъ со стола тяжелую книгу въ кожаномъ переплетѣ и говоритъ:

— Хорошо, что вспомнилъ. Вы спрашивали меня о художникѣ Карьерѣ. Вотъ здѣсь собраны лучшія гравюры его рисунковъ. Карьеръ любилъ словно вуалью покрывать свои портреты, изъ-подъ вуали выглядываютъ прекрасныя женскія лица, ихъ глаза вопросительно смотрятъ, на губахъ играетъ улыбка, но и глаза и улыбка—французскіе. Онъ жилъ въ серединѣ прошлаго столѣтія, онъ смѣлый предшественникъ новой школы, нашей школы, школы молодыхъ художниковъ—французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ.

Когда Хворостининъ произноситъ слово «нашей»—это слово раздражаетъ его, но онъ крѣпко сжимаетъ въ рукѣ книгу и смотритъ въ упоръ на Зиночку.

А Зиночка не рѣшается поднять глаза на Хворостинина, Ей кажется теперь, что всѣ художники—Карьеръ, Делякруа, Моро, Пювисъ-де-Шаванъ, Дегазъ, Манэ,—очень страшные, и у нихъ огненные глаза.

Чтобы не видѣть этихъ глазъ, она подходитъ къ піанино и начинаетъ играть.

Зиночка играетъ долго, полчаса, часъ, два, она играетъ всѣ пьесы, которыя когда-то разучивала съ учительницей, играетъ Шумана, трудную рапсодію Листа, повторяетъ два, три раза одни и тѣ же такты, ея пальцы скользятъ по клавишамъ, черныя клавиши сливаются съ бѣлыми, пюпитръ піанино похожъ на горбатаго верблюда. Зиночка не рѣшается повернуть назадъ голову, посмотрѣть на Хворостинина, и на ея лбу появляются капельки пота.

Но Зиночка неожиданно вдругъ обрываетъ какой-то маленькій ноктюрнъ. Хворостининъ говоритъ:—продолжайте, Зиночка,—и Зиночка теперь покорно играетъ этюды Клементи, сонатины Моцарта, танцы Брамса, похоронный маршъ Бетховена и, когда играетъ, ей кажется, что танцы Брамса—похоронный маршъ, а похоронный маршъ—танцы Брамса.

И когда маленькіе часы на письменномъ столѣ звенятъ

двѣнадцать разъ, Зиночка перестаетъ играть, смѣло поворачивается, пристально смотритъ на Хворостинина. И кажется ей, что она простенькая горничная въ бѣломъ фартучкѣ, а Хворостининъ ея господинъ.

Зиночка теперь успокоилась; она уже не дрожитъ и прислушивается къ тишинѣ комнаты. Какая большая комната! Какая тишина! Зиночка тоже большая, очень смѣлая, она даже можетъ не моргать вѣками пять минутъ, и хотя у Зиночки холодныя руки, но горячее сердце. Какая она смѣшная была вчера! Развѣ вчера здѣсь, подлѣ піанино, сидѣла она, Зиночка? Нѣтъ, нѣтъ. Зиночка теперь упругая, какъ корсетъ, и ее смѣшатъ бомбошки на браслеткѣ.

И Зиночка говоритъ:

— Я не боюсь васъ, Левъ Андреевичъ. Сейчасъ двѣнадцать часовъ, и я сяду къ вамъ на колѣни.

Хворостининъ пристально смотритъ; у него сегодня такое же лицо, какое было и вчера — строгое, строгое, онъ похожъ на президента, а Зиночку смѣшатъ усы и бородка Хворостинина.

Она встаетъ, подходитъ къ Хворостинину, садится на его колѣни, гладитъ его волосы, цѣлуетъ прямо въ губы и говоритъ:

— Вотъ и я. Не ожидали? Смотрите: я—теперь большая, большая женщина, и Зиночки прежней больше нѣтъ.

У Зиночки горятъ глаза, пылаютъ щеки; она стремится познать все, все, ее смѣшитъ этотъ скульпторъ съ бородкой, но она любитъ его и хочетъ, какъ въ зеркалѣ, отразиться въ любимомъ человѣкѣ.

Движенія Зиночки теперь легкія, граціозныя, она вся эластичная, какъ каучукъ. Тишина комнаты простираетъ къ ней свои руки.

И мама, и папа, и сестры—Любочка и Анюточка, воспитанники военнаго училища, диваны въ гостиной, стаканчики подлѣ постели, календарь съ ленточкой, лакированныя туфельки, — всѣ они уходятъ вдаль, какъ уходятъ берега, домики, рощи въ бѣгѣ парохода. И папа, и мама, и сестры теперь такіе маленькіе, такіе неопытные, такіе скромные, — Зиночка смѣло сбрасываетъ съ себя всѣ ихъ подарки, всѣ ихъ наставленія, совѣты и видитъ одно: прекрасное мужское лицо, пышные волосы и тонкій носъ. Онъ—король, онъ—Богъ! Какія крѣпкія руки, какая сильная грудь! И сколько грусти, сколько счастья, таинственно слившагося съ этой грустью. Она королева, и маленькая Зиночка умерла.

Тишина тянется безконечной пеленой, и кажется, что сейчасъ невидимая тѣнь сыграетъ на піанино аріетту Грига. Зиночка не замѣчаетъ, какъ меркнутъ электрическія свѣчи, она уже не ощущаетъ своихъ рукъ, ногъ, головы, она сама — тишина, она—та блѣдная пелена, которая покрываетъ окна, она—мышь, которая скрежещетъ въ углу, она—капля воды въ умывальникѣ, звонкая, хрустальная, она — бронзовые часы и шепчетъ:—тикъ-такъ, тикъ-такъ.

Какъ прекрасна жизнь! Таинственная, какъ эта ночь, нѣжная, какъ поцѣлуй и, смѣлая, какъ этотъ человѣкъ, лобзающій ея руки. Въ молчаніи жизни ея раздаются голоса ангеловъ и звучатъ серебряные колокольчики: тикъ-такъ, тикъ-такъ. Въ церкви звонятъ колокола, а въ умывальникѣ капаютъ капли.

— Ты слышишь, звонятъ колокола? — говоритъ Зиночка.

Онъ отвѣчаетъ:

— Да, звонятъ колокола.

Онъ отвѣчаетъ! Онъ здѣсь—близко, близко, онъ—рядомъ! Зиночка не грезитъ, Зиночка не спитъ. Зиночка крѣпко сжимаетъ свою руку, она хочетъ убѣдить себя, что не спитъ, и чувствуетъ теперь, какъ онъ цѣлуетъ ея волосы.

Зиночка довѣрчиво опускаетъ руку на грудь, закрываетъ глаза, видитъ огненныя звѣзды, ракеты, пурпурныя искры; искры взвиваются высоко, высоко, Зиночкѣ кажется, что здѣсь подлѣ дивана бѣгаетъ собачка Ласточка, что въ углу стоитъ разукрашенный цвѣтами пасхальный столъ, а на креслѣ — ея ажурное платье съ розовыми ленточками. Весна. На горизонтѣ бѣлыя горы и огромное озеро, на подоконникѣ горшки съ гіацинтами, и на лиловомъ гіацинтѣ сидитъ пчела.

Потомъ Зиночка открываетъ глаза, видитъ, что окно уже блѣдно-голубоватое и начинается разсвѣтъ.

Хворостининъ ласкаетъ ея волосы, и губы его улыбаются.

Зиночка опускается на колѣни, припадаетъ къ его ногамъ и шепчетъ:

— Утро. Восходитъ солнце. Здравствуй, мой мужъ, здравствуй, мой великій.

Она цѣлуетъ руки Хворостинина и все повторяетъ:

— Мой мужъ, мужъ, мужъ, — а окно уже сбрасываетъ блѣдно-голубую пелену, и вдругъ золотая искра зажигаетъ граненыя стекла.

Потомъ поютъ птицы, просыпаются люди, визжатъ щенки, и слышно, какъ по ступенькамъ лѣстницы спускается дворникъ.

Въ девять часовъ утра Хворостининъ уѣзжаетъ.

У него утомленное лицо, его раздражаетъ сознаніе, что въ эту ночь онъ цѣловалъ маленькую дѣвочку,—у дѣвочки такія тонкія руки, такіе грустные глаза, она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, обнимала его ноги и шептала: «мой мужъ, мой мужъ».

Конечно, маленькая дѣвочка — очень смѣшная, говоритъ всегда глупости и, словно пьяная, не понимаетъ смысла своихъ словъ. Любовь лишила ее разсудка, и дѣвочкѣ казалось, что она плыветъ въ золотой ладьѣ по глубокому морю. Она молилась—ночи, разсвѣту, первымъ искрамъ солнца; она не вѣрила, что такъ, какъ любитъ онъ, любятъ всѣ люди, даже мастеровые и сапожники. И казалось ей, что она единственная, и Богъ создалъ только ее одну.

Хворостининъ улыбается, думаетъ:—«ахъ, эти женщины, женщины!» Полулежитъ на диванѣ вагона и читаетъ газету.

Мелькаютъ телеграфные столбы, овраги, будки сторожей, коровы пристально смотрятъ, поднявъ морды, кричатъ мальчишки, на горизонтѣ дремлютъ облака, мчатся тарантасы, а Хворостинину кажется, что подъ деревьями стоитъ Зиночка, смотритъ на свою руку и говоритъ:—вотъ здѣсь подлѣ локтя онъ цѣловалъ меня. Хворостининъ вдругъ чувствуетъ ароматъ ея волосъ, вспоминаетъ ея алыя губы, но потомъ улыбается, снова принимается читать газету и мало-по-малу забываетъ ночь, разсвѣтъ, пылающія щеки Зиночки. Глаза Зиночки сливаются съ носомъ, носъ съ губами, чистота и непорочность ея испаряется какъ паръ, она уже женщина—требовательная, злая, которая утомляетъ его своими поцѣлуями. Онъ не долженъ думать о Зиночкѣ. Сегодня яркое утро. Вотъ озеро, полевые цвѣты, вотъ стальной мостъ, древняя церковь. Вагонъ укачиваетъ его, и какъ хорошо, что онъ такъ богатъ и можетъ ѣздить въ первомъ классѣ.

Газета интересная: Москва выбрала новаго голову, московскому градоначальнику представлялись члены управы, вчера градоначальникъ былъ экстренно вызванъ въ Петербургъ, — въ Америкѣ землетрясеніе, въ Парижѣ сенсаціонный процессъ, а Весенній Салонъ—неинтересный: русскіе художники дали слабыя вещи.

Хворостининъ улыбается. Въ Америкѣ—землетрясеніе. Эти просыпающіяся силы природы радуютъ его; ему кажется, что подземная лава—лава его негодованія и раздраженія. Въ Парижѣ судятъ женщину. О, всѣ онѣ, эти женщины, коварны какъ кошки!

Онъ благодаренъ, да,да, благодаренъ тѣмъ русскимъ художникамъ, которые выставили въ Салонѣ слабыя вещи. Художники пишутъ лиловые дома, розовые заборы, но мечтаютъ о медаляхъ и орденахъ. «Ничтожные люди, думаетъ Хворостининъ,— маленькіе, глупые!» И Хворостининъ разрѣзываетъ приложеніе къ газетѣ: «Вѣстникъ Модъ».

Теперь носятъ широкія шляпы, украшенныя серебромъ и золотомъ, жакеты съ шелковыми отворотами, много кружевъ и какіе-то дѣтскіе рукавчики. Женщины на страницахъ модныхъ журналовъ всегда смотрятъ удивленно, какъ смотрятъ удивленно крестьянскія дѣти на лугу; за спиною женщинъ колонны мраморныхъ дворцовъ, и онѣ стоятъ одна подлѣ другой, какъ сбившееся въ толпу стадо. О, нужно быть милліонеромъ, чтобы весною, зимою, осенью покупать новыя шляпы, кофточки, юбки. Осенью десять шляпъ и кофточекъ, зимою—десять, весною—десять, а еще экипажи, ливреи, кучера, и Люцернъ, и Біарицъ, и Каннъ. Сто тысячъ въ годъ и двадцать—на булавки.

А Джіоконда умѣетъ одѣваться. Она, какъ ребенокъ, соритъ деньгами. Раннею весною Джіоконда отдыхала въ Нерви, а теперь во Флоренціи.

«Неужели она такъ горячо любитъ меня, что согласна даже бросить своего мужа?»—думаетъ Хворостининъ.

И онъ видитъ лицо Джіоконды. Да, да, она похожа на Джіоконду Леонардо. У нея такіе же глаза, такія же руки, а лицо прозрачное, матовое. Но она всегда громко хохочетъ, а Джіоконда Леонардо—грустная.

«Когда, наконецъ, пріѣдетъ Джіоконда?»—думаетъ Хворостининъ. Онъ будетъ такъ счастливъ, если увидитъ ее завтра.

Джіоконда всегда струится какъ потокъ, она капризничаетъ, иногда плачетъ, словно бѣшеная вонзаетъ свои зубы въ его руки, потомъ устраиваетъ поѣздки, пикники, кавалькады, потомъ закрываетъ на замокъ дверь и, когда Хворостининъ не сомнѣвается, что Джіоконда прекрасная, обаятельная женщина, онъ слышитъ шелестъ ея шелковаго платья, ароматъ духовъ. И Зиночка, конечно, служанка Джіоконды, — скромная, тихая и глупая.

Хворостининъ успокоился. Онъ затаилъ въ своемъ сердцѣ огромную злобу, онъ—фабрикантъ памятниковъ, мраморныхъ бюстовъ и золотыхъ рѣшетокъ. Пусть такъ! Онъ купецъ, онъ любитъ мѣшки золота и горы ассигнацій. Пусть такъ! Если онъ фабрикантъ, купецъ, богачъ, онъ долженъ сжать въ своихъ объятіяхъ эту высокую женщину въ шелковомъ платьѣ, онъ

хочетъ, да, да, онъ хочетъ, чтобы она искусала его руки, называла бы демономъ, Богомъ и, бѣшеная, швыряла бы въ его лицо брилліантовое колье.

Пусть такъ!

Въ Рязани Хворостининъ отправляется на телеграфъ и посылаетъ въ Національную Гостиницу телеграмму:

«Джіоконда, я вернусь въ Москву завтра въ четыре. Если вы уже въ Москвѣ,—пріѣзжайте непремѣнно ко мнѣ».

Въ груди Хворостинина скопились бѣшеныя силы, онъ сильнѣе Самсона, онъ долженъ вступить въ бой съ заказчикомъ, къ которому ѣдетъ, онъ, какъ вампиръ, высосетъ всю его кровь, и карманы Хворостинина разбухнутъ, словно воздушные шары. Да, да.

Въ Тамбовѣ Хворостининъ садится на пролетку извощика; лошадь хромаетъ, армякъ извощика весь въ пятнахъ, а кнутъ взвивается надъ головой Хворостинина. Вездѣ ухабы, за заборами распускаются вишенки, идутъ барышни въ старыхъ башмакахъ, а кавалеры ихъ, въ формѣ охотниковъ пожарной команды, говорятъ комплименты.

Извощикъ сворачиваетъ налѣво, къ Торговымъ рядамъ, потомъ направо, пересѣкаетъ площадь и останавливается подлѣ богатаго дома.

Въ передней Хворостинина встрѣчаетъ купецъ мѣховыхъ товаровъ, Левашовъ. У купца сѣдая борода, широкое обручальное кольцо, а красную шею сжимаетъ низкій воротничекъ.

— Милости прошу, ваша милость,—говоритъ Левашовъ и низко кланяется.

Хворостининъ весело протягиваетъ руку Левашову; онъ беззаботно улыбается, какъ улыбаются знаменитые столичные люди, онъ бросаетъ на столъ сѣрую шляпу и вынимаетъ изъ кармана платокъ.

Хворостинину кажется, что у Левашова вездѣ, во всѣхъ углахъ, во всѣхъ вазкахъ и шкатулкахъ скрываются золотыя монетки, золото въ подушкахъ, въ перинахъ и, если крѣпко нажать животъ Левашова, то червонцы со звономъ посыплются изъ его рта.

Хворостининъ отправляется въ кабинетъ Левашова, опускается въ кресло, куритъ папиросу. Изъ маленькой дверцы въ кабинетъ входитъ дѣвка, несетъ подносъ съ чаемъ, вареньемъ, сухарями, и спотыкается на порогѣ.

Кричатъ канарейки, въ щелку смотритъ дѣтскій глазокъ, на стѣнѣ портретъ императора и, хотя Левашовъ—мѣховой

купецъ, но въ комнатѣ нѣтъ шкурокъ и чучелъ звѣрей, а только вязаныя скатерти и календари.

— Весьма осчастливили меня вашимъ пріѣздомъ,—говоритъ Левашовъ и тяжело вздыхаетъ.

Хворостининъ смотритъ въ упоръ на Левашова и, какъ опытный дѣлецъ, принимается говорить о мраморѣ, работѣ, времени, упаковкѣ, перевозкѣ.

Теперь мраморъ очень дорогъ. Мраморъ Хворостинина—лучшій средиземный мраморъ, а сейчасъ у отправителей, какъ извѣстно, недоразумѣнія съ комиссіонерами, и мраморъ часто запаздываетъ. Хворостининъ очень занятъ: памятникъ Гаазу, монументъ дѣвицы Мюллеръ, нѣсколько рѣшетокъ, а черезъ недѣли двѣ-три онъ долженъ отправиться на выставку въ Венецію — и работы по горло. Хворостининъ занятъ весь день, онъ работаетъ даже ночью и не принялъ нѣкоторые выгодные заказы. Но господина Левашова онъ весьма почитаетъ, уважаетъ, онъ слыхалъ о господинѣ Левашовѣ самые лестные отзывы, знаетъ, что его мѣховая фирма получила нѣсколько медалей въ Парижѣ, и онъ, Хворостининъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить памятникъ женѣ Левашова — благотворительницѣ и сестрѣ извѣстнаго московскаго купца Цвѣточкина.

— Такъ, такъ,—говоритъ Левашовъ и барабанитъ пальцами по столу.—Весьма будемъ благодарны.

Хворостинину кажется, что Левашовъ не спитъ напролетъ всѣ ночи, мечтаетъ о памятникѣ, но, когда памятникъ будетъ воздвигнутъ надъ могилой его жены,—забудетъ о памятникѣ и купитъ десять канареекъ.

Въ комнатѣ появляется какая-то баба, играетъ заводной ящикъ, а Хворостининъ говоритъ о памятникахъ—чугунныхъ, бронзовыхъ, мраморныхъ, о бюстахъ земскихъ дѣятелей и предсѣдателей благотворительныхъ обществъ. И конечно, Хворостининъ не сомнѣвается, что лучшій памятникъ для жены Левашова — это ширококрылый ангелъ, склонившійся надъ овальнымъ медальономъ.

— Такъ, такъ-съ,—соглашается Левашовъ.

А когда на порогѣ двери появляется жирный мопсъ съ двойнымъ подбородкомъ, Хворостининъ произноситъ слова:— шесть тысячъ пятьсотъ,—и снова закуриваетъ папиросу.

Левашовъ вздрагиваетъ, на его лбу сразу появляется потъ, краснѣютъ щеки, и онъ тяжело дышитъ. Потомъ краска растворяется, Левашовъ вытираетъ лобъ платкомъ и разстегиваетъ пуговички сюртука.

— Такъ, такъ—говоритъ онъ и барабанитъ пальцами.—Дорогіе памятники у васъ въ Москвѣ,—замѣчаетъ онъ, помолчавъ. И кричитъ:—Анютка!

Приходитъ дѣвка.

— Возьми подносъ,—говоритъ Левашовъ:—да налей покрѣпче.

Дѣвка уходитъ, а музыкальный ящикъ играетъ: «Коль славенъ».

Потомъ они отправляются на кладбище.

Въ пролеткѣ сидятъ Левашовъ въ шапкѣ съ блестящимъ козырькомъ, рядомъ Хворостининъ въ сѣрой шляпѣ, на козлахъ молодецъ въ красной рубахѣ, а подъ дугой сѣрый рысакъ. Всѣ прохожіе кланяются, а мальчишки пускаютъ къ небу зміевъ.

На кладбищѣ лѣсъ крестовъ, нѣсколько мраморныхъ колонокъ, нѣсколько блестящихъ часовенъ; распускаются деревья, на скамеечкѣ гимназистъ, а рядомъ гимназистка съ розовыми щечками. Вѣроятно, эти дѣти только-что цѣловались, и у нихъ виноватыя лица.

И въ тишинѣ кладбища, въ глуши тамбовскаго края лежитъ жена купца 1-й гильдіи Евгенія Левашова, скончавшаяся на 59-мъ году отъ роду, а на могилѣ ея растетъ трава и валяются желтые листья.

Подъ березой черный крестъ, портретъ Левашовой, фіолетовая скляночка, стальной вѣнокъ съ пурпурными розами. И неужели лежитъ она, украшенная браслетами, брошкой, старинными серьгами, въ новыхъ прюнелевыхъ башмакахъ и юбкѣ—широкой, какъ колоколъ.

А лицо Левашова застыло въ неподвижную маску, и, кажется, онъ смотритъ на могилу жены, какъ смотритъ на шкуру бѣлаго медвѣдя или шкурку горной козы, а въ груди его малахитовое сердце.

Теперь загораются верхушки всѣхъ деревьевъ, сквозь кружево деревьевъ глядитъ багровая полоска, сгущается могильный запахъ, на вѣткахъ копошатся птицы и летаютъ майскіе жуки. На аллеѣ появляется приставъ съ какой-то нѣмочкой, а подлѣ сѣрой мраморной колонны стоитъ вдова въ черномъ, и слезы струятся по ея блѣднымъ щекамъ. Потомъ Хворостининъ и Левашовъ возвращаются обратно къ пролеткѣ. Въ травѣ, подлѣ скамейки, гдѣ сидѣли гимназистъ и гимназистка, валяются окурокъ, корка апельсина и серебряная бумага, а въ воротахъ приставъ цѣлуетъ руку нѣмочки, говоритъ: «бонжуръ», и звенитъ шпорами.

Въ девять часовъ вечера Хворостининъ вмѣстѣ съ дѣвкой отправляется наверхъ въ бѣлую комнату, и дѣвка зажигаетъ лампу съ бумажнымъ розовымъ абажуромъ.

На столѣ сочиненія Михайлова-Шеллера, на стѣнѣ—Наполеонъ и Александръ I-й протягиваютъ другъ другу руки; постель покрыта краснымъ ватнымъ одѣяломъ и, возвышаются одна надъ другой пять подушекъ.

На маленькомъ столикѣ подъ образами чернила въ баночкѣ, ручка и розовая бумага.

Хворостининъ снимаетъ пиджакъ, воротничекъ и неожиданно вспоминаетъ Зиночку. Онъ вспоминаетъ, что вчера ночью эта чистая дѣвушка подарила ему свою первую любовь, слезы струились по ея щекамъ, она боролась съ любовью нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ устала и опустилась на колѣни.

«Въ девять часовъ вечера я вспомнилъ Зиночку,—думаетъ Хворостининъ,—а вѣдь сегодня ночью она шептала: мой мужъ».

Но сердце Хворостинина бьется такъ же равномѣрно, какъ маятникъ часовъ. Онъ подходитъ къ столику и въ одномъ жилетѣ пишетъ Зиночкѣ:

«Милая Зиночка, я пишу вамъ на розовой бумагѣ, такъ какъ люблю васъ. Думаю о моей маленькой крошкѣ и цѣлую ея ручку. Тамбовъ—грязный городъ. Завтра вечеромъ вернусь въ Москву, а вы приходите ко мнѣ послѣ-завтра въ часъ дня. Вижу ваши губки и не сомнѣваюсь, что ваши губки—единственныя въ Москвѣ. Чѣмъ вы заняты, о комъ думаете? Х.»

Потомъ онъ опускается въ постель закрываетъ глаза и разсуждаетъ:

— Зиночка получитъ письмо завтра вечеромъ, и завтра вѣроятно пріѣзжаетъ въ Москву Джіоконда. Послѣ-завтра мы съ Джіокондой поѣдемъ кататься въ четыре часа, а отъ часу до четырехъ на піанино будетъ играть Зиночка. Великолѣпно.

Въ комнатѣ жарко, и Хворостининъ сбрасываетъ одѣяло.

Свѣтитъ луна, и видно, какъ на черной каланчѣ гуляетъ черный пожарный.

А въ домѣ военнаго училища, въ квартирѣ завѣдывающаго вещевой частью, лежитъ на постели Зиночка, на головѣ Зиночки компрессъ—мокрое полотенце съ красными буквами «З. Н.»; ея худенькое тѣло покрыто бѣлымъ одѣяломъ и старымъ бурнусикомъ; на столикѣ подлѣ кровати «Первая любовь» Тургенева и открытое письмо Хворостинина изъ Твери.

Родные не знаютъ, какъ назвать болѣзнь Зиночки. Зиночку

навѣщали и отецъ, и мать, прибѣгали сестры и женихи сестеръ—юнкеръ Корсаковъ, техникъ Шевашидзе, они садились въ кресла, смотрѣли на Зиночку, а Зиночка жаловалась, что у нея болитъ голова и невралгія зубовъ. Потомъ пришелъ военный врачъ. Онъ сказалъ:

— Барышня простудилась,—и прописалъ аспиринъ, посовѣтовалъ лечь въ постель, накрыться потеплѣе, а если будетъ болѣть голова, положить на голову мокрый компрессъ.

И Зиночка лежитъ въ своей кроваткѣ, думаетъ, думаетъ; ей кажется, что цвѣты обоевъ кивають головками, на деревянной спинкѣ кровати сидитъ злая, маленькая обезьяна, и вездѣ живутъ люди, у которыхъ два лица, одно—дневное, а другое—ночное. Когда свѣтитъ солнце, играетъ военная музыка и стрѣляютъ пушки,—тогда люди говорятъ о Богѣ, о плащаницѣ, о крестномъ ходѣ, о комитетѣ воспомоществованія бѣднымъ студентамъ, о лекціяхъ ученыхъ профессоровъ, о яркихъ шелковыхъ платьяхъ и брилліантахъ испанской пѣвицы Отеро. А ночью всѣ люди раздѣваются, бросаютъ свои платья съ грязными оборками и разорванными подвязками, на ихъ лицахъ, освѣщенныхъ огнемъ свѣчи, рѣзко выступаютъ морщины, складки, и тамъ, гдѣ днемъ блестѣли глаза, полные надежды, теперь грустные глаза, а руки, протянутыя къ солнцу—теперь руки безсильныя, какъ плети. И нѣтъ крестнаго хода, брилліантовъ Отеро, «союза прогрессистовъ» и стиховъ молодыхъ поэтовъ. А есть мысли о Іудѣ-предателѣ, страшномъ грабежѣ въ старинномъ соборѣ, крушеніи экстреннаго поѣзда, о темницахъ, куда проникаетъ блѣдный лучъ луны. И есть еще мысли о людяхъ: они ласкаютъ, нѣжно обнимаютъ, они смотрятъ такъ довѣрчиво въ глубину глазъ, они обѣщаютъ королевство въ сказочной странѣ, съ апельсинными рощами и фонтанами, а потомъ убѣгаютъ далеко, далеко, и вмѣстѣ съ ними убѣгаютъ ихъ обѣщанія.

Зиночка думаетъ о Хворостининѣ. Она думаетъ, думаетъ о немъ безконечно. Хворостининъ уѣхалъ, бросилъ, забылъ ее, маленькую дѣвочку—такую слабую и любящую. Онъ уѣхалъ, уѣхалъ! Сегодня ночью совершалось великое дѣйствіе. Страшная тайна открыла свой покровъ. Была тихая ночь, капали капли въ умывальникѣ, а онъ цѣловалъ Зиночку—и тихо скрежетала мышь въ углу. Но развѣ прикоснуться губами къ дѣвушкѣ такъ же легко, какъ раскрыть золотой музыкальный ящикъ и нажать металлическую кнопку? Нѣтъ, нѣтъ! Человѣкъ—не музыкальный ящикъ, его душа не похожа на кнопку ящика и пѣсня его слезъ звучитъ иначе, чѣмъ пѣсня «Веселой вдовы». Зиночка живетъ

на свѣтѣ 20 лѣтъ, она не умѣетъ еще покупать, продавать, спорить и ссориться. Но она знаетъ, что ея любовь дороже богатствъ Монакскаго княжества, съ его рулеткой и театромъ, и знаетъ, что 20 лѣтъ она думала о нѣжномъ рыцарѣ и хижинѣ въ лѣсу. Ахъ, какъ болитъ голова! Она не должна плакать. Она даже не умѣетъ плакать. Но теперь, когда папа ушелъ въ училище, мама варитъ кофе, а Любочка играетъ на піанино гаммы,—она можетъ плакать, хотя бы часъ, два часа, сто часовъ. Люди выдумали часы, мѣсяцы, годы, столѣтія; они скучаютъ—и выдумываютъ. Нѣтъ годовъ, нѣтъ столѣтій; есть мгновенія, равныя столѣтіямъ, и столѣтія, равныя мгновеніямъ. Вчера въ одно мгновеніе она постигла міръ, съ его звѣздами, кометами, океаномъ и эфиромъ безконечнымъ. А сегодня часы тянутся, какъ обозы на сибирскихъ дорогахъ, и обозы эти погоняетъ Злой Духъ съ кнутомъ и свинцовой пулей. Она не должна простирать руки къ Хворостинину, она не должна звать его, не должна умолять. Онъ далеко, далеко, онъ продаетъ, подписываетъ счета и раскрываетъ записную книжку. Но развѣ сердце будетъ покорно ей, когда она скажетъ:—молчи? Боль ползетъ отъ ногъ къ сердцу, сердце сжимается, и, кажется, изъ сердца струится кровь, и кровь сжимаетъ ея горло. Но нѣтъ, Зиночка скажетъ сердцу: молчи. И Зиночка говоритъ:—молчи! Сердце умираетъ, сердце теперь словно стеклянное, и въ сердцѣ отражаются окна, кресла, книжки, цвѣты, но только отражаются, Зиночка не видитъ ихъ,—и эти вещи живутъ своею, имъ однимъ извѣстной жизнью. А потомъ стекло тускнѣетъ, Хворостининъ протягиваетъ губы, она чувствуетъ на своихъ щекахъ его дыханіе, и слезы застилаютъ ея глаза.

Ахъ, какъ болитъ голова!

Въ столовой обѣдаютъ; Любочка приноситъ Зиночкѣ бульонъ, крылышко цыпленка. Анюта играетъ на роялѣ, а Шевашидзе смѣется. Потомъ незамѣтно темнѣетъ небо, кажется, гремитъ громъ; въ комнатѣ запахъ фіалокъ, уже вечеръ, уже звѣзды,—и приближается ночь.

Какъ странно: Зиночка училась въ гимназіи, столько было дней, столько мыслей, въ субботу она ѣздила въ театры, хлопала въ ладоши, у нея были любимыя пьесы, любимые артисты. Но теперь, когда Зиночка уже сама артистка и играетъ главную роль въ пьесѣ «Жизнь», она не знаетъ своей роли. О, да, да! Она должна повѣдать Хворостинину всю свою жизнь, всѣ свои мысли, всѣ страданія. Хворостининъ—мужъ Зиночки, она прикасалась къ нему всѣмъ своимъ тѣломъ. Къ матери и отцу

Зиночка такъ не прикасалась, и душа ея теперь паритъ высоко, высоко. А Хворостининъ далеко, онъ уѣхалъ, и сотни верстъ отдѣляютъ Хворостинина отъ больной Зиночки.

О, если бы только получить одну строчку, одно открытое письмо, одну телеграмму, цвѣточекъ въ конвертѣ.

Но нѣтъ писемъ, нѣтъ цвѣтовъ и телеграммъ. А голова болитъ, болитъ, болитъ.

И когда мама зажигаетъ лампу и уходитъ, Зиночка снова читаетъ уже поблекшую открытку изъ Твери. «Милое мое, прекрасное созданіе, слышу вашъ голосъ, вижу ваши губки и думаю о васъ. Крошечное мое созданіе. Если будете гулять завтра, зайдите ко мнѣ и узнайте, нѣтъ ли письма изъ Флоренціи».

Боже мой, какъ все это было давно. Тогда Хворостининъ говорилъ Зиночкѣ «вы», онъ осторожно цѣловалъ ея волоса, онъ гладилъ ея руки, а сегодня ночью Хворостининъ, какъ Самсонъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, и вмѣстѣ съ Хворостининымъ она провалилась въ какую-то пропасть. О, какъ страшно! И теперь, въ девять часовъ, она сразу постигаетъ все значеніе случившагося факта; ея лицо вспыхиваетъ, горятъ уши, щеки, и она закрываетъ глаза.

А голова все болитъ и болитъ. Кажется, острые ножи вонзаются въ мозгъ; ее раздражаетъ смѣхъ Анюточки и Любочки, разсказы Шевашидзе и тяжелая поступь отца. Анюточка и Любочка въ слѣдующемъ году вѣроятно выйдутъ замужъ за юнкера и студента; юнкеръ и студентъ всегда весело смѣются, показываютъ фокусы, а воростининъ или молчитъ, или серьезно говоритъ, или неестественно шутитъ, или бѣшено цѣлуетъ. «Хворостининъ страшный человѣкъ»,—думаетъ Зиночка. Компрессъ сухой, и нужно опустить его въ воду.

И кажется Зиночкѣ, что она умерла, изъ ея больного тѣла вынули душу, изуродованное тѣло лежитъ на постели, и это тѣло завтра уже не будетъ размахивать руками и ногами. Зиночка—маленькая горничная, а Хворостининъ—ея господинъ. Горничная вымыла посуду, поставила самоваръ,—а господинъ уѣхалъ въ имѣніе и пошелъ стрѣлять вальдшнеповъ.

Ночью, въ комнатѣ Зиночки опускаютъ всѣ шторы; она глотаетъ аспиринъ, Зиночку покрываютъ тремя одѣялами, мама ставитъ на стулъ подлѣ постели стаканъ холоднаго чаю, цѣлуетъ ее въ лобъ, и всѣ уходятъ.

Зиночка закрываетъ глаза, ея руки крестомъ сложены на груди, а компрессъ, какъ тяжелый камень, давитъ ея лобъ.

Зиночка засыпаетъ и удивляется во снѣ, что такъ сильно

болитъ ея маленькая голова. Болитъ затылокъ, болятъ виски, а въ мозгъ проникъ штопоръ и буравитъ его. Зиночка видитъ этотъ штопоръ: штопоръ каменный, а ручка золотая. И во снѣ она вспоминаетъ, что такой же штопоръ видала въ столовой Хворостинина. Штопоръ лежалъ на столѣ, подлѣ бутылокъ вина съ желтыми этикетками и зелеными печатями. Но теперь въ столовой Хворостинина, на маленькой трапеціи изъ стороны въ сторону раскачивается малиновый попугай. Громко шипитъ самоваръ, и паръ валитъ изъ трубы, какъ дымъ изъ трубы паровоза. Попугай задыхается, онъ громко кричитъ, изъ трубы уже вылетаютъ искры, а изъ крана сочится вода. Въ туфляхъ и оранжевыхъ чулкахъ изъ кабинета входитъ Хворостининъ. Онъ подходитъ къ самовару, беретъ крышку, прячетъ ее въ карманъ и говоритъ: «Зиночка, вообразите, подвалъ, гдѣ сохраняются мои яблоки-антоновки, весь залитъ водой». Тогда Зиночка спрашиваетъ: «гдѣ же дворникъ, можетъ быть онъ утонулъ»? Но Хворостининъ отвѣчаетъ: «дворникъ уѣхалъ въ Тамбовъ, а въ подвалѣ утонула его дочка въ голубыхъ чулкахъ». Зиночка не удивляется. Она говоритъ: «если бы вы мнѣ подарили сѣтку, я вытащила бы дѣвочку и привела бы ее въ чувство». Хворостининъ отвѣчаетъ: «дѣвочка промочила чулочки, и одной ножкой она упирается о каменный полъ». Потомъ Хворостининъ говоритъ: «смотрите Зиночка, фокусъ»! Хворостининъ покрываетъ столъ клѣтчатымъ платкомъ, а подъ столомъ суетится собачка Ласточка. И вдругъ Хворостининъ неожиданно пріоткрываетъ платокъ, а на столѣ тысяча писемъ: изъ Китая, Новой Зелландіи, Стокгольма, письма эскимосовъ, индѣйцевъ, письмо Эдиссона, предводителя буровъ Ботты, письмо Мопасанна въ конвертѣ съ двумя зелеными печатями и письмо подруги Зиночки—Раевской, съ Рейнскаго водопада. Зиночка говоритъ: «Раевская поступила въ консерваторію, и на ея голову упала мѣдная труба. Вы—плохой фокусникъ». Но Хворостининъ отвѣчаетъ:—«вы заблуждаетесь, въ субботу второй концертъ Пиньо, я купилъ два билета и заплатилъ шесть рублей». И, когда Пиньо началъ играть, а Зиночка вошла въ залу въ подвѣнечномъ бѣломъ платьѣ, оказалось, что Пиньо играетъ въ семь часовъ утра. «Онъ играетъ въ семь часовъ утра—думаетъ Зиночка,—а въ девять часовъ я уже должна быть въ гимназіи. Вѣроятно меня сейчасъ разбудятъ и прикоснутся къ моему плечу. Я должна проснуться».

И Зиночка просыпается. На головѣ Зиночки тяжелый компрессъ и жужжатъ мухи. Она собирается встать съ постели, одѣться, отправиться въ гимназію, но сразу вспоминаетъ, что вчера цѣловала руку Хворостинина и ночью капала вода въ умывальникѣ.

Сегодня Зиночка уже не плачетъ. Голова тихо ноетъ, а руки и ноги холодныя. Она должна получить письмо, непремѣнно—письмо, такое же большое, какъ то письмо Мопассана, которое она видала во снѣ, съ зелеными печатями, или письмо Ботты, или письма эскимосовъ. Она согласна отдать за маленькое письмо десять лѣтъ своей жизни, всѣ кольца и новую весеннюю кофточку. Если она не получитъ письмо черезъ два часа—она умретъ. Если письмо опоздаетъ и придетъ вечеромъ, она возьметъ острый ножъ и ножомъ пронзитъ свою руку.

Теперь Зиночка думаетъ о почтальонахъ.

Бѣдные почтальоны, несчастные люди! Съ утра до вечера они бѣгаютъ по городу, отъ Страстной площади къ Арбату, отъ Каланчовской улицы къ Мясницкимъ воротамъ, сумки почтальоновъ переполнены газетами, письмами, и, прикасаясь къ дѣловымъ, мертвымъ письмамъ, лежатъ письма, написанныя на розовой бумагѣ, и отъ этихъ писемъ струится ароматъ духовъ. О, Зиночка теперь знаетъ, почему любовники всегда пишутъ свои письма на розовой бумагѣ и цѣлуютъ листочки писемъ. Когда сердце переполнено любовью, когда еще одна секунда,—и сердце разорвется на части, тогда бѣлая бумага—черная, тогда конверты нужно запечатать десятью печатями, чтобы поцѣлуи не улетѣли. Хворостининъ всегда писалъ свои письма на бѣлой бумагѣ и такъ часто посылалъ Зиночкѣ открытыя письма.—«Если письмо,—думаетъ Зиночка,—которое я получу сегодня, написано на розовой бумагѣ—онъ любитъ меня, и я не должна плакать».

Зиночка слушаетъ, какъ бьютъ часы и, чтобы не скучать, она считаетъ: тысяча двѣсти, тысяча двѣсти одинъ, тысяча двѣсти два, потомъ снимаетъ компрессъ, бросаетъ компрессъ на стулъ, встаетъ, одѣвается, подходитъ къ комоду, раскрываетъ всѣ свои ящики, коробочки, ищетъ пуговицы, крючки, ленточки, пріоткрываетъ дверцы шкапа, осматриваетъ платья, потомъ въ флаконъ съ цвѣтами наливаетъ свѣжую воду—и все ждетъ, ждетъ. А почтальонъ не приноситъ письмо. Она сейчасъ переставитъ стрѣлки часовъ, она выброситъ часы въ окно, но минуты медленно слѣдуютъ за минутами, а солнце равнодушно льетъ свои лучи.

И мама, и папа, и Любочка, и Анюточка очень рады, что Зиночка здорова, и Любочка принесла ей шоколадъ Гала-Петеръ.

А передъ обѣдомъ, въ четыре часа, Анюточка входитъ въ комнату, держитъ въ рукѣ розовое письмо и говоритъ:

— Письмо Хворостинина, на розовой бумагѣ.

У Зиночки мелькаютъ пурпурно-фіолетовыя искры въ гла-

захъ; она сейчасъ покачнется, упадетъ, но письмо уже лежитъ на столѣ, и Анюточка уходитъ.

Зиночка смотритъ, закрыта ли дверь, разрываетъ конвертъ и читаетъ:

«Зиночка, я пишу на розовой бумагѣ, такъ какъ люблю васъ, весь день думаю о васъ. Завтра вечеромъ вернусь въ Москву. Не сомнѣваюсь, что ваши губки единственныя въ Москвѣ».

Да, да! На небѣ есть Богъ. Справедливый, мудрый, любящій Богъ услыхалъ жалобу сердца Зиночки, онъ увидалъ ея слезы и послалъ великое счастье—письмо на розовой бумагѣ. Хворостининъ любитъ Зиночку, онъ думаетъ, мечтаетъ о ней, и губки Зиночки—единственныя въ Москвѣ.

— О, мой великій,—шепчетъ Зиночка,—господинъ мой, мужъ мой! Я припаду къ твоимъ колѣнямъ и облобызаю твои ноги.

Зиночка непремѣнно сдѣлаетъ маленькій сюрпризъ Хворостинину. Она незамѣтно проникнетъ въ его мастерскую, спрячется за Самсона,—она уже нѣсколько разъ пряталась тамъ въ укромномъ уголкѣ,—затаитъ дыханіе и покроетъ голову сѣрымъ полотномъ и яркими тряпками. А когда Хворостининъ вернется домой, она выскочитъ изъ своей засады, бросится къ нему на шею и крикнетъ:

— Мужъ мой, другъ мой, великій, солнечный!

О Зиночка уже совершенно здорова. Какой смѣшной этотъ компрессъ, мокрый, тяжелый.

Зиночка надѣваетъ коричневую юбку, шелковую кофточку, золотой поясъ, новыя англійскія ботинки съ тупыми носками и смачиваетъ платокъ духами.

Въ пять часовъ она стоитъ передъ зеркаломъ, на ея головѣ шелковая шляпа съ фруктами, лентами, цвѣтами, въ рукахъ пунцовый зонтикъ и желтая сумка.

Она отправляется въ Скатертный переулокъ и по пути покупаетъ мандарины и леденцы Эйнемъ.

Алексѣй Алексѣевичъ скрылся въ какой-то сарай, маленькая дверь открыта,—и Зиночка незамѣтно проходитъ въ мастерскую. Въ мастерской въ лучахъ солнца мигаютъ пылинки, стоятъ бюсты, диваны, въ углу Самсонъ, на стулѣ красный пеньюаръ, и сѣрая, холодная глина въ ящикѣ. Зиночка проходитъ въ кабинетъ. Вотъ здѣсь она обнимала Хворостинина, здѣсь цѣловала его руки и слушала, какъ капала вода въ умывальникѣ. На столѣ подлѣ «Исторіи Искусствъ»—письмо изъ Флоренціи, а на пюпитрѣ піанино—шесть пьесъ Чайковскаго.

Зиночка осторожно прикасается къ клавишѣ, клавиша звучитъ и—умолкаетъ.

Зиночкѣ скучно. Чтобы не скучать, Зиночка ѣстъ мандарины, сосетъ леденцы, а въ окна смотрятъ вечернія серебряныя облака, летаютъ ласточки и догоняютъ одна другую.

По переулкамъ Мерзляковскому и Большому Афанасьевскому мчатся двѣ пролетки, и два рысака перегоняютъ одинъ другого: одинъ рысакъ рыжій съ бѣлыми пятнами на лбу, а другой вороной. На первой пролеткѣ сидитъ Хворостининъ и держитъ въ рукѣ маленькій чемоданчикъ, а на второй—дама въ коричневомъ манто, черной страусовой шляпѣ, и лицо ея прикрыто легкой вуалью.

На углу Мерзляковскаго переулка и Скатертнаго пролетки сталкиваются, Хворостининъ поднимаетъ глаза, видитъ—Джіоконда и кричитъ:

— Джіоконда, это ты. Боже мой! Извощикъ, придержи свою лошадь.

Извощикъ останавливается, Хворостининъ легко соскакиваетъ съ пролетки, а Джіоконда уже протягиваетъ Хворостинину свою руку, ея лицо сіяетъ, она поднимаетъ вуаль, на глазахъ слезинки, и она говоритъ:

— Лева, голубчикъ мой, наконецъ, я вижу тебя! Какъ я рада.

Хворостининъ цѣлуетъ руку Джіоконды, извощики сдерживаютъ бѣщеныхъ лошадей, а прохожіе оборачиваются.

— Скорѣе ѣдемъ ко мнѣ, скорѣе, дорогая Джіоконда,— говоритъ Хворостининъ, легко вскакиваетъ въ пролетку, рысаки мчатся и снова перегоняютъ одинъ другого. Джіоконда киваетъ головой и посылаетъ воздушные поцѣлуи.

Подлѣ дома рысаки сразу останавливаются, Джіоконда выходитъ изъ пролетки, Хворостининъ цѣлуетъ ея руку и, тяжело опираясь на руку Хворостинина, Джіоконда вмѣстѣ съ нимъ направляется къ двери мастерской.

А Зиночка задремала. Она съѣла четыре мандарина, всѣ леденцы и теперь на колѣняхъ лежитъ корка мандариновъ, и тихо вздрагиваютъ бомбошки браслета.

Вдругъ Зиночка слышитъ стукъ лошадиныхъ копытъ, мягкій шелестъ колесъ экипажа; она бросаетъ на полъ желтыя корки, подбѣгаетъ къ окну и видитъ: къ двери мастерской направляется Хворостининъ, онъ держитъ подъ руку даму въ манто, они ожи-

вленно разговариваютъ, а Хворостининъ нѣсколько разъ цѣлуетъ руку дамы.

Зиночка смотритъ на Хворостинина. И кажется ей, что вмѣстѣ съ дамой подъ руку идетъ не Хворостининъ, а двойникъ его. Зиночкѣ кажется, что ея глаза ослѣпли, кажется, она живетъ на планетѣ Марсъ или же сошла съ ума. Къ Хворостинину подходитъ Алексѣй Алексѣевичъ; они начинаютъ оживленно говорить, а Зиночка подбѣгаетъ къ Самсону, прячется за его спиной, покрываетъ голову сѣрымъ полотномъ и всевозможными тряпками.

Зиночкѣ кажется, что надъ нею склонилась смерть, всѣ люди и звѣри на землѣ умерли, у нея огромныя руки, огромная голова, а прямо къ сердцу подползаетъ зеленый отвратительный червякъ.—Ужасъ!—шепчетъ Зиночка,—страшный ужасъ. Я сейчасъ умру. И Зиночкѣ кажется, что она дѣйствительно умираетъ. Холодъ сковываетъ ея руки, ноги, шевелятся волосы и дрожитъ нижняя челюсть. Челюсть дрожитъ все сильнѣе, сильнѣе, и Зиночка не можетъ остановить это дрожаніе челюсти. Тогда Зиночка сжимаетъ пальцами челюсть, ея глаза выкатываются изъ орбитъ, и, сквозь узкую щелку, она видитъ коверъ, кожаный диванъ и бюстъ дѣвицы Мюллеръ. Но потомъ она закрываетъ глаза, ей кажется, что она сидитъ на днѣ темнаго колодца и вездѣ кругомъ зеленыя жабы. И Зиночка теперь слышитъ, какъ Хворостининъ своимъ американскимъ ключемъ открываетъ дверь, сразу раздаются два голоса, голоса приближаются, и Хворостининъ вмѣстѣ со своей дамой входитъ въ кабинетъ. Теперь Зиночка слышитъ, какъ Хворостининъ бросаетъ на стулъ чемоданчикъ, а его дама говоритъ:

— Кабинетъ тотъ же, тотъ же старый, славный кабинетъ.

«Дама бывала въ его кабинетѣ,—думаетъ Зиночка,—что они будутъ дѣлать сейчасъ?»

И Зиночка слышитъ странный звукъ, этотъ звукъ похожъ на поцѣлуй, на лязгъ замка, на ударъ ножа о вилку.

«Они уже закусываютъ,—думаетъ Зиночка,—закусываютъ въ кабинетѣ». Но сразу понимаетъ, что закусывать въ кабинетѣ они не могутъ. «Неужели цѣлуются?»—думаетъ Зиночка,—«вѣдь Хворостининъ любитъ меня, я—его жена».

Въ кабинетѣ тихо, странные звуки не повторяются, но вдругъ на полъ съ шумомъ падаетъ книга.

— Я уронила твою книгу, Лева, прости меня, голубчикъ мой,—говоритъ дама.

— Книга, книга, забудь о книгахъ, дорогая Джіоконда.—

«Дама говоритъ «ты», «Лева»—думаетъ Зиночка, и кажется ей, что кожаный диванъ простираетъ къ ней свои лапы.—«Дама—сестра Хворостинина, конечно, сестра—музыкантша, и имя ея Джіоконда,—какое красивое имя».

Зиночка широко открываетъ глаза, она не сомнѣвается теперь, что Джіоконда сестра Хворостинина, она улыбается, и въ груди ея трепещетъ радость. Но вдругъ Зиночка слышитъ—дама говоритъ:

— Какъ крѣпко ты меня цѣлуешь, раньше ты меня такъ крѣпко не цѣловалъ.

Зиночка съеживается въ комочекъ, опускаетъ голову на грудь, а изъ глазъ ея текутъ слезы. Теперь Зиночка уже не можетъ соображать. Она не знаетъ, кто это дама: сестра ли Хворостинина, или жена генералъ-губернатора, или артистка Большого театра. Но знаетъ она, что тамъ въ кабинетѣ стоитъ прекрасная женщина, и Хворостининъ цѣлуетъ эту женщину въ губы.

И снова раздаются восклицанія, хохотъ, поцѣлуи. Хворостининъ уходитъ изъ кабинета, снова возвращается, и теперь слышно, какъ онъ откупориваетъ вино, хлопаютъ пробки, звенятъ стаканы, дама смѣется, и раздаются поцѣлуи.

— Мы будемъ пить чай?—спрашиваетъ Хворостининъ.

Дама отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ пить вино, много, много вина. Я такъ счастлива.

— «Дама счастлива,—думаетъ Зиночка, и вонзаетъ свои зубы въ палецъ. Она вонзаетъ глубоко, и, когда появляется кровь, Зиночка улыбается и вынимаетъ изъ кармана маленькій ключикъ.

Дама спрашиваетъ:

— Ты играешь на піанино? Я вижу ноты... Григъ, Чайковскій.

Хворостининъ отвѣчаетъ:

— По субботамъ здѣсь собираются мои друзья. На піанино играетъ одна дѣвочка-натурщица.

— О, мы знаемъ этихъ натурщицъ, — хохочетъ Джіоконда.—Ахъ, Лева, Лева!

— Не грози пальцемъ,—говоритъ Хворостининъ,—я чистъ передъ тобою, какъ бѣлый голубь.

Дама снова хохочетъ, потомъ подходитъ къ піанино и беретъ нѣсколько аккордовъ.

— Я разучилась играть,—говоритъ дама,—во Флоренціи у меня даже не было рояля.

— Флоренція,—шепчетъ Зиночка, и слезы застилаютъ ея глаза. Слезы льются словно ливни въ грозу, слезы капаютъ на полъ, на ея коричневую юбку, и, кажется, Зиночка сейчасъ погрузится въ волны этихъ слезъ и захлебнется.—Телеграмма,—шепчетъ Зиночка,—телеграмма, и видитъ слово—«пріѣзжай».

Хворостининъ чокается съ дамой, опять хлопаютъ пробки, и дама вдругъ восклицаетъ:

— А твоя мастерская? Мы еще не были тамъ. Скорѣй, скорѣй въ мастерскую. Я такъ люблю ее. Мы будемъ пить вино въ мастерской.

Зиночка уже умерла. Она улетѣла, испарилась, подъ тряпками скрывается смѣшной звѣрекъ, тамъ скрывается крошечный скелетъ Зиночки, а на указательномъ пальцѣ руки кровавое пятно.

Въ мастерскую входитъ дама въ коричневомъ платьѣ, на груди золотая цѣпочка, а на волосахъ золотой обручъ.

Дама останавливается по срединѣ мастерской, смотритъ на окна, занавѣски, на бюстъ дѣвицы Мюллеръ, улыбается и, кажется, такъ счастлива, словно стоитъ на небесахъ.

Вслѣдъ за нею появляется Хворостининъ. Въ его рукахъ стаканы, бутылки, и теперь онъ не похожъ на того Хворостинина, который цѣловалъ Зиночку. Зиночка знала угрюмаго Хворостинина, Хворостинина съ насмѣшливыми улыбками на губахъ. А этотъ Хворостининъ—веселый, его глаза сіяютъ, пиджакъ разстегнутъ и на жилетѣ золотая цѣпочка. Хворостининъ ставитъ бутылки на столъ, подходитъ къ дамѣ, беретъ ее подъ руку, они стоятъ такъ рядомъ и, кажется, что Хворостининъ и его дама нарисованы на портретѣ.

— Моя мастерская, моя мастерская!—говоритъ дама,—вотъ широкія окна, вотъ этажерки, вотъ бюстъ кавалерійскаго полковника, а вотъ и Самсонъ. Милый Самсонъ, онъ, какъ всегда, таинственно возвышается на своемъ пьедесталѣ и смотритъ на тебя, Лева.

— Самсонъ мнѣ надоѣлъ,—отвѣчаетъ Хворостининъ и цѣлуетъ руку дамы.

— Тебѣ надоѣлъ Самсонъ?—и глаза у дамы теперь большіе, большіе.—Повтори то, что ты сказалъ.

— Да, Самсонъ мнѣ надоѣлъ,—говоритъ Хворостининъ,—мнѣ все надоѣло. Надоѣлъ Самсонъ, надоѣла моя прежняя слава, надоѣли памятники, бюсты, рецензіи, статьи, Москва и весь міръ. Я долженъ куда-нибудь скрыться, на какой-нибудь островъ, я хочу забыть о мраморѣ и гипсѣ.

— Ты не долженъ такъ говорить!—восклицаетъ дама и закрываетъ ладонью своей маленькой руки ротъ Хворостинина.— Ты огромный, великій, единственный. Я люблю тебя, теперь ты будешь работать, ты создашь еще сто Самсоновъ.

— О, моя Джіоконда!—говоритъ Хворостининъ и обнимаетъ даму.

— Я ежедневно поджидалъ тебя, всѣ вечера я проводилъ дома и было такъ грустно, грустно. Иногда я зажигалъ красный, голубой фонари, и мнѣ казалось, что я живу въ Италіи.

— Ты искренень со мною?—спрашиваетъ дама и пристально смотритъ въ глаза Хворостинина.—Я требую, чтобы ты разсказалъ мнѣ все, все. Дорогая моя мастерская! Налей вино.

Хворостининъ наливаетъ въ стаканы вино, они опускаются на диванъ, прижимаются другъ къ другу, и рука дамы неподвижно лежитъ въ рукѣ Хворостинина.

Въ мастерской сгущаются сумерки. Послѣдніе лучи золотятъ рамы картинъ, украшеніе камина, ручку двери и, кажется, что въ углу стоитъ статуя коннаго всадника съ бѣлымъ мечемъ въ рукѣ.

Зиночка склонила голову на руку и смотритъ. Зиночка уже не человѣкъ, не дѣвушка, не дочка своей мамы и своего папы, а маленькій ежикъ, черепаха, кошка съ когтями, ядовитая змѣя, ядовитый тарантулъ, и у Зиночки длинное, длинное жало, и сейчасъ она укуситъ своимъ жаломъ этихъ двухъ страшныхъ людей. Зиночкѣ кажется, что на диванѣ сидитъ Антихристъ, а рядомъ съ Антихристомъ ужасная вѣдьма.

Страшный міръ, страшные люди! Они разбойники, убійцы, а когда сгущаются сумерки, нѣжно цѣлуютъ другъ друга.

Теперь Хворостининъ пьетъ вино, говоритъ, что съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда Джіоконды и даже двѣ недѣли тому назадъ ѣздилъ на вокзалъ. Но Джіоконда не пріѣхала; Хворостининъ отправился въ клубъ и много пилъ. Онъ теперь всегда много пьетъ. «Наши люди—говоритъ Хворостининъ,—глупые, скучные, неинтересные, а женщины не умѣютъ говорить, думать, играть на роялѣ, они всегда предлагаютъ ему свою любовь, вѣдь онъ знаменитый скульпторъ, но Хворостининъ, конечно, отказывается отъ любви смѣшныхъ женщинъ и часто, когда онѣ звонятъ въ звонокъ, онъ не открываетъ двери. Наши дѣвушки не умѣютъ одѣваться, у нихъ красныя кофточки, старыя ботинки, смѣшныя шляпы, онѣ способны въ теченіе всего вечера говорить объ отцѣ, матери, сестрахъ, выставкахъ, концертахъ, но, конечно, эти дѣвушки не понимаютъ искусства, не понимаютъ музыку.

— Я ждалъ тебя такъ долго, Джіоконда,—говоритъ Хворостининъ.—Ты должна оставить своего мужа и поселиться у меня. Вѣдь мы созданы другъ для друга. Мы смѣлые, веселые, мы такъ любимъ жизнь.

Въ мастерской теперь совсѣмъ темно. Зиночка видитъ только двѣ тѣни, которыя чокаются стаканами. Ей хочется вонзить острый ножъ въ грудь этихъ коварныхъ людей; она пристально смотритъ, и кажется ей, что сѣрыми клубами вертится полумракъ.

— Я богатъ,—говоритъ Хворостининъ,—я могу купить этотъ домъ, автомобиль, я получаю десятки тысячъ рублей и вчера въ Тамбовѣ окончилъ выгодное дѣло. Меня ругаютъ въ газетахъ, но ругаютъ, конечно, потому, что завидуютъ. О, Хворостининъ—большая сила! Хворостининъ побѣдилъ проклятую бѣдность и нищету. Пусть голодаютъ дураки и пишутъ изо дня въ день розовые заборы и лиловые дома. Этихъ дураковъ надо гнать въ три шеи. Они поднимаютъ свой носъ слишкомъ высоко, и забываютъ, что въ ихъ карманѣ большая, большая дыра. Мы будемъ очень богаты, у насъ будутъ свои лошади, вилла на югѣ, домъ на Пречистенкѣ, много цвѣтовъ и дорогихъ вещей. Мы будемъ съ тобой наслаждаться жизнью, хорошо одѣваться, слушать прекрасную музыку, и нашимъ золотомъ заткнемъ глотку крикливыхъ болтуновъ.—Ты умная,—шепчетъ Хворостининъ,—ты воспитанная, граціозная, такая женщина, какъ ты, дорогой брилліантъ, и, я вѣрю, мы вмѣстѣ съ тобою одержимъ побѣду надъ глупой Москвой.

— О, мой солнечный,—шепчетъ Джіоконда,—о, мой знаменитый!

Зиночка закрываетъ уши руками и погружается въ Нирвану. Здѣсь нѣтъ людей, звѣрей, птицъ, цвѣтовъ, горъ и пропастей. Здѣсь одинъ безконечный голубой океанъ, океанъ чистѣйшихъ слезъ,—и плыветъ золотой корабль, нѣтъ пассажировъ, нѣтъ капитана, и подвигается корабль прямо къ солнцу. Тамъ стоитъ пурпурная Смерть. Она распростерла свое мѣдное сіяніе во всѣ стороны, и стрѣлы сіянія пересѣкаютъ океанъ изъ конца въ конецъ.

Въ ушахъ у Зиночки гудятъ колокола, мелькаютъ красные чертики, и языкомъ она прикасается къ сухимъ губамъ. Она все крѣпче и крѣпче сжимаетъ уши, и, когда уже начинаетъ вдругъ задыхаться, Зиночка открываетъ глаза и видитъ: Джіоконда опускается на колѣни передъ Хворостининымъ. Хворостининъ говоритъ:

— Идемъ въ столовую, тамъ горятъ лампы и шипитъ самоваръ.

— Идемъ, мой любимый, — и Джіоконда опирается на руку Хворостинина.

Теперь въ мастерской мракъ и тишина. На своихъ пьедесталахъ возвышаются бѣлые памятники, а подлѣ дивана черныя бутылки и черные стаканы.

Зиночка стоитъ на колѣняхъ, и ея глаза широко открыты. Одну руку она прижимаетъ къ груди, а другая опустилась, безсильная. Сердце Зиночки стучитъ громко, громко, но вдругъ начинаетъ стихать; поднимается оранжевая занавѣсь, и открывается цвѣтущее поле. Здѣсь—скромные, пестрые цвѣты, много одуванчиковъ, васильковъ. Блескъ разливается волнами, онъ, какъ море, разливается безъ предѣла и, благоухающій, наполняетъ своимъ ароматомъ всю вселенную. И въ волнахъ его купаются крошечные ангелы, они ныряютъ вверхъ, внизъ и, вдругъ, одинъ за другимъ исчезаютъ.

Широко открытыми глазами Зиночка смотритъ, куда улетѣлъ послѣдній маленькій ангелъ; но вдругъ волны золотого эфира обрушиваются на нее,—Зиночка падаетъ на спину, изъ кармана ея юбки вываливается послѣдній мандаринъ и, какъ шарикъ, катится къ бюсту дѣвицы Мюллеръ.

Она лежитъ на спинѣ, ея глаза закатились, и неподвижная рука Зиночки бѣлѣетъ на полу. Изъ-подъ юбки выглядываютъ дѣтскія ножки.

Въ мастерской тихо, квадратъ окна блѣдно-голубой; медленно поднимается луна, она уже смотритъ на Зиночку. Скрежещетъ мышь, а Самсонъ высоко поднялъ голову и устремилъ свой взоръ въ даль. Сильный, божественный, онъ видитъ зарю благоухающей человѣческой любви.

Дим. Крачковскій.

* * *

Зыблется сумракъ вечерній... Теплыя росы упали.
Стелется призрачно-нѣжнымъ пухомъ лебяжьимъ туманъ...
Озера воды уснули. Берега грани пропали.
Озеро стало безбрежнымъ, какъ океанъ.

Нѣтъ ни поляны, ни лѣса: все окружилось туманомъ—
Въ немъ расплылось, потонуло... Очи не ищутъ, не ждутъ...
Только въ небесной пустынѣ звѣзды нѣмымъ караваномъ
Въ Вѣчность идутъ...

---

* * *

Лѣтнимъ зноемъ истомленный,
Я вошелъ въ тѣнистый лѣсъ:
Онъ прохладный, благовонный,
Мнѣ раскинулъ свой навѣсъ.

Легъ въ траву я. Въ сладкой лѣни,
Тихо вѣжды опустилъ;
Сонный лепетъ томной сѣни
Слухомъ дремлющимъ ловилъ...

И душою на мгновенье,
На одинъ блаженный мигъ,
Сладость вѣчнаго забвенья,
Смерти таинство постигъ.

Филаретъ Черновъ.

НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ.

(DER WETTERWART).

Романъ І. Ц. Геера.

Переводъ съ нѣмецкаго З. Журавской [1]).

(Продолженіе).

XXIV.

Въ половинѣ мая я поступилъ въ ученики къ Зоммерфельду. Воздухъ, солнце, радость—все это излѣчиваетъ больное сердце. Бигъ всей душой ликовала, радуясь, что я выбралъ такое призваніе. Пока смерть не закроетъ мнѣ усталыхъ очей, до послѣдней минуты я буду помнить тотъ восторгъ въ лицѣ, ту радостную гордость, съ какой она стояла со мною рядомъ въ корзинѣ, когда я предпринялъ первый самостоятельный полетъ на «Сатурнѣ».

Когда Зоммерфельдъ осенью удалился на покой, въ свою родную Баварію, чтобы отдыхать тамъ, занимаясь охотой и рыбною ловлей, мы изъ благодарности къ нему и особаго довѣрія, питаемаго нами къ его шару, пріобрѣли въ собственность его «Сатурнъ». Но, прежде, чѣмъ самимъ на немъ пуститься въ свѣтъ, прожили очень пріятную зиму въ Парижѣ. Насколько возможно изучить воздухоплаваніе теоретически, я изучилъ его въ городѣ, который уже столѣтіе тому назадъ видѣлъ надъ своими

[1]) См. апрѣль. стр. 206.

крышами первый воздушный шаръ и съ тѣхъ поръ сохранилъ за собой первенствующее положеніе въ аэронавтикѣ. Несчетныя надежды были связаны съ этимъ первымъ воздушнымъ кораблемъ, съ этимъ крылатымъ младенцемъ, воплотившимъ въ себѣ мечту Икара. Уже въ годы моего ученичества я убѣдился, насколько воздушный шаръ, за цѣлое столѣтіе не обучившійся повиновенію, остается и по нынѣ, несмотря на всѣ правила и формулы, причудливымъ созданіемъ, игрушкой воздуха и вѣтровъ; но, поскольку существуютъ наука и техника воздухоплаванія, я постигъ ихъ и сдалъ экзаменъ на аэронавта передъ французскими учителями.

Воздухоплаваніе вопросъ не столько знанія, сколько таланта. У меня былъ этотъ талантъ: я инстинктивно чувствовалъ, въ чемъ тайна удачныхъ полетовъ; взоръ Бигъ, полный горячаго сочувствія, согрѣвалъ и бодрилъ меня.

— Это наше дитя!—ликовала она, любуясь «Сатурномъ». Впервые я самостоятельно выступилъ на поприщѣ аэронавтики въ Марсели, совсѣмъ мнѣ незнакомой и очень мало знакомой моей женѣ. Затѣмъ, мы двинулись въ Италію, гдѣ прошла вся скитальческая юность Бигъ, дорогую ей, почти какъ родина, и рѣшили осень провести въ Тріестѣ, чтобы разыскать, если возможно, ея бывшую служанку, Гериту, и попробовать снова взять въ горничныя эту милую ей по воспоминаніямъ дѣвушку.

Не имѣя надобности жить исключительно заработкомъ, со дня на день, мы не гнались за рекламой, избѣгали всякихъ рискованныхъ приключеній и никого настойчиво не зазывали къ себѣ въ пассажиры. Поэтому вначалѣ, въ особенности, при первомъ полетѣ въ какомъ - нибудь новомъ городѣ, мнѣ нерѣдко случалось подниматься на «Сатурнѣ» безъ постороннихъ пассажировъ. Ну такъ что-жъ? Я спокойно дѣлалъ свое дѣло, наполняя газомъ шаръ въ кругу любопытныхъ зрителей, близость которыхъ всегда была для меня самымъ непріятнымъ въ моемъ ремеслѣ и дѣйствовала мнѣ на нервы, но сочувствія которыхъ я не хотѣлъ бы лишиться такъ какъ оно оплачивало часть издержекъ на полеты, весьма крупныхъ. Бигъ, которой пребываніе въ толпѣ было еще непріятнѣе, чѣмъ мнѣ, слѣдила, гдѣ это было возможно, за приготовленіями изъ окна какого-нибудь сосѣдняго домика и лишь въ послѣднюю минуту, застѣнчиво краснѣя, но въ качествѣ дамы изъ общества, входила въ кругъ зрителей. Это неизмѣнно вызывало сенсацію.—«Кто эта красивая незнакомка? Неужели и она полетитъ съ нимъ?» Она же, не обращая вниманія на изумленіе зрителей, граціознымъ движеніемъ,

какъ тогда, въ Гамбургѣ, при первомъ нашемъ полетѣ, позволяла мнѣ приподнять себя и ужъ изъ корзины, небрежно помахивая зонтикомъ, кивала головкой зрителямъ, въ то время какъ «Сатурнъ», словно нетерпѣливый конь, рвался впередъ, становясь на дыбы.

— Кто эта отважная молодая дама, которая такъ спокойно садится въ гондолу, словно въ обыкновенную лодку?—Весь городъ ломалъ себѣ надъ этимъ голову, и, наряду съ моей спокойною силой, главнымъ образомъ, красота, отважность и грація Бигъ вызывали сочувствіе и довѣріе къ нашимъ полетамъ и вербовали намъ первыхъ пассажировъ.

Самые дивные полеты были тѣ, когда мы съ Бигъ вдвоемъ купались въ лазури. Она слѣпо вѣрила въ меня, во время полетовъ была весела, какъ птичка, и не пугалась, если мы наталкивались на какое-нибудь непредвидѣнное приключеніе.

Первое такое приключеніе—нежданную грозу мы пережили во Флоренціи. Внезапно поднявшійся вѣтеръ погналъ насъ на Апеннины. То почти касаясь земли, то взвиваясь къ прорѣзаннымъ молніями облакамъ, мы неслись съ невѣроятной быстротой, гонимые свистомъ бури. О спускѣ нечего было и думать. Мы рисковали либо поломкой якоря, либо разрывомъ оболочки шара. Стемнѣло; изъ фантастическихъ призрачныхъ тучъ вышла луна—и снова исчезла, и мракъ, окутавшій насъ, сталъ еще гуще. Высунувъ голову изъ-за края корзины, я напряженно вглядывался въ темноту, пытаясь разглядѣть очертанія мѣстности; а Бигъ, возбужденная бурей и опасностью, ликовала: «Iостъ! мой буревѣстникъ!» Около полуночи я выкинулъ гайдропъ, слегка замедлившій ходъ «Сатурна». Наконецъ, намъ удалось спуститься; но напрасно трубилъ я въ рожокъ, силясь привлечь пастуховъ, чтобъ они указали намъ дорогу и кровъ. Пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ, рядомъ съ «Сатурномъ»; только на разсвѣтѣ къ намъ, крадучись, подошли пастухи и объяснили, что ночью, при лунномъ свѣтѣ, они нѣсколько разъ видѣли шаръ, но принимали его за сказочнаго быка изъ Апокалипсиса, который подниметъ на рога свои землю. Какъ искренно хохотала надъ этимъ моя жена, ни на минуту не утратившая хорошаго настроенія духа!..

Три дня во Флоренціи только и было рѣчей, что объ юной мексиканской четѣ воздухоплавателей и ихъ рискованномъ ночномъ полетѣ.

Въ отель, гдѣ мы остановились, поминутно являлись мужчины и дамы изъ мѣстнаго общества и пріѣзжіе—освѣдомиться

о нашемъ здоровьѣ и подробностяхъ нашей воздушной экскурсіи. Всѣ они были очарованы милой непосредственностью и блестящимъ умомъ моей Бигъ, и многіе, вначалѣ глядѣвшіе на насъ свысока, уходя уносили о насъ иное и болѣе лестное мнѣніе. Отнюдь не стараясь о томъ, мы получили доступъ въ лучшее общество; приглашенія сыпались градомъ; оказались у насъ и друзья, и пассажиры, и, когда мы уѣзжали изъ Флоренціи, рукопожатіямъ, пожеланіямъ встрѣтиться снова и цвѣтамъ, подносимымъ Бигъ, не было счета.

Это придавало намъ мужества. Почти играя, мы привыкали къ нашей новой работѣ и къ широкой интернаціональной общественной жизни. Никто не узналъ бы въ Лео Квифортѣ, владѣвшемъ нѣсколькими языками и всѣми формами общежитія, какъ прирожденный туристъ, Іоста Вильди изъ Зельмата, и это наше инкогнито чрезвычайно забавляло Бигъ. Какъ только мы возвращались откуда-нибудь къ себѣ домой, въ свою тихую комнатку, плутовка шаловливо кричала: «Іостъ — Іостъ — Іостъ Вильди!» и, впиваясь сіяющимъ взоромъ въ мои глаза, допытывалась:—«Іостъ, правда, тебѣ со мною лучше всего?»

Ну, разумѣется, лучше. Что мнѣ были всѣ эти красивыя женщины и дѣвушки — итальянки и чужеземки, съ которыми насъ приводила въ соприкосновеніе кочевая жизнь воздухоплавателей, и всѣ ихъ совершенства? Моей зѣницей ока оставалась Бигъ, мой дорогой товарищъ, къ которому я былъ привязанъ всѣми фибрами своего сердца, очаровательная, прелестная женщина, ласковой рукой сгонявшая съ моего чела всякій слѣдъ заботы, гордая, свободная душа, съ которой я цѣликомъ сливался мыслью.

Но и среди забавъ, и несмотря на мою безграничную привязанность къ Бигъ, въ памяти моей порою вставалъ образъ Дуглёрли. Даже во время полетовъ.

Помню одну дивную сентябрьскую ночь. «Сатурнъ» висѣлъ недвижно, какъ лампада, надъ Неаполемъ, въ мягкой синевѣ, окутывавшей землю и море, островъ Капри, мысъ, бѣлыя виллы, далекую горную цѣпь и огонь, извергаемый Везувіемъ, сливая все въ мягкой гармоніи красокъ. Бигъ покоилась на медвѣжьей шкурѣ, постланной поверхъ мѣшковъ съ балластомъ. Разговоръ у насъ что-то не клеился, и понемногу затихъ. Немного погодя, я замѣтилъ, что жена моя спитъ. Я глядѣлъ на нее и радовался, что «Сатурнъ» кажется ей такимъ же надежнымъ, какъ колыбель ребенку, и, задумчиво глядя въ пространство, стерегъ ея сонъ. И вдругъ, увидѣлъ передъ собою пару боль-

шихъ, темныхъ, задумчивыхъ глазъ. И такая безконечная грусть охватила меня въ этомъ звѣздномъ просторѣ. Съ устъ спящей сорвался стонъ, словно она почувствовала, какъ поглощенъ я теперь мыслью о своей первой любви. Когда она, наконецъ, раскрыла глаза, я сказалъ ей: «Дитя, тебѣ должно быть снился тяжелый сонъ»? Заставивъ себя улыбнуться, она отвѣтила: «Да, индійскія дѣти въ Марсильскихъ копяхъ».

Въ Неаполѣ мы, впервые за этотъ первый годъ нашихъ скитаній, имѣли крупный успѣхъ. Молодая неаполитанка изъ мѣстной аристократіи, пылкое существо, горячо привязавшееся къ Бигъ, была первой нашей пассажиркой. Полетъ закончился не совсѣмъ такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, — на вершинѣ пиніи, среди Кампаньи Камальдоли; но молодая женщина была въ восторгѣ, и дня два спустя явилась къ намъ опять, въ сопровожденіи своего мужа и еще одной парочки, также желавшей принять участіе въ полетѣ. Я предупредилъ это маленькое общество, что «Сатурну» придется летѣть надъ заливомъ, и нанялъ пароходикъ, «Флоренцію», который долженъ былъ сопровождать насъ въ полетѣ. Подъ направленными на него сотнями подзорныхъ трубъ и биноклей, «Сатурнъ» взвился ввысь и понесся надъ зеркальными водами залива, покрытыми множествомъ лодокъ, и парусныхъ, и гребныхъ, къ Соррентскому мысу. Воздухъ былъ почти недвиженъ, и постепенно шаръ нашъ замедлилъ полетъ. Вечерѣло: Сорренто бѣлѣло вдали, но, если летѣть туда, мы рисковали, что ночь насъ застанетъ въ пути, и я предпочелъ спуститься на море. Матросы «Флоренціи» поймали канатъ брошеннаго мной якоря, крѣпко привязали его, и пароходикъ поплылъ обратно къ неаполитанской гавани, таща за собою «Сатурнъ». Море искрилось, словно алмазное; городъ вдали сверкалъ міріадами свѣтлыхъ точекъ, огоньковъ. Когда «Флоренція» и «Сатурнъ» одновременно причалили къ набережной, несмѣтная толпа, дожидавшаяся насъ на берегу, подняла радостный крикъ. Въ первый разъ эти люди видѣли спускъ воздушнаго шара надъ моремъ. Они бросали шапки въ воздухъ и со свойственнымъ неаполитанцамъ энтузіазмомъ, кричали: «Evviva Leo Quiford». Я остался къ этому равнодушенъ, но весь городъ былъ въ восторгѣ отъ «Сатурна», и одинъ удачный полетъ смѣнялся другимъ.

Уже въ концѣ октября мы перебрались въ Тріестъ, чтобы разыскать Гериту. Это оказалось не такъ-то легко. Наконецъ, мы нашли ее уже замужней женщиной, счастливой и живущей въ очаровательномъ уголкѣ, въ какой-нибудь четверти часа ѣзды

отъ города. Разумѣется, о томъ, чтобы Герита, бросивъ мужа и дѣтей, отправилась съ нами дѣлить наши скитанія, не могло быть и рѣчи; но обѣ молодыя женщины трогательно радовались встрѣчѣ, и мнѣ понравились и Герита, разсказывавшая множество милыхъ черточекъ и анекдотовъ изъ эпохи дѣтства моей Бигъ, и ея домикъ, окруженный пиніями, лаврами и оливковыми деревьями.

— Еслибъ у насъ были дѣти, какъ у Гериты, Іостъ, — говорила Бигъ, радуясь счастью своей старой пріятельницы, — мы тоже поселились бы здѣсь, построили бы себѣ дачу. Не то, чтобы Тріестъ особенно нравился мнѣ, какъ городъ, но я люблю Гериту, мнѣ нравится ея мужъ и ея темнокудрыя ребятишки, а мѣсто дивное: мягкій климатъ юга, яркое море съ бѣлыми парусами и почти безпредѣльною ширью, въ которой мысли и мечты могутъ купаться, какъ лебеди.

Она каждый день навѣщала Гериту, баловала ея дѣтей, которыя были отъ нея въ восторгѣ, и общеніе съ милой, веселой итальянкой какъ бы возвращало ей юность, создавало идиллію, въ которой отдыхала ея душа. Во время послѣдняго полета съ тремя пассажирами изъ Тріеста, мы съ Бигъ заговорили объ отъѣздѣ и о томъ, что зиму мы намѣрены провести въ Венеціи, Флоренціи и Римѣ.

— Какъ, г. Квифортъ,—возмутились они,—вы хотите покинуть насъ, не увидавъ Миррамаре съ его волшебными садами, и дворца, который такъ тѣсно и такъ печально связанъ съ судьбою вашей родины, Мексики?»—Въ благодарность за дивный полетъ, они организовали прелестную экскурсію во дворцы Миррамаре и Дуино, въ которой приняли участіе много мужчинъ и дамъ.

Разукрашенный гирляндами южныхъ фруктовъ каботажный пароходъ едва успѣлъ выбраться изъ путаницы судовъ, которыми кишитъ гавань Тріеста, какъ передъ нами уже загорѣлись на фонѣ горъ, облитые заревомъ осенняго заката дворцы Адріатики. Нѣжные звуки скрипокъ и мандолинъ услаждали нашъ путь. Бигъ была въ полномъ восторгѣ.

Но Бигъ была захвачена другою картиной — сосѣдними развалинами—Альтъ-Тибейнъ.

— Ахъ, зачѣмъ я не художница! — восклицала она.— Вотъ готовая картина: изъ лазурнаго моря поднимается дикій отвѣсный утесъ, лишь искрошеннымъ волнами рифомъ соединенный съ твердой землей. На вершинѣ его видны арки, башни, ворота, сквозь которыя льются потоки небесной лазури. Тутъ недостаетъ только женской фигуры. Вообразите

себѣ женщину, которая стоитъ, облокотясь рукой на стѣну, подпирая подбородокъ ладонью, и задумчиво смотритъ въ морскую даль. И назовите картину: «Пріютъ легенды».

Пожилой господинъ изъ Тріеста, сочувственно прислушивавшійся къ словамъ моей жены, кивнулъ головой:

— Да, она, вѣдь, бродитъ въ развалинахъ Альтъ-Тибейна.

Мы уже подплывали къ берегу. Подъ развѣсистыми скипидарными деревьями, расположившись живописнымъ бивакомъ, все общество провело восхитительный часокъ за ужиномъ и болтовней, и всѣ были огорчены, когда стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи пароходъ пронзительными свистками напомнилъ намъ, что пора возвращаться. Когда лодка наша вновь проплывала мимо руины на высокомъ утесѣ, зарево заката залило словно пролившейся кровью, башни и арки. Бигъ глазъ не могла оторвать отъ этой мрачно-красивой картины.

— Вы удачно назвали эти развалины «Пріютомъ Легенды»,— обратился къ намъ тотъ же господинъ изъ Тріеста. Въ этотъ часъ ни одинъ рыбакъ не рѣшился бы подъѣхать къ этой скалѣ. Говорятъ, что при лунномъ свѣтѣ волны у подножья шумятъ такъ тоскливо, что рыбакъ, которому доводится услыхать этотъ шумъ, не позже, какъ черезъ три дня послѣ того, заболѣваетъ и послѣ того уже на всю жизнь остается хилымъ и слабымъ. Народъ зоветъ это «il sospir' del' mar» — вздохами моря. На этомъ утесѣ, въ этомъ рыцарскомъ замкѣ, жилъ рыцарь Ульрихъ фонъ Тибейнъ. Едва успѣвъ обвѣнчаться со своей молодою женою, Югундой, онъ былъ призванъ воевать противъ турокъ. На балконѣ, нависшемъ надъ моремъ, цѣлыми днями сидѣла Югунда и подъ акомпаниментъ арфы пѣла грустныя пѣсни разлуки. Юный рыбакъ, смуглый красавецъ, заслушавшись ея пѣсенъ, пригналъ свой челнокъ къ самому подножью утеса, сложилъ весла, забылъ о сѣтяхъ и только смотрѣлъ вверхъ, любуясь Югундой. И столько страсти было въ его черныхъ глазахъ, что грѣховныя мысли проснулись въ душѣ молодой женщины. Быть можетъ, господинъ ея, Ульрихъ, давно уже умеръ и погребенъ, а она сидитъ тутъ и ждетъ, тратитъ даромъ свои юные годы. И она спустила въ море съ утеса веревочную лѣстницу. Тутъ юноша, совершенно потерявъ голову, подплылъ ближе, поднялся по лѣстницѣ и поцѣловалъ край бархатнаго платья Югунды. Вѣрный фогтъ, бдившій надъ замкомъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ предостерегалъ фрау Югунду. А она только смѣялась: «Неужели ты думаешь, что я изъ-за смуглаго рыбака измѣню своему господину и супру-

гу?» И въ то же время манила къ себѣ мальчика и говорила: «Почему ты цѣлуешь только розовые пальчики мои? Поцѣлуй меня лучше въ алыя губы».

Бигъ сдѣлала движеніе, словно хотѣла убѣжать отъ этой сказки, но и она, какъ я, была подъ обаяніемъ искуснаго разсказчика; вдобавокъ, уже изъ одной вѣжливости, мы обязаны были выслушать разсказъ до конца.

«Рыцарь Ульрихъ неожиданно вернулся изъ дальнихъ краевъ. И, когда у воротъ его встрѣтилъ фогтъ, первый вопросъ рыцаря былъ: «Какъ здоровье моей милой жены, по которой я тосковалъ все это время?» «Господинъ»... — началъ таинственно фогтъ. Но рыцарь прервалъ его: «Только не говори дурного о моей женѣ, которая будетъ моимъ утѣшеніемъ послѣ трудовъ и лишеній войны». Любовь и сомнѣніе боролись въ его сердцѣ. Бурно устремился онъ въ спальню жены. Когда онъ вошелъ въ ея горницу, онъ, правда, засталъ Югунду одну, но въ глубинѣ комнаты шевелилась занавѣска, скрывавшая альковъ. Взоръ рыцаря приковался къ этой занавѣскѣ. Югунда поблѣднѣла, но улыбалась.—«О, дорогой господинъ мой, это вѣтеръ изъ трубы играетъ сукномъ, прикрывающимъ нишу». Рыцарь Ульрихъ отвѣтилъ, подчеркивая каждое слово: «Если это только вѣтеръ, я не стану приподнимать этой занавѣски. Пусть то, что скрыто за нею, будетъ погребено навсегда. Если ты согласна на это, ты будешь моей милой женой, радостью и блаженствомъ моего сердца». Югунда отвѣтила: — «Почему же мнѣ не желать, чтобы была замурована ниша, въ которой такъ удобно таиться сквозному вѣтру». Съ мрачной усмѣшкой, рыцарь, довольный, крикнулъ во дворъ: «Фогтъ, пришли сюда каменьщиковъ!» Пришли каменьщики и работали день и ночь, пока, наконецъ, ниша и сводъ, вмѣстѣ съ занавѣсью, не были заложены камнями до самаго верху. А Югунда дивилась вѣрности юноши, который умиралъ за нее, ни звукомъ не выдавъ себя, и думала, что она сможетъ снести эту тайну.

— Ужасно! Ужасно! — простонала Бигъ.

— Я сейчасъ кончу,—молвилъ разсказчикъ.

«Три дня за стѣной было тихо. Потомъ вдругъ изъ-за свода раздался стонъ: «Возлюбленная!» Девять ночей подрядъ слышна была эта жалоба, все тише и тише, потомъ раздался почти беззвучный крикъ, словно разбилось юное сердце, и затѣмъ, легкій, какъ дыханіе вѣтерка, вздохъ отлетающей души. Югунда вскочила съ постели, бросилась топоромъ рубить стѣну,

но камни не поддавались. Снова вздохъ—и несчастная взмахнула топоръ надъ спящимъ мужемъ... снова вздохъ—и черезъ голову убитаго она швырнула зажженный факелъ внутрь замка... снова вздохъ—и она сама кинулась въ море, и вмѣстѣ съ пылающимъ замкомъ вздохи потонули въ морѣ. — Il sospir' del mar'... И вотъ, уже много столѣтій, изъ вѣка въ вѣкъ плачутъ здѣсь волны и стонутъ, предвѣщая гибель рыбакамъ—это вздыхаетъ и стонетъ тайна, которой такъ и не довелось выйти на свѣтъ».

Бигъ даже не поблагодарила разсказчика. Словно раздавленная жестокою сказкой, она сидѣла, молчаливая, блѣдная. Добрый старикъ самъ испугался ея блѣдности и, какъ-бы извиняясь, сказалъ:

— Сударыня, не принимайте такъ ужъ въ серьезъ этой сказки. Il sospir' del mar'—это лишь поэтическій пересказъ старой истины, что тайна гнететъ и убиваетъ женскую душу.

Не отвѣчая, Бигъ содрогнулась всѣмъ тѣломъ, словно и она услыхала призрачный стонъ...

Тутъ зазвучали скрипки и мандолины, нѣжно и пылко, на палубѣ судна, изукрашеннаго цвѣтными фонариками. Нѣсколько юныхъ парочекъ пустились въ плясъ. И жена моя вдругъ оживилась. «Іостъ»! — вскричала она, забывъ всякую осторожность.—Давай танцовать!» Нѣсколько тактовъ—и высокая гибкая фигура уже прильнула ко мнѣ, обливая меня огнемъ и пронизывая словно электрическимъ токомъ, исходившимъ отъ нея. И въ глазахъ ея засверкали алмазныя искры. Я пытался сдержать ее, но то чужое и дикое, что иногда поднималось изъ сокровенныхъ тайниковъ ея души, увлекло и меня. «Что за дьявольскія чары въ этой мексиканкѣ!»—шептались вокругъ насъ голоса, которыхъ я не хотѣлъ слышать и все-таки слышалъ. Мнѣ мучительно жаль было Бигъ, которая плясала, какъ вакханка, словно жгучій ядъ кипѣлъ въ ея жилахъ. Лицо ея горѣло, какъ въ лихорадкѣ, волосы полураспустились и, какъ змѣи, вились на спинѣ. Наэлектризованная публика чокалась и пила за наше здоровье, желая намъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія. Бигъ схватила бокалъ и ликуя, вскричала: «Да здравствуютъ жизнь и любовь!» и звонко чокнулась со мной. Но отъ порывистаго жеста ея бокалъ отломился отъ ножки и черезъ бортъ полетѣлъ въ море. Тутъ только она опомнилась и сама испугалась своей необузданности.

Къ утру ее уже колотила лихорадка. Докторъ говорилъ

о сильной простудѣ. Дрожащія губы ея лепетали обрывки вчерашнихъ разсказовъ: «Ее, какъ сумасшедшую, заперли въ монастырь, изъ котораго она уже не выйдетъ никогда»... Il sospir' del mar'... «Изъ вѣка въ вѣкъ плачутъ и стонутъ здѣсь волны, предвѣщая гибель рыбакамъ»... Что за повышенная впечатлительность! Захворать отъ легенды, которую всѣ остальные выслушали спокойно...

Но Бигъ была изъ тѣхъ сильныхъ натуръ, которыя могутъ много побороть. Благодаря самоотверженному уходу вѣрной Гериты, которая за время ея болѣзни почти забросила домъ и дѣтей, жена моя начала оправляться, и однажды утромъ, когда я подошелъ къ ея постели, она встрѣтила меня съ улыбкой:

— Я должна выздоровѣть ради тебя, милый Іостъ,— шепнула она.—Вѣдь я тебѣ обѣщала на Гельголандѣ, что я покажу тебѣ все, что есть на свѣтѣ высокаго и прекраснаго, и поведу тебя въ святилища искусства.

Вслѣдствіе болѣзни Бигъ, встревожившей меня и вызвавшей во мнѣ мрачныя мысли, первое лѣто нашего воздухоплавательнаго сезона закончилось не такъ пріятно, какъ мы ожидали; но посвященная искусству зима, которую мы провели въ осмотрѣ сокровищницъ искусства въ Венеціи, Флоренціи и Римѣ, прошла, какъ прекрасный сонъ, какъ дивная пѣсня радостныхъ дней, о которой я всегда вспоминаю съ глубокою грустью. Мы прожили свою жизнь красивѣе и ярче, чѣмъ многіе. Я, по крайней мѣрѣ. Бигъ—не вполнѣ. Въ душѣ она носила все время мучительную грызущую скорбь, отравлявшую ей всякую радость. И я былъ потрясенъ до глубины души, когда нежданно до насъ дошли вѣсти изъ Зельмата, о Дуглорѣ, но все же не такъ потрясенъ и испуганъ, какъ моя жена.

XXV.

Погода перемѣнилась. Въ горахъ царитъ южный вѣтеръ. Сторожевыя будки опрокинуты; вокругъ Фейерштейна грохочутъ лавины. Словно бѣлые водопады, несутся онѣ сквозь горные лѣса, уже отряхнувшіе снѣгъ со своихъ черныхъ вѣтвей. Въ глубинѣ, на поляхъ, видны зеленоватыя пятна тающихъ снѣговъ; надъ озеромъ воздухъ голубоватый, уже по весеннему, и городъ, который глядится въ него, кажется такимъ близкимъ, что я въ подзорную трубу могу пересчитать всѣ его трубы.

Но я не радуюсь этой обманчивой марѣ весны: вѣдь на

дворѣ всего только половина января; пройдетъ еще восемь, даже, можетъ быть, девять или десять недѣль, пока человѣкъ сможетъ взобраться на Фейерштейнъ. Человѣкъ—т. е. Гансъ.

Со времени смерти Хангштейнера меня мучаетъ одна мысль. Что, если онъ въ смертный свой часъ вырвалъ у потрясенной Готлобы клятву разстаться съ Гансомъ? Многіе умирающіе, уже глядя въ очи вѣчности, стремятся и за могилой тиранически господствовать надъ маленькимъ міркомъ, въ которомъ они жили, связавъ его клятвами и обѣтами.

Если Хангштейнеръ сдѣлалъ это, мнѣ придется раскрыть передъ Готлобой тайну моей жизни. Пусть рѣшаетъ сама.

Развѣ каждый человѣкъ не имѣетъ священнаго права знать, какого онъ роду и племени? — спрашиваю я себя. И тутъ же говорю себѣ: «Къ чему поднимать такую бурю чувствъ въ груди молоденькой дѣвушки? До сихъ поръ она жила спокойно въ своей тихой, родной долинѣ, и не подозрѣвала, какъ расшвыряла по свѣту жизнь ея настоящихъ родителей; во мнѣ она видитъ только стараго друга, отечески расположеннаго къ ней.. Но нѣтъ, Готлоба не узкая, простая натура, которой опасенъ наплывъ новыхъ чувствъ и представленій. Въ ней слишкомъ много моего. Одно слово — и голосъ крови станетъ ей внятенъ...

О, только бы разъ, одинъ разъ услышать изъ устъ Готлобы слово: «отецъ». Это мое послѣднее желаніе на землѣ.

«Сатурну» былъ данъ отдыхъ на зиму. Передъ хозяиномъ же его раскрылся новый міръ красоты. Вмѣстѣ съ женой моей, страстной поклонницей красоты, я бродилъ по церквямъ и музеямъ Флоренціи и Венеціи, впивая съ жадностью еще не насыщеннаго ароматъ вѣчныхъ произведеній искусства, звуки именъ, неизгладимо начертанныхъ въ священныхъ книгахъ человѣчества и окруженныхъ нетлѣнными почестями. Бигъ, получившая превосходное художественное образованіе, удѣляла мнѣ отъ богатствъ своихъ щедрой рукой. Я отвѣчалъ ей горячей признательностью... Что это было за дивное созданіе!..

Въ половинѣ декабря мы переѣхали въ Римъ и поселились вблизи Пьяцца-дель-Пополо, взяли служанку и стали жить своимъ хозяйствомъ. Въ нашемъ уютномъ гнѣздышкѣ я внимательно изучалъ научныя сочиненія, имѣвшія связь съ воздухоплаваніемъ, вмѣстѣ съ Бигъ читалъ произведенія изящной литературы; ежедневно мы предпринимали прогулки или дальнія экскурсіи; а

вечера посвящали музыкѣ, театру и обществу. Искать знакомствъ намъ не было надобности — люди сами искали насъ, отчасти изъ-за меня, но главнымъ образомъ изъ-за моей красавицы и умницы жены и того романтическаго ореола, которымъ было окружено наше призваніе. Во многихъ салонахъ мы были желанными гостями. Тѣхъ, кому любопытно было взглянуть вблизи на богему, мы, впрочемъ, разочаровывали своими свѣтскими манерами и корректнымъ соблюденіемъ всѣхъ формъ общежитія; слишкомъ близко мы ни съ кѣмъ не сходились и тѣмъ, кто интересовался нашей юностью и родиной, улыбаясь, разсказывали разныя сказки о Мексикѣ. На выставкѣ произведеній молодыхъ художниковъ Бигъ пріобрѣла для украшенія нашей квартирки нѣсколько картинъ и этюдовъ и, въ качествѣ покупательницы, обратила на себя вниманіе всѣхъ художниковъ, такъ какъ она не считалась съ похвалами и порицаніями профессіональной критики и выбирала лишь то, что отвѣчало ея собственному безошибочному чутью красоты. На насъ посыпались приглашенія посѣтить мастерскія, и нигдѣ мы не чувствовали себя такъ хорошо, какъ среди художниковъ, этихъ удивительныхъ людей, которые не всегда имѣютъ даже стаканъ вина, чтобы смочить свой черствый кусокъ хлѣба, но беззаботно, какъ дѣти, вѣрятъ, что настанетъ великій день, когда имъ улыбнется слава и имя ихъ будетъ переходить изъ устъ въ уста. Въ этой средѣ Бигъ порхала, какъ солнечный лучъ, радуя себя и другихъ. Художники цѣнили ея всегда осмысленныя сужденія и чтили въ ней заступницу, которая однимъ кстати сказаннымъ словомъ умѣла обратить вниманіе друзей искусства на ихъ произведенія. Одинъ юный шведъ убѣдилъ ее даже позировать ему для поясного портрета, предназначавшагося для весенней выставки.

Однажды, въ серединѣ дня, когда она сидѣла у художника, я пошелъ пройтись. День былъ пасмурный, морозный; я шелъ мимо мрачнаго замка Св. Ангела, потомъ черезъ мостъ надъ сѣрымъ, скучнымъ Тибромъ, и не то тосковалъ по настоящей бѣлой зимѣ, полной свѣта и блеска, съ увѣшанными снѣгомъ мохнатыми елями, не то радовался предстоящему свиданію съ Бигъ въ нашей уютной квартиркѣ, у пылающаго камелька. И вдругъ—что такое?—не ошибся ли я?—Родная рѣчь. Знакомые звуки... Двое молодыхъ людей, шедшихъ впереди меня, толковали между собой, какъ выгоднѣе ставить модель. Ага! Значитъ, тоже художники. Не содержаніе ихъ разговора, но самый звукъ рѣчи волновалъ меня до сердцебіенія. Младшій, съ пашкой подъ развѣвающимся плащемъ, говорилъ совсѣмъ такъ, какъ говорятъ

крестьяне въ окрестностяхъ Гауенбурга; да и по говору его спутника слышно было, что онъ изъ нашихъ краевъ. О, какъ сладки были моему сердцу эти грубые звуки діалекта, на которомъ говорятъ наши альпійскіе горцы! Очарованный, какъ мальчикъ, который, все позабывъ, бѣжитъ вслѣдъ за незнакомымъ ему скрипачемъ, я, самъ того не замѣчая, по пятамъ шелъ за ними. Они свернули въ старинную узкую улочку, и я за ними. Оба скрылись въ невзрачной остеріи. «Еще! Еще!» — кричало мятежное сердце. И, пройдясь раза два мимо «Cavallo nero», какъ звалась эта остерія, я самъ вошелъ туда.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ простенькихъ римскихъ кабачковъ, вся прелесть которыхъ въ хорошемъ и дешевомъ красномъ винѣ, но, повидимому, для моихъ земляковъ это былъ сборный пунктъ. Здѣсь ихъ сошлось цѣлыхъ десять; они сидѣли за круглымъ столомъ, передъ узкогорлыми «*фіаски*», и между ними маленькая мѣдная статуэтка рыцаря—какого-нибудь героя древнихъ временъ—съ маленькимъ отечественнымъ флагомъ въ рукѣ. Сидѣвшіе всѣ, видимо, были близкіе друзья, и отъ нихъ вѣяло на меня чѣмъ-то роднымъ. Они говорили о своихъ работахъ и учителяхъ; но, когда въ остерію вошелъ почтальонъ, и «пикколо» положилъ на столъ пачку газетъ, разговоръ оборвался; всѣ углубились въ чтеніе вѣстей съ далекой родины. Перекидывались вопросами:

— Кто хочетъ взять «Вѣстникъ Сантъ-Якоба?

— Кому нуженъ «Гауенбургскій Указатель?

— Мнѣ!—чуть было не крикнулъ я.

Грустно опершись подбородкомъ на руку, я прислушивался къ вновь завязавшемуся разговору о послѣднихъ новостяхъ дня и маленькихъ политическихъ событіяхъ по ту сторону Альпъ. При этомъ я узналъ, что молодой человѣкъ, говорившій на гауенбургскомъ нарѣчіи, былъ племянникомъ нашего ландмана. Голосъ его будилъ въ моей душѣ ту же тоску, какъ звукъ альпійскаго рога въ душѣ юноши, который, не выдержавъ, прыгнулъ въ Рейнъ съ страсбургскаго редута. Куда дѣвался мой гнѣвъ, моя злоба противъ родины? Какъ мнѣ хотѣлось подсѣсть къ этому маленькому интимному кружку и самому заговорить на родномъ языкѣ. «Іостъ Вильди—вспомни: ты вѣдь Лео Квифортъ, мексиканецъ», — предостерегалъ меня голосъ разсудка. Когда молодые люди стали расходиться, я тоже подозвалъ «пикколо», чтобъ онъ подсчиталъ количество стаканчиковъ, выпитыхъ мною изъ длинногорлой бутылки, и вернулся, взволнованный, къ Бигъ, которая уже ждала меня съ ужиномъ.

— Мнѣ тоже хотѣлось бы взглянуть на твоихъ земляковъ, — пошутила она, — и послушать діалектъ, который тебя такъ плѣняетъ. Скажи: въ этой «Черной Лошади» можно поужинать съ дамой.

— Ну, чистую скатерть мы съумѣемъ добыть, — отвѣчалъ я, — ужинъ захватимъ съ собой, по римскому обычаю, и будемъ пить только вино, а вино тамъ отличное.

Это понравилось Бигъ. Но сама остерія, хозяинъ и гости показались ей ужъ слишкомъ простонародными, и она послѣ того была тамъ со мной всего два-три раза, предоставляя мнѣ одному искать тамъ воспоминаній о родинѣ. Не выдавая себя и своей національности, я сталъ еженедѣльно посѣщать этотъ кабачекъ и скоро подружился съ молодыми людьми. Въ этомъ кружкѣ юныхъ нѣмцевъ, веселыхъ и въ то же время серьезно работающихъ, словно на потайномъ островкѣ, гдѣ думали и жили жизнью родной страны, я провелъ немало чудныхъ часовъ. Только грустныя мысли о томъ, какъ стыдно мнѣ будетъ передъ всей этой молодежью сознаться, что я отрекся отъ родины, помѣшали мнѣ объявить себя ихъ соотечественникомъ.

Они сами почти догадались. Уроженецъ Гауенбурга, юноша съ удивительнымъ чутьемъ и наблюдательностью, какъ-то замѣтилъ:

— Не правда ли, господа, въ рѣчи г. Лео Квифорта слышны иной разъ такіе звуки, какъ будто онъ родился гдѣ-нибудь у насъ въ горахъ?

Другіе поддержали его, но я, не растерявшись, отвѣтилъ:

— Я самъ не въ первый разъ ловлю себя на томъ, что я невольно перенимаю выговоръ и произношеніе отъ людей, среди которыхъ я вращаюсь, въ особенности, отъ людей, которые мнѣ симпатичны. При моемъ интернаціональномъ образѣ жизни это понятно и только доказываетъ, какъ хорошо я чувствую себя въ вашемъ кругу.

Слова мои произвели пріятное впечатлѣніе; бесѣда продолжалась, и тайна моего происхожденія осталась не раскрытой. Съ тѣхъ поръ я тщательнѣе слѣдилъ за собой и съумѣлъ найти предлогъ, чтобы, не вызывая подозрѣній, просматривать газеты моего отечества. Я напряженно искалъ въ нихъ одно лишь слово: «Зельматъ». Напрасно. Въ далекой горной долинѣ, очевидно, не происходило ничего замѣчательнаго, а, если бы и произошло, кто сталъ бы объ этомъ сообщать въ газеты?

Солнце уже свѣтило по весеннему надъ куполами вѣчнаго города, уже зеленѣла Кампанья и манила къ дальнимъ экскур-

сіямъ, и во время прогулокъ мы съ Бигъ обсуждали планы нашихъ лѣтнихъ полетовъ. Однажды, послѣ жаркаго дня, посвященнаго осмотру коллекцій и садовъ Виллы Боргезе, я вечеромъ зашелъ въ «Cavallo Nero» и испугался: первое слово, услышанное мною, было: «Фейерштейнъ». Поводомъ къ этому было открытіе обсерваторіи на вершинѣ Фейерштейна. Когда очередь дошла до меня, я съ жадностью накинулся на газеты.

«Учрежденіе метеорологической станціи въ Сантъ-Якобѣ,—говорилось въ статьѣ,—положило начало болѣе внимательнымъ наблюденіямъ надъ атмосферическими явленіями въ нашей странѣ. При этомъ выяснилось, что для научно-практическихъ занятій метеорологіей, было бы большимъ подспорьемъ учрежденіе дозорнаго пункта, или дополнительной небольшой обсерваторіи на вершинѣ Фейерштейна. Преимущества такого рода обсерваторіи на высокой горной вершинѣ сами собой очевидны. Всѣ воздушныя теченія улавливаются раньше и отчетливѣе, чѣмъ въ долинѣ, и наблюденія надъ состояніемъ погоды точнѣе и вѣрнѣй, чѣмъ въ ущельяхъ и горныхъ проходахъ, гдѣ на ней отражаются всякія мѣстныя вліянія, трудно поддающіяся учету. Такимъ образомъ возникъ планъ учредить метеорологическую обсерваторію на Фейерштейнѣ, главной вершинѣ нашей горной цѣпи, но тотчасъ же возникло и сомнѣніе: найдется ли человѣкъ, который бы, съ научными знаніями, необходимыми для метеоролога, соединилъ бы и готовность проводить четыре мѣсяца въ году, можетъ быть, даже полгода, въ полномъ одиночествѣ на горной вершинѣ.

«Такой мужественный человѣкъ нашелся. Это Габріэль Лецбергеръ изъ Гауенбурга. Ему всего двадцать пять лѣтъ, но онъ съ ранней юности жестоко изуродованъ болѣзнью, заставившей его жить отшельникомъ, вдали отъ людей, въ своемъ родномъ городкѣ. Узнавъ о постройкѣ обсерваторіи, онъ самъ предложилъ себя въ завѣдующіе ею, говоря, что ему не трудно будетъ жить нѣсколько болѣе одинокимъ, чѣмъ донынѣ, если только въ его распоряженіе предоставятъ достаточное количество книгъ. Молодой человѣкъ этотъ, повидимому, обладаетъ серьезными познаніями въ естественныхъ наукахъ.

«Благодаря самоотверженной готовности Габріэля Лецбергера, открытіе обсерваторіи обѣщаетъ осуществиться въ ближайшемъ будущемъ. Одновременно съ этимъ разрѣшенъ вопросъ и о метеорологической станціи въ долинѣ. Этой чести добивались Туфвальдъ и Новый Зельматъ, расположенный на южномъ склонѣ горы. Гауенбургскій Совѣтъ высказался въ пользу по-

слѣдняго. Этой постепенно вновь заселяющейся долинѣ нужна школа, но дѣтей тамъ еще слишкомъ мало, чтобъ оправдать расходы на постройку зданія школы и плату учителю, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ выполнять и дополнительныхъ обязанностей метеоролога на мѣстномъ наблюдательномъ пунктѣ. И Туфвальду пришлось стушеваться передъ Новымъ Зельматомъ. Тамъ, гдѣ новая жизнь расцвѣла на мѣстѣ обвала, съ наступленіемъ теплыхъ дней будетъ построена обсерваторія, затѣмъ разобрана на части и по частямъ перенесена на Фейерштейнъ; а въ октябрѣ въ ней поселится Габріэль Лецбергеръ. Желаемъ полнаго успѣха постройкѣ и мужественному метеорологу».

Такъ заканчивалась статья.

Значитъ, моя старая родина ожила къ новой жизни. Таинственному Фейерштейну, въ пещерахъ котораго обитали нѣкогда мои предки, оказанъ новый почетъ. Какъ-то живется тамъ Дуглёрли?..

Я просилъ моихъ земляковъ сохранить для меня до осени тѣ №№ газетъ, гдѣ будетъ говориться о новой обсерваторіи на Фейерштейнѣ. Будущую зиму я и моя жена, по всей вѣроятности, проведемъ также въ Римѣ, а метеорологія слишкомъ связана съ воздухоплаваніемъ, чтобы я могъ не интересоваться каждой новой обсерваторіей.

Бигъ радовалась шумному успѣху своего портрета на весенней выставкѣ, впослѣдствіи перешедшаго въ нашу собственность, и первая зима наша въ Римѣ закончилась очень пріятно.

Нашъ второй воздухоплавательный лѣтній сезонъ на «Сатурнѣ» былъ посвященъ, главнымъ образомъ, большимъ городамъ въ Придунайскихъ странахъ и закончился въ Константинополѣ дивнымъ полетомъ надъ сказкой Золотого Рога, садами Босфора и дворцами Мраморнаго моря. Не всегда, конечно, намъ свѣтило солнце и улыбалась Фортуна. Поэзіи полетовъ нерѣдко сопутствовали весьма тягостныя земныя переживанія. Въ одномъ городѣ мы страшно долго возились съ наполненіемъ шара, вслѣдствіе слабаго давленія газа; въ другомъ газъ оказался такъ плохъ, что полетъ и вовсе не состоялся; въ третьемъ, двое пассажировъ, давшихъ намъ передъ полетомъ небольшой задатокъ, скрылись послѣ полета съ остальными деньгами; но всего труднѣй оказывалось выполнять многочисленныя условія, которыми власти обставляютъ свое разрѣшеніе на полетъ. Тутъ мнѣ очень помогала мой добрый товарищъ, Бигъ. Одна улыбка, ласковая просьба изъ устъ ея—и передъ нами распахивались закрытыя двери; на чиновниковъ, до тѣхъ поръ не

желавшихъ понимать, вдругъ находило просвѣтлѣніе, и невозможное становилось возможнымъ. Она говорила о *моемъ* обаяніи, *моей* власти надъ людьми—на самомъ дѣлѣ, это *ея* чары въ городахъ Востока раскрывали намъ двери самыхъ замкнутыхъ аристократическихъ домовъ. Мы легко могли бы провести зиму въ кругу богатыхъ купцовъ и банкировъ, турецкихъ сановниковъ, пашей и беевъ въ Константинополѣ, но оба мы находили, что всего пріятнѣе и лучше живется въ Римѣ, и, когда намъ предложили взять опять на зиму нашу квартирку на Пьяццадель-Пополо, мы снова двинулись черезъ Аѳины, гдѣ я заранѣе условился съ моими будущими пассажирами относительно весеннихъ полетовъ, въ наше зимнее гнѣздышко.

Въ одинъ холодный непривѣтливый вечеръ, вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Римъ, мнѣ пришла охота еще разъ повидаться съ моими земляками.

— Мнѣ слишкомъ скучно,—шутливо сказала Бигъ.—Давай вмѣстѣ поужинаемъ въ этомъ кабачкѣ.

За столомъ нѣмецкихъ художниковъ никого не было.

— Господа сегодня вечеромъ не будутъ,—сообщилъ одинъ изъ кельнеровъ, видимо обрадовавшійся намъ.—Они сегодня на большомъ патріотическомъ праздникѣ, который устраиваютъ ихъ земляки; къ этому празднику они готовились нѣсколько недѣль—писали для него картины и декорацію. Но эти господа оставили мнѣ на сохраненіе для васъ газеты и журналъ. Вотъ они.

За ужиномъ я разсказалъ Бигъ объ обсерваторіи на Фейерштейнѣ и о юномъ піонерѣ науки, который теперь живетъ одиноко на высокомъ утесѣ. Могло ли мнѣ тогда придти въ голову, что я буду его преемникомъ? Мы стали перелистывать газеты, и я весь ушелъ въ описаніе открытія и освященія обсерваторіи, состоявшагося въ послѣднее сентябрьское воскресенье, въ присутствіи метеорологовъ и друзей горнаго спорта.

«Изъ Туфвальда и Зельмата при свѣтѣ звѣздъ и луны мы поднимались на гору, большинство неся какую-нибудь книгу въ подарокъ Габріэлю Лецбергеру. Къ девяти часамъ утра на вершинѣ собралось уже около ста человѣкъ. Зданіе обсерваторіи, частью какъ бы вросшее въ стѣну утеса, всѣми было найдено вполнѣ отвѣчающимъ своему назначенію: это настоящая маленькая твердыня, которая годами можетъ выдерживать натискъ и вѣтровъ, и бурь; на осмотръ дома ушло около часа; затѣмъ, на небольшой площадкѣ передъ зданіемъ обсерваторіи, подъ открытымъ небомъ былъ отслуженъ молебенъ; молодой пасторъ изъ Туфвальда, пламенный ораторъ, сказалъ проповѣдь

на текстъ: «Свѣтъ приходитъ къ намъ съ горы», и отдалъ обсерваторію подъ защиту и покровительство неба.»

Я съ глубокимъ интересомъ читалъ этотъ безхитростный разсказъ, какъ вдругъ меня испугалъ легкій стонъ. Я взглянулъ на Бигъ. Газета выпала изъ ея рукъ; руки дрожали; лицо было смертельно блѣдно и искажено страданіемъ. Едва внятно она выговорила:

— Вели лакею кликнуть извозчика и отвезти меня домой. Мнѣ нехорошо.

Кому могли понадобиться эти старыя газеты? Я сложилъ ихъ и сунулъ въ карманъ. Вернувшись домой, я послалъ за докторомъ и, когда Бигъ, наконецъ, успокоилась и задремала, до глубокой ночи читалъ и перечитывалъ газетную статью, которая такъ взволновала мою жену. Это былъ разсказъ объ осеннемъ восхожденіи на Фейерштейнъ, одна изъ главокъ котораго носила заглавіе: «*Въ Новомъ Зельматѣ*». Я торопливо пробѣжалъ ее.

«Какъ быстро живутъ люди!» —такъ начиналась замѣтка, «Восемь лѣтъ назадъ, послѣ страшной катастрофы, связанной съ горнымъ обваломъ, имя *Зельматъ* облетѣло весь міръ. Но скоро не только имя, а и долина, гдѣ погибло столько народу, были забыты. Теперь, когда на вершинѣ Фейерштейна открыта горная обсерваторія, въ долину снова заглядываютъ туристы, взбирающіеся на гору. Къ сожалѣнію, въ крохотномъ поселкѣ, постепенно выросшемъ до пяти домовъ, нѣтъ гостиницы; но нѣкоторые путники находятъ пріютъ и радушный пріемъ въ семействѣ Хангштейнера, которому принадлежитъ честь иниціативы заселенія вновь этой заброшенной и пустынной долины».

Вотъ оно. Сердце мое стучало, готовое выскочить. Нѣтъ, дальше шло пространное описаніе прогулки по мѣсту обвала, превращенному нынѣ, неусыпными трудами обитателей Новаго Зельмата въ зеленое поле, гдѣ лишь отдѣльные торчащіе обломки напоминаютъ о катастрофѣ. Но вотъ, дальше... «Мы провели пріятный вечеръ въ домѣ Хангштейнера и познакомились съ хозяйкой, благочестивой и достойной всякаго уваженія женщиной, необыкновенно кроткой и привлекательной, дочерью бывшаго зельматскаго учителя, посвятившей насъ въ жизнь этого маленькаго поселка. Она сердечно радуется тому, что въ Зельматѣ снова будетъ школа и учитель. «Я ужъ сокрушалась о своей старшей дочуркѣ—ей въ мартѣ минетъ шесть лѣтъ—что ее придется посылать въ школу въ Цвейбрюкенъ. А теперь она можетъ учиться дома. А къ тому времени, какъ она

подростетъ, можетъ быть, у насъ будетъ и церковь, хоть маленькая, и свой проповѣдникъ. Школа для насъ большое благодѣяніе, и мы должны быть благодарны правительству, за его старанія снова сдѣлать Зельматъ самостоятельной маленькой общиной».

— *Ей въ мартѣ минетъ шесть лѣтъ.* — Все внутри меня всколыхнулось. Мнѣ бросилось въ глаза еще одно мѣсто въ статьѣ: «Намъ удалось упросить фрау Хангштейнеръ сыграть два-три хорала на гармоніумѣ, украшающемъ ея гостиную. Свѣжая, какъ альпійская розочка, маленькая Готлоба, старшая изъ двухъ дѣтей Хангштейнеровъ, съ темными плутовскими глазенками, стала возлѣ матери, и торжественные звуки церковной пѣсни: «Хвалите Господа» огласили простенькую крестьянскую горницу. Тихимъ счастьемъ озарилось суровое лицо Хангштейнера; все въ этомъ домикѣ дышало миромъ и душевнымъ покоемъ, и мы невольно спрашивали себя: «Гдѣ больше солнечнаго свѣта, больше счастья—въ этой тихой долинѣ, или въ шумномъ городѣ?»

Нѣтъ, я дальше не могъ читать... Уронивъ голову на руки, я почти забылся, подавленный мыслью: «Это *мое* дитя—*моя* дочь!» И невыразимая боль сжала мнѣ сердце... какъ живыя, встали воспоминанія... Внезапно я почувствовалъ прикосновеніе нѣжной руки.

— Іостъ, мой милый!..—шептала Бигъ, неслышно подойдя ко мнѣ, босая и въ длинной сорочкѣ.

— Неосторожная!—пожурилъ я ее.—Вѣдь ты нездорова. Иди ложись. Оставь меня.

— Нѣтъ,—отвѣтила она серьезно и печально,—я потрясена извѣстіемъ, что у твоей бывшей невѣсты, тамъ въ горахъ, есть дѣти, а мнѣ не суждено подарить тебѣ хоть бы одно дитя. Но, Іостъ, я рада за нее и желаю ей счастья больше, чѣмъ кому-либо на свѣтѣ.

Мнѣ были отрадны эти слова; они облегчили мою душевную скорбь. Но куда дѣвались всѣ наши мечты о веселой зимѣ? Теперь мы лишь изрѣдка бывали въ обществѣ, но и театры, и общеніе съ художниками, и осмотръ сокровищницъ Вѣчнаго города,—все утратило для меня интересъ. Земляки мои не узнавали меня. Меня безумно тянуло написать Дуглорѣ, но я гналъ прочь эту мысль. Я любилъ мое дитя, не зная его, но понималъ, что ничѣмъ для него быть не могу. Неопредѣленныя подозрѣнія противъ Бигъ, замедлившія въ Гамбургѣ мое выздоровленіе, и всѣ мучительные вопросы, связанные съ этимъ, зашевелились въ моей душѣ, но я помнилъ ея слова: «Чело-

вѣкъ, который сколько-нибудь понимаетъ душу женщины, не станетъ унижать ея, принуждая ее оправдываться въ томъ, что она сдѣлала во имя любви». Эти тяжелыя мысли я прятали въ глубокихъ тайникахъ души, понимая, что Бигъ сама теперь нуждается въ томъ, чтобы ее щадили, и что однимъ неосторожнымъ, или жестокимъ словомъ можно снова повергнуть ее въ то состояніе безнадежнаго унынія, которое уже однажды разбило всѣ мои планы въ Марсилѣ.

О Дуглорѣ и ея ребенкѣ мы съ Бигъ не разговаривали. Она видѣла, что я страдаю, и сама страдала съ того дня, какъ до насъ дошла первая вѣстьизъ Зельмата. Между нами была словно невидимая стѣна: мы любовно тянулись другъ къ другу, но руки наши ударялись объ эту стѣну и безпомощно опускались. Ни единаго упрека по поводу моей холодности и неровности настроеній не срывалось съ устъ моей жены, но въ глазахъ ея я читалъ безмолвный испугъ и въ нѣжности ея была мучительная тоска. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще уходила она изъ дому, не позволяя мнѣ сопровождать ее, и на мои вопросительные взгляды отвѣчала: «Иду навѣщать бѣдныхъ». Это было правдоподобно: Бигъ всегда щедрой рукой помогала бѣднымъ художникамъ и всякаго рода нуждающимся. Но потомъ она начала пропадать изъ дому съ разсвѣтомъ, даже до разсвѣта, говоря:

Я плохо сплю. Я люблю темноту, вѣтеръ, пустынныя улицы...

Въ этомъ загадочномъ поведеніи Бигъ я чуялъ недоброе и боялся за нее.

Однажды, когда она такъ, холоднымъ, пасмурнымъ утромъ, въ самомъ простенькомъ, скромномъ платьицѣ, крадучись, словно воровка, вышла изъ дому, мнѣ стало такъ жаль ея, такъ страшно за нее, что я въ свою очередь, одѣлся и пошелъ за ней, какъ ревнивецъ за женой, которую онъ подозрѣваетъ въ измѣнѣ.

Быстро шагавшая впереди меня въ сумеркахъ стройная женская фигура скрылась въ дверяхъ церкви Св. Игнатія. Въ полумракѣ, пронизанномъ красноватымъ дымнымъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей, на колѣняхъ, она горячо молилась, до того поглощенная молитвой, что даже не замѣтила, какъ я подошелъ къ ней вплотную. Видя, что душу ея томитъ тяжелое горе, что она ищетъ утѣшенія, я былъ глубоко потрясенъ; но когда послѣ ранней обѣдни жена моя вошла въ исповѣдальню и прижалась лицомъ къ деревянной рѣшеткѣ, грудь моя всколыхнулась и мукой, и гнѣвомъ. Въ эти минуты я былъ вполнѣ убѣжденъ, что у Бигъ на совѣсти какое-нибудь темное дѣло и тяжелая тайна.

Я ждалъ ее въ притворѣ. Мнѣ было такъ тяжко, что, казалось, сердце мое вотъ-вотъ перестанетъ биться. Моя Бигъ, моя маленькая язычница—въ позѣ набожной, кающейся грѣшницы! Моя красавица-жена съ ея развитымъ и свободнымъ умомъ, благодаря которой и я перешелъ отъ узкихъ религіозныхъ взглядовъ моей юности къ болѣе высокому и широкому пониманію міровыхъ загадокъ и великихъ вопросовъ бытія,—покорена мистикой горящихъ свѣчей, кадильнаго дыма, поющихъ мальчиковъ и молящихся священниковъ. Моя Бигъ—въ исповѣдальнѣ! Это не трогательная дѣтская набожность Дуглоры; это—страхъ затравленной, раненой на смерть души. Что за страшныя бездны кроются въ душѣ моей ласковой, доброй жены.

Выйдя изъ церкви, она проскользнула бы мимо, не замѣтивъ меня, если бъ я тихонько не окликнулъ ея. Она страшно испугалась, вся задрожала:

— Зачѣмъ ты пошелъ за мной, Іостъ?

Ей, видимо, было стыдно, какъ человѣку, пойманному на мѣстѣ преступленія. Я, не менѣе ея взволнованный, пролепеталъ:

— Я боялся, что ты когда-нибудь и совсѣмъ не вернешься. Мнѣ было жутко за тебя.

Она промолчала. И только на обратномъ пути со вздохомъ сказала:

— Я молилась о ребенкѣ.

Но я рѣшилъ, что намъ пора объясниться на чистоту.

— Бигъ, у тебя есть какая-то тайна отъ меня,—началъ я, ласково, но серьезно, когда мы вернулись домой.—Тебя гнететъ какое-то горе, неизвѣстное мнѣ. Душа твоя жаждетъ освобожденія. Ты несешь свое горе, свои безмолвныя ночныя слезы въ церковь, къ священникамъ, которые тебѣ всегда были чужды. Какъ это непохоже на тебя... Ну, хорошо, молись, если это облегчаетъ тебя; но, Бигъ, моя милая, бѣдная Бигъ, не забывай одного — что душа женщины можетъ найти успокоеніе только на груди мужчины, котораго она любитъ. Чѣмъ бы ни томилась твоя душа, я больше всѣхъ имѣю право на твое довѣріе. Будь же искренней. Я пойму тебя во всемъ, постараюсь понять—и простить, если тутъ есть что прощать.

Она безсильно упала на кушетку и молча слушала меня, закрывая руками жалкое, измученное лицо. Я чувствовалъ, какъ сильно дѣйствуютъ на нее мои слова, и, поборовъ себя, продолжалъ:

— Я самъ пойду тебѣ на встрѣчу съ признаніемъ, Бигъ: та Готлоба, которой въ мартѣ будетъ шесть лѣтъ—моя дочь.

Ни изумленія, ни возмущенія, которыхъ я ожидалъ...

только дрожь прошла по всему ея тѣлу, и изъ-подъ пальцевъ, прикрывавшихъ лицо ея, вырвался тихій стонъ:

— Іостъ! Я это знаю.

— Бигъ, откуда ты это знаешь?—взмолился я.

Она вскочила, пошатнулась, дрожащія губы ея пытались что-то выговорить и не смогли... блѣдная, какъ воскъ, безъ кровинки въ лицѣ повалилась она опять на кушетку и съ рыданіями, которыя тронули бы даже камень, безсвязно лепетала:

— Іостъ! Милый Іостъ! Не отталкивай меня. Почему я не могла догадаться, что это—твое дитя? И тѣмъ ужаснѣе, что у насъ нѣтъ дѣтей. Этотъ контрастъ можетъ погнать въ церковь и самую свободомыслящую женщину.

Она рыдала и оправдывалась безъ конца. Но сознаться въ своей винѣ не могла. Она даже съумѣла пошатнуть мою увѣренность. Мнѣ было безумно жаль этой орлицы, у которой обломали ея гордыя, вольныя крылья. Благодарная, она окружала меня трепетной любовью рабыни, а я съ безумной тоской рвался къ прежней, свободной и гордой Бигъ, сказочной принцессѣ, баловню счастья и весны.

И вотъ, опять пришла весна—седьмая съ тѣхъ поръ, какъ я, полный ликованія и тоски, сознался ей, что «съ нею мнѣ лучше всего».

На родинѣ моей, въ Зельматѣ, люди не говорили о томъ, что когда-нибудь гора можетъ обрушиться на деревню, но духи горы все же время отъ времени подавали знаки, что они не спятъ и дѣлаютъ свое дѣло. Духи горы, невидимые, но вѣчно присущіе, не спящіе ночью и не отдыхающіе въ воскресенье... Какъ эти духи въ нѣдрахъ скалъ, такъ совѣсть въ душѣ человѣческой подтачиваетъ ея оплоты и выноситъ наружу тайны...

Часъ насталъ. И Бигъ заговорила.

Въ то время какъ я, вчера вечеромъ, удрученный скорбью, разсказывалъ о предсмертной борьбѣ моей бѣдной жены, вокругъ домика моего бушевала буря. Южный вѣтеръ, ликуя, свисталъ: «Вотъ сейчасъ на этихъ зубцахъ взовьется знамя весны!» Сѣверный вѣтеръ злобно завывалъ: «А я сорву его!» На подмогу имъ слетѣлись всѣ прочіе вѣтры. Кажется, нѣтъ такого, который бы въ эту ночь не бушевалъ около моего дома. Они завывали, какъ стая дикихъ звѣрей, сталкивались, боролись и съ пронзительнымъ свистомъ носились вокругъ горы, силясь одолѣть другъ друга. Анемометръ описывалъ самыя при-

чудливыя линіи и опредѣлялъ силу вѣтра въ 160 километровъ въ часъ. Но теперь всѣ вѣтры улеглись, кромѣ сѣвернаго, который остался побѣдителемъ и господиномъ.

Пострадали отъ этой бури я и моя обсерваторія. Не такъ ужъ она прочно построена, какъ думали тѣ, кто пятнадцать лѣтъ назадъ присутствовали при ея освященіи, если порывъ вѣтра могъ сорвать съ нея крышу. Мнѣ снился дивный сонъ—пирамиды и гробницы фараоновъ въ Египтѣ. Меня разбудили какъ будто звуки пушечныхъ выстрѣловъ. Но скоро я понялъ, что это желѣзо съ грохотомъ ударяется о стѣну дома. Я всталъ и одѣлся, чтобы тотчасъ же изслѣдовать поврежденія. Но о томъ, чтобы выйти, нечего было и думать—вѣтеръ сбросилъ бы меня въ Туфвальдъ. Рано утромъ, когда буря нѣсколько улеглась, я обошелъ свои владѣнія. Они сильно пострадали. Желѣзный листъ, соединявшій крышу дома со стѣною утеса, былъ сорванъ и торчалъ въ снѣгу, въ двухстахъ шагахъ отъ вершины, возлѣ него валялись тяжелыя толстыя доски обшивки. Одинъ изъ брусьевъ, положенныхъ поперекъ крыши и поддерживающихъ отягчающіе ее камни, также былъ сломанъ, и въ крышѣ образовалась дыра, обнажающая часть потолка обсерваторіи. Я цѣлый день работалъ, силясь какъ-нибудь заложить эту дыру, и отъ натуги у меня болитъ моя хромая нога.

Видитъ Богъ, положеніе мое не изъ завидныхъ. Телеграфное сообщеніе прекращено, крыша сорвана; домъ—игрушка вѣтровъ. Отъ моей заплаты пользы мало. Если бъ хоть Гансу было извѣстно о состояніи моего дома.

Сѣверный вѣтеръ все тянетъ свою унылую пѣсню. Передо мной снова раскрыты страницы моей жизни. Перехожу къ послѣдней—къ озарившему ее обманчивому лучу счастья.

XXVI.

Приближеніе южной весны оттѣснило на задній планъ наши заботы. Насъ снова потянуло къ нашей прекрасной, вольной, кочевой жизни. Изъ Рима мы переѣхали въ Аѳины. Синее небо смѣялось, цвѣтущій миндаль розовѣлъ на склонахъ горъ; «Сатурнъ» готовился къ полету надъ мечтой красоты—надъ Акрополемъ.

Но въ Аѳинахъ намъ рѣшительно не повезло. Компанія молодыхъ негоціантовъ, еще осенью сговорившихся съ нами относительно полета, теперь отказалась участвовать въ немъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что торговля въ Аѳинахъ переживаетъ опас-

ный кризисъ, и они сами слишкомъ стѣснены въ деньгахъ, чтобы думать о такихъ дорогихъ развлеченіяхъ. Въ надеждѣ, что въ послѣднюю минуту пассажиры все-таки сыщутся, я все же началъ наполнять шаръ газомъ. Но притокъ газа былъ слабый, и дѣло затянулось до вечера. Когда мы съ Бигъ въ шарѣ, наполненномъ лишь на три четверти, поднялись на воздухъ, солнце уже почти опустилось въ море. Легкій вѣтеръ погналъ насъ къ горамъ; едва наступившія сумерки уже озарились свѣтомъ полной луны. Я оглядывался, ища удобнаго мѣстечка для спуска — ровнаго мѣста вблизи желѣзнодорожной станціи, или, по крайней мѣрѣ, большого селенія. Но ничего подобнаго не было видно. Луна озаряла только пустынныя дикія скалы. Отъ ночной прохлады оболочка «Сатурна» сразу съежилась; чтобъ удержать на высотѣ недостаточно наполненный шаръ, мы выбросили балластъ и, часа черезъ два, за неимѣніемъ лучшаго, рѣшили спуститься близъ маленькой деревушки, пріютившейся въ горномъ ущельи. Пастухи, расположившіеся на ночлегъ подъ открытымъ небомъ, на вершинѣ горы, уже замѣтили насъ; мы были такъ низко, что слышали ихъ изумленные возгласы.

И вдругъ, что-то просвистѣло мимо нашихъ ушей. Выстрѣлъ.—Несчастные стрѣляли въ «Сатурна». Еще и еще выстрѣлы... Испуганные, мы поспѣшили выкинуть бѣлые платки и кричали имъ, что шаръ не угрожаетъ никакими опасностями. Напрасно. Пули пролетали надъ нашими головами, впиваясь въ шелковую оболочку «Сатурна».

— Спрячься поглубже въ корзину!—упрашивалъ я Бигъ. Но она только сверкнула глазами.

— Нѣтъ! я хочу дѣлить съ тобою опасность.

Хоть бы подняться повыше, чтобы уйти отъ этихъ пуль!.. Балласта у насъ больше не было. Съ быстротою молніи я перерѣзалъ канатъ, на которомъ держался якорь—якорь упалъ, еще веревку—упалъ мѣшокъ съ запаснымъ канатомъ, прикрѣпленный къ корзинѣ. Вялый «Сатурнъ» все же поднялся нѣсколько выше, куда уже не хватали пули. Но тотчасъ же началъ балансировать и снова медленно опускаться. Опять засвистали пули.

— Бигъ! Полѣзай наверхъ. Я пожертвую и корзиной.

Я подставилъ руку женѣ, чтобы она оперлась на нее ногой, и смотрѣлъ, какъ она, цѣпляясь за веревки, стала на кольцо, державшее шаръ. И при невѣрномъ свѣтѣ луны прочелъ въ ея лицѣ какую-то безумную рѣшимость. Мнѣ стало жутко...

— Іостъ!—воскликнула она,—не перерѣзывай веревки—я спасу тебя.

Я вскочилъ, сталъ на колѣни на краю корзины, цѣпляясь локтемъ и лѣвой рукой за канаты. Глубокій вздохъ... Лишь слегка придерживаясь правой рукой за сѣтку, тонкая фигура Бигъ какъ бы парила въ воздухѣ. Вотъ она отпустила сѣтку, скользнула—но я желѣзной рукой поймалъ ее, схватилъ и привлекъ къ себѣ и въ корзину...

Туго натянутый шаръ лопнулъ бы отъ такого толчка. Спокойный человѣкъ въ какія-нибудь полсекунды не могъ бы такъ все обдумать и сообразить, какъ надо дѣйствовать. У другого не хватило бы силы, чтобъ удержать на лету падающую женщину. Но самое замѣчательное—то, что мы ни на минуту не потеряли сознаніе... «Сатурнъ», силясь возстановить утраченное равновѣсіе, метался то вверхъ, то внизъ; въ корзинѣ ничкомъ лежала Бигъ. Но вотъ, она приподнялась, прижалась грудью къ моей груди и пролепетала:

— Итакъ, Іостъ! Мы умремъ вмѣстѣ.

Я былъ слишкомъ обезсиленъ, чтобы стряхнуть ее... Не знаю, сколько это длилось—три минуты или четверть часа—намъ показалось это вѣчностью. Мы уже даже не пытались избѣжать гибели. Крѣпко прижавшись другъ къ другу, мы ждали, когда шальная пуля убьетъ насъ обоихъ... Но вотъ, выстрѣлы стали рѣже. Ружейная трескотня прекратилась, и прежде, чѣмъ я успѣлъ открыть вентиляторы, «Сатурнъ» уже лежалъ на землѣ.

Ни души. Впрочемъ, нѣтъ. Старый горбунъ робко приблизился и сталъ просить сжалиться надъ его родною деревней. Пастухи не знали, что на свѣтѣ бываютъ такія необычайныя вещи, какъ воздушный шаръ, и перепугались—отъ страха и стрѣляли. Вскорѣ къ намъ подбѣжалъ еще молодой парень и началъ хвастаться, что онъ одинъ сообразилъ, что свѣтящійся шарикъ въ воздухѣ можетъ быть воздушнымъ шаромъ—онъ слыхалъ, что такіе шары на войнѣ примѣняются для развѣдочныхъ цѣлей. Онъ же и убѣдилъ товарищей прекратить стрѣльбу. Неужели мы не наградимъ его?.. Пастухи, тѣ самые, которые раньше стрѣляли въ насъ, робко подошли и, повидимому, сами испугались, что своими выстрѣлами рисковали убить женщину. Они были грязные, заскорузлые, покрытые овечьими шкурами. Съ полной готовностью услужить, они помогли намъ выпустить газъ и сложить «Сатурна» и собрали при яркомъ свѣтѣ луны всѣ вещи, выброшенныя нами изъ корзины. Къ утру все было найдено; ничего не пропало—только два-три инструмента испортились.

Нервы наши были такъ возбуждены, что о снѣ нечего было и думать. Лишь черезъ нѣсколько часовъ мы могли вполнѣ со-

знать все пережитое—и ужаснулись, сообразивъ, какой опасности мы подвергались. Бигъ рыдала у меня на груди:

— Іостъ, почему ты не далъ мнѣ умереть за тебя?

— Глупенькая!—да неужели ты думаешь, что я могъ бы жить съ такимъ ужаснымъ воспоминаніемъ? Чтобы я стрѣлой взвился кверху, а ты—разбилась на смерть? Да въ тотъ же моментъ, какъ я спустился бы на землю, я пошелъ бы искать то мѣсто, гдѣ земля пропиталась твоей кровью. И умеръ бы рядомъ съ тобой.

Лишь постепенно возбужденіе наше улеглось, и рыданія Бигъ перешли въ тихія всхлипыванья, въ которыхъ можно было разобрать только слова:

— Съ какой радостью я бы умерла за тебя!

Когда я на другой день осмотрѣлъ оболочку шара, она оказалась въ девятнадцати мѣстахъ пробитой пулями, да и корзина пострадала отъ выстрѣловъ. Я вырѣзывалъ изъ запаснаго куска матеріи круглыя заплаты и наклеивалъ и нашивалъ ихъ на дырочки. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ слѣдователь. Но что можно было взять съ бѣдныхъ невѣжественныхъ пастуховъ, которые все время кидались къ нашимъ ногамъ и, воздѣвая руки, молили умилосердиться надъ ними... Уложивъ разстрѣляннаго «Сатурна», мы покинули Грецію, гдѣ намъ такъ страшно не повезло, и поплыли по Средиземному морю.

Но, все же я уносилъ съ собой память о безумной любви ко мнѣ моей жены, которая безстрашно готова была пожертвовать своею жизнью, чтобы спасти мою, и въ тотъ моментъ, когда я рисковалъ потерять Бигъ, я созналъ, какъ несказанно я ее люблю...

Одиноко прислонившись къ периламъ, она задумчиво глядѣла вдаль. Я подошелъ къ ней и нѣжно, какъ впервые влюбленный, обнялъ рукой ея станъ, прижался щекой къ ея щекѣ, и такъ мы вмѣстѣ слѣдили за рѣзвящимися дельфинами и любовались блескомъ лазурнаго моря... Но вотъ, на югѣ, изъ волнъ выдвинулась ярко-зеленая полоса—берегъ.

— Страна фараоновъ. Что-то принесетъ она намъ?—словно про себя, задумчиво молвила Бигъ.

Египетъ принесъ намъ рядъ полетовъ, лучшихъ въ моей карьерѣ воздухоплавателя, а женѣ моей—посланное съ небесъ откровеніе, что она призвана къ болѣе высокому, чѣмъ нелѣпый прыжокъ съ воздушнаго шара, ради спасенія жизни своего мужа.

Вѣсти о нашемъ приключеніи въ Греціи опередили насъ

за моремъ, и печать Каира и Александріи подготовила намъ восторженный пріемъ.

Но Египетъ остался у меня въ памяти такимъ солнечнымъ и радостнымъ не только потому, что тамъ наши полеты всегда были удачными. Нѣтъ. Я радовался главнымъ образомъ тому, что въ эти прекрасные дни жена моя словно ожила, и безнадежное уныніе, туманившее ея взглядъ всѣ послѣдніе мѣсяцы, исчезло безслѣдно. Порою я ловилъ ее на томъ, что она задумавшись, словно къ чему-то прислушивалась въ самой себѣ, мечтательно и радостно, и голубые глаза ея снова свѣтились тѣмъ задорнымъ блескомъ, который такъ плѣнялъ меня въ былое время. Наконецъ-то она стала прежнею Бигъ. Чѣмъ была вызвана эта счастливая перемѣна? — Письмомъ ли Зоммерфельда, который выражалъ свою радость по поводу нашего спасенія отъ пуль греческихъ пастуховъ и поздравлялъ насъ съ крупнымъ успѣхомъ въ Египтѣ, или же полученнымъ нами изъ Марсиля извѣстіемъ, что позорная работа дѣтей въ рудникахъ наконецъ замѣнена машинами. Разумѣется, Бигъ искренно радовалась тому и другому. Но все же причина перемѣны въ ея настроеніи лежала глубже...

Послѣ цѣлаго ряда удачныхъ полетовъ въ одно прекрасное утро Бигъ вдругъ оробѣла и отказалась сѣсть въ гондолу «Сатурна». Меня это тѣмъ болѣе изумило, что вѣтеръ былъ благопріятный и сулилъ чудесный полетъ надъ пирамидами; вдобавокъ, одна изъ нашихъ пассажирокъ, молодая дама объявила, что она полетитъ лишь въ томъ случаѣ, если моя жена обѣщаетъ ей ночевать съ нею въ одномъ шатрѣ, когда мы спустимся на ночь въ пустынѣ. Это было очаровательное созданіе съ прелестной головкой, закутанной баскскимъ вуалемъ, и огромными черными глазами; ей страшно хотѣлось летѣть, и она разсердилась, и даже ножкой топнула, когда Бигъ безъ всякой уважительной причины вдругъ отказалась принять участіе въ полетѣ. Мнѣ самому это казалось капризомъ. А Бигъ только лукаво смѣялась... Наконецъ, мы упросили ее сѣсть въ корзину. Легкій вѣтерокъ подгонялъ нашъ шаръ, летѣвшій надъ Геліополисомъ; внизу разстилался пышный зеленый коверъ... При ликующихъ возгласахъ нашихъ гостей «Сатурнъ» въ лучахъ заходящаго солнца пролетѣлъ надъ сфинксомъ и пирамидами и все дальше, дальше надъ желтой пустыней, надъ песчаными холмами и долинами, надъ дюнами, которымъ вѣтеръ, играя, придаетъ причудливѣйшія формы. У самыхъ пирамидъ—этихъ памятниковъ, пережившихъ четыре тысячелѣтія,—мы спустились и долго болтали, наслаждаясь тихою ночью передъ шатрами, заранѣе,

по нашему заказу, разбитыми бедуинами. Издали доносился жуткій вой шакаловъ; Бигъ, помѣстившаяся въ одной палаткѣ съ молоденькой пассажиркой, улучила минутку и отвела меня въ сторону. Съ невыразимой нѣжностью, крѣпко прижавшись ко мнѣ, она робко, но вся сіяя счастьемъ, шепнула:

— Іостъ, мнѣ ужъ и сегодня не слѣдовало летѣть. Это былъ мой послѣдній полетъ. Моя завѣтная мечта сбылась; мои молитвы услышаны. Теперь я окончательно убѣдилась... Я ношу подъ сердцемъ дитя, и отнынѣ я принадлежу только ему.

Въ ея лицѣ было столько трогательнаго, довѣрчиваго, смиреннаго счастья... Я былъ потрясенъ, взволнованъ, обрадованъ. Въ эту ночь я чувствовалъ себя въ полномъ единеніи съ жизнью и міромъ. Эта ночь, проведенная безъ сна подъ звѣзднымъ небомъ пустыни, была самая счастливая въ моей жизни... Когда же взошло солнце, мы радостные и гордые, какъ царь и царица, вернулись въ Каиръ...

Теперь мы только и думали, только и говорили, что о нашемъ ребенкѣ. Египетъ сталъ для насъ сказочной, обѣтованной страной. Уже въ самомъ началѣ осени я прекратилъ полеты, чтобы всецѣло посвятить себя своей женѣ. Я предложилъ ей провести зиму въ Парижѣ и тамъ дождаться родовъ, а я тѣмъ временемъ построю вмѣсто разстрѣляннаго «Сатурна» новый и лучшій аэростатъ, который въ честь ея будетъ называться «Бигъ Квифортъ».

— Нѣтъ, Іостъ, теперь намъ надо думать не о новомъ шарѣ, — возразила она съ застѣнчивой улыбкой и мольбой во взорѣ,—а лишь о тихомъ уголкѣ, гдѣ могъ бы играть нашъ ребенокъ, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя дома. Я такъ хочу, чтобъ у него была родина!.. Ради ребенка оставимъ наши честолюбивые планы... И не хочу я пережить это трудное время въ Парижѣ, среди чужихъ людей—я лучше поѣду къ моему вѣрному, старому другу Геритѣ. Ужъ навѣрно тамъ найдется какая-нибудь свободная вилла, хоть самая маленькая, которую мы можемъ нанять.

Вилла нашлась, и добрая итальянка пришла въ восторгъ отъ перспективы снова ухаживать за своею любимою госпожей. Незадолго до Рождества мы выѣхали изъ Неаполя на австрійскомъ пароходѣ въ Тріестъ—Бигъ уже замѣтно пополнѣвшая, такая веселая, радостная, полная надеждъ. Эти надежды и радости были, какъ вечерняя заря послѣ роскошнаго майскаго дня, подъ теплой лаской котораго въ цвѣткѣ создается завязь плода... Но вотъ, настала холодная ночь, завернулъ утренній заморозокъ—и цвѣтъ, и завязь погибли...

XXVII.

Я пишу, а вокругъ меня все время свирѣпствуетъ буря; вѣтеръ рветъ крышу, срываетъ доску за доской. Моя заплата продержалась недолго; сегодня мнѣ опять пришлось работать съ утра до ночи надъ починкой. Я былъ весь въ поту, а вѣтеръ дулъ съ Востока, холодный, пронизывающій; я жестоко простудился и вообще чувствую, что силы мои ужъ не тѣ. А тутъ еще пренепріятное открытіе.—Вечеромъ я началъ растапливать печь и замѣтилъ, что дровъ у меня осталось очень немного; съ осени ихъ было запасено не меньше, чѣмъ въ прежніе годы; но, увлеченный своими воспоминаніями, я нерѣдко засиживался далеко за полночь, а то и съ утра, усаживаясь писать, растапливалъ каминъ и такимъ манеромъ сжегъ больше дровъ, чѣмъ въ прежнія зимы. Если теперь опять пойдутъ холода, мнѣ придется плохо. Экономить на дровахъ сейчасъ трудно, потому что у меня изрядно колетъ въ груди—когда выйдутъ дрова, придется пожертвовать кой какой-мебелью изъ обсерваторіи... Нечего сказать, веселая перспектива! Буря грызетъ крышу, завѣдующій обсерваторіей топитъ печи столами и стульями... остается только поднять на вершинѣ красный флагъ бѣдствія.

Мнѣ не хочется думать объ этомъ. Да и могутъ ли мнѣ помочь? Разумѣется, мой вѣрный Гансъ дѣлалъ бы нечеловѣческія усилія, чтобы пробраться ко мнѣ, но возможно и то, что мнѣ придется погибать одному медленной смертью въ полуразрушенномъ домѣ... Я огорченъ и озабоченъ. И тѣмъ труднѣе мнѣ внести въ эту правдивую исповѣдь признаніе моей бѣдняжки Бигъ.

Вѣдь половина ея вины лежитъ на мнѣ.

* * *

Когда мы выбирали городъ, въ которомъ я и жена моя надѣялись увидѣть первую улыбку нашего ребенка, не слѣдовало намъ останавливаться на Тріестѣ. Правда, здѣсь жила вѣрная преданная Герита, готовая забыть и мужа, и дѣтей ради своей любимой госпожи. Правда, наша маленькая вилла была очаровательнымъ гнѣздышкомъ на южномъ вѣчно зеленомъ склонѣ, укрытомъ отъ бурь и вѣтровъ; но съ другого берега лазурнаго залива, смывавшаго край нашего сада, въ наши окна глядѣлъ живописный, мрачный замокъ Дуино, и когда наши бывшіе пассажиры пріѣзжали навѣстить насъ, у нихъ только и было рѣчи, что о нашей тогдашней прогулкѣ и о томъ, какъ хороша

была Бигъ, когда она на обратномъ пути танцовала на пароходѣ, въ полномъ блескѣ своей южной пламенной красоты. Я видѣлъ, какъ эта веселая болтовня сразу омрачила душу моей бѣдной жены и спугнула радость ея материнства. Послѣ этого она долго сидѣла у окна и глядѣла на море, видѣвшее печальную участь бельгійской принцессы, слушая il sospir' del mar'. И прелестная головка ея клонилась все ниже и ниже, и на лицѣ ея гасла радость, какъ гаснетъ солнечный лучъ. Я подошелъ къ ней съ веселымъ привѣтомъ; она точно очнулась отъ тяжелаго забытья и отвѣтила мнѣ съ такою печальною нѣжностью въ голосѣ, что мнѣ вспомнилась моя покойная мать, когда она просила меня: «Іостъ, мой мальчикъ, скажи же мнѣ хоть одно словечко на нашемъ рейнскомъ нарѣчіи!..»

Должно быть именно въ эти дни тягостнаго ожиданія, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о Мирамаре и Дуино, она и написала мнѣ письмо, въ которомъ признавалась, какъ она виновата передъ Дуглорой—моей бывшей невѣстой. Письмо это начиналось такъ:

«Какъ бельгійка Шарлотта хотѣла возвести своего мужа на императорскій тронъ, такъ я бы хотѣла вознести тебя, мой несказанно любимый, на озаренныя солнцемъ вершины жизни. Но теперь, когда я жду рожденія нашего ребенка, тайна моего злого дѣла жжетъ меня, какъ огнемъ, и я не хочу уподобиться этой ужасной Югундѣ. Боюсь, что я не переживу рожденія нашего дитяти. Тогда ты прочтешь это письмо и узнаешь о моей винѣ. Даже мысль, что ты проклянешь меня на моей могилѣ, не такъ страшна для меня, какъ мысль уйти изъ этого міра, не покаявшись передъ тобой въ своемъ грѣхѣ».

Я прочелъ это признаніе Бигъ еще при жизни ея, и вся душа моя изошла слезами надъ этимъ письмомъ. Она сама попросила меня прочесть его...

Роды длились цѣлый день и ночь. Мучительно долгая ночь наполовину уже миновала. Я страдалъ вмѣстѣ съ моей бѣдной женой... Двѣ горячихъ слезы скатились по ея пылающимъ щекамъ.

— Іостъ, силы меня покидаютъ, помоги мнѣ! — стонала она. Не пугайся моей просьбы. Вспомни Нью-Іоркъ. Я знаю, у тебя въ чемоданѣ лежитъ маленькая книжечка—молитвенникъ Дуглоры Имоберштегъ — амулетъ, который она тебѣ подарила. Ты тогда не хотѣлъ разстаться съ нимъ. А я боюсь этой книжечки, пропыленной и запачканной, которую

ты всюду возишь съ собой. Іостъ, этотъ амулетъ не даетъ мнѣ выполнить самое трудное, что пало на долю женщины. Онъ точно парализуетъ меня. Ради моей любви, ради моихъ мученій, Іостъ, унеси его изъ дому — и я рожу тебѣ наше дитя».

Я попросилъ Гериту взять эту книжечку къ себѣ домой. Какъ странна была эта настоятельная просьба Абигаили! У меня невольно явилось подозрѣніе, что эта ни въ чемъ неповинная книжечка, парализующая ея силы — только внѣшній признакъ вины, которая гнететъ ея душу, и завѣса упала съ глазъ моихъ.

На минуту бѣдняжка вздохнула свободнѣе. Но тотчасъ же лицо ея омрачилось.

— Что ты такой блѣдный? Почему ты такъ нехорошо смотришь на меня, Іостъ?.

Со стономъ она вцѣпилась себѣ дрожащими пальцами въ роскошные волосы, покрывавшіе ее словно плащемъ, и вдругъ выпрямилась. Въ голубыхъ глазахъ ея блеснулъ испугъ, словно она увидѣла передъ собой привидѣніе; нѣжныя черты исказились страхомъ и болью; руки свела судорога.

— О какія муки я терплю! Но это не изъ-за маленькой книжечки, Іостъ. Теперь я знаю, почему я такъ мучаюсь. Я изъ-за Дуглоры Имоберштегъ не могу произвести на свѣтъ наше дитя. Іостъ, бѣдный мой Іостъ! — выкрикнула она задыхаясь.—Я грѣшна передъ Дуглорой Имоберштегъ, я обманула ее, назвавъ себя матерью...

Словно земля дрогнула и разступилась передъ моими ногами, и меня обожгло адскимъ огнемъ. Бигъ безсильно упала опять на подушки и стонала и, плакала, и рыдала такъ же горько, какъ въ больницѣ въ Гамбургѣ послѣ нашего обрученія. Но теперь это были слезы освобожденной души. Когда я, весь дрожа, уничтоженный, безъ словъ, приникъ къ ея страдальческому ложу, она протянула мнѣ дрожащую руку, покрытую холоднымъ потомъ и сквозь слезы сказала:

— Іостъ, я написала тебѣ письмо. Вотъ ключикъ отъ моей маленькой шкатулочки; она въ сосѣдней комнатѣ. Ступай, прочти это письмо, но только не у меня на глазахъ. Иди, Іостъ. Прости, если можешь простить. Прочти!..—На мигъ, обезсиленная, она закрыла глаза, но тотчасъ заметалась отъ приступа болей.— Иди же,—молила она,—прочитай.

Я, шатаясь, прошелъ въ сосѣднюю комнату и дрожащими пальцами отперъ шкатулочку изъ слоновой кости съ рѣзьбою старинной мексиканской работы. Тамъ лежало нѣсколько листковъ, исписанныхъ ея милымъ изящнымъ почеркомъ, но строки

были неровныя, говорившія о волненіи и страхѣ писавшей. Буквы расплывались передъ моими глазами; послѣднимъ усиліемъ воли я овладѣлъ собой и прочелъ признаніе моей жены.

«Мой несказанно любимый,—писала Бигъ,—съ первой нашей встрѣчи на Гельголандѣ я была захвачена чарами твоихъ темныхъ очей, твоей гордой молодости, силы и мужества. Сердце мое ликовало, когда я снова увидала тебя возлѣ шара Зоммерфельда. Со слезами вспоминаю я этотъ дивный полетъ и первые чудные вечера, проведенные вмѣстѣ съ тобою; одно только омрачало ихъ—мысль, что у тебя на родинѣ есть уже дѣвушка, которую ты любишь. Я сознавала, что мнѣ надо уйти отъ тебя, но не было силъ это сдѣлать,—словно магнитомъ меня снова и снова тянуло къ тебѣ.

«Чтобы понять мое преступленіе, вспомни, какъ мы плакали вмѣстѣ, обнявшись тогда утромъ въ лѣсу. Вспомни наши безумные поцѣлуи. Вспомни какъ неожиданно пришлось намъ разстаться. О, мой несказанно любимый. Я ушла отъ тебя, какъ безумная. Въ головѣ у меня была одна только мысль: теперь мой Іостъ потерянъ для меня навсегда. Меня нимало не огорчило, когда меня исключили изъ пансіона, гдѣ мнѣ и раньше уже доставалось за свиданія и прогулки съ тобой. Я переѣзжала въ отель, не смѣя ни словомъ, ни взглядомъ выдать кому бы то ни было, какой огонь сжигаетъ мою душу. Мнѣ давно пора было уѣхать въ Мексику, и я сама хотѣла уѣхать, но не было силы оторваться отъ той земли, по которой ступали твои ноги, отъ воздуха, которымъ ты дышишь. Безумная тоска по тебѣ съ утра гнала меня изъ дому, и я, сама себя не помня, бродила по улицамъ, въ надеждѣ столкнуться съ тобою. Только бы увидать хоть край твоего платья, хоть слѣдъ твоей ноги на тротуарѣ! — Напрасно. Я спросила совѣта у полицейскаго, какъ мнѣ разыскать тебя. Черезъ нѣсколько дней онъ принесъ мнѣ изъ адреснаго стола справку о твоемъ мѣстѣ жительства. А случай свелъ меня съ служащимъ изъ садоводства, гдѣ ты поселился съ Дуглорой Имоберштегъ, продувнымъ малымъ, ежедневно привозившимъ въ городъ полную телѣжку цвѣтовъ.

«Отъ него я узнала многое о тебѣ и твоей тогдашней невѣстѣ. Іостъ, мой Іостъ, котораго я боготворила, принужденъ былъ стать кочегаромъ! Человѣкъ, сказавшій мнѣ въ моментъ высокаго подъема, что онъ хотѣлъ бы прожить со мной всю свою жизнь, унизился до такого грязнаго ремесла, которое и въ портовомъ городѣ считается самымъ послѣднимъ... И вотъ,

ставлялось, что я поступила по отношенію къ тебѣ возвышенно и благородно. Пробужденіе наступило не сразу. Но въ больницѣ уже я замѣтила, что ты привязанъ къ Дуглорѣ гораздо сильнѣе и крѣпче, чѣмъ я воображала. Отсюда жгучая боль и слезы мои во время нашей помолвки. Душа моя плакала: «ты купила возможность жить вмѣстѣ съ Іостомъ цѣною такой жертвы, которая больше счастья». Я заглушила въ себѣ этотъ голосъ. Но на Гамбургскомъ вокзалѣ — ты помнишь этотъ унылый вечеръ—мнѣ вдругъ представилась эта дѣвушка, какъ она, убитая, съ растерзанной душой, сидѣла въ этой самой залѣ, дожидаясь поѣзда, который долженъ былъ отвезти ее на родину. Какъ живые, стояли передо мной ея глаза, полные ужаса, ея поблѣднѣвшее лицо, и жгучая жалость къ этой несчастной томила меня, и безутѣшная тоска гнела мою душу. Мнѣ хотѣлось въ ту минуту уйти отъ тебя, Іостъ, разстаться съ тобой. Но это было только начало... Всего страшнѣе мнѣ было, когда я убѣждала себя, что у насъ дѣтей быть не можетъ. Мнѣ такъ безумно хотѣлось имѣть отъ тебя ребенка. Но я чувствовала, что эта сладостная надежда для меня неосуществима. Внутренній голосъ сурово говорилъ мнѣ: «Какъ можешь ты ждать ребенка, когда ты погрѣшила противъ святая святыхъ природы—противъ тайны материнства? Проклято и на безплодіе обречено чрево женщины, способной преступно солгать, что она носитъ подъ сердцемъ дитя»... И, хотя меня воспитывали, какъ язычницу, во мнѣ пробудилась совѣсть, религіозное чувство и паническій страхъ, что отъ тебя, мой любимый, у меня не будетъ и не можетъ быть ребенка.

«Ты помнишь маленькую книжечку Дуглоры Имобершгегъ, которую я нашла у тебя въ Нью-Іоркѣ. Я понимала, что тебѣ не хотѣлось бы разставаться съ этимъ невиннымъ залогомъ любви твоей юности, но, стоило мнѣ только вспомнить объ этой книжечкѣ, какъ меня охватывалъ безумный страхъ. Для меня она была живымъ укоромъ. Правда, милый Іостъ, были часы, цѣлыя блаженныя ночи, когда мое тайное горе, моя грызущая тоска затихали у тебя на груди; во время нашихъ скитаній по свѣту было много дней и недѣль, когда я забывала и была счастлива своимъ краденымъ счастьемъ; но всякій разъ передо мной снова и снова вставала судьба съ жестокимъ напоминаніемъ, что вина не забыта. Раскрою я своего Гете и читаю: «за всякую вину на землѣ бываетъ отмщеніе»; раскрою Шиллера—тамъ стоитъ: «жизнь—не высшее изъ благъ, но вина всѣхъ золъ страшнѣе». Вся моя жизнь была непрерывной мукой. Вспомни о смерти бѣдной малютки Модъ. Даже чужія дѣти гибли, когда я начинала

любить ихъ. Вспомни объ этомъ старикѣ изъ Тріеста съ его уничтожающей фразой: «Тайна терзаетъ и убиваетъ душу женщины». Вспомни Римъ... Я все пыталась утѣшить себя надеждой, что Дуглора Имоберштегъ тоже сказала неправду, говоря, что она беременна отъ тебя. Но вотъ мнѣ попалась ваша альпійская газета. Правда, тамъ въ далекой долинѣ она нашла свое скромное счастье, но что значило это маленькое утѣшеніе наряду съ ужаснымъ сознаніемъ, что она тогда сказала правду, что я отняла у тебя твоего ребенка и у ребенка отняла отца. Эта мысль была ужасна...»

Чѣмъ больше я думалъ, тѣмъ больше убѣждался, что главная вина лежитъ на мнѣ. Вѣдь въ сущности корень зла и всѣхъ страданій, которые такъ измучили мою бѣдную Бигъ, былъ мой ликующій возгласъ: «Я хотѣлъ бы всю жизнь прожить вмѣстѣ съ тобой!» Я, самъ, увлекшись, измѣнилъ Дуглорѣ, а преступленіе Бигъ было лишь слѣдствіемъ этой измѣны, и сознаніе вины, отравившее всю ея жизнь, угнетало теперь и меня. Я такъ живо чувствовалъ эту вину. Сердце мое плакало: «Моя бѣдная, бѣдная Дуглёрли!» И въ этомъ сознаніи собственной вины потонулъ мой гнѣвъ противъ Бигъ; но все-таки я не могъ заставить себя въ ту минуту подойти къ страждущей и сказать ей: «Я прощаю тебя отъ души». Нѣтъ, этого я не могъ. Слишкомъ взволновало меня разоблаченіе ея ужасной тайны, слишкомъ сильная буря бушевала въ моей душѣ. Я мучился и боролся съ собой, но все-таки заставилъ себя дочитать письмо до конца. Оно заканчивалось потрясающими словами:

«Я думала, что наше дитя—знаменіе небесъ, возвѣщающее, что грѣхъ мой прощенъ мнѣ; но чѣмъ ближе къ часу рожденія, тѣмъ больше я убѣждаюсь, что и я, и ребенокъ мой должны умереть подъ бременемъ лжи, раздавившимъ мою жизнь. О, какъ я безумно боюсь этого!.. Я уже сейчасъ умираю отъ страха. Прости мнѣ всѣ мои обманы, Іостъ, и помоги мнѣ снести эту муку ради моей нечеловѣческой любви къ тебѣ, Іостъ! Я бы съ такой радостью умерла за тебя, мой безконечно любимый!»

Въ окна глядѣла уже розовая заря, на деревьяхъ чирикали просыпающіяся птички. Я хотѣлъ подойти къ постели моей жены и сказать ей, если не слово прощенія, то хоть слово милосердія. И вдругъ—крикъ, отчаянный, нечеловѣческій крикъ... Измученная и взволнованная, мнѣ шла навстрѣчу Герита.

— Кончилось, наконецъ, она жива, но ребенокъ... его уже нельзя было спасти, господинъ Квифортъ...

Когда я впервые увидалъ свою жену послѣ этого страш-

наго признанія, она, обезсиленная, мирно спала. Рядомъ съ нею лежалъ рослый и вполнѣ развитой мертвый ребенокъ.

Съ тяжелой тоской въ душѣ и безконечною жалостью смотрѣлъ я на Бигъ и, ради нея, желалъ, чтобы она не проснулась. Вѣдь все равно послѣ этого она ужъ не сможетъ жить.

Перо выпало изъ дрожащей руки. Всю эту долгую ночь я метался въ жару. Мнѣ мерещилось, будто я снова иду объ руку съ Бигъ по улицамъ тѣхъ городовъ, гдѣ мы живали съ ней, и все время думаю о томъ, какой бы свѣтлой и радостной была наша жизнь, еслибъ она могла стать моей женой безъ этой вѣчно ноющей раны въ душѣ. Я страстно призывалъ ея образъ въ лучшую пору нашей любви — прекрасный, благородный образъ женщины, призванной, казалось бы, только разливать вокругъ себя безоблачное, чистое счастье. Но рядомъ съ образомъ моей красавицы жены вставало заплаканное грустное личико Дуглёрли — моей бѣдной, ни въ чемъ неповинной Дуглёрли съ ея разбитымъ, растоптаннымъ сердцемъ... Но зачѣмъ описывать эти мучительные ночные кошмары? Сегодня я чувствую себя серьезно больнымъ и едва дотащился до своихъ инструментовъ... Почему намъ не суждено было счастье, моя бѣдная Бигъ?.. Почему?..

Сквозь это безотрадное уныніе пробился ослѣпительно яркій лучъ радости. Подъ вечеръ аппаратъ мой затикалъ и застучалъ. Въ первый моментъ я испугался—мнѣ показалось, что кровь стучитъ у меня въ вискахъ. Но нѣтъ — это телеграфъ, это волшебная музыка жизни. Вотъ сверкнула искорка, вотъ подъ карандашикомъ на узкой полоскѣ бумаги уже возникаютъ буквы и слова. Незачѣмъ и разбирать ихъ—я трепетной душой слышу ихъ всѣ. Это телеграфируетъ мой вѣрный Гансъ. Южный вѣтеръ растопилъ снѣгъ на горѣ; когда вода сбѣжала, ему удалось обнаружить мѣсто разрыва проволоки; онъ тотчасъ же вызвалъ рабочихъ изъ Гауенбурга и не успокоился, пока сообщеніе не было возстановлено. Благодарю тебя, милый мой Гансъ.

Цѣлый часъ мы бесѣдовали по телеграфу. И онъ, и моя Готлоба здоровы. Словомъ, вѣсти самыя радостныя, и теперь я совершенно примирился съ Хангштейнеромъ. Я даже не ждалъ отъ него, чтобы онъ такъ поступилъ. Передъ смертью онъ призвалъ къ себѣ Готлобу и Ганса и благословилъ ихъ любовь. Больше того. Уже задыхаясь, онъ вкратцѣ разсказалъ Гансу, что я на самомъ дѣлѣ — Іость Вильди изъ Зельмата и отецъ Готлобы. Я понимаю, почему онъ это сдѣлалъ: въ немъ загово-

рила не только совѣсть, но и трезвый мужицкій разсчетъ, не покинувшій его и на смертномъ одрѣ. Ему не хотѣлось обдѣлить своихъ собственныхъ дѣтей ради Готлобы, поэтому онъ сказалъ Гансу, что ничего не оставляетъ ей, но что современемъ она получитъ отъ меня болѣе крупное наслѣдство, чѣмъ онъ можетъ оставить ей. Вотъ почему онъ раскрылъ нашу тайну. Послѣ его поѣздки въ Гамбургъ ради спасенія Дуглоры, благороднѣйшаго поступка его жизни, это было самое разумное, что могъ придумать и осуществить недалекій умъ Хангштейнера. Юная парочка рѣшила обвѣнчаться въ маѣ. Гансъ самъ скажетъ Готлобѣ, самъ осторожно приподниметъ передъ нею завѣсу надъ прошлымъ. Я душевно радуюсь этому; всѣми фибрами сердца я рвусь къ моей дѣвочкѣ и чувствую, что мы съ ней, какъ отецъ и дочь, будемъ нѣжно любить другъ друга. Да благословитъ небо ихъ совмѣстный жизненный путь; пусть озаряютъ его солнце и душевный покой. Къ вашей свадьбѣ я тоже сойду въ долину и буду радоваться вашей великою радостью.

Готлоба сама телеграфировала мнѣ свой привѣтъ. Она такъ сердечно спрашиваетъ, какъ я себя чувствую, не очень ли мнѣ тяжело такое долгое одиночество. Они съ Гансомъ такъ тревожились за меня. На радостяхъ, что мы снова можемъ обмѣниваться мыслями, я отвѣтилъ, что чувствую себя превосходно. На самомъ дѣлѣ надо было бы сказать совсѣмъ другое. Но капитану корабля непріятно же говорить, что его судно идетъ ко дну, и капитулировать я еще успѣю. Я только радуюсь, что описалъ уже почти всю свою жизнь. Надо торопиться кончать, хотя теперь уже мнѣ остается досказать тебѣ немногое.

Моя бѣдная Бигъ пришла въ себя, но это была уже не жизнь, а медленное умираніе. Я никогда, ни словомъ, ни намекомъ не попрекнулъ ее. Что пользы упрекать? Когда человѣкъ самъ раздавленъ темными силами грѣха и вины, у кого хватитъ духу винить его?.. Полный глубокой жалости сидѣлъ я у постели моей жены и дожидался ея пробужденія. Съ жалобнымъ вздохомъ она раскрыла свои голубые глаза и едва слышно прошептала:

— Ты не ушелъ отъ меня, мой Іостъ? Не улетѣлъ за океанъ? Ты не отталкиваешь меня?

Я поцѣловалъ ее въ лобъ и отвѣтилъ, потрясенный:

— Вѣдь и я виноватъ не меньше тебя. Я помогу тебѣ снести это, моя бѣдная, милая Бигъ.

Ея дрожащіе пальцы искали моихъ; она слабо прижалась губами къ моей рукѣ и пролепетала:

— Благодарю тебя, Іостъ.

И ротъ ея искривился, какъ у ребенка, который вотъ, вотъ заплачетъ.

Весна была въ полномъ цвѣту. Въ каждой трещинѣ камня на склонѣ горы смѣялась и ликовала новая жизнь; жаворонокъ щебеталъ свою пѣсенку надъ скалами и моремъ; скоро раскрылись и почки розъ. Выздоровленіе Бигъ подвигалось медленно и было только внѣшнимъ. Даже когда ей уже разрѣшили гулять въ саду, я не рѣшался заговорить съ ней о томъ ужасномъ, о чемъ все-таки надо было заговорить, хоть и бережно, хоть и щадя ея больную душу. Ее все время лихорадило, она и на солнышкѣ зябла; яркая пышность южной весны не радовала ее, а навѣвала грусть; хуже того: когда я подходилъ къ ней, она испуганно вздрагивала. Я чувствовалъ, какъ мучаетъ ее мысль, что мнѣ извѣстна ея вина, какъ это подтачиваетъ ея волю къ жизни, какъ тѣни надъ нею сгущаются все мрачнѣй и мрачнѣй...

Какъ утѣшить ее, чѣмъ облегчить ея муки? Мнѣ пришла мысль написать Дуглорѣ и попросить у ней прощенія для насъ обоихъ; я былъ убѣжденъ, что Дуглора, отъ богатства своей глубокой благочестивой души, дастъ намъ отвѣтъ, который облегчитъ душевныя страданія Бигъ и дастъ намъ обоимъ возможность болѣе чистаго счастья, чѣмъ мы знали донынѣ. Трудно мнѣ было писать это письмо... Я старался ограничиться самымъ существеннымъ—сознаніемъ, что мы передъ ней виноваты и разсказомъ о покаянномъ признаніи моей жены въ самый трудный часъ ея жизни. О томъ, какъ мы устроились, какою жизнью живемъ, я ничего не сообщалъ ей и просилъ только прислать отвѣтъ до востребованія: «въ Тріестъ, Іосту Вильди». «Смиренно отдаю въ твои руки жизнь моей жены, тяжко оскорбленная Дуглора»—такъ заканчивалось письмо—«сжалься надъ нею—выведи ее изъ темницы ея нескончаемой муки».

Душевная скорбь обостряетъ чувства людскія. Я хотѣлъ скрыть отъ Бигъ это письмо, но она догадалась. Вся прозрачная и краше, чѣмъ когда-либо, она сидѣла со мной подъ глициніями садовой бесѣдки нашей маленькой виллы, вглядываясь грустными задумчивыми глазами въ бѣлые паруса на заливѣ. Только для того, чтобы что-нибудь сказать, я заговорилъ о нашихъ будущихъ полетахъ.

— Къ чему скитаться по свѣту?—отвѣтила она.—Я лучше останусь съ Геритой. Отъ себя все равно не уйдешь.—

Она склонила голову въ безутѣшной тоскѣ.—Ты написалъ письмо твоей бывшей невѣстѣ,—прошептала она—я знаю это, хоть и не видѣла, какъ ты писалъ; я чувствую все, что ты думаешь, дѣлаешь и намѣреваешься сдѣлать, и знаю, что ты написалъ это письмо изъ глубокаго состраданія ко мнѣ.—Блѣдной рукой она ласково погладила мою руку.—Благодарю тебя, мой Іостъ. Но не посылай этого письма. Оно только растревожитъ ея затихшую душу, а мнѣ и самый добрый отвѣтъ не поможетъ.

Она со стономъ поникла головкою.

Слова ея удивили и огорчили меня.

— Что же это будетъ, моя бѣдняжка? Надо же намъ какъ-нибудь жить.

Она изумленно уставилась на меня.

— Іостъ,—выговорила она тихо,—ты никогда не заглядывалъ въ тайники женской души, если думаешь, что женщина можетъ простить другой женщинѣ, то, въ чемъ я грѣшна передъ Дуглорою Имоберштегъ. Тебѣ, возлюбленному ея юности, она, конечно, проститъ, но не мнѣ; даже если скажетъ, что прощаетъ, то сердцемъ не проститъ никогда—никогда!—Въ голосѣ ея звучала глубокая безнадежность.

— Въ томъ мірѣ, который ты знаешь,—возразилъ я настойчиво и серьезно,—быть можетъ, и нѣтъ женщинъ, способныхъ простить оскорбившему ихъ, но тамъ, въ горахъ, женщины умѣютъ любить, и моя бывшая невѣста найдетъ въ себѣ силы это сдѣлать. Я знаю Дуглору. Это такая чистая, глубокая, набожная душа, что мою просьбу она исполнитъ и вернетъ тебѣ душевный покой.

Бигъ вздрогнула.

— Если и Дуглора Имоберштегъ проститъ мнѣ—Богъ не проститъ!—испуганно вырвалось у нея. Но я съ краснорѣчіемъ отчаянія такъ настойчиво уговаривалъ и убѣждалъ ее, что она наконецъ подняла голову.—О, мой добрый!—Какой ты добрый!—прошептала она, тихонько пожала мнѣ руку, и лицо ея какъ будто озарилось лучемъ надежды.—Да, пошли ей письмо. Скажи ей, что я смиренно, на колѣняхъ, прошу у нея прощенія, что если она отъ души проститъ мнѣ, я стану доброй и набожной, какъ она, передъ Богомъ и людьми. Бигъ умолкла и прижалась головкой къ моей груди; потомъ, прошептала такъ нѣжно, съ такой мольбой: —Іостъ, мнѣ такъ хотѣлось бы еще немножко пожить съ тобой!...

Подъ вліяніемъ моей твердой увѣренности въ томъ, что мы получимъ желанный отвѣтъ, надломленная душа моей жены какъ

будто начала выпрямляться. Она теперь позволяла мнѣ говорить, что мы еще увидимъ лучшіе дни и съ трепетной нѣжностью впивала въ себя слова надежды. Но прошла недѣля, а страстно ожидаемаго отвѣта все не было, и Бигъ снова впала въ глубокое уныніе. Ко всему безучастная, серьезная и задумчивая, сидѣла она въ уголкѣ и только головою качала, когда я пытался утѣшить ее. Я угадывалъ, о чемъ она думаетъ, и просилъ Гериту неотступно слѣдить за ней...

Грустный вернулся я изъ города снова съ пустыми руками. Бигъ, какъ безумная, кинулась мнѣ навстрѣчу.

— Она молчитъ? Вотъ видишь, видишь, Іостъ, ни она, ни Богъ не могутъ простить.

Настало утро слѣдующаго дня, а отвѣта все не было. Я не рѣшался отойти ни на шагъ отъ моей бѣдной жены, поглощенной мыслью о самоубійствѣ. И только пошелъ на минутку на почту попросить, чтобы, если мнѣ будетъ письмо, мнѣ прислали бы его на квартиру. Я не сомнѣвался въ Дуглорѣ, но страшно тревожился за Бигъ... На обратномъ пути меня встрѣтилъ маленькій сынъ Гериты, который, запыхавшись, бѣжалъ ко мнѣ.

— Госпожа Квифортъ куда-то ушла, а куда—никто не знаетъ.

Я страшно перепугался. Я зналъ, куда она ушла, только не зналъ, какою дорогой. Скоро я нашелъ ея слѣдъ,—но было ужъ поздно. Ее видѣли на вокзалѣ, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ зонтикомъ въ рукѣ. Она брала билетъ въ Венецію... Все мнѣ стало ясно: Дуино, замокъ на утесѣ, легенда... Вотъ на какой путь толкнулъ мою бѣдную Бигъ ея омраченный разсудокъ. Я бросился къ телеграфу. Было уже поздно. Никто не видалъ, какъ Бигъ бросилась въ море съ утеса, но, когда я наконецъ добрался до него, рыбаки указали мнѣ на камнѣ у самой воды изящный зонтикъ и легонькую, какъ паутинка, знакомую шляпку. Они свели меня къ самой водѣ. На лазурныхъ волнахъ мирно колыхалась морская крапива... Но вотъ что-то забѣлѣло среди нихъ—тонкая, безкровная рука... блѣдное личико... Бигъ—Бигъ!..

Былъ тихій, теплый вечеръ. Съ помощью рыбаковъ я извлекъ изъ моря тѣло жены моей и положилъ его въ лодку. Эти загорѣлые мужественные люди были взволнованы. Они обнажили головы, преклонили колѣна и пугливо разглядывали усопшую.

— Боже ты мой, какая красавица! И молоденькая совсѣмъ... Изъ-за чего она руки на себя наложила? Должно быть, мужу измѣнила,—шептались между собой рыбаки.

Нѣтъ, Бигъ не измѣнила своей любви. Вся ея вина въ томъ, что она слишкомъ много любила. Да простится ей ея грѣхъ!.. Утопленница лежала, прикрытая рыбачьимъ плащемъ. Отблескъ вечерней зари падалъ на ея милое личико, и оно казалось живымъ; на лицѣ этомъ лежало выраженіе глубокаго успокоенія; волны свѣтло-каштановыхъ волосъ словно мантіей красоты закрыли тоненькій, какъ тростинка, станъ. Стоя на колѣняхъ передъ нею, я держалъ ея холодную руку и плакалъ: «Бигъ, моя сказка, Бигъ, дорогая жена моя, мой добрый товарищъ, зачѣмъ ты ушла отъ меня?»

Отвѣтомъ была записочка, которую я нашелъ у нея на груди: «Такъ надо было. Я должна была это сдѣлать. Цѣлую и ласкаю тебя, мой несказанно любимый».

Взошла луна. Ночь была теплая, тихая; пахло цвѣтами; земля, море и небо слились въ одномъ благоуханномъ, полномъ нѣгѣ гимнѣ веснѣ. Лодка съ тѣломъ моей жены тихо плыла по направленію къ городу...

Въ тяжеломъ раздумьѣ, убитый горемъ сидѣлъ я на нашей маленькой виллѣ надъ мертвою Бигъ и, какъ нѣкогда, на «Сатурнѣ», стерегъ ея сонъ. Настало утро. Кто-то позвонилъ. Это былъ почтальонъ.

— Господинъ Квифортъ, я принесъ Вамъ письмо, съ надписью: «Іосту Вильди», о которомъ Вы нѣсколько разъ справлялись на почтѣ.

Отвѣтъ Дуглоры. Это было именно такое письмо, какого я ожидалъ — письмо разумной, кроткой, истинно набожной женщины.

«Дорогой Іостъ,—писала она,—твое письмо очень испугало меня и моего мужа. Я запоздала съ отвѣтомъ, потому что Хангштейнеръ вначалѣ ни за что не позволялъ мнѣ отвѣтить тебѣ. Но я такъ долго доказывала ему, что это нашъ долгъ, какъ христіанъ, что онъ наконецъ согласился. Сегодня онъ самъ свезетъ это письмо въ Цвейбрюкенъ.

«Итакъ, милый Іостъ, я прощаю тебѣ твое юношеское легкомысліе, прощаю охотно, ибо для меня все-таки было большимъ утѣшеніемъ убѣдиться изъ твоего письма, что ты гораздо меньше виноватъ, чѣмъ мы съ Хангштейнеромъ думали. Я все время искала тебѣ оправданія и теперь рада, что мое чутье не обмануло меня. А теперь прошу тебя объ одномъ: Забудь, что было въ Гамбургѣ и думай, какъ мы сами думаемъ, что наша старшая дѣвочка—дочка Хангштейнера. Пока онъ живъ, не вноси въ нашъ домъ смятенія и тревоги. Только подъ этимъ условіемъ

Хангштейнеръ позволилъ мнѣ написать тебѣ. Прилагаемое письмецо передай твоей женѣ. Послѣ долгой борьбы я наконецъ примирилась съ тѣмъ, что считаю Божьимъ велѣньемъ. Да будетъ миръ надъ всѣми нами. Аминь и привѣтъ.

Дуглора Хангштейнеръ».

Письмецо, адресованное Бигъ гласило:

«Госпожѣ Іостъ Вильди.—Ради Того, Кто умеръ за насъ на крестѣ, я Вамъ прощаю. Прощаю отъ глубины души и отъ чистаго сердца. Я изслѣдовала и провѣрила себя, какъ надлежитъ христіанкѣ. Ни единой капли злобы и обиды на Васъ больше во мнѣ не осталось. Желаю, чтобъ, эти правдивыя строки вернули Вамъ счастье и душевный покой. Тогда и для меня онѣ станутъ источникомъ мира и радости. Благослови Богъ Васъ и Іоста».

— Ты слышишь, ты слышишь, моя бѣдная Бигъ?—Припавъ головой къ блѣдному личику, утопающему въ цвѣтахъ, я рыдалъ, какъ ребенокъ. Но моя бѣдная Бигъ не слышала.

Эту маленькую записочку Дуглоры я положилъ на грудь покойницѣ и похоронилъ вмѣстѣ съ нею. Пусть она найдетъ ее въ день воскресенія. Она похоронена недалеко отъ Тріеста, надъ самымъ моремъ, въ тѣни кипарисовъ. Послѣ ея смерти я не могъ больше оставаться въ Тріестѣ. На ея могилѣ я былъ всего два - три раза, и мнѣ все казалось, что ее зарыли живую, что мнѣ нужно освободить ее... Поздно вечеромъ я пришелъ къ ней проститься. Море и земля до самыхъ лагунъ свѣтились какимъ-то страннымъ призрачнымъ свѣтомъ. Я молился: «Господи! Если правду говорили пророки, что настанетъ день, когда твои ангелы отъ Восхода до Заката возвѣстятъ міру Судъ и Воскресеніе, когда раскроются гробы и море выброситъ своихъ мертвецовъ, день, когда всѣ мы предстанемъ предъ Страшнымъ Судомъ Твоимъ—тогда, Господи, молю Тебя, умилосердись надъ бѣдной Абигаилью. Вспомни, что половина вины ея лежитъ на мнѣ и не разлучай насъ»...

Я отломилъ зеленую вѣточку отъ кипариса, шелестѣвшаго вѣтвями надъ могилой моей милой жены, и пошелъ съ ней въ далекій міръ. Я остался воздухоплавателемъ Лео Квифортомъ изъ Мексики, но избѣгалъ городовъ, въ которыхъ мы вмѣстѣ съ Бигъ поднимались на «Сатурнѣ». Мой новый шаръ звался «Кондоромъ». Съ нимъ я побывалъ и въ Тифлисѣ, и въ Тегеранѣ. Безостановочно, какъ Агасферъ, я одиноко скитался по тремъ частямъ свѣта и въ полетахъ своихъ становился все смѣлѣй и

отважнѣй, полный какой-то суевѣрной увѣренности, что я все равно не упаду.

Аэронавтъ Лео Квифортъ и не падалъ ни разу — упалъ только Іостъ Вильди, задумавшій вернуться на родину.

Объ этомъ возвращеніи на родину я еще разскажу тебѣ, Гансъ. Тогда моя исповѣдь будетъ закончена.

Милосердіе Дуглоры очистило тебя отъ грѣха твоего, моя кроткая Абигаиль. Спи же спокойно у моря подъ кипарисами, отдыхай отъ великой тоски, всю жизнь терзавшей тебя. Быть можетъ, и мужъ твой скоро уйдетъ на покой. Холодный восточный вѣтеръ врывается въ комнату сквозь пробитую крышу; стужа все возрастаетъ, и колотье въ груди усиливается...

XXVIII.

Странствуя по свѣту, я все внимательнѣе приглядывался къ игрѣ человѣческихъ страстей, къ людскимъ заблужденіямъ, грѣхамъ и страданіямъ. Развѣ ужъ такъ неслыханно согрѣшила Бигъ? Нѣтъ, человѣкъ тысячью способовъ можетъ убить душу другого, и это повторяется сплошь и рядомъ. Но большинство, если только имъ удалось сохранить обликъ честныхъ людей, шутя и съ легкимъ сердцемъ уходятъ, не удостоивъ и взглядомъ раздавленную жертву, которая остается лежать на дорогѣ.

Абигаиль же, на мигъ отуманенная, утратившая мѣру вещей, совершивъ злое дѣло, сама истерзала себя за свой грѣхъ, терпѣла несказанныя муки. Только благородная женщина можетъ такъ страдать изъ-за другой женщины, у которой она отняла счастье. Это постепенно примирило меня и съ ея проступкомъ, и съ ея добровольной преждевременной смертью.

Я думалъ, что я въ жизнь свою больше не дотронусь ни до одной женщины и твердо рѣшилъ это, но былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы сдержать обѣщаніе. На счастье или на несчастье себѣ, но и послѣ смерти моей жены я оставался любимцемъ женщинъ. Чѣмъ это обусловливалось?

Красивыхъ, хорошо сложенныхъ, элегантныхъ мужчинъ, находчивыхъ и умѣющихъ держать себя въ свѣтскомъ обществѣ, въ большихъ городахъ и въ тѣхъ кругахъ, гдѣ я вращался — сколько угодно. Быть можетъ, тутъ играла роль моя профессія. Женщины чрезвычайно воспріимчивы ко всему необычайному и готовы отдать свое сердце храброму, даже когда мужество его

чисто физическое. Даже когда я не обращалъ вниманія на нихъ, онѣ никогда не оставляли меня безъ вниманія, краснѣли и блѣднѣли при видѣ меня, дарили меня ласковыми взглядами и улыбками, льстили мнѣ, увѣряя, будто онѣ никогда не встрѣчали болѣе привлекательнаго человѣка; а тѣ, у которыхъ не хватало духу сказать это мнѣ, писали мнѣ очаровательныя раздушенныя письма, называя меня «орломъ». Всего охотнѣе я вѣрилъ тѣмъ, которыя признавались мнѣ, что не мое мужество, не сила воли, не гордый блескъ моихъ глазъ плѣнилъ ихъ, а какая-то задумчивая грусть, которая лежитъ на моемъ челѣ, когда я думаю, что за мной никто не наблюдаетъ. Это ли, или другое, но только женщинъ тянуло ко мнѣ, какъ магнитомъ. По слухамъ всѣ знали, что у меня была красавица жена, но самъ я никогда не говорилъ о ней и вообще никогда не касался моего прошлаго. Женскую любовь я пилъ полной чашей, но своего сердца не отдавалъ уже никогда. Я помнилъ о Дуглорѣ и не позволялъ себѣ воспользоваться мимолетнымъ увлеченіемъ честной женщины; помнилъ, что гдѣ-то тамъ въ горахъ у меня растетъ дочь, и никогда ни жестомъ, ни словомъ не смутилъ священнаго покоя невинности. И вспоминать объ этомъ мнѣ отрадно.

Втайнѣ я надѣялся среди многихъ женщинъ найти хоть одну, которая полюбила бы меня также нѣжно, какъ Абигаиль, и въ то же время могла бы стать мнѣ близкой душевно, ибо одна физическая любовь слишкомъ убога. Но второй Абигаили я не встрѣчалъ и началъ третировать женщинъ, любившихъ меня, свысока, и капризно, самъ иногда жалѣя обманутыхъ... Пресыщенный свѣтскими успѣхами, я началъ серьезно заниматься по зимамъ и носился съ мыслью объ управляемомъ аэростатѣ. Но скоро убѣдился, что это мнѣ не по силамъ и отказался отъ осуществленія своей идеи, затративъ на него значительную часть моего состоянія. Я убѣдился, что дирижабли не важны для человѣчества въ сравненіи съ разрѣшеніемъ болѣе серьезнаго вопроса: въ чемъ наибольшее счастье для человѣка и какъ достигнуть этого счастья и внутренняго усовершенствованія?

Жизнь—суровая школа, и въ своей карьерѣ воздухоплавателя я, наряду съ легкомысленными авантюрами, въ которыхъ потомъ всякій разъ каялся, пережилъ немало тяжелыхъ часовъ. Представь себѣ, Гансъ, какъ бы ты себя чувствовалъ, если бы ты, поднявшись подъ облака съ пассажиромъ, увидалъ, что пассажиръ этотъ зажигаетъ спичку, чтобы взорвать шаръ, и убѣдился бы, что передъ тобой сумасшедшій—если бы этотъ сума-

сшедшій цѣлился въ тебя изъ револьвера, а ты, безоружный, принужденъ былъ бы бороться съ нимъ на жизнь и смерть въ шаткой корзинѣ. Правда, я уцѣлѣлъ и ухитрился связать его, но, хоть я и не трусъ, этого ужаса я не забуду. Мнѣ почти ежедневно приходилось смотрѣть смерти въ глаза, но умереть отъ руки безумнаго мнѣ совсѣмъ не хотѣлось. Въ день этой вынужденной борьбы подъ облаками я впервые вспомнилъ, что въ сущности я посвятилъ себя воздухоплаванію не столько по внутреннему влеченію, сколько изъ любви къ Бигъ и потребности заглушить въ себѣ воспоминаніе о Дуглорѣ. А затѣмъ пришли и другія мысли—о томъ, что достойнѣе и полезнѣе для людей:—карьера ли воздухоплавателя, или же скромная доля безвѣстнаго пахаря вродѣ Хангштейнера, который воздѣлываетъ и призываетъ къ жизни дикій заброшенный участокъ земли? Я начиналъ тосковать по спокойной, простой обыкновенной жизни, по безвѣстности, и Габріель Лецбергеръ, въ полномъ одиночествѣ живущій тамъ гдѣ-то на снѣжной вершинѣ въ обсерваторіи, уже не казался мнѣ такимъ глупымъ, какъ прежде.

Постепенно я пресытился и женскою нѣжностью, но зато полюбилъ глядѣть въ любопытные и сочувственные дѣтскіе глазки, и каждый разъ при этомъ меня хватала за душу щемящая тоска и потребность увидѣть свое дитя тамъ въ горахъ. На кого она больше похожа—на меня или на Дуглору? Есть ли въ глазахъ ея тотъ гордый блескъ, какъ у меня? Льется ли въ жилахъ ея дикая кровь? Вѣдь я же люблю ее, я отецъ ея, неужели же я ничего не могу для нея сдѣлать?.. Такъ раздумывалъ я иногда, готовясь къ полету на глазахъ у любопытной толпы и женщинъ, флиртовавшихъ вокругъ меня.

На тридцать шестомъ году у меня пропалъ всякій вкусъ къ скитаніямъ по свѣту. Надъ Парижемъ, гдѣ я проводилъ зиму, уже снова плыли легкія бѣлыя облака, предвѣстники весны. И меня потянуло вдаль. Я рѣшилъ совершить турнэ по Нидерландамъ и городамъ, лежащимъ вдоль нѣмецкаго Рейна, вплоть до тѣхъ краевъ, гдѣ протекло мое дѣтство. А осенью, какъ чужой, какъ случайный туристъ, посѣтить родную деревню и подстеречь возможность повидать свое дитя, а можетъ быть издали и Дуглору. А затѣмъ аэронавтъ Лео Квифортъ перестанетъ существовать. На родину мнѣ возврата нѣтъ изъ-за Дуглоры—пусть такъ. Я уѣду за море, вернусь въ Марсиль—тамъ, можетъ быть, еще кое-кто меня помнитъ—и закончу жизнь, какъ простой обыватель.

Все это было еще не рѣшено, только намѣчено.

Какъ вдругъ пришло письмо изъ Сантъ-Якоба. Одинъ изъ тѣхъ земляковъ, съ которыми я познакомился въ Римѣ отъ имени комиссіи по устройству большой промышленной выставки, спрашивалъ меня, на какихъ условіяхъ я бы согласился провести съ своимъ шаромъ лѣто въ Сантъ-Якобѣ, поднимаясь на немъ ежедневно несвободнымъ полетомъ. Какъ и всѣ аэронавты, я не любитель несвободныхъ полетовъ, и мнѣ не хотѣлось бы приковывать моего вольнаго «Кондора» веревкой къ землѣ: но меня потянуло на родину и, съузивъ всѣ свои прочіе планы, я заключилъ контрактъ съ Сантъ-Якобомъ и въ маѣ прибылъ туда, въ качествѣ воздухоплавателя Лео Квифорта.

Всѣмъ чужой здѣсь, я тѣмъ не менѣе съ замираніемъ сердца прислушивался къ родному говору, присматривался къ знакомой мнѣ съ дѣтства жизни. Люди здѣсь простые, и говоръ ихъ не изъ красивыхъ, но для меня ихъ грубая рѣчь звучала нѣжной, давно желанною пѣснью далекихъ дней юности. Іость Вильди ожилъ во мнѣ и блаженствовалъ. А между тѣмъ Сантъ-Якобъ вѣдь не былъ мнѣ родиной— я родился въ долинѣ Зельмата. Я часами стоялъ на берегу озера, вглядываясь поверхъ его свѣтло-лазурныхъ водъ въ другой южный берегъ и посылая привѣтъ горѣ моихъ предковъ, гордой зубчатой вершинѣ Фейерштейна, увѣнчанной короной вѣчныхъ снѣговъ. Мнѣ чудилось, что вершина эта свѣтится какимъ-то неземнымъ свѣтомъ. И въ груди моей звучали ласковые родные напѣвы...

Всего сильнѣй охватила меня тоска на третій вечеръ послѣ моего пріѣзда, еще до открытія выставки. Городъ и озеро уже окутали голубоватые сумерки, но Фейерштейнъ весь пылалъ, точно въ огнѣ. И въ заревѣ заката какъ-то особенно свѣтилась одна яркая точка—огонекъ въ окнахъ обсерваторіи... Это подѣйствовало на меня, какъ звукъ альпійскаго рога на того швейцарскаго юношу въ Страсбургѣ... Зачѣмъ мнѣ ждать осени?

Нѣтъ, я еще до открытія выставки долженъ подняться на Фейерштейнъ,—завтра же... Захваченный этой мыслью, я цѣлую ночь не сомкнулъ глазъ и уже за часъ до отхода перваго парохода стоялъ на берегу озера, отливавшаго перламутромъ. Родина, родина!.. Сейчасъ я переѣду черезъ озеро въ Туфвальдъ, тамъ позавтракаю, поднимусь на Фейерштейнъ, отдохну часокъ въ обсерваторіи, а къ вечеру еще до сумерекъ буду въ Зельматѣ. Подкрадусь неслышно къ дому Хангштейнера, загляну въ освѣщенныя окна, увижу личико и глаза моей дѣвочки и запечатлѣю ихъ въ своей душѣ, услышу, какъ Дуглора съ Готлобой набожно пропоютъ вечернюю молитву. Благословлю ихъ и тихонько уйду.

За ночь доберусь до Цвейбрюкена, а утромъ сяду на поѣздъ и вернусь въ Сантъ-Якобъ, какъ разъ во время, къ началу моей работы.

Утро было тихое и теплое.

— Горы вчера были слишкомъ красивы,—толковали между собой пассажиры на пароходѣ,—надо ждать перемѣны погоды.

Какъ воздухоплаватель, я тоже зналъ это, но темный вечеръ и гроза были мнѣ какъ разъ на руку, благопріятствуя моимъ планамъ относительно Зельмата. А бояться? — мало ли я видѣлъ въ воздухѣ молній и грозъ!.. Меня неудержимо тянуло впередъ. Кровь стучала въ виски. «Вечеромъ! Вечеромъ!» — кричало неугомонное сердце. Къ полудню я добрался уже до половины горы, миновалъ уже полосу горныхъ лѣсовъ и горныя пастбища. Наверху воздухъ былъ тяжелый, удушливый; трудно было дышать. Я оглянулся. Чортъ возьми! дѣло обстоитъ хуже, чѣмъ я ожидалъ. Горы стояли, словно свинцовыя, облитыя страннымъ, неестественнымъ свѣтомъ; но я такъ рвался сердцемъ на родину, что забылъ всякую предосторожность. Вдали уже маячила будка обсерваторіи. Я продолжалъ подниматься.

— Вы выбрали для восхожденія на гору очень опасный день,—изумленно привѣтствовалъ меня завѣдующій обсерваторіей.—Не пройдетъ и часу, какъ разразится такая буря съ грозою, какой уже много лѣтъ не видано въ этихъ мѣстахъ. Инструменты бьются, какъ птицы въ воздухѣ и указываютъ на землетрясеніе.

Завѣдующій былъ, дѣйствительно, очень безобразенъ лицомъ, какъ предупреждали газеты, но умный, образованный человѣкъ, и, когда я сказалъ ему, что я—воздухоплаватель Лео Квифортъ, мы сразу разговорились.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вамъ извѣстны всѣ тайны атмосферы,—засмѣялся онъ.—Я всегда охотно читалъ про ваши полеты.

— А я про васъ...—улыбнулся я.—А вѣдь я думаю сегодня еще спуститься къ Зельмату. Что вы на это скажете?

Я отдохнулъ немного, но разговаривать уже было некогда. Гроза разразилась съ ужасающей быстротой; весь западъ обложили густыя, черныя тучи; только на востокѣ вдали было еще свѣтло. Все наше вниманіе было сосредоточено на инструментахъ. Они трепетали точно отъ испуга. Электричество потоками лилось черезъ обсерваторію, трещало на полу и на крышѣ, сверкало искорками на выдавшихся впередъ зубахъ завѣдующаго: у насъ обоихъ словно мурашки бѣгали по тѣлу; телеграфные аппараты хлопали и выбрасывали искры. Блѣднѣя, я спрашивалъ:

— Хорошо ли у васъ дѣйствуютъ громоотводы?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ, также блѣдный, какъ полотно; — но такому испытанію они еще не подвергались. Ради Бога, г. Квифортъ, уходите отсюда—здѣсь всего опаснѣе.

Не успѣлъ онъ выговорить этого, какъ всю обсерваторію словно залило адскимъ огнемъ. Молнія огненнымъ шаромъ прокатилась по комнатѣ; у меня было такое ощущеніе, какъ будто у меня кожу содрали со спины и съ пальцевъ руки, а лицо прижгли горячими щипцами. Но я устоялъ на ногахъ и не потерялъ сознанія. Молнія погасла, даже не зажегши стѣнъ обсерваторіи, лишь оставивъ по себѣ удушливый запахъ сѣры и расплавивъ металлическія части инструментовъ. Лецбергеръ упалъ на колѣни и такъ и остался. Я поспѣшилъ ему на помощь, приподнялъ его; изъ крохотнаго обожженнаго мѣстечка на вискѣ вытекла капелька крови. Онъ еще дышалъ, но все слабѣй и слабѣй, и говорить ужъ не могъ; въ глазахъ его гаснулъ свѣтъ.

Не знаю, хотѣлъ ли я заявить въ Зельматѣ о смерти завѣдующаго, или просто мнѣ захотѣлось поскорѣе уйти съ этой вершины, сверкавшей молніями и заряженной электричествомъ, какъ лейденская банка, но только, оставивъ мертвеца, я поспѣшилъ въ долину. Возлѣ скалы, зовущейся Стопою Дьявола, меня захватила снѣжная мятель; ослѣпленный кружащимся въ воздухѣ снѣгомъ и молніями, я неудачно шагнулъ, поскользнулся на снѣгу, упалъ, удержался за выступъ скалы, но, не находя опоры ногамъ, принужденъ былъ выпустить его, снова упалъ, долго катился внизъ, ударяясь о камни, потомъ потерялъ сознаніе. Должно быть я нѣсколько часовъ пролежалъ въ обморокѣ... Когда я очнулся, на тѣлѣ моемъ намело порядочно снѣгу. Все мое тѣло было изранено; лѣвая нога адски болѣла—очевидно, она была вся раздроблена. То безъ сознанія, то приходя въ себя я провелъ мучительнѣйшую ночь... Чего только не передумалъ я за эту ночь!.. Я, грудью встрѣчавшій небесныя бури, упалъ, поскользнувшись на горной тропинкѣ, знакомой мнѣ съ дѣтства, со скалы, которая вовсе и не считалась опасной. Откуда-то, изъ мистическихъ глубинъ сознанія вынырнула мысль: «это духи твоихъ предковъ мстятъ тебѣ за то, что ты въ Мексикѣ отрекся отъ нихъ». Но все же мнѣ было утѣшеніемъ, что я мучаюсь въ родномъ краю.— Прости теперь, воздухоплаваніе! Пусть кто хочетъ летитъ на привязанномъ шарѣ въ Сантъ-Якобѣ.

Къ утру гроза миновала. Забрезжилъ разсвѣтъ. Волоча за собой разбитую ногу, я кое-какъ на рукахъ дотащился до до-

роги. Найдетъ ли меня здѣсь кто-нибудь?—Навѣрное. Не получая депешъ и отвѣтовъ отъ Лецбергера, долженъ же будетъ завѣдующій зельматскою станціей послать людей на Фейерштейнъ — узнать, что тамъ случилось... Часы тянулись томительно медленно. Наконецъ, около одиннадцати, до меня донесся собачій лай. Я съ трудомъ подполз еще немного ближе къ дорогѣ. Подъ предводительствомъ твоего предшественника, милый мой Гансъ, который теперь учителемъ въ Гауенбургѣ, шли четверо крестьянъ. Они увидали меня, такъ какъ я подтвердилъ имъ, что завѣдующій обсерваторіей убитъ на мѣстѣ молніей, они сначала снесли меня полуживого, въ долину. Я умолялъ нести меня прямо въ Цвейбрюкенъ — мнѣ не хотѣлось, чтобъ меня узнала Дуглора. Но они, разумѣется, и вниманія не обратили на мою нелѣпую просьбу.

— Снесемъ его прямо къ Хангштейнеру,—рѣшили они.— Больше, вѣдь, въ Зельматѣ ни у кого и кровати лишней въ домѣ не найдется.

Такъ какъ я совсѣмъ ослабѣлъ и поминутно лишался чувствъ, я не могъ имъ противиться и очнулся уже въ домѣ Хангштейнера.

Пока не потускнѣетъ мой взоръ подъ зловѣщими тѣнями смерти, я всегда съ умиленіемъ буду вспоминать кроткое, умиротворенное женское лицо, появившееся въ дверяхъ простенькой, но уютной горницы съ деревянными, некрашенными стѣнами, скромно одѣтую по крестьянски женщину, которая осторожно подошла къ моей постели, склонилась надо мной и, силясь выражаться литературнымъ языкомъ, спросила:

— Сударь, могу я предложить вамъ немного бульону?—И вдругъ, ложка дрогнула у нея въ рукѣ. И, пораженная, она тихонько вскрикнула: — Ради самаго Бога, ты ли это, Іостъ? мой Іостъ!—И подняла къ небу поблѣднѣвшее лицо и большіе темные отуманенные глаза, словно искала защиты у Бога.

Дуглорѣ снова пришлось пережить изъ-за меня не мало волненій. Хангштейнеръ бѣсился и негодовалъ на мое пребываніе въ его домѣ. Но я былъ слишкомъ боленъ, чтобы меня можно было вышвырнуть, или хотя бы перенести въ другое мѣсто. Мы свидѣлись съ нимъ, когда я уже ковылялъ по комнатѣ на костыляхъ. А къ этому времени милосердіе и любовь Дуглоры уже выяснили все, что оставалось между нами темнаго и невыясненнаго. Какъ ни былъ Хангштейнеръ недовѣрчивъ и подозрителенъ къ людямъ, женѣ своей онъ вѣрилъ, какъ святой. Да и какой человѣкъ могъ бы не повѣрить Дуглорѣ? Вѣдь ты

зналъ ее, Гансъ, ты своими глазами видѣлъ, какимъ уваженіемъ и любовью ее окружали въ Зельматѣ. Когда мы свидѣлись, наконецъ, послѣ долгой разлуки, съ той, которая вынесла изъза меня столько страданій, ея матерински-ласковое лицо озарилось какъ бы нѣжнымъ отсвѣтомъ, послѣднимъ привѣтомъ молодости, но въ ея рыжевато-каштановыхъ волосахъ засеребрились первыя бѣлыя нити. Я съ грустью корилъ себя: это изъза тебя она посѣдѣла. Но въ кроткихъ глазахъ ея былъ отблескъ душевнаго мира—мира Господня, снизошедшаго на душу, которая съумѣла стать выше житейскихъ бурь и волненій. Ея покой былъ мнѣ священенъ. Моя любовь къ Дуглорѣ была чистой и благоговѣйной; ни одна женщина въ мірѣ не внушала мнѣ еще такого чувства, и простенькая крестьяночка, отъ щедротъ своей глубоко-религіозной и чистой души, удѣлила мнѣ много такого, чего не могли дать мнѣ женщины высшаго свѣта. И, разсказывая ей темное и бурное прошлое, я на каждомъ шагу чувствовалъ въ отвѣтахъ Дуглоры побѣждающую и соблазны міра, и смерть силу женской души, съ ранней юности проникшейся живой и дѣйственной вѣрою въ Бога.

Уже на второй день она привела ко мнѣ Готлобу—наше дитя. Сколько огня было въ этомъ живомъ, пылкомъ ребенкѣ, какой блескъ крови дикарки въ темныхъ глазахъ, какая изумительная красота, чуткость и сильная воля къ жизни, которыя бываютъ только въ дѣтяхъ, рожденныхъ отъ союза двухъ искренне любящихъ! Вначалѣ нашъ альпійскій цвѣтокъ былъ робокъ, застѣнчивъ и немного дичился меня, но прошло нѣсколько дней и недѣль, и она уже не отходила отъ чужого больного дяди и съ милымъ лукавствомъ говорила:

— Больше вы не уйдете отсюда, г. Квифортъ. А, если вздумаете уйти изъ Зельмата, я протяну веревку черезъ долину и не пущу васъ.

Подъ ея милую болтовню, глядя въ ея довѣрчивые, милые глазки, я забывалъ свои жестокія боли.

Но Хангштейнера и тревожила эта возрастающая привязанность ко мнѣ дѣвочки, и вызывала въ немъ ревность. Однажды вечеромъ, когда я уже началъ ходить, мы сидѣли съ Дуглорой на скамеечкѣ передъ домомъ, любуясь закатомъ и глядя на зеленѣющія поля моей воскресшей родины, среди которыхъ только высокій могильный крестъ на мѣстѣ обвала напоминалъ о погибшей деревнѣ.

— Іостъ,—улыбнулась мнѣ подруга моей юности,—дай

Богъ, чтобы здѣсь, гдѣ прошла твоя юность, миръ снизошелъ и на твою мятежную душу.

И она стала просить меня, пока живъ Хангштейнеръ, не вносить смятенія въ сердце Готлобы и враждебности къ дѣвочкѣ въ душу ея пріемнаго отца. Я былъ глубоко обязанъ Дуглорѣ; глубоко виноватъ передъ ней; ея просьба была для меня Божіей заповѣдью; и я далъ ей обѣтъ молчать. А для того, чтобы имя «Іостъ Вильди» не вызвало въ тѣхъ, кто еще помнилъ его, воспоминаній о нашей юной любви, я остался для всѣхъ горныхъ жителей Лео Квифортомъ изъ Мексики.

Къ мірской суетѣ я вернуться уже не могъ. И, такъ какъ никто не пожелалъ занять мѣсто Габріэля Лецбергера, перваго метеоролога, убитаго молніей на снѣжной вершинѣ, я, хромой калѣка, теперь уже мало на что пригодный, съ согласія и одобренія Дуглоры поселился на горѣ моихъ отцовъ, въ качествѣ метеоролога. Я сдѣлалъ это подъ наплывомъ благодарности Богу, за то, что Онъ далъ мнѣ примириться съ возлюбленной моей юности, изъ сердечной привязанности къ моей прелестной дочуркѣ и изъ любви къ странѣ, гражданиномъ которой я такъ легкомысленно отказался быть. Духи родины, навѣрное, уже не гнѣваются на меня, и ты тоже, мой покойный учитель Каспаръ, но для моего народа я остался «мексиканцемъ», загадочнымъ человѣкомъ, окруженнымъ непроницаемой тайной. И теперь, когда я, освобожденный отъ всякихъ обязательствъ, могъ бы открыто назвать себя Іостомъ Вильди, у меня уже нѣтъ охоты приподнять покровъ тайны. Да и недолго уже звучать этому имени. Какъ у меня колетъ въ груди!.. Хангштейнеръ самъ уже все сказалъ моему Гансу. Я надѣюсь, что и ты, Готлоба, прочтешь эту исторію моей жизни и простишь мнѣ, какъ простила мнѣ твоя мать. Ты прочтешь ее, когда станешь взрослою женщиной. Только бы мнѣ хоть разъ до того услыхать изъ устъ твоихъ сладостное слово: «отецъ»!

Отшельническая жизнь далась мнѣ не очень трудно. Для того, кто пережилъ много жизненныхъ бурь и превратностей судьбы, въ одиночествѣ есть что-то возвышающее и чистое. Одинъ только день былъ для меня очень тягостнымъ—день похоронъ моей нѣжно любимой Дуглоры, которая три года тому назадъ скончалась послѣ недолгой болѣзни. Я не могъ отдать ей послѣдняго долга... Но зато, въ моемъ воспоминаніи она живетъ, какъ святая. И мнѣ кажется, что земной путь такъ много выстрадавшей Дуглёрли былъ все же менѣе тернистымъ, чѣмъ жизнь моей блѣдной Абигаили.

А потому я останусь съ тобой, мой добрый товарищъ, моя любимая жена. Что бы ни ждало насъ тамъ, за гробомъ, я буду съ тобой, моя Абигаиль.

Вотъ исповѣдь моей жизни. Аминь—аминь—аминь!

Нѣтъ, еще одна страница — послѣдняя. Прошло три дня. Крыша надъ моимъ домикомъ стала совсѣмъ дырявая; холодъ ужасный, дрова почти вышли, и къ колотью въ груди присоединилась жестокая лихорадка. Гансъ телеграфировалъ мнѣ, что въ субботу придетъ ко мнѣ и останется до воскресенья. Я въ отвѣтъ сознался ему, какъ мнѣ приходится круто и—капитулировалъ. Сегодня же Гансъ придетъ сюда съ нѣсколькими людьми, чтобы перенести меня въ долину. Я всегда былъ готовъ умереть на своемъ посту, какъ мой предшественникъ. Это было бы и достойнѣе, но прежде, чѣмъ я закрою глаза, мнѣ хотѣлось бы еще разъ взглянуть въ глаза моей Готлобы. Если это пришелъ мой послѣдній часъ, пусть она и Гансъ закроютъ мнѣ глаза. Мои звѣрюшки, вѣрные товарищи моего одиночества, тоже сойдутъ со мною въ долину,—даже моя «Ми», моя бѣлая мышка. Въ моемъ завѣщаніи они не забыты. Я привелъ въ порядокъ всѣ свои дѣла и документы, прибралъ въ обсерваторіи, насколько это было возможно, завелъ всѣ часовые механизмы, автоматически записывающихъ приборовъ — теперь пусть уже Гансъ увѣдомитъ метеорологическую станцію въ Сантъ-Якобѣ, что завѣдующій подалъ въ отставку.

Еще одна мелочь. Не знаю, кто будетъ моимъ преемникомъ. И, чтобъ не огорчать его, на всякій случай, сниму со стѣны изреченіе древняго персидскаго мудреца, висѣвшее надъ моею кроватью. Меня оно не разъ утѣшало, но юное сердце оно можетъ обидѣть.

«Ist einer Welt Besitz für dich zerronnen,
Sei nicht in Leid darüber,—es ist nichts;
Und hast du einer Welt Besitz gewonnen,
Sei nicht erfreut darüber,— es ist nichts.
Vorüber gehn die Schmerzen und die Wonnen:
Geh an der Welt vorüber —es ist nichs!»

(Если ты владѣлъ цѣлымъ міромъ и утратилъ его, не огорчайся—обладаніе міромъ—ничто; и, если ты пріобрѣлъ цѣлый міръ, не радуйся—это ничто. Мимо проходятъ и скорби, и радости; пройди и ты мимо міра—онъ ничто»).

Жизнь, поистинѣ, немногимъ болѣе можетъ дать, чѣмъ полетъ на «Сатурнѣ». Но все же я благодарю тебя, милая мать,

что ты подарила мнѣ жизнь, и съ нею радость и муки любви. Если когда-нибудь погибнетъ вселенная, въ пустомъ пространствѣ все еще будетъ звучать отзвукъ саги: «Было нѣкогда чудо—женщина. И самое загадочное въ женщинѣ была—любовь. Въ добрѣ и во злѣ она была самой неразрѣшимой загадкой на землѣ и въ звѣздномъ пространствѣ».

Гансъ идетъ. Я безконечно радуюсь свиданью съ Готлобой, но растроганъ до слезъ разлукой съ тобой, моя обсерваторія, мой Фейерштейнъ.

Іостъ Вильди, метеорологъ.

Къ жизнеописанію завѣдующаго обсерваторіей Гансъ Штюнци присоединилъ еще одну страничку:

«Когда мы донесли его до дому онъ былъ уже при смерти. Готлоба, подготовленная мною, склонилась надъ умирающимъ:

— Отецъ!—шепнула она ему.—Отецъ!

Какая-то растерянная улыбка блуждала на его устахъ; онъ раскрылъ все еще прекрасные темные глаза и обнялъ Готлобу.

— Дитя мое!—выговорилъ онъ нѣжно и радостно.

— Отецъ!—повторила Готлоба.

Онъ умеръ счастливымъ и просвѣтленнымъ. Альпійскіе цвѣты Зельмата, цвѣтите, цвѣтите на его могилѣ! Правда, сердце Іоста Вильди на время озлобилось противъ родины, но безконечно сильнѣе его гнѣва была его любовь.

Съ нѣмецкаго З. Журавская.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(Наша сахарная промышленность и брюссельская конвенція).

Въ нынѣшнюю кампанію наша сахарная промышленность снова переживала тревожное время. Стоялъ вопросъ объ увеличеніи нашего вывоза за границу, о возобновленіи брюссельской сахарной конвенціи; въ Государственной Думѣ обсуждался законопроектъ о пониженіи акциза и расширеніи производства сахара-песка. Биржи, на которыхъ обращается сахаръ, нервно слѣдили за ходомъ переговоровъ между правительствами Россіи, Великобританіи, Германіи и Австро-Венгріи; въ обществѣ снова стали обсуждать вопросы сахарной промышленности съ тѣмъ особымъ вниманіемъ, которое привлекала къ себѣ дѣятельность сахарозаводчиковъ уже не разъ. И все это вмѣстѣ выдвигало опять въ ряду проблемъ нашей экономической политики проблему законодательства о сахарной промышленности на первый планъ.

Не случайность, что вновь и вновь обозрѣвателямъ русской хозяйственной жизни приходится обращаться все къ той же проблемѣ. И видное значеніе, которое принадлежитъ сахарной промышленности въ Россіи, и быстрый ростъ ея, и исключительное положеніе, въ которое она у насъ поставлена, заставляютъ особенно пристально присматриваться къ ней.

Въ кампанію 1911—12 г. у насъ было засѣяно свекловицей 721.000 дес., и производство сахара составило 114 милл. пудовъ. Если принять, что посѣвы свеклы занимаютъ въ сѣвооборотѣ въ среднемъ пятую часть пахатныхъ угодій, то площадь пахатныхъ земель, на культурѣ которыхъ они отражаются, составляетъ въ настоящее время болѣе $3^1/_2$ милл. дес. А такъ какъ плантаціи распространены главнымъ образомъ лишь въ юго-западныхъ, малороссійскихъ, центральныхъ черноземныхъ и привислянскихъ губерніяхъ,

то ясно, что въ этихъ районахъ сбытъ свекловицы на заводы очень часто является факторомъ рѣшающаго значенія при опредѣленіи плана полеваго хозяйства, интенсивности обработки и доходности земли. Что касается общей суммы цѣнностей, производимыхъ сахарной промышленностью, то она превосходитъ,—при рыночныхъ цѣнахъ и размѣрахъ производства нынѣшняго года,—200—250 милл. руб., не считая тѣхъ 125 милл. р. акциза, которые должно получить государственное казначейство. Это, въ условіяхъ русскаго народнаго хозяйства, огромныя величины. И притомъ это величины недавняго происхожденія: за послѣднія тридцать лѣтъ наша сахарная промышленность возросла въ нѣсколько разъ. Въ 1881—82 г. свекловицей засѣяно было 223.000 дес.; собрано было ея 264 милл. пудовъ и выработано сахара около 16 милл. п. Десятилѣтіемъ позднѣе засѣваются 285 т. дес., урожай достигаетъ 318 милл. п., а производство сахара—28 милл. п. Въ 90-хъ годахъ темпъ развитія быстрѣе. Въ 1901—2 г. засѣяно 542.000 дес., собрано 600 милл. п. свекловицы и изъ нея выработано 59 милл. пудовъ. Затѣмъ эволюція, до тѣхъ поръ довольно равномѣрная, прерывается. Посѣвы и производство сперва падаютъ, потомъ поднимаются опять. Еще въ 1909—10 г. количество выработаннаго сахара едва превышаетъ производство кампаніи 1901—02 года. Въ слѣдующіе годы снова наблюдается значительный скачекъ вверхъ, вызванный хорошими цѣнами на сахаръ и общимъ оживленіемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ 1910—11 г. площадь посѣва свекловицы, сборъ ея и производство сахара достигаютъ: 613.000 дес., 808 милл. и 118 милл. пудовъ, а въ нынѣшнемъ году 721 т. дес., 826 милл. и 114 милл. пудовъ.

Ростъ нашей сахарной промышленности совершается быстро. Но онъ не совершается свободно. Рынокъ русскаго сахара—какъ внутренній, такъ и внѣшній,—ограниченъ закономъ и договоромъ. Законодательство, опредѣляющее общіе размѣры снабженія внутренняго рынка и долю каждаго завода въ «контингентѣ», въ основныхъ своихъ чертахъ общеизвѣстно. Емкость внутренняго рынка ежегодно фиксируется циркуляромъ министра финансовъ, и ростъ этого рынка происходитъ довольно независимо отъ роста производства. Такъ, въ среднемъ за пятилѣтіе 1901/02—1905/6 гг. производство составляло 52 милл. пудовъ, а потребленіе 49 милл. Вслѣдствіе промышленнаго упадка и войны, кризиса помѣщичьяго хозяйства и отказа присоединиться къ брюссельской конвенціи 1902 г., закрывшаго для насъ западные рынки, производство и потребленіе страны,—оба на низкомъ уровнѣ,—приблизительно уравновѣсили тогда другъ друга. Въ пятидесятилѣтіе 1906/07—1901/11 г.

производство поднимается на 37% (въ среднемъ 80 милл. п.), а потребленіе на 30% (63 милл. п.) И пятая послѣдняя кампанія сравнительно съ средней за предшествующіе пять лѣтъ обѣщаетъ дать увеличеніе въ производствѣ на 42%, (114 милл. п.) а въ потребленіи на 16% (73 милл. п.). Разность между производствомъ и потребленіемъ за эти періоды отъ 3 милл. п. въ годъ возрастаетъ до 17 милл. и доходитъ наконецъ до 41 милл. На внутреннемъ рынкѣ нашъ сахаръ не находитъ себѣ достаточнаго мѣста, и экспортъ является для сахарной промышленности необходимостью.

Но условія вывоза русскаго сахара за-границу регламентированы такъ же строго, какъ и условія сбыта его въ Россіи. И здѣсь и тамъ торговлю сахаромъ ограничивалъ контингентъ. Норма вывоза установлена для насъ брюссельской конвенціей.

Конвенція существуетъ съ 1902 года и была заключена по почину Англіи. Она уничтожила вывозныя преміи, запретительныя таможенныя пошлины и чрезвычайно обострившуюся конкурренцію французскаго, германскаго и австрійскаго сахара на свободномъ англійскомъ рынкѣ. Мы не могли присоединиться къ конвенціи въ качествѣ равноправнаго и равнообязаннаго члена ея ни въ 1902, ни въ 1907 г., такъ какъ наши сахарозаводчики не желали отказаться отъ контингента внутренняго потребленія и высокихъ ставокъ таможеннаго тарифа, обезпечивавшихъ взвинченныя цѣны на русскомъ рынкѣ; а державы, участвовавшіе въ конвенціи, усматривали въ нашемъ законодательствѣ скрытыя преміи за вывозъ сахара за-границу. Отказъ присоединиться къ конвенціи въ 1902 году имѣлъ для насъ печальное послѣдствіе. Англія запретила ввозъ премированнаго русскаго сахара. Пять лѣтъ спустя само же англійское правительство пожелало однако отказаться отъ своей репрессивной мѣры. Это дало намъ возможность присоединиться къ конвенціи въ 1907 году на особыхъ основаніяхъ, и поддержка либеральнаго англійскаго правительства, стремившагося обезпечить странѣ дешевый сахаръ, помогла намъ достигнуть въ результатѣ переговоровъ въ общемъ выгодныхъ условій. Мы сохранили все свое законодательство, но были зато ограничены въ правѣ вывозить сахаръ на внѣшніе рынки, кромѣ нашихъ такъ называемыхъ, естественныхъ рынковъ: Финляндіи, Персіи и Китая. Ограниченіе было, однако, по тому времени не особенно чувствительнымъ. Контингентъ нашего вывоза опредѣленъ былъ въ одинъ милліонъ тоннъ—60 милл. пудовъ за все пятилѣтіе, т. е. по 12 милл. пудовъ въ годъ. Такъ какъ производство сахара въ пятилѣтіе 1902/3—1906/7 составляло въ среднемъ 62 милл. пудовъ, а потребленіе 51 милл. и, кромѣ этого спроса, у насъ оставался еще спросъ потребителей нашихъ «естественныхъ»

внѣшнихъ рынковъ, то предоставленный намъ контингентъ вывоза, казалось, удовлетворялъ насъ вполнѣ. Въ первые три года по присоединеніи къ конвенціи, нашъ вывозъ, дѣйствительно, стоялъ ниже предѣльной нормы, но уже въ кампанію 1910/11 гг., конъюнктура стала для насъ неблагопріятной. Въ нынѣшнюю кампанію—послѣднюю, на которую распространялось соглашеніе 1907 года, она сдѣлалась критической.

Урожаи свекловицы 1910 и 1911 г.г., были у насъ необычайно обильны. Первый далъ, какъ мы уже видѣли, 808 милл. пудовъ, второй 826 милл. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, стояло и производство сахара. Отъ кампаніи 1910/11 гг., къ нынѣшней сахарной кампаніи перешелъ остатокъ въ 33,5 милл. п. При производствѣ въ 114 милл. 1911/12 гг., все количество сахара, которымъ располагаетъ страна, поднялось до 147,5 милл. п. Контингентъ потребленія опредѣленъ въ 1911 г. въ 73 милл., неприкосновенный запасъ въ 8 милл. На свободные рынки мы вывеземъ вѣроятно около 8 милл. пуд., а на конвенціонные имѣемъ право вывезти 12 милл. Это составляетъ все вмѣстѣ 101 милл. п. Для остатка въ 46 милл., сахарная промышленность не находила помѣщенія. При цѣнахъ, которыя платили осенью за экспортируемый сахаръ, 46 милл. п. стоютъ около 120 милл. руб. При среднихъ издержкахъ производства русскихъ сахарныхъ заводовъ, 46 милл. пудовъ приходится оцѣнить въ сумму около 80 милл. р. Взять ли большую, или меньшую цифру, все равно очевидно, что реализація этого остатка, или хотя бы части его, представляла для нашей сахарной промышленности вопросъ первостепенной важности. И тѣ же цифры показываютъ, что ситуація на международномъ рынкѣ давала возможность размѣстить русскій сахаръ на выгодныхъ условіяхъ. Западную Европу постигъ неурожай свекловицы. Выработка сахара въ нынѣшнюю кампанію на 25% меньше итоговъ прошлогодняго производства: въ круглыхъ числахъ 6 милліоновъ тоннъ противъ 8. Послѣдствіемъ явился сильный подъемъ цѣнъ: въ январѣ 1911 года, т. е. въ предыдущую кампанію, сахаръ, предназначенный для экспорта, стоилъ въ Одессѣ 1 р. 72 коп. пудъ; въ іюнѣ онъ поднялся уже, до 1 р. 96 коп.; въ іюлѣ минимальная цѣна составила 2 р. 59 к., а въ августѣ дошла до 2 р. 84 к. Впослѣдствіи она снова нѣсколько упала, такъ какъ неимовѣрный подъемъ ея не соотвѣтствовалъ условіямъ снабженія; но и въ началѣ января 1912 г., уже по окончаніи спекулятивной горячки, гамбургская цѣна достигала 2 р. 30 коп., и въ апрѣлѣ, по возобновленіи конвенціи, она стояла около 2 р. 25 к.— На западѣ, въ особенности въ Англіи, являющейся на сахарномъ рынкѣ только потребительницей, жаловались на недостатокъ сахара.

У насъ въ то же время роптали на избытокъ его, а постановленія брюссельской конвенціи не позволяли открыть ту плотину, которая поддерживала тяжелую конъюнктуру по обѣ стороны русской границы.

Намъ оставалось тогда только одно: обратиться къ державамъ-участницамъ брюссельскаго соглашенія съ предложеніемъ разрѣшить дополнительный вывозъ сахара изъ Россіи. Такъ русское правительство и поступило, и уже въ октябрѣ 1911 г. брюссельская комиссія обсуждала поднятый Россіей вопросъ. Сразу же выяснилось, что соглашеніе можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если Россія подпишетъ конвенцію на новое пятилѣтіе послѣ 1 сентября 1913 г. Вся борьба, которая происходила съ тѣхъ поръ, сосредоточена была около вопросовъ, какъ великъ будетъ размѣръ дополнительнаго вывоза нынѣшняго года и какъ опредѣлится контингентъ для предстоящихъ 5 лѣтъ. Насъ поддерживала Англія въ этихъ переговорахъ. Особенно трудную борьбу намъ пришлось выдержать съ правительствомъ Германіи, настойчиво защищавшимъ требованія нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ и сахарозаводчиковъ. Брюссельская комиссія собиралась четыре раза: въ октябрѣ, декабрѣ, январѣ и мартѣ, и только въ послѣдній разъ было достигнуто соглашеніе. Не разъ казалось, что брюссельской конвенціи суждено распасться. Этого къ счастью не случилось; но намъ пришлось подписать ее на крайне невыгодныхъ условіяхъ. Наши первоначальныя требованія были довольно высоки, и вѣроятная потребность во внѣшнихъ рынкахъ нашей сахарной промышленности покрывалась ими вполнѣ. Мы требовали дополнительнаго вывоза въ 300.000 тоннъ (18 милл. пудовъ) для нынѣшняго года, а для пятилѣтія 1912—1917 гг. предлагали установить контингентъ по одному изъ двухъ слѣдующихъ варіантовъ: 1) 300.000 тоннъ въ первый годъ и затѣмъ ежегодно на 15% больше, или 2) 20% отъ сокодобыванія. Первый варіантъ обезпечивалъ намъ на все пятилѣтіе экспортный контингентъ въ 2 милліона тоннъ, контингентъ въ два раза большій, чѣмъ тотъ, который мы получили въ 1907 году. Наконецъ, мы требовали еще особаго постановленія на случай повторенія сахарнаго голода въ Европѣ и формулировали его такъ: «если въ теченіе двухъ недѣль цѣна сахара (88%) на міровомъ рынкѣ превыситъ 15 шилл. за центвайтъ, Россіи предоставляется вывезти, сверхъ контингента, 100.000 тоннъ; такія разрѣшенія могутъ быть даваемы разъ въ три мѣсяца». Дѣло было задумано широко, но окончилось полнымъ фіаско. Намъ пришлось отступать шагъ за шагомъ подъ вліяніемъ крайней несговорчивости германскаго правительства. И въ мартѣ, наконецъ, мы согласились присоединиться къ конвенціи на основаніяхъ, которыя являются для насъ пораженіемъ не только по сра-

вненію съ тѣми требованіями, которыя мы предъявили осенью 1911 г.; пораженіемъ они являются для насъ и по тѣмъ тяжелымъ условіямъ, въ которыя они ставятъ нашу сахарную промышленность. Дополнительный выпускъ опредѣляется въ 250 тыс. тоннъ, которыя экспортируются въ теченіе трехъ лѣтъ, а контингентъ для 1913—1917 гг. фиксируется въ размѣрахъ старой нормы—200,000 тоннъ въ годъ.

Никто не можетъ, конечно, предвидѣть размѣры производства и потребленія въ предстоящія сахарныя кампаніи; но нѣкоторыя характеристики прошлаго позволяютъ предположительно судить о будущемъ. Мы видѣли, что ростъ потребленія сахара въ Россіи отставалъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія отъ роста производства, и въ результатѣ къ концу 1911 г. образовался остатокъ въ 46 милл. пуд. Изъ этого остатка мы сможемъ постепенно ликвидировать 15 милл. п. (250 милл. п.); но 31 милл. п. и тогда останутся неразмѣщенными. Внутренній рынокъ едва ли будетъ расти быстрѣе, чѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе, которое представляло собой переходъ отъ крайне неблагопріятныхъ лѣтъ къ годамъ высокоурожайнымъ и отъ промышленнаго кризиса къ высокой конъюнктурѣ. Въ то же время нѣтъ основанія думать, что замедлится ростъ производства. Должны образоваться новые остатки и присоединиться къ прежнимъ. Норма вывоза, казавшаяся достаточной въ 1907 году, теперь представляется явно стѣснительной. Годъ неурожая на свекловичныхъ плантаціяхъ можетъ, конечно, отсрочить наступленіе перепроизводства; но въ теченіе ближайшаго пятилѣтія оно совершенно неминуемо. И въ создавшихся условіяхъ контингентированія внутренняго и внѣшняго рынка, можно предвидѣть наступленіе тяжелыхъ обстоятельствъ для нашей сахарной промышленности.

Какія-нибудь мѣры въ предупрежденіе этихъ обстоятельствъ необходимы. Одною изъ нихъ, притомъ мѣрой существенной, было бы предположенное Государственной Думой и постановленное ею пониженіе акциза на сахаръ-песокъ, и прессованный сахаръ отъ 1 р. 75 к. до 1 р. Но министерство финансовъ высказалось противъ сокращенія налога, и вотумъ Государственной Думы не имѣетъ шансовъ пройти въ жизнь. Что касается облегченныхъ условій открытія новыхъ заводовъ (минимальная сумма акціи 250 р. вмѣсто 1000 р.) и нѣсколько измѣненнаго способа распредѣленія контингента между отдѣльными сахарозаводчиками, то эти мѣры, предложенныя министерствомъ финансовъ и одобренныя Думой, могутъ отразиться на размѣрахъ производства, но сами по себѣ не касаются вопроса о потребленіи и для нашего сахара болѣе обширнаго рынка не создаютъ.

Вопросъ о расширеніи рынка остается открытымъ. Положеніе акциза безспорно является мѣрой, безъ которой значительный ростъ рынка не произойдетъ. Но одно пониженіе акциза недостаточно и для казны, дѣйствительно, небезопасно. Только лишь въ связи съ уничтоженіемъ контингента потребленія оно отразилось бы вполнѣ на уровнѣ розничныхъ цѣнъ. Лишь обѣ мѣры вмѣстѣ взятыя расширили бы внутренній рынокъ настолько, что недоборъ государственнаго казначейства потерялъ бы характеръ сколько-нибудь серьезной угрозы государственному бюджету.

Русскіе сахарные заводы работаютъ, по вычисленіямъ Х. М. Лебедь-Юргина [1]), со средними издержками производства 1 р. 84—1 р. 97 коп. на пудѣ сахара (1904/5 и 1906/7 гг.); но колебанія этихъ издержекъ по отдѣльнымъ заводамъ, по его разсчетамъ, очень велики: минимумъ 1 р. 39 к., максимумъ 2 р. 71 к. въ 1904—5 г; 1 р. 41 к. и 3 р. 32 к. въ 1906—7 г. (за вычетомъ дохода отъ продажи патоки).

По мнѣнію Г. Е. Афанасьева, издержки производства колеблются между 1 р. 36 к. и 2 р. 29 к. [2]).

По разсчетамъ М. Д. Зуева, нормальному заводу пудъ сахара обходится въ 1 р. 61 к. [3]). Насколько можно судить по этимъ разсчетамъ, лучшіе русскіе заводы могли бы производить сахаръ по 1 р. 50 к.—1 р. 60 к. за пудъ; нормальные—по 1 р. 75 к.—1 р. 90 к. Вмѣстѣ съ акцизомъ въ 1 р. цѣна за пудъ сахара могла бы понизиться до 2 р. 75 к.—2 р. 90 к. противъ 3 р. 85 к., цѣны, стоящей на юго-западныхъ рынкахъ въ настоящее время. Это—разница почти въ 2 ½—2 ¾ коп. на фунтѣ. А если бы удалось дѣйствительно пустить въ потребленіе вмѣсто рафинада (стоющаго теперь 4 р. 55 к. пудъ) прессованный песокъ, это создало бы для потребителя разницу въ 4—5 к. на фунтъ. При такихъ условіяхъ можно было бы ждать дѣйствительнаго расширенія внутренняго рынка, котораго было бы достаточно въ обычные годы для поглощенія нашего производства.

Многимъ заводамъ пришлось бы пережить тяжелое время, и только крайнее напряженіе всѣхъ силъ, позволило бы имъ приспособиться къ новымъ требованіямъ. Другіе, находящіеся въ неблагопріятныхъ условіяхъ и только искусственно поддерживаемые теперь, должны были бы закрыться. Но свеклосахарная промышленность въ цѣломъ только выиграла бы отъ такого порядка вещей. Лучше поставленные заводы расширили бы свое производство, нынѣ стѣ-

[1]) Сахарная промышленность Россіи, 1909 г. стр. 78 и сл.

[2]) Вѣстникъ Финансовъ 1908 г. № 46.

[3]) И. И. Левинъ. Свеклосахарная пром. Россіи, 1910 г. стр. 95.

сненное рамками контингента. А сельское хозяйство, заинтересованное лишь въ томъ, чтобы свекловица находила какъ можно большій сбытъ, изъ роста потребленія и производства извлекло бы несомнѣнную пользу. Не опасно было бы для насъ и пониженіе пошлины до уровня, указаннаго брюссельской конвенціей: 37 коп. за пудъ песка и 34 коп. за пудъ рафинада, кромѣ налога. Только въ годы сильнаго неурожая у насъ и очень благопріятнаго сбора на Западѣ иностранный сахаръ могъ бы проникать въ Россію. Но это было бы въ такіе моменты только желательно. Въ средніе годы разница между издержками производства нормальныхъ русскихъ и германскихъ заводовъ далека отъ 34 коп.

Мы достигли бы, однако, устраненіемъ контингента, связаннымъ съ пониженіемъ акциза, не только расширенія внутренняго рынка: мы пріобрѣли бы также право примѣнить къ брюссельской конвенціи, въ качествѣ равноправной и равнообязанной стороны, полную свободу размѣщать свой сахаръ за границей. Необходимо, правда, признать, что въ годы мало удовлетворительныхъ урожаевъ свекловицы въ Россіи и хорошихъ сборовъ за границей европейскія цѣны для большинства русскихъ заводовъ были бы низки. Только предпріятія, наиболѣе выгодно расположенныя для экспорта и въ то же время технически хорошо оборудованныя, могли бы вывозить за границу. Но, во-первыхъ, при разросшемся внутреннемъ рынкѣ мы бы меньше нуждались въ вывозѣ, чѣмъ теперь, и, во-вторыхъ, въ такіе годы, какъ 1911—1912 гг., мы могли бы зато размѣстить всѣ накопившіеся излишки за-границей съ огромными барышами.

Мы не утверждаемъ, что коренное измѣненіе русскаго законодательства о сахарной промышленности задача легко осуществимая и—что разрѣшеніе ея прошло бы совершенно безболѣзненно. Къ ней можно однако приступить съ осторожностью, изыскавъ рядъ переходныхъ мѣръ. Намъ извѣстно также, что вліятельные сахарозаводческіе круги относятся къ мысли объ уничтоженіи такъ называемой «нормировки» сахарной промышленности рѣзко отрицательно. Но жизнь, можно думать, въ недалекомъ будущемъ категорически поставитъ свои требованія, и развивающаяся промышленность перерастетъ сковывающее ее законодательство.

Л. Юровскій.

СЪ БЕРЕГОВЪ БОСФОРА.

(Письмо изъ Константинополя).

Далеко въ море, омываемый съ одной стороны серебряной волной Марморы, а съ другой тихой заводью глубокаго Золотого Рога, сливающагося съ Босфоромъ, выдался просторный Стамбульскій мысъ. Смотришь на этотъ городъ, съ его большими европейскими каменными зданіями, выстроенными по всему склону, спускающемуся къ Золотому Рогу, съ его маленькими, сѣрыми, турецкими домиками, съ грузными куполами большихъ мечетей, надъ которыми легко и весело взлетаютъ иглы мечетей, и не знаешь, какъ назвать этотъ уголъ земли, гдѣ столько вѣковъ идетъ сложная и измѣнчивая жизнь огромнаго и властнаго города. Византія? Константинополь? Стамбулъ? Разныя названія, разные этапы существованія человѣческаго на этихъ манящихъ, прекрасныхъ берегахъ. За VII вѣковъ до Рождества Христова какой-то легендарный грекъ, Бизасъ, уже устроилъ здѣсь греческую колонію. Вѣроятнѣе всего, что и онъ былъ не первымъ, а завоевалъ чужое владѣнье. 1000 лѣтъ спустя, воинъ и государственный мужъ, Константинъ Великій, римскій полководецъ, подозрительно сторонившійся Рима, выстроилъ на Босфорѣ городъ, вложивъ въ его созданіе всю быстроту энергіи, окрѣпшей въ военныхъ подвигахъ. Придворные дивились, зачѣмъ такъ широко раздвигаетъ онъ стѣны, которыя должны защитить новую столицу. Но не прошло и нѣсколькихъ столѣтій, какъ и эти стѣны стали тѣсны для Константинополя. Уже къ концу XI вѣка въ немъ насчитывалось около милліона жителей, съ которыхъ государство собирало 5000 милліоновъ франковъ налоговъ.

Промелькнула еще тысяча лѣтъ, и турецкій султанъ побѣдоносно въѣзжалъ на конѣ въ Святую Софію. Новые хозяева даже не дали настоящаго имени столицѣ, за обладаніе которой боролись съ такимъ страстнымъ упорствомъ. Они только исказили греческое выраженіе: въ городъ, is ten polin, превративъ его въ Истамболъ.

А далекіе варяжскіе и славянскіе варвары, искавшіе въ Византіи торговыхъ выгодъ, разбойничьей добычи, духовныхъ цѣнностей, ослѣпленные пышной резиденціей владыкъ міра, космократовъ, какъ называли себя византійскіе императоры, окрестили босфорскую красавицу Царьградомъ.

Этимъ простодушно восторженнымъ именемъ и сейчасъ хочется порой называть городъ Константина. Хотя сталъ онъ убогъ и гря-

зенъ, бѣденъ и неприбранъ, беззащитенъ и слабъ, хотя потерялъ онъ хозяевъ, пересталъ пугать враговъ и не нажилъ настоящихъ друзей, хотя разсыпается прахомъ старый бытъ и не пришла къ нему на смѣну новая культурная налаженность жизни, но все-таки этотъ громадный, пестрый, мѣняющійся городъ источаетъ изъ себя какое-то своеобразное очарованіе. И ничѣмъ его не объяснишь, какъ только властью многовѣковой, сложной, обдуманной человѣческой жизни, складомъ человѣческой утонченной, духовной энергіи, которая невидимыми испареньями подымается отъ самой почвы, пропитанной историческими воспоминаніями.

На этомъ мысу, гдѣ подъ тяжелыми, мелкими свинцовыми куполами тихо дремлетъ давно необитаемый, старый турецкій серайль, когда-то возвышались громадные мраморные дворцы и монастыри византійскихъ императоровъ, протекала ихъ жизнь, нарочито пышная, расширенная, сложная, украшенная показнымъ благочестіемъ, опутанная интригами, объостренная враждой и жестокостью, залитая кровью, проступавшей сквозь величавыя складки царской багряницы. Монахи и женщины, развратные и мелочные, правили этими владыками міра, вокругъ которыхъ выросла сложная и лукавая система государственности. Здѣсь, въ Византіи, власть одного надъ милліонами пріобрѣла такой осязательный, наглядный характеръ и въ то же время разрослась до такихъ почти неземныхъ, почти мистическихъ предѣловъ, что становится понятнымъ, какъ молодой фантастъ и дерзкій язычникъ-реакціонеръ, Юліанъ Отступникъ, надѣвъ императорскую порфиру, показался самъ себѣ гигантомъ. Въѣзжая въ тріумфальныя ворота, лежавшія въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, онъ наклонилъ голову, чтобы не коснуться свода, хотя ворота такъ высоки, что сквозь нихъ свободно могъ бы пройти слонъ, съ паланкиномъ на спинѣ.

Они еще отчасти сохранились, эти Золотыя ворота, нѣмые свидѣтели церемоніальныхъ шествій, которыми византійскіе государи такъ любили поражать воображеніе своихъ подданныхъ. Только завоеватели превратили побѣдную арку въ скромную часть крѣпостныхъ стѣнъ знаменитаго Семибашеннаго замка, гдѣ когда-то отсиживались неугодные султану чужеземные послы. Теперь эта твердыня, никогда впрочемъ не видавшая ни одного врага подъ своими стѣнами, никогда не оказавшая Оттоманской имперіи ни одной военной услуги, медленно превращается въ руину и служитъ только на утѣху туристамъ. Съ высокихъ стѣнъ любуются франки голубымъ просторомъ Мраморнаго моря, сѣрыми, мшистыми башнями старыхъ византійскихъ укрѣпленій, изъ-за которыхъ встаетъ зеленовато-черная щетина кипарисовъ, прикрывающихъ упылую запущенность му-

сульманскаго кладбища. Нарядныя европейскія дамы рвутъ на широкой вершинѣ стѣны хорошенькіе розовые анемоны, радуются весенней горечи цвѣтущихъ дикихъ вишенъ, смотрятъ, какъ бѣлыя чайки проносятся надъ самой крѣпостью. Кое-гдѣ темный лавръ кустится, молчаливо напоминая о побѣдахъ и славѣ. На гладкихъ высокихъ стѣнахъ, составлявшихъ когда-то часть тріумфальныхъ воротъ, не осталось и слѣда старыхъ барельефовъ, изображавшихъ подвиги Геркулеса. Турки благочестиво отбили ихъ, чтобы не смущать души правовѣрныхъ идольскими изображеніями. Только на одномъ изъ угловъ, подъ самымъ карнизомъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ мраморный византійскій орелъ съ распростертыми крыльями. И кажется, что каменные, зоркіе глаза, перевидавшіе столько героевъ, императоровъ и тѣхъ, кто силой меча и гибкостью лукаваго ума укрѣплялъ казавшуюся незыблемой твердыню византійскаго государства, высокомѣрно смотрятъ на маленькихъ людей, мелькающихъ теперь у подножія стѣны. Гдѣ военныя и государственныя доблести, во славу которыхъ были воздвигнуты эти ворота? Въ чемъ краса, въ чемъ сила современныхъ хозяевъ страны? Что даютъ они народу? Какой характеръ выработался у этого народа за тѣ столѣтія, когда Византіей владѣютъ османли?

Внизу, по пыльному шоссе, гдѣ когда-то пролегала римская дорога, мчится, вздымая пыль, синій автомобиль. Это военный министръ, Махмутъ-Шефкетъ паша, ѣдетъ въ Санъ-Стефано, должно быть осматривать казармы, или военные склады, расположенные вдоль берега моря. Онъ полу-черкесъ, полу-арабъ; война для него дѣло важное, близкое. Во время контръ-революціи онъ выдержанно, умно и круто расправился съ мятежниками. Армія его любитъ, правительство боится. Для Турціи, со всѣхъ сторонъ окруженной явными и тайными, внутренними и внѣшними врагами, такой министръ находка. Но что онъ можетъ сдѣлать?

Турція переживаетъ войну неравную и для нея, несомнѣнно, унизительную. Триполисъ,—заброшенный, одичалый, съ громадными пространствами необработанной земли, гдѣ живутъ люди, нежелающіе и непривыкшіе платить налоги,—приносилъ немного пользы государству. Но то, что враги забрались туда и хозяйничаютъ, то, что Турція отвѣчаетъ имъ не правильной, а только партизанской войной, да и то за счетъ арабовъ туземцевъ, не можетъ не отзываться горечью въ сердцахъ оттоманскихъ патріотовъ. Традиціи государства, прежде всего военнаго, еще крѣпки здѣсь. Не даромъ даже дряхлый абдулъ-гамидовскій деспотизмъ былъ свергнутъ не при помощи народнаго движенія, а путемъ военнаго переворота. И конституціонный памятникъ свободы, воздвигнутый на самомъ вы-

сокомъ холмѣ за городомъ, олицетворяетъ собой вѣру въ грубую военную силу. Изъ бѣлаго мраморнаго пьедестала торчитъ, точно угрожая самому небу, жерло мраморной пушки. Внизу скрещиваются дула и ядра. Ни лицъ, ни линій,—ничего художественнаго, духовнаго, никакого взмаха въ высь, никакой идеи. Все сухо, самоувѣренно, посолдатски. Такая символизація свободы ничего не скажетъ воображенію современнаго европейца. Но турки, связанные иконоборческими традиціями ислама, не только не смѣютъ создать другихъ художественныхъ символовъ, но, пожалуй и не ищутъ ихъ. Къ изобразительному искусству они не привыкли, и красота входитъ въ ихъ души или путемъ поэзіи, или подъ непосредственнымъ вліяніемъ чаръ природы, которую они умѣютъ и любятъ созерцать. Самое мѣсто, выбранное для памятника свободы, указываетъ на тонкое чувство пейзажа. Банальная постановка монумента на одной изъ просторныхъ Стамбульскихъ площадей не соблазнила строителей. Они ушли за городъ, чтобы отсюда видѣть у ногъ своихъ весь Константинополь, подчинившійся новому правовому строю.

Мѣсто прелестное. Городъ далеко. Разстояніе скрадываетъ грязное убожество предмѣстья. Кругомъ холмистая, темная пустыня. Ни домовъ, ни полей, ни деревьевъ. Все пусто и угрюмо. Зато горизонтъ громадный. Видны верхушки мачтъ судовъ въ Золотомъ Рогѣ. Стамбульскія коричневыя и красныя крыши подымаются террасами. Надъ ними темныя громады мечетей и тонкія фигуры минаретовъ. Дальше—серебряная гладь Марморы съ темными хребтами острововъ, а на послѣднемъ планѣ синія линіи азіатскихъ горъ, изъ-за которыхъ нѣтъ-нѣтъ да и выглянетъ снѣжная голова Брусскаго Олимпа. Когда садится солнце, и восточный край неба, гдѣ зазубренными краями подымаются крутые бока Босфора, начинаетъ отливать синими тонами, а западъ, надъ Стамбуломъ, весь горитъ золотомъ,—тогда становится понятнымъ, почему турецкое правительство выбрало именно это мѣсто для увѣковѣченія собственнаго подвига.

Каковы бы ни были позднѣйшія ошибки, заблужденія и проступки такъ называемыхъ младотурокъ или, какъ зовутъ ихъ на родинѣ, итти-хата, никто не можетъ отнять отъ нихъ одну, опредѣленную и несомнѣнную, историческую заслугу: они пришли и сломали старыя, полуистлѣвшія стѣны, и сквозь деспотизмъ государства и шеріата показали народу путь къ обновленію жизни, освободили его отъ личнаго гнета и произвола. На верху государственной пирамиды этотъ произволъ воплощался въ угрюмомъ лицѣ Абдулъ-Гамида, а отъ него разбѣгался по всей странѣ, давая крупнымъ и мелкимъ чиновникамъ,—вали, мутасерифу, каймакаму, мюдиру,—безграничную власть надъ тѣломъ и имуществомъ какъ

христіанъ, такъ и мусульманъ. И въ сравненіи съ тѣмъ, что тогда творилось, новый строй даетъ, конечно, больше обезпеченности и равенства передъ закономъ. Правда, младотурки не сдержали обѣщаній и клятвъ, которыя были даны ими въ первые, медовые мѣсяцы свободы; ихъ понятія о конституціи и свободѣ, о правовомъ строѣ и законности, а главное проведеніе этихъ идей въ жизнь, краснорѣчиво говорятъ о томъ, какіе глубокіе слѣды въ психологіи народа оставляетъ долгое и безстыдное деспотическое правленіе.

На послѣднихъ выборахъ рука правительства тяжело легла на избирателя. Экстренныя и беззаконныя мѣры, выборное вмѣшательство и давленіе не оправдываются даже необходимостью борьбы съ реакціонной оппозиціей, такъ какъ послѣдняя слишкомъ слаба, чтобы быть опасной. По крайней мѣрѣ въ константинопольскомъ округѣ выборы не только были сплошнымъ тріумфомъ для правительственной партіи, но носили характеръ какого-то народнаго праздника.

Мнѣ пришлось видѣть такой маленькій праздникъ въ Скутари, въ азіатскомъ предмѣстьи, расположенномъ на берегу Босфора, противъ Перы. На крытомъ дворѣ старой мечети толпились избиратели. Все тюрбаны и фески; европейскихъ шляпъ нѣтъ, такъ какъ оттоманскіе подданные и даже европейцы, состоящіе на турецкой службѣ, обязаны носить феску. За столикомъ сидѣли члены комиссіи: старикъ въ сюртукѣ, мулла въ бѣлой чалмѣ и длинномъ черномъ кафтанѣ, жандармъ въ мундирѣ на европейскій ладъ. Передъ ними лежали избирательные списки, покрытые закругленными арабскими письменами. Какой-то молодой человѣкъ въ пиджачкѣ, похожій на приказчика, досталъ изъ кармана паспортъ, потомъ сталъ самъ разыскивать свое имя въ спискахъ. Выходило какое-то недоразумѣніе. Избиратель волновался, а пожилой предсѣдатель, державшій подъ рукой пачку бюллетеней, дружески его успокоивалъ. Можно вообще удивляться, какъ они не путаются въ своихъ спискахъ. Избирательные бюллетени раздаются не заранѣе, а тутъ же около урны. Но такъ какъ у турокъ, какъ у большинства нашихъ крестьянъ, нѣтъ фамилій, а только имена, то всѣ эти Ибрагимы и Мехметы могутъ такъ сбиться въ кучу, что и не разберешь, кто изъ нихъ избиратель.

Молодой человѣкъ въ фескѣ, наконецъ, нашелъ себя, получилъ бюллетень и тутъ же, держа листокъ на вытянутой лѣвой ладони, какъ часто пишутъ на востокѣ, вписалъ въ него имена и опустилъ въ большой деревянный ящикъ, около котораго стояли надзиратели муллы, наблюдая за тѣмъ, чтобы не было злоупотребленій. На стѣнѣ мечети висѣли два списка, одинъ отъ Иттихата, побольше, другой поменьше, отъ Итилафа. Никакой агитаціи уже не было. Но въ толпѣ шли оживленные разговоры, чувствовалось торжественное, приподня-

тое настроеніе. Ни шума, ни крика. Турки почти никогда не возвышаютъ голоса, даже въ толпѣ сохраняя ту вѣжливую выдержанность, которая такъ облегчаетъ сношенье съ ними. Охотно, съ нѣкоторой даже гордостью, объяснили они намъ, иностранцамъ, порядокъ выборовъ. Такъ долго жили эти люди подъ безпросвѣтнымъ гнетомъ абсолютизма, что немудрено, теперь все касающееся мешрутіета (конституціи), вызываетъ въ нихъ искреннюю радость...

Надъ нашими головами стукнула дверь. Изъ мечети вышелъ на балконъ высокій, статный улема, съ красивымъ лицомъ, окаймленнымъ длинной, черной бородой, казавшейся еще чернѣе отъ бѣлаго, кисейнаго, пышнаго тюрбана. Не разъ должно быть съ этого балкончика бесѣдовалъ онъ съ народомъ о неограниченности и незыблемости власти священныхъ калифовъ. Теперь тотъ же народъ собрался сюда, но не для того, чтобы слушать властныя рѣчи муфтія, а чтобы выразить свою собственную волю. Съ тонкой усмѣшкой умнаго и скептическаго пастыря наблюдалъ нарядный священникъ за суетившейся у его ногъ толпой. Быть можетъ, восточная мудрость научила его не вѣрить въ то, что власть можетъ ускользнуть изъ рукъ немногихъ и распылиться въ толпѣ. А можетъ быть, мы не съумѣли прочитать въ этой покровительственной улыбкѣ искренней удовлетворенности конституціоналиста: вѣдь и среди чалмоносцевъ есть друзья свободы, которые только отъ правового строя ждутъ обновленія родины.

Загорѣлый, оборванный хамалъ носильщикъ, торопливо вбѣжалъ во дворъ и подошелъ за бюллетенемъ, потомъ, съ важнымъ и серьезнымъ лицомъ, точно исполняя какой-то обрядъ, опустилъ его въ ящикъ. Бюллетень, который ему дала комиссія, былъ уже впередъ заполненъ именами выборщиковъ отъ «Единенія и Прогресса». Если бы хамалъ запротестовалъ, ему, можетъ быть, дали бы пустой листокъ, хотя были мѣста, гдѣ другихъ бюллетеней, кромѣ заполненныхъ не было.

Наступалъ уже вечеръ. Солнце опустилось за иглы Стамбульскихъ мечетей, виднѣвшихся на другомъ берегу Босфора. Старые турки, пощелкивая кожаными калошами, не спѣша шли мимо насъ въ мечеть. Тѣ, что были лучше одѣты, вѣроятно, успѣли дома совершить обрядъ омовенія. Люди попроще подходили къ восьмиугольному мраморному, рѣзному павильону, наверху котораго билъ фонтанъ, и разувшись мыли ноги, потомъ руки, потомъ лицо, какъ-то особенно затыкая себѣ уши и ротъ. Коверъ, завѣшивавшій входъ въ мечеть, былъ поднятъ и видно было, какъ богомольцы, одинъ за другимъ, опускались на колѣни на громадные ковры, застилавшіе весь полъ.

Жандармъ вынулъ часы и что-то сказалъ. Люди, окружавшіе ящикъ, задвигались. Ящикъ, грубо сдѣланный, грубо выкрашенный въ желтую краску, былъ закутанъ въ бѣлую и красную кисею. Подъ эту кисею продѣли веревки и припечатали ихъ. Потомъ, принялись разукрашивать ящикъ, точно невѣсту. Достали розовыя ленточки, завязали концы покрывала и расправили ихъ такъ, что на крышкѣ расцвѣли нарядные, кисейные цвѣты. Бородатые, пожилые мужчины продѣлывали это тщательно и серьезно.

— За кого больше голосовъ подано, какъ вы думаете?—спросили мы сосѣда турка.

— Ну, конечно, за комитетъ! За кого же больше можно подавать?—увѣренно отвѣтилъ онъ. Вѣдь это единственная партія, которая думаетъ о родинѣ.

Когда ящикъ подняли и понесли, толпа закричала какія-то привѣтствія. Тотъ же крикъ подхватила улица, пока члены комиссіи и муллы, и жандармы разсаживались въ открытыя коляски. Видъ у нихъ былъ важный и торжественный. Въ отвѣтъ на крики они кланялись, не столько головой сколько по восточному глазами. Маленькіе красные флаги, съ бѣлыми полумѣсяцами, развѣвались на козлахъ, около кучеровъ. Процессія тронулась. Какіе-то люди бѣжали сзади, размахивая фесками. Молодой парень съ разстегнутымъ воротомъ, изъ-за котораго виднѣлась смуглая крѣпкая грудь, въ широчайшихъ заплатанныхъ штанахъ и калошахъ на босую ногу, особенно весело кричалъ.

— Вы тоже избиратель?—спросилъ его мой спутникъ.

— Я? Нѣтъ!—живо отвѣтилъ онъ, блестя агатовыми глазами и жемчужными зубами.—На что мнѣ голосъ? Я его продамъ тому, кто дороже дастъ. Мнѣ нельзя давать голосъ.

Зубоскальствомъ южнаго бѣдняка свѣтилось его лицо: ни обязанностей, ни потребностей. Сколько людей такъ живутъ подъ этимъ благодатнымъ, щедрымъ на тепло небомъ. Правда, зимой бываетъ и холодно, и голодно, и трудно. Но стоитъ ли объ этомъ думать, когда уже съ февраля солнце начинаетъ свѣтить, когда горсть бобовъ можетъ насытить человѣка на цѣлый день, а рыбы въ Босфорѣ такъ много, что на нѣсколько пара можно накормить и себя, и семью.

Безпечность, опирающаяся на неприхотливость, отсутствіе потребностей, порождаемое лѣнью, вотъ основа здѣшняго быта, особенно городскаго. До деревни мнѣ еще не удалось добраться, но тамъ, повидимому, идетъ другая жизнь: тамъ люди правдивѣе, лучше и трудоспособнѣе. Турки-крестьяне, какъ и всѣ пахари въ мірѣ, въ потѣ лица своего зарабатываютъ свой хлѣбъ. Мелкой буржуазіи,

составляющей переходъ отъ крестьянства къ господствующему классу у нихъ почти еще нѣтъ. Слѣдующая соціальная ступень это ходжи, военные и чиновники, то есть распорядители, властители жизни, а не производители цѣнностей. Въ либеральныхъ профессіяхъ, среди врачей, адвокатовъ, учителей, турокъ тоже почти нѣтъ, а все армяне или греки. Торговлей турки не любятъ заниматься, предоставляя и это дѣло христіанамъ. Если вамъ случится попасть въ турецкую лавку, вы увидите передъ собой не купца, заинтересованнаго въ томъ, чтобы показать и продать свой товаръ, а важнаго, неразговорчиваго барина, который сидитъ на коврикѣ и перебираетъ четки.

— Есть у васъ красный шелкъ?—спросите вы его.

— Иокъ! (нѣтъ)—равнодушно броситъ вамъ купецъ, а то и совсѣмъ ничего не отвѣтитъ,—только махнетъ головой снизу вверхъ и сдѣлаетъ особенное движенье вѣками и бровями. Это движенье можно изучать и на лицѣ министра, когда онъ васъ увѣряетъ, что выборы происходятъ совершенно свободно, и на лицѣ хорошенькой турчанки школьницы, отвѣчающей урокъ и на обвѣтренномъ лицѣ извощика, который клянется, что улица, куда вы его нанимаете, такъ далеко, что ни одинъ частный кучеръ не повезетъ васъ дешевле, какъ за большую серебряную монету. Это подлинная національная мимика, замѣняющая на турецкомъ востокѣ жестикуляцію, такъ какъ объясняться руками, какъ это свойственно, напримѣръ, латинцамъ или евреямъ, для правовѣрныхъ неприлично. Да къ тому же, чтобы повести бровью, надо меньше усилія, чѣмъ для движенья рукой. Но не надо поддаваться этому отрицательному взмаху вѣкъ, касается ли дѣло выборовъ, дороги въ старую мечеть, или пачки краснаго шелка, виднѣющагося надъ головой высокомѣрнаго торговца, добирайтесь, ищите, настаивайте сами. Купецъ не обидится если вы шагнете на приступокъ его лавки и достанете съ полки нужный вамъ товаръ.

— Ахъ, вотъ вамъ что нужно!—пренебрежительно скажетъ онъ,—ну что жъ, берите.

Вся эта комедія разыгрывается главнымъ образомъ для того, чтобы показать, что онъ совсѣмъ не старается, а просто, для своего удовольствія, сидитъ въ лавкѣ. Стараться, торопиться, трудиться, все это считается здѣсь неприличнымъ. Господствующая раса, въ теченіе 500 лѣтъ заставляла другихъ работать на себя, предоставляя всю черную работу отчасти покореннымъ народамъ, отчасти просто рабамъ. Еще въ серединѣ прошлаго вѣка Теофилъ Готье видѣлъ, какъ въ Стамбулѣ на рынкѣ продаютъ невольницъ, несмотря на то, что формально рабство отмѣнено въ 1844 году по требованію державъ. До послѣдняго времени торговцы привозили

рабовъ черезъ Триполисъ, а отчасти и съ Кавказа. Подъ покровомъ большой тайны, доставляли въ гаремы знатныхъ людей, а главнымъ образомъ принцевъ крови, хорошенькихъ черкешенокъ. Членъ царствующаго дома никогда не женится на свободной женщинѣ. Его жена должна быть рабыней и только позже, какъ мать его дѣтей, можетъ стать султаншей. И сейчасъ гдѣ-то на Босфорѣ въ нарядномъ, на европейскій ладъ устроенномъ дворцѣ живетъ одинъ изъ младшихъ сыновей Абдулъ-Гамида, женатый на молоденькой черкешенкѣ, которую свергнутый султанъ когда-то купилъ, чтобы вырастить изъ нея невѣсту для принца. Ее научили по-французски, немножко музыкѣ, больше танцамъ, ровно настолько, чтобы сдѣлать ее пріятной мужу. Но рабыней она была и рабыней осталась.

Даже въ семьяхъ средняго достатка можно до сихъ поръ найти невольницъ. На улицахъ Стамбула и Перы молодыя турчанки, кокетливо закутанныя въ коротенькую мантилью, полу-пряча лицо за прозрачной вуалью, ходятъ обыкновенно въ сопровожденіи наперсницъ. Одной ходить все еще считается неприличнымъ, да и нравы здѣсь такія, что женщинѣ безопаснѣе ходить съ провожатыми. Говорятъ, что среди этихъ наперсницъ, чаще всего темнокожихъ, еще не мало рабынь, которымъ некуда или не хочется уходить отъ своихъ господъ.

Въ грязныхъ, душныхъ, неприбранныхъ турецкихъ домахъ, за мелкими рѣшетками, полуприкрывающими окна, идетъ жизнь во многомъ похожая на семейную русскую жизнь до-петровскаго времени: то же отсутствіе интересовъ, невѣжество, темнота. Только хозяйка дома въ Старой Руси должна была если не работать, то ставить на дѣло другихъ, руководить сложными домашними заготовками и ремеслами, пряжей, тканьемъ, шитьемъ, всѣмъ, что надо было припасти для семьи и для дворни. Теперь все дѣлаетъ фабрика. Въ Турціи фабричныя трубы еще не дымятся, но европейскій рынокъ услужливо шлетъ сюда свои худшіе товары. Умственная дѣятельность, идущая на Западѣ на смѣну домашней производительности женщинъ, здѣсь еще не проснулась. Восточныя женщины проводятъ цѣлые дни въ праздности. Эта полная непривычка къ труду, эта непродуктивность женской половины населенія, не можетъ не ухудшать и безъ того низкій экономическій уровень страны. По цѣлымъ днямъ будетъ она болтать съ сосѣдками или просто сидѣть у окна и смотрѣть на улицу, чаще всего пустую. Если она мусульманка, она смотритъ черезъ рѣшетку, если армянка или гречанка, она не прячетъ отъ прохожихъ свое сонное, отупѣвшее отъ бездѣлья лицо. Но у тѣхъ и у другихъ жизнь течетъ одинаково, то есть въ полной

и какъ бы законной праздности. Стряпня отымаетъ очень мало времени, такъ какъ турки и, носильщики, и ходжи, и чиновники могутъ питаться кусочками жареной баранины да вареными овощами, которые ѣдятъ на корточкахъ, мимоходомъ, безъ опредѣленныхъ часовъ для обѣда. Готовится эта несложная ѣда на жаровнѣ, такъ что и съ печкой возни нѣтъ. Это тѣ самыя жаровни мангалы, изъ-за которыхъ выгораютъ цѣлые турецкіе кварталы, а ребятишки сплошь да рядомъ обжигаются на смерть, такъ какъ присмотра за ними нѣтъ, и мангалы стоятъ прямо на полу, около ползающихъ малышей. Въ женскомъ поколѣніи не развилась та традиція домовитости и хозяйственности, безъ которой, особенно на извѣстномъ экономическомъ уровнѣ страны, невозможно общее благосостояніе. Но за то очень быстро растетъ здѣсь аппетитъ къ безвкусной европейской нарядности, къ дешевой, но все-таки разорительной роскоши, которую шлютъ сюда Вѣна, Берлинъ и Парижъ.

Правда, есть уже и среди турчанокъ энергичныя, образованныя патріотки, не желающія мириться съ унизительнымъ правовымъ и духовнымъ рабствомъ мусульманокъ. Онѣ считаютъ, что необходимо, при помощи знанія, произвести переворотъ въ психологіи турецкихъ женщинъ, такъ какъ безъ этого нельзя возродить и Турцію. Но пока усилія этихъ отдѣльныхъ женщинъ тонутъ въ сонномъ женскомъ царствѣ, тѣмъ болѣе, что невѣжество не есть исключительное достояніе женщинъ. Это національная болѣзнь. Турки вообще безграмотны. Абдулъ-Гамидъ, какъ всѣ деспоты, питалъ ненависть къ просвѣщенью, съ ревнивой подозрительностью относился къ школамъ, къ книгамъ, къ наукѣ. Жестокій и трусливый, онъ боялся мыслей еще больше, чѣмъ людей. Учиться можно было только за-границей; но для этого приходилось чаще всего эмигрировать, такъ какъ правительство очень неохотно давало заграничный паспортъ, да и не только заграничный. Всякій переѣздъ, всякое движеніе вызывало полицейскую подозрительность. Даже поѣздка изъ Стамбула въ Адріанополь была обставлена затрудненіями и формальностями. Деспотическое правительство старалось помѣшать общенью между подданными, всѣми силами разъединяло ихъ. Въ глазахъ администраціи, больше всего опасности представляли сношенія между стамбульцами и провинціалами, поэтому жителей столицы держали въ предѣлахъ города, какъ въ плѣну.

Одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ и даровитыхъ младотурецкихъ писателей, публицистъ и беллетристъ, редакторъ лучшей турецкой газеты «Танинъ», Хуссейнъ-Джахидъ-бей, съ горечью разсказывалъ мнѣ о своихъ школьныхъ годахъ. Все, что онъ знаетъ, онъ долженъ былъ выучить украдкой. Школа давала только поверх-

ностное, формальное образованіе. Турецкихъ книгъ, отвѣчающихъ запросамъ пробудившейся любознательности, не было, а французскія вызывали подозрѣнія безчисленныхъ шпіоновъ, шнырявшихъ по всей странѣ.

Во время теперешней избирательной кампаніи, Хуссейнъ Джахидъ, который былъ депутатомъ въ первомъ парламентѣ и теперь снова поставилъ свою кандидатуру и выбранъ отъ города Константинополя, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Малую Азію произносить рѣчи на избирательныхъ митингахъ. Это было его первое знакомство съ Анатолійской Турціей. До 30 лѣтъ ему ни разу не удалось выѣхать изъ родного Стамбула. Позже, когда уже была объявлена конституція, онъ бывалъ въ Салоникахъ и вообще въ Румеліи, но не дальше. Стамбульцы это горожане, столичные жители, оторванные, отъ остальной страны и чуждые ей.

Результатомъ такого тюремнаго обращенія съ подданными оказалось полное незнаніе турокъ своей родины, которую начали спѣшно изучать только послѣ конституціи. Статистики нѣтъ. Переписи никогда и никто, со временъ византійской имперіи, не производилъ. Турки считаютъ, что оттоманцевъ 35 милліоновъ; европейцы что ихъ только 25. Повидимому, вторая цифра ближе къ истинѣ, такъ какъ она выводится изъ данныхъ избирательной кампаніи. Географія страны, ея естественныя богатства, составъ населенія, все это неизслѣдовано, не сосчитано, не изучено. Исторія находится на томъ уровнѣ, на которомъ засталъ русскую исторію Карамзинъ. Недаромъ самый извѣстный, современный турецкій историкъ, Мурадъ бей, ученикъ русской ставропольской гимназіи, писалъ свою работу подъ вліяніемъ Карамзина.

Образованіе мусульманскаго населенія было до сихъ поръ въ полномъ упадкѣ. Греческія и армянскія церковныя общины заботились о своихъ школахъ и среди христіанскаго населенія процентъ грамотности довольно высокъ. У мусульманъ и количественно, и качественно школьное дѣло было поставлено гораздо хуже. Хотя при каждой мечети было мэдрэсе нѣчто вродѣ нашихъ церковно-приходскихъ школъ, но судя по тому, что въ деревняхъ населеніе почти поголовно неграмотное, преподаваніе въ этихъ школахъ, можетъ быть, и внушало маленькимъ мусульманамъ правила добраго благочестія, но къ чтенію не пріучило. Сама по себѣ арабская грамота очень замедляетъ и затрудняетъ первоначальное обученіе: въ ней нѣтъ гласныхъ буквъ, а лишь однѣ согласныя, такъ что читать можетъ только человѣкъ, знающій языкъ.

Въ засѣданіи тюркскаго ученаго общества, гдѣ разсматриваются проекты новой реформированной азбуки, предсѣдатель, военный

генералъ, сражавшійся подъ Карсомъ, Гази Мухтаръ-паша, разсказывалъ, что его развѣдчики часто путались, такъ какъ незнакомыя названія деревень, записанныя по арабски, т. е. безъ гласныхъ, не вѣрно произносились и военные отряды попадали не туда, куда надо. Эта арабская грамота является для маленькихъ школьниковъ, курдовъ, албанцевъ, турокъ, настоящимъ источникомъ мученій, отбиваетъ всякую охоту къ занятіямъ и не развиваетъ, а только ошеломляетъ дѣтскіе мозги.

Одинъ студентъ турокъ, живой и умный представитель зарождающейся турецкой интеллигенціи, съ неподдѣльной злобой разсказывалъ мнѣ о своихъ четырехлѣтнихъ мытарствахъ въ начальной школѣ.

— Меня привели въ мэхтебъ, когда мнѣ было 7 лѣтъ. Посадили на полъ среди другихъ дѣтей. Учитель сидѣлъ впереди на высокой подушкѣ, съ длинной палкой въ рукахъ, чтобы насъ учить уму разуму. Четыре мѣсяца вбивалъ онъ въ насъ азбуку; были такіе, что и въ полъ года ее не осилили. Очень трудно было. Потомъ дали намъ въ руки тоненькую книжечку, главу изъ Корана: Аммэ.

— Что же въ этой главѣ говорится?

— Да почемъ я знаю,—съ раздраженіемъ отвѣтилъ студентъ,—вѣдь это по-арабски. Я ни слова не понималъ. Учитель читалъ намъ нараспѣвъ, а мы повторяли за нимъ, также нараспѣвъ. Сидимъ, качаемся изъ стороны въ сторону и тянемъ, сами не знаемъ что. Это называлось, что мы учимся читать. Я учился не глазами, а ушами. Поймаю какое-нибудь слово, запомню его, найду въ книгѣ и разберу, какія въ немъ буквы. Такъ и выучилъ азбуку.

— А онъ вамъ переводилъ съ арабскаго?

— Никогда! Чтобы ходжа сталъ переводить съ арабскаго на турецкій! Да онъ считаетъ, что это неприлично. Онъ вдолбилъ намъ наизусть одну главу Корана, потомъ вторую, третью. Тогда принялись весь Коранъ подрядъ читать. Два года его читали. У насъ учатся круглый годъ, каникулъ нѣтъ, только по пятницамъ не бываетъ ученья. Изо дня въ день сидимъ въ классѣ часа три безъ перерыва, потомъ идемъ въ мечеть на молитву. И еще часа три бормочемъ, сами не знаемъ что. Къ концу дня ничего не понимаешь, прямо спишь, пока учительская палка не разбудитъ.

— Ну, а кромѣ Корана васъ такъ ничему и не научили?

— Когда прочитали весь его насквозь, тогда начали насъ учить грамматикѣ, географіи, исторіи, шеріату. Ну, шеріатъ-то учитель зналъ, потому что былъ мулла, а въ остальномъ зато былъ круглый невѣжда. Назоветъ городъ, а гдѣ онъ находится и самъ не

знаетъ. Ни разу намъ не объяснилъ, что такое долгота и широта, да и объяснить не могъ.

Начальныя школы и сейчасъ поставлены не многимъ лучше, несмотря на несомнѣнное желаніе правительства улучшить народное образованіе. Сдѣлать это, однако, трудно, не только по недостатку денегъ, такъ какъ весь расходъ на министерство просвѣщенія составляетъ около 8 милліоновъ рублей на наши деньги, но и по недостатку учителей. Приходится пользоваться услугами все тѣхъ же муллъ, такъ какъ учительскія семинаріи, основанныя за послѣднія годы, не успѣваютъ выпускать нужное количество педагоговъ. Учительскій институтъ въ Стамбулѣ, реформированный конституціоннымъ правительствомъ, теперь очень хорошо поставленный, еще не успѣлъ оказать вліянія на школьное дѣло. Изъ него выходитъ человѣкъ 60 въ годъ, въ то время какъ мусульманскаго населенія въ странѣ не менѣе 15 милліоновъ и въ начальныхъ школахъ учится около 400.000 школьниковъ.

Среднее образованіе тоже еще только въ зачаткѣ. Гимназій только 19, а прогимназій 77. Въ гимназіяхъ образованіе поставлено несравненно лучше, и тотъ же студентъ-медикъ, съ блестящими отъ удовольствія глазами, разсказывалъ намъ, что первыя идеи свободы запали въ его душу благодаря учителю исторіи. Учился онъ далеко въ провинціи, гдѣ-то въ окрестностяхъ Алеппо; но и туда, вопреки всѣмъ строгостямъ гамидовскаго режима, проникали новыя, конституціонныя идеи.

Медицинская школа, выросшая подъ вліяніемъ отчасти французской, отчасти нѣмецкой науки, поставлена хорошо. Университетъ, гдѣ имѣются факультеты: юридическій, историко-литературный и богословскій гораздо слабѣе, такъ какъ не хватаетъ профессоровъ. Есть еще такъ называемая «мюлькіэ», что-то вродѣ нашего училища правовѣдѣнія, для подготовки чиновниковъ.

Но недостатокъ образованныхъ людей чувствуется на каждомъ шагу. Поверхностная нахватанность, внѣшнее подражаніе французской культурѣ, часто въ ея слабѣйшихъ проявленіяхъ, служатъ сурогатомъ образованности. Благодаря отчасти обилію французскихъ школъ, содержимыхъ монахинями, французскій языкъ здѣсь весьма распространенъ и помогаетъ общенію съ турками. Молодая литература пока находится въ рабствѣ у французской, и турецкіе беллетристы и поэты никакъ не могутъ освободиться отъ подражательности. Но это болѣе рафинированные верхи; цѣнителей у нихъ не много, а широкіе слои читаютъ все того же всемірнаго Пинкертона, и на всѣхъ углахъ продаются лубочныя книжонки, съ страшными уголовными иллюстраціями.

Турки во всемъ отстали отъ своихъ европейскихъ сосѣдей, а жизнь не мирится съ отсталостью; она торопитъ, предъявляетъ свои требованія. Изолированность Турціи давно размыта медленнымъ просачиваніемъ европейскаго вліянія.

Европейскіе кредиторы, чтобы обезпечить правильное погашеніе государственныхъ долговъ, создали Dette publique, международное учрежденіе, куда оттоманцы вынуждены были отдать въ залогъ нѣкоторые государственные доходы: налогъ на соль, на табакъ, на алкоголь, гербовый сборъ. Государственнаго банка не существуетъ; вмѣсто него есть Оттоманскій Банкъ, принадлежащій французскимъ капиталистамъ. Таможня, доходы съ которой стоятъ на третьемъ мѣстѣ послѣ земельныхъ сборовъ и сборовъ съ недвижимости, хотя и принадлежитъ государству, но управляется англичаниномъ. А, главное, размѣръ таможенныхъ сборовъ зависитъ не отъ оттоманскаго правительства, а устанавливается по соглашенію съ державами, вѣрнѣе, по ихъ волѣ. Табачная монополія на откупу у французовъ. Желѣзныя дороги почти всѣ принадлежатъ иностранцамъ. Такъ называемая капитуляція превращаетъ многолюдныя иностранныя колоніи въ своего рода государства въ государствѣ. Иностранцы не подчиняются турецкимъ законамъ, не платятъ въ турецкую казну никакихъ налоговъ; по просту говоря, живутъ въ чужой странѣ въ качествѣ безкровныхъ, но алчныхъ завоевателей. Немудрено, что турки только и мечтаютъ, какъ бы сбросить съ себя это чужеземное иго, какъ бы раздѣлаться къ капитуляціей. Но это не такъ легко. Европа затратила въ Румеліи и въ Анатоліи много милліоновъ на желѣзныя дороги и подъѣздныя дороги, на портовыя сооруженія, пароходства, склады, фабрики. Въ нѣдрахъ турецкой земли и на ея поверхности масса богатствъ, и европейскій предприниматель, купецъ, комиссіонеръ, всѣми своими жадными щупальцами присосались къ этой землѣ, а дипломатія, какъ всегда, услужливо защищаетъ интересы рынка и биржи. Если въ плодородной Европейской Турціи, по оффиціальнымъ даннымъ министерства земледѣлія, обработано только 3% земель (въ Триполисѣ только 0,006), то какъ можетъ перенаселенная Европа остаться равнодушной къ такой щедрой, но запущенной странѣ? И каковъ бы ни былъ режимъ, будь онъ деспотическій или конституціонный, дѣльцы-авантюристы, явившіеся съ Запада на смѣну авантюристамъ-крестоносцамъ, ловко воздвигаютъ здѣсь оплоты изъ банковъ, эти золотыя крѣпости, еще болѣе властныя, чѣмъ тѣ замки, которыя когда-то воздвигали средневѣковые рыцари.

Трудность положенія оттоманскихъ патріотовъ усиливается еще тѣмъ, что внутри Оттоманской имперіи нѣтъ ни сплоченности, ни

сліянія. Знаменитый фанатизмъ мусульманъ, о которомъ такъ охотно говорятъ христіанскіе писатели, вылился въ первыя столѣтія распространенія Ислама въ захватахъ, въ жестокихъ опустошеніяхъ, иногда въ настоящемъ истребленіи цѣлыхъ вражескихъ городовъ; но разъ водворясь въ странѣ, поклонники пророка не вынуждали своихъ новыхъ подданныхъ отказываться отъ обычаевъ и вѣры предковъ. Въ то же время въ нихъ оставалось религіозное высокомѣріе и надменная изолированность побѣдителей, которая въ побѣжденныхъ поддерживала враждебность, а самихъ побѣдителей только развращала. Иногда прихоть султана выдвигала на государственныя должности грека, армянина, или славянина; но какъ общее правило, мусульмане, главнымъ образомъ турки, оставались господствующей частью населенія.

Такъ, не объединяясь и не враждуя явно, вѣками жили подъ общей властью различные народы, изъ которыхъ два, армяне и греки, по культурѣ несравненно выше и старше турокъ. Память о старинномъ духовномъ наслѣдствѣ поддерживаетъ въ нихъ особую національную живучесть.

Яркимъ образчикомъ этой живучести можетъ служить островъ Критъ. Это одно изъ самыхъ древнихъ мѣстъ эгейской культуры. Раскопки дворца царя Миноса показали, что здѣсь цивилизація зародилась на много вѣковъ раньше, чѣмъ въ Пелопонесѣ. Но каковъ бы ни былъ народъ, когда-то жившій на этомъ гористомъ, прекрасномъ островѣ, варвары-греки, завоевавшіе его во времена до-историческія, сдѣлали Критъ греческимъ, и критяне, несмотря на всю пеструю смѣну владыкъ, мыслятъ себя греками. Въ девятомъ вѣкѣ испанскіе сарацины захватили островъ и отсюда, на своихъ быстрыхъ лодкахъ, подъ зловѣщими черными парусами, терроризировали пиратскими набѣгами всю восточную часть Средиземнаго моря. Черезъ полтораста лѣтъ, византійцы вынуждены были снарядить огромный флотъ, чтобы снова вырвать у арабовъ островъ, уже покрывшійся сарацинскими крѣпостными твердынями. Въ этой войнѣ греки-критяне помогли своимъ единовѣрцамъ, служили у нихъ лазутчиками, водили ихъ по горнымъ тропамъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія арабы сдались. Лѣтописцы увѣряютъ, что около 200 тысячъ сарациновъ было истреблено. Старый шейхъ былъ, въ качествѣ почетнаго плѣнника, увезенъ въ Византію и, на глазахъ ликующей христіанской толпы молодой императоръ поставилъ свою, одѣтую въ золотую сандалію ногу на затылокъ побѣжденнаго вождя. Прошло еще два вѣка съ половиной, и Критъ достался латинцамъ-крестоносцамъ. Потомъ его купили венеціанцы, и только въ 1669 году, то есть 250 лѣтъ спустя послѣ взятія Константинополя, мусуль-

мане-оттоманцы опять завладѣли островомъ. Но мѣстное населеніе упирается, и новые 250 лѣтъ турецкаго владычества не отуречили критянъ. Они упорно отбиваются отъ Оттоманской имперіи, и даже автономія не можетъ ихъ удовлетворить. Всѣми правдами и неправдами, стараются ихъ делегаты проскользнуть въ Аѳины и тамъ, превратившись въ депутатовъ, занять мѣсто въ Эллинскомъ парламентѣ. Сліяніе съ Греціей—вотъ завѣтная мечта критянъ.

Въ другихъ частяхъ имперіи мы не встрѣтимъ такого опредѣленнаго сепаратизма, но и въ Аравіи, и въ Албаніи, и въ Македоніи, и на греческихъ островахъ проявляется напряженное стремленіе къ національному самоопредѣленію, съ которымъ новому правительству приходится очень считаться. И нужно много такта, чтобы среди всѣхъ этихъ отдѣльныхъ, порой противорѣчивыхъ, требованій найти путь, отвѣчающій общегосударственнымъ интересамъ. Деспотическая власть не создала настоящей государственности и только мѣшала зарожденію сколько-нибудь однородной, сплачивающей культуры, хотя церковь, быть можетъ, была еще большей помѣхой чѣмъ государство. До сихъ поръ и новый, конституціонный строй не уменьшилъ, кое-гдѣ даже усилилъ эту разобщенность. Такъ много было произнесено сгоряча великодушныхъ словъ, похожихъ на обѣщанья, что, когда дѣло дошло до практическаго осуществленія, то многіе почувствовали себя обдѣленными, если не обманутыми.

Громче всѣхъ остальныхъ національностей кричатъ о своихъ обидахъ и разочарованіяхъ греки. Идутъ безконечные споры между ними и правительствомъ о школахъ, главное—о школьной инспекціи. Разобраться въ подробностяхъ не легко, еще труднѣе понять, кто правъ кто виноватъ. Младотурки вышли на политическую арену съ девизомъ оттоманскаго патріотизма и освободили страну подъ клики: Ватанъ! Ватанъ! (Родина!) Спасти Турцію отъ раздѣла и развала, вотъ задача, которую они себѣ поставили. Для нихъ Оттоманская имперія живое существо. Какой бы то ни было цѣной, хотятъ они отогнать призракъ политической смерти, столько уже разъ проносившійся надъ одряхлѣвшимъ калифатомъ. И все чаще чудится имъ въ голосахъ греческихъ священниковъ, учителей и общественныхъ дѣятелей опасныя напоминанья о томъ, что уже много лѣтъ тому назадъ земля эта принадлежала имъ, грекамъ, вѣрнѣе «ромамъ», какъ и сейчасъ величаютъ себя потомки византійцевъ. Быть можетъ въ этихъ историческихъ воспоминаніяхъ, въ этой гордой ссылкѣ на свою давнюю цивилизацію, свое прошлое, нѣтъ ничего опаснаго для государства, но разобщающій элементъ въ психологіи ромовъ несомнѣнно есть. Греки и турки никогда не сольются; дай Богъ, если они сговорятся. И мечта превратить всѣхъ гражданъ Оттоманской

имперіи въ «османли», конечно, мечта несбыточная, отъ которой сами младотурки уже отказываются.

Гдѣ имъ отуречивать, или объосманивать, когда они слабѣе другихъ въ культурномъ отношеніи. Одинъ видный мусульманскій общественный дѣятель передавалъ мнѣ, что на окраинахъ идетъ обратный процессъ, такъ сказать растуречиваніе. На Кавказской границѣ, гдѣ курды и турки стоятъ гораздо ниже, несравненно болѣе дики, чѣмъ армяне, у которыхъ имѣются школы, партійныя организаціи, даже начало кооперативнаго движенія, тамъ происходитъ усиленіе армянскаго вліянія. Въ Македоніи, вдоль болгарской границы, крестьянинъ, по виду, по наряду, по религіи турокъ, подтвердитъ вамъ, что онъ турокъ, но скажетъ это на чисто болгарскомъ языкѣ, потому что свой, турецкій, онъ уже забылъ. Тоже происходитъ на югѣ Македоніи, гдѣ все дальше на сѣверъ надвигается эллинизація.

Насколько эти окраинные процессы сильны, сказать трудно, но несомнѣнно, что въ странѣ нѣтъ крѣпкаго этнографическаго ядра. Все спутано, пестро, сбито. Въ этой пестротѣ даже люди опытные въ дѣлахъ управленія легко могутъ потерять ту серединную линію, гдѣ интересы государства и интересы отдѣльныхъ національностей находятся въ равновѣсіи. А у партіи «Единенія и Прогресса» откуда было взяться опытнымъ мужамъ совѣта? Видные члены ея—эмигранты, жизнь которыхъ прошла въ критикѣ, въ благородномъ, но малодѣятельномъ негодованіи на старый деспотизмъ. У такихъ людей, конечно, нѣтъ административныхъ навыковъ, нѣтъ умѣнья властвовать. Поневолѣ имъ пришлось привлечь въ свои ряды старыхъ лукавыхъ слугъ абдулъ-гамидовскаго режима, вродѣ нынѣшняго великаго визиря Саидъ-паши, осторожнаго и хитраго политика чисто восточной складки. Вѣдь мало было захватить власть въ свои руки, надо было еще ее удерживать и примѣнять. Что это нелегко, показали мартовскіе контрреволюціонные дни, когда ненавистный обликъ Абдулъ-Гамида опять на нѣсколько дней всталъ передъ друзьями свободы, когда тѣмъ, кто завоевалъ эту свободу, пришлось прятаться, чтобы спасти свою жизнь. Послѣ этихъ бурныхъ дней младотурки круто измѣнили свою политику. Они стали якобинцами; обѣими руками захватили кормило государственнаго корабля и никого къ нему не подпускаютъ...

Европа, живущая по ничшевскому принципу,—падающаго толкни, къ безнадежно больному не иди врачемъ, что, въ переводѣ на русскій языкъ, называется ставкой на сильныхъ,—съ кислой миной наблюдаетъ затянувшіяся конституціонные муки молодой Турціи. Она еще не знаетъ, будетъ ли ей отъ этого убытокъ или

прибыль. А наблюдатели болѣе отвлеченной складки, которые смотрятъ на жизнь каждаго государства и каждой народности не съ точки зрѣнія лютой борьбы за существованіе, а стараются взвѣсить, какой культурный вкладъ, какія цѣнности несетъ та или другая нація въ общую сокровищницу человѣчества, тоже съ нѣкоторой сдержанностью смотрятъ на Оттоманскую имперію. Пятьсотъ лѣтъ владѣютъ тюркскіе завоеватели Византійской имперіей; правда, они застали ее уже въ состояніи упадка; но что же они-то дали странѣ? Экономическая жизнь упала еще ниже. Край сталъ бѣднѣе. Наука и искусство заглохли. Время ихъ владычества было временемъ распада, разложенія и угасанія. Они взяли отъ византійщины только то, что было въ ней самаго жесткаго, ея чиновничество, ея тяжелое управленіе народомъ. Это было дурное наслѣдство.

Но можетъ быть ростокъ новой европейской государственности, привитый къ стволу старой мусульманской жизни, воскреситъ этотъ край, пробудитъ еще не использованныя духовныя силы, несомнѣнно, способнаго турецкаго населенія? Старая система управленія мертвила эти силы, не давала имъ проявиться. Теперь нужно громадное напряженіе, громадный подъемъ, чтобы нагнать потерянное время. Турки это сами сознаютъ и сами говорятъ:

— У насъ еще ничего нѣтъ. Наше поколѣнье должно все сдѣлать, и сдѣлать все заново. Но мы справимся съ этой задачей, если только Европа оставитъ насъ въ покоѣ.

А. Тыркова.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ИВАНЮКОВЪ.

(Опытъ характеристики).

Русское общество отозвалось на кончину проф. Иванюкова довольно дружно. Его высокія нравственныя качества, природныя доброта и мягкость, строгость къ себѣ и снисходительность къ другимъ, стойкость убѣжденій и вѣрность друзьямъ встрѣтили справедливую оцѣнку всѣхъ болѣе или менѣе близко его знавшихъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ понесенной утраты объ Иванюковѣ писали болѣе какъ о человѣкѣ, чѣмъ о писателѣ и ученомъ спеціалистѣ. Пора пополнить этотъ пробѣлъ. Авторъ настоящей статьи ставитъ себѣ задачей краткую и въ то же время по возможности

полную характеристику усопшаго. Тридцатилѣтняя дружба, связывавшая его съ покойнымъ, какъ и занятіе близкими по природѣ предметами—причина той рѣшимости, съ которой онъ приступаетъ къ довольно сложной въ общемъ задачѣ. Жизнь Иванюкова была крайне разнообразна. Цѣлая полоса ея осталась мнѣ неизвѣстной. Онъ получилъ военное образованіе, служилъ въ гвардіи, участвовалъ даже въ сраженіяхъ, получилъ знакъ отличія за храбрость и тѣмъ не менѣе въ томъ возрастѣ, когда всего труднѣе взяться за учебники, онъ, увлекаемый общимъ теченіемъ 60-тидесятыхъ годовъ къ расширенію и углубленію гуманитарныхъ знаній, подготовился и выдержалъ рядъ экзаменовъ: экзаменъ для поступленія въ университетъ, экзаменъ на кандидата юридическихъ наукъ, наконецъ, экзаменъ на магистра политической экономіи. Въ 70-мъ году имъ была напечатана и защищена работа на тему: «Экономическая теорія Маклеода». Эта небольшая книжка, всего въ 133 страницы, подымаетъ рядъ основныхъ вопросовъ политической экономіи. Она свидѣтельствуетъ о критическомъ отношеніи автора къ столь популярному экономисту, какимъ на западѣ и у насъ одно время былъ Маклеодъ. Нужно вспомнить, что въ «Основаніяхъ политической экономіи» этотъ шотландскій экономистъ задавался ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлью дать новыя основанія для политической экономіи. Въ 63-мъ году французскій экономистъ Ришло признавалъ этотъ трудъ произведшимъ переворотъ въ наукѣ, а несравненно болѣе замѣчательный писатель и ученый Мишель Шевалье высказывалъ свое полное согласіе съ развитой Маклеодомъ теоріей кредита.

Опираясь на классиковъ и прежде всего на Адама Смита и Рикардо, привлекая также къ своей оцѣнкѣ такихъ иниціаторовъ въ вопросахъ обмѣна и денежнаго обращенія, какъ знаменитый Вильямъ Петти и постоянно противополагая мыслямъ Маклеода ученіе Дж. Ст. Милля,—Иванюковъ пытается доказать, что, ограничивая задачу политической экономіи изслѣдованіемъ однихъ законовъ, управляющихъ обмѣномъ, Маклеодъ написалъ въ дѣйствительности не основанія науки политической экономіи, а только теорію обмѣна. Признавая, что цѣна предмета обусловливается однимъ спросомъ и предложеніемъ, онъ упустилъ изъ виду вліяніе, какое имѣютъ на эту цѣну количество затраченнаго труда и издержки производства. Относясь отрицательно къ этимъ сторонамъ ученія Маклеода, Иванюковъ даетъ высокую оцѣнку не его кредитной теоріи, которую онъ, наоборотъ, считаетъ плодомъ заблужденія, а его анализу началъ банковой дѣятельности. Близкое знакомство съ дѣломъ, вмѣстѣ съ правильно примѣненной къ изслѣдованію банковыхъ вопросовъ индукціей, позволяютъ автору, пишетъ Иванюковъ, указать сущ-

ность заблужденій нѣкоторыхъ банковыхъ теорій и правилъ, которыми руководствовался англійскій банкъ, а также—къ построенію простого раціональнаго ученія, принятіе котораго можетъ послужить къ облегченію коммерческихъ кризисовъ и къ предотвращенію кризизовъ банковыхъ. Въ числѣ положеній къ диссертаціи мы находимъ слѣдующія мысли: благородный металлъ единственное дѣйствительное основаніе для бумажно-денежнаго обращенія. Нашъ недавній опытъ сохраненія послѣ неудачной войны и тяжелыхъ внутреннихъ потрясеній сравнительно высокаго курса нашихъ кредитныхъ билетовъ на международномъ рынкѣ, благодаря своевременному введенію у насъ С. Ю. Витте золотой валюты, явился новымъ подтвержденіемъ правильности этого положенія. Едва ли кто откажетъ также въ разумности слѣдующимъ двумъ тезисамъ:

«Въ видахъ сохраненія номинальной стоимости банковыхъ билетовъ и предупрежденія спекуляцій необходимо, чтобы дисконтные банки приняли основаніемъ своихъ операцій слѣдующее правило: когда монета отливаетъ изъ страны, учетный процентъ долженъ быть постепенно повышаемъ; когда монета идетъ въ страну, учетный процентъ долженъ быть понижаемъ».

«Интересы торговли требуютъ, чтобы банкъ расширялъ выпуски билетовъ, когда билеты его спрашиваются для замѣщенія уничтоженнаго коммерческою катастрофою кредита».

До моего знакомства съ нимъ Иванюковъ успѣлъ не только защитить диссертацію, но и побывать въ Америкѣ, гдѣ онъ нѣкоторое время зарабатывалъ себѣ средства для существованія хорошо оплачиваемымъ физическимъ трудомъ, посвящая свободное время изученію условій экономической и политической жизни въ быстро развивавшейся уже въ это время заокеанической демократіи. Онъ успѣлъ также перейти изъ Варшавскаго университета, въ которомъ завязаны были имъ на всю жизнь добрыя отношенія съ Петромъ Исаевичемъ Вейнбергомъ, въ Московско-Разумовскую земледѣльческую академію и использовать годичный отпускъ для поѣздки въ Болгарію и сотрудничества съ княземъ Черкасскимъ въ созданіи гражданскаго правопорядка въ освобожденной нами странѣ. О дѣятельности Иванюкова въ Болгаріи мнѣ извѣстно только одно: въ роли комиссара по финансовой части онъ отмѣнилъ въ ней подушную подать,—«мусульманскій зекатъ», кладя тѣмъ самымъ начало ея финансоваго возрожденія. Послѣ возвращенія въ Москву, Иванюковъ, въ роли профессора политической экономіи сразу съумѣлъ за-

интересовать своихъ слушателей и установить съ ними доброе отношеніе старшаго товарища къ младшимъ. Какъ свидѣтельствуетъ позднѣе изданный имъ курсъ, онъ включалъ въ свои лекціи обсужденіе цѣлаго ряда темъ, непосредственно касающихся экономическаго строя русской деревни, вопросовъ о хозяйственномъ значенія подворнаго и общиннаго землевладѣнія, земледѣльческаго кредита, отхожихъ промысловъ и переселеній, кустарной и заводской промышленности. Посвящая себя преподаванію, Иванюковъ принималъ также участіе въ журнальной работѣ не въ томъ, смыслѣ, чтобы стать регулярнымъ поставщикомъ рукописнаго матеріала, а въ томъ, что части затѣянной имъ книги онъ первоначально печаталъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», «Русской Мысли» или «Вѣстника Европы». Въ качествѣ спеціалиста, Иванюковъ выступалъ со своими статьями въ извѣстной «профессорской» газетѣ Москвы «Русскія Вѣдомости».

Дѣятельность Иванюкова, какъ журналиста, была крайне разнообразна. Въ сотрудничествѣ со мною имъ изданъ рядъ статей представлявшихъ собою описаніе нашей совмѣстной поѣздки на Кавказъ. Въ обществѣ извѣстнаго русскаго композитора Сергѣя Ивановича Танѣева мы сдѣлали перевалъ черезъ главный хребетъ, двигаясь изъ горскихъ обществъ Кабарды въ княжескую и вольную Сванетію, а оттуда на Мингрелію въ Кутаисъ. До послѣдняго времени Иванюковъ не переставалъ печатать въ журналахъ отзывы о наиболѣе выдающихся книгахъ по политической экономіи. Къ числу таковыхъ отнесено было имъ «Міровое хозяйство» проф. Исаева, отзывъ о которомъ и напечатанъ имъ въ хроникѣ «Вѣстника Европы».

Журнальная дѣятельность Иванюкова началась уже давно. Въ «Отечественныхъ запискахъ» появились въ концѣ 60-хъ годовъ его письма изъ Америки. Въ моихъ рукахъ первое изъ этихъ писемъ, сохраненное въ отдѣльномъ оттискѣ покойнымъ авторомъ. Оно напечатано въ томъ же томѣ, въ какомъ имѣется некрологъ о Дмитріи Ивановичѣ Писаревѣ, т. е. въ 1868-мъ году, въ августовской книгѣ журнала. Не безъ удивленія прочелъ я въ письмѣ Иванюкова описаніе американскаго Кембриджа, съ его всему міру извѣстнымъ Гарвардскимъ университетомъ, какъ города всего на всего въ 30 тысячъ душъ, своимъ видомъ напоминающаго дачи на Петербургскихъ островахъ. 32 года назадъ я зналъ уже Кембриджъ городомъ, растущимъ въ воздухъ. Можно судить во что онъ превратился теперь, при необыкновенно быстромъ скучиваніи населенія большихъ умственныхъ центровъ, изъ коихъ едва ли не первымъ въ Америкѣ является Гарвардскій университетъ. Изъ той же статьи я узналъ,

что число слушателей въ Гарвардѣ въ то время было не болѣе 500 человѣкъ. Нынѣ же однихъ преподавателей насчитывается на нѣсколько сотенъ больше. Въ письмѣ Иванюкова встрѣчаются и описанія подгородной деревни, посѣщенной имъ въ обществѣ профессора изъ Гарварда Кетлэ. «Три, четыре прямыхъ и чистыхъ улицъ версты въ полторы, пять, шесть улицъ поперечныхъ; по обѣимъ сторонамъ тротуары и деревья, затѣмъ красные домики, какъ наши лучшія каменноостровскія дачи, передъ домикомъ нѣсколько деревьевъ, цвѣты, иногда фонтанъ, сзади поля и огороды»—таковъ внѣшній видъ посѣщенной Иванюковымъ деревни Гольстинъ. А вотъ характеристика его обитателей: «на полѣ работаетъ хозяинъ одного изъ изящныхъ домиковъ села. Земли у него столько, сколько онъ самъ можетъ воздѣлать. Кромѣ земледѣлія онъ занимается и обработкой кожъ, сбываемыхъ имъ на сосѣднюю фабрику. Въ деревнѣ нѣсколько церквей, банкъ, почтовая контора, большой залъ, въ которомъ граждане собираются для выбора представителей; школа съ двумя отдѣленіями; въ низшемъ преподаваніе производится учительницей и обнимаетъ собою чтеніе и письмо, ариѳметику, геометрію и черченіе, а въ высшемъ — географію, исторію, элементарныя свѣдѣнія по анатоміи, ботаникѣ и зоологіи. Изъ школы прямой доступъ въ гимназію или въ колледжъ. Нѣсколько такихъ деревень съ окружающими ихъ фермами образуютъ общину, которая является полнымъ хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Надъ общиной стоитъ графство, надъ графствомъ—штатъ». Иванюкова, какъ много лѣтъ раньше Токвиля, привлекаетъ эта картина широкаго сельскаго самоуправленія. Онъ противополагаетъ нашей деревни американскую и спрашиваетъ себя, чѣмъ вызвано ея довольство. Воображаемый собесѣдникъ на вопросъ: «Что вы люди другіе, изъ другого тѣла сотворены?» отвѣчаетъ: «нѣтъ, мы люди тѣ же, и не больно много учены, да жить-то намъ никто не мѣшаетъ; какъ думаемъ лучше будетъ, такъ и поступаемъ; да и земли у насъ столько, что больше не сработать, да и работаемъ мы скоро съ помощью земледѣльческихъ машинъ; нѣтъ денегъ купить ихъ — есть возможность воспользоваться кредитомъ: на меліораціи нѣтъ отказа въ капиталѣ».

Я не прочь думать, что въ позднѣйшіе годы, когда Иванюковъ сдѣлался обозрѣвателемъ провинціальной жизни въ Россіи и въ теченіе шести лѣтъ съ 1893 по 1899 г. печаталъ въ «Русской Мысли» свои личныя наблюденія и тѣ выводы, на которые наводило его обстоятельное знакомство съ данными, сообщаемыми провинціальной печатью, картина матеріальнаго довольства и нравственнаго преуспѣянія американскаго воздѣлывателя не переставала тревожить его воображеніе. Не даромъ вопросы объ обезпеченіи крестьянина

землею, о расширеніи школьной сѣти, объ устройствѣ читаленъ для народа, о развитіи кустарныхъ промысловъ съ помощью дешеваго кредита, доставляемаго кустарямъ Государственнымъ банкомъ, о земледѣльческихъ артеляхъ и земледѣльческихъ банкахъ, о созданіи всесословной волости, подобной во многомъ англо-американской общинѣ или town, о расширеніи самодѣятельности уѣзднаго и губернскаго земствъ, о созданіи всесословнаго городскаго управленія, опятьтаки близкаго по типу къ американскому, постоянно привлекаютъ къ себѣ его вниманіе. Я пересмотрѣлъ недавно статьи, напечатанныя имъ въ «Русской Мысли» подъ заглавіемъ «Очерки провинціальной жизни». Сдѣлать это было тѣмъ легче, что авторъ хранилъ у себя переплетенный экземпляръ ихъ. Если бы отпечатать ихъ вновь, то вышло бы цѣлыхъ два тома въ 600—700 стр. каждый. Вопросы, задѣваемые Иванюковымъ, тѣ самые, съ которыми должна считаться наша печальная дѣйствительность. Что ни день, мы толкуемъ нихъ въ нашихъ законодательныхъ палатахъ. Аргументація сторонниковъ и противниковъ реформъ также мало измѣнилась: мы слышимъ и повторяемъ зады. Вотъ почему «Очерки» покойнаго профессора, къ сожалѣнію, далеко не устарѣли. Не далѣе, какъ въ теченіе текущаго апрѣля, мы на тринадцати засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта все толковали о томъ, какъ бы сдѣлать начальную школу общедоступной. А еще въ 1896-мъ году проф. Иванюковъ, пользуясь данными земской статистики, доказывалъ, что Россія въ отношеніи къ народному образованію уступаетъ даже Болгаріи, Сербіи, Японіи и Турціи, такъ какъ у насъ только 8% грамотныхъ. Но грусть, вызываемая этимъ обиднымъ фактомъ, прибавлялъ онъ, значительно покрывается радостью открывающихся перспективъ. «Надо читать отчеты земскихъ собраній, чтобы вполнѣ оцѣнить силу стремленія къ просвѣщенію народа. Повсюду поставленъ, а въ нѣкоторыхъ земствахъ и практически разрѣшенъ вопросъ о всеобщемъ обученіи. Устройство народныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній, повторительныхъ вечернихъ и воскресныхъ школъ, организація книжныхъ складовъ, улучшеніе матеріальнаго положенія народныхъ учителей—всѣ эти вопросы внимательно разсматриваются земскими собраніями и, насколько позволяютъ имъ это ихъ скудныя средства, вопросы эти разрѣшаются въ утвердительномъ смыслѣ. Заботамъ общества о просвѣщеніи народа идетъ навстрѣчу съ каждымъ годомъ усиливающееся стремленіе самого народа къ образованію; спросъ на него далеко обогналъ предложеніе: «нѣтъ болѣе мѣста»—таковъ отвѣтъ, который на всемъ пространствѣ какъ Европейской Россіи, такъ и Сибири, даютъ съ болью въ сердцѣ учителя толпящемуся у воротъ школы народу. Ежегодно мы читаемъ, что въ большихъ го-

родахъ отказано въ пріемѣ въ школу тысячамъ дѣтей, въ небольшихъ—сотнямъ. Такія же извѣстія идутъ и отовсюду изъ селъ. Періодъ поступленія дѣтей въ школу есть періодъ муки для учителей; ихъ осаждаютъ отцы и матери съ просьбами принять ребенка. «Онъ сядетъ гдѣ-нибудь на краюшкѣ стола, онъ маленькій, ему мѣста немного надо». Родители готовы совершить подкупъ учителя, полагая, что это можетъ открыть двери школы ихъ ребенку. Повсюду школы переполнены, и отъ нихъ приходится силою гнать желающихъ учиться» (Русская Мысль. Январь, 1896).

Читая подобныя сообщенія, сдѣланныя почти 20-ть лѣтъ тому назадъ, трудно не придти къ тому выводу, что, тратя какихъ-нибудь 10-ть милліоновъ въ годъ въ помощь земству при созданіи общедоступной, всенародной школы, правительство удовлетворяетъ давно назрѣвшую потребность, идетъ на встрѣчу реальному запросу массъ. Какъ не пожалѣть поэтому, что доселѣ въ нашей верхней камерѣ повторяются «благонамѣренныя» предложенія, направленныя къ тому, чтобы ослабить начало общедоступности обученія отнятіемъ иниціативы въ этомъ дѣлѣ у уѣзднаго земства и передачей ея въ руки сельскихъ сходовъ и собраній городскихъ избирателей. Будемъ надѣяться, что такіе несвоевременные тормазы народно-образовательному дѣлу не будутъ впредь создаваемы и напомнимъ сказанное Иванюковымъ еще въ 1896-мъ году о результатахъ 30-ти-лѣтней дѣятельности земства. «Нельзя спорить, писалъ онъ, противъ плодотворности для нашего отечества принципа земскаго самоуправленія. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, въ организаціи медицинской помощи населенію, въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, въ организаціи общественнаго призрѣнія, въ выясненіи передъ правительствомъ основныхъ нуждъ мѣстнаго населенія—во всемъ этомъ земскія губерніи оставили далеко позади себя неземскія, гдѣ названныя сферы орудуются при посредствѣ однихъ лишь чиновниковъ». Не даромъ члены Государственной Думы озабочены мыслью о распространеніи земскихъ учрежденій не только на Западный край и Остзейскія губерніи, но и на побережье Каспійскаго моря и отдаленную Сибирь. Но для того, чтобы мѣстное самоуправленіе давало ожидаемые отъ него результаты, необходимо, чтобы голосъ народа не былъ искажаемъ навязываніемъ ему рѣшеній, принятыхъ земскими начальниками. Вопросъ о нихъ, недавно рѣшенный въ смыслѣ обособленія мѣстнаго суда и передачи его въ руки снова вызываемаго къ жизни мирового института, волновалъ общественное мнѣніе Россіи еще въ серединѣ 90-хъ годовъ.

«Судьба послала, пишетъ Иванюковъ, мировому институту преемника, скоро выяснившаго, какъ велика утрата, понесенная нами.

Кто изъ мировыхъ судей отважился бы, напримѣръ, явившись въ нетрезвомъ видѣ на пожаръ, избить и изругать священника съ дарами на груди, у кого бы изъ нихъ хватило духа обѣщать сельскому сходу перебить половину собравшихся на немъ обывателей, если они вздумаютъ обращаться съ жалобами и прошеніями» и т. д. и т. д.?

Иванюковъ не разъ возвращался къ тому же вопросу о земскихъ начальникахъ, указывая на то, напрмѣръ, какъ опасно ихъ вмѣшательство въ постановленія сельскихъ судовъ. Какъ поднять законность въ деревнѣ, спрашивалъ онъ, и отвѣчалъ на него: угнетенное состояніе сельскаго и волостного управленія есть результатъ устраненія отъ него образованнаго слоя мѣстнаго населенія; при участіи этого элемента въ сельскомъ управленіи должностныя лица и всякаго рода кулаки, не стѣсняющіеся теперь закономъ, станутъ осмотрительнѣе въ своихъ поступкахъ. Учрежденіемъ всесословной волости, все еще откладываемымъ въ дальній ящикъ нашей верхней палатой, несомнѣнно удовлетворенъ былъ бы этотъ запросъ на усиленіе законности (и прибавимъ мы отъ себя: и просвѣщенія) въ русской сельской средѣ. Отовсюду идутъ извѣстія, пишетъ Иванюковъ, что волостные старшины и гласные, выбранные крестьянами, находятся подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ и подаютъ голоса согласно ихъ указаніямъ. При баллотировкѣ даже незначительныхъ вопросовъ открытой подачей голосовъ гласные изъ волостныхъ старшинъ и крестьянъ сидятъ или встаютъ смотря по тому, встали или нѣтъ земскіе начальники. Въ составъ земскаго собранія входитъ обыкновенно значительное число земскихъ начальниковъ. Вопросъ, поднятый земскимъ начальникомъ, обыкновенно поддерживается старшиною, подчиненнымъ начальнику мѣстности. При такихъ условіяхъ немудрено, если чрезъ посредство волостныхъ старшинъ, вліяющихъ на выборъ волостныхъ судей, земскіе начальники имѣютъ рѣшающее значеніе и въ области мѣстной расправы. Я сказалъ то же самое съ трибуны Государственнаго Совѣта, приведя матеріалы, сообщенные мнѣ другимъ членомъ Совѣта, г. Авдаковымъ. Эти матеріалы указывали на громадное число случаевъ привлеченія старшинъ къ отвѣтственности въ послѣдніе по времени годы за незаконно-производимый ими нажимъ на избирателей. Кажется, легко было понять мою мысль, но ее постарались въ мое отсутствіе истолковать такимъ образомъ, будто мною смѣшаны съ волостными судьями и вліяющіе на ихъ выборъ старшины. Я принужденъ повторить теперь то же, на что жаловался и Иванюковъ 16-ть лѣтъ тому назадъ, а именно то, что выборныхъ народныхъ судей, въ дѣйствительности, у насъ нѣтъ, а слѣдо-

вательно, отпадаетъ и единственная лицевая сторона нашей волостной расправы.

Быстро перелистывая «Очерки провинціальной жизни» Иванюкова, я готовъ остановить вниманіе читателя еще на слѣдующихъ заявленіяхъ: довѣріе мѣстнаго населенія къ школѣ, состоящей въ завѣдываніи Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. е. къ земской, настолько окрѣпло, что часто незначительной поддержкой со стороны казны можно вызвать большія пожертвованія крестьянъ въ пользу школы. Но дѣло постоянно тормозится несогласіемъ на открытіе училищъ со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства. Казалось бы недостатокъ въ школахъ такъ великъ, что и при совмѣстной дѣятельности двухъ вѣдомствъ трудно удовлетворить всей существующей потребности. Въ результатѣ же всѣхъ этихъ несогласій то, что населеніе или не получаетъ никакой школы или получаетъ самую плохую школу грамотности. Задерживается ходъ народнаго образованія также излишней его регламентаціей. Смѣло можно утверждать, что за послѣдніе годы одной лишь печатью было заявлено до тысячи случаевъ непоявленія на свѣтъ Божій школы, библіотеки, народной читальни, народныхъ чтеній, книжнаго склада, по причинамъ административныхъ запрещеній, отказовъ, молчаній. Вотъ, кажется мнѣ, рядъ оцѣнокъ, который не мѣшало бы принять во вниманіе и при проведеніи черезъ наши законодательныя палаты закона о народной школѣ. Знакомясь съ тѣмъ, въ какомъ видѣ этотъ законъ принятъ послѣ тяжелаго искуса обѣихъ законодательныхъ палатъ, можно, пожалуй, подумать, что приведенныхъ опасеній никогда и не было высказано. Регламентація только усилилась въ удовлетвореніе запросовъ церкви, полиціи, уѣздныхъ предводителей дворянства и казенныхъ инспекторовъ.

Современный также вопросъ затрагиваетъ Иванюковъ, говоря о послѣдствіяхъ винной монополіи въ ближайшіе годы послѣ ея установленія. Въ борьбѣ съ невѣжествомъ, съ пьянствомъ, съ бѣдностью, съ преступностью, главныя позиціи, пишетъ Иванюковъ, должны принадлежать общественнымъ силамъ. Попечительства о народной трезвости съ ихъ по преимуществу бюрократическимъ составомъ подтвердили справедливость этой истины a contrario. Пока они не измѣнятъ своего состава и теперешняго отношенія къ дѣлу, винная монополія будетъ дѣлать успѣхи въ смыслѣ увеличенія доходовъ казны, но далеко не въ смыслѣ уменьшенія пьянства (май, 1896 г.).

Другой вопросъ, также не лишенный современности, это обнищаніе русской деревни. Обслѣдованіемъ, произведеннымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ два года спустя послѣ

неурожая 1892 г., установлено, пишетъ Иванюковъ, что у насъ имѣются цѣлыя губерніи, гдѣ сельскія общества, не опутанныя недоимками, составляютъ рѣдкое исключеніе. Рядомъ съ долгомъ казнѣ, на народѣ лежатъ еще громадные долги частнымъ лицамъ, по которымъ они платятъ ростовщическіе проценты. По приблизительнымъ исчисленіямъ сумма частныхъ долговъ достигала въ серединѣ 90-хъ годовъ милліарда рублей. Чрезмѣрная, непосильная задолженность сельскаго населенія, вмѣстѣ съ другими чертами его экономической обстановки, повела къ тому, пишетъ Иванюковъ, что количество скота въ земледѣльческой промышленности значительно сократилось, а число безлошадныхъ дворовъ сильно возрасло. Данныя, добытыя военно-конской переписью 88—91-го годовъ, напоминаетъ Иванюковъ, указали на то, что изъ $10^1/_2$ милліоновъ крестьянскихъ хозяйствъ Европейской Россіи болѣе, чѣмъ у $2^1/_2$ милліоновъ нѣтъ ни одной лошади. Иванюковъ постоянно задается вопросомъ о причинахъ крестьянскаго обнищанія. Рядомъ съ увеличивающимся малоземельемъ, съ распашкой выпасовъ и другихъ сельскихъ угодій, послѣдствіемъ чего является необходимость уменьшить количество рабочаго скота и отказаться отъ унаваживанія полей,—онъ указываетъ попутно и на такія причины, какъ слѣдующія: развитіе кустарнаго производства тормозится и отсутствіемъ государственнаго или земскаго кредита кустарямъ, и чрезмѣрно высокимъ таможеннымъ тарифомъ. Особенно страдаютъ отъ него тѣ роды кустарнаго промысла, для которыхъ матеріаломъ служитъ желѣзо. Земство неоднократно ходатайствовало объ отмѣнѣ пошлинъ на желѣзо, чугунъ, сталь и земледѣльческія орудія.

Иванюковъ указываетъ на то, что пролетаризація массъ далеко не въ интересахъ и помѣщичьяго хозяйства. Принужденные американской конкурренціей и конкурренціей другихъ странъ заводить техническія улучшенія, болѣе совершенныя машины и орудія, помѣщики-хозяева нуждаются въ сытыхъ, здоровыхъ, грамотныхъ и умѣлыхъ рабочихъ. Американецъ, платя своему рабочему чуть ли не въ десять разъ больше нашего (повторяю, дѣло идетъ о 90-хъ годахъ), давно это созналъ, а потому и далеко ушелъ отъ насъ по пути земледѣльческихъ улучшеній. Иванюковъ далеко не сторонникъ искусственнаго развитія крупнаго землевладѣнія, хотя бы насчетъ сокращенія площади казенныхъ земель, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Сибири, историческія условія сложились въ пользу упроченія крестьянской демократіи. Насажденіе на казенныхъ сибирскихъ земляхъ помѣщичьяго землевладѣнія, пишетъ онъ, было бы равносильно отказу отъ тѣхъ прекрасныхъ основаній колоніальной политики, которыя положены въ законѣ отъ 15-го іюня 1882 года по

отношенію къ колонизаціи свободныхъ банкирскихъ земель. Основное положеніе этого закона заключается въ томъ, что государственныя земли должны служить неприкосновеннымъ фондомъ для обезпеченія крестьянъ переселенцевъ. Государство является главнымъ собственникомъ сибирской земли. Послѣдствіемъ обращенія государственныхъ земель Сибири подъ крупное и среднее землевладѣніе явилась бы крайне вредная спекуляція землею. Спекуляція выразилась бы въ двухъ видахъ: одни собственники занялись бы перепродажей земли нуждающемуся въ ней сельскому населенію, другіе нашли бы болѣе выгоднымъ спекулировать землею въ формѣ сдачи ея крестьянамъ въ аренду. Въ результатѣ же оказалось бы, что людьми ведущими сельско-хозяйственный промыселъ явились бы одни крестьяне; собственники же крупныхъ и среднихъ участковъ получали бы за это ренты. Если крупныя помѣстья и въ Европейской Россіи рѣдко гдѣ являются сельско-хозяйственными школами для народа, то тѣмъ болѣе это будетъ въ Сибири, гдѣ экономическія условія не позволяютъ вести сколько-нибудь усовершенствованнаго земледѣльческаго хозяйства (май 1896 г.). Мнѣ казалось необходимымъ напомнить отношеніе Иванюкова къ вопросу, который въ наши дни собираются рѣшить какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что крупное землевладѣніе въ Сибири явится своего рода благодѣяніемъ для самаго крестьянства. Иванюковъ не разъ возвращался къ вопросу о томъ, что сдѣлано земствомъ для поднятія экономическаго и культурнаго уровня народа. «Зная скудость земскихъ финансовъ, писалъ онъ, удивляешься тому, какъ много съ ними успѣло сдѣлать земство: оно создало народную школу, организовало медицинскую помощь, устроило сельское страхованіе. Все это знаетъ каждый. Менѣе извѣстна экономическая дѣятельность земства. Между тѣмъ и въ этомъ отношеніи сдѣлано не мало. Прежде всего надо указать на организацію экономическаго изслѣдованія подлежащихъ ему районовъ. Земства создали такую подробную и точную хозяйственную статистику, какой не имѣется ни въ одномъ государствѣ Запада. Она одинаково полезна и для земствъ, и для правительства. Дѣятельность земствъ была также направлена на расширеніе средствъ крестьянскаго землевладѣнія, на облегченіе для крестьянъ арендованія земель и на упорядоченіе переселенческаго движенія. Въ области земельныхъ улучшеній земства заботились объ осушеніи болотъ, объ обводненіи и орошеніи земель и боролись съ летучими песками. Для развитія земледѣлія они заботились о распространеніи усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, о введеніи травосѣянія и улучшенныхъ способовъ удобренія полей. Въ значительной степени земская

дѣятельность коснулась также коневодства, скотоводства, овцеводства и пчеловодства. Далѣе земства заботились объ улучшеніи техническихъ производствъ, связанныхъ съ земледѣліемъ, о поднятіи кустарныхъ промысловъ и объ организаціи доступнаго для населенія кредита. Для распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ земствами основывались среднія и низшія земледѣльческія училища, заводились школьныя хозяйства, устраивались сельско-хозяйственныя курсы, бесѣды, выставки и музеи, учреждались сельско-хозяйственныя опытныя станціи, фермы, опытныя и показательныя поля, образцовыя крестьянскія хозяйства и распространялись популярныя изданія по различнымъ отраслямъ хозяйства. Обозрѣвая экономическую дѣятельность земства, можно сказать, что не осталось ни одной хозяйственной нужды русской деревни, которой не коснулось бы земство въ своемъ искреннемъ и серьезномъ стремленіи улучшить матеріальное положеніе народа. И если земская работа въ этой области имѣетъ болѣе характеръ *почина*, если земству удалось сдѣлать лишь небольшую часть того, что оно желало сдѣлать и что требуется настоятельными нуждами деревни, то въ этомъ вина не его, а тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя ему предоставлены».

Мнѣ нѣтъ возможности передать все богатство содержанія очерковъ провинціальной жизни, которые въ 90-хъ годахъ протекшаго столѣтія принадлежали къ числу статей, наиболѣе читаемыхъ въ нашихъ, такъ называемыхъ, «толстыхъ» журналахъ. Они сдѣлали имя Иванюкова настолько популярнымъ, что и въ настоящее время, когда желаютъ сказать, что соотвѣтствующій отдѣлъ хорошо или дурно ведется въ томъ или иномъ журналѣ, нерѣдко прибѣгаютъ къ сопоставленію его съ тѣмъ, какой въ концѣ прошлаго столѣтія велъ Иванюковъ въ «Русской Мысли». «Очерки», какъ читатель, по всей вѣроятности, убѣдился изъ приведенныхъ отрывковъ, не потеряли своего значенія и въ наше время. Они весьма цѣнны также при опредѣленіи и той дальнѣйшей позиціи, какую ихъ авторъ принялъ по отношенію ко многимъ вопросамъ русской дѣйствительности. Кто читалъ «Очерки провинціальной жизни», тотъ предугадаетъ и то отношеніе, въ какое сталъ Иванюковъ къ систематической и искусственной ломкѣ исконныхъ устоевъ деревенской жизни со времени изданія въ порядкѣ 87-й статьи указа 9-го ноября. Въ его лекціяхъ по сельскохозяйственной экономіи экономическія послѣдствія этой мѣры опредѣляются слѣдующимъ образомъ. «Отрубной участокъ не есть еще хуторское хозяйство. Общинное землевладѣніе можетъ распасться на отрубные участки, а разселиться хуторами крестьяне не найдутъ

возможнымъ. При основаніи хутора нужно переносить усадьбу, а это требуетъ денегъ. Откуда ихъ взять крестьянину? На новомъ мѣстѣ должна быть вода, иногда приходится рыть колодецъ, а если его нужно сдѣлать глубокимъ, то работы обходятся очень дорого. Изолированный дворъ лишаетъ его владѣльца безопасности и возможности пользоваться даже тѣми немногими благами культуры, которыя можно найти въ большой деревнѣ. Разселеніе хуторами возможно, въ сущности, только въ странахъ съ густымъ населеніемъ; у насъ же при рѣдкомъ населеніи и первобытныхъ путяхъ сообщенія хуторъ и весной, и осенью въ распутицу, и зимой въ заносы—будетъ отрѣзанъ отъ всего остального міра. Затрудняется построеніе церкви, школы, установленіе медицинской помощи; затрудняется для хуторянина вообще сношеніе съ людьми. Если законъ 9-го ноября будетъ имѣть послѣдствіемъ разложеніе общиннаго землепользованія, то на развалинахъ его водворится не хуторское хозяйство, какъ мечтаетъ правительство, а то подворное землепользованіе, которое держится въ юго-западныхъ губерніяхъ». Можно ожидать отъ закона 9-го ноября, продолжаетъ Иванюковъ, и еще одного важнаго послѣдствія: роста числа безземельныхъ. Этотъ законъ облегчаетъ мобилизацію земли; съ нимъ явилась возможность превратить общинную землю въ личную собственность, а затѣмъ заложить или продать ее. До сихъ поръ при общинномъ землевладѣніи крестьяне пользовались кредитомъ подъ отработки, теперь они могутъ продать участокъ. При все еще слабомъ развитіи у насъ мелкаго кредита совершенно неизбѣженъ переходъ заложеннаго хозяйства въ руки ростовщика и пролетаризація его бывшаго владѣльца. Пролетаризація у насъ зашла и такъ довольно далеко, рабочій рынокъ и безъ того переполненъ ищущими занятій выходцами изъ деревни.

Не насильственнымъ упраздненіемъ общины, а другими болѣе культурными средствами предлагалъ Иванюковъ еще въ 1895-мъ году борьбу съ крестьянскимъ малоземельемъ. «Надежды дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ на ростъ сельскаго благосостоянія—пишетъ онъ въ февральской книгѣ «Русской Мысли» отъ 1895 г., оправдались бы несомнѣнно, если бы вслѣдъ за эмансипаціей установлена была у насъ правильная колонизаціонная система на государственныхъ земляхъ по сю и по ту сторону Урала, еслибы наше законодательство обратило такое же вниманіе на условія преуспѣянія сельскаго благосостоянія, какое обращено было имъ на развитіе крупной промышленности». Иванюковъ привѣтствовалъ созданіе у насъ особаго крестьянскаго банка и признавалъ въ то же время, что онъ далеко не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ,

такъ какъ въ банкѣ водворилась система благопріятствованія наиболѣе состоятельному слою крестьянства. Такіе порядки установлены были не путемъ закона, а въ силу усмотрѣнія. Иванюковъ поддерживаетъ предложеніе, сдѣланное правительству Вольно-Экономическимъ Обществомъ. Въ немъ значилось, между прочимъ, что крестьянскому банку необходимо предоставить покупку земель съ цѣлью какъ увеличенія надѣловъ, такъ и для развитія колонизаціи. При выдачѣ ссудъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ господствуетъ общинное землевладѣніе, желательно, думалъ онъ вмѣстѣ съ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, давать предпочтеніе при кредитныхъ сдѣлкахъ сельскому міру и товариществамъ передъ отдѣльными лицами. При покупкѣ земель малоимущими лицами надо, чтобы банкъ давалъ имъ ссуды и на покупку инвентаря. Увеличеніе площади крестьянскаго землепользованія, объявлялъ Иванюковъ, является той государственной мѣрой, безъ которой невозможно серьезное улучшеніе экономическаго положенія народа.

Въ своихъ курсахъ, какъ и въ своихъ научныхъ работахъ Иванюковъ никогда не терялъ изъ виду необходимости сближать запросы жизни съ требованіями теоріи. Этимъ въ значительной степени и объясняется его успѣхъ какъ лектора и истолкователя экономическихъ истинъ. Другой причиной широкаго распространенія его устнаго и письменнаго слова были простота, ясность и изящество изложенія. И лекціи, и книги Иванюкова составлены со вкусомъ и не обременены подробностями; основная мысль всегда проводится ярко; нѣтъ повтореній, скачковъ отъ одного предмета къ другому. На рядѣ страницъ и главъ читатель имѣетъ возможность слѣдить за плавнымъ развитіемъ основной темы и вытекающихъ изъ нея второстепенныхъ положеній. Въ виду всего сказаннаго неудивительно, что курсъ Иванюкова «Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій» выдержалъ уже болѣе трехъ изданій. Даже независимо отъ его содержанія, въ которое введены предметы, обыкновенно отсутствующіе въ переведенныхъ на русскій языкъ заграничныхъ учебникахъ, какъ, напр., общинное землевладѣніе или семейная форма производства, курсъ Иванюкова отличается такой доступностью и такъ интересенъ по самой формѣ изложенія, что даже лица, далеко стоящія отъ экономики или юриспруденціи, съ захватывающимъ интересомъ могутъ прочесть его книгу, не пропуская въ ней ни одной главы. Покойный А. И. Чупровъ съ этой точки зрѣнія особенно хвалилъ мнѣ тѣ главы, которыя касаются наиболѣе сложнаго отдѣла и посвящены обмѣну.

Передо мною лежатъ въ настоящую минуту литографированныя лекціи покойнаго по двумъ предметамъ, чтеніе которыхъ возложено было на него Экономическимъ отдѣленіемъ Петербургскаго Политехникума. Болѣе обширный курсъ посвященъ исторіи хозяйственнаго быта, менѣе обширный—сельско-хозяйственной экономіи. Лекціи эти литографировались студентами въ 1907 и въ 1910 году. Преподаваніе экономической исторіи у насъ дѣло новое. Оно началось прежде всего въ С.-Петербургскомъ Политехникумѣ, примѣру котораго послѣдовалъ и университетъ столицы созданіемъ особой доцентуры, нынѣ занимаемой спеціалистомъ проф. Кулишеромъ. И на Западѣ преподаваніе въ университетахъ экономической исторіи далеко не можетъ считаться общимъ явленіемъ: о всеобщей исторіи хозяйственнаго быта едва ли гдѣ идетъ рѣчь. И въ міровой литературѣ можно отмѣтить существованіе лишь немногихъ сочиненій по этому предмету; большинство писателей довольствовались изученіемъ процесса хозяйственнаго развитія только въ отдѣльныхъ странахъ и за опредѣленные періоды времени. Такъ поступали, напр., въ Австріи Инама-Штернегъ, въ Германіи—Лампрехтъ, въ Англіи—Эшли, во Франціи—Левассеръ. Большинство довольствовалось изложеніемъ исторіи опредѣленныхъ экономическихъ явленій. Хорошо извѣстный Оксфордскій проф. Торольдъ Роджерсъ написалъ шеститомную исторію земледѣлія и цѣнъ въ Англіи. Онъ нашелъ себѣ подражателя во Франціи въ лицѣ виконта д'Авенеля. Опять-таки въ Англіи извѣстный Кембриджскій профессоръ Кенингамъ задался исключительно вопросомъ о судьбахъ англійской промышленности и торговли, почти не затрагивая въ своемъ капитальномъ трудѣ исторіи сельскаго хозяйства. Въ сравнительно-историческомъ освѣщеніи организація одновременно производства и обмѣна изложена была впервые и то за одинъ средне-вѣковый періодъ извѣстнымъ Джибраріо, трудъ котораго появился на двухъ языкахъ: итальянскомъ и французскомъ. Можно говорить, пожалуй, о Бюхерѣ, какъ о современномъ историкѣ хозяйственнаго быта вообще, но только въ томъ смыслѣ, что имъ намѣчены отдѣльныя формы хозяйственнаго быта и установленъ процессъ ихъ эволюціи. Историкомъ мірового хозяйства слѣдуетъ также считать и Зомбарта, но онъ ограничиваетъ свою задачу однимъ лишь изученіемъ роста капитализма, не касаясь болѣе раннихъ формъ хозяйственной жизни. То же приходится сказать о Лоріа,—о томъ изъ современныхъ итальянскихъ экономистовъ, который всего болѣе приближается къ понятію историка экономической жизни на протяженіи всего міра. Его важнѣйшее сочиненіе «Анализъ капиталистической собственности» удачнымъ сопоставленіемъ хозяйственнаго процесса въ колоніяхъ съ исторіей экономической жизни

народовъ древности и среднихъ вѣковъ пытается выяснить всего одинъ вопросъ: условія развитія и начальныя стадіи капиталистическаго строя.

Лекціи Иванюкова, основанныя, разумѣется, не на изученіи источниковъ первыхъ рукъ, что было бы и немыслимымъ при широтѣ поставленныхъ имъ задачъ, а на добросовѣстномъ знакомствѣ съ обширной монографической литературой, обнимаютъ процессъ развитія экономическаго строя Новой Европы, начиная съ момента поселенія германскихъ племенъ въ предѣлахъ Римской имперіи и оканчивая нашимъ временемъ. Въ какихъ-нибудь сорока или пятидесяти лекціяхъ познакомить слушателей и съ хозяйственными порядками Римской имперіи, и съ экономическимъ бытомъ древнихъ германцевъ, и съ хозяйственнымъ строемъ варварскихъ монархій, и съ феодальными порядками въ моментъ ихъ сложенія, процвѣтанія и разложенія, и съ развитіемъ мѣновыхъ отношеній, съ экономическимъ ростомъ городовъ, съ цеховымъ устройствомъ, съ паденіемъ крѣпостнаго строя и цеховыхъ порядковъ, съ развитіемъ міровой торговли—дѣло, разумѣется, не легкое. Но оно осложнилось еще для Иванюкова желаніемъ привесть въ соотвѣтствіе всѣ эти хозяйственныя явленія съ ростомъ экономической доктрины. Отдѣлъ, посвященный средне-вѣковому хозяйству, заканчивается поэтому такими вопросами, какъ экономическое ученіе канонистовъ, связь его съ хозяйственнымъ строемъ, постепенное приспособленіе каноническаго ученія къ перемѣнамъ хозяйственной жизни. А за главами, посвященными возникновенію и развитію формъ промышленности и торговли, идетъ глава о меркантилизмѣ и его ученіи о національномъ богатствѣ, какъ за изложеніемъ хозяйственнаго строя Европы наканунѣ промышленнаго переворота второй половины 18-го вѣка слѣдуютъ главы, посвященныя ученію физіократовъ и Адама Смита; наконецъ, послѣ изложенія промышленной революціи, вызванной расширеніемъ обмѣна и великими изобрѣтеніями въ области техники, сдѣлавшими возможнымъ машинное производство, мы находимъ рядъ главъ, посвященныхъ какъ представителямъ ортодоксальной экономической доктрины—Мальтусу и Рикардо, такъ и родоначальникамъ соціализма—Оуэну и Сенъ-Симону, этимъ отдаленнымъ предшественникамъ и нѣмецкой школы катедеръ-соціалистовъ, и Карла Маркса, изложеніемъ доктрины котораго и заканчивался этотъ, совершенно исключительный по широтѣ размаха курсъ, умѣщавшійся тѣмъ не менѣе, на какихъ-нибудь четырехстахъ страницахъ довольно крупной литографіи.

Профессоръ Иванюковъ не считалъ, однако, своего курса вполнѣ готовымъ для печати. Онъ, несомнѣнно, внесъ бы въ него

бо́льшую отдѣлку, дополнилъ бы его указаніемъ той обширной литературы, которая положена была въ его основу, и сдѣлалъ бы его тѣмъ самымъ еще болѣе приспособленнымъ къ ознакомленію русскихъ экономистовъ и самыхъ широкихъ круговъ русскихъ читателей съ основными моментами въ развитіи экономическихъ порядковъ. Но несомнѣнно, что и въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ курсъ дошелъ до насъ, онъ заслуживаетъ изданія съ нѣкоторыми поправками тѣхъ невольныхъ ошибокъ въ цитатахъ и текстахъ, которыя составляютъ общее достояніе курсовъ, издаваемыхъ слушателями даже тогда, когда они поступаютъ на быстрый просмотръ лектора.

Менѣе значительными по объему, но едва ли не болѣе обработанными надо признать лекціи, читанныя Иванюковымъ въ Спб. Политехническомъ Институтѣ по сельско-хозяйственной экономіи. Иванюковъ читалъ этотъ предметъ еще въ Петровско-Разумовской земледѣльческой Академіи. Въ этихъ лекціяхъ больше, чѣмъ въ тѣхъ, какія посвящены имъ исторіи хозяйственнаго быта, отведено мѣста явленіямъ русской дѣйствительности. Цѣлыя главы, напр., посвящены такимъ вопросамъ, какъ мобилизація земельной собственности, ея современное положеніе, общинное землевладѣніе, законъ 9-го ноября 1906 г. и его экономическія послѣдствія, различіе условій, въ которыхъ находится мелкое сельское хозяйство на западѣ Европы и у насъ. Автора одинаково интересуютъ и слѣдующіе капитальные вопросы: формы отчужденія рабочей силы земледѣльческимъ рабочимъ въ Россіи, факторы, обусловливающіе размѣръ внѣнадѣльной крестьянской аренды и количество частно-владѣльческой земли, арендуемой крестьянами, меліоративное дѣло на Западѣ Европы и въ Россіи, искусственное орошеніе, укрѣпленіе овраговъ, облѣсеніе, и т. д. и т. д.

Изъ научныхъ работъ Иванюкова наиболѣе извѣстной является «Паденіе крѣпостного права». Ему присуждена была Самаринская премія комиссіей, въ составъ которой входилъ и извѣстный старый славянофилъ Александръ Ивановичъ Кошелевъ, и знаменитый русскій юристъ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Докладъ комиссіи сдѣланъ былъ мною; въ немъ указано было на то, что главной задачей автора было опредѣлить роль литературы и журналистики въ подготовкѣ великаго акта эмансипаціи. Позднѣйшіе писатели, къ числу которыхъ принадлежатъ два брата Семеновыхъ, принимавшіе непосредственное участіе въ реформѣ, болѣе выдвинули дѣятельность центральнаго комитета и депутатовъ отъ губернскихъ какъ перваго, такъ и второго призывовъ. Сочиненіемъ Иванюкова пользовались и не перестаютъ пользоваться по настоящій день авторы болѣе популярныхъ, и потому самому еще болѣе

распространенныхъ книгъ объ освобожденіи крестьянъ, — въ числѣ другихъ извѣстный Джаншіевъ, въ своемъ сочиненіи о реформахъ императора Александра II-го. До самаго послѣдняго времени съ именемъ Иванюкова связано было представленіе, какъ о своего рода спеціалистѣ по вопросу о подготовкѣ и ходѣ законодательныхъ работъ, поведшихъ къ акту 19-го февраля. Изъ года въ годъ мы встрѣчали его на банкетахъ, устраиваемыхъ въ память этого великаго событія. Когда наступилъ пятидесятилѣтній юбилей великаго манифеста и Петербургское Юридическое Общество посвятило ему торжественное засѣданіе, Иванюковъ въ послѣдній разъ выступилъ съ рѣчью о реформѣ, увѣковѣчившей навсегда память Александра II-го.

Мнѣ остается сказать еще два слова о книгѣ, представленной покойнымъ экономистомъ въ Московскій Юридическій Факультетъ для полученія степени доктора. Она озаглавлена: «Основныя положенія теоріи экономической политики отъ Адама Смита до настоящаго времени» и выдержала уже три изданія. Въ ней можно познакомиться съ вопросомъ о тѣсной связи исходныхъ положеній Адама Смита, Мальтуса и Рикардо съ экономическими условіями, пережитыми Англіей, а нѣсколько позднѣе и континентальными государствами, начиная со второй половины 18-го вѣка. Вторая глава посвящена характеристикѣ системы свободной конкурренціи, третья— указываетъ на противорѣчіе, существующее между правовыми понятіями нашего времени и современной экономической организаціей. Въ нее введены отдѣлы о соціалистическомъ устройствѣ народнаго хозяйства и о томъ, какъ относятся къ нему экономисты реалистической школы, къ числу которыхъ Иванюковъ относитъ Шмоллера, Ланге и Вагнера. Четвертая глава говоритъ о руководящихъ началахъ этой въ то время новой школы, а пятая и послѣдняя опредѣляетъ значеніе Берлинской конференціи, созванной вскорѣ по его воцареніи императоромъ Вильгельмомъ для рѣшенія рабочаго вопроса. Изъ одного уже перечня предметовъ, затронутыхъ въ этой книгѣ Иванюковымъ, можно судить, насколько она выдвигаетъ вопросы захватывающаго интереса, особенно для русскаго читателя, для котораго запрещеннымъ плодомъ являлись многія изъ тѣхъ книгъ, съ содержаніемъ и критикой которыхъ знакомилъ Иванюковъ.

Полагаю, что изъ современныхъ русскихъ экономистовъ рѣдко кому пришлось изучить столько отдѣловъ науки о народномъ хозяйствѣ, какъ покойному профессору. Это объясняется не одной случайностью пріуроченія его дѣятельности къ чтенію различныхъ курсовъ; причина причинъ лежитъ въ томъ, что Иванюковъ въ меньшей степени интересовался детальнымъ разслѣдованіемъ тѣхъ или

другихъ вопросовъ, чѣмъ цѣлостнымъ освѣщеніемъ всей экономической доктрины. Его книги свидѣтельствуютъ болѣе о способности къ синтезу, чѣмъ къ анализу. Иванюковъ, въ частности, не можетъ считаться спеціалистомъ ни по статистикѣ, ни по древнѣйшей экономической литературѣ, ни по экономической политикѣ; но онъ обладалъ по всѣмъ этимъ предметамъ достаточной суммой знаній, чтобы позволить себѣ систематику современныхъ доктринъ и критическое къ нимъ отношеніе. Всего лучше онъ зналъ, конечно, русскую экономическую жизнь, а потому его монографія о паденіи крѣпостного права содержитъ въ себѣ, несомнѣнно, наибольшее число конкретныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ наблюденій или непосредственнаго знакомства съ источниками. Все остальное представляетъ изъ себя рядъ выводовъ, установленныхъ путемъ обратной дедукціи и отправляющихся отъ нѣкоторыхъ общепризнанныхъ теоремъ экономической науки.

Изъ современныхъ ему писателей Иванюковъ, подобно Чупрову, испыталъ на себѣ въ бо́льшей степени вліяніе Джона Стюарта Милля и катедеръ-соціалистовъ, чѣмъ Маркса или новѣйшей психологической школы, развившейся въ Австріи и нашедшей себѣ приверженцевъ и въ англійской, и во французской, и въ русской литературѣ. Изъ русскихъ школъ и направленій къ нему стоитъ ближе народничество, чѣмъ соціалъ-демократія. На Иванюковѣ, какъ и на корифеѣ близкаго, если не тождественнаго съ нимъ направленія,—я разумѣю А. И. Чупрова—воспитывался въ теченіе сорока лѣтъ рядъ поколѣній — не однихъ русскихъ студентовъ, но и всей той разнообразной массы читателей, которыхъ въ большей степени интересуютъ вопросы экономической политики, чѣмъ вопросы теоріи народнаго хозяйства. Готовность, съ какой онъ руководилъ практическими занятіями студентовъ, ихъ чтеніями, а также работами надъ сырымъ матеріаломъ, объясняетъ намъ причину, по которой молодежь особенно охотно писала свои выпускныя сочиненія на темы, имъ предложенныя или установленныя имъ по соглашеніи съ пишущимъ.

Вліяніе покойнаго на его современниковъ не исчерпывается ни его научной, ни его преподавательской или журнальной дѣятельностью: въ теченіе полустолѣтія онъ былъ живою совѣстью для многихъ людей; они искали у него нравственной опоры и оправданія своего поведенія. Натура рыцарски честная и правдивая, Иванюковъ своей мягкостью и добродушіемъ невольно вызывалъ всякаго на откровенность. Кто только не раскрывалъ передъ нимъ своего внутренняго я? Кто не отдыхалъ душой въ тѣсномъ общеніи съ нимъ? И сколько несходныхъ характеровъ не соединяла его дружба?.. Въ его

скромной профессорской квартирѣ и въ Петровско-Разумовскомъ, и въ Сосновкѣ, перебывалъ рядъ ученыхъ, писателей и общественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ Юрьевъ, Чупровъ, Михайловскій, Шелгуновъ, Вейнбергъ, Боборыкинъ и самъ Левъ Толстой. Отъѣздъ Иванюкова изъ Москвы долго чувствовался, какъ незамѣнимая потеря. Послѣ перерыва въ нѣсколько лѣтъ, онъ снова занялъ центральное положеніе въ семьѣ Петербургскаго Политехникума. Когда, въ самый разгаръ освободительной эпохи, возникла газета «Страна», обширныя связи Иванюкова, общее довѣріе, какимъ онъ пользовался, сразу поставили дѣло на ноги. Онъ велъ газету, не щадя себя, готовый отвѣтить передъ судомъ за ошибки другихъ. Несмотря на слабое здоровье, одно время грозившее развитіемъ чахотки, и органическій порокъ сердца, Иванюковъ не прерывалъ ни педагогической, ни литературной дѣятельности. Много новыхъ работъ было имъ задумано и до нѣкоторой степени подготовлено. Никто не предвидѣлъ возможности близкаго конца. Дорогой другъ покинулъ насъ въ полномъ обладаніи своими духовными силами; тѣмъ тяжелѣе чувствуется его утрата.

Максимъ Ковалевскій.

ПО ПОВОДУ ДВУХЪ НОВЫХЪ ТОМОВЪ „ИСТОРІИ ЕВРОПЫ“ АЛЬФРЕДА ШТЕРНА.

Лѣтомъ 1911 г. вышли въ свѣтъ сразу два тома—пятый и шестой—извѣстной «Исторіи Европы со времени трактатовъ 1815 года до франкфуртскаго мира 1871 года»[1]), предпринятой цюрихскимъ профессоромъ Альфредомъ Штерномъ. Первый томъ этого капитальнаго труда появился еще въ 1895 году, послѣ чего одинъ за другимъ издавались слѣдующіе томы съ промежутками въ два, три и четыре года (въ 1897, 1901 и 1905), и только два послѣдніе тома были изданы послѣ промежутка въ шесть лѣтъ,—послѣдніе вышедшіе, слѣдуетъ здѣсь оговориться въ виду того, что ими изданіе далеко еще не кончено.

Имя автора этого труда было уже достаточно извѣстно раньше, нежели онъ приступилъ къ своему, столь подробному изложенію исторіи XIX в. Еще въ молодыхъ годахъ А. Штернъ получилъ

[1]) Alfred Stern. Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden von 1871.

извѣстность среди спеціалистовъ работою своею по исторіи великой крестьянской войны въ Германіи начала XVI в. (Ueber die zwölf Artikel der Bauern, 1868); но онъ не удержался на изученіи XVI в., и слѣдующія двѣ его работы касались уже англійской исторіи XVII в.: одною была его большая біографія Мильтона на общемъ фонѣ первой англійской революціи и реставраціи Стюартовъ (Milton und seine Zeit, 1877—1879), другою «Исторія революціи въ Англіи», вошедшая въ составъ коллекціи Онкена «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen» и переведенная на русскій языкъ (1900) со второго нѣмецкаго изданія (1898). Дальнѣйшія свои занятія проф. Штернъ направилъ на XVIII вѣкъ во Франціи, и наиболѣе важнымъ его трудомъ въ этой области была двухтомная «Жизнь Мирабо», появившаяся въ юбилейномъ году французской революціи. Объ этомъ крупномъ трудѣ я въ свое время (1889) далъ довольно подробный отчетъ на страницахъ «Русской Мысли».

Читатель изъ сказаннаго можетъ видѣть, что прежде нежели приступить къ главному своему произведенію, къ «Исторіи Европы» въ прошломъ столѣтіи, проф. Штернъ основательно изучилъ три главныя эпохи въ новой исторіи Германіи, Англіи и Франціи, эпохи реформаціи XVI в. и двухъ революцій XVII и XVIII вв. Этотъ выборъ темъ характеризуетъ интересы автора, какъ историка, а разработка этихъ темъ въ цѣломъ рядѣ томовъ указываетъ и на ту подготовку, съ какою авторъ приступилъ къ изученію исторіи XIX в.

О первыхъ трехъ томахъ «Исторіи Европы» пишущій эти строки уже имѣлъ случай высказаться, но только въ изданіи спеціальномъ и, слѣдовательно, мало распространенномъ[1]). Всего, сказаннаго тамъ, повторять не буду и ограничусь тѣмъ, что имѣетъ отношеніе ко всему труду проф. Штерна. Во-первыхъ, я назвалъ эту «Исторію Европы» первымъ особенно крупнымъ предпріятіемъ въ этомъ родѣ послѣ Гервинуса; но если книга Штерна не достигла тѣхъ размѣровъ, какіе получилъ трудъ Гервинуса (восемь томовъ для періода 1815—1830 гг.), то нужно имѣть въ виду, что у современнаго намъ историка и точка зрѣнія была нѣсколько иная, чѣмъ у его предшественника. Послѣдній поставилъ себѣ задачей дать собраніе частныхъ исторій за избранный періодъ времени, тогда какъ нашъ авторъ хотѣлъ изложить основныя и общія черты эпохи, какъ онѣ проявились въ исторіи отдѣльныхъ странъ, (innerhalb der Geschichte der einzelnen Völker und Staaten Europas die grossen gemeinsamen Grundzüge zur Anschaung zu bringen). Проф.

[1]) Во 2 томѣ «Извѣстій Спб. Политехническаго Института».

Штернъ сравниваетъ исторію XIX в. съ хоровою пѣснею, сливающеюся изъ отдѣльныхъ голосовъ, и вводитъ тѣ или другія страны въ европейскій хоръ по мѣрѣ того, какъ онѣ придаютъ новое направленіе общей исторической мелодіи или начинаютъ принимать въ ея создаваніи болѣе дѣятельное участіе.

Далѣе, для исторіи, задуманной въ очень большомъ объемѣ и съ универсальной точки зрѣнія, проф. Штернъ долженъ былъ обратиться къ архивамъ, и по мѣрѣ того, какъ его трудъ подвигался впередъ, росло и число тѣхъ архивовъ, въ которыхъ онъ работалъ. Когда я давалъ отчетъ о первыхъ трехъ томахъ, я насчитывалъ только пять архивовъ (вѣнскій, парижскій, берлинскій, флорентійскій и бернскій), а потомъ прибавилось еще три архива (лондонскій, гаагскій и копенгагенскій). Возможность пользованія неизданными источниками восьми большихъ архивовъ дала свои результаты въ массѣ новыхъ и очень иногда цѣнныхъ подробностей, какія мы находимъ въ его трудѣ и, между прочимъ, въ документальныхъ приложеніяхъ къ тексту. Прибавлю, что многіе изъ нихъ касаются не одной только исторіи международныхъ отношеній, но и внутренней жизни отдѣльныхъ странъ.

Нельзя, наконецъ, говоря вообще о трудахъ проф. Штерна, не упомянуть еще и о томъ, что изображая общій ходъ европейской исторіи, авторъ не пренебрегалъ ознакомленіемъ и съ внутреннимъ состояніемъ отдѣльныхъ странъ, и потому старался всегда держаться на высотѣ современной разработки частностей. Въ свое время мною было отмѣчено, что даже по отношенію къ исторіи Россіи, представляющей собою, обыкновенно, слабое мѣсто всѣхъ иностранныхъ исторій XIX в., авторъ обнаружилъ желаніе быть по возможности хорошо освѣдомленнымъ. Кое въ чемъ ему помогли нѣмецкіе переводы русскихъ книгъ, но кромѣ того, онъ обращался къ знакомымъ русскимъ, которые помогали ему знакомиться съ тѣмъ или другимъ изъ русскихъ сочиненій, не имѣющихся въ нѣмецкихъ переводахъ [1]). Кое-какія черточки для исторіи 14 декабря 1825 г. авторъ заимствовалъ и изъ архивныхъ матеріаловъ, въ родѣ, напр., донесенія Меттерниху изъ Варшавы отъ $^{15}/_{27}$ января 1826 г., въ которомъ передается разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Выдвигая впередъ крупныя достоинства первыхъ трехъ томовъ «Исторіи Европы», я, однако, не счелъ возможнымъ умолчать и о

1) Для III тома, напр., Штернъ пользовался «Очерками по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова, «Исторіей русской фабрики» М. И. Туганъ-Барановскаго, трудами покойнаго Пыпина, воспоминаніями Никитенко, «Крестьянскимъ вопросомъ» В. И. Семевскаго, исторіями Александра I Богдановича и Шильдера и т. п., даже кое-какими журнальными статьями.

томъ, что въ немъ, на мой взглядъ, должно быть признано недостаточнымъ. Особенно бросается въ глаза крайне бѣглое, поверхностное отношеніе къ соціально-экономической сторонѣ исторіи, что, впрочемъ, свойственно громадному большинству нѣмецкихъ исторій XIX в. Наприм., англійской промышленности и торговлѣ въ эпоху реставраціи отдано едва полторы страницы, крупному землевладѣнію въ Англіи едва полтора десятка строкъ, индустріальному перевороту—неполная страница, столько же положенію рабочихъ и Оуэну, вмѣстѣ взятымъ. Если Штернъ не далъ въ этихъ томахъ обзоровъ литературы и философіи съ наукою за эту эпоху,—какъ то, наоборотъ, мы находимъ у Гервинуса,—то это, для общаго пониманія общественнаго развитія, представляетъ собою менѣе важный пропускъ, нежели отсутствіе изложенія такихъ вещей, какъ начало капиталистическаго производства, развитіе пауперизма, возникновеніе рабочаго вопроса, первые шаги утопическаго соціализма.

Свой трудъ проф. Штернъ ограничилъ одною Европою (опять-таки въ отличіе отъ Гервинуса), причемъ изучаемое имъ время въ пятьдесятъ шесть лѣтъ онъ раздѣлилъ на три періода, гранями между которыми естественно являются 1830 и 1848 годы. Пока въ имѣющихся шести томахъ изложена исторія первыхъ двухъ періодовъ, съ отведеніемъ на каждый по три тома. Пятымъ и шестымъ томами, заключающими въ себѣ болѣе тысячи страницъ (455+616), и заканчивается разсмотрѣніе періода отъ 1830 по 1848 г., начатое въ четвертомъ томѣ, тоже содержащемъ въ себѣ болѣе шестисотъ страницъ.

Четвертый томъ «Исторіи Европы» и начинался и заканчивался главами о Франціи, изъ коихъ въ одной разсказана исторія іюньской революціи съ первыми мѣсяцами царствованія Людовика-Филиппа, а въ другой—исторія борьбы партій во Франціи до середины 1835 г. Остальныя главы, на которыя распадается этотъ томъ, посвящены революціямъ въ Бельгіи, въ Польшѣ и въ Италіи, основанію Бельгійскаго королевства, вліянію іюльской революціи на Германію, Швейцарію, великимъ державамъ и молодой Европѣ, Испаніи и Португаліи и наконецъ Англіи въ эпоху первой парламентской реформы. Во всѣхъ главахъ IV тома, какъ и въ первыхъ трехъ томахъ, авторъ отвелъ преобладающее мѣсто политикѣ, что, впрочемъ, и понятно для первой половины тридцатыхъ годовъ XIX в. по самому характеру происходившихъ тогда движеній. Изложеніе въ этомъ томѣ было распредѣлено по странамъ, и лишь въ одной восьмой главѣ мы находимъ изложеніе явленій, совершавшихся на общеевропейской аренѣ. Только въ новыхъ томахъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1911 г., соотвѣтственно съ общимъ

замысломъ всего труда, проф. Штернъ отвелъ больше мѣста такимъ обзорамъ болѣе универсальнаго характера.

Главами съ подобнымъ содержаніемъ являются въ пятомъ томѣ первая, заключающая въ себѣ общій взглядъ на тогдашнюю литературу [1]), четвертая о неокатолицизмѣ и клерикальной партіи и пятая о соціализмѣ и коммунизмѣ. Съ той же точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія глава, которою открывается шестой томъ и которая представляетъ собою извѣстнаго рода новизну въ общихъ исторіяхъ XIX в. Въ ней, именно, рѣчь идетъ о началѣ и развитіи желѣзнодорожнаго дѣла, о законодательствѣ, касающемся этого предмета, о политикѣ, отдѣльныхъ правительствъ по отношенію къ новымъ путямъ сообщенія и т. п., о началѣ телеграфическихъ сношеній, о вліяніи новыхъ способовъ сообщенія на экономическую жизнь, на быстроту и широту обмѣна мыслей, на демократизацію общества и на другія стороны соціальной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ двухъ послѣднихъ томахъ, и въ особенности во второмъ изъ нихъ, авторомъ отводится уже гораздо больше мѣста экономическимъ перемѣнамъ и соціальнымъ движеніямъ въ отдѣльныхъ странахъ. Съ этой стороны особое вниманіе обращаетъ на себя въ V томѣ второй отдѣлъ главы VI, заключающій въ себѣ обзоръ чартистскаго движенія въ Англіи. Въ pendant съ этимъ въ VI томѣ можно поставить главу вторую—о судьбахъ свободной торговли въ Англіи, начало главы шестой—объ экономическихъ отношеніяхъ въ Германіи и кое-что менѣе значительное еще. Но и послѣ всего этого политика все-таки остается доминирующимъ элементомъ труда проф. Штерна. Впрочемъ, при современномъ состояніи литературы по экономической исторіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія иначе, пожалуй, во многихъ случаяхъ и не могло быть.

Новые томы «Исторіи Европы» отличаются тѣми же достоинствами, что и старые. Въ той области, историческихъ явленій, на которыхъ авторъ сосредоточилъ свой интересъ, онъ обнаружилъ и широту взгляда, и большое безпристрастіе. Хотя онъ прямо, можно сказать, скупится на ссылки и подстрочныя примѣчанія, его выдающаяся начитанность въ источникахъ и пособіяхъ (вплоть до забытыхъ статей въ старыхъ періодическихъ изданіяхъ) не можетъ не броситься въ глаза каждому, кто хоть сколько-нибудь самъ занимался изображаемой въ обоихъ томахъ эпохою. Неизданные документы, которыми въ большомъ количествѣ пользовался авторъ, тоже дали ему немало свѣжаго матеріала: донесенія дипломатовъ

[1]) Въ ней упоминаются изъ русскихъ писателей: Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, Герценъ, Тургеневъ, Гончаровъ и Достоевскій.

своимъ правительствамъ нерѣдко доставляли ему тѣ или другія свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ тѣхъ или другихъ странахъ. Въ приложеніяхъ къ новымъ томамъ, какъ то было и въ прежнихъ, напечатаны цѣликомъ или въ большихъ отрывкахъ извлеченные изъ разныхъ европейскихъ архивовъ документы, интересные по своему содержанію или, по крайней мѣрѣ, по своей принадлежности тѣмъ или другимъ политическимъ дѣятелямъ эпохи. Все это дѣлаетъ трудъ проф. Штерна однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для изученія десятилѣтій между паденіемъ первой и паденіемъ второй французскихъ имперій. «Исторію Европы» можно рекомендовать еще въ качествѣ и справочнаго пособія, особенно благодаря алфавитнымъ указателямъ къ обоимъ отдѣламъ.

Послѣдній вышедшій томъ оканчивается провозглашеніемъ во Франціи временнаго правительства 1848 г. Слѣдовательно, первый томъ третьяго отдѣла долженъ будетъ заключать въ себѣ, собственно говоря, исторію почти всего сорокъ восьмого года. Нужно только желать, чтобы почтенный авторъ съ такимъ же успѣхомъ довелъ свое предпріятіе до конца, съ какимъ его началъ, и чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ мы имѣли въ рукахъ и слѣдующіе томы его капитальной «Исторіи Европы отъ 1815 по 1871 г.».

Н. Карѣевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛАВИССА.

Ernest Lavisse. Souvenirs. Paris, 1912.

Выдающійся историкъ, Эрнестъ Лависсъ, описываетъ свое дѣтство и юность въ рядѣ очерковъ, характеризующихъ провинціальный бытъ и систему школьнаго воспитанія въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія во Франціи. Мѣстная сельская школа, руководимая католическимъ священникомъ, городской коллежъ, учебный пансіонъ, приготовляющій къ конкурснымъ экзаменамъ, типы преподавателей и репетиторовъ,—все это живо напоминаетъ впечатлѣнія Тэна въ его недоконченномъ романѣ «Этьенъ Мэйранъ», переводъ котораго былъ напечатанъ въ январьской книгѣ «Вѣстника Европы» за прошлый годъ. Отецъ Лависса былъ сначала клеркомъ въ конторѣ нотаріуса, а потомъ, женившись на зажиточной кре-

стьянкѣ, устроилъ магазинъ модныхъ вещей. Маленькій Эрнестъ находился большею частью при бабушкѣ, которая была для него живою свидѣтельницею старины. Она много разсказывала ему о войнахъ и нашествіяхъ, о бѣгствахъ жителей въ лѣса, гдѣ они прятали свои драгоцѣнности, о радости побѣдъ, о печальныхъ послѣдствіяхъ пораженія при Ватерлоо, о прибытіи казаковъ, которые занимали страну въ 1815 году. «Мы стояли у дверей нашего дома,—говорила она,—мужъ увѣрялъ, что они не придутъ; и какъ разъ въ это время изъ-за угла сосѣдней улицы показались казацкія пики». Она не жаловалась на поведеніе казаковъ и не могла сказать про нихъ ничего дурного; одинъ изъ нихъ, по имени Антонъ, жилъ у нея въ домѣ и заслужилъ расположеніе семьи своимъ добродушіемъ. Впрочемъ, однажды случился непріятный эпизодъ: пропалъ хорошій шейный платокъ, всѣ принялись его искать, и болѣе другихъ старался Антонъ; но когда онъ наклонился, чтобы заглянуть подъ столъ, бабушка замѣтила торчавшій изъ-подъ его куртки край платка и вытащила его, причемъ сильно хлопнула казака рукою по его здоровому тѣлу ниже спины. Антонъ поднялся съ смущеннымъ видомъ, просилъ извиненія и умолялъ не сообщать объ его проступкѣ начальству. Бабушка простила его и хорошо сдѣлала, такъ какъ вскорѣ онъ имѣлъ случай спасти ея сына, который забрался на край бассейна, наполненнаго водою, и упалъ туда; казакъ подоспѣлъ во время и благополучно извлекъ изъ воды мальчика, будущаго отца Эрнеста. «И я, подводя итоги своей жизни,—замѣчаетъ по этому поводу авторъ,—чувствую себя обязаннымъ по отношенію къ памяти Антона».

Въ родномъ мѣстечкѣ Лависса, Нувіонѣ, въ департаментѣ Эны, политическая жизнь почти не существовала. Болѣе состоятельные изъ мѣстныхъ обывателей были либералами; въ молодости они дѣлали оппозицію возстановленной монархіи. Въ царствованіе Карла X, когда при парламентскихъ выборахъ выступали соперниками де-Полиньякъ и генералъ Фуа, нувіонскіе избиратели отправились вмѣстѣ верхомъ въ городъ Вервенъ для подачи голосовъ; ихъ провожали криками: «ни никъ, ни ньякъ», и они отвѣчали тѣмъ же, обѣщая вотировать противъ Полиньяка. Революція 1830 года обрадовала нотаблей Нувіона; Орлеанская фамилія была вообще популярна въ краѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти послѣдняго Кондѣ «владѣнія Гизовъ», съ ихъ чуднымъ лѣсомъ, перешли по наслѣдству къ герцогу Омальскому, который сдѣлался какъ бы мѣстнымъ сеньёромъ. Молодой принцъ пріѣзжалъ туда съ женою въ 1847 году и, очарованный оказаннымъ ему пріемомъ, выразилъ надежду вернуться на слѣдующій годъ. Этотъ слѣдующій годъ, 1848, не оправдалъ однако его ожи-

даній. Въ концѣ февраля жители мѣстечка были взволнованы извѣстіемъ о совершившемся переворотѣ въ Парижѣ. Одинъ изъ полевыхъ сторожей ходилъ по улицамъ и усердно звонилъ въ колокольчикъ; люди обступали его, и впереди всѣхъ толпились мальчики, въ числѣ которыхъ былъ и Эрнестъ. Стражникъ возвѣстилъ, что «провозглашена республика», и назвалъ имена членовъ временнаго правительства, и между ними — «Эльрюдъ-Роллена». Кто-то закричалъ: «Ледрю-Ролленъ»; стражникъ справился въ своей бумажкѣ и сказалъ: «Эльдрю-Ролленъ». Начались военныя упражненія національной гвардіи, и мѣрные шаги ея сохранились въ памяти Эрнеста. На улицахъ пѣли марсельезу и пѣсню жирондистовъ; красивая бѣлошвейка съ большими черными глазами учила мальчика пѣть: «долой бѣлыхъ, да здравствуютъ красные!» Какой-то часовщикъ, вставшій на столъ, ораторствовалъ на площади; ему рукоплещутъ, и надъ нимъ смѣются. Оставшіеся безъ работы дровосѣки вышли однажды изъ лѣса, съ топорами на плечахъ, и явились на базаръ, чтобы обратиться къ мэру съ просьбою о продовольствіи; мэръ обѣщалъ имъ поддержку отъ имени республики. Распространился слухъ, что обитатели сосѣдняго села, большею частью бѣдняки, идутъ на Нувіонъ для грабежа; лавки и дома запираются, но тревога оказывается напрасною. Говорили, что въ Като-Камбрези водворились инсургенты, которые поджигаютъ фабрики; противъ нихъ приказано выступить національной гвардіи, и по улицамъ раздается барабанный бой, созывающій людей подъ знамена. Отецъ автора надѣваетъ мундиръ и ищетъ ружье, которое мать спрятала; мать горько плачетъ. Отецъ нашелъ свое ружье; онъ выходитъ изъ дому и направляется на площадь, гдѣ назначенъ сборный пунктъ. Эрнестъ слѣдуетъ за нимъ и крѣпко обнимаетъ ногу командира, упрашивая его «не уводить папу»; командиръ стряхнулъ съ себя мальчика. Рѣшено было послать развѣдчика на дорогу къ Като; бравый слуга командира поскакалъ галопомъ и скоро исчезъ изъ виду; батальонъ медленно подвигается впередъ и дѣлаетъ привалъ на холмѣ, въ ожиданіи извѣстій; посланный быстро ѣдетъ обратно и сообщаетъ, что нѣтъ никакихъ инсургентовъ въ Като. Батальонъ повернулъ назадъ къ Нувіону и возбудилъ общія насмѣшки своимъ неудавшимся походомъ. Провинція успокоилась и стала консервативной. Президентскіе выборы сопровождались дѣятельною агитаціею въ пользу принца Луи-Наполеона. На рынкѣ продавались большія изображенія съ надписями и куплетами, прославляющими эпоху имперіи. Всѣ покупаютъ альманахъ съ анекдотами изъ временъ Бонапарта. Въ трактирахъ и кабачкахъ повѣшены портреты принца Луи-Наполеона съ его собственноручными подписями. Два императорскихъ ветерана расхаживали по улицамъ и обращали на себя общее

вниманіе. На избирательныхъ сходкахъ опять ораторствовалъ часовщикъ Плато. Въ результатѣ огромное большинство въ Нувіонѣ подало свои голоса за Луи-Наполеона, въ день выборовъ 10 декабря 1848 года. Потомъ интересъ къ политикѣ какъ будто исчезъ. Государственный переворотъ 2 декабря 1851 года прошелъ почти незамѣченнымъ въ этой части страны, гдѣ, по выраженію Лависса, политическій индифферентизмъ совпадаетъ съ индифферентизмомъ религіознымъ; оттого правительственная перемѣна, произведенная принцемъ-президентомъ, не оставила никакихъ воспоминаній у автора, хотя ему было тогда уже девять лѣтъ.

Школьныя впечатлѣнія Эрнеста Лависса были вообще печальны на первыхъ порахъ. Въ 1852 году его отвезли въ Лаонъ для участія въ конкурсѣ на полученіе стипендіи, которая открыла бы ему доступъ въ мѣстный коллежъ; отецъ хлопоталъ объ этомъ у префекта, выставляя предъ нимъ свои права и званія, какъ «кантональный делегатъ, лейтенантъ пожарной команды, назначенный его величествомъ императоромъ». Эрнестъ успѣшно выдержалъ экзаменъ, и ему досталась желанная стипендія; осенью отецъ отправился съ нимъ въ Лаонъ и сдалъ его на руки чужимъ педагогамъ. Впрочемъ, Эрнестъ не чувствовалъ себя совсѣмъ покинутымъ и одинокимъ, такъ какъ въ Лаонѣ жилъ его любимый двоюродный дядя, занимавшій должность сверхштатнаго чиновника въ управленіи косвенныхъ налоговъ. Жизнь въ коллежѣ представляла очень мало привлекательнаго для воспитанниковъ; ученіе шло скучно и вяло, подъ руководствомъ ограниченныхъ буквоѣдовъ или чудаковъ, а въ праздничные дни приходили извнѣ отрывочныя грустныя свѣдѣнія о бѣдствіяхъ французской арміи подъ Севастополемъ. Чрезмѣрная продолжительность и безрезультатность войны безпокоили общественное мнѣніе, и это безпокойство проникало въ провинціальные центры.

Въ 1855 г. Эрнесту удалось попасть, на правахъ полупансіонера, въ частное парижское заведеніе, гдѣ онъ могъ проходить курсъ одного изъ лучшихъ французскихъ лицеевъ. Авторъ много разъ останавливается на особенностяхъ преподаванія и обученія въ средней и низшей школѣ, и рѣзко критикуетъ односторонность и скудость господствующихъ педагогическихъ пріемовъ. Программа вездѣ одинакова, независимо отъ характера окружающей природы, отъ условій мѣстной общественной жизни; дѣтей учатъ одному и тому же въ городахъ и селахъ, въ горахъ и у моря, на югѣ и сѣверѣ. Это однообразіе ученія,—замѣчаетъ Лависсъ—есть большая глупость нашей педагогіи; она дѣлаетъ школу печальною и чуждою для ребенка, которому она ничего не сообщаетъ и не объясняетъ изъ того, что онъ видитъ и чѣмъ онъ наиболѣе интересуется. Никто

не говоритъ ему о различныхъ деревьяхъ сосѣдняго лѣса, о нравахъ населяющихъ его животныхъ, насѣкомыхъ и птицъ. «Во время нашихъ прогулокъ мы видѣли, какъ ростутъ и умираютъ цвѣты, какъ маленькая зеленая травка превращается въ пшеничное зерно, ибо Лаонская земля отличается своею хлѣбною производительностью; но некому разсказать намъ о свойствахъ цвѣтовъ и растеній. Ребенкомъ я научился наблюдать за небесными созвѣздіями; намъ говорили, что тамъ можно отыскать «колесницу Давида»; но въ колледжѣ ночью полагается только спать, и прямо изъ столовой мы переходили въ спальню; поэтому мы не нашли случая узнать что-либо о движеніи звѣздъ. Конечно, не трудно было найти время для ознакомленія насъ съ природою, такъ какъ мы дѣлали слишкомъ много переводовъ и упражненій въ области древнихъ языковъ». Школа игнорировала природу, и это былъ несомнѣнный абсурдъ; но тогдашніе личные вкусы Лависса мало отъ этого страдали, ибо онъ былъ доволенъ своими успѣхами въ литературѣ и въ знаніи классиковъ. Нравственная сторона жизни учениковъ была въ полномъ пренебреженіи; надзиратели внушали мальчикамъ непріятное чувство брезгливости. Преподаватели не обращали никакого вниманія на моральныя качества и наклонности учащихся, а заботились исключительно объ аккуратномъ приготовленіи уроковъ и о хорошемъ поведеніи въ классѣ. Уронить чернильницу было проступкомъ болѣе важнымъ, чѣмъ солгать; въ школѣ искусственно поддерживался духъ недоброжелательнаго соревнованія, и старательныхъ учениковъ постоянно предупреждали, что они не должны давать себя обогнать соперникамъ; а мысль о совершенствованіи для самихъ себя никѣмъ и никому не высказывалась.

Лависсъ не отрицаетъ хорошихъ сторонъ своего пребыванія въ школѣ. Онъ свободно могъ читать на греческомъ и латинскомъ языкахъ, полюбилъ классическихъ писателей, на воскресныя прогулки уносилъ съ собою въ карманахъ книжки Тацита и зачитывался ими, сидя на скамейкѣ въ Люксенбургскомъ саду или за столикомъ въ какомъ-нибудь кафе. Но эта любовь къ классикамъ вырабатывалась помимо школы и независимо отъ ея вліянія, или даже вопреки ея вліянію, такъ какъ схоластическая сухость обычнаго преподаванія и плохой выборъ темъ для упражненія могли только отталкивать учащихся. «Въ сущности—говоритъ Лависсъ—ни одинъ изъ классическихъ авторовъ не былъ намъ хорошо извѣстенъ. Мы перевели множество отрывковъ, взятыхъ изъ разныхъ источниковъ и нерѣдко весьма посредственныхъ; нѣкоторыя латинскія страницы имѣли только то достоинство, что онѣ—латинскія, и если бы онѣ написаны были на французскомъ языкѣ, хотя бы на самомъ луч-

шемъ, онѣ едва ли нашли бы книгопродавца, который согласился бы издать ихъ».

Въ 1862 году авторъ перешелъ въ нормальную школу, и на этомъ моментѣ обрываются его воспоминанія. Въ нихъ нѣтъ особенно яркихъ и блестящихъ страницъ, и общій тонъ изложенія кажется отчасти блѣднымъ и безцвѣтнымъ; но какъ искренній и скромный разсказъ о годахъ ученія знаменитаго французскаго историка, книжка Лависса представляетъ интересъ и наводитъ на полезныя размышленія.

Л. Слонимскій.

ЗАМѢТКИ ЖИТЕЛЯ.

«Спасители отечества» и печать.—Споръ о народѣ.—«Братцы-мужички» и «дѣльные» земскіе начальники.—Поднятіе интенсивности приказчичьяго труда.—Лидеры націоналисты.—Маленькій уютный домикъ.—Синодъ, Парижъ, Консисторія, Кулябко, два мужа и одна жена.—Рѣдкій губернаторъ.—Уживчивый квартирантъ.—Студенты-академисты.

Въ послѣднее время всѣ «спасители отечества» разоблачаютъ «коренное зло» русской жизни: Гучковъ видитъ его въ попраніи свободы своего слова о Распутинѣ и въ Распутинѣ, а Пуришкевичъ—въ печати. Но всѣ грозятъ потрясеніемъ устоевъ... несмотря на то, что «устои» только недавно были заново отремонтированы...

Съѣздъ объединенныхъ дворянъ, внимая «спасителямъ отечества», пришелъ все къ тому же выводу, какой получался уже издавна: къ необходимости казенной поддержки для патріотовъ. Особая комиссія постановила:

— Ссуды, выданныя для возмѣщенія убытковъ отъ революціи,— недостаточны; финансовое положеніе большинства помѣщиковъ является теперь настолько тяжелымъ, что начать платежи процентовъ и погашеніе ссудъ—непосильно; во многихъ случаяхъ необходимо совершенно сложить ссуды, или отложить платежи на неопредѣленное время...

Ну, развѣ не выгодно спасать отечество?

Ссуды надо сложить, а печать (лѣвую, конечно!) искоренить... Спаситель отечества говорилъ:

— Не страшны лѣвымъ редакторамъ ни штрафы, ни тюрьма, ни ссылка, необходимы другія мѣры!..

— О, Господи, чего еще имъ надо? Вѣшать, что ли?..

Неужели такой фактъ съ редакторомъ не свидѣтельствуетъ, что дальше идти некуда:

Редакторъ газеты «Баку», Вермишевъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, имущественныхъ, семейныхъ, гражданскихъ. Гражданская смерть!.. Кто же сей тяжкій преступникъ и что онъ свершилъ?.. Убилъ, устроилъ экспропріацію, задумалъ республику?..

Увы, разочарованіе: онъ бывшій городской голова города Баку, бывшій избранникъ зажиточнаго городского населенія, буржуа до мозга костей, другъ умѣреннѣйшихъ слоевъ населенія... За что же?.. Желая ознакомить читателей со смутнымъ временемъ въ Персіи, онъ перевелъ и напечаталъ воззваніе персидскихъ конституціоналистовъ... Пострадалъ, можно сказать, за шаха персидскаго и за персидскую конституцію... И съ газетой, и съ ея редакторомъ покончили... Благонамѣренные жители до сихъ поръ ахаютъ и руками разводятъ... «Бѣдняжка ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ»...

И этого, господа, мало?.. О, жестокосердіе патріотическое!..

Пропалъ городской голова Вермишевъ за персидскую конституцію... Хотя бы ужъ за русскую, что ли!.. А все потому, что захотѣлъ редакторомъ побыть. Охъ, тяжелое это дѣло! Только при казенной субсидіи газета и редакторство теперь неприкосновенны... Истинный русскій патріотъ не терпитъ гласности больше, чѣмъ покойный Фамусовъ. Жилъ-былъ, напримѣръ, въ г. Кисловодскѣ городской голова по фамиліи Фоллендорфъ, такъ тотъ газетчиковъ на версту къ городскимъ дѣламъ не подпускалъ. Былъ онъ, какъ это видно уже изъ самой фамиліи,—Фоллендорфъ,—«истинно-русскій» и патріотъ чистѣйшей воды, карьеру свою началъ самымъ благонадежнымъ способомъ: съ городового! Затѣмъ повысился до околодочнаго надзирателя, помощника пристава, перешелъ въ нотаріусы и, наконецъ, возсіялъ городскимъ головой... Началось городское патріотическое благоустройство... Первымъ дѣломъ голова выстроилъ мостъ около своей дачи, конечно, безъ всякаго ассигнованія и разрѣшенія думы, по 87-ой статьѣ!.. Впрочемъ, мостъ былъ не первымъ дѣломъ, первымъ оно зашумѣло, послужило поводомъ къ всеобщему возмущенію горожанъ патріотическимъ головою. Послѣ моста гласные обратились къ своему головѣ съ покорнѣйшей просьбою сложить съ себя обязанности головы.

«Не видя необходимости,—написали они,—заниматься здѣсь перечисленіемъ отрицательныхъ послѣдствій вашей дѣятельности, мы ограничиваемся выраженіемъ сознанія необходимости оставленія

вами службы, сознанія основаннаго на тѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ которыя отняли у насъ довѣріе къ вамъ»...

Мостъ послужилъ темой фельетоновъ въ газетахъ, и патріотизмъ былъ публично вскрытъ. Дошло до намѣстника. Запросъ.

— Мостъ выстроенъ законно, все это—инсинуаціи лѣвыхъ газетъ...

Однако, состоялось думское засѣданіе, въ которомъ выяснилось, что мостъ дѣйствительно—«патріотическій», построенный на городскія денежки для личныхъ дачныхъ удобствъ...

Вотъ она, причина патріотической ненависти къ свободному слову!..

— Воровать мѣшаетъ!..

Вотъ варшавскіе интенданты, сидящіе на скамьѣ подсудимыхъ, тоже рвутъ и мечутъ громы противъ мѣстной печати, дающей отчеты о процессѣ...

— Мы свою кровь проливали, а вы насъ ворами выставляете!..

Дѣло кончилось вызовомъ на дуэль... Честь мундира, конечно, прежде всего, а потомъ уже—интендантскіе штаны, сапоги и прочее.

Любопытный вопросъ задѣлъ при обсужденіи смѣты премьеръ-министръ въ полемикѣ съ депутатомъ Шингаревымъ.

— За кѣмъ пойдетъ народъ, за правительствомъ или интеллигенціей?

Такимъ вопросомъ, весьма щекотливаго свойства, премьеръ отдѣлилъ правительство какъ отъ народа, такъ и отъ интеллигенціи. Откровенно и правильно. Подъ народомъ, видимо, разумѣется мужикъ. Рабочіе не считаются, потому что еще во времена вольностей, когда Витте назвалъ рабочихъ «братцами», тѣ поблагодарили за это, но отъ родства отказались:

— Мы вамъ не братцы!

Теперь разсчитываютъ обратить въ братцевъ мужичковъ... А мужичекъ молчитъ. Сказать, чтобы онъ шелъ за министромъ, нельзя; но сказать, что онъ идетъ за интеллигенціей—тоже. За винной монополіей онъ, дѣйствительно, идетъ и тѣмъ помогаетъ пухнуть нашему бюджету, но... и только. Въ остальномъ пока его ведутъ на веревочкѣ. Маленькій опытъ, однако, былъ, и опытъ этотъ все-таки показалъ; что при случаѣ лучше поменьше имѣть въ Г. Думѣ представителей отъ крестьянъ, въ силу чего былъ собственно и измѣненъ избирательный законъ. Мужикъ, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, не оправдалъ надеждъ. И, если онъ не пошелъ за интеллигенціей до конца такъ все же достаточно выяснилось, кому изъ спорящихъ сторонъ народъ будетъ «попутчикомъ»...

А въ общемъ чудо: народъ тощаетъ, а бюджетъ пухнетъ... Не знаю, почему. Механика трудная. Во всякомъ случаѣ хорошо, что не худѣютъ оба: и народъ, и бюджетъ...

Вспоминается антрепренеръ, о которомъ говорилъ Грибоѣдовскій Чацкій:

—Самъ толстъ, его артисты тощи...

Живучъ и крѣпокъ нашъ мужикъ, а главное—потребности его ростутъ медленнѣе бюджета... Темень, непросвѣщенъ—это тоже плюсъ для бюджета: культура, увеличивающая эти потребности, остается въ первобытномъ состояніи. Для «домашности» гг. патріотовъ это отраднѣйшее явленіе въ нашей исторіи...

— «Енъ» достанетъ!.. «Енъ» съ однимъ кускомъ сахара можетъ три дня чай пить, и еще свободная наличность останется... «Енъ» не купитъ книжку, а лучше пойдетъ въ монополію и возьметъ сороковку и выпьетъ для увеличенія государственнаго бюджета... «Енъ», если у него 0,3 лошади, самъ въ соху впряжется... «Енъ» босикомъ съ японцемъ сражаться можетъ...

«Енъ» можетъ хлѣбъ мякинный переваривать...

Ну, а если заартачится и отказомъ платить подати подрывать бюджетъ вздумаетъ, такъ вѣдь на это есть хорошіе становые и «дѣльные» земскіе начальники:

— Выколотятъ!..

Въ любомъ номерѣ газеты подходящій примѣръ найти можно. Вотъ вамъ вѣсти изъ Костромской и Новгородской губерній:

Пріѣзжаетъ земскій начальникъ Азлецкій въ деревню Пензино, солигаличскаго уѣзда, собираетъ сходъ и говоритъ такую рѣчь мужикамъ:

— Не забывайте, мужички, что 1905 и 1906 года прошли!.. Въ нынѣшнемъ году я заставлю васъ платить подати... нагайками!.. А чтобы вы не думали, что это—однѣ слова, я пригласилъ съ собой полицію... Смотрите!

Ораторъ величественно указалъ рукой на урядника и стражниковъ и продолжалъ:

— Вы надѣетесь, что въ юбилей 1913 года вамъ скинутъ недоимки? Напрасно! На васъ разложатъ и всѣ тѣ расходы, которые будутъ произведены на юбилейныя торжества...

Когда въ дальнѣйшей рѣчи опять появилась нагайка, сходъ забормоталъ сперва невнятно, а потомъ болѣе явственно:

— Тѣлесное наказаніе царь отмѣнилъ... Нельзя!..

— Кто тамъ говоритъ?.. Выходи!..

Никто не выходилъ, а изъ толпы слышались отдѣльныя фразы:

— Когда я уходилъ изъ полка, такъ думалъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ... А теперь первое слово —нагайка...

Какой-то старикъ вышелъ, схватилъ себя за грудь и съ истеричнымъ выкрикомъ прошамкалъ:

— Тогда лучше надѣвай веревку теперь же, чѣмъ нагайками-то мучать!..

Этого земскаго начальника—по словамъ корреспондента газеты—мѣстный губернаторъ называетъ «дѣльнымъ»...

Такъ въ Костромской губерніи. А вотъ въ Новгородской:

— Для взысканія сборовъ съ крестьянъ—говоритъ корреспондентъ—всѣ мѣры хороши. Главнымъ же устрашающимъ средствомъ является составленіе описей и назначеніе торговъ на распродажу мужицкаго скарба и сажаніе подъ арестъ волостного и сельскаго начальства. Въ Крестецкомъ уѣздѣ описи составлялись въ то время, когда крестьяне не имѣли уже своего хлѣба и кормились заработками. Кромѣ этого, примѣнялась мѣра наложенія ареста на заработную плату...

Не поощряется только у насъ усердіе по взысканію земскихъ сборовъ съ гг. землевладѣльцевъ: бывшій Новгородскій губернаторъ Башиловъ именно за это усердіе былъ переведенъ, по жалобѣ дворянъ, въ Уфимскую губернію...

Извѣстенъ печальный случай съ однимъ нѣмцемъ: для увеличенія своего домашняго бюджета этотъ нѣмецъ захотѣлъ пріучить свою лошадь ничего не кушать... Сперва опытъ шелъ удачно, но потомъ... лошадь околѣла. Не околѣй лошадь,—нѣмецъ бы сильно поправилъ свой домашній бюджетъ...

Нѣчто подобное сей несчастной лошади намѣрены совершить теперь съ многотысячной «породой» людей, называемыхъ торговыми служащими. Ихъ хотятъ отучить отъ отдыха и пріучить къ работѣ по семнадцати часовъ въ сутки... Вопль идетъ отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды. Типъ служилаго человѣка по торговой части—самый смирный, прямо—ломовая лошадь!. Ни сна, ни отдыха!.. Съ ранняго утра до поздняго вечера пріумножай чужую прибыль. Дѣло, нѣтъ словъ, хорошее и не безъ пользы для отечества, но вѣдь всякій человѣкъ, не исключая приказчика, устроенъ такъ, что не представляетъ изъ себя рабочаго «перпетуумъ-мобиле»... Въ далекіе дни свободныхъ вѣяній размякли даже гг. хозяева, и въ результатѣ явился законъ 15-го ноября 1906 г., которымъ для торговыхъ служащихъ устанавливался воскресный и праздничный отдыхъ. Но—увы,—все это—дѣла давно минувшихъ лѣтъ...

Нынѣ вопросъ о нормировкѣ приказчичьяго труда входитъ въ новую стадію: верхняя палата, въ которой возсѣдаютъ люди, непокладающіе ни днемъ, ни ночью рукъ на пользу отечества, рѣшили потрудиться на процвѣтаніе русской торговли и потому пришли къ рѣшенію, что въ будніе дни служилый торговый человѣкъ долженъ трудиться по 17-часовъ въ сутки, а въ праздничные—до пяти часовъ вечера... Почему по семнадцати, а не по двадцать четыре часа въ сутки,—неизвѣстно...

Вопль пошелъ по всѣмъ градамъ и весямъ... Приказчики вышли изъ тупого равновѣсія и дружно закричали: «караулъ!» Полетѣли отовсюду мольбы и протесты къ народнымъ представителямъ нижней палаты... поѣхали въ Питеръ депутаціи. Какъ не успокаивали торговыхъ служащихъ на мѣстахъ въ провинціи—лаской, параграфами усиленной охраны и пр.,—а волна докатилась таки до самого министра-премьера...

Петербургъ, Москва, Кіевъ, Казань, Орелъ, Екатеринбургъ, Оренбургъ, Смоленскъ, Псковъ, Курскъ, Ярославль, Астрахань, Ростовъ, Николаевъ, Одесса, Нахичевань, Симферополь и многія другія общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ прислали депутатовъ...

Изъ петицій и протестовъ этихъ обществъ видно, что фактически давно уже существуетъ въ большинствѣ городовъ 11—12 часовой рабочій день и праздничный отдыхъ, кое-гдѣ даже 9-ти часовой и полный воскресный, и никакихъ неудобствъ и ущербовъ отъ сего не замѣчается.

Къ такимъ порядкамъ уже привыкли хозяева, публика и служащіе, и никто не жаловался... Въ чемъ же дѣло? Все шло къ общему удовольствію, и вдругъ Государственному Совѣту не понравилось, что приказчикъ можетъ жить по человѣчески и удѣлять время на общеніе съ Богомъ, людьми, семьей, хорошо выспаться хотя разъ въ недѣлю...

Жизнь по заповѣди Господней:

— Шесть дней дѣлай—седьмой же Господу Богу твоему...

Завѣтъ старый, но... когда онъ измѣненъ въ:

— Семь дней дѣлай, а восьмой хозяину твоему?

Такова уже любовь членовъ Государственнаго Совѣта къ труду, а любовь, говорятъ, ворочаетъ горами...

Не понимаетъ этого «приказчикъ» и никакъ его не убѣдишь, что работать по семнадцати часовъ въ сутки—похвально...

— Время—деньги!..—говорятъ неразумному, а онъ чешетъ въ затылкѣ и говоритъ:

— Чьи деньги?..

И начинаетъ высчитывать:

— 17 часовъ въ лавкѣ торговля, потомъ надо привести лавку въ порядокъ, сдать кассу, пройти отъ лавки до дому дважды, потомъ надо послушать, что говоритъ пріѣхавшій послѣ обѣда въ лавку хозяинъ—онъ не торопится.,.

И выходитъ, что на службу уйдетъ двадцать часовъ въ сутки, а на всю свою жизнь: на сонъ, на исполненіе всяческихъ обязанностей, родительскихъ, семейныхъ, супружескихъ, христіанскихъ,—на все гуртомъ четыре часа...

— И выходитъ, что семь дней дѣлай, а восьмой—хозяину.

Премьеръ принялъ ласково и утѣшилъ:

— Дѣло затяжное!,.

Обѣщалъ заступиться, но далъ понять, что онъ не всемогущъ:

— Министры въ законодательныхъ учрежденіяхъ вліянія не имѣютъ...

А у приказчиковъ никакой протекціи, кромѣ премьера, въ Государственномъ Совѣтѣ, да Господа Бога—въ небесахъ, нѣтъ...

Воронежская губернія осчастливлена появленіемъ Демосѳена изъ націоналистовъ: по уѣзднымъ городамъ и селамъ ея разъѣзжаетъ лидеръ націоналистовъ г. Берновъ, ведущій агитацію для будущихъ выборовъ съ помощью становыхъ, исправниковъ, урядниковъ и другихъ властей... Берновъ, онъ же редакторъ газеты «Живое слово», такъ описываетъ себя въ своей газетѣ:

— Лекторъ вышелъ и сталъ вибрировать всѣми драгоцѣнными оттѣнками давно позабытаго ораторскаго искусства. Въ залѣ всѣ плакали и, когда лекторъ закончилъ призывомъ пропѣть вѣчную память, раздались рыданія...

А вотъ еще отчетъ о самомъ себѣ:

— Вышелъ онъ орелъ—орломъ, а подъ конецъ обжегъ всѣхъ, поднялъ нервы такъ, что скептики и тѣ унеслись въ высь съ душою оратора при громѣ рукоплесканій... Мы слышали Плевако, Корабчевскаго, но такого тонкаго пониманія толпы, такой исключительной способности уловить настроеніе,—не приходилось еще!..

А становые скачутъ, урядники волнуются, полиція продаетъ билеты... Тоже уловляютъ настроеніе.

Съ такимъ собственнымъ Плевакой воронежскіе націоналисты надѣются завоевать губернію. Вся губернія «вибрируетъ». Не столько плачутъ, сколько хохочутъ: ораторъ не говоритъ, а играетъ на эстрадѣ роль изъ какой-то злодѣйски-романтической пьесы стараго типа, бросается стуломъ, падаетъ на колѣни, простираетъ руки то къ небу, то къ становому приставу, изображаетъ на лицѣ то

ужасъ, то умиленіе... Въ уѣздныхъ городахъ съ пріѣздомъ Бернова пустуютъ кинематографы и живая фотографія...

Воронежскіе націоналисты теперь спокойны: въ 4-ой Думѣ будетъ у нихъ свой Демосѳенъ...

Воронежу повезло, а вотъ Херсону—нѣтъ. Тамъ дѣйствуетъ палата «Михаила Архангела». Былъ у нея отмѣнный лидеръ, кандидатъ въ будущую Г. Думу, мѣстный домовладѣлецъ Руденко, тоже превосходнѣйшій ораторъ, умѣвшій улавливать настроеніе не хуже воронежскаго Демосѳена, тоже замѣчательно вибрировалъ... Да немножко испортилъ свою кандидатуру: не дождавшись выборовъ въ Думу, подалъ въ мѣстную городскую управу прошеніе... О чемъ бы вы думали?..

О разрѣшеніи открыть небольшой домъ терпимости!..

Съ одной стороны—лидеръ «Михаила Архангела», а съ другой такое прошеніе! Какъ хотите, а у всякаго патріота—жена, дѣти и прочее... Конечно, если разсуждать по-человѣчеству, то почему, оставаясь примѣрнымъ христіаниномъ, примѣрнымъ отцомъ семейства и вѣрнымъ супругомъ, не открыть маленькій, такой уютный публичный домикъ и на маленькій доходецъ жить по установленнымъ правиламъ, трудясь на пользу родины и дорогого отечества?.. Вѣдь оно—дѣло не крамольное, никакихъ основъ не потрясаетъ, а даже даетъ заработокъ голоднымъ дѣвицамъ, которыхъ теперь особенно много по деревнямъ... Нѣкоторымъ образомъ даже гуманное начинаніе!.. А вотъ какъ-то для палаты «Михаила Архангела» и не того... Сомнѣніе выходитъ.

— Какъ же это вы оскорбляете наше патріотическое дѣло?..

— Я?.. Помилуй Богъ!.. Да вы касательно чего...

— А публичный-то домикъ?..

— Это дѣло къ обществу некасаемое... Мало ли кто чего на сторонѣ дѣлаетъ? Убытка для палаты отъ этого не будетъ...

— Не подойдетъ... Кабы оно тихо, незамѣтно было, а вы...

— Поди, безъ одобренія города невозможно!.. Я хотѣлъ, чтобы по совѣсти, по закону, а не тайное заведеніе...

И все бы это еще ничего, и быть можетъ, простили бы это своему лидеру херсонскіе патріоты, если бы онъ еще не подгадилъ... А онъ... оказался еще привлеченнымъ къ суду за растрату сиротскихъ денегъ... (Должно быть, обстановочку заготовлялъ на сиротскія денежки для будущаго публичнаго домика)... Ну, тутъ ужъ михаило-архангельцы отказались:

— Почище все-таки надо лидера-то...

Теперь бывшій лидеръ палаты «Михаила Архангела» пере-

шелъ въ націоналисты, и отъ нихъ уже будетъ кандидатомъ въ четвертую Г. Думу...

Вообще дѣла націоналистовъ имѣютъ много шансовъ въ будущемъ... Но теперь поднятъ вопросъ, за кѣмъ пойдетъ народъ?.. Не за націоналистами ли?.. Какъ думаютъ тамъ, въ гущѣ народной, среди «братцевъ-мужичковъ»? Ничего не слышно. Мужикамъ какъ будто нѣтъ никакого дѣла до четвертой Г. Думы. Волненій на сей счетъ не проявляется. Мужицкихъ лидеровъ въ деревняхъ не намѣчается... Въ двадцати губерніяхъ голодъ, и мужикъ предоставилъ почтительно «намъ погружаться въ науки, въ искусства, предаваться мечтамъ и страстямъ»... Отъ Г. Думы мужикъ давно уже ничего не ждетъ и продолжаетъ творить свою легенду о землѣ, которую изъ него, видимо, не выбьешь никакимъ землеустроеніемъ... Вотъ одна изъ такихъ легендъ, рожденная мужицкимъ творчествомъ въ Псковской губерніи:

— Есть письмо Александра II за семью печатями и его послѣдняя воля распечатать это письмо въ 1912 г... Въ письмѣ томъ царь приказываетъ произвести новую ревизію земли...

Легенда приводитъ въ связь съ этимъ письмомъ всѣ событія послѣдняго времени: войну съ Японіей, чтобы не брать земли у господъ, хотѣли для крестьянъ у басурмановъ отвоевать; нашу всеобщую забастовку 1905 г., которая будто бы была устроена по тайному царскому приказу и т. д.

Эта легенда сильно отразилась на введеніи въ губерніи новаго земельнаго устройства: крестьяне дополняютъ легенду тѣмъ соображеніемъ, что къ новой ожидаемой ревизіи въ 1912 г. господа желаютъ поскорѣе мужиковъ укрѣпить. Въ январѣ въ губернію былъ отправленъ цѣлый отрядъ землеустроителей на предварительную подготовку дѣлъ о выдѣлахъ, и оказалось, что цѣлыя деревни, заявлявшія когда-то о желаніи выдѣлиться на хутора, теперь отказываются... Встревоженная этимъ губернская власть рекомендуетъ землеустроителямъ выяснять виновниковъ ложныхъ слуховъ и смуты...

Не внушаютъ особеннаго довѣрія властямъ и культурнымъ людямъ мужики и въ Саратовской губерніи. Недавно въ г. Саратовѣ засѣдалъ съѣздъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, обсуждавшій, между прочимъ, и вопросы о помощи голодающимъ... Одна изъ уѣздныхъ управъ запросила губернскую:

— Можно ли выписать изъ голодныхъ мѣстъ губерніи на сельскія работы въ помѣщичьи экономіи завѣдомо благонадежныхъ крестьянъ?

На это одинъ изъ предсѣдателей управъ отвѣтилъ:

— Политически благонадежныхъ мужиковъ теперь не найдешь! Объ этомъ не стоитъ и разговаривать...

Поговорили, однако, но всѣ согласились, что это—такъ...

Голодный, а все-таки неблагонадежный...

Получается безвыходное положеніе: чтобы мужикъ былъ политически благонадеженъ,—надо, чтобы онъ былъ прежде всего сытъ, а чтобы сдѣлать его сытымъ, надо, чтобы его трудъ и собственность давали къ тому полную возможность... Но сытый мужикъ дорогъ, а голодный опасенъ... Бѣда съ этимъ мужикомъ: никакъ и никуда его не приспособишь. А безъ него тоже нельзя: вонъ Щедринскій мужикъ двухъ генераловъ на необитаемомъ островѣ прокормилъ...

Какъ сдѣлать мужика благонадежнымъ, не дѣлая сытымъ?—вотъ вопросъ—и какъ сдѣлать мужика сытымъ, оставивъ его голоднымъ?..

Голова закружится, только подумай. И есть только одно вѣрное средство:—Успокаивать надо!..

Вотъ одинъ изъ простѣйшихъ способовъ успокоенія, даваемый административной практикой той же губерніи. Способъ старый, давно уже практикуемый. На процессѣ сердобской уѣздной полиціи, возникшемъ, какъ извѣстно послѣ разоблаченій писателя В. Г. Короленко, потерпѣвшій крестьянинъ разсказываетъ:

— Урядникъ и стражники были пьяны и раздирали мнѣ ротъ...

Другой мужикъ показываетъ:

— Сѣкли меня плетью, пока не сломалась плеть... Зубъ разбили желѣзнымъ прутомъ, подставляли къ груди револьверъ, били въ «причинное мѣсто»...

Третій:

— По мнѣ прыгалъ въ сапогахъ урядникъ и махалъ шашкой...

Можно ли остаться послѣ такой расправы благонадежнымъ?—такой вопросъ на судѣ не подымался... Въ Г. Думѣ, при обсужденіи бюджета и спора, за кѣмъ пойдетъ народъ—тоже...

Туманный вопросъ. А вдругъ онъ ни за кѣмъ изъ спорящихъ не пойдетъ, а возьметъ да и скажетъ:

— Самъ я!.. Кто хочетъ, пусть за мной идетъ...

Сказки русской дѣйствительности...

Одну изъ нихъ разсказалъ членъ Г. Думы при разсмотрѣніи бюджета по духовно-нравственному вѣдомству...

Жило-было одно высокопоставленное лицо, не духовное, а самое, что ни на есть, свѣтское, и понравилась очень этому лицу

чужая жена. Дѣло житейское! чужія жены всегда были лучше своихъ—это видно даже изъ библейской исторіи, а законные мужья тоже считались недостаточными (Соблазненіе женой Пентефрія прекраснаго Іосифа). Однако съ духовно-нравственной точки зрѣнія и это уже большой грѣхъ:

— Не пожелай жены ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни всякаго скота его!..

А высокопоставленное лицо не только плѣнилось и пожелало платонически, но рѣшило, что всякая чужая жена можетъ, при связяхъ и протекціи, сдѣлаться собственной законной женой, особенно если эта жена не имѣетъ къ сему особенныхъ препятствій... Это обыватели, простые смертные, даже при обоюдномъ желаніи разойтись, успѣютъ помереть, прежде чѣмъ ихъ разведутъ, либо успѣютъ попасть въ каторгу за убійство въ запальчивости и раздраженіи, а для высокопоставленнаго крѣпость брачныхъ узъ меньше паутинки, особенно, если мужъ—невысокопоставленный. Живо начался бракоразводный процессъ, а мужъ оказался стороною виновной. Все нашлось моментально: и свидѣтели прелюбодѣянія, и быстрота дѣла въ консисторіи, и архипастырское благословеніе, все, что хочешь!.. Была жена, и нѣтъ жены!.. Мужъ не захотѣлъ смириться и затѣялъ процессъ о лжесвидѣтельствѣ... Но увы, тутъ его дѣло не двигалось: долго лежало и путешествовало оно изъ одной консисторіи въ другую, ѣздило даже на поправку въ заграничное путешествіе... Какъ только первый мужъ подалъ прокурору жалобу съ просьбой привлечь къ суду лжесвидѣтелей, министерство юстиціи дѣло это отъ прокурора затребовало къ себѣ, и тамъ въ министерствѣ оно находилось пять мѣсяцевъ, считая въ томъ числѣ время заграничнаго путешествія. Затѣмъ жалоба вернулась къ прокурору, отъ прокурора къ судебному слѣдователю, а слѣдователь разсмотрѣлъ и сдѣлалъ открытіе: двухъ самыхъ важныхъ документовъ обвиненія при дѣлѣ не имѣется. Слѣдователь—къ прокурору, прокуроръ въ министерство. Въ концѣ концовъ, никто не виноватъ: документы пропали во Франціи... Жену невысокопоставленнаго духовно-нравственное и судебное вѣдомства отчудили и прирѣзали къ высокопоставленному чуть не въ двѣ недѣли, а одураченный супругъ остался безъ документовъ, которые потерялись во Франціи... Франція вообще безнравственная страна,—это давно извѣстно. Остается только невыясненнымъ вопросъ: какимъ образомъ Франція, находящаяся въ дружественныхъ съ нами отношеніяхъ, вмѣшалась въ эту семейную исторію?..

Бывшій въ Г. Думѣ представитель юстиціи не отвергнулъ этого разоблаченія и того, что документы дѣйствительно пропали, онъ только сослался на Францію... а Дума дружно захохотала...

Нѣтъ предѣловъ обывательской любознательности!.. И вотъ «Русское Слово» удовлетворяетъ ее...

...Въ числѣ свидѣтелей по бракоразводному дѣлу—какъ сообщаетъ газета,—фигурируетъ бывшій начальникъ сыскного отдѣленія въ Кіевѣ, г. Кулябко, который, будучи начальникомъ охраны, усиленно преслѣдовалъ законнаго мужа за вѣрность женѣ и твердость касательно семейныхъ устоевъ, а затѣмъ... повѣшенный Богровъ, «сотрудникъ» Кулябко по политическимъ предпріятіямъ...

Часть документовъ пропала въ Парижѣ, этомъ Вавилонѣ міра, а часть документовъ по бракоразводному дѣлу—въ Св. Синодѣ, который вытребовалъ это дѣло изъ Петербургской консисторіи...

Такимъ образомъ все смѣшалось въ одну кучу: консисторіи, Кулябко, Богровъ, Парижъ, Синодъ, два мужа и одна жена...

— А какъ же мужъ-то?..

— Такъ прелюбодѣемъ и остался!.. Что тутъ сдѣлаешь?.. Полная свобода совѣсти!.. Даже, можно сказать, безо всякой совѣсти...

Другая сказка о рѣдкомъ губернаторѣ и признательныхъ жителяхъ.

Жилъ-былъ въ Житомірѣ губернаторъ, который, по его собственному признанію, никого не разорилъ своими обязательными постановленіями... По признанію самихъ жителей, кромѣ этого достоинства, было у губернатора еще одно: старался онъ всегда слѣдовать закону и не дѣлать никакихъ исключеній для какихъ бы то ни было партій... Рѣдкій губернаторъ!.. Жители прямо въ умиленіи были и такъ полюбили своего губернатора, что многіе плакали, когда его провожали... А рѣчей и тостовъ, хлѣбовъ съ солями, благодарственныхъ молебновъ—не перечесть!.. Даже представитель отъ рабочихъ былъ...

Вы не вѣрите? Я самъ не вѣрилъ, но прочиталъ газету и повѣрилъ...

На устроенномъ провожаемому губернатору Кутайсову чествованіи, въ числѣ ораторовъ отъ разныхъ группъ, сословій, учрежденій выступилъ и одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ, который сказалъ:

— Я убѣжденъ, что буду выразителемъ живѣйшихъ чувствъ, если къ голосу другихъ выскажу свои пожеланія отъ трудового люда, *отъ того класса*, говоря словами поэта, что зелено и блѣдно, что ходитъ голову склоня!..

Въ переводѣ на языкъ административный это будутъ—«братцы-рабочіе»...

Ахъ, вольнодумецъ!.. Какъ бы чего не вышло...

Третья сказка. Тоже о губернаторѣ, который, гордясь своей

чистокровностью и предками, оказался съ примѣсью еврейской крови... Случилось это съ Нижегородскимъ воеводою Хвостовымъ. Газета «Рѣчь», которую губернаторъ называетъ жидово-кадетскою, сдѣлала изслѣдованіе въ генеологіи Хвостова и объявила, что бабушка его была еврейскаго происхожденія... Вообразите теперь волненіе нижегородскаго боярина и всѣхъ мѣстныхъ патріотовъ!.. Извѣстіе ошеломляющаго свойства для всѣхъ патріотовъ и мѣстныхъ Мининыхъ, особенно націоналистовъ!.. За что привлечетъ губернаторъ газету: за клевету или диффамацію?..

Въ виду предстоящихъ выборовъ въ 4-ю Думу губернаторъ предложилъ полиціи навести справки въ почтовой конторѣ, кто изъ обывателей и служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписываетъ лѣвыя газеты... Какой находчивый!.. Вѣдь безъ всякихъ расходовъ и личныхъ составовъ по охранѣ, разомъ, выяснитъ благонадежность всѣхъ жителей, умѣющихъ читать и интересующихся тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ!.. Кромѣ газетъ, жители еще, вѣроятно, получаютъ письма. Тоже хорошее средство, вѣрное и недорогое...

Въ Ревелѣ полиція потребовала на цензуру у концертировавшей г-жи Бремъ ноты. Газета, которая сообщила объ этомъ вѣрномъ фактѣ, оштрафована губернаторомъ на 500 р... Увы, читатель, это тоже сказка дѣйствительности.

Союзъ вологодскихъ приказчиковъ подалъ въ городскую думу заявленіе о нарушеніи торговцами постановленія о праздничномъ отдыхѣ. Городской голова переслалъ это заявленіе, по требованію губернатора, жандармскому полковнику, а жандармскій полковникъ... тотъ арестовалъ предсѣдателя союза приказчиковъ... Судъ скорый и милостивый!..

А вотъ съ земскимъ начальникомъ г. Ростовцевымъ вышло иначе. Когда-то онъ поселился въ имѣніи бывшаго члена второй Г. Думы, г. Алексинскаго, занялъ барскій домъ и не желаетъ оттуда уѣзжать...

— Будьте любезны, не откажите освободить домъ, онъ мнѣ нуженъ!

— Не хочу... Подождите!

Ждетъ, ждетъ хозяинъ,—больше года ждалъ,—не уѣзжаетъ...

— Извините, но я ждать больше не могу!..

— А я не хочу...

Хозяинъ составилъ цѣлыхъ 72 протокола! И все-таки земскій начальникъ остается: судъ не дѣлаетъ постановленія о выселеніи... Тогда хозяинъ продаетъ свое имѣніе нѣкоей г-жѣ Немитцъ, но и та не можетъ отдѣлаться отъ «укрѣпившаго» за собою чужой

домъ квартиранта. Новая владѣлица усадьбы подаетъ въ судъ, обвиняя квартиранта въ растратѣ движимаго имущества... А онъ живетъ, живетъ, живетъ...

Живучій земскій начальникъ!.. Хозяйка боится, что квартирантъ овладѣетъ домомъ въ силу давности...

Въ столицѣ собирался академическій съѣздъ студентовъ... Засѣдалъ онъ въ домѣ духовнаго вѣдомства, въ помѣщеніяхъ оберъ-прокурора Св. Синода. Министры его привѣтствовали, архипастыри благословляли, Пуришкевичъ рыдалъ, кричалъ:

— Бѣдные юноши!..

И падалъ въ истерику...

А юноши—всѣ въ мундирахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, со шпагами, и почему они «бѣдные» и достойны истерики—остается неизвѣстнымъ... Одинъ изъ нихъ говорилъ рѣчь:

— Господа!.. Нѣтъ, не господа... Это очень чопорно и холодно... Милостивые государи!.. Нѣтъ, не милостивые государи... Это святотатственно... Товарищи!.. Нѣтъ, и не товарищи... Товарищи бываютъ въ тужуркахъ, съ горбатыми носами, безъ перчатокъ и шпагъ, говорятъ рѣчи съ бочекъ къ революціонному народу... Братья!.. Да, братья!..

И братья въ мундирахъ и перчаткахъ говорили о взаимопомощи въ формѣ субсидій отъ правительства... и ровно ничего о наукѣ и академической жизни...

Всѣ поощряютъ, привѣтствуютъ, благословляютъ, рыдаютъ, а членовъ союза не прибавляется...

Евгеній Чириковъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

ЗАМѢТКИ О ТЕАТРѢ.

Если смотрѣть на театръ не какъ на развлеченіе, хотя бы и благородное, а какъ на одно изъ проявленій и орудій вѣчно ищущаго и вѣчно творящаго духа человѣческаго, то въ центрѣ современнаго русскаго сценическаго искусства остается по прежнему Московскій Художественный Театръ. Запасъ его творческихъ силъ и піонерской энергіи кажется неисчерпаемымъ. Никогда не успокаиваясь на завоеванныхъ лаврахъ, не останавливаясь на столь

многихъ уже и прекрасныхъ достиженіяхъ, онъ съ безпредѣльнымъ мужествомъ самоотверженнаго риска ставитъ передъ собою все новыя и новыя, иногда колоссальныя задачи, явно предпочитая смертельную опасность, но зато и предѣльную напряженность всѣхъ силъ въ бою безпечальному, но зато и разслабляющему, пребыванію въ пуховикахъ безспорнаго, общепризнаннаго успѣха. Весь свой огромный авторитетъ, созданный неслыханнымъ трудомъ и неисчислимыми жертвами, Театръ, въ постоянныхъ порывахъ неразсчитывающаго благородства, ставитъ на карту ради того, чтобы дать просторъ для какихъ-то неродившихся еще возможностей, обыкновенно одерживаетъ побѣды, иногда терпитъ и пораженія, но всегда и неизмѣнно живетъ яркой, интенсивной, героической жизнью.

Въ нынѣшнемъ году больше всего толковъ вызвала постановка «Гамлета», которая стоила Театру двухлѣтняго неустаннаго труда и отлилась въ совершенно оригинальныя, можно сказать — необыкновенныя формы. Декораціи, въ обычномъ смыслѣ этого слова, исчезли со сцены. Театръ сознательно и рѣшительно отказывается отъ погони за иллюзіей какого-нибудь пейзажа или реальнаго interieur'a. Живопись совершенно изгнана, привычныя архитектурныя линіи тоже, аксессуаровъ обстановки—никакихъ. Вы внѣ времени и пространства, внѣ какой бы то ни было реальности. Единственное средство, которымъ располагаетъ сцена—узкія, высокія ширмы, изъ сѣраго холста. Онѣ то складываются въ легкія четырехгранныя колонны, уходящія ввысь, и въ широкіе пилястры и заполняютъ всю сцену своими причудливыми сочетаніями, тѣснясь къ самой рампѣ и раскрывая въ промежуткахъ между собой какія-то таинственныя перспективы, кажущіяся безконечными, то разступаются по сторонамъ сцены, чтобы дать мѣсто для пятна далекаго, ярко освѣщеннаго неба, или для небольшого открытаго пространства, кажущагося уютной комнатой, то развернутся въ глубинѣ сцены въ сплошную стѣну, поворачиваясь тогда къ зрителю другой своей стороной, оклеенной сіяющимъ золотомъ,—и тогда вы видите роскошный, царственный залъ; въ другой разъ эта же самая золотая стѣна изогнется по сценѣ причудливой кривой и дастъ вамъ впечатлѣніе высшей пышности и ясно скажетъ о тѣхъ безконечныхъ и столь же пышныхъ чертогахъ и переходахъ, которые сосѣдятъ съ нею тамъ, за предѣлами вашего поля зрѣнія.

Эта игра вертикальныхъ, по преимуществу, линій разнообразится въ извѣстные моменты и получаетъ новыя экспрессіи при помощи другого могущественнаго средства—сильныхъ источниковъ разноцвѣтнаго свѣта, которые съ боковъ и сверху направляются на сѣрыя или золотыя массы, заставляя ихъ принимать разнообразную окраску то сплош-

ную, то переливающую красными, лиловыми, зелеными, ослѣпительно бѣлыми тонами. Иногда эти цвѣтовыя волны заполняютъ весь открытый воздухъ сцены и ткутъ въ немъ богатѣйшіе переливы красокъ, втягивая въ свою игру и движущіяся по сценѣ фигуры актеровъ. Чарующая сила и гибкая выразительность цвѣтовыхъ эффектовъ не новинка въ Художественномъ Театрѣ: въ этомъ направленіи онъ достигъ поразительныхъ результатовъ уже три года назадъ, при постановкѣ «Синей Птицы». Не оттуда ли пришла и въ постановку «Гамлета» подчеркнутость и фееричность этихъ эффектовъ, вполнѣ умѣстная въ Мэтерлинковской сказкѣ, но мѣшающая въ Шекспировской трагедіи. Только въ двухъ картинахъ «Гамлета» режиссура прибѣгла къ перебою цвѣтовыхъ волнъ: въ центральной сценѣ «мышеловки», которая залита зловѣщими врублевскими тонами, и въ заключительной сценѣ дуэли и смерти Гамлета, въ которой царитъ темно красный цвѣтъ, въ глубинѣ переливающійся съ зеленымъ, а въ центрѣ прорѣзанный яркимъ бѣлымъ лучемъ, предназначеннымъ для того, чтобы особо выдѣлить въ заключительный моментъ закованную въ блещущіе серебряные доспѣхи фигуру Фортинбраса. Нетрудно понять символику этихъ красочныхъ пятенъ и переливовъ, но непосредственное чувство зрителя, опьяняемое ею въ первый моментъ, потомъ настойчиво начинаетъ требовать ея смягченія, особенно въ послѣдней сценѣ. Но за этимъ, думаю, дѣло не станетъ, когда у Театра пройдетъ первый моментъ естественнаго увлеченія вновь найденнымъ принципомъ декоративнаго созиданія и вступитъ въ свои права столь присущее московскимъ художникамъ чувство художественной мѣры и отвращенія ко всякой эффектности. Во всякомъ случаѣ Театръ обогатилъ свой арсеналъ новымъ и многообѣщающимъ орудіемъ.

Тоже самое я сказалъ бы и про идею ширмъ. Въ ней несомнѣнно заключены богатыя возможности, потому что уже первая попытка ея примѣненія дала нѣсколько весьма убѣдительныхъ результатовъ. Никакая реалистическая декорація не дала бы той простоты, чистоты и силы впечатлѣнія, какія даютъ сѣрые порталы первой картины (появленіе тѣни) и тоже порталы, но совсѣмъ другихъ очертаній, обрамляющіе сцену погребенія Офеліи. Покоряюще прекрасенъ и золотой залъ, въ которомъ Гамлета находятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ, а потомъ актеры (конецъ 2-го акта). Но среди десяти картинъ, поставленныхъ въ господствующемъ сѣромъ тонѣ, есть такія, въ которыхъ, какъ мнѣ кажется, ширмы не покорились режиссеру, не заговорили такимъ же яркимъ, убѣдительнымъ языкомъ, какъ въ указанныхъ сценахъ, остались нѣмы, холодны и потому безвластны надъ зрителемъ. Въ чемъ причина? Въ томъ ли, что ширмы не все мо-

гутъ сказать, или въ томъ, что ихъ тайны еще не раскрыты? Полагаю что обѣ догадки вѣрны: этотъ новый пріемъ декораціонной выразительности имѣетъ свои предѣлы, какъ и всякій другой, но его изученіе еще только начато, и скрытыя въ немъ возможности едва намѣчаются. Какую, напримѣръ, поразительную неожиданность, врядъ ли впрочемъ умѣстную въ этой трагедіи, да еще и въ такой трактовкѣ, представила картина 4-го акта (сцена сумасшествія Офеліи), гдѣ сѣрыя ширмы развернулись въ великолѣпный бѣлый залъ съ ярко выраженнымъ античнымъ характеромъ: скромная ширма оказалась способной выразить опредѣленный архитектурный стиль съ такой законченностью, которой не превзойти наиболѣе заботливо и детально скомпанованнымъ декораціямъ обычнаго типа.

Я долженъ остановиться на постановкѣ еще одной картины, которая подведетъ насъ къ пониманію Театромъ «Гамлета» по существу. Это—вторая картина 1-го акта, когда появляется впервые весь дворъ и самъ Гамлетъ, уже раздавленный случившейся въ его семьѣ трагедіей, но еще не вѣдающій всей ея гнусности. Картина скомпанована такъ: въ глубинѣ сцены—массивная золотая стѣна; къ ней примыкаетъ, на значительной высотѣ, двойной золотой тронъ, на которомъ сидятъ въ тяжелой золотой, какъ бы литой одеждѣ король и королева; по бокамъ отъ нихъ и передъ ними, постепенно понижающимся полукругомъ расположена сплошная толпа придворныхъ тоже въ золотыхъ мантіяхъ и шапкахъ. Вся эта огромная группа сливается въ одну массу, какъ бы выкованную изъ цѣльной глыбы золота, и залитую ослѣпительнымъ свѣтомъ. Внизу, у самой рампы, отдѣленный отъ золотого царства какой-то неопредѣленной, низенькой преградой сидитъ, на чемъ-то вродѣ античной мраморной скамьи, Гамлетъ въ темно-фіолетовомъ одѣяніи и черномъ плащѣ, блѣдный, съ русыми кудрями, благородно прекрасный, въ слабомъ, по сравненію съ блескомъ двора, освѣщеніи. Зрительно Гамлетъ призраченъ, а дворъ грубо матеріаленъ. Тамъ много и громко говорятъ, тамъ есть движенія,—склоняются и выпрямляются головы, хотя съ медлительностью, соотвѣтствующей тяжести металла. А Гамлетъ произноситъ всего нѣсколькихъ краткихъ фразъ и почти неподвиженъ. Но вотъ яркій лучъ потухъ, и золотое царство исчезло. Передъ вами одинъ Гамлетъ на фонѣ темнаго занавѣса, залитый мягкимъ свѣтомъ. Принцъ пошевелился, заговорилъ,—и вы вдругъ ясно ощущаете, что и минуту назадъ онъ одинъ былъ съ вами, тутъ, въ реальномъ мірѣ, онъ одинъ реально существовалъ, а то золотое царство—не болѣе, какъ тяжелый призракъ, или неимѣющая реальнаго бытія мимолетная проекція какой-то страшной тяжести, гнетущей душу принца и сразу,

какъ только онъ остается одинъ, вырывающей у него вопль: «О если бы Всемогущій не запретилъ самоубійства!..»

Это первое яркое впечатлѣніе властно захватываетъ душу зрителя и даетъ тонъ всему дальнѣйшему воспріниманію трагедіи, находя опору во вдумчивой и выразительной игрѣ В. И. Качалова. Представляется несущественной та конкретная обстановка, въ которой протекаетъ трагедія датскаго принца; неважны сами по себѣ факты и люди, ее вызвавшіе или съ нею соприкасающіеся. Мало того, становится ясно, что не событія въ датской королевской семьѣ вызвали трагедію Гамлета,—онъ и до этихъ событій носилъ трагедію въ душѣ, а они только дали толчокъ ей вскрыться. Еще болѣе сосредоточивается вниманіе въ этомъ направленіи, еще дальше углубляется сознаніе,—и трагедія Гамлета становится уже не его личной участью, а трагедіей духа человѣческаго вообще, предвѣчно ему присущей и неизбѣжно раскрывающейся всякій разъ, какъ человѣкъ или человѣчество достигаетъ извѣстной ступени самосознанія. Это не злая судьба, постигшая человѣка, которому чего-то не хватало въ области чувства или воли, или который попалъ въ кругъ дрянныхъ людей; — нѣтъ, это фатумъ, тяготѣющій надъ всѣмъ человѣчествомъ, но постигаемый во всей своей властности и безысходности лишь носителями высшей силы и высшей мудрости, какія только доступны человѣку. Гамлетъ Художественнаго Театра не холодный скептикъ или безвольный созерцатель, а человѣкъ столь же яркаго темперамента, какъ и безпощадно зрячаго ума. Трагедія его не въ слабости или несовершенствѣ, а какъ разъ въ полнотѣ и предѣльномъ раскрытіи всѣхъ духовныхъ силъ,—истинная трагедія великой эпохи Возрожденія и человѣческаго индивидуализма вообще.

Душа Гамлета соткана изъ жажды радости и любви къ людямъ и къ міру. Смотрите, съ какимъ порывомъ простираетъ онъ руки къ Горація при первой встрѣчѣ съ нимъ, какъ задушевно произноситъ даже имя Марцелло, какъ радъ при появленіи Розенкранца и Гильденштерна, какія глубокія ноты звучатъ у него, когда онъ вспоминаетъ бѣднаго Іорика, сколько муки, когда онъ отрекается отъ Офеліи, какой земной поклонъ кладетъ надъ ея могилой, сколько дѣйствительной любви въ суровыхъ обличеніяхъ, бросаемыхъ въ лицо матери,—и т. д. А какъ онъ говоритъ о красотѣ небеснаго свода и яркомъ солнцѣ, о человѣкѣ-красѣ міра и вѣнцѣ творенія, какъ живетъ онъ искусствомъ, общаясь съ актерами... По истинѣ, радость жизни и любовь—настоящая стихія этой души. Но вѣдь и солнце зарождаетъ червей въ издохшей собакѣ, и оно бывши божествомъ, «лобзаетъ падаль», и человѣкъ—«квинтэссенція праха», и

имя женщины—слабость, и «я самъ, довольно честный, могъ бы обвинить себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы моей матери и не рождать меня... Всѣ мы отъявленные бездѣльники». Да, міръ—это «садъ, осѣменяющійся безъ выпалыванія; грубое, вонючее природы заглушаетъ его совершенно». Не мирится чувство съ этой черезполосицей красоты и безобразія, благородства и гнусности, возвышенности и пошлости — въ мірѣ и въ духѣ человѣческомъ. Сердце, доросшее до влюбленности въ идеалъ красоты, справедливости и величія, требуетъ его немедленной побѣды надъ міромъ косной дѣйствительности. Но вѣдь это только фраза воскликнуть: «разорви свое сердце пополамъ и выброси его худшую половину»; вѣдь это только наивность можетъ рвануться съ надеждой выполоть *все* вонючее въ природѣ. Міръ явленій, какимъ мы его видимъ, безнадежно двухсоставенъ, и какъ часто на сторонѣ косности и гнусности явный перевѣсъ. Пусть чуткое сердце обливается отъ этого зрѣлища кровью, пусть горячая воля рвется въ бой; но зрячій разумъ заранѣе видитъ исходъ этого боя. Что же? Положиться на грядущее возмездіе и торжество красоты въ вѣкахъ? Можетъ быть, но вѣдь это уже ликвидація гордой вѣры индивидуалиста въ человѣческую личность, это преклоненіе передъ фатумомъ, обреченіе себя на то, чтобы «сносить бичеванье, издѣвки современности, гнетъ властолюбцевъ, обиды горделивыхъ, муки любви отвергнутой, законовъ бездѣйствіе, судовъ своевольство, ляганье, которымъ терпѣливое достоинство угощается недостойными». Для пламеннаго сердца это непрестанная мука, но исхода изъ нея нѣтъ; она трагична для индивидуалиста, и нетерпѣливца прямо ведетъ къ самоубійственному удару кинжала, а того, у кого больше силы и выносливости, какъ у Гамлета, приведетъ къ величавому, тоже мученическому фатализму: «пусть самъ Геркулесъ дѣлаетъ, что можетъ,—кошка все-таки будетъ мяукать, дождется и песъ своей очереди». Въ концѣ концовъ, человѣкъ выполняетъ пути, опредѣленные чѣмъ-то болѣе мощнымъ, чѣмъ его личное разумѣніе; высшая мудрость — не закрывать на это глаза, высшая сила—испить чашу до дна. А когда чаша будетъ выпита, когда смерть дастъ покой истерзанной душѣ, придутъ свѣтло-радостные Фортинбрасы, и волна жизни покатится дальше. Но для Гамлета уже наступило молчаніе.

Вотъ та вѣчная, даже предвѣчная трагедія, которую понялъ и хотѣлъ воплотить Художественный Театръ въ игрѣ своихъ артистовъ, въ обобщенныхъ, внѣвременныхъ и внѣпространственныхъ декораціяхъ Крэга, въ превосходной музыкѣ Ильи Саца. Задумана была грандіозная симфонія, исчерпывающая до дна всѣ диссонансы духа и примиряющая ихъ въ какихъ-то уже неземныхъ аккордахъ. Немуд-

рено, если полной удачи не послѣдовало, если въ постановкѣ есть недодѣланности и даже противорѣчія съ основнымъ замысломъ. Но если театръ хотя бы моментами возноситъ насъ въ лучезарную сферу мучительныхъ и вмѣстѣ возвышенныхъ переживаній датскаго принца, если онъ воскрешаетъ передъ нами въ новомъ блескѣ эту трагедію и заставляетъ пріобщиться къ ея вѣчному смыслу, вскрывая у Шекспира отклики на наши исканія и будя въ насъ отклики на боренія той великой эпохи, то вѣдь это уже само по себѣ огромное дѣло, значительное, быть можетъ, не въ одномъ только художественномъ отношеніи...

О постановкѣ «Живого трупа» я отчасти уже писалъ осенью. Теперь, неоднократно провѣривъ свои осеннія впечатлѣнія, я могу уже съ полной увѣренностью сказать, что эту постановку надо причислить къ наиболѣе прекраснымъ и законченнымъ достиженіямъ Художественнаго Театра. Четкій рисунокъ, набросанный геніальной рукой Толстого, Театръ насытилъ плѣнительнымъ лиризмомъ, которымъ дышатъ на его сценѣ Чеховскія пьесы. Созерцаніемъ этой постановки никогда нельзя насытиться; хочется безъ конца вновь и вновь видѣть ее, какъ нельзя не возвращаться къ бездоннымъ произведеніямъ великихъ писателей, композиторовъ, живописцевъ, къ снѣговымъ горамъ и къ клейкимъ весеннимъ листочкамъ. Тутъ все, отъ крупныхъ линій до мельчайшихъ деталей, отъ исполнителей главныхъ ролей до послѣдняго статиста сливается въ одну непрерывно цѣльную картину и радуетъ одинаково и этой своей связностью съ цѣлымъ, и своей самостоятельной внутренней цѣльностью и самоцѣнностью.

Ѳедя Протасовъ въ исполненіи И. М. Москвина освобождается отъ случайныхъ классовыхъ признаковъ и раскрываетъ въ чистомъ видѣ психологическую сущность своей драмы. Нѣжная, искренняя душа, замученная ложью и условностью быта, рвется изъ этихъ тисковъ туда, гдѣ не надо насиловать себя, гдѣ можно быть простымъ и правдивымъ, гдѣ нѣтъ боли и угрызеній. А его тянутъ назадъ, мучаютъ, и при томъ изъ самыхъ лучшихъ побужденій, то Викторъ, то Саша, то князь. Отъ него, уже ушедшаго, внутренно уже все порвавшаго, всѣхъ развязавшаго, тотъ міръ условнаго, призрачнаго требуетъ, во имя своей правды, попранія высшей правды, будто какой-то облавой загоняетъ его въ тупикъ, откуда нѣтъ иного выхода, какъ черезъ смерть. Нѣжное лукавство Маши отсрачиваетъ развязку и даетъ Ѳедѣ краткій періодъ полнаго достиженія того внутренняго мира и свободы, къ которымъ онъ рвался. Это—Ѳедя въ трактирѣ съ художникомъ, успокоенный и тихо радостный, вспоминающій о томъ, покинутомъ мірѣ, какъ о переплытомъ разъ на-

всегда океанѣ. Но міръ условности не даетъ совсѣмъ уйти своей жертвѣ: скользкими щупальцами трактирнаго шантажиста онъ достанетъ Ѳедю и въ его безвѣстности и снова приставитъ револьверъ къ его сердцу,—на сей разъ уже окончательно. Безупречной партнершей Ѳеди Москвина является Маша-А. Г. Коонень. Горячіе, беззавѣтные порывы этой цыганки, почти звѣреныша, ярко контрастируютъ съ чистой, безтемпераментной нѣжностью Ѳеди. Глаза, лицо, все тѣло Коонень напряженно живутъ, гибко слѣдуя за быстрыми, внезапными переломами ея внутреннихъ переживаній. Только что она была въ гнѣвѣ на его холодность, и сейчасъ же ласковое прикосновеніе его руки превращаетъ слезы въ блаженный смѣшокъ, очаровательная головка довѣрчиво прильнула къ его груди, безпредѣльной, всепрощающей любовью звучитъ голосъ и сіяютъ глаза; а еще черезъ минуту та же стройная, казалось бы хрупкая, фигурка напряжется какъ струна и станетъ прямо страшной въ дикомъ взрывѣ столкновенія съ родителями, которые невольно попятятся передъ этой неожиданно взорвавшейся яростной силой. Да и всѣ дуэты Ѳеди съ Машей на сценѣ Художественнаго Театра сплошь очаровательны, сотканы изъ тончайшихъ золотыхъ нитей артистическихъ переживаній и ихъ тѣлесныхъ воплощеній. Къ тому же порядку безупречнаго художества должно отнести и разговоръ Ѳеди съ княземъ, гдѣ два нѣжнѣйшихъ инструмента, состязаются въ правдивости, тонкой нюансировкѣ, психологической насыщенности каждаго момента, каждаго слова и жеста. О чарующемъ дуэтѣ К. С. Станиславскаго-Абрескова съ М. П. Лилиной-Карениной я уже писалъ. Это—тоже предѣльное достиженіе, гдѣ искусство становится столь же неисчерпаемо многограннымъ, какъ многогранна сама жизнь. В. И. Качаловъ, къ сожалѣнію, уступилъ роль Виктора Каренина г-ну Хохлову, который тщательно копируетъ своего предшественника, но безсиленъ насытить всѣ мельчайшія детали роли той жизненностью и внутренней убѣдительностью, которыми покоряло исполненіе Качалова. Не къ лучшему и дублированіе г-жи Германовой въ роли Лизы съ г-жей Косминской. Цѣльный образъ, созданный первой артисткой,—образъ жены-насѣдки, недалекой, неглубокой, не лишенной по временамъ вульгарности,—раздробился у г-жи Косминской въ рядъ отдѣльныхъ моментовъ, мало выразительныхъ и плохо между собою связанныхъ. Но общій тонъ исполненія пьесы мало страдаетъ даже отъ этихъ замѣнъ, оставаясь на неизмѣнной высотѣ, а цыганскій хоръ 2-й картины попрежнему властно уноситъ зрителя въ таинственный міръ жгучихъ, словами не выразимыхъ переживаній, послѣ которыхъ нельзя безъ душевной боли вернуться къ суетѣ партера и театральныхъ кулуаровъ.

О Тургеневскомъ спектаклѣ много говорить не приходится. Въ «Нахлѣбникѣ» никакая игра артистовъ не въ состояніи сгладить тѣ длинноты, которыми перегрузилъ свою пьесу авторъ. И въ самой постановкѣ мнѣ чувствуется нѣкоторая невыдержанность стиля: большинство фигуръ даны съ обычной для Художественнаго Театра сдержанностью, но чувство мѣры измѣнило режиссерамъ, когда они создавали утрированныя фигуры Тропачева и дворовыхъ. А. Р. Артемъ, исполняющій главную роль Кузовкина неподражаемо трогателенъ и тонко выразителенъ въ лирическихъ мѣстахъ, но въ моментъ трагическаго подъема хотѣлось бы отъ него больше силы и, такъ сказать, ударности: вѣдь его внезапное разоблаченіе должно грянуть, какъ громъ. Относительно «Провинціалки» я долженъ промолчать: эту пьесу мнѣ довелось видѣть всего одинъ разъ, и я боюсь, что прямо не доглядѣлъ многихъ тонкостей исполненія, но кажется, что взглядъ Театра на «Провинціалку», какъ на водевиль, не способствовалъ правильности и содержательности ея сценическаго истолкованія. Зато комедія «Гдѣ тонко, тамъ и рвется» поставлена со всѣмъ блескомъ, на какой способенъ Художественный Театръ. Тутъ все прекрасно: и легкіе, прозрачные тона декорацій М. В. Добужинскаго, и яркіе солнечные лучи, заливающіе сцену, и красочныя пятна костюмовъ и благородно-комедійная, легкая и вмѣстѣ содержательная игра артистовъ, которая насытила свѣтомъ внутреннихъ сложныхъ переживаній довольно поверхностную пьесу Тургенева. Царитъ, конечно, В. И. Качаловъ (Горскій) съ своимъ безпредѣльно гибкимъ голосомъ и благородствомъ игры, потому что ему отведена авторомъ наиболѣе обширная задача, но и остальные исполнители и исполнительницы живутъ подлинной жизнью на сценѣ и даютъ безукоризненно законченныя фигуры. Массалитиновъ въ маленькой роли Станицына отлично передалъ излюбленный Тургеневымъ типъ увальня съ золотымъ сердцемъ, внѣшне немного смѣшного, а внутренно чрезвычайно привлекательнаго,—типъ, тутъ едва намѣченный и лишь позже развитый въ фигурахъ Лежнева, Лаврецкаго и т. п. О. Л. Книппер вполнѣ перевоплотилась въ немного отяжелѣвшую, но еще красивую помѣщицу, умную, просвѣщенную и вмѣстѣ хозяйственную, зорко, хотя и незамѣтно, слѣдящую за перипетіями судьбы своей дочки. Г-жа Муратова дала такую типичную компаньонку-француженку, съ такими тонко подмѣченными жестами и интонаціями чистѣйшей французской рѣчи, что публика ни за что не хочетъ вѣрить ея русскому происхожденію. Прекрасный pendant къ ней русская приживалка изъ благородныхъ въ исполненіи г-жи Павловой, которой авторъ почти ничего не далъ и которая сама создала типъ главнымъ образомъ походкой и манерой

держаться. Даже г-жа Гзовская въ роли Вѣры превзошла самое себя и нашла не мало искреннихъ нотъ для передачи смятенныхъ переживаній молодой, но уже устойчивой души. Не забыть и дворецкаго Шапошникова—длинную, высохшую фигуру старика, исполненнаго преданности и достоинства, тугого на ухо, но прекрасно, почти незамѣтно справляющагося съ этимъ порокомъ. Выдержанный подхалимъ Чухановъ-Лужскій. Наконецъ и безцвѣтный Мухинъ ожилъ въ исполненіи г. Берсенева. Словомъ, видѣть эту пьесу на сценѣ москвичей—настоящая радость.

Вотъ впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ новыхъ постановокъ Московскаго Художественнаго Театра. Не могу сказать, чтобы я былъ удовлетворенъ въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ въ этихъ постановкахъ. Наоборотъ, многое въ нихъ мнѣ кажется стоящимъ ниже того уровня требовательности, который воспитанъ въ насъ тѣмъ же Художественнымъ Театромъ. Но вѣдь должны же мы понимать, что этотъ театръ есть наша армія, наши единокровные, которые бьются за завоеваніе новыхъ эстетическихъ цѣнностей—въ концѣ концовъ для насъ же, что всякая ихъ побѣда—наша общая побѣда и общая радость, что ихъ изнеможеніе — наше общее горе, общая утрата. Какъ же мы равнодушіемъ, болѣе того—недоброжелательствомъ наносимъ имъ ударъ въ спину? Да вѣдь это же просто неразсчетливо, это значитъ самимъ себя грабить, у самихъ себя отнимать свѣтлыя и радостныя надежды, захлопывать двери въ чудный храмъ художественнаго восторга, очищающаго и возвышающаго душу. Помогать имъ надо всѣмъ, чѣмъ мы, зрители, можемъ,—нашей любовью, солидарностью съ ними, тѣмъ, что удесятеряетъ силы всякаго общественнаго дѣятеля и позволяетъ ему реализовать всѣ обѣтованія, заложенныя въ него щедрой природой на благо и на потребу всѣмъ алчущимъ и жаждущимъ. И это тѣмъ легче для насъ, тѣмъ справедливѣе, что стоитъ только отрѣшиться отъ пристрастія къ доморощенному снобизму, какъ въ глаза ярко ударитъ то цѣнное и замѣчательное, чѣмъ такъ богаты всѣ постановки московскихъ художниковъ.

С. Адріановъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Москва. Кн-во Н. Ф. Некрасова. 1912. Ц. 60 коп.

«Опытъ» г-жи Шаховской дать біографію В. Г. Короленки заслуживаетъ большой признательности. Короленко не только крупный писатель, но и человѣкъ, окруженный самыми широкими симпатіями, причемъ замѣчательна и исключительна въ нашемъ обществѣ, — при свойственной ему склонности возносить человѣка на головокружительную высоту, чтобъ потомъ быстро отъ него отвернуться,—прочность этихъ симпатій. Созданы онѣ всѣмъ жизненнымъ, человѣческимъ образомъ писателя, а не только его литературнымъ талантомъ, и потому біографія Короленка представляетъ чрезвычайно благодарный матеріалъ. Авторъ «опыта» весьма внимательно отнесся къ своей задачѣ, собралъ много данныхъ, и книжка читается съ живымъ интересомъ. Въ первой половинѣ жизни Короленки много типическаго для судебъ русской интеллигенціи, и это типическое выступаетъ непреднамѣренно въ книжкѣ, въ разсказѣ, основанномъ на воспроизведеніи содержанія основательно всѣми забытыхъ раннихъ произведеній и статей Короленко. Типичны напр., его ссылки, неизвѣстно за что и почему, и особенно характерна исторія ссылки въ Якутскую область. Не точный разсказъ объ этомъ у Кеннана исправляется въ книжкѣ г-жи Шаховской. Короленко былъ отправленъ въ Якутскую область не за отказъ отъ присяги въ вѣрноподданничествѣ императору Александру III, но за отказъ въ принесеніи присяги вторичной. В. Г., жившій въ то время въ Перми, какъ служащій въ управленіи желѣзной дороги участвовалъ въ общей коллективной присягѣ, принесенной желѣзнодорожными служащими. Но отъ него, какъ и отъ многихъ административныхъ ссыльныхъ, потребовали еще особливой отдѣльной присяги, на что онъ и отвѣтилъ, что не считаетъ себя вѣрноподданнымъ болѣе, чѣмъ другіе, и отъ вторичной присяги отказывается. Будучи совершенно личнымъ дѣломъ, а не какимъ-либо коллективнымъ выступленіемъ, отказъ этотъ, вызванный нелѣпымъ или злостнымъ усердіемъ не былъ ни предусмотрѣнъ, ни предуготовленъ заранѣе, но тѣмъ не менѣе былъ принятъ, какъ зловреднѣйшая демонстрація, достаточная для отправки виновнаго въ гиблые улусы Якутской области. Если мы вспомнимъ, что вторичной при-

сяги «Московскія Вѣдомости» въ свое время требовали и отъ либеральныхъ газетъ и журналовъ, то самый фактъ пріобрѣтаетъ смыслъ довольно широкій. Въ общемъ въ разсказѣ г-жи Шаховской рельефно выступаетъ личность Короленки съ присущей ей силою любви къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и силою живого нравственнаго чувства, столько разъ дѣлавшею Короленко героемъ партизанской войны за справедливость. «Нормативная натура», по удачному опредѣленію г. Овсянико-Куликовскаго, Короленко и искусство сдѣлалъ лирическимъ орудіемъ въ борьбѣ за справедливость. «Любовью къ живому и индивидуальному, къ конкретному и близкому опредѣлился оригинальный характеръ его творчества. Употребляя свой художественный талантъ на службу дѣламъ жизни, онъ самую жизнь дѣлалъ предметомъ искусства» (157). Присоединяясь въ общемъ къ опредѣленіямъ личности и таланта Короленко, даннымъ въ этой книжкѣ, приходится отмѣтить кое-какіе пробѣлы и промахи, которые слѣдовало бы устранить. Въ числѣ литературныхъ вліяній на творчество Короленко не указанъ Диккенсъ, а вліянію польской литературы отведено, кажется, недостаточно мѣста, вопреки указанной еще г. Мережковскимъ близости Короленко къ школѣ польскихъ беллетристовъ (на стр. 69 цитируется Мережковскій, но авторъ проходитъ мимо этого указанія). Можетъ быть, недостаточно освѣщена одна изъ основныхъ чертъ литературной и житейской физіономіи Короленко—его всегдашнее тяготѣніе, въ наши дни исполински растущей городской культуры съ ея утонченностями и въ то же время жестокостью, къ стихійной простотѣ и несложности жизни идиллической, мягкой и созерцательной, вообще къ жизни близкой къ природѣ, деревенской, мелко провинціальной. Упущена изъ виду и такая особенность творчества Короленко, какъ почти полное его равнодушіе къ вопросамъ и темамъ, искони занимавшимъ всѣхъ беллетристовъ и лириковъ, половой любви. Кое-какіе пробѣлы имѣются въ указателѣ, впрочемъ весьма цѣнномъ, произведеній Короленко, напр., не указаны «Пріемышъ» и «Фабрика смерти», два беллетристическихъ наброска, изъ которыхъ первый неоднократно переиздавался брошюрой для народнаго чтенія, а второй, помѣщенный въ девяностыхъ годахъ въ «Самарской газетѣ», изображаетъ свиную бойню въ Чикаго. Не указано также извѣстнѣйшее стихотвореніе въ прозѣ «Огни».

Ч. В-скій.

— Э. Дюркгеймъ. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Пер. съ франц. А. Ильинскаго, подъ ред. В. Базарова; съ предисловіемъ и библіогр. указателемъ русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. Гордона. Изд. Н. П. Карбасникова СПБ. 1912. цѣна 3 р. 50 к.

Книга Дюркгейма о самоубійствѣ написана въ духѣ того соціологическаго объективизма, который знаменитый французскій ученый настойчиво развиваетъ въ теченіе 20 лѣтъ и который проходитъ красной нитью черезъ всѣ его произведенія, начиная съ крупнѣйшей работы объ «общественномъ раздѣленіи труда» и кончая хотя бы небольшой рѣчью на болонскомъ философскомъ конгрессѣ о «валорныхъ сужденіяхъ». Самоубійство, согласно Дюркгейму, явленіе соціальнаго порядка, и это лучше всего доказывается соціальной нормой числа самоубійствъ, существующей для всякаго общества въ опредѣленный моментъ его исторіи и превосходящей своимъ постоянствомъ норму общей смертности. Поэтому источникомъ самоубійствъ не могутъ быть внѣ-соціальные факторы, какъ раса, космическія вліянія и пр. Въ цѣломъ рядѣ главъ, составляющихъ книгу I разсматриваемаго произведенія, Дюркгеймъ доказываетъ отсутствіе зависимости между самоубійствомъ и внѣ-соціальными моментами. Во второй книгѣ Дюркгеймъ устанавливаетъ три основныхъ типа самоубійствъ: 1) самоубійство эгоистическое, 2) альтруистическое и 3) аномичное. Первое имѣетъ своей причиной чрезмѣрный ростъ индивидуализма. Параллельно съ уменьшеніемъ интеграціи соціальныхъ группъ и ослабленіемъ связей между индивидомъ и обществомъ, доказываетъ Дюркгеймъ, возростаетъ и число самоубійствъ. Протестанты даютъ большій процентъ самоубійствъ, чѣмъ католики и особенно евреи; холостые—большій, чѣмъ семейные. Иммунитетъ католиковъ (и евреевъ) въ первомъ случаѣ создается менѣе индивидуалистической, болѣе плотной соціальной средой католицизма и іудейства; иммунитетъ семейныхъ лицъ — вліяніемъ духа того маленькаго общества, какимъ является семья. Той же причиной—временнымъ усиленіемъ интеграціи общества—объясняетъ Дюркгеймъ уменьшеніе числа самоубійствъ въ эпохи политическихъ и національныхъ кризисовъ (революціи, національныя войны).

Къ альтруистическимъ самоубійствамъ Дюркгеймъ относитъ встрѣчающіяся въ первобытныхъ обществахъ явленія самоубійства людей престарѣлыхъ или больныхъ, самоубійства женъ послѣ мужей, рабовъ послѣ смерти хозяина и пр., а также самоубійства въ европейскихъ арміяхъ (въ современныхъ арміяхъ, въ ихъ структурѣ и духѣ, сохранилось согласно французскому соціологу — больше всего чертъ первобытныхъ обществъ). По своей природѣ альтруистическое самоубійство противоположно эгоистическому, такъ какъ оно вызы-

вается недостаточнымъ развитіемъ индивидуализма.—Наконецъ, аномичное самоубійство имѣетъ своимъ источникомъ общественную аномію, дезорганизацію (ростъ числа самоубійствъ подъ вліяніемъ экономическихъ кризисовъ; параллелизмъ между разводами и самоубійствами: брачная аномія).

Такимъ образомъ самоубійства зависятъ отъ соціальныхъ факторовъ. Пока они не превосходятъ нѣкоторой нормы, они не представляютъ ничего болѣзненнаго (это та же идея, которую Дюркгеймъ развиваетъ въ примѣненіи къ проблемѣ преступности въ «Правилахъ соціологическаго метода» и въ книгѣ о «Раздѣленіи труда»). Но процентъ самоубійствъ въ современныхъ европейскихъ обществахъ является уже признакомъ патологическаго состоянія. Чтобы бороться съ этимъ, надо дѣйствовать не палліативами, а воздѣйствовать на самыя причины, порождающія самоубійства. Надо сдѣлать болѣе сплоченными группы, окружающія индивиды. Ни политическое общество, далекое отъ индивида, ни религіозное общество съ его нетерпимостью и догматизмомъ, ни семья, постепенно сводящаяся къ брачной парѣ, не въ силахъ создать необходимаго повышенія соціальной интеграціи. Роль эта, по мнѣнію Дюркгейма, должна достаться профессіональной группѣ (какъ и въ случаѣ проблемы раздѣленія труда; см. книгу «Объ общественномъ раздѣленіи труда», въ концѣ).

Въ краткой замѣткѣ, разумѣется, не передать всего того богатства мыслей, психологическихъ анализовъ и остроумныхъ сопоставленій, которые имѣются, можетъ быть, въ односторонней, но замѣчательной книгѣ французскаго изслѣдователя.

П. Юшкевичъ.

— D-r H. Iordan. Die Lebenserscheinungen und der Naturphilosophische Monismus. Leipzig. 1911.

Съ появленіемъ знаменитой книги «Die Welträtsel» Эрнста Геккеля народилась огромная литература о монизмѣ и затрагиваемыхъ имъ проблемахъ. Но такъ какъ проблемы эти еще слишкомъ животрепещущи и слишкомъ близко соприкасаются съ областями, имѣющими съ наукой весьма мало общаго, то значительная часть литературы о монизмѣ носитъ полемическій характеръ; научные же трактаты, имѣющіе къ нему отношеніе, доступны для лицъ, которыя уже болѣе или менѣе близко знакомы съ біологіей. Книга прив.-доц. Тюбингенскаго университета Іордана представляетъ попытку дать сжатый критическій обзоръ всѣхъ затрагиваемыхъ монистиче-

ской литературой вопросовъ. Авторъ стремится прежде всего придать своему труду характеръ безпристрастнаго анализа всѣхъ фактовъ, говорящихъ какъ за, такъ и противъ каждаго дискутируемаго вопроса, и приводитъ параллельно мнѣнія монистовъ и противниковъ монизма, придерживаясь по возможности историческаго порядка. При этомъ особенное вниманіе обращается на труды. Э. Геккеля, Ламарка и Дарвина. Затѣмъ уже Іорданъ подвергаетъ критическому обсужденію вопросы о первичномъ зарожденіи, объ эволюціи вообще и человѣка въ частности, о дарвинизмѣ, неоламаркизмѣ и въ заключеніе о сознаніи и мысли, какъ функціяхъ мозга. При этомъ обзоръ отмѣчаетъ все то, что по даннымъ вопросамъ можно считать доказаннымъ, что еще представляется проблематичнымъ и какіе дальнѣйшіе вопросы ждутъ своего разрѣшенія. Такимъ образомъ книга I. представляетъ собою какъ бы резюме всей полемики, вызванной книгой Геккеля, и даетъ достаточное знакомство съ предметомъ всякому, интересующемуся монизмомъ какъ философскимъ ученіемъ.

— Л. Мамлокъ. Стереохимія. Ученіе о пространственномъ расположеніи атомовъ въ молекулѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Съ 58 рис. въ текстѣ. Одесса, 1911. Ц. 1 р. 20 к.

Въ наше время быстраго развитія естественно-историческаго знанія, иногда одна область какой-либо науки, кажущаяся узко спеціальной, получаетъ большое значеніе для другихъ наукъ, имѣющихъ съ нею на первый взглядъ очень мало общаго. Къ числу такихъ областей и принадлежитъ стереохимія,—ученіе о конфигураціи и положеніи атомовъ въ пространствѣ,—ведущая свое начало съ классическихъ изслѣдованій Пастера. Въ началѣ она была лишь отраслью органической химіи, но затѣмъ постепенно завоевала значительное мѣсто въ органической, а частью и въ неорганической химіи и стала интересовать и физиковъ, и математиковъ. Но примѣненіе законовъ стереохиміи неожиданно получило большое вліяніе и въ совершенно иной области—именно въ ученіи объ иммунитетѣ, гдѣ проявилось въ видѣ знаменитой теоріи боковыхъ цѣпей Эрлиха, подготовившей почву для химіотерапіи и нашедшей практическое примѣненіе въ Сальварсанѣ и въ опытахъ Вассермана надъ ракомъ у мышей. Съ другой стороны стереохимія пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе и для біологіи, такъ какъ примѣненіе ея законовъ подготовляетъ новое направленіе въ біологіи, именно ученіе о химической специфичности организмовъ: химизъ каждаго вида выражается въ свойственномъ ему специфическомъ располо-

женіи атомовъ составляющихъ его веществъ, такъ что при образованіи новаго вида первоначально должно произойти измѣненіе въ стереохимической структурѣ живого вещества. Ученіе объ эволюціи получаетъ такимъ образомъ болѣе глубокій смыслъ и химическую основу, позволяющую болѣе или менѣе разобраться въ сложныхъ вопросахъ наслѣдственности и появленія новыхъ признаковъ. Въ виду такого вліянія, какое стереохимія получаетъ въ вопросахъ біологіи и медицины, весьма желательна большая популяризація ея среди біологовъ и врачей. Въ большинствѣ случаевъ, однако, ознакомиться съ ея законами можно было только въ спеціальныхъ трактатахъ по химіи. Книга Мамлока представляетъ интересъ именно въ томъ отношеніи, что являясь научнымъ трактатомъ по всей области чистой стереохиміи, она въ то же время даетъ возможность и не химику легко ознакомиться съ основными законами этой столь важной новой науки, теряющей прежній характеръ отдѣльной главы одной лишь химіи.

А. Щ.

— Atlas de Finlande 1910. Helsingfors. 1911. Fennia. 30. Bulletin de la Société de Géographie de Finlande. Atlas de Finlande 1910. Texte. I. Nature. II Population et Civilisation. Helsingfors. 1911.

Указанное литературное предпріятіе мѣстнаго географическаго общества можно разсматривать и какъ сводку того, что сдѣлано Финляндіей для самопознанія, и какъ сборникъ матеріаловъ для сужденія о естественныхъ рессурсахъ и соціальныхъ результатахъ культурнаго развитія страны.

Атласъ Финляндіи выходитъ уже вторымъ, значительно дополненнымъ изданіемъ: первое его изданіе относится къ 1899 г. Все это изданіе состоитъ изъ собственно атласа, со множествомъ прекрасно выполненныхъ картограммъ и діаграммъ, и двухъ объемистыхъ томовъ текста, въ составленіи коего принимаютъ участіе видные ученые и общественные дѣятели Финляндіи. Одинъ томъ посвященъ природѣ Финляндіи; другой—ея населенію и «цивилизаціи». Наибольшій научный интересъ имѣетъ первый томъ, трактующій о природѣ Финляндіи, потому что въ Финляндіи, какъ и въ другихъ странахъ, научному изслѣдованію раньше стали подвергаться естественныя условія страны, и потому, что дѣло изученія соціальныхъ отношеній въ Финляндіи только что начинается, и массовая регистрація явленій ея соціальной жизни еще далеко не совершенны.

Первый томъ открывается краткимъ очеркомъ политической

и административной организаціи Финляндіи, за которымъ слѣдуетъ рядъ статей, посвященныхъ географіи, геологіи, метеорологіи, флорѣ и фаунѣ страны. Статьи эти знакомятъ читателя не только съ современнымъ состояніемъ данной отрасли знаній, но и съ организаціей наблюденій природы Финляндіи и исторіей успѣховъ ея изученія. По понятнымъ причинамъ, особенно много мѣста отведено въ первомъ томѣ морю, составляющему самую длинную границу Финляндіи и озерамъ, украшающимъ и обогащающимъ двигательной силой и рыбой эту страну «тысячи озеръ», въ дѣйствительности имѣющую болѣе 35 тысячъ этихъ водныхъ скопленій. Очерки по гидрографіи Финляндіи имѣютъ важное значеніе и въ практическомъ, и въ научномъ отношеніяхъ. Но въ данномъ изданіи находятся статьи исключительно научнаго характера, предметъ которыхъ къ тому же распространяется далеко за предѣлы Финляндіи. Такова напр. большая работа пр. Sederholm'a «Fennoscandia», посвященная геологической исторіи скалистой области, охватывающей Скандинавскій полуостровъ, Финляндію и русскую Карелію, интересной въ томъ отношеніи, что здѣсь лучше чѣмъ въ аналогичныхъ мѣстностяхъ материка сохранились слѣды нѣкоторыхъ геологическихъ превращеній.

Исключительно научное значеніе имѣютъ и нѣкоторыя статьи второго тома: о находкахъ доисторическаго человѣка, историческихъ картахъ, фольклорѣ Финляндіи и др. Но большая часть этого тома соприкасается прямо или косвенно съ практическими вопросами современности, обнимая демографію, экономику (вмѣстѣ съ путями сообщенія, кооперацією и т. п.), народное образованіе, избирательную систему Финляндіи, и заключая историческій очеркъ городовъ и современнаго ихъ состоянія, а въ атласѣ—планы городовъ Финляндіи и ихъ окрестностей. Историческія справки приводятся, впрочемъ, и при изложеніи этихъ же предметовъ, составляющихъ содержаніе даннаго тома. Существеннѣйшую часть послѣдняго должно бы представлять изслѣдованіе производительности и занятій населенія. И мы, дѣйствительно, получаемъ изъ него довольно ясное понятіе о главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности Финляндіи и основаніяхъ (внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ сбыта), на которыхъ онѣ покоятся. Нельзя того же сказать о занятіяхъ населенія, если не довольствоваться общими соображеніями, а требовать болѣе или менѣе точнаго числоваго учета. Современная статистика Финляндіи не даетъ, напр., отвѣта хотя бы на вопросъ, какое число лицъ прилагаетъ свои силы въ двухъ главнѣйшихъ промышленныхъ отрасляхъ ея: сельскомъ хозяйствѣ и лѣсномъ промыслѣ. Дѣло въ томъ, что въ Финляндіи не примѣняются до сихъ поръ всеобщія переписи не

только промышленности и профессій, но и населенія, и данныя о профессіяхъ и занятіяхъ почерпаются изъ регистраціи духовенства (которое здѣсь, какъ и въ Швеціи, ведетъ общіе списки населеній), изъ податныхъ списковъ и вѣдомостей, представляемыхъ хозяевами фабрикъ и заводовъ. Спеціальному же изслѣдованію подвергнута была лишь область аграрныхъ отношеній, и то не по общимъ экономическимъ соображеніямъ, а вслѣдствіе остраго состоянія аграрнаго вопроса. Перепись сельскаго населенія, землевладѣнія и скотоводства произведена была въ 1901 г. коммунальными властями; за единицу регистраціи принято было домашнее хозяйство, и такъ какъ прислуга и временные рабочіе не имѣютъ собственнаго стола, а получаютъ таковой отъ нанимателя, то они и зачислены въ хозяйство послѣдняго.

Согласно этому изслѣдованію сельское населеніе Финляндіи состоитъ изъ 2.170 тыс. человѣкъ, группирующихся въ 478 тысячъ хозяйствъ, 1.547 тысячъ душъ, т. е. 71% сельскаго населенія входятъ въ составъ 291 тыс. земледѣльческихъ хозяйствъ, въ числѣ коихъ 152 тысячъ составляли самостоятельныя земледѣльческія хозяйства, а 139 тысячъ—принадлежали земледѣльческимъ рабочимъ, имѣющимъ собственное хозяйство и въ большинствѣ случаевъ дополняющихъ доходъ отъ главнаго (наемнаго) заработка обработкой за свой счетъ клочка чужой земли. Эксплоатировали за свой счетъ землю всего 271 тыс. хозяевъ, изъ нихъ работали на своей землѣ 111 тыс. и на арендованной — 161 тыс. хозяевъ. По величинѣ площади обрабатываемой земли эти хозяйства распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: около 40% хозяевъ обрабатывали менѣе 3 гектаровъ каждый ($2^3/_4$ десятинъ), и вся эксплоатируемая ими площадь (96 тыс. гект.) составляла лишь $3^1/_3$% площади всей культурной земли; около 30% хозяйствъ колебались въ предѣлахъ 3—10 гектаровъ, около 20% въ предѣлахъ 10—25 гектаровъ. Въ Финляндіи насчитывается 119 тыс. собственниковъ, владѣющихъ 20 мил. гектаровъ земли. Мелкіе собственники (до 50-ти гект.) составляютъ 26% всѣхъ владѣльцевъ, а принадлежитъ имъ лишь 4,4% общей площади земли; около $^1/_5$ этой площади (3,5 мил. гектаровъ) находится во владѣніи 1714-ти лицъ, и среднее владѣніе этой, наиболѣе крупной группы собственниковъ превышаетъ 2.000 гектаровъ. Таковъ въ общихъ чертахъ аграрный строй въ Финляндіи. Но если перепись 1901 г., вызванная острымъ состояніемъ вопроса о такъ называемыхъ торпаряхъ (земледѣльческихъ рабочихъ, получающихъ, кромѣ заработной платы, небольшую площадь земли), собрала болѣе или менѣе точныя данныя объ аграрныхъ отношеніяхъ Финляндіи, то она не дала отвѣта на вопросы о числѣ лицъ, занимаю-

щихся сельскимъ хозяйствомъ и о дополнительныхъ занятіяхъ землевладѣльцевъ (вопросъ, имѣющій особенно важное значеніе вслѣдствіе длинной зимы), о вознагражденіи за трудъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и т. п. Эта послѣдняя сторона вопроса о торпаряхъ, равно какъ и рабочій вопросъ въ индустріи повидимому мало еще безпокоитъ финляндское правительство, и въ разсматриваемомъ нами изданіи географическаго общества не находится свѣдѣній о положеніи рабочаго класса, хотя заработная плата напр. или продолжительность рабочаго дня поддаются точному числовому учету.

Несмотря на эти недочеты французскій текстъ къ Атласу Финляндіи имѣетъ большой для насъ интересъ, облегчая знакомство съ тѣсно связанной съ нами, но мало еще извѣстной намъ страной, и содѣйствуя уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, составляющихъ злобу нашего экономическаго быта, какъ напр., вопроса о достиженіи національнаго богатства и народнаго благосостоянія въ странѣ съ краткимъ періодомъ земледѣльческихъ работъ и господствомъ сельскохозяйственнаго промысла. Будемъ надѣяться, что русскіе экономисты не оставятъ безъ вниманія новое изданіе финляндскаго географическаго общества.

— Х. М. Лебедь-Юрчикъ. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности. Ямполь. 1912.

Данная работа г. Лебедь-Юрчика посвящена подробной разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, разсматривавшихся въ болѣе общихъ чертахъ въ другомъ трудѣ автора («Сахарная промышленность въ Россіи»), о которомъ въ свое время сообщалось въ нашемъ журналѣ. Вопросы эти—распредѣленіе дохода сахарной промышленности между казной, предпринимателями, служащими и рабочими и оплата труда правленія, администраціи заводовъ, мастеровыхъ и чернорабочихъ за десятилѣтіе $189^{8}/_{9}$—$190^{7}/_{8}$ гг. Чтобы достигнуть данной степени деталиціи вопросовъ нужно было использовать массу не только печатнаго, но и мало доступнаго рукописнаго матеріала. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что объектомъ изслѣдованій г. Лебедь-Юрчика были всего 15 сахарныхъ заводовъ, а для нѣкоторыхъ вопросовъ ему служили данныя лишь 2—6-ти заводовъ. Но и въ такихъ узкихъ границахъ изслѣдованія автору пришлось оперировать почти съ двумя тысячами отдѣльныхъ документовъ (отчетовъ-протоколовъ общихъ собраній акціонеровъ, счетовъ изъ бухгалтерскихъ книгъ заводовъ, табелей о заработной платѣ, дѣлъ казенной палаты и т. п.). Авторъ утверждаетъ, что оперированіе надъ данными,

касающимися небольшого числа заводовъ, не лишаетъ общаго значенія полученные выводы, потому что экономическія условія всѣхъ заводовъ почти одинаковы. Но намъ кажется, что это слѣдовало бы подтверждать сравненіемъ хотя бы нѣкоторыхъ среднихъ даннаго изслѣдованія со средними для всей сахарной промышленности, равно какъ и дать объясненіе, почему авторъ остановился на тѣхъ, а не другихъ заводахъ, и въ какой губерніи и уѣздѣ таковые находятся. Интересъ такихъ, рѣдко у насъ затрагиваемыхъ темъ, какъ распредѣленіе между классами дохода капиталистической промышленности, настолько, однако, значителенъ, что можно принять не иначе, какъ съ благодарностью даже не полное его изслѣдованіе. Отсылая читателя за подробностями къ самой книгѣ, мы приведемъ здѣсь изъ нея лишь нѣсколько характерныхъ цифръ. За десятилѣтіе $189^8/_9$—$190^7/_8$ гг. предприниматели получили въ свою пользу 60% валового дохода (за вычетомъ стоимости матеріальныхъ средствъ производства), казна 12%, служащіе 11% и рабочіе 17%. Доля предпринимателей, какъ видите, превосходитъ сумму долей всѣхъ прочихъ участниковъ въ доходѣ сахарной промышленности; и она сдѣлается почти равной этой суммѣ, если изъ нея перенести въ долю служащихъ вознагражденіе директоровъ правленія (избираемыхъ изъ акціонеровъ), изъ коихъ только директоръ-распорядитель принимаетъ активное участіе въ управленіи заводомъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что распредѣленіе дохода сахарной промышленности съ теченіемъ времени измѣняется не въ пользу предпринимателей; а именно, во второе пятилѣтіе доля послѣднихъ съ 63% понизилась до 57%, тогда какъ доля казны повысилась съ 10,5 до 13%, служащихъ съ 9,6 до 11,9% и рабочихъ съ 16,6 до 17,6%. Доля предпринимателей относительно уменьшилась, такимъ образомъ, на 10%, доля казны увеличилась на 25%, доля служащихъ возросла на 13%, и доля рабочихъ—лишь на 6%. Увеличилась за разсматриваемое десятилѣтіе и оплата труда одного служащаго и рабочаго, каковому заключенію автора относительно служащихъ (кромѣ директоровъ заводовъ) противорѣчитъ впрочемъ фактъ, что число служащихъ возросло отъ одного пятилѣтія къ другому на 13%, а сумма ихъ жалованья—на 10% (с. 27,31).

— Ив. Шмелевъ. Разсказы т. II. Спб. 1912 г. Изд. Т-ва писателей.

Разсказы, помѣщенные въ этой книжкѣ, слабѣе обратившаго на себя общее вниманіе «Человѣка изъ ресторана». Очевидно, они—болѣе ранняго происхожденія. Но все же и это раннее творчество съ достаточной ясностью говоритъ о свѣжемъ и привлекательномъ та-

лантѣ автора, о его своеобразной индивидуальности. Эти разсказы интересны, какъ ростки творчества, какъ едва намѣтившіеся контуры писательской физіономіи г. Шмелева. Матеріалъ ихъ разнообразенъ, даже пестръ. Авторъ ни на чемъ не сосредоточиваетъ своего вниманія на долго. Его влечетъ къ себѣ весь широкій, большой міръ, и онъ бросается изъ одной области въ другую. Тутъ и бурныя событія революціи, и національно-русская психологія, и интеллигенты, и крымскій пряный ландшафтъ съ общимъ восточнымъ колоритомъ, и глухія «норы» нашей провинціальной жизни.

Однако, среди пестрыхъ, разнообразныхъ темъ г. Шмелева преобладаютъ двѣ: природа и человѣкъ. Жуткій, обостренный интересъ къ нимъ особенно сильно звучитъ у автора въ лучшемъ изъ его разсказовъ: «Подъ небомъ». Переживанія героя среди вольной природы очень напоминаютъ соотвѣтственныя настроенія героевъ и другого молодого писателя—Пришвина. Родство этихъ писателей тутъ прямо бросается въ глаза. И оно очень цѣнно. Оно показываетъ, что эти два талантливыхъ беллетриста—одинъ, можетъ быть, постарше, другой помоложе — не случайные авторы, диллетанты, а подлинные выразители накопившихся въ нашей жизни настроеній, русской психологіи и русской стихіи. Какъ и у Пришвина, у г. Шмелева чувствуется большая, захватывающая его любовь къ землѣ, къ природѣ и грусть о культурномъ человѣкѣ, который отъ нея оторвался. Такъ же, какъ и Пришвинъ, онъ любитъ противопоставлять этого человѣка другому—первобытному, наивному. Очень обаятеленъ въ его разсказѣ образъ охотника Дроби, съ его настойчивыми моральными запросами, близостью къ природѣ и вѣрой въ то, что ея чудесами обновится міръ, добудется «правда» для всѣхъ. «Конечно, — задумчиво говоритъ Дробь:—маленькій я человѣкъ, такъ себя я понимаю. Но вѣдь для чего же нибудь создалъ меня Творецъ? И жукъ имѣетъ себѣ мѣсто и все таки удовольствіе... И комаръ имѣетъ. Ишь ихъ сколько! Для чего-нибудь и они. А я все же — по образу и подобію... Такъ неужели же для одной скорби и горя? А сколько я перевидалъ! И сталъ я себя пытать. Уйдешь, бывало, въ лѣсъ, — на волѣ-то лучше мысли играютъ—заночуешь. Костеръ разведешь... Сидишь въ тишинѣ лѣсной и думаешь: Господи! Для чего такъ много горя? И для чего массы людей въ недостаткѣ и бѣдствіяхъ, а самое малое количество въ изобиліи? И сталъ я такъ располагать, что это не такъ все... Но не могу дойти до самой сути». Общественная окраска наивныхъ людей земли у г. Шмелева нѣсколько отличаетъ ихъ отъ родственныхъ имъ героевъ Пришвина. Въ раннихъ произведеніяхъ г. Шмелева, вообще, довольно обильно разсѣяны тѣ

протестантскіе штрихи, изъ которыхъ впослѣдствіи выросъ его интересный и яркій, хотя немножко тенденціозный «Человѣкъ изъ ресторана». За то интеллигентъ у Шмелева столь же безсиленъ удовлетворить любопытство простодушнаго человѣка, какъ и у Пришвина. «Что я могъ сказать? И что я знаю? А онъ смотрѣлъ въ глаза, жадно смотрѣлъ и ждалъ. И какъ будто чего-то боялся. Но что же я могъ сказать? Сказать, что и я хочу, хочу, чтобы пришло оно, далекое, далекое... то укрытое невѣдомо гдѣ царство правды, когда слезы обратятся въ камни самоцвѣтные... Какими силами и какими путями? Что я знаю? И что могъ я сказать ему? Сказать, что нечего ждать вертограда?» Наивный человѣкъ понялъ его скептицизмъ по его взгляду, но въ сущности, онъ и не нуждался въ подтвержденіи своей «вѣры» интеллигентомъ. Эта вѣра въ благость жизни, въ побѣду добра черпается имъ непосредственно изъ самой жизни. И ей завидуетъ головной оторвавшійся отъ природы интеллигентъ. Онъ завидуетъ божьей коровкѣ,—всему, что близко природѣ, радъ чувствовать себя хотя бы «ея ничтожнымъ кусочкомъ, червемъ, и вѣткой осинки, и каплей росы, и мхомъ, и трещинкой на старомъ пнѣ, и струйкой янтарной смолы, играющей душистымъ яхонтомъ». Основное настроеніе этого разсказа сближаетъ Шмелева не только съ Пришвинымъ, но и съ В. Вересаевымъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ, особенно въ его превосходной повѣсти: «Къ жизни».

Общій недостатокъ всѣхъ разсказовъ г. Шмелева, помѣщенныхъ во второмъ томѣ, тотъ, что они растянуты и незаконченны. Нѣтъ въ нихъ компактности, нѣтъ той стройности и продуманности которая такъ подкупаетъ въ «Человѣкѣ изъ ресторана» и дѣлаетъ этотъ разсказъ художественно убѣдительнымъ.

— Верхоустинскій. Разсказы т. I. Изд. Т-ва писателей. Спб. 1912 г.

Волга, кажется, подарила намъ еще одного интереснаго писателя, воспѣвающаго ея просторъ и связанную съ ней ширь русской души. Но это писатель пока очень молодой и незрѣлый. Можетъ быть, ему, просто, рано еще было издаваться, особенно выпускать «томъ I»... Каждый изъ разсказовъ г. Верхоустинскаго говоритъ о его даровитости, но собранные вмѣстѣ его разсказы обнаруживаютъ слабыя стороны автора: его неумѣлость и молодую претенціозность.

Въ темахъ и настроеніяхъ у г. Верхоустинскаго есть общее со многими изъ современныхъ «новыхъ» писателей, напр. со Шмелевымъ; но онъ гораздо моложе и, пока, слабѣе Шмелева. Сюжетъ

часто господствуетъ надъ нимъ, матеріалъ кажется сырымъ, малообработаннымъ; разсказъ неровенъ и слишкомъ нервенъ, иногда подѣтски капризенъ. По всей вѣроятности, самъ авторъ эту капризность съ истеричнымъ оттѣнкомъ принимаетъ за своеобразіе и любитъ ею щеголять (напр. въ финалѣ разсказа «Идиллія», гдѣ, вообще, много надуманнаго и психологически неправдоподобнаго). Лучшіе разсказы у г. Верхоустинскаго тѣ, которые посвящены воспоминаніямъ дѣтства. На нихъ есть привлекательный налетъ свѣжести, непосредственности, юной мечтательности, показывающій, что авторъ еще не такъ далеко ушелъ отъ той поры, когда жизнь только начинаетъ обольщать человѣка своими сказками... Особенно хорошъ разсказъ «Лѣсное озеро». Въ немъ много чувства природы и звучитъ искреннее вдохновеніе. Природу, вообще, авторъ любитъ, а къ человѣку питаетъ модное пренебреженіе. Но его героевъ, по большей части неврастениковъ и всякихъ недоносковъ, врядъ ли можно, вслѣдъ за нимъ, признать представителями цѣлаго поколѣнія. «Проклятое время!—восклицаетъ одинъ изъ такихъ неврастениковъ, художникъ Ковалевъ: — проклятое поколѣніе — хилое, безплодное, безпомощное, лишенное вѣры въ себя и надежды, безъ всякихъ устоевъ, безъ всякихъ принциповъ».. Это высокопарное самобичеваніе кажется анахронизмомъ и гораздо больше характеризуетъ юношескую неустойчивость автора, чѣмъ его поколѣніе,

Съ внѣшней стороны разсказы г. Верхоустинскаго, мѣстами, очень ярки. Въ нихъ попадаются смѣлые талантливые штрихи, свидѣтельствующіе о томъ, что у автора есть будущее.

Е. Колтоновская.

— Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Съ 10-ю портретами и многими автографами. Издательство «Окто». Москва, 1912.

Новый, третій по счету, сборникъ писемъ Льва Толстого, составленный г. Сергѣенко, выгодно отличается отъ первыхъ двухъ. Письма сопровождены обстоятельными поясненіями о лицахъ, къ которымъ адресованы, и о поводахъ къ перепискѣ. Здѣсь собрано 260 писемъ, но нѣкоторая часть ихъ (числомъ четырнадцать, въ общей сложности около трехъ печатныхъ листовъ) исключена изъ книги по приговору московской судебной палаты, а книга изуродована вырѣзкою страницъ и страницами точекъ. Большая часть

писемъ по времени написанія относится ко второму періоду жизни Л. Н. (съ восьмидесятыхъ годовъ), и такъ же, какъ и первые два тома, сборникъ повторяетъ только то, что уже было напечатано. Интересъ новизны представляютъ приложенные къ книгѣ автографы Толстого, начиная отъ странички дѣтской тетради 1835 года и кончая послѣдними годами жизни. Въ числѣ этихъ автографовъ имѣется листъ съ началомъ повѣсти, повидимому, конца 70-хъ годовъ, съ заглавіемъ «Мятель». «Всѣ помнятъ страшную мятель 12, 13, 14 февраля. Сотни людей замерзли. Желѣзныя дороги заплатили тысячи, чтобы расчищать и откапывать станціи, поѣзда. Эта мятель сдѣлала Петра Мякшина не только счастливымъ человѣкомъ, но человѣкомъ, чѣмъ онъ прежде не былъ». Далѣе идетъ характеристика героя. Въ этомъ отрывкѣ можно видѣть первый проблескъ замысла о нравственномъ возрожденіи человѣка, который былъ развитъ потомъ дважды —въ «Хозяинѣ и работникѣ» и въ «Воскресеніи». Автографъ письма Толстого къ Октаву Мирбо сопровождается письмомъ Мирбо: при посылкѣ Толстому своей комедіи «Les affaires sont les affaires» онъ восторженно привѣтствовалъ Л. Н., какъ своего учителя. Любопытна и черновая записка неизвѣстному французскому писателю, изъ которой видно, что разсказъ Толстого: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ», представляетъ передѣлку на русскіе нравы французскаго оригинала подъ названіемъ Père Martin. Когда «Гдѣ любовь» перевели на французскій языкъ, авторъ французскаго разсказа узналъ въ Мартынѣ Авдѣичѣ своего «Отца Мартына» и обратился со своимъ недоумѣніемъ къ Л. Н—чу. Послѣдній отвѣтилъ запиской: «Cher Monsieur. Не помню, почему я не указалъ источника, откуда мною былъ взятъ разсказъ о père Martin, который я рядъ лѣтъ тому назадъ перевелъ съ французскаго и приспособилъ къ дѣтскому чтенію. Спѣшу сдѣлать это въ отвѣтъ на ваше письмо. Левъ Толстой». Къ сожалѣнію, установить имя французскаго писателя, такъ и не удалось редактору сборника.—До ареста сборникъ былъ нѣкоторое время въ продажѣ. Сравнивая текстъ полный и урѣзанный, приходишь въ большое недоумѣніе, чѣмъ руководятся теперь судебныя власти, кромсая строки великаго писателя. Повидимому, и одно упоминаніе слова «національзація займа» ставится уже въ преступленіе при россійской «свободѣ печати». Ч. В—скій.

— Образцовый каталогъ книгъ по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. II. Городскія библіотеки. Изд. редакціи журнала «Городское Дѣло», составилъ Б. Б. Веселовскій. 1912 г. Ц. 80 к.

«Образцовый каталогъ» удовлетворяетъ несомнѣнно давно уже назрѣвшей потребности и потому нельзя не привѣтствовать его по-

явленія. Переживаемое нами время характеризуется быстрымъ ростомъ городовъ въ Россіи. Если въ процентномъ отношеніи городского населенія къ общему мы стоимъ позади всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, то по абсолютнымъ размѣрамъ его Россія занимаетъ третье (послѣ Англіи и Германіи) мѣсто, стоя впереди Франціи и Австріи.

За промежутокъ въ десять лѣтъ (съ 1900 по 1910 г.) населеніе Петербурга увеличилось на 466 тысячъ, а Москвы—на 442 тысячъ, такъ что къ концу текущаго года Петербургъ станетъ уже городомъ съ 2 милліонами жителей, а къ 1920 г. и Москва превратится въ таковой же. Чрезвычайно быстро развиваются также города Поволжья, Южной Россіи, Сибири. Съ ростомъ же городовъ неразрывно связано и усложненіе задачъ городскихъ общественныхъ управленій. Городское хозяйство перестраивается и расширяется по всѣмъ направленіямъ.

До недавняго времени земскія учрежденія были единственной школой общественной самодѣятельности; въ лицѣ третьяго элемента они образовали обширный кадръ культурныхъ работниковъ и создали цѣлую сѣть культурно-просвѣтительныхъ учрежденій (школьное, врачебное, агрономія и т. п.). Въ настоящее время, однако, положеніе дѣлъ измѣнилось: съ проникновеніемъ черносотенной политики въ земство былая слава «земскаго либерализма» померкла; культурныя начинанія подверглись разгрому, кадры земскихъ работниковъ порѣдѣли. Но рядомъ съ земской выступаетъ теперь городская культура, и на смѣну отживающаго помѣстнаго дворянства идетъ буржуазія и растетъ сила демократіи. Показателемъ духовнаго пробужденія нашихъ городовъ является устройство за послѣднее время съѣздовъ городскихъ дѣятелей, появленіе цѣлаго ряда новыхъ органовъ, издаваемыхъ городскими управленіями, проектируемое устройство Всероссійской выставки городского благоустройства, организація библіотекъ по вопросамъ городского самоуправленія и хозяйства и т. п. Повышеніе образовательнаго ценза (общаго и спеціальнаго) городскихъ дѣятелей, увеличеніе въ ихъ средѣ интеллигентныхъ силъ является, дѣйствительно, необходимымъ условіемъ для того, чтобы города могли справиться съ новыми задачами, удовлетворить новымъ запросамъ.

Первую часть настоящаго изданія составляютъ каталоги справочныхъ библіотекъ на сумму въ 50, 100, 250, 600, 1.000, 1.500 и 2.250 руб., въ зависимости отъ полноты, при чемъ въ нихъ вошли книги и брошюры какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Во II части приведена литература объ отдѣльныхъ городахъ, а въ III—помѣщены свѣдѣнія о періодическихъ

изданіяхъ. Болѣе всего пробѣловъ имѣется во II части (за исключеніемъ развѣ указателя литературы по г. Петербургу и Москвѣ), да это и понятно, ибо невозможно въ Петербургѣ имѣть свѣдѣнія о вышедшихъ на мѣстахъ сочиненіяхъ, касающихся исторіи отдѣльныхъ провинціальныхъ городовъ. Было бы желательно поэтому, чтобы редакція, при новомъ изданіи, обратилась съ соотвѣтственнымъ запросомъ къ мѣстнымъ учрежденіямъ и компетентнымъ лицамъ, или чтобы послѣднія сами взяли на себя этотъ трудъ.

Въ спискѣ періодическихъ органовъ, издаваемыхъ городскими управленіями, пропущены: «Пензенскій Городской Вѣстникъ», «Статистическія свѣдѣнія по г. Харькову», «Статистическій Ежегодникъ г. Москвы». Въ I части обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе указаній литературы по статистикѣ.

К. П.

Въ теченіе апрѣля въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аркинъ, Е. А. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Спб., 1912 г.

Ауслендеръ, Сергѣй. Разсказы. Книга II. Изд. «Аполлона». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бальтрушайтисъ, Ю. Горная тропа. Вторая книга стиховъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Беннигсенъ, А. П. графъ. Легенды и сказки Центр. Азіи. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Блокъ, Александръ. Собр. стихотв. Книга третья. Изд-во «Мусагетъ», Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Богучарскій, В. Я. А. И. Герценъ. Изд. кружка имени А. И. Герцена. Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Бродскій, Н. Л., Мельгунова, П. Е., Сивковъ, К. В. и Сидоровъ, Н. П.— Россія и Наполеонъ. Иллюстрированный сборникъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Брюсовъ, Валерій. Зеркало тѣней. Стихи 1909—1912 г. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Быкова, А. Смутное время на Руси. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. Цѣна 50 коп.

Васильева, М. Е. Записки крѣпостной дѣвки. Новгородъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Вечерній, Григорій. Іоанниты. Изд-во «Зарницы» Спб. Цѣна 20 коп.

Верхоустинскій, Б. Разсказы. Томъ I. Изд-во писателей. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Виппперъ, Р. проф. Двѣ интеллигенціи. Сборн. статей. Москва. 1912 г. Цѣна 1 р.

Вишневскій, П. И. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. Нижній-Новгородъ. 1912 г. Цѣна 40 коп.

Волжанинъ, Осипъ. Сумракъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Володовъ, Юрій. Обреченный, — разсказъ. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Вѣтринскій, Ч. Странички Герцена. Нижній-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Гагенъ, В. А. проф. Западно-европейскій бѣднякъ. Варшава, 1912 г. Цѣна 4 р.

Гаряво и Пелерье. Подвижныя игры. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Гассертъ, К. Города. Географическій этюдъ. Пер. съ нѣм. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Н. И. Коробки. Т. I. Спб., 1912 г.

Гольцовъ, П. Краткій учебникъ формакогнозіи. Тифлисъ, 1912 г. Цѣна 90 коп.

Гомеръ. Поэмы. Въ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго. Изд. т-ва А. А. Левенсонъ. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Грузенбергъ, С. О. Артуръ Шопенгауэръ. Личность, мышленіе и пониманіе. Изд. 2-е, заново переработанное. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гусевъ, Вл. Марево. Стихи. Т. II. Кіевъ. Цѣна 1 р.

Гушка, А. О. Представительныя организаціи торгово-промышленнаго класса въ Россіи. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Даниловъ, И. А. Игуменья Рахиль. Картинки монастырской жизни. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Демель, Рихардъ. Собр. соч. Томъ I. Перев. Л. Горбуновой. Кн-во К. Ф. Некрасова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Добролюбовъ, Н. А. Полное собраніе сочиненій. Т. II и V. Подъ ред. Е. В. Аничкова. Спб., 1912 г.

Дриль, Д. А. Ученіе о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею. Спб., 1912 г. Цѣна 4 р.

Ждановъ, Левъ. Въ стѣнахъ Варшавы. Т. II. Кн-во «Прометей» Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Зачиняевъ, Александръ. Букварекъ. Изд-во «Новая школа». Спб. Цѣна 8 коп.

Зеленко, В. Олина дача. Спб., 1912 г. Цѣна 20 коп.

Зенкевичъ, М. Дикая порфира. Спб., 1912 г. Цѣна 90 коп.

Иващенко, О. Воспоминанія объ англійской школѣ. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Калій. Спириты и др. юмористическіе разсказы. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Коганъ, Фейга. Моя душа. Книга стиховъ. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Кожуркинъ, Н. В. Стихотворенія и разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

Котляревскій, С. А. Юридическія предпосылки русскихъ основныхъ законовъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Корвинъ-Милевскій, И.-К. О. графъ. О реформѣ римско-католическаго духовенства въ сѣверо-зап. краѣ. Цѣна 20 коп.

Корвинъ-Милевскій, Игнатій-Карлъ Оскаровичъ графъ. Жажду справед-

ливости для угнетеннаго литовскаго дворянства. Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Ксенополь, А. Д. Понятіе «Цѣнности» въ исторіи. Пер. съ франц. Н. И. Никифорова. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Кузницкій, С. Подмосковное травосѣяніе и скотоводство. Москва, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Кузьмина-Караваева, Е. Скиѳскіе черепки. Стихи. Цехъ поэтовъ. Спб. 1912 г. Цѣна 90 к.

Лондонъ, Джекъ. Собр. соч. Т. IV. Приключенія рыбачьяго патруля. Пер. съ англ. Кн-во «Прометей». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

— Томъ V. Сынъ волка. Цѣна 1 р.

Марло, Кристоферъ. Трагическая исторія д-ра Фауста. Пер. съ англ. К. Д. Бальмонта. Кн-во К. Ф. Некрасова. Москва, 1912 г. Цѣна 80 коп.

A. Marie. Лирика. Paris. 1912 г. Складъ изданія книжный складъ «Наука». Москва. Цѣна 1 р.

Мицловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи. Вып. II и III. Новгородъ, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Митрофановъ, Л. Наумъ. Разсказъ изъ нар. жизни. Воронежъ, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Möller, Siegfr. Какъ возвратить и сохранить здоровье. Тверь, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Никольскій, Б. А. Причины колебанія курсовъ русскихъ государственныхъ бумагъ въ 1884—1904 гг. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Овечниковъ, Владиміръ. Проблемы жизни. Елецъ, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Огіенко, И. И. Словарь общеупотребительныхъ иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Огіенко, И. И. Словарь удареній въ русскомъ языкѣ и правила русскаго ударенія. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Потемкинъ, П. П. Герань. Книга стиховъ. Спб., 1912 г.

Пушкинъ, А. С. Гробовщикъ. Повѣсть. Спб., 1912 г.

— Метель. Повѣсть. Спб., 1912 г.

Рождественскій. А. Основы общей теоріи права. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Роледеръ, Г. Основы сексуальной педагогіи. Изд. журн. «Психотерапія». Москва, 1912 г. Цѣна 70 коп.

Сажинъ, И. В. д-ръ мед. Чахотка и алкоголизмъ. Спб. Цѣна 15 коп.

Синклеръ Уптонъ. Собр. соч. т. I. Испытанія любви. Кн-во «Прометей», Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Томъ II. Джунгли. Цѣна 1 р.

— Томъ III. Деньги. Цѣна 1 р.

Соловьевъ, Владиміръ. Россія и вселенская церковь. Перев. съ франц. Вл. Балашева. I и II книги. Спб. 1912 г. 1 р. 25 коп.

Стражевъ, В. И., В. В. Спасскій. Первоцвѣтъ. Хрестоматическое пособіе при изученіи теоріи словесности въ средней школѣ. Изд. А. Д. Ступина Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Тіандеръ, Л. Датско-русскія изслѣдованія. Вып. I. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Толстой, Алексѣй Н., гр. Повѣсти и разсказы. Книга II. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Трейтлейнъ, П. Методика геометріи. Часть 1-я. Изд. журн. «Обновленіе школы». Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Хвостовъ, В. М. Этика человѣческаго достоинства. Критика пессимизма и оптимизма. Москва. 1911 г. Цѣна 1 р.

Д'Удино, Ж. Искусство и жестъ. Пер. съ франц. кн. Сергѣя Волконскаго. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Универсальная библіотека. № 410. Казбекъ, Элисо и др. разсказы. Пер. съ грузинскаго. № 477. Э. Сувестръ. У камелька. Разсказы. Пер. съ франц. № 478. Т. А. Гофманъ. Щелкунчикъ и Мышиный царь. Сказка. Пер. съ нѣмецкаго. № 570. В. Жуковскій. Наль и Дамаянти. Индійская повѣсть. № 651. Э. К. Пименова. Наполеонъ I. Историко-біографическій этюдъ № 718—721. Ч. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Т. II. № 723. Д. Верга. Исторія одной малиновки. Пер. съ итальянскаго. № 728. Гюи де Мопассанъ. Иветта. № 732. К. Михаэлисъ. Опасный возрастъ. Переводъ съ датскаго. № 736—737. По Лоти. Исландскій рыбакъ. № 739—742. Ч. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Т. III.

Унковскій, Владиміръ. Месть. Повѣсть. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 10 к.

Шаховская, Н. В. Г. Короленко. Опытъ біографич. характеристики. Кн-во К. Ф. Некрасова. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Шекспиръ, В. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Томъ 2. Изд. т-ва А. А. Левенсонъ. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Шоръ, А. С. Воздухоплаваніе въ жизни. Т. III. Ч. 1. Культурно-историческое значеніе воздухоплаванія. Изд-во «Воздухоплаваніе». Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Шредеръ, О. Шведская гимнастика. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Фламмаріонъ, Камиллъ. Философскія сказки. Пер. съ франц. Р. Абельманъ. Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Флеровъ, Вс. А. Впечатлѣнія дѣтства. По воспоминаніямъ Л. Н. Толстого и Н. И. Пирогова. Кіевъ. Цѣна 35 коп.

Фрейдъ, З. Психологическіе этюды. Изд. 2-е. Москва, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Чарнолусскій, В. Вопросы народнаго образованія на первомъ общеземскомъ съѣздѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Экхартъ, Мейстеръ. Духовныя проповѣди и разсужденія. Съ нѣм. Изд-во «Мусагетъ». Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Эрикуръ, Ж. 36 заповѣдей гигіены. Пер. съ франц. Р. Абельманъ. Москва, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Юшкевичъ, П. Міровоззрѣніе и міровоззрѣнія. Очерки и характеристики. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Альманахъ «Шиповника». Книга 17. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Василій Буслаевичъ. Былина. Спб., 1912 г.

Военная энциклопедія. Т. IX. Бомбарда.—Буры минные. Спб., 1912 г.

Руководство сокольской гимнастики. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Очеркъ исторіи Спб. синодальной типографіи. Вып. I. 1711—1839 г. Спб., 1912 г.

Отчетъ инспектора сельскаго хозяйства въ Псковской губ. за 1908—1910 гг. Спб., 1912 г.

Отчеты санитарныхъ врачей Спб. губ. земства за 1910 годъ. Спб., 1912 г.

«1812 г.». Утро, посвященное памяти отечеств. войны. Изд. «Задруга». Москва. 1912 г. Цѣна 10 коп.

Pumpiansky, L. Die Kooperation und der Sozialismus in England in den 20-er und 30-er Iahren des XIX Iahrhunderts. Berlin 1912 г.

Отечественная война и русское о-во. Юбилейное изданіе. Томъ IV. Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Изд. т-ва И. Д. Сытина.

Итальянскія сказки. Пер. Маріи Андреевой, подъ ред. М. Горькаго. Изд. т-ва Левенсонъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Полный словарь иностр. словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ. Подъ ред. проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртене. 2-е изд. Москва, 1912 г. Т-во А. А. Левенсонъ. Цѣна 1 р. 50 коп.

Статистическій ежегодникъ на 1912 г. Изд. совѣта съѣздовъ предст. пром. и торг. Подъ ред. В. И. Шараго. Спб., 1912 г. Цѣна 4 р.

Mausny Abel. Le monde slave et les classiques français aux XVI—XVII siécles. Paris 1912. Prix 10 fr.

Отчетъ по геологическому изслѣдованію фосфоритовыхъ залежей. Подъ ред. проф. Як. Самойлова. Томъ Ш. Труды комиссіи моск. сельско-хоз. института. Москва. 1911 г. Цѣна 3 р. 25 к.

Статистико-эконом. изслѣдованіе грунтовыхъ дорогъ Тверской губ. Подъ ред. К. Я. Воробьева, Изд. тверск. губ. зем. упр. Тверь. 1911 г. Цѣна 2 руб.

Сборникъ Императ. русск. историч. о-ва. Томъ 136-й. Спб., 1912 г. Цѣна 3 руб,

— Томъ 137-й. Цѣна 3 руб.

Русскій біографическій словарь. Щаповъ-Юшневскій. Издав. Имп. русскимъ историч. обществомъ. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Трагедія Ленскихъ пріисковъ. — Двѣ стихіи, поглотившія «Титаника» и ленскихъ рабочихъ.—Тяжелыя условія труда и жизни ленскихъ рабочихъ.—Мирное теченіе экономической забастовки. — Жесткая неподатливость Ленскаго товарищества.—Ротмистръ Трещенковъ и призраки «политики».—«Такъ жить нельзя».

Ужасный случай на Ленскихъ пріискахъ произвелъ на всю Россію, поистинѣ, потрясающее впечатлѣніе. Жаловались за послѣдніе годы на общественную спячку, вялость, притупленную неотзывчивость, и вотъ какъ бы внезапный ураганъ потрясъ мертвый штиль русской жизни. Газеты наполнены телеграммами, статьями замѣтками; въ большихъ городахъ произведены въ видѣ протеста забастовки, демонстраціи. Но это, разумѣется, лишь видимая рябь того глубокаго, горестнаго волненія, которое охватило всѣ слои об-

щества при кошмарномъ извѣстіи о разстрѣлѣ рабочихъ на Ленскихъ пріискахъ. Свирѣпый ударъ, которымъ стегнула судьба по общественной совѣсти, прохватилъ настолько глубоко заскорузлую кору, наросшую на ней въ послѣдніе тоскливые годы, что слова негодованія засверкали даже на столбцахъ такихъ органовъ, какъ «Новое Время» и «Гражданинъ».

По силѣ впечатлѣнія съ ленскимъ событіемъ можетъ сравниться только такая ужасающая и нежданная катастрофа, которая постигла «Титаника». Ленская трагедія, конечно, ближе и больнѣе для насъ, да къ тому же насильственная смерть пришла здѣсь не отъ безчувственной стихіи, а отъ людей, которые, казалось бы, должны быть надѣлены и разумомъ, и человѣческими чувствами;— но, когда всматриваешься въ запоздалый гнѣвъ, безсильное раскаяніе и нервную, не совсѣмъ справедливую поспѣшность, съ которыми стараются найти и указать виновниковъ того и другого траурнаго событія, то чувствуешь ту невольную жуткую дрожь, которая охватила общество при обоихъ бѣдствіяхъ. Оба событія стихійны. «Титаникъ» поглощенъ подлиннымъ, реальнымъ океаномъ,— ленскіе рабочіе сдѣлались жертвой того океана безправія, который разлился отъ границъ до границъ россійскаго государства и заполнилъ шестую часть земного шара.

Гибель «Титаника» заставила похолодѣть милліоны людей отъ яркаго сознанія, что океанъ—все же океанъ и что подъ каждымъ кораблемъ, безпечно плывущимъ изъ Стараго Свѣта въ Новый, лежитъ зыбкая бездна, стерегущая всякую оплошность корабля.

Не сходнымъ ли ощущеніемъ обожгла русское общество и ленская катастрофа? Зѣвнула стихійная пасть, проглотивъ ленскихъ рабочихъ, и мгновенно напомнила, что всякое наше существованіе— личное, общественное, государственное—невѣрно качается на измѣнчивыхъ волнахъ отечественнаго океана, и особенно стережетъ бѣда тѣ утлые общественные челны, на которыхъ еще пробуютъ плыть отъ береговъ Старой Россіи къ далекимъ, желаннымъ и призрачнымъ берегамъ Новой Россіи.

Ленское событіе вновь разбередило современный болѣзненный вопросъ: «въ чемъ же сказалось измѣненіе съ тѣхъ поръ, какъ на страну палъ «конституціонный» туманъ?». Прежде была мрачная реакціонная ночь, да зато и ходить научились осторожно, ощупью, стараясь не оступиться въ капканъ или волчью яму. А вотъ, какъ забрезжило конституціонное утро и заклубились кроваво-мутные туманы, все спуталось. Утерялось различіе между тѣмъ, что «можно» и чего «нельзя». То явное беззаконіе проскальзываетъ безнаказанно, то естественный и легальный поступокъ навлекаетъ

неожиданное возмездіе, а иногда одинаковое дѣяніе въ одномъ мѣстѣ считается законнымъ, въ другомъ—беззаконнымъ. Взять для примѣра хотя бы тотъ же вопросъ объ экономическихъ стачкахъ. Подразумѣвается, что теперь онѣ «почти законны», что начальство уже пріучается смотрѣть на нихъ спокойно, не поднимая карающей руки. И дѣйствительно, кое-гдѣ экономическія стачки или забастовки проходили гладко и мирно.

Недавно въ одномъ петербургскомъ банкѣ служащіе, желая добиться повышенія вознагражденія, не только сами забастовали, но снеслись по телеграфу со всѣми отдѣленіями банка въ провинціи и добились ихъ единодушнаго присоединенія къ забастовкѣ. Директора банка посовѣщались и согласились удовлетворить требованія забастовщиковъ. Служащіе прокричали радостное «ура» и немедленно сѣли за свои конторки. Эта мирная, забастовочная идиллія, вѣроятно, заставила многія трудовыя сердца сжаться горделивымъ удовлетвореніемъ: «Не хуже у насъ теперь, чѣмъ въ Западной Европѣ». Проходили кое-гдѣ и въ провинціи забастовки съ благополучнымъ или счастливымъ результатомъ. Но были стачки и съ обратнымъ исходомъ: съ арестами, усмиреніями, избіеніями, увольненіями. Такимъ образомъ всякая новая забастовка была для постороннихъ наблюдателей или читателей газетъ своего рода занимательной лотереей: можетъ быть, выпадетъ для забастовщиковъ счастливый билетъ, а можетъ быть, несчастливый. И любопытство было вялое, лѣнивое... пока не потрясла всѣхъ кровавая ленская лотерея.

Ленская забастовка не возбудила вначалѣ ни особаго интереса, ни какого-либо безпокойства. Гдѣ-то въ глухой тайгѣ рабочіе, изнуренные тяжелыми условіями труда, предъявили скромныя требованія объ улучшеніи положенія. Требованія пока не удовлетворены. Работы на пріискахъ пріостановились. Ни тревожиться, ни ожидать большихъ событій у читателей газетъ не было основаній. Печальный опытъ послѣднихъ лѣтъ, впрочемъ, показалъ, что есть въ нашей государственной жизни одна воспаленная язва, которая не выноситъ не только прикосновенія, но даже намека, подозрѣнія на прикосновеніе. Язва эта называется «политика». Легкое касательство къ ней, и въ ослѣпленныхъ болью и яростью глазахъ власти встаютъ призраки, которые вызываютъ стремительную жестокость, а послѣ служатъ упрямымъ оправданіемъ совершеннаго...

Но какая же «политика» въ глухой тайгѣ, за тысячи верстъ отъ Петербурга, и какимъ потрясеніемъ государственныхъ основъ могла она грозить?

Изъ многочисленныхъ телеграммъ и газетныхъ корреспонденцій совершенно ясно теперь, что ленская забастовка была экономиче-

ской и въ достаточной степени мирной. Вызвана была она такими обстоятельствами. «Положеніе рабочихъ въ промыслахъ Ленскаго товарищества,—говоритъ корреспондентъ «Рѣчи»,—уже давно сдѣлалось болѣе чѣмъ скверным. Ленцы издавна пользовались среди рабочихъ большой популярностью,—во-первыхъ, какъ предпріятіе съ богатымъ содержаніемъ золота, и, во-вторыхъ, какъ организація ежовыхъ рукавицъ, мертвой петли для рабочихъ. Послѣдняя черта Ленскаго товарищества особенно ярко выразилась при переходѣ пріисковъ компаніи промышленности въ руки Ленскаго товарищества. Заработная плата быстро упала до 1 р. 20 к.—1 р. 35 коп. въ день, что при здѣшнихъ цѣнахъ на предметы первой необходимости обрекаетъ рабочихъ на нищенское существованіе. Заведены были черные списки рабочихъ, «не подлежащихъ найму на промысла товарищества», т. е. рабочихъ, обреченныхъ фактически на изгнаніе изъ края. И количество рабочихъ, попавшихъ въ эти списки, достигло громадной цифры: еще лѣтомъ 1911 года ихъ было до 700. Рабочіе при выходѣ изъ шахты подвергаются тщательному обыску, не взирая на мокрый рабочій костюмъ шахтера и на сибирскіе морозы. Систематическое выживаніе изъ тайги семейныхъ рабочихъ и пріемъ исключительно холостыхъ и безсемейныхъ, невозможныя жилищныя условія, страшная скученность и семейныхъ, и холостыхъ, чуть не вповалку въ негигіеничныхъ, невозможно грязныхъ, пропитанныхъ паразитами и зловоніемъ, полутемныхъ казармахъ-номерахъ,—все это неоднократно протоколировалось и ставилось на видъ окружными инженерами. Неравномѣрное распредѣленіе пищевыхъ продуктовъ между служащими и рабочими, грубое обращеніе съ рабочими, постоянная высокопробная ругань представителей администраціи, несомнѣнно, не могли содѣйствовать мирному житію пріисковыхъ рабочихъ. И недовольство среди нихъ росло все больше и больше».

Стачка началась 29-го февраля на Андреевскомъ пріискѣ. «Каплей, переполнившей чашу терпѣнія рабочихъ этого пріиска, явилось негодное конское мясо, обнаруженное въ пріисковой продовольственной лавкѣ. Къ полудню 29-го февраля на забастовавшій пріискъ явились представители управленія Ленскаго товарищества и горный полицейскій исправникъ. Собрались и рабочіе. Выработали сообща требованія въ формѣ «прошенія господину окружному инженеру» и «горному исправнику». Центральное мѣсто въ этомъ прошеніи занимаетъ мясо. Рабочіе просили проконтролировать запасы мяса и негодное мясо уничтожить; признанное же годнымъ раздѣлить на три сорта и отпускать какъ служащимъ, такъ и рабочимъ каждаго сорта поровну. Кромѣ того, присоединили еще нѣ-

сколько наболѣвшихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, чтобы больнымъ оказывалась медицинская помощь до полнаго выздоровленія, такъ какъ неоднократно посылали на работы совершенно больныхъ, отказывая въ дальнѣйшемъ лѣченіи «за недостаткомъ мѣстъ». Затѣмъ въ прошеніи были выставлены еще требованія: «вѣжливое обращеніе кухонной администраціи», «удаленіе нѣсколькихъ руководителей работъ» и т. п».

Удовлетвори администрація пріисковъ эти скромныя требованія, и стачка, вѣроятно, угасла-бы, едва начавшись. Администрація не проявила ни прозорливости, ни простого благоразумія. Она, видимо, была прежде всего увлечена гнѣвомъ; рабочіе получили отказъ, и кромѣ того вывѣшено было объявленіе, что всякій, кто черезъ три дня не станетъ на работы, будетъ разсчитанъ.

Рабочіе, разумѣется, были раздражены. Стачка разрасталась. «29-го же февраля стали всѣ пріиски Андреевскаго управленія. На другой день рабочіе снарядили делегатовъ на другіе пріиски. На Александровскомъ пріискѣ обнаружили хлѣбъ съ запеченными посторонними предметами и тухлую рыбу. Черезъ 2—3 дня бастовали всѣ пріиски Ленскаго товарищества. А 3-го марта въ Народномъ домѣ Надеждинскаго пріиска состоялось собраніе уполномоченныхъ забастовавшихъ пріисковъ. Это собраніе должно было объединить требованія всѣхъ пріисковъ. И вотъ, сравнительно пустячныя требованія о сортировкѣ мяса, медицинской помощи и вѣжливомъ обращеніи «кухонной администраціи» развертываются уже въ требованія болѣе серьезныя. Общее улучшеніе продуктовъ питанія. Обязательность запасовъ овощей, какъ необходимаго средства противъ цынги. Расширеніе помѣщеній до установленныхъ закономъ размѣровъ и хозяйское освѣщеніе ихъ. Сокращеніе рабочаго времени до 8 часовъ въ мокрыхъ забояхъ, на вахтахъ и др. работахъ. Увеличеніе заработной платы отъ 10 до 30 проц. Ежедневная вывѣска для свѣдѣнія рабочихъ табели заработковъ. Отмѣна штрафовъ и проч. На эти требованія администрація отвѣтила новымъ объявленіемъ, въ которомъ говорится, что нѣкоторыя требованія, напримѣръ: вѣжливое обращеніе, частичное улучшеніе пищевыхъ продуктовъ, расширеніе помѣщеній и др. администрація удовлетворяетъ; «что-же касается остальныхъ требованій, то таковыя были сообщены на заключеніе петербургскаго правленія, и, согласно телеграммы отъ 5-го марта, правленіе на эти требованія рабочихъ не согласилось. Если команда не станетъ на работу во вторникъ 6-го марта, то сдѣлано распоряженіе произвести полный разсчетъ». 6-го на работу никто не вышелъ. Производились только необходимыя для сохраненія цѣлостности работъ—

работы по водоотливу, которыя производились съ самаго начала стачки».

Что рабочіе не только считали свою забастовку мирной, экономической и легальной, но даже,—болѣе того,—что они, наоборотъ, обвиняли пріисковую администрацію въ беззаконности, явствуетъ изъ телеграммъ, посланныхъ рабочими 8-го марта. Телеграммы были отправлены: иркутскому генералъ-губернатору, въ иркутское горное управленіе, въ горный департаментъ, въ Государственную Думу, въ петербургское правленіе Ленскаго товарищества и въ петербургскій биржевой комитетъ. Въ телеграммахъ перечисляются экономическія требованія и, между прочимъ, говорится: «увольненіе служащихъ, вызвавшихъ забастовку». Слѣдовательно, рабочіе считали свою забастовку вынужденной и вызванной. И обращеніе съ мольбой ко всякому начальству, о какомъ сумѣли вспомнить: и къ петербургскому, и къ иркутскому, — конечно, не революціонная тактика. Настроеніе рабочихъ можно даже считать исключительно сдержаннымъ. «Въ теченіе всего марта,—говоритъ корреспондентъ «Русскаго Слова», забастовка протекала мирно. Сами рабочіе просили о закрытіи винныхъ лавокъ, стараясь всемѣрно поддержать порядокъ и спокойствіе. Корчемство преслѣдовалось и каралось самими забастовавшими. Выборные старосты слѣдили за порядкомъ, внушая всѣмъ рабочимъ необходимость вѣжливаго обращенія съ администраціей. Водоотливы и всѣ прочія работы, пріостановка которыхъ исключала бы возможность возобновленія обычныхъ работъ, производились безпрерывно самими забастовщиками».

Поучительно также, что «горная администрація, въ лицѣ окружнаго инспектора и горнаго исправника, охотно вела переговоры съ рабочими, настроеніе «которыхъ было попрежнему мирное». Это некрупное начальство, стоявшее все время лицомъ къ лицу съ «бунтующими» рабочими, неоднократно сообщало кверху о томъ, что никакого бунта нѣтъ, что все идетъ мирно и что нѣтъ необходимости ни въ войскахъ, не въ усиленной охранѣ пріисковъ. И рядомъ съ этимъ, очевидно, администрація Ленскаго товарищества продолжала дѣлать ошибку за ошибкой, разжигая съ одной стороны, рабочихъ, а съ другой разжигая преувеличенной опасностью усердіе иркутскихъ и петербургскихъ властей. Отъ 23-го марта, когда еще нельзя было предвидѣть окончательную катастрофу, иркутскій корреспондентъ телеграфировалъ въ «Русское Слово»: «Забастовка рабочихъ продолжается, почти не переходя границъ пассивнаго протеста. Поведеніе администраціи Ленскаго т-ва остается такимъ же страннымъ. По словамъ рабочихъ, условія жизни на пріискахъ нисколько не измѣнились. Гнилая пища, неправильный разсчетъ, не-

платежъ увѣчнымъ рабочимъ, 10-часовой рабочій день для малолѣтнихъ, выдача, вмѣсто денегъ, купоновъ, которые котируются въ конторѣ товарищества выше, чѣмъ въ пищевыхъ магазинахъ товарищества, и др.,—все это примѣняется до сихъ поръ въ полной мѣрѣ, вызывая замѣтное раздраженіе рабочихъ. Самыя уступки, говоритъ дальше телеграмма, сдѣланныя товариществомъ рабочимъ,—согласіе допуститъ выборнаго рабочаго при выдачѣ кухонныхъ харчей, отпускать хлѣбъ изъ просѣянной муки, достаточное количество картофеля, улучшеніе медицинской помощи и вѣжливое обращеніе, — краснорѣчиво подтверждаютъ то, что требованія рабочихъ не капризъ и не плоды какой-либо агитаціи». Это подкрѣпляется еще однимъ солиднымъ доказательствомъ: «20-го марта,— гласитъ телеграмма «Русскаго Слова» изъ Иркутска,—горнозаводское присутствіе въ экстренномъ собраніи обсуждало вопросъ объ умиротвореніи. Единогласно постановлено настойчиво склонять администрацію Ленскаго товарищества увеличить заработную плату съ примѣненіемъ, при несогласіи администраціи на это, 570 ст. X тома св. зак., обезпечивъ рабочихъ натурою или деньгами, продовольствіемъ и доставкою ихъ въ Киренскъ».

И въ то же время администрація пріисковъ продолжаетъ свою опасную линію поведенія: «21-го марта главноуправляющій пріисками донесъ губернатору, что окружный инженеръ, подъ вліяніемъ паники, проявляетъ бездѣйствіе власти, что забастовщики силою снимаютъ съ работъ въ шахтахъ непротестующихъ, останавливаютъ поѣзда и вообще производятъ безчинства. Въ виду того, что аресты и выселеніе изъ казармъ по постановленіямъ и рѣшеніямъ, вошедшимъ въ силу и подлежащимъ немедленному исполненію, на самомъ дѣлѣ не производятся, главноуправляющій проситъ покровительства и небходимаго содѣйствія». Въ этой телеграммѣ заключается упорная и холодная жестокость, характеръ которой съ достаточной ясностью вскрытъ многочисленными корреспонденціями съ мѣста. Въ телеграммѣ говорится о выселеніяхъ рабочихъ изъ казармъ, а это значило вотъ что: пріиски на сотни верстъ оторваны отъ населенныхъ мѣстъ, и рабочихъ, слѣдовательно, въ буквальномъ смыслѣ выбрасывали на холодъ и голодъ въ безлюдной тайгѣ. Естественно, что у ближайшаго мелкаго начальства не поднималась рука на такое безпощадное дѣло. И главноуправляющій проситъ о содѣйствіи у высшаго начальства...

Слѣдовательно, съ этой стороны вся надежда на успокоеніе сводится къ арестамъ, выселеніямъ и примѣненіямъ военной силы. На иныя, болѣе разумныя мѣры, администрація пріисковъ попрежнему туга. Въ тотъ же день 21-го марта, когда отправлена главноупра-

вляющимъ безпокойная телеграмма губернатору, было на пріискахъ слѣдующее: «Послѣ перерыва, возобновились переговоры между рабочими и администраціей пріисковъ. Администрація отвергла 16 пунктовъ наиболѣе существенныхъ требованій стачечниковъ. Затѣмъ, по распоряженію центральнаго правленія въ Петербургѣ, дальнѣйшія переговоры вновь пріостановлены».

Естественно, что въ теченіе мѣсяца, когда рабочіе были выбиты изъ колеи труда, атмосфера на пріискахъ сгущалась. Но удивительно не то, что рабочіе были раздражены и разстроены, а удивительно то, что въ оторванной отъ всего міра тайгѣ, гдѣ они были въ силу своей многотысячной массы физическими господами положенія, они, доведенные горсточкой администраціи до болѣзненнаго напряженія, все же не сдѣлали ни одного шага по скользкому пути насилія.

Петля за петлей запутывалось положеніе и, кажется, большая часть грѣха падаетъ въ этомъ на петербургское правленіе товарищества: оно энергично отбрасывало всѣ требованія рабочихъ. И когда сдѣлалось ему извѣстнымъ симпатизирующее рабочимъ постановленіе иркутскаго горнозаводскаго присутствія, члены правленія, съ директоромъ-распорядителемъ бар. Гинсбургомъ во главѣ, отправились къ иркутскому генералъ-губернатору Князеву, находившемуся въ Петербургѣ, и постарались доказать ему «незаконность» постановленія. Не прошли безъ результата и взыванія администраціи товарищества къ вооруженной силѣ. «23-го марта въ Бодайбо пріѣхалъ жандармскій ротмистръ Трещенковъ,—сообщаетъ корреспондентъ «Русскаго Слова», — командированный сюда изъ Иркутска. Его пріѣздъ сразу измѣнилъ положеніе вещей. Онъ выпустилъ объявленіе, въ которомъ угрожалъ рабочимъ разстрѣломъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Объявленіе это ошеломило рабочихъ, но не вызвало никакого внѣшняго волненія».

Съ этого момента стала выдвигаться на сцену «политика», быстро поведшая къ роковой катастрофѣ. Въ поведеніи рабочихъ настойчиво стали разыскиваться политическіе штрихи. Жандармская психика ротмистра, вѣроятно, шла по естественному для себя пути. Не находя «политики», ее подозрѣвали, создавали. 3-го апрѣля ночью были арестованы выборные рабочихъ. Ихъ сочли коноводами, политическими подстрекателями и зачинщиками, хотя за весь мѣсяцъ ихъ роль являлась простой и понятной: быть посредниками между администраціей и десятитысячной массой рабочихъ, не могущихъ по своей численности и разбросанности самолично участвовать въ переговорахъ.

Это была, кажется, главная ошибка, главный грѣхъ адмони-

страціи. Оскорбленіе вывело рабочихъ изъ спокойнаго, выжидательнаго состоянія. Они запротестовали, стали требовать освобожденія арестованныхъ. «4-го апрѣля,—сообщаетъ «Русское Слово»,—толпа въ 2.500 рабочихъ направилась съ Андреевскаго, Утесистаго и Васильевскаго пріисковъ въ Надеждинскій пріискъ, гдѣ находится главная контора пріисковъ. Къ нимъ присоединились рабочіе съ другихъ пріисковъ. На Надеждинскомъ пріискѣ уже находились всѣ воинскія силы, стянутыя отовсюду. Когда толпа приблизилась на разстояніе ста шаговъ, къ ней вышелъ инженеръ Тульчинскій въ сопровожденіи двухъ стражниковъ и вступилъ съ ней въ переговоры. Порядокъ сохранялся полнѣйшій. Во время этихъ переговоровъ, безъ всякаго предупрежденія, войсками былъ произведенъ залпъ сначала холостыми патронами, а затѣмъ немедленно боевыми. Повалилась масса рабочихъ. Были сбиты съ ногъ Тульчинскій и оба стражника. Это спасло инженера. Прикрытый трупами рабочихъ, онъ остался невредимъ. Толпа бросилась бѣжать. По бѣгущимъ было произведено еще нѣсколько залповъ. Убитыхъ на мѣстѣ оказалось 107 человѣкъ. Но множество тяжело раненыхъ, вскорѣ скончавшихся, почти удвоили эту цифру.

Къ этой потрясающей картинѣ прибавляетъ нѣсколько штриховъ телеграмма, полученная членомъ Госуд. Думы Бѣлоусовымъ отъ ленскихъ рабочихъ: «Просимъ защиты. Солдатами убито 250 человѣкъ, ранено—270. Залпъ раздался, когда мы бесѣдовали съ окружнымъ инженеромъ Тульчинскимъ, котораго просили содѣйствовать освобожденію членовъ стачечнаго комитета. Послѣ перваго залпа толпа легла. Слѣдующіе залпы раздались по лежавшимъ и вдогонку по бѣжавшимъ. Каждымъ солдатомъ выпущено по 15-ти выстрѣловъ. Въ числѣ убитыхъ оказались двѣ женщины, случайно попавшія въ толпу, и полицейскій стражникъ. Окружной инженеръ Тульчинскій спасся случайно: онъ упалъ вмѣстѣ съ толпой, и на него свалилось нѣсколько убитыхъ и раненыхъ рабочихъ. Среди рабочихъ паника. Руководилъ репрессіями жандармскій ротмистръ Трещенковъ. Онъ въ настоящее время ходатайствуетъ о введеніи военнаго положенія на Бодайбо. Просимъ немедленно внести запросъ въ Государственную Думу о незаконномѣрности дѣйствій пріисковой администраціи и жандармскихъ властей. Съ нашей стороны не было никакого повода къ разстрѣлу. Забастовка все время протекала мирно, и мы лично шли на уступки, отказавшись отъ такихъ требованій, какъ восьмичасовой рабочій день».

Ужасное побоище настолько невѣроятно, чудовищно и непонятно, что предъ нимъ нѣмѣетъ душа и опускаются безпомощно руки. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, стрѣлять въ толпу, когда она спо-

койно разговариваетъ съ вышедшимъ къ ней со стороны войска инженеромъ? И нѣтъ событію никакихъ объясненій, если не допустить тѣ призрачныя объясненія, которыя даетъ виновное начальство. Поистинѣ призрачныя. Призраки бунта померещились жандармскому ротмистру. Призраки революціонеровъ, вооруженныхъ кольями, колыхнулись передъ нимъ. И можетъ быть, когда Тульчинскій, любимецъ рабочихъ и единственная ихъ надежда, мирно разговаривалъ съ толпой въ присутствіи двухъ стражниковъ, воспаленному ротмистру мерещилось, что призраки бунта разрываютъ на части инженера и стражниковъ. И съ тѣми же призраками бунта, съ той же призрачной толпой, вооруженной дрекольемъ, вышелъ для объясненій министръ внутреннихъ дѣлъ на думскую трибуну, огораживаясь этими призраками отъ иныхъ, подлинныхъ, мрачныхъ призраковъ...

Въ этомъ судорожномъ трепетѣ предъ «политикой», въ этихъ галлюцинаціяхъ страха главная суть. Ленская трагедія ошеломила общество количествомъ жертвъ. Но при всей своей неестественности она естественна, если принять во вниманіе нашу государственную психику. И въ правыхъ, и въ умѣренныхъ, и въ лѣвыхъ газетахъ, когда раздавались слова горячаго негодованія по поводу ленскаго разстрѣла, невольно вспоминалась недавняя колоссальная англійская забастовка. Она потрясла всю страну, и однако, съ обѣихъ сторонъ,—и со стороны англійскаго правительства, и со стороны милліонной рабочей арміи,—была проявлена мудрая выдержка, не допустившая ни одной человѣческой жертвы. «Тогда какъ у насъ»...

Забывается, что тамъ спокойная, здоровая государственность, которая въ состояніи и сильный лихорадочный приступъ выдержать мужественно. А у насъ государственность расхлябанная, подозрительная, съ незакрывающимися ранами,—больная и не желающая выздоровѣть, до гнѣвныхъ судорогъ мнительная. Вѣдь это же чуть не государственный психозъ, когда вся гигантская сѣть власти, отъ большихъ до малыхъ чиновъ, занята по всей странѣ исключительно подстереженіемъ, уловленіемъ и искорененіемъ «политики». И въ частности, въ столкновеніяхъ капитала съ трудомъ какой великій соблазнъ для капитала—легкая возможность быстрой помощи государственной власти. Вѣдь, стоитъ лишь кивнуть въ сторону рабочихъ: «Здѣсь политика...» и стремительный гнѣвъ истеричной государственности способенъ разразиться молніями.

Ленская трагедія не исключительный случай, а яркій симптомъ болѣзни государства. При всякой экономической забастовкѣ возможно ожидать, если не такихъ ужасовъ, то все же

тяжелыхъ и неосмысленныхъ осложненій. Призраки бунта легко возникаютъ въ мнительномъ воображеніи. Къ тому же всегда разумѣется, являются прислужники власти, желающіе отличиться и выслужиться. Поле дѣятельности для нихъ необъятное. Потому-то ленское событіе и прокатилось тревожной волной по всей Россіи, вызвавъ протесты, негодованіе, гнѣвную скорбь. Оно напомнило еще и еще разъ что, хотя мы и существуемъ, но что «такъ жить нельзя», что мы качаемся на гиблыхъ волнахъ отечественнаго океана безправія.

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бомбардировка Дарданеллъ и ея послѣдствія.—Новые военные законопроекты въ германскомъ сеймѣ.—Думская рѣчь С. Д. Сазонова объ иностранной политикѣ.—Французскія дѣла.—Гибель «Титаника».

Трудно разобраться въ обстоятельствахъ и условіяхъ современнаго международнаго положенія. Всѣ правительства заявляютъ, что хотятъ прочнаго мира, а на дѣлѣ устраиваются или поощряются воинственныя предпріятія, возбуждающія общую тревогу. Въ то самое время, когда дипломаты старались придумать способы мирнаго разрѣшенія турецко-итальянскаго спора, неожиданно появилась предъ Дарданеллами итальянская эскадра и подвергла турецкіе форты энергической двухчасовой бомбардировкѣ. И это внезапное нападеніе на самое больное и чувствительное мѣсто Оттоманской имперіи совершилось послѣ того, какъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ западно-европейской печати повторялись увѣренія о недопустимости военныхъ операцій итальянскаго флота въ предѣлахъ Европейской Турціи. Перенесеніе военныхъ дѣйствій къ берегамъ Балканскаго полуострова признавалось безусловно нежелательнымъ для Австро-Венгріи и косвенно также для Германіи, не говоря уже объ Англіи и Россіи; между тѣмъ Италія съ одной стороны находится въ тройственномъ союзѣ и, слѣдовательно, не можетъ пренебрегать интересами и взглядами союзныхъ державъ, а съ другой стороны—она по разнымъ причинамъ должна дорожить политическимъ сближеніемъ съ Англіею и Россіею. Если тѣмъ не менѣе

оказалась возможною бомбардировка Дарданеллъ итальянскимъ флотомъ 18/5-го апрѣля, то это только лишній разъ свидѣтельствуетъ о совершенномъ безсиліи обычныхъ формальныхъ гарантій миролюбія при господствующей системѣ вооруженнаго мира. Принадлежность къ тройственному союзу не только не стѣсняла воинственной политики Италіи, но напротивъ избавляла итальянскихъ патріотовъ отъ всякихъ заботъ о желаніяхъ и мнѣніяхъ Европы,—ибо, имѣя за своей спиной могущественныя союзныя связи, можно уже не придавать значенія постороннимъ сдерживающимъ вліяніямъ и совѣтамъ. Ближайшіе же союзники избѣгаютъ какого бы то ни было воздѣйствія, хотя бы самаго дружескаго, опасаясь ослабленія довѣрчивыхъ союзныхъ отношеній. Франція и Англія были бы очень рады привлечь на свою сторону Италію, которая, быть можетъ, и сама охотно промѣняла бы прежній тройственный союзъ на новое тройственное соглашеніе. Поэтому Австро-Венгрія и Германія вынуждены смотрѣть сквозь пальцы на воинственныя увлеченія Италіи; точно такъ же Англія и Франція не могутъ открыто осуждать ихъ, въ виду своего обязательнаго сочувствія къ итальянской націи. Римскій кабинетъ сознательно учитываетъ всѣ эти особенности современной политической конъюнктуры, и въ результатѣ получается полная свобода разрушительныхъ дѣйствій въ такихъ областяхъ Европы, которыя въ силу существующихъ международныхъ договоровъ находятся подъ особымъ покровительствомъ и контролемъ великихъ державъ.

Итальянское общественное мнѣніе отнеслось къ бомбардировкѣ Дарданеллъ, какъ къ смѣлому и въ высшей степени похвальному подвигу, не доведенному почему-то до конца. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, итальянская эскадра не имѣла въ виду ни нападать на Дарданеллы, ни форсировать ихъ, ни сдѣлать высадку, такъ какъ не захватила съ собою нужныхъ для этого войскъ; предполагалось только вызвать на бой турецкія суда, скрывавшіяся въ Мраморномъ морѣ. Когда подошли итальянскіе броненосцы, изъ пролива показался турецкій контръ-миноносецъ и остановился предъ входомъ въ Дарданеллы; эскадра приблизилась къ нему, но была встрѣчена артиллерійскимъ огнемъ съ прибрежныхъ фортовъ; она «вынуждена была тогда отвѣчать на огонь и стала обстрѣливать внѣшнія береговыя укрѣпленія, тогда какъ турецкій контръ-миноносецъ поспѣшилъ исчезнуть въ проливѣ. Исполнивъ возложенную на нихъ задачу, суда удалились обратно въ итальянскія воды». Кромѣ обстрѣла фортовъ, ограждающихъ доступъ къ Дарданелламъ, итальянцы перерѣзали подводные кабели, соединявшіе проливы съ островами Эгейскаго моря, и готовились, повидимому, занять нѣкоторые изъ

этихъ острововъ. Предпринимать болѣе рѣшительныя военныя мѣры они не собирались, такъ какъ прорваться черезъ Дарданеллы было бы вообще немыслимо при данныхъ обстоятельствахъ; но въ Италіи патріоты ожидали дальнѣйшихъ успѣховъ итальянскаго флота и испытывали сильное разочарованіе, когда выяснилась безрезультатность бомбардировки 18-го апрѣля.

Дѣло ограничилось военною демонстраціею, съ цѣлью произвести извѣстное впечатлѣніе на Турцію; однако демонстрація связана была съ весьма серьезными и чувствительными послѣдствіями для нейтральныхъ государствъ. Проливы фактически закрылись для торговаго судоходства; у входа въ Дарданеллы заложены были мины, и Порта оффиціально заявила о закрытіи проливовъ для коммерческихъ кораблей. Нашей черноморской торговлѣ причинялись огромные убытки, причемъ страдали и интересы другихъ европейскихъ націй; дипломатія, довольно снисходительно наблюдавшая за военными операціями итальянскаго флота, обнаружила вдругъ суровую требовательность по отношенію къ Турціи. Кабинеты великихъ державъ, не считавшіе возможнымъ протестовать въ Римѣ противъ бомбардировки Дарданеллъ, обратились съ протестами въ Константинополь по поводу принятыхъ Портою запретительныхъ мѣръ. Порта не безъ основанія утверждала, что эти мѣры вполнѣ оправдываются присутствіемъ непріятельскаго флота въ Эгейскомъ морѣ и что онѣ могутъ быть отмѣнены только послѣ того, какъ будетъ устранена опасность дальнѣйшихъ нападеній на Дарданеллы; тѣмъ не менѣе дипломаты настаивали на своемъ и, наконецъ, 1-го мая добились отъ Порты формальнаго открытія проливовъ для нейтральныхъ торговыхъ судовъ. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ мины могли быть убраны, и многія изъ нихъ были унесены теченіемъ въ открытое море; были уже случаи гибели пароходовъ отъ взрывовъ, причиненныхъ подводными минами, и жертвами оказывались люди, не имѣвшіе никакого отношенія къ турецко-итальянской войнѣ. На этотъ разъ нельзя винить Турцію въ умышленномъ нарушеніи общаго мира и безопасности; а между тѣмъ положеніе дѣлъ на ближнемъ Востокѣ все болѣе запутывается подъ вліяніемъ событій и фактовъ, не зависящихъ ни отъ турецкихъ правителей, ни отъ иностранныхъ кабинетовъ. Бомбардировка Дарданеллъ внесла новый элементъ броженія въ обычный ходъ балканскихъ дѣлъ; она оживила надежды подвластныхъ туркамъ народностей и подняла патріотическій духъ мусульманства, угрожая обостреніемъ старыхъ традиціонныхъ конфликтовъ и кризисовъ безъ реальной пользы для кого бы то ни было.

Италія, конечно, не можетъ считаться отвѣтственною за всѣ

эти послѣдствія своей предпріимчивости; самое предпріятіе было лишь попыткою практическаго примѣненія той политики, которая воплощается въ державахъ тройственнаго союза. Если Австро-Венгрія могла даромъ пріобрѣсти двѣ турецко-славянскія провинціи, а Германія успѣла получить кусокъ французскаго Конго цѣною посылки ничтожнаго военнаго судна, то почему же Италіи не завладѣть сѣверо-африканскою частью турецкаго наслѣдства? Въ теченіе многихъ лѣтъ итальянская нація напрягала свои силы для постепеннаго увеличенія арміи и флота, чтобы не отстать отъ своихъ могущественныхъ союзницъ, и она дѣлала это, разумѣется, не для того, чтобы съ завистью смотрѣть на успѣхи и пріобрѣтенія Австро-Венгріи и Германіи. Рано или поздно долженъ былъ настать такой моментъ, когда ей надлежало дѣйствовать, и она разсчетливо выбрала этотъ моментъ именно въ такое время, когда стала подвергаться сомнѣнію прочность связи Италіи съ австро-германскимъ союзомъ. Быть можетъ, достигнувъ завоеванія Триполи при косвенномъ содѣйствіи союзниковъ, Италія найдетъ болѣе выгоднымъ отдѣлиться отъ нихъ и примкнуть къ Англіи и Франціи. Возможность такой комбинаціи не исключена изъ программъ близкаго будущаго, а пока итальянскіе патріоты, въ своихъ стремленіяхъ къ національному могуществу, вдохновляются еще примѣромъ Германіи.

Система вооруженнаго мира съ упорною послѣдовательностью доводится до абсурда правительствомъ Германской имперіи, и въ этомъ отношеніи особенно характерными представляются новыя военныя предложенія, обсуждаемыя съ 22 (9)-го апрѣля въ германскомъ парламентѣ. Всего только годъ тому назадъ, въ мартѣ 1911 г., былъ утвержденъ и вступилъ въ силу законъ, которымъ опредѣлялся на пятилѣтній срокъ мирный составъ арміи и флота. Численность вооруженныхъ силъ Германіи установлена была тогда въ такихъ внушительныхъ цифрахъ, которыя признавались достаточными для поддержанія славы и могущества имперіи, съ точки зрѣнія военныхъ спеціалистовъ. Не прошло еще года, и эти внушительныя цифры, установленныя на пять лѣтъ впередъ, признаны уже опять недостаточными. То же самое правительство, которое дѣйствовало въ мартѣ 1911 года, выработало и внесло теперь въ имперскій сеймъ новые военные законопроекты, увеличивающіе составъ арміи и флота въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Армію требуется еще увеличить въ мирное время на 29 тысячъ человѣкъ; къ утвержденной ранѣе программѣ морскихъ вооруженій предполагается прибавить постройку трехъ дредноутовъ и двухъ крейсеровъ, вмѣстѣ съ образованіемъ третьей активной эскадры. Что же случилось въ этотъ короткій промежутокъ времени, съ марта 1911 года?

въ Германіи и Европѣ? Какія новыя обстоятельства могли побудить германское правительство измѣнить свои прошлогодніе взгляды на боевую готовность арміи и флота? Чѣмъ вызывались требованія новыхъ тяжелыхъ жертвъ и затратъ по военному вѣдомству? Имперскій канцлеръ, фонъ-Бетманнъ-Гольвегъ, удостовѣрилъ въ засѣданіи 22-го апрѣля, что ничто не угрожаетъ миру въ Европѣ, что Германія находится въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми другими державами и не предвидитъ и не опасается никакой войны, что она притомъ всегда готова къ энергической защитѣ своихъ правъ и обладаетъ для этого достаточнымъ могуществомъ, и что ни одна изъ прочихъ великихъ державъ не обнаруживаетъ склонности воевать. Въ общемъ положеніи международныхъ дѣлъ какъ будто ничего не измѣнилось съ весны прошлаго года, но произошло нѣчто въ области нѣмецкой патріотической психики. Нѣмцы пережили непріятное разочарованіе въ лѣтніе мѣсяцы истекшаго года: они убѣдились на практикѣ, что угрожающіе жесты ихъ «бронированнаго кулака» потеряли способность внушать страхъ противникамъ, и они должны были сами подвергнуться скрытымъ угрозамъ со стороны Англіи. Вмѣсто того, чтобы испугаться перспективы прямого столкновенія съ Германіею по поводу Марокко, британское правительство заявило о своей безусловной солидарности съ Франціей и не скрывало своей рѣшимости въ случаѣ надобности дѣйствовать даже съ оружіемъ въ рукахъ. Другими словами, Франція и Англія перестали бояться Германіи, тогда какъ еще недавно одного слова ея было достаточно, чтобы заставить Россію подчиниться австрійскимъ требованіямъ въ боснійскомъ вопросѣ. Послѣ Франціи и Англіи, пожалуй, и Россія вздумаетъ считать себя вполнѣ равноправною съ Германіею. До такого униженія не можетъ и не хочетъ дойти германское правительство. Бетманнъ-Гольвегъ, разумѣется, высказывалъ эти мысли въ замаскированной формѣ, напомнивъ о томъ тягостномъ испытаніи, которое выпало на долю германской націи по поводу недоразумѣній съ Англіей изъ-за марокканскихъ дѣлъ. Канцлеръ по обыкновенію ссылался на разныя мнимыя аксіомы политической мудрости, въ родѣ того, что степень уваженія чужихъ народовъ къ Германіи зависитъ отъ ея реальнаго военнаго могущества и что возвысить къ ней уваженіе можно только увеличеніемъ ея вооруженныхъ силъ. Очевидно, германскіе правители хотятъ во что бы то ни стало сохранить свою привилегію устрашающаго воздѣйствія на другія культурныя націи, и они надѣются достигнуть этой цѣли путемъ соотвѣтственныхъ военныхъ мѣропріятій. Но Англія не принадлежитъ къ числу тѣхъ странъ, которыя можно запугать чѣмъ бы то ни было, а прочное соглашеніе ея съ Франціею и отчасти съ

Россіею служитъ достаточнымъ противовѣсомъ притязаніямъ германской гегемоніи.

Бетманнъ-Гольвегъ упоминаетъ и о настроеніи народныхъ массъ, какъ о возможномъ факторѣ воинственной политики: часто, говоритъ онъ, войны вызываются шумными и фанатизирующими общественными группами, и въ этихъ случаяхъ надо быть всегда вооруженнымъ съ головы до ногъ. Въ дѣйствительности нѣтъ ничего легче для правительства, какъ вызвать въ обществѣ искусственное патріотическое возбужденіе или, наоборотъ, положить предѣлъ нежелательнымъ воинственнымъ порывамъ. Въ Германіи никто не думалъ о серьезномъ конфликтѣ изъ-за Марокко, пока не вмѣшался въ дѣло императоръ Вильгельмъ. Вопросъ казался благополучно покончennымъ послѣ заключенія алжесирасской конвенціи, и затѣмъ онъ вновь былъ поставленъ на очередь и разрѣшенъ миролюбиво франко-германскимъ договоромъ 1909 года, послѣ чего онъ уже долженъ былъ по справедливости окончательно сойти со сцены; тѣмъ не менѣе онъ опять былъ неожиданно поднятъ, и притомъ въ самой грубой формѣ, посылкою военнаго судна въ Агадиръ лѣтомъ 1911 года. Нѣмецкая патріотическая пресса сочувственно шумѣла по поводу каждаго рѣзкаго выступленія правительства; но она выражала лишь настроеніе той части общества, которая всегда готова слѣдовать за властью или заинтересована матеріально въ ея рѣшеніяхъ. Нѣкоторыя торговыя фирмы, имѣвшія случай устроить свои дѣла въ Марокко, усердно старались втянуть въ это дѣло Германію; но подобный, намѣренно раздуваемый промышленный патріотизмъ не могъ имѣть никакой точки опоры въ народныхъ массахъ. Германскій канцлеръ совершенно напрасно ссылался на общественныя группы, толкающія будто бы страну на путь воинственныхъ приключеній. Вопросы мира и войны, къ несчастью, ставятся и рѣшаются гдѣ-то за кулисами, помимо воли и участія народа, на основаніи секретныхъ и часто фантастическихъ соображеній. Военный министръ, генералъ фонъ-Геерингенъ прямо заявилъ въ имперскомъ сеймѣ, что «политическіе мотивы предложенныхъ военныхъ законопроектовъ не могутъ быть оглашены въ публичномъ собраніи по политическимъ причинамъ». Значитъ, опасность дѣйствительно существовала, и она была извѣстна немногимъ посвященнымъ лицамъ; публика приглашается вѣрить этимъ оффиціальнымъ намекамъ, которыми и создается желательное для правительства общественное настроеніе. Морской министръ фонъ-Тирпицъ высказалъ авторитетное мнѣніе, что «надо считаться съ возможностью внезапнаго возбужденія войны»; но отъ кого будетъ зависѣть эта возможность, какъ не отъ Германіи? Правительство настолько успѣло на-

пугать палату, что даже передовые либеральные ораторы стали произносить воинственно-патріотическія рѣчи. Соціалъ-демократъ Гаазе отрицалъ приписываемое его партіи намѣреніе оставить народъ беззащитнымъ, но подтверждалъ только враждебное отношеніе своихъ единомышленниковъ къ завоевательнымъ планамъ. Вождь національ-либераловъ, Бассерманъ, признаетъ, что исходнымъ пунктомъ новыхъ военныхъ законопроектовъ является Агадиръ, т. е. появленіе германскаго крейсера въ марокканской гавани; и въ то же время онъ находитъ, что Германія вовсе не отвѣтственна за послѣдствія этого факта. «Съ быстротою молніи,—поясняетъ онъ,—открылась тогда предъ нашими глазами шаткость всего международнаго положенія; мы вдругъ увидѣли, какія опасности угрожаютъ Германіи, и въ нашемъ народѣ проявилось полное сознаніе необходимости усилить наши вооруженія». Если Германія посылаетъ другимъ народамъ угрожающій вызовъ, то она не должна бы удивляться тому, что другія націи извѣстнымъ образомъ реагируютъ на этотъ вызовъ и думаютъ съ своей стороны объ оборонѣ; а нѣмецкимъ либераламъ кажется, что эта способность другихъ державъ отвѣчать на вызывающія дѣйствія Германіи свидѣтельствуетъ о великихъ опасностяхъ, связанныхъ съ ея общимъ международнымъ положеніемъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать естественный логическій выводъ, что нельзя угрожать другимъ безнаказанно, нѣмцы съ быстротою молніи заключили, что эти другіе могутъ даже оказать сопротивленіе Германіи и что слѣдуетъ заранѣе принять мѣры противъ подобной непріятной перспективы. Прогрессисты германскаго рейхстага какъ будто допускаютъ мысль, что политика угрозъ есть нормальная и обязательная политика для Германіи и что для поддержки этой политики слѣдуетъ постоянно увеличивать вооруженныя силы имперіи. А эти военныя мѣропріятія Германіи въ свою очередь заставляютъ и прочія великія державы прибѣгать къ дальнѣйшимъ вооруженіямъ. Такъ образуется безъисходный заколдованный кругъ, изъ котораго не могутъ выбраться народы.

При крайней неопредѣленности современнаго международнаго положенія въ Европѣ, ожидалась съ большимъ интересомъ рѣчь нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ. С. Д. Сазоновъ прочелъ свою пространную декларацію въ засѣданіи 13-го апрѣля, и его объясненія по разнымъ политическимъ вопросамъ обратили на себя гораздо большее вниманіе за границей, чѣмъ у насъ. Содержаніе его рѣчи, переданное по телеграфу во всѣ концы міра, подробно обсуждалось въ газетахъ различныхъ странъ и вызывало критическія или сочувственныя замѣчанія въ парламентахъ. На этотъ разъ наши дипломаты и министры должны были почувствовать себя вполнѣ равноправными съ западно-европейскими по-

литическими дѣятелями; заявленія русскаго министра иностранныхъ дѣлъ пріобрѣтали такую же важность въ глазахъ Европы, какъ и рѣчи графа Эренталя или сэра Эдуарда Грея. Этимъ успѣхомъ, несомнѣнно лестнымъ для нашего національнаго самолюбія, мы всецѣло обязаны тому обстоятельству, что у насъ все-таки существуетъ нѣчто въ родѣ парламента. Даже созданное у насъ жалкое подобіе народнаго представительства сказывается на международной репутаціи Россіи и на авторитетѣ и значеніи ея дипломатіи.

По существу нашъ министръ сказалъ мало новаго или оригинальнаго, но въ общемъ старался произвести успокоительное дѣйствіе на общественное мнѣніе. Прежде всего, конечно, онъ напомнилъ, что «въ основѣ нашей внѣшней политики по прежнему незыблемо лежитъ союзъ нашъ съ Франціей», съ которою поддерживается непрерывное общеніе по всѣмъ текущимъ международнымъ вопросамъ, въ интересахъ взаимной солидарности не только на случай наступленія чрезвычайныхъ обстоятельствъ, но и въ мирное время. Съ Германіею мы также «твердо держимся старинной дружбы и добраго сосѣдства», и по поводу недавнихъ извѣстій о начатыхъ ею переговорахъ съ Англіею «мы можемъ только привѣтствовать всякую попытку сгладить натянутость ихъ взаимныхъ отношеній». Что касается Австро-Венгріи, то наши отношенія съ нею «въ недавнемъ прошломъ подверглись испытанію», но «обоимъ правительствамъ, въ высшихъ цѣляхъ укрѣпленія мира, удалось найти почву для установленія общихъ руководящихъ началъ, которыхъ могли бы придерживаться обѣ державы въ той области, гдѣ интересы ихъ соприкасаются». Упомянувъ о постоянныхъ волненіяхъ въ Албаніи, Македоніи и на островѣ Критѣ, министръ крайне мягко и осторожно отозвался о турецко-итальянской войнѣ и возможныхъ послѣдствіяхъ ея на ближнемъ Востокѣ; онъ выражаетъ надежду, что «спокойствіе на Балканахъ не будетъ нарушено» и что война «не приведетъ ко всеобщему столкновенію». Въ способѣ веденія войны Италіей,—говоритъ онъ далѣе,—«мы до сихъ поръ видѣли сознаніе такой опасности. Въ самомъ дѣлѣ, Италія до послѣдняго времени ограничивала поле военныхъ дѣйствій отдаленными мѣстностями, видимо стараясь, чтобы интересы нейтральныхъ не были слишкомъ чувствительно задѣты. Послѣдовавшая на-дняхъ бомбардировка Дарданеллъ не сопровождалась дальнѣйшими дѣйствіями, которыя бы доказывали, что Италія отступила отъ подобнаго соображенія, такъ какъ итальянскій флотъ, занявъ небольшой островъ въ южномъ архипелагѣ, уже возвратился въ Италію». Болгарія и Сербія придерживаются спокойной и разумной политики, и для укрѣпленія ихъ въ этихъ миролюбивыхъ чувствахъ рекомендуется Турціи проникнуться «сознаніемъ необхо-

димости обезпечить внутренній миръ на своей территоріи и особенно въ европейской ея части, къ чему лучшимъ, едва ли не единственнымъ средствомъ является внимательное и справедливое попеченіе о культурныхъ и экономическихъ нуждахъ ея разноплеменнаго христіанскаго населенія». Этотъ совѣтъ, впрочемъ, принятъ турками за намѣренную и незаслуженную обиду, такъ какъ Порта всегда заботилась объ успокоеніи христіанскихъ подданныхъ при помощи тѣхъ же пріемовъ, какіе практикуются и въ Россіи, и проявляла такое же «внимательное и справедливое» отношеніе къ нуждамъ различныхъ подвластныхъ племенъ, какое и у насъ господствуетъ относительно инородцевъ. Довольно подробно говорилъ министръ о положеніи дѣлъ въ Персіи, гдѣ мы будто бы во всемъ дѣйствовали заодно съ Англіею, согласно точному смыслу конвенціи 1907 года; мы не вмѣшивались во внутреннюю жизнь страны, не поощряли возвращенія низложеннаго шаха изъ Россіи въ предѣлы персидской территоріи и не оказывали никакой поддержки попыткѣ Мохаммеда-Али, который «предпринялъ этотъ шагъ не только безъ нашего вѣдома, но и вопреки настоятельнымъ нашимъ совѣтамъ». Въ Китаѣ мы охраняемъ лишь наши пріобрѣтенныя права и законные, обезпеченные формальными договорами интересы; мы вовсе не думаемъ о присоединеніи Монголіи, которое могло бы только ослабить наше положеніе въ Европѣ и на ближнемъ Востокѣ: «нельзя присоединять пограничныя земли только потому, что это можно сдѣлать безъ большого для себя риска».

Перейдя къ вопросу о прекращеніи дѣйствія русско-американскаго торговаго договора съ конца настоящаго года, С. Д. Сазоновъ высказалъ нѣсколько громкихъ патріотическихъ фразъ, которыя едва ли вызывались необходимостью. Онъ какъ будто давалъ понять, что заключеніе новаго торговаго договора между Россіею и Соединенными штатами нужно только для американскихъ, а не для русскихъ интересовъ, и что переговоры объ этомъ предметѣ могутъ быть начаты только по американской иниціативѣ, «въ случаѣ обращенія къ намъ» вашингтонскаго кабинета. «Но,—прибавляетъ министръ,—проникнутое сознаніемъ національнаго достоинства и находясь въ этомъ отношеніи въ тѣсномъ единеніи со всѣми слоями русскаго народа, правительство твердо намѣрено не допускать какого-либо посягательства извнѣ на неотъемлемое державное право Россіи, какъ всякаго суверенаго государства, опредѣлять свое внутреннее законодательство исключительно въ зависимости отъ потребностей и особыхъ условій своей собственной жизни». Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что правительство Соединенныхъ Штатовъ нарушило основныя начала международнаго права, обна-

руживъ желаніе посягнуть на внутреннюю самостоятельность Россіи; но, насколько извѣстно, американское правительство никогда не позволяло себѣ обращаться къ намъ съ какими бы то ни было заявленіями о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Министерская декларація закончилась указаніемъ на вѣроятные шансы мира въ ближайшемъ будущемъ. «Тѣ тревожные слухи, которые, въ связи съ наступленіемъ весны, носятся въ воздухѣ, о предстоящихъ будто бы въ скоромъ времени осложненіяхъ, могущихъ привести къ вооруженнымъ столкновеніямъ, съ вовлеченіемъ и насъ въ таковыя, къ счастью, — по словамъ С. Д. Сазонова,—не заслуживаютъ довѣрія. Не взирая на то, что въ вопросахъ внѣшней политики случайныя привходящія, которыхъ часто не только предотвратить, но даже предвидѣть нѣтъ возможности, имѣютъ иногда въ ходѣ историческихъ событій рѣшающее значеніе», министръ все же считаетъ себя въ правѣ выразить «надежду, что внѣшній миръ въ ближайшемъ будущемъ не подвергнется нарушенію и что намъ будетъ дано спокойно продолжать внутреннюю созидательную работу...» Какъ видимъ, оптимизмъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ не можетъ быть названъ слишкомъ смѣлымъ: онъ не идетъ далѣе надежды на миръ завтрашняго дня, а надѣяться можно и на большее. Мы съ своей стороны позволили бы себѣ высказать пожеланіе, чтобы правительства и дипломаты перестали говорить о войнѣ въ такомъ тонѣ, какъ будто она есть слѣпое, стихійное бѣдствіе, независимое отъ ихъ воли и участія и обрушивающееся на людей въ силу невѣдомыхъ таинственныхъ причинъ и обстоятельствъ, которыхъ «не только предотвратить, но даже предвидѣть нѣтъ возможности». Пора бросить этотъ неумѣстный поддѣльный мистицизмъ въ крайне реальныхъ вопросахъ, связанныхъ съ коренными условіями разумнаго существованія и развитія народовъ.

Французское правительство поспѣшило воспользоваться состоявшимся 4-го ноября прошлаго года соглашеніемъ съ Германіею, чтобы устроить формальный протекторатъ надъ Марокко по образцу Туниса. Въ началѣ апрѣля (нов. стиля) опубликованъ и введенъ въ дѣйствіе договоръ, заключенный съ марокканскимъ султаномъ или шерифомъ Мулай-Гафидомъ и весьма сочувственно принятый французскою печатью. По разсказамъ и сообщеніямъ газетъ, не только иностранные поселенцы, но и туземные мусульмане были очень довольны возвѣщенной перемѣной, обѣщающею странѣ прочный порядокъ и спокойствіе.

Въ силу договора съ шерифомъ, Марокко, какъ самостоятель-

ное государство, перестало существовать и фактически перешло подъ власть Франціи. Въ Марокко предполагается ввести «реформы административныя, судебныя, школьныя, экономическія, финансовыя и военныя, какія будутъ найдены полезными французскимъ правительствомъ». Съ согласія султана, Франція приступаетъ къ военному занятію мароккской территоріи, въ предѣлахъ необходимости, для поддержанія порядка и обезпеченія безопасности торговыхъ сношеній, и беретъ на себя организацію полиціи на сушѣ и въ прибрежныхъ водахъ. Представитель республики при султанѣ, въ званіи генеральнаго комиссара-резидента, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ правительственныя полномочія въ Марокко и является единственнымъ обязательнымъ посредникомъ между султаномъ и иностранными уполномоченными въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся иностранцевъ въ предѣлахъ Мароккской имперіи; ему же принадлежитъ право утверждать и обнародовать, отъ имени французскаго правительства, всѣ декреты, изданные султаномъ. Представительство и защита интересовъ мароккскихъ подданныхъ за границей возлагаются на французскихъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ; султанъ не имѣетъ права заключать какіе бы то ни было акты международнаго характера безъ предварительнаго согласія Франціи; онъ не можетъ также устраивать прямо или косвенно какіе-либо публичные или частные займы и давать какія-либо концессіи въ какой бы то ни было формѣ безъ разрѣшенія французскаго правительства.

Въ этихъ договорныхъ постановленіяхъ настолько рѣзко подчеркивается потеря мароккской независимости, что трудно было ожидать спокойнаго поведенія туземцевъ при провозглашеніи новаго порядка вещей. Французы были почему-то увѣрены, что мѣстное мусульманское населеніе, страдающее отъ постоянныхъ безпорядковъ и отъ общаго безправія, должно испытывать удовольствіе при мысли о переходѣ подъ власть просвѣщенной націи, способной доставить странѣ безопасность и спокойствіе. Племенныя и религіозныя чувства туземцевъ рѣдко принимаются въ разсчетъ самоувѣренными представителями европейской культуры; между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ наглядно доказываютъ общеизвѣстные и постоянно повторяющіеся факты, туземныя мусульманскія народности питаютъ глубокую ненависть къ культурнымъ пришельцамъ и рѣшительно отказываются промѣнять свои самобытные варварскіе порядки на высокопросвѣщенныя учрежденія и нововведенія иноземныхъ предпринимателей. Вслѣдъ за публикаціею договора о протекторатѣ, въ центрѣ Марокко, Фецѣ, вспыхнуло возстаніе, причемъ

погибло много французскихъ солдатъ и офицеревъ; жестокія звѣрства совершались въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока не явился на мѣсто дѣйствія французскій военный отрядъ, который положилъ конецъ происходившимъ волненіямъ. Французское правительство назначило опытнаго военнаго администратора, генерала Ліотэя, на постъ генеральнаго резидента въ Марокко, и это назначеніе вызываетъ въ парижской прессѣ весьма оптимистическія надежды на ходъ марокканскихъ дѣлъ въ ближайшемъ будущемъ. Но справиться съ силою сопротивленія мѣстнаго мусульманства едва ли скоро удастся французамъ, и туземные борцы за національную независимость не перестанутъ быть патріотами отъ того, что ихъ пренебрежительно называютъ фанатиками.

Министерство Пуанкаре, состоящее изъ такихъ первоклассныхъ политическихъ дѣятелей, какъ Бріанъ, Леонъ Буржуа, Делькассе и Мильеранъ, не оправдало еще тѣхъ ожиданій, которыя высказывались при первыхъ шагахъ новаго кабинета. Только внѣшняя политика правительства отличается опредѣленностью, послѣдовательностью, настойчивостью и въ то же время разумною осторожностью; въ колоніальныхъ предпріятіяхъ и вопросахъ замѣчается уже односторонняя прямолинейность, соединенная съ значительнымъ рискомъ; въ области внутреннихъ дѣлъ ни одна изъ предположенныхъ соціально-политическихъ реформъ не приблизилась къ осуществленію.

Великая республиканская партія, начиная съ умѣренныхъ буржуазныхъ группъ и кончая крайними лѣвыми, до сихъ поръ еще должна употреблять свои главныя усилія на сохраненіе и защиту республики среди враждебныхъ ей элементовъ, какъ внутреннихъ, такъ и международныхъ. Необходимость этой постоянной борьбы за республику приводитъ къ тому, что лучшіе и даровитѣйшіе представители прогрессивнаго лагеря отвлекаются отъ широкихъ соціальныхъ задачъ интересами и вопросами совершенно другого рода; между прочимъ, очень много дѣлалось и дѣлается для укрѣпленія республиканскихъ принциповъ въ составѣ командующаго персонала французской арміи, которая такъ часто служила невольнымъ орудіемъ реакціонныхъ замысловъ. Эти заботы о безопасности республиканскаго строя характеризуются такими оригинальными фактами, какъ замѣщеніе должности военнаго министра радикаломъ-соціалистомъ Мильераномъ, или занятіе поста морского министра республиканцемъ Делькассе; и надо сказать, что, по общему мнѣнію компетентныхъ лицъ, эти штатскіе руководители арміи и флота исполняютъ свои отвѣтственныя функціи съ гораздо большею пользою для страны, чѣмъ многіе генералы и адмиралы, потерявшіе на

службѣ способность творческой иниціативы и вынужденные подчиняться рутинѣ своего вѣдомства.

Одинъ изъ вождей этой охранительной республиканской партіи, президентъ французской палаты Анри Бриссонъ, стоявшій два раза во главѣ французскаго правительства—въ 1885 и 1898 годахъ—умеръ 14 (1-го) апрѣля, на 77-мъ году жизни. Носитель старыхъ республиканскихъ традицій, заслуженный ветеранъ борьбы за республиканскую идею, союзникъ Гамбетты и Жюля Ферри, суровый пуританинъ по убѣжденіямъ и характеру, Бриссонъ былъ живымъ воплощеніемъ боевого періода третьей республики. Онъ не блисталъ яркими талантами и не стремился къ популярности, но пользовался общепризнаннымъ и непоколебимымъ авторитетомъ во всѣхъ классахъ французскаго общества. Какъ образцовый предсѣдатель французскаго парламента, онъ умѣлъ быть безусловно корректнымъ и справедливымъ по отношенію къ принципіальнымъ противникамъ республики и заслужилъ безусловное уваженіе и довѣріе даже среди самыхъ безпокойныхъ дѣятелей монархическихъ группъ. Бриссонъ былъ въ свое время и выдающимся журналистомъ, ближайшимъ сотрудникомъ газеты «Temps» со времени ея основанія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть о событіи, лишенномъ политическаго значенія, но имѣющемъ несомнѣнную связь съ общими условіями культурной жизни современнаго человѣчества,—о страшной гибели гигантскаго парохода «Титаникъ» съ 1635 пассажирами въ Атлантическомъ океанѣ, въ ночь съ 1-го на 2-ое апрѣля (нов. ст.). Это было первое плаваніе величайшаго въ мірѣ корабля, устроеннаго съ небывалою роскошью и предназначеннаго служить образцомъ судостроительной техники; онъ вышелъ въ море при торжественной обстановкѣ и долженъ былъ «побить рекордъ» быстроты и комфорта въ области океанскихъ сообщеній. На «Титаникѣ» находился и глава англійской пароходной кампаніи, которой корабль принадлежалъ; въ числѣ пассажировъ были любители новыхъ утонченныхъ впечатлѣній, какъ журналистъ Вильямъ Стэдъ и цѣлый рядъ американскихъ милліардеровъ и милліонеровъ. И этотъ волшебный морской дворецъ, снабженный самыми усовершенствованными машинами, неожиданно подвергся роковой опасности отъ встрѣчи съ колоссальной ледяной глыбою и тихо погрузился на дно, послѣ многихъ и тщетныхъ призывовъ на помощь, передававшихся въ пространство по безпроволочному телеграфу. Духъ нездоровой промышленной конкурренціи сказался, однако, и въ этихъ трагическихъ призывахъ: повидимому, они обращались спеціально къ одному изъ крупныхъ пароходовъ

той же кампаніи, «Карпатія», находившемуся, къ несчастью, слишкомъ далеко отъ мѣста катастрофы, а предложенія другихъ проходившихъ судовъ рѣзко отклонялись, пока на «Титаникѣ» существовала увѣренность въ спасеніи. Корабль летѣлъ быстро среди льдинъ, и пассажиры, убаюканные обиліемъ развлеченій и великолѣпіемъ обстановки, не подозрѣвали возможности какого-нибудь несчастнаго случая,—и «Титаникъ» дѣйствительно побилъ рекордъ въ области культурно-промышленнаго самодовольства и самомнѣнія.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ.

(Некрологъ).

Наука понесла тяжелую, невозмѣстимую потерю, ложащуюся мрачнымъ пятномъ на страну и эпоху, которыя несутъ въ томъ отвѣтственность передъ исторіей.

Умеръ Лебедевъ высокоталантливый ученый, а принимая во вниманіе, что смерть захватила его въ самомъ расцвѣтѣ таланта, можетъ быть, и одинъ изъ тѣхъ избранниковъ, которыхъ исторія отмѣчаетъ печатью генія.

Съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности и до послѣднихъ онъ двигался, можно сказать, по самымъ верхамъ науки, избирая не случайныя какія-нибудь мелкія темы,—сегодня изъ одной, завтра изъ другой области науки; нѣтъ, онъ брался за самые коренные, основные вопросы, за такія задачи, которыя другимъ представлялись неосуществимыми, невозможными. Смерть застала его за еще болѣе широкими и смѣлыми планами новыхъ работъ, въ осуществленіи которыхъ онъ былъ твердо увѣренъ.

Петръ Николаевичъ родился въ Москвѣ въ 1866 году. Отецъ его былъ купецъ, если не богатый, то пользовавшійся извѣстнымъ достаткомъ, и мальчикъ предназначался также къ коммерческой дѣятельности. Съ этой цѣлью родители помѣстили его въ Петро-Павловскую Евангелическую школу, считавшуюся хорошимъ подготовленіемъ для этой карьеры. Во всякомъ случаѣ, школа эта дала ему то знаніе живыхъ, а не классическихъ языковъ, котораго не даетъ гимназія, монополизирующая право поступленія въ университетъ и въ то же время дѣлающая невозможнымъ серьезное изученіе какой бы то ни было университетской науки. А между тѣмъ

съ годами Петръ Николаевичъ началъ обнаруживать ясно выраженное стремленіе къ физикѣ. Такъ какъ университетъ для него былъ закрытъ, онъ желалъ поступить въ Техническое училище и для этого долженъ былъ поступить въ частное реальное училище (Хайновскаго), пребываніе въ которомъ оставило въ немъ самое безотрадное воспоминаніе, за исключеніемъ уроковъ В. И. Палладина (нынѣ профессора ботаники въ Петербургскомъ Университетѣ). Разсказывали, что отецъ, желая все же убѣдить его въ преимуществѣ коммерческой карьеры, пытался окружить юношу особою роскошью—собственными лошадьми, экипажами и т. д., поясняя, что отъ всего такого ему придется отказаться, если онъ не пойдетъ по его стопамъ, а выберетъ мало обезпеченную научную дѣятельность. Но молодой человѣкъ выдержалъ этотъ искусъ и изъ трехлѣтняго пребыванія въ Техническомъ училищѣ вынесъ еще болѣе твердое убѣжденіе, что настоящее его призваніе даже не прикладная, а чистая наука. Впрочемъ, если училище не дало ему тѣхъ знаній, которыхъ онъ искалъ, оно научило его умѣнію, искусству создавать себѣ свои собственныя орудія изслѣдованія—онъ научился токарному, слесарному и столярному ремеслу, которымъ впослѣдствіи самъ могъ обучать; изъ простыхъ мастеровъ, которыхъ онъ приглашалъ въ свои лабораторіи онъ воспитывалъ настоящихъ художниковъ своего дѣла. Таковъ былъ молодой мастеръ Алексѣй Акуловъ, ушедшій вмѣстѣ съ нимъ, когда ему пришлось покинуть университетъ. Тѣ же навыки и умѣнье онъ требовалъ и отъ своихъ учениковъ, слѣдуя въ этомъ примѣру всѣхъ знаменитыхъ лабораторій запада.

Но такъ какъ русскій университетъ, по мудрымъ законамъ страны, былъ для него закрытъ, пришлось перебраться въ болѣе счастливыя страны, гдѣ для того, чтобы учиться физикѣ, не требуется знанія латинской и греческой грамматики. Въ Германіи онъ провелъ четыре года въ Страсбургѣ, Берлинѣ и снова въ Страсбургѣ. Наибольшее вліяніе имѣли на него Кундтъ и, конечно, Гельмгольцъ. Значеніе перваго онъ самъ объяснилъ въ превосходномъ этюдѣ о немъ; о послѣднемъ же онъ любилъ говорить въ шутку, что близость этого геніальнаго человѣка приводила его въ состояніе какого-то священнаго ужаса. Здѣсь онъ во всякомъ случаѣ успѣлъ написать обычную диссертацію на докторскую степень (*о діэлектрическихъ постоянныхъ паровъ*); но другія многочисленныя работы какъ-то не ладились. Можетъ быть, виною была нѣкоторая придирчивость Кундта, даже жаловавшагося на слишкомъ богатую фантазію Лебедева. Любопытно, что начинал со Страсбурга и до самыхъ послѣднихъ своихъ дней, онъ вносилъ въ формѣ дневника въ большую толстую книгу, вродѣ торговаго гроссъ-буха, всѣ свои проекты и планы работъ, всѣ приходившія ему въ голову мысли и притомъ

не своихъ только работъ, но и работъ, которыя онъ предлагалъ своимъ ученикамъ. Какой это былъ бы драгоцѣнный матеріалъ для изученія процесса научнаго творчества, по которому мы имѣли такъ мало матеріала. Съ такою же тщательностью велъ онъ и подробнѣйшіе протоколы своихъ опытовъ. Эта удивительная аккуратность и точность поражаютъ тѣмъ болѣе, что едва ли кто болѣе его имѣлъ право на ту артистическую безпорядочность, которая обыкновенно считается признакомъ даровитой русской натуры. При видѣ его невольно приходила на память легендарная фигура какого-нибудь doctor mirabilis—Крайтона [1]) или вполнѣ историческая фигура геніальнаго Томаса Юнга [2]). Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ глубокій и творческій умъ такъ гармонически сочетался бы съ изумительной выносливостью въ трудѣ, а физическая сила и красота сливалась съ такимъ искрящимся остроуміемъ и заразительною жизнерадостною веселостью.

Вернувшись въ Москву, на первыхъ порахъ матеріально обезпеченный и найдя въ Столѣтовѣ искреннее сочувствіе и опору, онъ могъ всецѣло предаться своему истинному призванію—экспериментальному изслѣдованію, не отвлекаясь побочными тяжелыми обязанностями преподавателя: лекціями и въ особенности этими притупляющими и учащихъ, и учащихся экзаменами, дошедшими у насъ до тѣхъ уродливыхъ размѣровъ, которыхъ теперь навѣрно не встрѣтишь даже въ Китаѣ.

Лебедевъ никогда не любилъ чтенія лекцій, конечно, сознавая, что для него, можно сказать, геніальнаго экспериментатора, раскрывавшаго наукѣ новые горизонты,—передача, хотя бы талантливая передача, того, что уже пріобрѣтено и зарегистровано наукой не самое производительное употребленіе времени. Не чувствовалъ онъ также расположенія и къ болѣе широкому распространенію знаній—къ ихъ популяризаціи. Но это не значило, чтобы въ обоихъ ука-

---

[1]) Крайтонъ—на зарѣ эпохи возрожденія поражалъ своихъ современниковъ тѣмъ, что утромъ вызывалъ на диспутъ всѣхъ ученыхъ Сорбоны,—вечеромъ очаровывалъ своей граціей и красотой на балу въ Луврѣ, а днемъ успѣвалъ еще продѣлывать чудеса ловкости и силы на самыхъ отчаянныхъ поединкахъ.

[2]) Знаменитый физикъ, одинъ изъ творцовъ современной оптики, извѣстный еще тѣмъ, что первый прочелъ гіероглифы, Юнгъ считалъ за правило: что дѣлаетъ одинъ человѣкъ, всякій другой человѣкъ долженъ умѣть сдѣлать. Увидавъ однажды жонглера, продѣлывавшаго ловкія штуки, стоя на лошади, онъ купилъ себѣ лошадь и черезъ нѣсколько недѣль продѣлывалъ ихъ не хуже; или, увидавъ въ первый разъ танцующихъ мазурку, онъ заперся у себя дома, вычертилъ мѣломъ на полу кривыя, которыя должны описывать обѣ ноги, и черезъ нѣсколько дней появился на балу, поражая всѣхъ своею ловкостью и красотой.

занныхъ направленіяхъ онъ не обнаруживалъ, при случаѣ, своей обычной талантливости.

Конечно, здѣсь не мѣсто объяснять значеніе его научной дѣятельности. Тѣ выраженія искренняго сожалѣнія о его безвременной смерти, которыя были получены отъ его сотоварищей по наукѣ, особенно изъ Англіи (гдѣ онъ никогда не бывалъ) и изъ Германіи, достаточно указываютъ какое мѣсто онъ занималъ въ семьѣ европейскихъ ученыхъ. Здѣсь можно только намекнуть на общее содержаніе его работъ и ихъ характеристическую особенность. Нерѣдко, онъ говорилъ въ шутку, какъ хорошо отъ окружающей пошлости и грязи уходить въ науку, въ область «чистаго эѳира». Физика эѳира, сосредоточивающая на себѣ вниманіе современныхъ ученыхъ, была отмежеванною имъ себѣ областью, а въ ней тѣ именно задачи, передъ которыми вслѣдствіе ихъ трудности останавливались другіе ученые, порою признававшіе ихъ прямо неразрѣшимыми. Осуществлять представляющееся невозможнымъ—вотъ къ чему влекло его боевую натуру. Для преодолѣнія препятствій у него была неистощимая научная фантазія, и, кромѣ того, онъ не жалѣлъ также ни времени, ни силъ. Величайшимъ обобщеніемъ науки второй половины XIX вѣка было геніальное ученіе Максуэля, отождествлявшее въ одномъ широкомъ синтезѣ явленія свѣтовыя и электро-магнитныя. Эти идеи Максуэля оставались достояніемъ ученыхъ и то немногихъ, которые могли одолѣть ея трудно доступную математическую форму. Онѣ стали достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей только тогда, когда Герцу удалось показать на опытѣ существованіе тѣхъ электро-магнитныхъ волнъ, частнымъ случаемъ которыхъ являются волны свѣта. Еще болѣе широкое распространеніе получили они, когда эти волны Герца легли въ основу одного изъ наиболѣе изумительныхъ приложеній науки—безпроволочнаго телеграфа.

Но волны Герца измѣрялись метрами, десятками, сотнями метровъ, а волны свѣта тысячными долями милиметра; между тѣми и другими былъ незаполненный перерывъ. Къ тому же опыты Герца требовали громадныхъ неуклюжихъ приборовъ (напр. Смоляныхъ призмъ въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ) и громадныхъ помѣщеній [1]). Со свойственнымъ ему искусствомъ Лебедевъ воспроизвелъ эти опыты при помощи придуманнаго имъ набора миніатюрныхъ приборовъ, помѣщавшихся въ карманѣ его сюртука, да и волны эти, которыя по справедливости слѣдовало бы назвать Лебедевскими, по размѣрамъ занимали положеніе промежуточное между Герцевскими и свѣтовыми, соединяя ихъ въ одно

1) Для того, чтобы показать ихъ въ первый разъ въ Петербургѣ, понадобился актовый залъ университета.

цѣлое, въ общій спектръ, изображеніе котораго можно было видѣть протянутымъ во всю длину университетской физической аудиторіи. Кромѣ того, при этихъ опытахъ была открыта новая аналогія со свѣтомъ: двойное лучепреломленіе электро-магнитныхъ волнъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ выводовъ теоріи Максуэля заключался въ томъ, что свѣтъ, сверхъ своихъ обычныхъ проявленій, долженъ оказывать механическое давленіе на тѣла, на которыя онъ падаетъ, но этотъ выводъ оспаривался даже такими авторитетами, какъ лордъ Кэльвинъ. Лебедевъ взялся доказать существованіе этого давленія на опытѣ. Съ какими трудностями былъ сопряженъ этотъ опытъ видно уже изъ того, что давленіе это менѣе миллиграмма на квадратный метръ и, сверхъ того, это само по себѣ ничтожное давленіе совершенно маскируется другимъ побочнымъ давленіемъ, превышающимъ его въ тысячу разъ и легко наблюдаемымъ въ извѣстной свѣтовой мельницѣ Крукса. За такую-то почти безнадежную тему взялся молодой ученый и, блистательно разрѣшивъ ее, сразу выдвинулся въ первые ряды европейскихъ ученыхъ. Мнѣ не разъ приходилось упоминать о томъ, какъ лордъ Кэльвинъ въ 1903 году обратился ко мнѣ со словами: «Вы знаете, что я не поддавался на аргументы Максуэля, а вотъ передъ опытами вашего Лебедева пришлось сдаться». Доказавъ давленіе свѣта на твердыя тѣла, Лебедевъ не остановился передъ несравненно труднѣйшей задачей доказательства давленія свѣта на газы. Этотъ фактъ представлялъ тотъ глубокій интересъ, что доставлялъ объясненіе для происхожденія кометныхъ хвостовъ. Здѣсь не только экспериментальныя трудности возростали во сто разъ, но даже самый фактъ отрицался многими учеными. Съ своей стороны, Лебедевъ, на основаніи одного изъ своихъ предшествовавшихъ изслѣдованій—«О явленіяхъ резонанса», которому онъ самъ придавалъ особое значеніе, былъ убѣжденъ въ существованіи этого явленія. На эту работу онъ не пожалѣлъ десяти лѣтъ, до двадцати разъ придумывалъ новые и новые методы, пока не нашелъ такого, которымъ самъ удовлетворился. За то и получилось изслѣдованіе, о которомъ профессоръ Эйхенвальдъ, самъ извѣстный экспериментаалистъ и лучшій судья, высказался такъ: «Эту работу можно считать верхомъ экспериментальнаго искусства современной физики». Таковъ же былъ приговоръ и его европейскихъ коллегъ; достаточно сказать, что лондонскій Королевскій институтъ, это замѣчательное учрежденіе, дѣятельность котораго связана съ именами Юнга, Фарадея и Максуэля, поспѣшилъ избрать его своимъ членомъ. Казалось, на этихъ лаврахъ можно было на время отдохнуть, но Лебедева манили новыя, еще болѣе смѣлыя задачи, новыя непреодолимыя трудности. Въ послѣднемъ письмѣ, которое я получилъ отъ него изъ Гей-

дельберга, съ небольшимъ за полгода до его смерти, онъ развивалъ планъ новой работы. На этотъ разъ рѣчь шла о связи между электромагнитными явленіями и тяготѣніемъ. Этимъ, можетъ быть, осуществлялся послѣдній синтезъ, объединяющій всѣ физическія явленія, послѣдній шагъ, который оставалось сдѣлать физикѣ по тому пути, по которому она такъ успѣшно двигалась за истекшій вѣкъ. «Опыты чудовищно трудны»,—писалъ онъ,—«проекты грандіозные, но я ихъ *осуществлю* [1]),—если Erb [2]) дастъ мнѣ здоровье». У другого эти слова звучали бы только похвальбой, но Лебедевъ пріучилъ насъ, что то, что онъ обѣщалъ, онъ исполнялъ, да и было ему всего сорокъ пять лѣтъ. Для европейскаго ученаго это было бы только половина научной жизни. Не такъ для русскаго...

Сохранилось преданіе, что Лавуазье просилъ отсрочить его казнь, чтобы дать ему время довести до конца задуманное изслѣдованіе. Но убиваетъ не одинъ только ножъ гильотины. Лебедева убилъ погромъ московскаго университета [3]). Послѣднія слова того же письма его были:—«Хорошо жить и думать въ университетскомъ городѣ».

Родной городъ, вмѣсто университета, могъ дать ему только могилу.

К. А. Тимирязевъ.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

«Такъ было и такъ будетъ!»—Объясненія А. А. Макарова по запросамъ о ленской трагедіи. — «Охранный» уголъ зрѣнія. — «Охранное» обозначеніе границъ экономической и политической стачки рабочихъ.—Н. А. Хомяковъ объ итогахъ дѣятельности третьей Думы.—Эпизоды предвыборной кампаніи.—Мѣры обезпеченія «благопріятныхъ» выборныхъ результатовъ со стороны духовенства, губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ.—И. А. Корсаковъ и П. Т. Садовскій. †

«Такъ было и такъ будетъ впредь»!.. Такъ было 9 января 1905 г. въ Петербургѣ: залпы по толпѣ, свистъ пуль и трупы... Такъ было потомъ въ Ярославлѣ, въ Златоустѣ, подъ Москвой, въ

1) Это слово два раза подчеркнуто.

2) Извѣстный Гейдельбергскій медикъ.

3) См. мою статью *Смерть Лебедева* въ Русск. Вѣд. Апрѣля 8, 1912 г.

Эстляндіи и въ Лифляндіи. Такъ было во время революціи и до нея. Такъ было и теперь на Ленѣ. Безоружная толпа... и разстрѣлы. Такъ было и такъ есть. Такъ ли будетъ? Такъ ли должно быть?

Такъ было и есть, что въ Англіи долгій споръ углекоповъ съ углепромышленниками—споръ исключительно тяжелый, болѣзненно отражавшійся на жизни всей страны, остановившій движеніе поѣздовъ, грозившій общимъ разореніемъ,—протекалъ и завершился безъ единаго трупа, а у насъ отказъ отъ работы рабочихъ на ленскихъ пріискахъ, вызванный прямыми злоупотребленіями Ленскаго товарищества, ни чѣмъ и ни въ чемъ не дававшій себя чувствовать внѣ удаленнаго за многія тысячи верстъ пріисковаго раіона и ничему внѣ этого раіона не грозившій,—черезъ мѣсяцъ разрѣшился сотнями кровавыхъ человѣческихъ жертвъ. Такъ было и есть, что въ Англіи государственная власть, въ виду спора углекоповъ съ углепромышленниками, поспѣшила экстренно провести черезъ законодательныя учрежденія новыя нормы охраны труда въ его борьбѣ съ капиталомъ,—а у насъ власть послала на мѣсто жандармскаго ротмистра и уполномочила его на разстрѣлъ измученныхъ алчностью богатой компаніи рабочихъ. Такъ было и есть, что по жертвамъ стихійной катастрофы у береговъ Америки и въ Петербургѣ служились оффиціальныя панихиды, въ присутствіи министровъ, а о томъ, чтобы отслужить панихиду по жертвамъ своей, русской стихіи,—по жертвамъ молоху, именуемому «охраной»,—и на мысль никому не приходило. Такъ даже не было, но такъ есть, что не найдется православнаго священника, который отслужилъ бы такую панихиду.

Такъ было и такъ есть, что попытку молодежи и рабочихъ мирно выразить протестъ противъ разстрѣла толпы встрѣтили нагайками и кулаками. Такъ было, что въ Государственной Думѣ въ день внесенія запросовъ не нашлось кворума и не могло состояться голосованіе. Такъ, наконецъ, было и есть, что на газеты посыпались штрафы, что среди рабочихъ ежедневно производятся обыски и аресты, что напрягаются всѣ силы, дабы съ корнемъ вырвать сочувствіе несчастнымъ жертвамъ катастрофы на Ленѣ, дабы вытравить изъ общественнаго сознанія чувство ошеломившаго его ужаса... Неужели такъ будетъ впредь? Неужели такъ быть должно?..

«Я нахожу, эти событія прискорбными потому, что когда рѣчь идетъ о событіяхъ, повлекшихъ за собою смерть 163 лицъ, иного отношенія, какъ искренней печали, къ такимъ событіямъ быть не можетъ». Эти слова А. А. Макаровъ предпослалъ своимъ объясненіямъ въ Думѣ. Министра внутреннихъ дѣлъ «событія» не потрясли. Онъ только находитъ ихъ «прискорбными». Мало того: такое признаніе «событій» требуетъ, очевидно, по его мнѣнію, моти-

вировки,—что онъ тутъ же, какъ бы оправдываясь, и сдѣлалъ. 163 трупа, оставшихся на мѣстѣ послѣ «огня», не считая раненыхъ, — допустимъ, что труповъ было не больше, — для А. А. Макарова есть хотя и прискорбное событіе, но такое, однако, которое обязываетъ забыть и «искреннюю печаль», и «чувства скорби», чтобы сказать надъ свѣжей могилой 163 покойниковъ: не тѣ, кто въ васъ стрѣляли, и не тѣ, кто приказали въ васъ стрѣлять, повинны въ вашей смерти, а вы сами и тѣ, кто организовали ваши совмѣстныя дѣйствія въ борьбѣ труда противъ эксцессовъ капитала... «Соблюдены ли были,—ставилъ себѣ вопросы министръ внутреннихъ дѣлъ,—установленныя закономъ требованія для обращенія къ огнестрѣльному оружію, и было ли достаточное основаніе отдать распоряженіе объ обращеніи къ оружію»? И онъ съ увѣренностью отвѣчалъ на нихъ утвердительно: «Безспорно, формальныя условія, необходимыя для открытія огня, были соблюдены, и если бы, обратно, обращеніе къ оружію не имѣло мѣста и толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, окруживъ сотню солдатъ, обезоружила ее, то тогда несомнѣнно было бы преступное бездѣйствіе власти».

«Открытіе огня», «воинъ и оружіе нераздѣльны», «войско руководствуется исключительно присягой», «потеря оружія — позоръ для воина» — эта терминологія въ описаніи побѣдъ надъ «внутреннимъ врагомъ», не впервые и не г. Макаровымъ пущена въ оборотъ. Всѣмъ памятенъ приказъ ген. Трепова, точнѣе боевая диспозиція: «патроновъ не жалѣть»! Въ 1899 г. избіеніе студентовъ петербургскаго университета отрядомъ конныхъ городовыхъ не было признано даже «прискорбнымъ событіемъ», ибо изъ среды студенческой толпы раздавались оскорбительныя слова по адресу «воинской (!) части» И иниціаторъ избіенія—полицейскій поручикъ, отвѣтившій на оскорбленіе «ввѣреннаго ему отряда» конной атакой на расходившуюся уже толпу, не только не понесъ кары, но быстро авансировалъ на службѣ. Словомъ, войсковыя и даже полицейскія команды при призывѣ для содѣйствія гражданскимъ властямъ трактовались у насъ до революціи и трактуются сейчасъ такъ, какъ будто бы они призываются для боя съ непріятельскимъ войскомъ.

Они «открываютъ огонь», дѣйствуютъ повелѣніямъ присяги,— т. е. руководствуются отнюдь не предѣлами крайней въ употребленіи оружія необходимости, а боевымъ принципомъ причиненія «врагу» всего возможнаго, по условіямъ данной обстановки, вреда. Что страннаго при этомъ, если на мѣстѣ остается 163 трупа. Можетъ ли быть иначе, когда «врагъ» идетъ не въ боевомъ порядкѣ наступленія, а безформенной толпой, бросающейся на землю послѣ перваго залпа, и когда трофеями побѣдителю достаются, вмѣсто пушекъ и

ружей, — и то весьма сомнительные,—«кирпичи, колья и палки»? Г. Макаровъ объясняетъ разстрѣлъ рабочихъ на Ленѣ актомъ самообороны «горсти» солдатъ въ 110 человѣкъ противъ трехтысячной толпы. Его приводятъ въ ужасъ не 163 трупа, а то, что толпа, шедшая по узкой зимней дорогѣ, «могла» смять солдатъ, окружить и обезоружить. И въ этомъ миѳическомъ «могла» онъ находитъ полное оправданіе для ротмистра Трещенкова, оправданіе залпа по шедшимъ, залповъ по лежащимъ и выстрѣловъ по бѣгущимъ. А «нужны» ли были эти 163 трупа? Такъ г. Макаровъ вопроса не ставитъ. «Солдаты,—говорилъ онъ, — волновались, требуя приказа стрѣлять». Гдѣ же была въ этотъ моментъ,—если такъ,—ихъ «желѣзная дисциплина», приводившаяся какъ предпосылка для вывода: «такъ было и такъ будетъ впредь»?

«Охранный» уголъ зрѣнія на всѣхъ и на все извратилъ у насъ самыя простыя и элементарныя понятія: въ университетахъ поставлена подъ сомнѣніе наука; въ судахъ—законъ; въ управленіи—задачи его органовъ и способы ихъ осуществленія; въ отношеніи войска, а порой и отдѣльныхъ офицеровъ и солдатъ—средства и пріемы допустимаго и потребнаго содѣйствія гражданскимъ властямъ. Нельзя отрицать случаевъ, когда и «внутренній врагъ» можетъ быть для войска врагомъ въ техническомъ смыслѣ слова,—если этотъ внутренній врагъ будетъ такимъ, какимъ были польскіе полки въ 1831 году или польскіе же косиньеры во время возстанія 1863 года. Съ такимъ врагомъ ведется война; войска его не усмиряютъ, а съ нимъ сражаются. Трупы, хотя бы сотни ихъ, послѣ боя съ нимъ — роковая необходимость, ибо гдѣ бой, гдѣ двѣ сражающіяся стороны, тамъ ни одна не обязана удерживать и ограничивать свою возможность достиженія наиболѣе полной побѣды. Но когда войско имѣетъ передъ собою «внутренняго врага» въ лицѣ обывателя или обывателей, не желающихъ подчиниться судебному рѣшенію, или въ лицѣ толпы, идущей просить или даже чего-либо требовать, то только извращеніе понятій можетъ устанавливать аналогію между подобнымъ внутреннимъ врагомъ и врагомъ внѣшнимъ,—тѣмъ врагомъ, для боевого поединка съ которымъ въ государствѣ существуетъ войско. 110 солдатъ на Ленѣ подъ начальствомъ ротмистра Трещенкова исполняли не боевую функцію, а полицейскую.

Когда забастовка на пріискахъ стала затягиваться, для объединенія дѣйствій мѣстныхъ властей былъ командированъ изъ Иркутска жандармскій ротмистръ Трещенковъ. Почему эта сложная и отвѣтственная задача была возложена на жандармскаго ротмистра? Почему она не была возложена на горнаго инженера Тульчинскаго,

«уважаемаго на мѣстѣ» и «извѣстнаго своей дѣятельностью въ Восточной Сибири», какъ говорилъ о немъ въ Думѣ А. А. Макаровъ? Почему, если считалось необходимымъ прислать особое лицо изъ Иркутска, былъ командированъ не вице-губернаторъ, не прокуроръ окружного суда, а жандармскій ротмистръ? Этого вопроса никто въ Думѣ министру внутреннихъ дѣлъ не задавалъ. Г. Макаровъ не счелъ возможнымъ оставить безъ объясненія, почему событіе, «повлекшее за собою смерть 163 лицъ», есть событіе прискорбное; а почему въ мѣстные органы горнаго управленія и надзора, въ виду тревожнаго положенія, клиномъ былъ вбитъ жандармскій ротмистръ,—повидимому, въ этомъ для него нѣтъ и вопроса.

Да, дѣйствительно, такъ было и есть, что сложная и сравнительно совершенная судебная организація, судъ присяжныхъ, у насъ существуетъ для дѣлъ маловажныхъ, а дѣла важныя разсматриваются судебными палатами съ сословными представителями; важнѣйшія же—военными судами. Такъ было и есть, что чѣмъ менѣе отвѣтственна служебная должность и чѣмъ съ меньшими она связана полномочіями, тѣмъ у насъ труднѣе ее получить безъ спеціальной подготовки. Судебные слѣдователи-юристы производятъ у насъ слѣдствія о наименѣе сложныхъ преступленіяхъ, по сложнымъ же и наиболѣе труднымъ дѣламъ производятся дознанія жандармскими офицерами. Да, дѣйствительно, такъ было и есть, что извѣстность лица и пріобрѣтенное имъ по служебной дѣятельности уваженіе отнюдь не служитъ основаніемъ для снабженія именно его, въ случаѣ надобности, особо широкими полномочіями. Такъ было и такъ все болѣе укрѣпляется, что жандармскій цензъ и энергія въ охранной дѣятельности становятся у насъ всепокрывающимъ цензомъ. «Охранный» уголъ зрѣнія въ этомъ отношеніи уже настолько вошелъ въ нравы и привычку, что министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ Думѣ фактъ командированія ротмистра Трещенкова и поставилъ точку...

«До послѣдней забастовки въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ никакихъ указаній на ненормальность экономическихъ отношеній между Ленскимъ товариществомъ и рабочими не было». Это говорилъ А. А. Макаровъ. А непосредственно вслѣдъ за нимъ министръ торговли и промышленности объяснялъ: «Первое донесеніе о допускаемыхъ товариществомъ неправильностяхъ было получено правительствомъ въ январѣ 1911 г., причемъ указывалось въ донесеніи на неудовлетворительность медицинской помощи и задержку въ разсчетахъ». И засимъ г. Тимашевъ весьма подробно излагалъ о сно-

шеніяхъ «правительства» съ Ленскимъ товариществомъ, о донесеніяхъ окружнаго инженера, о продолжавшейся со стороны товарищества задержкѣ въ разсчетахъ, объ указаніяхъ, которыя дѣлалъ товариществу горный департаментъ касательно удовлетворенія жилищной нужды рабочихъ, и т. д.

Трудно думать, что министры объединеннаго кабинета намѣренно принесли на судъ Думы діаметрально противоположныя утвержденія. Трудно также допустить, что передъ выступленіемъ съ думской каѳедры они не обмѣнивались мыслями о предполагавшихся каждымъ объясненіяхъ. Гораздо проще и вѣрнѣе искать причину разнорѣчія въ другомъ—въ томъ, что съ точки зрѣнія руководителя русской внутренней политики единственно имѣющими цѣну представляются донесенія и «указанія» органовъ и агентовъ охраны. Такихъ «указаній» не было, и министерство внутреннихъ дѣлъ считало, что на Ленѣ все благополучно. Правда, г. Макаровъ заявлялъ, что не было указаній на ненормальность «экономическихъ» отношеній. Но, во-первыхъ, на языкѣ «охраны» всѣ понятія однобоки, и злоупотребленія работодателей отнюдь еще не свидѣтельствуютъ о «ненормальности» экономическихъ отношеній. А, во-вторыхъ, развѣ не показалъ г. Макаровъ въ дальнѣйшемъ изложеніи рѣчи, что подъ экономическими отношеніями можно понимать не всегда одно и то же и что границу между экономическими и политическими требованіями онъ проводитъ не тамъ, гдѣ ее проводятъ обыкновенно?

Г. Макаровъ особенно подчеркивалъ: «соціалистическій характеръ требованій рабочихъ», «руководительство стачкой со стороны стачечнаго комитета» и участіе въ стачечномъ комитетѣ члена второй Думы и еще трехъ лицъ, осужденныхъ «за распространеніе нелегальной литературы», «за принадлежность къ латышскому соціалъ-демократическому союзу» и «за принадлежность къ революціонному сообществу». «При такихъ руководителяхъ,—заявлялъ онъ,—забастовка не могла быть исключительно экономической». Итакъ, экономическій или политическій характеръ стачки опредѣляетъ личный составъ руководителей. Что въ томъ, что Ленское товарищество оплачивало трудъ, вмѣсто денегъ, талонами на полученіе товаровъ изъ своихъ лавокъ. Что въ томъ, что оно заставляло рабочихъ жить въ невозможныхъ жилищныхъ условіяхъ. Что въ томъ, наконецъ, что въ раіонѣ, гдѣ кругомъ на тысячи верстъ нѣтъ ни городскихъ, ни сельскихъ больницъ и врачей и гдѣ все принадлежитъ товариществу, оно не давало служащимъ его интересамъ рабочимъ достаточной медицинской помощи. Все это въ глазахъ «охраны» уходитъ на второй планъ при сопоставленіи съ тѣмъ, что рабочіе, среди которыхъ есть навѣрное сотни ссыльныхъ, избрали въ ста-

чечный комитетъ четверыхъ ссыльно-поселенцевъ, сосланныхъ за политическія преступленія, и въ ихъ числѣ бывшаго члена Думы.

Изъ словъ министра внутреннихъ дѣлъ явствуетъ, что, по его мнѣнію, стачка рабочихъ тогда только имѣетъ легальный, чисто экономическій характеръ, когда во главѣ ея нѣтъ стачечнаго комитета и когда рабочіе не заявляютъ «соціалистическихъ» требованій. Законъ предоставилъ рабочимъ, не служащимъ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе, право стачекъ, какъ средство дозволенной экономической борьбы. Министръ «разъяснилъ» Думѣ это право, какъ право вести борьбу безъ стачечнаго комитета, т. е. безъ плана, безъ организаціи,—каждымъ рабочимъ изъ пяти тысячъ особо, за свой собственный рискъ и по своему собственному разумѣнію. И этого еще мало. Предъявляя требованія, рабочіе не должны касаться требованій «соціалистическихъ». Что же, въ такомъ случаѣ, останется отъ дарованнаго закономъ рабочимъ права? Когда они, предъявляя требованіе платить имъ за трудъ деньгами и не кормить тухлымъ мясомъ, могутъ считать себя гарантированными отъ привлеченія къ суду и отъ разстрѣла? По «разъясненію», которое послѣ рѣчи А. А. Макарова министерство не замедлитъ облечь въ форму циркуляра,—очевидно, никогда.

Политико-экономической аргументаціи А. А. Макарова вполнѣ соотвѣтствуетъ его аргументація юридическая. Закономъ, говорилъ онъ, «установлена ненаказуемость участія въ стачкѣ, но не въ сообществѣ, поставившемъ своей цѣлью организацію стачекъ». А потому привлеченіе къ уголовной отвѣтственности и послѣдующій арестъ членовъ стачечнаго комитета были дѣйствіями безупречно законными, совершенно также, какъ и разстрѣлъ толпы, пришедшей требовать объ освобожденіи арестованныхъ. Съ другой стороны, столь же безупречно законными и подлежавшими исполненію во что бы то ни стало были рѣшенія мирового судьи о выселеніи рабочихъ изъ казармъ, хотя, въ виду отсутствія на ленскихъ пріискахъ непринадлежащихъ товариществу жилищъ, выселять ихъ, кромѣ какъ на снѣгъ, было некуда, и хотя иркутское горнозаводское присутствіе пришло къ обратному рѣшенію, признавъ, что вина за нарушеніе контрактовъ падаетъ не на рабочихъ, а на товарищество.

Признаніе наказуемости «сообщества», которое поставило себѣ цѣлью организовать ненаказуемую стачку, для криминалиста, равносильно признанію преступности и наказуемости подговора совершить безразличное въ уголовно-правовомъ смыслѣ дѣяніе. И какъ ни глухи дебри нашихъ одновременно дѣйствующихъ стараго уложенія о наказаніяхъ и новаго уголовнаго уложенія, но и въ нихъ нельзя настолько заблудиться, чтобы при свѣтѣ самаго элементар-

наго знанія возможно было придти къ оправданію привлеченія по ст. 125 угол. улож. членовъ ленскаго стачечнаго комитета. Третій пунктъ этой статьи устанавливаетъ отвѣтственность за участіе въ сообществѣ, «завѣдомо поставившемъ цѣлью своей дѣятельности возбужденіе рабочихъ къ устройству или продолженію стачки, статьею 367 предусмотрѣнной. Статья 367 въ дѣйствіе не введена. Слѣдовательно, хотя ст. 125-ая и объявлена дѣйствующимъ закономъ, но ея третій пунктъ, примѣненія имѣть не можетъ. Но допустимъ, что при извѣстномъ либерализмѣ въ обращеніи съ закономъ юридически возможно мысленно включить въ текстъ третьяго пункта ст. 125-ой тотъ дѣйствующій законъ, который по старому уложенію о наказаніяхъ соотвѣтствуетъ ст. 367-ой новаго уголовнаго уложенія. Законъ этотъ—ст. 1359[8], которая, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ временными правилами 2 декабря 1905 г., трактуетъ исключительно о стачкѣ служащихъ и рабочихъ «на желѣзной дорогѣ», или «на телефонѣ общаго пользованія», или «вообще въ такомъ предпріятіи, прекращеніе или пріостановленіе дѣятельности коего угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія»,—т. е. о стачкѣ противозаконной. И, само собою разумѣется, иначе вопросъ въ уголовномъ кодексѣ стоять не можетъ, разъ законъ отъ воспрещенія стачекъ рабочихъ вообще перешелъ къ запрету лишь стачекъ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе.

Такимъ образомъ, если и въ отношеніи оцѣнки дѣйствій рабочихъ на Ленѣ и признанія, что они совершали въ теченіе мѣсяца одни сплошныя преступныя дѣянія, «такъ было»,—то неужели сюда одинаково приложима вторая половина формулы: «такъ будетъ впредь»? До какихъ же поръ?—невольно напрашивается вопросъ. Членъ Думы Кузнецовъ на этотъ вопросъ отвѣтилъ. «Рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ—говорилъ онъ,—лучшая прокламація, которую только могла бы составить соціалъ-демократическая партія»...

Днемъ раньше, при внесеніи запросовъ, тотъ же г. Кузнецовъ сказалъ горькія, но справедливыя слова по адресу Думы: «Мы не думаемъ, что виновниками являлись одни капиталисты,—бароны Гинцбурги и гг. Тимирязевы, а также правительство,—большая вина за ленскую катастрофу лежитъ и на третьей Думѣ». «Далеко рѣка Итимъ,—продолжалъ его мысль другой членъ Думы, г. Скороходовъ,—но и оттуда, за семь тысячъ слишкомъ верстъ, брызнувшая фонтаномъ кровь долетѣла до Петербурга и обрызгала здѣсь власть. Да и одну ли только власть? Нѣтъ ли этихъ брызгъ на стеклянной

крышѣ Таврическаго дворца? Большинство членовъ третьей Думы нашло дорогу въ Таврическій дворецъ только подъ вѣхами 3 іюня, большинство въ теченіе пяти лѣтъ говорило: чего изволите и какъ прикажете»... И оно договорилось: пока представители оппозиціи гвоздь за гвоздемъ вбивали въ большинство слова о крови и объ отвѣтственности за трупы рабочихъ, «депутаты расходились». «Депутатовъ,—писали газетные отчеты,—цѣлый день въ Думѣ было мало, а во время преній по запросамъ много разошлось».

Отсутствіемъ кворума въ день выясненія запросовъ о ленской кровавой драмѣ Дума третьяго созыва подвела незабываемый итогъ своей дѣятельности. Но руководители думскаго большинства, октябристы, все-таки, не признаютъ бьющей въ глаза очевидности. Корреспонденту «Биржевыхъ Вѣдомостей» первый предсѣдатель третьей Думы, Н. А. Хомяковъ, говорилъ: «Дума сдѣлала свое уже тѣмъ, что пустила глубокіе корни въ сознаніе страны. Врядъ ли найдется такой крайній правый, который сталъ бы говорить, что Государственная Дума не нужна. И врядъ ли кому придетъ въ голову мысль объ уничтоженіи теперь народнаго представительства».

Во второй Думѣ октябристовъ было мало, и они не отдѣляли себя ни отъ средне-правыхъ, ни отъ крайнихъ. Г. Хомяковъ имѣлъ обычными сосѣдями по одну сторону г. Шульгина, по другую—г. Пуришкевича. Когда, послѣ открытія третьей Думы, г. Хомяковъ былъ избранъ ея предсѣдателемъ, то, какъ извѣстно, вскорѣ затѣмъ думское большинство торжественно ужинало въ ресторанѣ Кюба. Къ столу г. Хомякова ввезъ на своей спинѣ г. Крупенскій. Послѣ «восторженно принятаго» за него тоста, г. Хомяковъ обнималъ г. Пуришкевича—своего «буйнаго друга». Всѣ эти штрихи интимной близости Н. А. Хомякова,—участника земскихъ съѣздовъ, земца доконституціоннаго времени и одного изъ учредителей союза 17-го октября,—съ антиконституціоналистами трудно было считать имѣющими идейную подкладку. Приведенныя же его слова краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что и въ настоящее время, несмотря на принадлежность къ будирующимъ октябристамъ, такъ называемымъ, лѣвымъ, онъ смотритъ только въ одну сторону—вправо. Если не найдется крайняго праваго, который сталъ бы говорить, что Государственная Дума не нужна, то значитъ Дума «пустила глубокіе корни въ сознаніе страны». «Страну», слѣдовательно, въ глазахъ г. Хомякова представляютъ гг. Пуришкевичи, Шульгины, Замысловскіе и Марковы. Конечно, въ ихъ сознаніе «работа» третьей Думы пустила корни. Конечно, имъ не придетъ въ голову мысль объ уничтоженіи такого «народнаго представительства», какимъ была въ теченіе пяти лѣтъ третья Дума. А какіе корни пустили эти пять

лѣтъ въ сознаніе не крайнихъ правыхъ? Какія мысли приходятъ въ голову странѣ, представляемой не союзническими чайными, въ ожиданіи, что четвертая Дума будетъ такою же, какою была «сдѣлавшая свое»—третья? Этихъ вопросовъ для г. Хомякова видимо не существуетъ.

Второй тезисъ Н. А. Хомякова не менѣе характеренъ: «Дума послужила для страны вытяжной политической трубой. Вся «политическая копоть» стала уходить въ Государственную Думу. Бывало прежде, пріѣдешь ли на земское, или дворянское собранія, сейчасъ же начинаются политическіе дебаты. Теперь было бы странно на земскомъ собраніи слушать какую-либо политическую рѣчь, когда наканунѣ сказали или завтра произнесутъ болѣе интересныя рѣчи въ Таврическомъ дворцѣ. Благодаря существованію Г. Думы, поднялась «дѣловитость русской жизни». Этому способствовалъ думскій политическій вентиляторъ».

Въ этомъ тезисѣ, прежде всего, нѣтъ фактической правды. И на земскихъ собраніяхъ, и особенно на дворянскихъ, теперь нисколько не меньше говорятъ о политикѣ, чѣмъ говорили прежде. Только содержаніе политическихъ дебатовъ стало другое. Если прежде дебатировались вопросы о раскрѣпощеніи русской жизни, то теперь о ея наиболѣе полномъ закрѣпощеніи, о новыхъ ограниченіяхъ для евреевъ, объ увеличеніи каръ за посягательство на священное и неприкосновенное право помѣщичьей собственности, о мѣрахъ поддержанія правой печати. Дворяне съ цѣлью болѣе широкаго воздѣйствія на политику образовали даже особую политическую организацію—союзъ объединеннаго дворянства. Слѣдовательно, если уже говорить о «политической копоти», то приходится признать, что «думскій вентиляторъ» не вытягивалъ ее, а вдувалъ. Но, конечно, «политическая копоть» въ словахъ г. Хомякова—это политика слѣва. И этого рода политическій интересъ правительство, дѣйствительно, при содѣйствіи третьей Думы, въ странѣ задавило. Ущербъ ли только понесла отъ этого русская жизнь или получила благо?

Отвѣтъ на послѣдній вопросъ находимъ въ той же самой бесѣдѣ. Едва г. Хомяковъ перешелъ отъ оцѣнки дѣятельности третьей Думы къ оцѣнкѣ общаго политическаго положенія момента, изъ устъ его полились слѣдующія слова: «Остались старые методы и пріемы власти на мѣстахъ»... «Въ провинціи все осталось попрежнему. Провинціальное самодурство властей ничуть не уменьшилось»... «Въ провинціи идетъ попрежнему никому не нужная травля кадетъ, какая-то всѣмъ надоѣвшая ловля бывшихъ революціонеровъ,

давно забывшихъ о своихъ прегрѣшеніяхъ, если таковыя были. Какая польза въ этомъ—никому неизвѣстно»...

Въ виду близости времени выборовъ, газеты открыли особые отдѣлы, гдѣ сосредоточиваютъ извѣстія о предвыборной кампаніи. Не знаемъ, читаютъ ли эти извѣстія иностранцы. Но если да, то полагаемъ, что они должны быть поставлены въ крайнее недоумѣніе. Дѣйствительно, если внимательно слѣдить за телеграммами и корреспонденціями о приготовленіяхъ къ предстоящимъ выборамъ и о намѣчаемыхъ кандидатахъ, то не только передъ иностранцами, но и передъ русскими не можетъ не возникнуть вопроса: какіе предстоятъ выборы,—въ Государственную ли Думу, или на нѣкій всероссійскій, точнѣе всеепархіальный, съѣздъ представителей православнаго духовенства? И разница между иностранцами и русскими будетъ только въ отвѣтѣ. Русскіе знаютъ, что готовятся выборы въ Думу; а иностранцы навѣрное бы сказали: «конечно, предстоитъ не то церковный соборъ, не то съѣздъ представителей духовенства».

«Работаетъ» духовенство вовсю. «Работаютъ» благочинные, соборные протоіереи, епархіальные преосвященные и также синодъ. И работа идетъ уже далеко не та, не въ томъ направленія и не съ тѣми задачами, какъ было при выборахъ въ третью Думу. Тогда духовныя власти принуждали городскихъ и сельскихъ батюшекъ голосовать за помѣщиковъ и за «истинно-русскихъ» черносотенцевъ всѣхъ классовъ. Тогда духовенство призывалось послужить своими голосами на пользу государственной реакціи вообще. Тогда епархіальные преосвященные «работали» въ полномъ единеніи съ губернаторами, а синодъ—съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Лозунгъ нынѣшней предвыборной кампаніи православнаго духовенства совершенно другой: свои собственные интересы. Духовенство познало силу, данную ему избирательнымъ закономъ 3 іюня, и отнюдь не намѣрено быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Оно ведетъ кампанію самостоятельно. Между губернаторами и архіереями кое-гдѣ уже произошелъ формальный разрывъ. Министерство озабочено, можно ли разсчитывать «на доброжелательное содѣйствіе епархіальнаго начальства».

На-дняхъ въ петербургскихъ газетахъ было напечатано слѣдующее оповѣщеніе, и повидимому заимствованное изъ освѣдомленнаго источника: «Св. синодомъ командируется чиновникъ особыхъ порученій для объѣзда предстоящимъ лѣтомъ епархій съ спеціальной миссіей: руководить ходомъ выборовъ въ Гос. Думу. Епархіальнымъ епископамъ дано знать, что желательно, чтобы они приняли горячее

участіе въ выборахъ, чтобы провести въ Думу, какъ можно больше стойкихъ защитниковъ церковныхъ интересовъ. Съ этой цѣлью лѣтомъ всѣми епископами будутъ созваны предвыборные съѣзды епархіальнаго духовенства. Нѣкоторые епископы на епархіальныя средства приступили къ изданію спеціальныхъ предвыборныхъ газетъ». Въ этомъ оповѣщеніи имѣются всѣ признаки того, что синодъ вовсе не предполагаетъ въ нынѣшнюю избирательную кампанію послушно отдать голоса священниковъ въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Съ другой стороны, корреспондентъ «Рѣчи» изъ Минска (№ 108) разсказывалъ прелюбопытную исторію о томъ, какъ кафедральный протоіерей Павскій, кандидатуру котораго въ Думу поддерживаетъ епископъ Михаилъ, получивъ для предвыборной агитаціи крупныя деньги, недавно, въ противовѣсъ предвыборной кампаніи губернатора, устроилъ у себя на квартирѣ совѣщаніе благочинныхъ епархіи, и на этомъ совѣщаніи призывалъ ихъ къ самому рѣшительному давленію на избирателей-крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; помимо предложенія разъяснять крестьянской массѣ съ церковной каѳедры «значеніе выборовъ», о. Павскій обязывалъ священниковъ собирать свѣдѣнія и справки о кандидатахъ, объ ихъ образѣ мыслей, объ ихъ отношеніи къ «жидамъ» и полякамъ, а также къ «провокаторамъ, измѣнникамъ и предателямъ русскаго дѣла въ краѣ изъ губернаторской партіи».

Правда, о. Павскій принадлежитъ къ тому типу священниковъ, представителей котораго не мало и въ третьей Думѣ и которые, занимая мѣста на крайней правой, ничѣмъ не отличаются отъ губернаторскихъ ставленниковъ. По словамъ корреспондента, на торжествѣ, устроенномъ соборнымъ ключаремъ, онъ говорилъ: «начнись въ Минскѣ погромъ, и мой булыжникъ будетъ брошенъ первымъ». Но фактъ предвыборнаго разрыва между нимъ и «губернаторской партіей» и изъ-за него между губернаторомъ и архіереемъ тѣмъ болѣе знаменателенъ. Въ четвертой Думѣ оо. Павскіе будутъ сознавать себя самостоятельными ставленниками вѣдомственно-церковныхъ интересовъ, а не зависимыми защитниками содѣйствовавшей ихъ избранію свѣтской власти. Въ думскихъ кругахъ—и въ правыхъ, и въ лѣвыхъ—ожидаютъ, что четвертая Дума будетъ насчитывать въ своей средѣ не менѣе 150 депутатовъ-священниковъ. Если такъ, то Россіи придется увидѣть, во всякомъ случаѣ, безпримѣрный въ исторіи парламентъ. А тѣ, въ чью пользу дѣлалась и дѣлается фальсификація выборовъ, получатъ урокъ и воочію узнаютъ, къ чему приводитъ фальсификація въ выборномъ дѣлѣ.

Со стороны правительства пока наблюдаются еще только первые

подготовительные шаги въ предстоящей выборной кампаніи. Въ общемъ, дѣятельность губернаторовъ сводится пока-что къ устраненію популярныхъ прогрессивныхъ кандидатовъ и къ борьбѣ съ лѣвыми газетами. Раскапываются старыя дѣла и изъ нихъ выуживаются совершенно нелѣпыя обвиненія. Выуживающіе сами, конечно, знаютъ ихъ нелѣпость, но не все ли равно, когда по закону достаточно одного привлеченія къ отвѣтственности, чтобы лишить «вреднаго» человѣка избирательныхъ правъ. Какъ новое средство борьбы съ лѣвыми газетами, тамбовскій губернаторъ г. Муратовъ предписываетъ волостнымъ правленіямъ ихъ по-просту «истреблять».

Онъ изобрѣлъ чрезвычайно остроумный способъ «легальнаго» истребленія газетъ и изложилъ его въ циркулярѣ, разосланномъ земскимъ начальникамъ и исправникамъ тамбовской губерніи. «Конфисковать и истреблять газеты,—пишетъ бывшій прокуроръ, а нынѣ губернаторъ,—попавшія въ волостныя правленія по адресу тѣхъ лицъ, которыя состоятъ дѣйствительно ихъ подписчиками, нельзя. Но, съ другой стороны, нельзя эту корреспонденцію и принимать. Всѣ газеты лѣваго направленія, разсылаемыя лицамъ, не состоящимъ ихъ подписчиками, надлежитъ истреблять. Я просилъ бы очень опросить священниковъ, фельдшеровъ, учителей, продавцовъ въ винныхъ лавкахъ, состоятъ ли они подписчиками «Биржевыхъ Вѣдомостей» и другихъ лѣвыхъ листковъ. Если они отвѣтятъ, что не состоятъ, то газеты, адресованныя имъ, подлежатъ истребленію. А если они отвѣтятъ утвердительно, то списки этихъ лицъ сообщить мнѣ, но газеты не конфисковывать и не истреблять». Особенно заслуживаютъ, полагаемъ, подражанія два послѣднія «если». Какъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ безошибочно вѣрно можно губернатору добиться желаемаго!

Нижегородскій губернаторъ, г. Хвостовъ, черезъ посредство губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе,—этой умѣло задуманной и исключительно удачно организованной въ 1890 г. мѣстной коллегіи «смѣшаннаго» состава,—лишилъ избирательныхъ правъ А. А. Савельева и Г. Р. Килевейна. А. А. Савельевъ былъ членомъ Думы перваго и второго созывовъ и состоитъ членомъ третьей Думы. Г. Р. Килевейнъ—тоже членъ третьей Думы. Оба они принадлежатъ въ Думѣ къ оппозиціи, оба—талантливые работники и имѣли всѣ шансы быть снова избранными. Отсюда понятно желаніе г. Хвостова ихъ отъ выборовъ устранить; а, чтобы найти способъ,—на то онъ и «энергичный» губернаторъ, пріобрѣвшій всероссійскую извѣстность.

А. А. Савельевъ въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій былъ пред-

сѣдателемъ губернской земской управы, а Г. Р. Килевейнъ—членомъ той же управы. Въ каждой губернской земской управѣ сосредоточено очень сложное хозяйство, и на каждой управѣ лежитъ завѣдываніе многими, весьма дробными капиталами земства. Эти два факта въ связи съ третьимъ,—съ такой конструкціей въ нашемъ законѣ понятій превышеніе и бездѣйствіе власти, при которой всякое должностное лицо, имѣющее на рукахъ большое хозяйство, можетъ быть ежедневно если не изобличено, то заподозрѣно или въ превышеніи власти, или въ бездѣйствіи,—дали г. Хвостову полную возможность создать о гг. Савельевѣ и Килевейнѣ «дѣло». Что въ томъ, что уже прошло пять лѣтъ со времени, какъ они сдали свои должности. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ они, во-первыхъ, были подъ охраной депутатской неприкосновенности, а, во-вторыхъ, въ возбужденіи о нихъ «дѣла» не было надобности,—и оно не создавалось. Теперь «дѣло» понадобилось,—и оно явилось. Явилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда до выборовъ уже стало невозможнымъ его обслѣдовать въ судебномъ порядкѣ и прекратить. А пройдутъ выборы, и оно для г. Хвостова станетъ опять ненужнымъ. Пострадаютъ только интересы А. А. Савельева, Г. Р. Килевейна и большинства нижегородскихъ избирателей. Но умѣстно ли губернатору считаться съ избирателями, желаніе которыхъ видѣть своими представителями въ Думѣ кадетовъ? А бросить обвиненіе почтеннымъ и заслуженнымъ общественнымъ дѣятелямъ, хотя бы обвиненіе завѣдомо и явно несостоятельное, развѣ это не заслуга, если они—кадеты?

Изъ предвыборныхъ мѣропріятій, исходящихъ отъ центральной власти, особеннаго вниманія заслуживаетъ опросъ исправниковъ, производимый губернаторами «по порученію министра внутреннихъ дѣлъ». Въ этомъ опросѣ есть совершенно откровенные вопросные пункты, напримѣръ: «въ какой мѣрѣ можно вообще ожидать благопріятныхъ результатовъ выборовъ въ Гос. Думу и не предвидится ли опасеніе, что въ члены Думы могутъ быть избраны лѣвые; приняты ли вами уже или только намѣчены какія-либо мѣры, и какія именно, къ обезпеченію благопріятныхъ результатовъ выборовъ на различныхъ ихъ ступеняхъ и въ конечномъ ихъ исходѣ и, въ частности, мѣры для обезпеченія избранія въ уполномоченные отъ волостей вполнѣ благонадежныхъ и не принадлежащихъ къ лѣвымъ крестьянъ-домохозяевъ и для избранія такихъ же выборщиковъ изъ среды уполномоченныхъ; могутъ ли землевладѣльцы-полноцензовики разсчитывать на поддержку ихъ въ избирательныхъ съѣздахъ со стороны уполномоченныхъ отъ сельскаго духовенства, или настоятели церквей въ общемъ враждебно настроены къ помѣщикамъ и

будутъ голосовать за лѣвыхъ кандидатовъ; въ послѣднемъ случаѣ, какія мѣры вы признавали бы необходимымъ принять въ предотвращеніе нежелательныхъ послѣдствій»?

Среди огорченій, которыя «обновленный» строй причиняетъ министрамъ и губернаторамъ, едва ли не первое мѣсто занимаетъ то, что стало почти невозможнымъ укрывать отъ любопытства печати не для публики составляемые документы. Попалъ въ газеты циркуляръ тамбовскаго губернатора объ истребленіи «лѣвыхъ листковъ»; также попали и вопросные пункты, разосланные «по порученію министра внутреннихъ дѣлъ». И, на основаніи ихъ, трудовая группа Государственной Думы внесла запросъ съ довольно-таки непріятной ссылкой на ст. 328[1] улож. о наказ., которая караетъ тюремнымъ заключеніемъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ «служащихъ въ правительственномъ установленіи», виновныхъ въ воспрепятствованіи избирателю «свободно осуществлять право выборовъ», когда дѣяніе совершено «при исполненіи служебныхъ обязанностей по наблюденію за правильностью выборовъ». Дума приняла запросъ 12 апрѣля и, хотя передала его въ комиссію, назначила комиссіи для представленія доклада недѣльный срокъ. Но, конечно, отвѣчать правительству на запросъ не придется. Комиссія уже испросила продленіе срока; а тамъ—нужно будетъ еще поставить на повѣстку, послать запросъ министру, ждать истеченія мѣсяца, опять внести въ порядокъ дня,—словомъ, гораздо раньше Дума услышитъ указъ о роспускѣ, чѣмъ отвѣтъ на запросъ по поводу мѣръ для обезпеченія «благопріятныхъ» результатовъ выборовъ. Впрочемъ, если бы правительству и пришлось отвѣтить,—не все ли равно? Неужели оно, столь просто справившись съ запросомъ о ленскомъ разстрѣлѣ, затруднится найти соотвѣтственную аргументацію въ такомъ пустомъ дѣлѣ—аргументацію совершенно достаточную для аплодисментовъ съ правыхъ скамей? «Такъ было» въ теченіе пяти лѣтъ въ третьей Думѣ и еще пока—такъ есть. Такъ ли будетъ—въ четвертой?..

На служеніе общественному дѣлу покойный Иванъ Ассигкритовичъ Корсаковъ отдавалъ себя въ Петербургѣ, въ Тверской губерніи и въ Новгородской. Въ Петербургѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ присяжный повѣренный и какъ земецъ, двери квартиры котораго въ доконституціонное время часто раскрывались для всевозможныхъ земскихъ совѣщаній. Въ его же квартирѣ происходило первое засѣданіе ноябрьскаго земскаго съѣзда 1904 года. Родной братъ умершаго немногими годами раньше, Павла Ассигкритовича Корсакова, И. А. былъ вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе долгаго времени

губернскимъ гласнымъ Тверской губ. Кромѣ того, онъ былъ губернскимъ же гласнымъ и въ Новгородской губ. и отъ нея—членомъ первой Думы. Рѣдко выступавшій, какъ ораторъ, И. А. представлялъ собою и въ Думѣ, и въ земскихъ собраніяхъ крупную рабочую силу.

Въ лицѣ Петра Тимофѣевича Садовскаго сошелъ въ могилу выдающійся профессоръ-гинекологъ, популярный врачъ и чрезвычайно отзывчивый на общественныя начинанія человѣкъ. П. Т. занималъ каѳедру въ женскомъ медицинскомъ институтѣ и пользовался особеннымъ уваженіемъ слушательницъ, которыя рѣшили увѣковѣчить его имя учрежденіемъ особой стипендіи. Умеръ П. Т. въ разсцвѣтѣ силъ, когда бы ему только жить и работать.

Музейный фонд
Московской обл. библиотеки

Издатель М. М. Ковалевскій. Врем. Ред. А. Посниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ.—МАЙ.

СТРАН.

I. ТРИ ДНЯ.—(Окончаніе).—**М. Горькаго** 3

II. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ ЗАИМСТВОВАНІЯ И ПРИСПОСОВЛЕНІЯ.—**Максима Ковалевскаго.** 47

III. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА.—**Владиміра Беренштама** 73

IV. ГОЛОДНАЯ ДЕРЕВНЯ.—**Тана.** 86

V. МЕЛОДІЯ.—Стихотвореніе. — **Н. Минскаго** 115

VI. СМЕРТЬ ХЕРУВИМЧИКА.—(Разсказъ).—**О. Миртова.** 117

VII. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ М. А. БАЛАКИРЕВА СЪ П. И. ЧАЙКОВСКИМЪ.—(Съ предисловіемъ и примѣчаніями **С. Ляпунова**). 139

VIII. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ БИБЛЕЙСКОЙ КРИТИКИ.—**Д. С. Пасманика** . . 159

IX. ЛИЦЕЙСКАЯ СТАРИНА.—(Д. Ѳ. Кобеко, «Императорскій Царскосельскій Лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843»).—**Нестора Котляревскаго** 181

X. ЗНАМЕНИТЫЙ СКУЛЬПТОРЪ.—**Дим. Крачковскаго.** 193

XI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Филарета Чернова** 240

XII. НА СНѢЖНОЙ ВЕРШИНѢ. (Der Wetterwart). — (Окончаніе). — Романъ І. Ц. Геера.—Переводъ съ нѣмецкаго **З. Журавской** . . 241

XIII. Хроника.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—(Наша сахарная промышленность и брюссельская конвенція).—**Л. Юровскаго** 295

XIV. СЪ БЕРЕГОВЪ БОСФОРА.—(Письмо изъ Константинополя).—**А. Тырковой** 303

XV. ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ИВАНЮКОВЪ.—(Опытъ характеристики).—**Максима Ковалевскаго.** 320

XVI. ПО ПОВОДУ ДВУХЪ НОВЫХЪ ТОМОВЪ «ИСТОРІИ ЕВРОПЫ» АЛЬФРЕДА ШТЕРНА.—**Н. Карѣева.** 339

XVII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЛАВИССА.—**Л. Слонимскаго** 344

XVIII. ЗАМѢТКИ ЖИТЕЛЯ.—«Спасители отечества» и печать.—Споръ о народѣ.—«Братцы-мужички» и «дѣльные» земскіе начальники.—Поднятіе интенсивности приказчичьяго труда.—Лидеры націоналисты.—Маленькій уютный домикъ.—Синодъ, Парижъ, Консисторія, Кулябко, два мужа и одна жена.—Рѣдкій губернаторъ.—Уживчивый квартирантъ.—Студенты-академисты.—**Евгенія Чирикова** 349

XIX. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—Замѣтки о театрѣ.—**С. Адріанова** . . . 362

XX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. **Ч. В—скій.**—Э. Дюркгеймъ. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Пер. съ франц. А. Ильинскаго, подъ ред. В. Ба-

зарова; съ предисловіемъ и библіогр. указателемъ русской литературы о самоубійствѣ д-ра Г. Гордона.—**П. Юшкевича.**—D-r H. Iordan. Die Lebenserscheinungen und der Naturphilosophische Monismus.—Л. Мамлокъ. Стереохимія. Ученіе о пространственномъ расположеніи атомовъ въ молекулѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Съ 58 рис. въ текстѣ.—**А. Щ.**—Atlas de Finlande 1910. Helsingfors. 1911. Fennia 30. Bulltin de la Société de Geographie de Finlande. Atlas de Finlande, 1910. Texte. I. Nature. II. Population et Civilisation Helsingfors. 1911.—Х. М. Лебедь-Юрчикъ. Распредѣленіе дохода и оплата труда въ сахарной промышленности.—Ив. Шмелевъ. Разсказы т. II.—Верхоустинскій. Разсказы т. I. Изд. Т-ва писателей.—**Е. Колтоновская.**—Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого. Собралъ П. А. Сергѣенко. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Съ 10-ю портретами и многими автографами.—**Ч. В—скій.**—Образцовый каталогъ книгъ по вопросамъ мѣстнаго самоуправленія. Вып. II. Городскія библіотеки. Изд. редакціи журнала «Городское Дѣло», составилъ Б. Б. Веселовскій.—**К. П.**—Новыя книги и брошюры. 372

XXI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Трагедія Ленскихъ пріисковъ. — Двѣ стихіи, поглотившія «Титаника» и ленскихъ рабочихъ.—Тяжелыя условія труда и жизни ленскихъ рабочихъ.—Мирное теченіе экономической забастовки.—Жесткая неподатливость Ленскаго товарищества.—Ротмистръ Трещенковъ и призраки «политики».—«Такъ жить нельзя».—**И. Жилкина.** 391

XXII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Бомбардировка Дарданеллъ и ея послѣдствія.—Новые военные законопроекты въ германскомъ сеймѣ.—Думская рѣчь С. Д. Сазонова объ иностранной политикѣ.—Французскія дѣла.—Гибель «Титаника». 401

XXIII. ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ.—(Некрологъ).—**К. А. Тимирязева** 414

XXIV. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—«Такъ было и такъ будетъ!»—разъясненія А. А. Макарова по запросамъ о ленской трагедіи.—«Охранный» уголъ зрѣнія.—«Охранное» обозначеніе границъ экономической и политической стачки рабочихъ.—Н. А. Хомяковъ объ итогахъ дѣятельности третьей Думы.—Эпизоды предвыборной кампаніи.—Мѣры обезпеченія «благопріятныхъ» выборныхъ результатовъ со стороны духовенства, губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ.—И. А. Корсаковъ и П. Т. Садовскій † 419

XXV. ИЗВѢЩЕНІЕ. 438

XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 449

XXVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Отъ Предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА.

Воздушный флотъ Россіи долженъ быть сильнѣе воздушныхъ флотовъ нашихъ сосѣдей. Это слѣдуетъ помнить каждому, кому дорога военная мощь нашей родины.

Два года тому назадъ Я обращался съ воззваніемъ, прося жертвовать на созданіе воздушнаго флота.

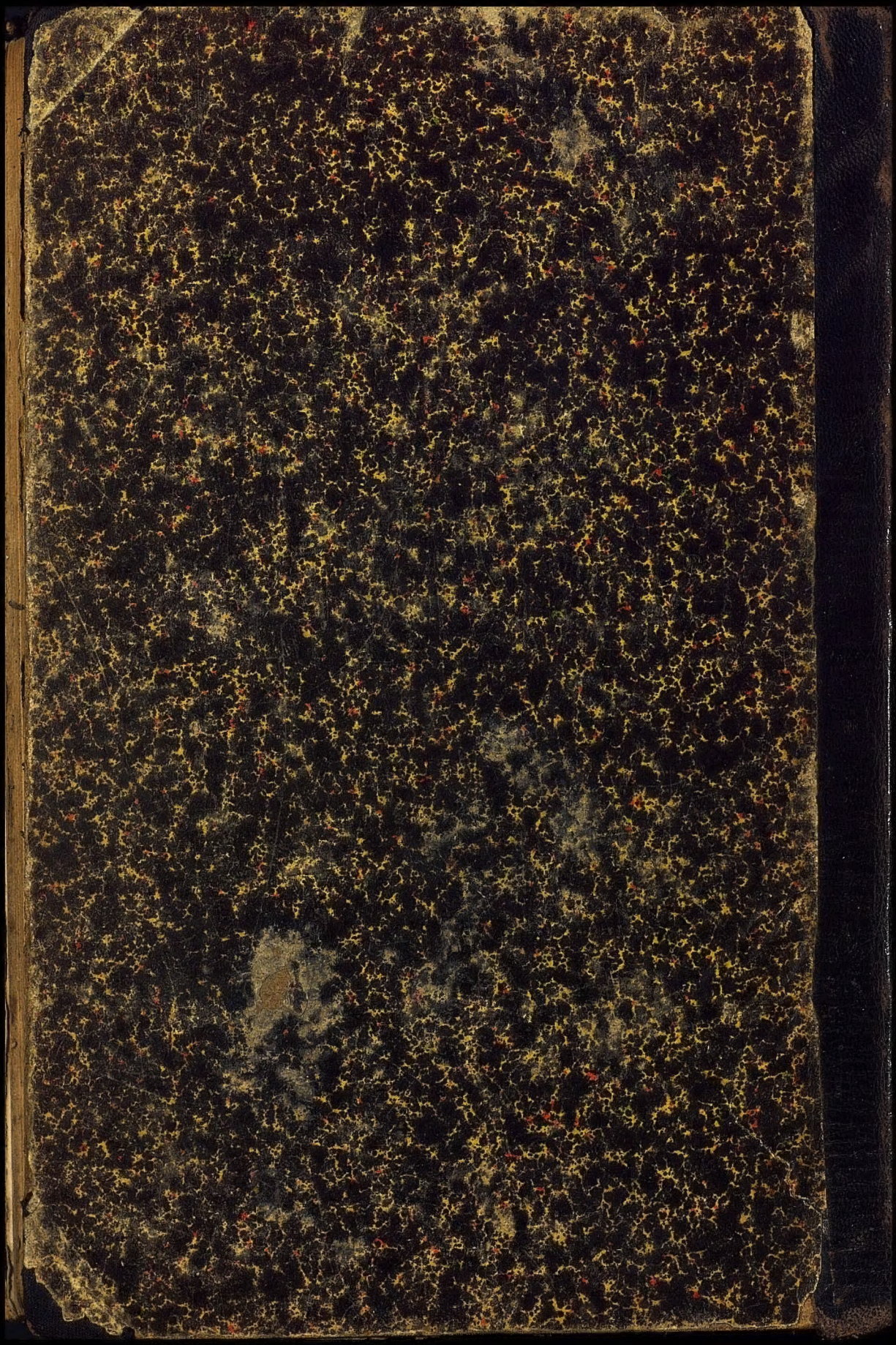
За это время пожертвованій поступило 226.923 рубля; кромѣ того, на созданіе воздушнаго флота, согласно волѣ жертвователей, были обращены 880.000 рублей, оставшіеся отъ суммъ, пожертвованныхъ во время Русско-Японской войны на усиленіе морского флота.

Отдѣлъ воздушнаго флота Высочайше учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота Россіи на добровольныя пожертвованія поставилъ первой своей задачей образованіе корпуса военныхъ летчиковъ, и съ этой цѣлью была основана офицерская школа авіаціи въ Севастополѣ.

Въ ноябрѣ 1910 года школа открыла свои дѣйствія и въ августѣ 1911 года уже имѣла возможность командировать 19 самолетовъ и 20 летчиковъ на маневры С.-Петербургскаго, Варшавскаго и Кіевскаго военныхъ округовъ. Въ ноябрѣ 1911 года состоялся выпускъ первыхъ летчиковъ въ числѣ 30 человѣкъ. Составъ школы, имѣвшей въ ноябрѣ 1910 года 18 офицеровъ и 20 нижнихъ чиновъ при 6 самолетахъ, къ апрѣлю текущаго года увеличился до 102 офицеровъ и 200 нижнихъ чиновъ при 55 самолетахъ. Въ настоящее время, въ виду пріобрѣтенія новыхъ быстроходныхъ самолетовъ, часть офицерской школы авіаціи переведена на рѣку Качу, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Севастополя, и къ зимѣ текущаго года вся школа перейдетъ на новое мѣсто. Къ концу года школа предполагаетъ выпустить до 100 военныхъ летчика. За 2 года было пріобрѣтено заграницей и построено въ Россіи всего 77 самолетовъ. Такимъ образомъ Отдѣлъ воздушнаго флота по мѣрѣ силъ и средствъ дѣлаетъ все, что возможно, но потребность военныхъ летчиковъ во много разъ превышаетъ то число, которое школа можетъ подготовить. Доблестный духъ нашей арміи и беззавѣтная храбрость ея офицеровъ сказываются въ томъ, что число желающихъ поступить въ школу превышаетъ 1200 человѣкъ.

Франція, Италія и наши сосѣди, придя къ заключенію, что самолеты необходимы арміи, какъ развѣдчики и какъ орудіе пораженія непріятеля сверху, не жалѣютъ государственныхъ средствъ на созданіе воздушнаго флота. Одновременно въ этихъ странахъ собираются для этой цѣли крупныя суммы путемъ частныхъ пожертвованій; въ Германіи для сбора пожертвованій образованъ воздухоплавательный комитетъ подъ предсѣдательствомъ брата Императора.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы не приложимъ всѣхъ усилій на развитіе уже начатаго,—мы потеряемъ то мѣсто (второе въ мірѣ), которое въ отношеніи воздушнаго флота занимаемъ теперь, и отстанемъ отъ нашихъ сосѣдей. Опасность положенія ясна, допустить этого нельзя, и Я снова считаю долгомъ обратиться съ призывомъ о пожертвованіяхъ на воздушный флотъ.

Предсѣдатель Отдѣла воздушнаго флота
Великій Князь Александръ Михаиловичъ.

Пожертвованія принимаются въ Конторѣ Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича, С.-Петербургъ, Офицерская, 35.